
Эльза Баскаева
ПЕПЕЛ БЕСЛАНА
СТУЧИТ В НАШИ СЕРДЦА

Эльза Баскаева

ПЕПЕЛ БЕСЛАНА

СТУЧИТ В НАШИ СЕРДЦА

Владикавказ 2012

Баскаева Э. *Пепел Беслана стучит в наши сердца*. Издание второе, дополненное и доработанное. Владикавказ, 2012. — 656 с.

«Пепел Клааса стучит в мое сердце», — говорил Тиль Уленшпигель. Пепел Беслана стучит в наши сердца как напоминание о теракте, унесшем 334 жизни. Как напоминание о том, что, пока в мире существует терроризм, беда может постучаться в каждый дом, на каком бы континенте он ни находился.

«Мы — как привидения, — сказала одна из бывших заложниц школы №1 города Беслана. — Потому что вернулись с того света».

Эта книга — о бывших заложниках, о том, что им пришлось пережить за три дня, проведенные в спортзале, и о том, как сентябрьский теракт изменил судьбу каждого из них.

Автор выражает благодарность *Касполату РАМОНОВУ,*
главному смотрителю мемориального кладбища жертв теракта
«Город ангелов», а также коллективу издательства Северо-Осетинского
института гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева, *Алле ЦОПАНОВОЙ* и *Анжеле ЧЕРНОЙ* за помощь
в издании книги

В книге использованы фотоматериалы Д. Белякова, К. Завражина, А. Королькова, В. Никешина, В. Сварцевича, Ю. Тутова, а также фотографии из личных архивов бывших заложников, фото, предоставленные комитетом «Матери Беслана», музеем школы по улице Коминтерна в Беслане, продюсерским центром «Зебра» и Фатимой Аликовой.

Книга не предназначена для продажи.

© Баскаева Э., 2012
Пепел Беслана стучит в наши сердца

О КНИГЕ

«Эта книга о тех, кто пережил и выжил. И тем, кто навечно остался в спортзале, посвящается» – написала Эльза Баскаева в предисловии.

Строки «От автора» — посвящение героям книги, сохранившим человеческое достоинство и гуманизм, когда они оказались в аду, сотворенном на их родной земле противоборствующими силами зла. По коварному замыслу этих сил невинные дети, их родные, учителя, знакомые и незнакомые, но ставшие близкими люди, оказались заложниками. Цена их освобождения, — так рассчитывали террористы, — разрешение затянувшегося конфликта, в котором месть использовалась в качестве самого жестокого оружия.

Книга обжигает, от неё невозможно оторваться с того момента, как она попадает в руки.

Собрав свидетельства людей, на чью долю выпали жестокие пытки, когда на их глазах истязали и убивали любимых и близких, усугублявшиеся тем, что перед многими из них стоял нечеловеческий выбор, кого из своих детей спасать, Эльза Баскаева предъявляет обществу, допустившему возможность чудовищной трагедии, документ, достоверность которого не вызывает сомнения. Эпизоды бескорыстия, взаимопомощи, самопожертвования воспроизводятся различными повествователями. Заложники почти не акцентируют внимание на боли физической. Они редко говорят о собственной боли, а повествуют о страданиях тех, кто попадал в их поле зрения, оказался в непосредственной близости, особенно людей, которым они не сумели помочь, когда, — так им кажется, — могли это сделать.

Читатель словно видит место действия через объектив не одной, а нескольких камер. И почти всегда человек, оказавшийся в кадре, рассказывает не о себе, а о тех, кому выживший выражает благодарность, нередко посмертную...

Тональность книги Эльзы Баскаевой не пафосная, а скорее приглушенная. Автор избегает естественного в описываемой ситуации слова «героизм», хотя примеров воистину героического поведения детей и взрослых более чем достаточно. Читатель, решившийся прочесть серию пересказанных Эльзой Баскаевой монологов, уже знает, что произошло в Беслане в первые дни сентября 2004 года. Но не всякий читатель подозревает о своей причастности к тому, о чем он услышит от детей и взрослых, вернувшихся из ада.

Мы все ответственны за то, что не можем хранить мир и согласие на своей земле. Мы позволяем разбудить в человеке зверя, который требует от нас принести в жертву своих детей. Кажется, автор хочет напомнить предостережение Юлиуса Фучика: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!», но побеждает не менее значимое заглавие «Пепел Беслана стучит в наши сердца». И все-таки, прочитавший книгу Эльзы Баскаевой изменит свое отношение к жизни и смерти, задумается о природе добра и зла, поймет ценность того, что казалось естественным и привычным, найдет в себе силы ПОНЯТЬ И ПРОСТИТЬ, КОГДА ТРАГИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЗЫВАЕТ К ОТМЩЕНИЮ.

Анна Аркадьевна ШАРОГРАДСКАЯ, ректор Института региональной прессы (Санкт-Петербург).

ОТ АВТОРА

Четвертого сентября 2004 года над мертвым Бесланом взошло солнце. Но свет его казался тусклым и зловещим. Он освещал улицы, на которых не было ни машин, ни людей, ни животных. Мертвая тишина была и на площади возле Дворца культуры. Еще вчера тысячи людей, сотни журналистов со всех концов мира стояли здесь в ожидании развязки событий в первой школе. Теперь толпа схлынула, как океанское цунами, оставив после себя запах смерти.

Вчера была война. В мирный полдень в школе рвались снаряды и умирали дети. Потом всю ночь под проливным дождем родные и близкие заложников ездили по больницам и моргам, разыскивая их. И мало кто знал, что те, кого они не находят, лежат, обугленные, в сгоревшем спортзале оцепленной школы.

Утром спасатели МЧС приступили к расчистке спортзала. Останки складывали в черные пластиковые пакеты и выносили во двор.

Тишину над городом рвали долгие рыдающие гудки электровозов: машинисты поездов, проходивших мимо школы, видели то, чего не могли видеть жители Беслана.

Еще долгие месяцы эта кладбищенская тишина не покидала город, который казался сумеречным даже в самые ясные дни. Не слышно было голосов детей — дети в Беслане разучились играть и смеяться. Из мертвого города ушли собаки, в нем не пели по утрам петухи. И много было женщин в черных одеждах со скорбными лицами и пустыми глазами.

Юный Тиль Уленшпигель, отца которого сожгла на костре испанская инквизиция, носил в мешочке на груди частицу его пепла. Всякий раз перед ответственным шагом он повторял: «Пепел Клааса стучит в мое сердце».

Пепел Беслана стучит в сердце каждого из нас. Как память о погибших и страданиях тех, кто остался в живых.

«Мы вернулись с того света», — сказала одна из бывших заложниц.

Эта книга о тех, кто пережил и выжил.

И тем, кто навечно остался в спортзале, посвящается.

Ирина ПХАЛАГОВА

Ирина

В начале 1992 года у Ирины Пхалаговой тяжело заболела мама. Врачи затруднялись поставить диагноз, больной становилось все хуже. И тогда, по совету кого-то из знакомых, к ней привезли из Минвод женщи- ну-экстрасенса.

— Что расположено на этой улице? По ней кровь будет течь рекой, — сказала она как-то в разговоре.

Ирина не придала значения ее словам. Исполнились слова провидицы двенадцать лет спустя, в сентябре 2004 года.

Уютный двухэтажный дом на двух хозяев, в одной половине которого живут Пхалаговы, в другой — Шотаевы, смотрит окнами на школьный двор.

Со второго этажа Ирине хорошо видно все, что в нем происходит. Их дом — на пересечении переулка Школьного и улицы Батагова, которая узким «черным ходом» соединяется с центром города.

Два людских потока, сливаясь под их окнами в один, устремляются через небольшие ворота во двор школы, растекаясь в нем морем нарядно одетых детей и взрослых.

Внимание Ирины привлекла незнакомая молодая женщина с огромной связкой шаров. Женщина была одна. Где же ее дети?

Объятия, возгласы, море цветов и музыка, волнующая и зазывная. Ирина почувствовала вдруг непреодолимое желание быть там, среди знакомых, где все так радостны и счастливы.

С первого сентября у нее отпуск. Но ей поручено представлять администрацию района, где она работает, в третьей школе. Здесь, в первой, мероприятие перенесено на девять, во всех остальных оно начнется в десять. Она успеет побывать и здесь, и в третьей.

Ирина взяла трубку и стала набирать номер мобильного телефона своей сотрудницы, с которой они собирались встретиться в первой школе. Внимание ее привлекли четверо военных с автоматами, которые шли через

школьный двор в направлении их дома. Взрослые и дети стали вести

себя как-то странно: одни побежали сюда, на улицу, другие остались стоять на месте, третьи медленно пошли в сторону спортзала.

Что происходит?

Ира подошла ближе к окну и отодвинула штору. У гаражей, на земле, среди бегущих, лежал человек. Он пытался подняться, но это ему не удавалось. Отсюда, сверху, она не могла разглядеть, взрослый это или ребенок.

Никто из тех, кто бежал мимо, не останавливался.

Ему надо помочь!

Ирина сбежала вниз, открыла входную дверь, вышла на улицу и направилась в сторону гаражей. Она сделала несколько шагов и оглянулась на окрик человека с автоматом.

— Иди туда, — сказал он, показав в сторону школы.

К мужчине подбежала соседка Ирины Алета Сабанова с поднятыми вверх руками и о чем-то спросила.

Только теперь Ирина осознала опасность, которая исходила от человека с оружием. Она бросилась к двери своего дома, и, вбежав в прихожую, захлопнула за собой дверь.

Вслед ударила автоматная очередь.

Закрыв на замок входную дверь и ту, что вела из прихожей в коридор, она побежала на второй этаж. Подошла к окну и осторожно отодвинула штору.

Дети и взрослые в школьном дворе медленно шли в сторону спортзала. Замыкала это скорбное шествие директор школы Лидия Александровна Цалиева.

Первоклассники

Так начинался каждый учебный год (фото из школьного архива). У стола — Елена Сулетдиновна Касумова, рядом с ней — директор Лидия Александровна Цалиева

У гаражей на земле уже никого не было.

Со стороны школы по дому открыли огонь. Ирина упала на пол и переползла в смежную комнату.

Теперь она стояла в дверном проеме, далеко от окна, уверенная, что ее не видно. Но пули снова ударили в стенку за ее спиной.

Ирина сбежала на первый этаж.

В доме она была одна. Брат рано утром уехал на работу.

Ей стало страшно.

Она позвонила в администрацию района. Один номер, второй, третий — никто не отвечает. Наконец трубку поднял один из сотрудников.

— Здесь стреляют, — сказала она. — Но что происходит — не знаю.

— Школу захватили террористы.

— Какие террористы?

Связь оборвалась.

Она позвонила сестре: «Мне страшно».

— Спрячься в подвале, — посоветовала та.

Ирина спустилась в подвал, но там было еще страшнее.

Она вернулась и снова посмотрела в окно второго этажа: пятеро террористов стояли теперь под деревом почти у школьных ворот, напротив их дома. Куртки бросили на траву, оставшись в черных футболках и

камуфлированных брюках. Встав в кружок, о чем-то спокойно беседуют, как люди, которые завершили работу и теперь могут передохнуть.

От мысли, что они у порога ее дома и могут войти в любую минуту, Ирине стало жутко. Она спустилась вниз, на первый этаж, в кухню.

Дом Пхалаговых.
Вид из школьного двора

Через некоторое время мимо дома со стороны школы пробежал мужчина, который страшным голосом кричал по-осетински: «Где вы прячетесь, дети гибнут!».

Потом кто-то переговаривался с террористами через рупор.

Их двухэтажный дом — как маленькая крепость. Небольшой дворик за домом обнесен высоким каменным забором. И забраться в дом, и выбраться из него почти невозможно.

Ирина затаилась в кухне. Если выключить свет, в ней совсем темно.

Из прихожей послышался звон разбитого стекла. Было слышно, как кто-то осторожно вынимает из рамы осколки стекла. Потом в окно, расположенное рядом с входной дверью, влез мужчина в белой сорочке. Он не мог видеть Ирину — между ними были еще одно окно и вторая закрытая дверь.

Теперь человек возился с этим окном и пытался открыть вторую дверь, ведущую в коридор рядом с кухней.

Кто он? Свой или из тех? Почему он в белой сорочке?

Ей хотелось окликнуть его, но она сдержала себя: их дом — почти в школьном дворе. Чужого бы террористы не подпустили.

Мужчина, повозившись с дверью, выбрался обратно в окно. А через минуту по фасаду дома выстрелили из гранатомета. Здание содрогнулось до самого основания. Ирина в ужасе выбежала на задний дворик и забарабанила в калитку, ведущую к соседям. Ей открыл Цара Шотаев. Он был дома с двухлетним внуком. Его жена Тамара уехала к больной матери, которая жила в Красноярском крае. Сыновья были на работе.

У Шотаевых работал телевизор, и Ирина, находясь в эпицентре событий, только теперь узнала о том, что происходило в школе.

Цара сказал, что среди заложников — его дочь Альбина и внучка, второклассница Зарина.

«Вернусь минут через пятнадцать и поеду на работу», — сказала Альбина отцу, уходя утром в школу. — А ты побудь с Гошей (так в семье называли маленького Георгия).

Мальчик не хотел оставаться с дедом.

— Взять его, что ли? — задумалась Альбина.

— Не надо. Мы всё увидим из окна, — сказал Цара.

Этим он спас внука.

Шотаевым позвонил Руслан Тебиев. Он сказал, что его зятя Руслана Фраева застрелили в первые минуты захвата у самых ворот школы.

— Посмотрите, — попросил он, — может, он лежит недалеко от вашего дома и ему еще можно помочь?

Ирина осторожно выглянула в окно. Перед домом — никого. (Руслана Фраева застрелили у ворот, выходивших в сторону железной дороги).

Возле школьной ограды стояло около двадцати легковых машин. В одной из них, как узнала потом Ира, во время захвата заложников остался водитель Казбек Самаев. Соседи Ирины, Шавлоховы, заметив Казбека, открыли калитку и помогли ему незаметно перебраться в их двор.

Ирина с маленьким Гошей вышла на задний дворик. «Ира, — услышала она голос соседа Аслана Шавлохова, — мы пытаемся пробить стену, чтобы вы перешли к нам. Но кладка прочная, ничего не получается».

Через высокую ограду с другой стороны перебирался мужчина в камуфляже. Испуганная Ирина, схватив ребенка, побежала в дом.

— Не бойся! — крикнул мужчина. — Стремянка есть?

К вечеру их эвакуировали. Дом заняли спецназовцы.

Вечером третьего сентября Ирина в сопровождении милиционера из оцепления возвращалась домой, чтобы забрать кое-какие вещи. Территория, примыкавшая к школе, была пустынна. Переулок Школьный, всегда безмятежно-спокойный, теперь был пустынно мертв. Все в нем было серого цвета, словно его посыпали пеплом. Серой казалась даже листва на деревьях.

Из школы еще слышалась стрельба.

— Почему у вас нет воды? — спросил Ирину один из спецназовцев, которые были в доме. — Нам пришлось поить заложников вашими компотами.

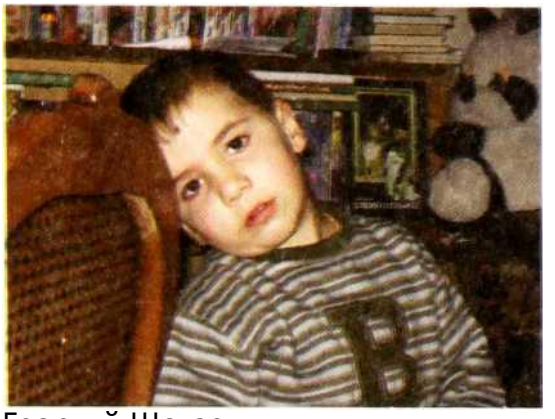
Только теперь Ирина вспомнила, что брат вечером тридцать первого августа ремонтировал трубу в ванной и перекрыл воду.

Она открыла вентиль, показала, где лежат продукты, и в сопровождении того же милиционера вернулась за кольцо оцепления.

Ночью была гроза, лил дождь, раскаты грома заглушали звуки выстрелов.

В нескольких шагах от дома Ирины, в спортзале, на котором уже не было крыши, дождевая вода заливала обугленные тела тех, кто три дня умирал от жажды.

Пятого сентября Ирина наконец вернулась домой.



Георгий Шотаев

В ванной комнате, на полу, лежали брюки, в кармане которых она обнаружила связку ключей и нательный крестик. Рядом — окровавленные туфли, которые, судя по размеру, принадлежали подростку.

Ирина выстирала брюки, вымыла туфли и дала объявление в газету.

Через несколько дней за ключами пришли Руслан Персаев и двое его сыновей, Алан и Сослан.

Руслан, казалось, еще не до конца верил своему счастью: оба его сына были в заложниках и оба вышли из школы живыми. Он все три дня находился в оцеплении, а третьего сентября, после взрывов, выносил из зала детей. На его руках умер мальчик; ему показалось, что это его младший сын. Передав ребенка дальше по цепочке, он вернулся в школу.

Соседи Ирины, Шотаевы, хоронили Альбину и Зарину. Их тела опознала в морге сама Тамара: внучку — по роскошным, хотя и обгоревшим, волосам, а дочь — по ногам.

Маленький Гоша спрашивал: «И теперьуменя никогда не будет мамы?». И плакал: «Хочу маму и Зайку!».

Мимо дома Пхалаговых в школьный двор снова потекла людская река.

Но теперь это были не веселые и говорливые стайки школьников. Тысячи людей в скорбном молчании нескончаемой похоронной процессией шли в сгоревший спортзал.

Не переставая, лил дождь, редкий для начала сентября.

Ирина со страхом вошла в школьный двор. На том же месте, что и первого сентября, стояли стол ведущего и музыкальная аппаратура. Рядом на стуле под холодным осенним дождем

Ирина

мокла дорогая заказная осетинская гармоника. У стола, на котором лежали пустые гильзы из-под снарядов, толпились мужчины.

Прах с пола спортзала собирали, по всей вероятности, фанерными лопатами для чистки снега — четко виднелись их широкие следы и узкие черные полоски между ними.

Дождь размывал эти полосы, образуя на полу черные лужи.

На подоконниках, среди цветов — одежда и обувь, крошечный окровавленный лифчик, игрушки и разорванные книги. Пол обгорел только местами — там, где во время пожара не лежали тела погибших.

Женщина в черном билась головой о закопченную и изрытую осколками стену.

Плач не утихал в школе еще много месяцев — тысячи людей, как личную трагедию, восприняли боль Беслана.

А однажды милиционеры, которые по ночам дежурили в школьном дворе, перенесли свой пост к воротам: прошел слух, что по ночам из спортзала слышится женский плач.

Священник отслужил панихиду, жители города совершили крестный ход вокруг школы, и ночные стенания прекратились.

Пепел спортзала

Алета САБАНОВА

Несколько месяцев Алету Сабанову преследовало видение: на потолке спальни копошится масса огромных черных пауков. Она вскакивала в ужасе, включала свет — потолок сиял белизной.

Потом случилась беда с младшей сестрой Плитой — врачи обнаружили у нее опухоль. Весь август Алета пробыла с ней в Ростове, в онкологической клинике. Вернулась домой за три дня до первого сентября.

В спешке готовила школьную форму для своих девочек — крахмалила белые фартуки, пришивала воротнички. Старшая, Санета, шла в четвертый, младшая, Амина, — во второй класс.

Собирался в школу и свекор Алеты — Таркан Габулиевич Сабанов, который двадцать семь лет проработал в ней директором. Он не только завершил строительство школьного здания, которое начали возводить еще до войны, но и пристроил к нему еще одно крыло и спортивный зал. Школа напоминала теперь букву Е (спортзал — средняя пристройка).

Таркан Габулиевич был талантливым руководителем — первая школа при нем стала одной из лучших в республике. Его уважали соседи и коллеги, а для учеников он был и оставался любимым учителем.

Даже спустя годы Таркан Габулиевич не терял связи со своей школой: его приглашали на все торжественные мероприятия, и каждое приглашение было для него радостным событием.

Алета с Аминой и Санетой

Первого сентября он ушел, не дождавшись внучек, — не любил опаздывать.

Минут через двадцать после его ухода убежали девочки. Нехотя пошла с ними племянница Алеты Мадина. Ночью ей приснилось, что школу захватили террористы. (В то утро семиклассница Мадина так и не вошла во двор, простояла у школьной ограды).

Последним уехал муж Алеты Азамат.

— Сходил бы в школу, сфотографировал детей на линейке, — сказала ему Алета.

— Заеду после планерки, — пообещал Азамат.

Все. Теперь можно заняться собой.

Алета работала методистом в районном Доме детского творчества, и в десять часов ей предстояло быть на праздничной линейке в шестой школе.

Для каждого учителя первый день после отпуска — праздничный. Алета надела новые, очень красивые, но неудобные, босоножки, любимую нежно-зеленого цвета юбку и в тон водолазку без рукавов, которая хорошо оттеняла ее смуглую кожу.

Слегка подкрасилась, бросила последний взгляд в зеркало.

Можно идти.

Послышались выстрелы, вначале одиночные, потом — очередями.

«Опять первая школа придумала что-то оригинальное», — подумала она.

Но стрельба усилилась, послышались крики и плач.

Алета выбежала на улицу и увидела бегущую Мадину с безумным взглядом и серым от страха лицом.

«Где девочки?» — успела крикнуть Алета и, услышав: «Там...», — побежала в сторону школы. Этот путь в сотню метров был для нее самым длинным в жизни. Босоножки мешали, но на то, чтобы сбросить их, ушли бы секунды, которые она не могла терять. Она неслась вперед, не слыша криков соседей, которые пытались ее остановить.

Там, в опасности, были ее дети.

На школьном дворе не видно было ни души. Посреди узкой улочки стоял бородатый человек с автоматом. Она подошла к нему с поднятыми вверх руками и спросила: «Можно туда? Там мои дети».

— Туда — можно, — ответил боевик.

Площадка, на которой обычно проходили праздничные мероприятия, была усеяна разбросанными пакетами и букетами цветов в ярких обертках.

За зданием котельной на площадке перед спортзалом — толпа.

Алета нашла свекра, Таркана Габулиевича, но детей с ним не было.

В зале, едва она села на пол, к ней бросилась растрепанная и заплака

Санета (в центре)

ная Амина. Два огромных банта чудом держались на ее волосах. С тех пор большие банты напоминают Алете спортзал.

Минут через десять она увидела в другом конце зала Санету — в пионерском галстуке! «Сними его сейчас же», — жестами показала ей Алета. Рядом с Санетой стоял боевик, и любой пустяк мог вывести его из себя.

Санета сняла галстук и спрятала его в колготки. Через некоторое время ей разрешили пройти к матери.

От ужаса Алета словно онемела.

— Мама, а что они развешивают? — спрашивали дети.

— Освежители воздуха.

Таркан Габулиевич сидел недалеко, под баскетбольным кольцом, к которому была прикреплена самая большая мина. В свои восемьдесят девять дед, как ласково называли его домашние, выглядел значительно моложе своих лет. У него были ясный ум, отличная память и хорошее здоровье.

Для невестки дед был не просто главой семьи, но и нравственным ориентиром, эталоном благородства и порядочности. Она относилась к нему с дочерним почтением.

Алета с трудом пробралась к свекру сквозь плотную людскую стену:

— Как вы?

— Все нормально. Не беспокойся. Иди к детям.

Она снова переместилась на свое место. Там, возле деда, дышалось легче — цз открытой двери кабинета преподавателей физкультуры тянуло свежим воздухом. «Перебраться, что ли, туда?..» — мелькнула у нее мысль. Но что-то ее остановило. Что-то, именуемое провидением...

На третий день Алета поняла: еще одни сутки люди не выдержат. Ей хотелось, чтобы дети спали — так им легче будет умереть.

Минут за пятнадцать до первого взрыва она протащила по полу Амину туда, где сидел дед. Долго побыть там не удалось — уставшие и раздраженные люди с трудом сдерживали себя. «Вот подышит чуть-чуть, и

мы уйдем», — успокоила их Алета и перенесла Амину обратно.

Девочки спали.

Когда произошел первый взрыв, она почти с радостью подумала: «Слава Богу, умираем».

Санета и Амина проснулись. Сверху упал кусок потолочной обшивки и накрыл всех троих.

Выбравшись через некоторое время из-под пластика, Алета увидела огромное отверстие в стене и подвела к нему детей. Уже подсадила одну из девочек, когда услышала крик: «Назад! Они стреляют в спины!». Это кричал Валерий Бзиев, друг их семьи.

Алета легла на пол, накрыв собой детей, и притворилась мертвой.

Слышались стоны, пахло кровью.

Прошло минут сорок. Через тот же проем в стене попыталась выбраться из зала Зоя Ногаева. Зоя много лет проработала печатницей в районной типографии, которая располагалась в одном здании с Домом пионеров. Теперь была на пенсии.

Боевик с забинтованной рукой выстрелил ей в спину. Зоя тяжело осела и упала вниз, во двор.

Когда стрельба немного стихла, Алета подняла голову и вздрогнула от неожиданности: прямо на нее смотрел боевик по имени Абдулла, стрелявший в Зою.

Она опустила голову, но через секунду снова посмотрела на него. Алета уверена: не подними она тогда голову, он бы выстрелил в нее.

То, что это Ходов, Алета узнала потом.

Боевик махнул ей рукой и сказал по-осетински: «Иди сюда».

«Мне послышалось, — убедила она себя. — Он не может говорить на нашем языке».

Они шли к нему по толстому слою битого стекла, и ни у кого из них не появилось на ногах даже царапины!

О спасении уже не было и речи. Алета с девочками присоединилась к группе заложников, которых боевик, подталкивая дулом автомата, гнал в столовую. Она видела женщину с окровавленным лицом, которая пыталась выбраться из-под нагромождения мертвых тел. Женщина молила о помощи, но Алета не смогла сделать к ней и шага — не позволял боевик: раненые не интересовали террористов. Им нужны были те, кого можно было использовать как живой щит.

Взгляд этой женщины преследует Алету по сегодняшний день.

Единственное, что она успела сделать тогда, — захватить с собой из зала плачущего ребенка. Это был Георгий Кониев. Его старший брат, первоклассник Али, мама и бабушка, сидевшие рядом с ним, погибли, а отца расстреляли.

Из столовой часть заложников вывели в туалет, чтобы прикрыть ими

окно, расположенное рядом с ним.

В туалете прятались Алета со своими двумя детьми, Фатима Мисико- ва, Фатима Кониева с сыновьями, Зоя Эльтарова с сыновьями Борисом и Сосланом, шестеро старшеклассников, Мадина и Вика Бебпиевы, Ляна Баразгова.

Ляна все это время прижимала к себе маленькую девочку. Алета была уверена, что это ее сестра. Оказалось — совершенно незнакомый ребенок, которого Ляна вывела из спортзала.

Старшеклассники все это время пытались удержать в помещении парня лет девятнадцати. Он был ранен в голову, лицо залито кровью. И на этом окровавленном лице сверкали необыкновенной красоты глаза. Парень вырывался, пытался куда-то бежать.

Через год Алета увидела его портрет на одном из памятников мемориального кладбища. Это был владикавказец Альберт Ваниев, который привел в школу свою двоюродную сестру.

Один из старшеклассников был ранен в руку. Алета оторвала кусок ткани от своей юбки и перевязала его.

... Женщины по требованию террористов по очереди становились в проем окна. Фатима Кониева, сняв белую блузку, размахивала ею как белым флагом. Переглянувшись, усмехнулись Полковник и Абдулла. Возможно, они заметили, что Фатима беременна (через полгода после этих событий она родила сына).

Фатима была ранена, по ноге ее текла кровь.

Теперь в окне стояла Алета. «Возьми ребенка», — кивнув на малыша, потребовал Абдулла.

Алета взяла на руки мальчика.

Стены сотрясались от взрывов. Малыш дрожал и плакал, и это тоже одно из тех воспоминаний, которые не дают покоя Алете. «Я буду стоять сама, отпустите ребенка», — попросила она. Боевик согласился.

Теперь она стояла одна, с белой шторой в руках. Перед ней был спортзал, в котором уже полыхал пожар.

Полковник, присев под окном на корточки, с кем-то разговаривал по телефону. Он громко смеялся и повторял: «Аллах акбар! Аллах акбар!».

Безрукий террорист Ханпаши Кулаев то стрелял из-за ее спины, то отходил от окна.

В школьном дворе стоял бронетранспортер. Алета не знала, что под его прикрытием — люди. Эти кадры видеосъемки она увидит потом. Тогда ей казалось, что боевая машина стреляет по ним. От взрывов сотрясались стены.

Один из них был такой силы, что в туалете, где прятались заложники, вырвало из креплений унитаз, который раскололся на части, ранив осколками детей.

Алета размахивала белой шторой и кричала: «Не стреляйте! Здесь — дети!».

...Террористы куда-то ушли. Она продолжала стоять у окна.

— Хватит! — кричали ей старшеклассники. — Уходите!

Спецназовец из окна второго этажа махал ей рукой: «Уйди!».

Еще один страшный взрыв сотряс здание. Из столовой долго слышался крик «Аллах акбар!». Алета решила, что террористы взорвали столовую и уничтожили всех заложников.

По зданию распространялся черный дым. Она побежала к водопроводному крану, намочила штору и, разорвав ее на куски, раздала детям: «Дышите через тряпки!». Она была уверена, что это отравляющий газ.

Все, кто был тогда рядом с ней, выжили. «И это чудо», — считает она.

В больнице, куда их привезли после освобождения, у нее случилась истерика. Уверенная, что все, кто был в спортзале, погибли, она кричала: «Я никого не спасла!».

Это чувство вины усилилось после того, как Алета узнала, что погибла единственная дочь ее подруги Марины Пак — Светлана Цой. Ей казалось: если бы Марина была в спортзале, она вела бы себя иначе. Потому что Марина никогда не думает о себе — она живет для других.

В школьном дворе стоял БТР, за которым прятались люди

... Годы идут. Внешне Алета — все тот же веселый и энергичный пионерский лидер, каким была всегда, — ив годы учебы, и на работе. О том, что у нее в душе, не знает никто.

— Мы стали другими после теракта, — часто повторяет она. — Мы — как привидения, потому что вернулись с того света...

Залина НОГАЕВА

Залина

Залина с детьми шла вдоль железнодорожного полотна. На пересечении улицы Коминтерна, на которой была расположена школа, и переулка Лермонтова, стояла Инга Чеджемова и разговаривала с незнакомой женщиной. Двое детей Инги, Зелим и Ляна, стояли рядом с матерью.

Когда они поравнялись, Инга распрощалась с собеседницей и дальше пошла вместе с Залиной.

До школы оставалось метров тридцать.

— Обрати внимание на эти машины, — сказала Инга. — Пока я стояла с той женщиной, я наблюдала за ними. Они то проезжают несколько метров, то останавливаются.

Залина замедлила шаг и посмотрела на машины, которые стояли на проезжей части улицы. Впереди — белые «Жигули», за ними — ГАЗ-66 с брезентовым верхом. В «Жигулях» она отчетливо рассмотрела водителя и мужчину, сидевшего рядом с ним. Еще один сидел на заднем сиденье.

— Они очень подозрительные, — опять с тревогой в голосе сказала Инга. — Водитель задней машины несколько раз подходил к «Жигулям», что-то говорил тем, кто сидел в салоне. Затем обе машины опять проехали несколько метров.

В спортзале Залина узнала того, кто сидел в «Жигулях» рядом с водителем, — эт0 был террорист с огромным, от уха до уха, шрамом.

...В школьном дворе стояла учительница начальных классов Зинаида Азаматовна Уруцкоева. Сын Инги, Зелим, учился в ее классе. Инга рассказала ей о подозрительной машине. «Беги в учительскую и звони в милицию», — сказала Зинаида Азаматовна.

__Ну что, позвонила? — спросила Залина Ингу, когда та вернулась.
— Я сказала милиционеру. Он позвонит сам.

Залина подошла к своим знакомым — Залине Хузмиевой и ее сестре Фатиме. Залина была со своими детьми Георгием и Стеллой. Георгий учился в одном классе с Алиной, и дети дружили. «Как бы нам не пришлось породниться», — шутили женщины.

Георгий часто приходил в гости к Алине, они вместе готовили уроки, потом она провожала его — Георгий делал вид, что боится собак, которых на их улице было много.

— Мне страшно переходить в третий класс, — как-то сказала Алина маме.

— Чего ты боишься? — удивилась Залина. — Учительница та же, учишься ты хорошо.

— Не знаю, мама, но мне страшно.

В том теракте погибли не только Алина и Георгий, но и первоклассница Стелла, а также сестра Залины, Фатима с ребенком.

Залина Хузмиева стала инвалидом, почти полностью потеряв слух.

Но все это произойдет потом, а пока счастливая женщина стояла у школьных ступенек, ожидая выхода первоклассников.

Залина Ногаева опять вспомнила про подозрительные машины. Найти бы сестру Анжелу, которая где-то здесь с сыном-первоклассником Батразом, отыскать бы своих детей и крикнуть на весь двор: «Уходите! Там подозрительные машины!».

Но она опять успокоила себя: «Школа — в центре города, террористов бы не пропустили».

Она стояла лицом к воротам, поэтому первой увидела вооруженных людей, которые вбегали во двор.

— Вот и началось, — сказала она вслух.

— Что началось? — удивились женщины.

Залине казалось: спасение — в стенах школы. С детьми, которые быстро нашли ее сами, побежала по коридору в сторону столовой. Там тоже стояли люди в камуфлированной форме и спокойно смотрели на бежавших.

«Это — наши», — подумала Залина.

С детьми вбежала в класс, где было много людей. Кто-то закрыл дверь. Кричали и плакали дети. Молодая женщина, оторвав кусок ткани от юбки и подняв подол, перевязывала рану. Пуля вошла ей в ногу выше колена. Рядом с ней стояли мальчик и девочка. Девочка плакала и истерично кричала:

— Мама, что с тобой?

— Это просто царапина, — успокаивала ее женщина.

Потом, в зале, Залина еще раз видела ее.

— Ну как нога?

— Болит. Но что делать? Терплю.

...Минут через пять в класс вошел мужчина с автоматом и сказал: «Это захват заложников. Не кричите. Если наши условия будут выполнены, вас отпустят. А сейчас идите в спортзал».

Перед узким коридором, соединяющим спортзал со школой, Залине с детьми пришлось остановиться: террористы проносили мимо них огромные сумки и рюкзаки.

«Мама, ты опоздаешь на работу», — сказала Алина, когда они уже сидели в зале. А вечером вспомнила про бабушку: «Уже поздно, бабуля, наверное, волнуется. У нее опять поднимется давление».

Пятиклассник Альберт был недоволен. Утром он не хотел идти в школу, но Залина заставила его встать, умыться и одеться. Позавтракать он не успел и теперь хотел есть.

На второй день, после прихода Руслана Аушева, бывшего президента Ингушетии, к ним подошел террорист по имени Али и увел Светлану Дзампаеву с двумя детьми — двухлетним Аспариком и семилетней Агундой. Вскоре она вернулась.

— Женщин отпускают, но только с маленькими детьми, — сказала Света. — А как я оставлю Агунду?

— А ты бы отправила Аспарика и осталась с Агундой, — сказала ей Залина.

— А кто за ним без меня присмотрит?

В первый день утром террористы увели мужа Светланы Артура Дзампаева.

Вечером она выходила в туалет. Санузел в душевой, рядом со спортзалом, не работал, и заложников группами водили через всю школу в дальний туалет. По пути Света увидела в коридоре мужчин, которые стояли на коленях вдоль стен. Среди них был и Артур.

Когда она возвращалась обратно, мужчины уже лежали на полу. Света с криком «Артур!» бросилась к мужу, но террорист не подпустил ее к нему, сказав: «Всё. Нет уже твоего Артура. Иди в зал».

Все это Света рассказала Залине и проплакала весь вечер.

К Свете опять подошел Али. «Я постараюсь, чтобы тебя отпустили», — сказал он и ушел в сторону коридора. Через некоторое время вернулся и сказал: «Не получилось».

...Голодный малыш плакал. Недалеко оттого места, где были свалены сумки и пакеты, на полу лежала карамелька в фантике. «Передай мне вон ту конфету», — попросила Залина одну из женщин.

Та подняла ее и бросила Залине. Абдулла выхватил из ее рук карамельку и отшвырнул в сторону. Когда он ушел, семиклассница Залина Хуадоно- ва подобрала конфету и дала ее плачущему Аспарику.

Ночью малыш уснул прямо в проходе. Али сидел, положив ногу на педаль взрывного устройства. Залина перехватила его взгляд, когда он смотрел на спящего ребенка,— в нем были боль и сострадание!

— Мою жену и детей убили прямо в огороде, — говорил он до этого.

«О чем он думает, глядя на спящего малыша и держа ногу на педали? Что заставило его взяться за оружие и прийти сюда — деньги, месть или идея?» — размышляла Залина.

И еще раз пришла ей эта мысль, когда ее сын Альберт вместе с одноклассником Тимуром Тедтовым ушел в поисках воды и, вернувшись, рассказал: «Али разрешил нам зайти в душевую, где была вода, и сторожил нас, стоя у входа. Абдулла увидел это и ударил его. А еще Али сказал: «Если бы я знал, что мне надо будет убивать маленьких детей, я бы сам застрелился».

Незадолго до взрыва Али с кем-то разговаривал по телефону.

— Ну что? — спросила его Залина.

— Все хорошо, — сказал он. — Скоро вас освободят.

Залина подозвала к себе сестру, детей и племянника: «Сидите возле меня, чтобы мне не пришлось искать вас, когда нас отпустят».

«Мама, мне страшно!» — закричала Алина после первого взрыва и протянула к ней руки.

Второй взрыв бросил их обеих на пол.

Алина лежала не двигаясь. Залина приподняла ее — ранений на теле дочери почти не было. Только на майке, прямо напротив сердца, расплывалось кровавое пятно...

«Надо вынести Алину во двор», — решила она. Потащила дочь в сторону двери и услышала хруст в своей руке. Это хрустели её изломанные кости. Почувствовала слабость и, запутавшись в проводах, опустила Алину на пол. Рядом неподвижно лежала учительница начальных классов Ольга Николаевна Соскиева. Оставив Алину рядом с мертвой учительницей, Залина осторожно, на цыпочках, подошла к двери, пересекла двор и оказалась на улице.

— Сюда! Беги сюда! — кричали ей из Школьного переулка.

Она свернула туда и увидела сестру и племянника.

— Алина умерла, — сказала она сестре.

...В Хумалагской больнице, куда ее привез сотрудник шестого отдела Кокаев, с нее смыли кровь и кусочки человеческой плоти, дали снотворное и уложили в постель. Вечером она узнала, что Альберт жив.

Через несколько дней Залина с отцом и братом поехала в морг.

— Одно тело очень напоминает Алину, но я сомневаюсь. Может, ты сама посмотришь? — сказал ей отец.

Залина разглядывала обгоревшие останки: волос на голове нет — у Алины они были длинными, заплетенными в косы. Правая часть тела вроде бы цела, но...

— Не знаю, — сказала она.

— Там, в рефрижераторе, есть еще... — сказал служитель морга.

— Нет, — сказала Залина. — Моей дочери там нет.

Она знала, что тело, которое она осматривала только что, и есть ее Алина. Но признать это — значит, лишиться надежды.

Уходя из морга, она вдруг вспомнила, что в детстве Алина порезала ножом подушечку указательного пальца левой руки.

— Сходи посмотри, есть ли на указательном пальце шрам, — попросила она брата.

— Есть вроде бы — белая полоска, — сказал он, вернувшись.

— Нет, — опять решительно возразила Залина. — Это не Алина.

На следующий день неопознанные тела железнодорожным вагоном-рефрижератором увезли в Ростов, на генетическую экспертизу.

Тридцатого сентября из Ростова в Беслан доставили останки Алины.

— Это то самое тело, — сказал ей отец.

— Я знаю, — ответила она. — Я просто не хотела в это верить...

Машина, на которой приехали террористы

Казбек МИСИКОВ

Казбек

Террористы развлекались. Они столпились у кабинета физики и подозвали двоих мужчин из заложников — Казбека Мисикова и Александра Михайлова.

— Если выломаете эту дверь за минуту, останетесь живы. Если нет — расстреляем, — сказал Полковник.

Дверь открывалась наружу, и это осложняло задачу. Александр несколько раз ударил по ней ногой — она не поддавалась.

Секунды бежали. Казбек бросился в соседний кабинет и вынес парту. Вдвоем с Сашей за оставшиеся несколько секунд выбили партой дверь.

— Молодцы, — сказал Полковник. — Хвалю за находчивость. — И обратился к своим: — Дайте им воды и отведите в зал.

На лицах боевиков отразилось разочарование: спектакль сорвался.

В душевой Михайлов долго и жадно пил воду. У Казбека в горле стоял ком. Он облил себя, сильно намочив вещи. Там, в зале, их можно будет выжать.

Михайлов сунул ему в руки измятую, сплющенную пластиковую бутылку. Казбек наполнил ее водой и спрятал под рубашку.

Они вернулись в зал.

Первоклассники Сармат и Ацамаз лежали под шведской стенкой — там, где он положил им сиденье от стула. Жена и старший сын Батраз сидели чуть дальше.

...Казбек Мисиков окончил первую школу двадцать шесть лет назад. На месте спортзала и пятиэтажек в те годы был пустырь, на котором мальчишки после уроков гоняли в футбол. Мимо школы бежала речка Мельничиха. Они

сооружали в ней запруду и допоздна плескались в теплой прозрачной воде. Спортзал пристроили позже.

Казбек вспомнил, какой праздничной и нарядной была школа в день своего 100-летнего юбилея, пять лет назад. Приехали выпускники разных лет. Один из них — Таймураз Мамсуров — был председателем правительства, а затем — парламента республики, и помог ей с ремонтом.

Первого сентября Казбек Мисиков и его жена Ирина провожали в первый класс своего младшего сына Ацамаза. Батраз перешел в девятый.

Во время захвата Казбек мог убежать — он стоял почти у ворот. Но в школе остались бы его дети.

Он нашел их не сразу: Ирине и младшему сыну удалось спрятаться в актовом зале. В спортзал их привели последними.

Казбек — бывший сапер. Он внимательно наблюдал за тем, как производилось минирование. Заряды устанавливались таким образом, чтобы при взрыве каждый, кто находился в зале, был поражен «осколками» — гвоздями, болтами, шариками от подшипников. Две мины — в баскетбольных кольцах, два, размером с портфель, — внизу. Взрывные устройства поменьше связали в гирлянду и повесили на тросах над головами людей.

Гирлянды со взрывчаткой провисли под собственной тяжестью и почти касались голов заложников. Тросы натянули, и вся конструкция поднялась выше.

Там, где сидели Казбек, его жена и дети, тоже висело одно из взрывных устройств. Оно было частью простой системы — разомкнутой электрической цепи, подключенной к автомобильному аккумулятору, а на замыкающем устройстве («кнопке» или «педали», как его называли заложники) сидел, положив на него ногу, боевик в маске. Если террорист уберет ногу, цепь замкнется, ток из аккумулятора пойдет по проводам, и бомбы взорвутся.

Почти до вечера первого дня Казбек вместе с другими мужчинами занимался укреплением школы — партами и шкафами закладывали входные двери и окна. После того, как работы были завершены, послышалась команда: «В зал их!».

Заложников повернули на лестницу, ведущую с первого этажа на второй. Сзади тот же голос скомандовал: «Стоять! Туда их!». Все поняли: туда — это расстрельный шестнадцатый кабинет.

Казбек в этом строю был последним. Его и предпоследнего мужчину из коридора не было видно — когда все завернули туда, они вдвоем остались на лестничной площадке. Боевик, сопровождавший их, незаметно сделал им знак рукой — «Спускайтесь в зал».

Они сбежали по лестнице вниз.

Смерть прошла мимо.

Казбек шел по залу и ловил на себе вопросительные взгляды женщин,

мужья которых ушли вместе с ним. Труднее всего было выдерживать взгляды детей: «Ты, взрослый, ничем не можешь помочь нам, не можешь защитить!»— читалось в их глазах.

Но что могли сделать безоружные мужчины против организованных и вооруженных боевиков? К тому же террористы предупредили заложников: «За малейшее сопротивление расстреляем пятьдесят детей. Посмотрим, как вы потом будете с этим жить».

Он вспомнил о своих родителях. Как они там? Мама так и не оправилась после смерти сестры, которая погибла два года назад в Кармадон- ском ущелье при сходе ледника Колка.

Еще один такой удар родители не выдержат.

Террорист Абдулла опять высматривал в зале мужчин. Их время от времени выводили из зала по пять человек и расстреливали. Боевик поднял четверых. Долго выискивал пятого. Казбек знал: он ищет его. Наконец их взгляды встретились. «...И ты», — произнес боевик.

Отыскать в зале Казбека не составляло большого труда: рост — метр девяносто, брутальный мужчина, стройный, подтянутый.

Казбек чем-то очень раздражал Абдуллу.

— Где этот мужчина в расцвете сил? — зло иронизировал он, когда вызывали очередную партию мужчин.

Его вывели. Но через некоторое время Казбеку опять удалось вернуться.

Впервые он столкнулся с Абдуллой в душевой тренажерного зала. Воспользовавшись тем, что никого из «злых» боевиков поблизости не было, Казбек вошел в душевую и быстро набрал воды в двухлитровую емкость. Едва вышел из помещения, как к нему подошел заложник-армянин: «Дай. Жена беременна. Ей совсем плохо».

Он отдал воду.

Второй заход в душевую был менее удачным. Казбек слышал предупреждающий кашель заложников, которые сигналили об опасности, но среагировать не успел. На выходе столкнулся с Абдуллой. Террорист выхватил из его рук бутылку и отшвырнул в сторону. Передернул затвор автомата и скомандовал: «Становись в угол!».

— Мне разрешили, — соврал Казбек.

— Кто?

— Али.

Абдулла вопросительно посмотрел на боевика «на кнопке». Тот утвердительно кивнул головой.

Абдулла опустил автомат. В его взгляде читалась ненависть.

Ирина с Батразом сидели чуть дальше. Батраз, несмотря на свои пятнадцать, был высок ростом — в отца. На смуглых щеках уже пробивалась растительность. Чтобы боевики не приняли его за взрослого мужчину, Казбек заставил его снять рубашку.

У Казбека была договоренность с женой: каждый из них отвечает за одного из детей: она — за старшего, Казбек — за младшего. Но после того, как на их глазах разыгралась драма с Вадимом Боллоевым, Казбек забрал к себе и его сына — первоклассника Сармата.

Вадима Боллоева ранили во время захвата. Заложники меняли ему повязки, но остановить кровотечение не смогли. Первого сентября вечером боевики вытащили его, умирающего, из зала, и расстреляли.

Малыш остался один. Теперь он сидел рядом с Ацамазом. Взгляд у него был застывший, неживой. Впрочем, как у большинства детей в зале. По этому взгляду Казбек и потом, годы спустя, безошибочно угадывал бывших заложников.

Казбек наблюдал за террористами. Тех, кто постоянно в зале, не больше десяти. Остальные рассредоточены по всему зданию. У него сложилось мнение, что это не одна группа. В первый день боевики обнимались, приветствовали друг друга.

Он отметил, что одни из них более опытные, другие — новички.

На втором этаже видел женщину со светлыми волосами, собранными в «хвост». На руках — перчатки с обрезанными пальцами. К стене прислонена снайперская винтовка. Женщина курила.

В какой-то миг, когда Казбек проходил мимо открытого чердачного люка, у него мелькнула мысль бежать — он знал, как пробраться по чердакам и спуститься к гаражам. У него есть что рассказать своим: все это время он присматривался к террористам, запоминал примерную схему обороны, расположение мин в зале.

Но что будет с его семьей? А вдруг они расстреляют жену и детей?

Он уже убедился, что убийство для этих людей — вещь обыденная.

Штурма Казбек ждал в первый же день. Потом надеялся, что начнутся переговоры и их освободят. На третий день понял: с террористами никто не вступает в переговоры. Значит, ситуация будет развиваться по наихудшему сценарию. Это поняли и террористы. Перед первым взрывом один из них бросил заложникам тряпки и сказал: «Намочите их. Могут пустить газ». Они ожидали повторения Норд-Оста.

Казбек смотрел на бомбу, которая висела над его семьей. Это было небольшое пластмассовое ведро, наполненное взрывчаткой и металлическими фрагментами. Он знал: если бомба взорвется, осколки уничтожат не только его жену и детей, но и всех, кто сидит поблизости.

С системой взрывных устройств, которой террористы опутали зал, бомбу соединяли синие провода, лежавшие на полу, рядом с ним. Если террористы замкнут цепь, ток из аккумулятора пойдет по проводам и приведет в действие детонаторы. Но если разомкнуть провод внутри синей оплетки, ток не пойдет.

Он стал осторожно сгибать и разгибать провод, пока не почувствовал,

что он сломался. Но если концы проводов будут расположены близко

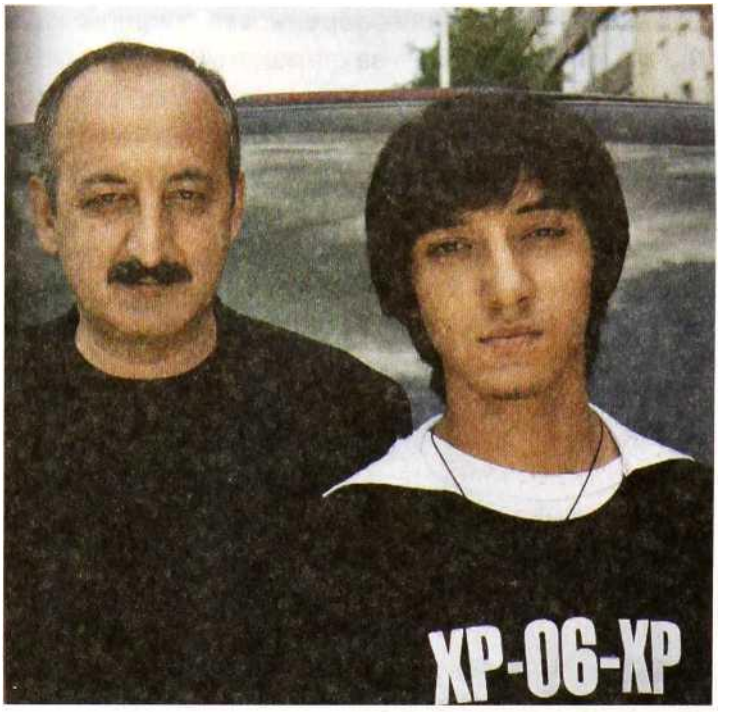
друг к другу, между ними может проскочить искра. Он растянул его, чтобы концы разошлись как можно дальше.

Синяя оплетка в месте разлома провода заметно побелела. Если террористы заметят это, Казбека расстреляют.

Он остановил проходившего мимо боевика и сказал:

— Этот провод под ногами постоянно задевают. Ни вам, ни нам не нужно, чтобы мы взлетели.

— Что ты предлагаешь?



Казбек и Батраз

— Был бы гвоздь, можно было бы его подвесить.

В стену вбили гвоздь и провод подвесили.

...Казбек пришел в себя оттого, что его кто-то тормошил. Это был его маленький сын Ацамаз. Рядом с ним — Сармат. Казбек посмотрел туда, где сидели его жена и старший сын. Ирина ничком лежала на Батике. Но вот она зашевелилась, приподнялась и стала трясти сына. Тот открыл глаза.

Казбек хотел подняться, опираясь на руки, но они подломились под ним. Он упал ничком на порожек двери, ведущей в тренажерный зал.

По нему побежали люди.

Он снова сделал попытку подняться. Сел. Посмотрел на руки. Из левой, пульсируя, шла кровь — перебита артерия и вырван кусок мышцы. Правая рука тоже задета.

Встал, шатаясь, взял в охапку Ацамаза и Сармата, посадил их в угол тренажерного зала. Кто-то из старшеклассников дал ему кусок оранжевой шторы. Казбек разорвал ее на полоски, пережал кровеносный сосуд, кое- как забинтовал раны на руках и снова потерял сознание.

Его привела в чувство жена.

Вокруг все сотрясалось от грохота. Вошел террорист и увел в столовую очередную партию заложников: «Надо уходить, — сказал он. — Сейчас здесь все рухнет».

Казбек опять потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел прокурора района Алана Батагова и местного предпринимателя Казбека Гергиева.

Потом он плыл, покачиваясь, как на волнах. Над ним было голубое небо, затем — потолок, опять небо. Наконец — совершенно белая комната и люди в белых халатах.

— Руку придется ампутировать, — сказал кто-то.

— Нет, — закричал он. — Нет!

Руку ему сохранили московские врачи.

Его жена и дети выжили.

После теракта в семье Казбека и Ирины родился еще один сын.

Заур АБОЕВ

Заур

Восемь утра. В школе — ни души. Заур Абоев и Рома Касумов, брат организатора внеклассной работы Елены Сулетдиновны, поднимаются в актовый зал. Надо вынести во двор магнитофон, колонки, стол и стулья.

Дверь, ведущая на чердак, открыта. Заура это удивляет — ни разу за годы учебы он не видел ее открытой.

Они выносят аппаратуру во двор и устанавливают ее напротив спортзала, на спортивной площадке, где обычно проходят праздничные линейки.

Заур вынимает из пакета шнур-удлинитель, который принес из дома.

Остается включить аппаратуру в сеть. Ждут Фатиму Муртазову — школьную медсестру (электрическая розетка расположена в медпункте).

Главные действующие лица предстоящего праздника — учащиеся первых и одиннадцатых классов. Будущий выпускник поднимет на руки первоклассницу Дзеру Кудзаеву, и она зазвонит в колокольчик, возвестив о начале нового учебного года. Но старшеклассник не пришел, поэтому девочку понесет Заур. Так сказала Елена Сулетдиновна.

Заур был не в восторге, но, узнав, что их будет снимать фотограф районной газеты, обрадовался.

Он поднял девочку на руки. Фотограф навел объектив. Он услышал звук выстрела. «Наши, что ли, прикалываются», — недовольно подумал Заур.

Мимо пробежали вооруженные люди. Девочка на его руках заплакала, но он продолжал ее держать — его фото должно попасть в газету. И только после того, как двор наполнился криками и выстрелами, Заур опустил девочку на землю и побежал в школьный коридор.

Все классы и кабинеты были заперты. Открыт только кабинет домоводства. Он вошел, поискал, куда бы спрятаться. Открыл шкаф, но он оказался маловат.

В кабинет вбежали еще несколько человек и сели на пол — по окнам стреляли.

С ума сошли, что ли?

Осколок стекла попал Зауру в веко.

Те, кто был в кабинете, лихорадочно обсуждали, что бы это могло быть. Учения? Розыгрыш?

В дверях появился мужчина в маске, который показался Зауру похожим на соседа, и он обрадовался: этот его отпустит! Потом понял: нет, это не сосед.

... Заур с детства страдал аллергией. Она была на всё: на еду, на цветочную пыльцу, на амброзию, на траву, на жару и даже на холод. Воздух спортзала был насыщен аллергенами: испарения человеческих тел мешались с запахом мочи и увядающих букетов цветов, которые во множестве лежали на подоконниках.

От пота, жары и отсутствия воздуха тело его покрылось сыпью. Он дышал с трудом. Болела голова.

Рядом оказалась Инна Туаева. Инна училась классом ниже, но в школе была девочкой заметной, отлично играла в баскетбол. Стремительная и энергичная в игре девушка в общении была скромной, сдержанной и очень приветливой.

Инна волновалась и всё высматривала в зале сестру-близнеца Ингу, брата Виталика и маму. Успокоилась только тогда, когда убедилась: в зале их нет.

Говорили о еде, о том, настоящие ли бомбы, строили предположения о том, для чего боевики затеяли этот захват.

В зал вернулся один из тех мужчин, которых уводили террористы. Он был то ли избит, то ли ранен. Лечь не мог — не было места, и он сидел, прислонившись спиной к Инне.

Вечером Заур решил выйти в душевую. У самого входа в коридор его остановила преподаватель истории Дарима Батуевна Аликова. Заур не помнит, что она ему сказала, но эти несколько секунд спасли ему жизнь: в тот миг, когда он дошел до середины коридора, в конце его взорвалась шахидка.

Его отбросило обратно в зал.

Когда Зауру, наконец, удалось выйти в душевую, он выпил стаканов двадцать воды.

Захотелось в туалет. Боль в животе становилась нестерпимой, как приступ аппендицита. Но его не выпускали из зала.

Полковник поднял нескольких подростков — надо было перенести

парты. «Не смотрите мне в глаза», — жестко предупредил он.

Вызвал и Заура.

— Что это с тобой? — неожиданно спросил его террорист.

Заур не видел, что он смотрит на его руки, покрытые сыпью.

— Аппендицит, — ответил Заур. — А что?

— Я тебя убить хочу.

Заур внутренне содрогнулся и, глядя террористу прямо в глаза, отступил назад. Ему казалось: повернись он тогда спиной, тот бы выстрелил в него.

Он опустился на первое попавшееся свободное место.

К нему подсела второклассница Милана Бибоева. Заур хорошо знал ее отца.

Он взял девочку на руки. «Хочу воды», — сказала Милана.

Заур вывел ее в туалет, постоял в коридоре, пока она пила воду. Вечером девочка уснула, положив ему на колени голову. Зауру показалось, что ей холодно. Он попросил пиджак у Хасана Рубаева и накрыл ее.

К вечеру второго дня зуд, насморк и головная боль стали невыносимыми. Ему удалось прилечь. Девятиклассница Оксана Кокова обмахивала его куском картона.

— Оставь. Ты, наверное, устала, — сказал Заур.

— Я выносливая. Я же занимаюсь в секции айкидо.

— Тебе не жарко в пиджаке? Сними его.

— Нет, — ответила она. — Он потеряется. А мне его еще носить и носить.

Оксана и ее брат, одиннадцатиклассник Урузмаг, которому первого сентября удалось сбежать с линейки, жили с отцом, без матери. Оксана делала по дому все — готовила, стирала, убирала. Успевала заниматься в секции восточных единоборств и в школьном кружке рукоделия.

Их дом расположен напротив школы.

— Интересно, что делает папа? — задумчиво сказала девочка. — Как бы я хотела поговорить с ним! Мне столько надо ему сказать!

— Как ты думаешь, что с нами будет? — спросил ее Заур.

— Нас отпустят, — ответила ему сидевшая рядом женщина. (Это была Фатима Хосонова).

— Правда? — обрадовался Заур.

— Да. Я слышала, что ведутся переговоры и что наши уже выводят войска из Чечни.

Он поверил. Он так хотел поверить в это!

Оксана погибла на следующий день.

Приближение развязки ощущалось во всем. Террористы пересадили заложников и стали переставлять взрывные устройства.

Один из боевиков подозвал Заура и приказал снять детей, которые сидели на подоконниках.

Он рассадил их и опять оказался рядом с Инной. Говорить уже не хотелось. Если в первый день все мысли были о еде, на второй — только о воде, то теперь все эти мысли и разговоры казались мелкими и ничтожными.

— Говорят, войска из Чечни выводят, — вспомнил он слова Фатимы. — Значит, скоро нас отпустят.

— Что ты сказал? Повтори! — сразу несколько человек заинтересованно повернули к нему головы.

Ответить он не успел...

Он забыл обо всем. Волна раскаленного воздуха швырнула его на пол. В зале установилась мертвая тишина. Она длилась несколько секунд. В тишине заплакал ребенок. Потом зал наполнился криками и плачем.

Заур встал. Второй взрыв он не помнит, как не помнит и то, как оказался во внутреннем дворе школы. Он стоял там и не знал, что делать. Пойти к маме на работу, в банк? Но как в таком виде?

В одной из квартир двухэтажного дома в Школьном переулке он долго пил воду. Рядом мальчик держал в руках чашку. Вода смешивалась с кровью, которая стекала по его лицу, но ребенок пил ее с жадностью. Заур отобрал у него чашку, смыл с его головы кровь, вытер и налил ему воды.

К нему бросилась маленькая девочка и крепко обняла:

— Спасибо тебе! Ты не обманул, когда сказал, что нас отпустят!

... На улице, перед училищем, во дворе которого был развернут полевой госпиталь, Заур увидел машину отца. В салоне сидели раненые. Он подошел к машине. Отец посмотрел на него в упор, не узнавая...

Несколько лет спустя, на свадьбе друга, Заур попросил сыграть что-нибудь веселое, танцевальное.

— Эта песня посвящается нашему гостю из Питера Зауру Абоеву, — объявили в микрофон (Заур учился в одном из вузов Санкт-Петербурга).

Зазвучала песня Юрия Шатунова «Детство, детство, ты куда спешишь?».

Заур застыл, потрясенный, и долго не мог произнести ни слова.

Эта песня звучала во дворе первой школы утром первого сентября 2004 года.

Диана ГАДЖИНОВА

Два дня тетя Люда плела Диане африканские косички — всего около ста штук. Только так они смогли укротить буйно вьющиеся густые волосы Дианы.

Белая блузка и черная юбка чуть ниже колен. Босоножки на платформе, которые делают ее выше. Скромная девятиклассница, красавица и отличница.

Диана вышла из дома чуть раньше мамы. Мама, Рита Александровна Гаджинова, преподавала в первой школе физику.

Диана должна была отвести в садик маленькую Мадину, а средняя сестра Алина, которая перешла в четвертый, собиралась идти в школу с мамой.

Первым экзотическую прическу Дианы оценил сосед, одиннадцатиклассник Заур Абоев. Заур тоже спешил — до того, как соберутся дети и взрослые, он должен был установить во дворе школы музыкальную аппаратуру.

Рита Александровна была с теми, кого 2 сентября
вывел Р. Аушев

— Ты нам поможешь? — спросил Заур, когда они вошли в школьный двор. — Мы с Ромой Касумовым будем выносить аппаратуру из актового

зала, а ты посидишь возле нее, чтобы малыши ничего не трогали.

Диана села за стол, который стоял в центре двора. Мадина бегала возле нее.

Пришла и сразу поднялась в кабинет физики Рита Александровна. Весной она выпустила свой одиннадцатый класс, в этом году у нее — пятиклассники. Предстояло знакомство с ними, хотя некоторых она уже знала.

В кабинет физики заглянула бабушка Аланки Батаговой — Филиса. «У нас нет учебника физики», — сказала она.

Рита Александровна дала ей учебник, закрыла кабинет и лаборантскую и спустилась во двор.

Ее пятый класс уже построился. Она поздоровалась с учениками и увидела бегущего прямо на нее человека с автоматом.

— Что это? — успела спросить она завуча по воспитательной работе Елену Сулетдиновну Касумову.

— Понятия не имею, — ответила та.

...Диана продолжала сидеть за столом рядом с музыкальной аппаратурой. Это ей очень нравилось: отсюда все могли видеть ее чудо-косички. Аппаратура уже была установлена, звучала музыка, но она ждала, когда придет Заур, поблагодарит ее и скажет, что она очень помогла ему.

Внезапно все сорвались с мест и побежали прямо на нее, потом мимо, в сторону спортзала.

Она ничего не поняла. Среди бегущих увидела маму, и это удивило ее больше всего.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем она встала и присоединилась к ней.

— Мама, куда мы?

— Туда!

Диана еще не видела ни одного террориста, не слышала выстрелов. Она по-прежнему не могла понять причины происходящего, и это усиливало ощущение нереальности.

Наконец она стала осознавать, что произошло нечто ужасное. Но страха пока не было: она в своей школе, рядом — учителя и мама.

— Где Мадина? — спросила мама.

Диана быстро нашла в толпе сестру. Им повезло — они вошли в школу не через окно, а через небольшую боковую дверь.

— Быстро идите за мной! — сказала мама. — Я вас спрячу в лаборантской.

Они устремились к узкой лестнице, ведущей на второй этаж. Но навстречу им уже спускался террорист: «Куда? Быстро в спортзал!».

Все это время мама не выпускала из рук букет ярко-красных роз.

В зале было настолько тесно, что Алина не могла сесть. На коленях у Дианы сидела их соседка Амага Цибирова. Мама держала на руках Мадину.

— Неужели они не понимают, что нам завтра — на работу! — возмущалась преподаватель осетинского языка Джульетта Георгиевна Гутиева. — Они обязаны нас отпустить!

Недалеко от них сидела Инга Гугкаева.

— А ты что здесь делаешь? — удивилась Рита Александровна.

Детей у Инги не было, сестер и братьев — тоже. Инга была единственной дочерью у матери.

— Мой сосед идет в первый класс, — сказала Инга.

Девушка держала в руке золотой кулон на цепочке. Она сняла его, потому что он мешал ей.

— Дай его сюда, — сказала Рита. — Я спрячу его вот сюда, за деревянный щит батареи отопления. Потом придешь ко мне, и мы его оттуда извлечем.

К Диане перебрался ее сосед Заур Абоев. Заур не снимал туфли — они были новыми и очень ему нравились. Но ходить в обуви по залу было невозможно, приходилось наступать на чьи-то ноги или руки.

Он снял туфли и положил их на подоконник.

Как и всех остальных, Заура занимал вопрос: для чего все это и сколько их продержат?

— Диана, неужели я больше не увижу своих родителей и брата? — сказал Заур.

— Ну что ты! Всех увидишь! — успокоила его Диана.

Тесная блузка на Диане стала влажной, мокрая ткань липла к телу.

«Сними ее и надень мою сорочку, — предложил Заур. — Я отвернусь».

Он сбросил рубашку, она быстро переоделась.

— Вернусь домой и буду учить маму экономно расходовать воду, — шутил Заур. — Намочил полотенце — выжал, выпил.

В первый день Диана с маленькой Мадиной на руках шла через всю школу в дальний учительский туалет. При виде разгрома, которому подверглась школа, ее охватил ужас. Центральный коридор с выбитыми стеклами, испещренными пулями стенами имел зловещий вид. Несмотря на то, что ярко светило солнце, ей казалось, что в нем темно.

Напротив кабинета химии стояло кресло. В нем, развалившись, сидел террорист. Страшным показалось Диане лицо этого человека с коричневой блестящей бородой. На голове его была черная круглая шапочка с красной окантовкой. Он поигрывал автоматом, который лежал у него на коленях, и что-то тихо напевал. От боевика веяло таким ужасом, что Диане показалось: когда она пройдет мимо, он выстрелит ей в спину.

У входа в туалет стояли несколько боевиков. Диана вошла, прикрыла дверь и, осторожно открыв кран, поднесла к нему Мадину. Ребенок стал

жадно пить воду.

В дверь заглянул боевик:

— Воду не пейте.

— Почему?

— Она может быть отравлена.

«Маму с Мадиной отпустили», — сообщила ей на второй день Алина, которая вместе с мамой и маленькой сестренкой сидела в раздевалке.

Диана почувствовала облегчение.

...Она обмахивалась своей белой блузкой. Волна обжигающе-горячего воздуха пронеслась по залу, вырвала из ее рук блузку и унесла прочь.

Что-то упало с потолка.

Не поднимаясь, она потянула на себя этот лист — то ли пластика, то ли пенопласта, и аккуратно накрылась. Краем глаза успела увидеть огонь — горел угол зала у шведской стенки. Это было как дежа вю — то, что она видела уже однажды, — то ли во сне, то ли в прошлой жизни. И точно как там, стояла под окном длинная скамья, на которой все эти три дня сидели люди. Они сидели и теперь, но в странных, неестественных позах. На лицах, на одежде — кровь. Волосы стоят дыбом и посыпаны белой пылью.

Рядом с ней на полу неподвижно лежала учительница осетинского языка и литературы Альбина Владимировна Тебиева с сыном Вовой.

В зале было очень тихо. Диана выбралась из своего укрытия, подняла Алину и подвела ее к окну. Стараясь не задевать сидевших на скамье, подсадила на подоконник сестру и с трудом взобралась на него сама.

...Четыре дня Диана не могла расплести и отмыть свои многочисленные косички — страшный запах спортзала въелся в волосы.

Сорочку Заура она постирала и вернула — пусть хранит ее в память об этих трех днях.

Диана окончила школу с золотой медалью и стала студенткой.

Вика и Артур КЦОЕВЫ

«Ну, как ты провела лето?» — спросила Вику Кцоеву классная руководительница Людмила Руслановна Галачиева.

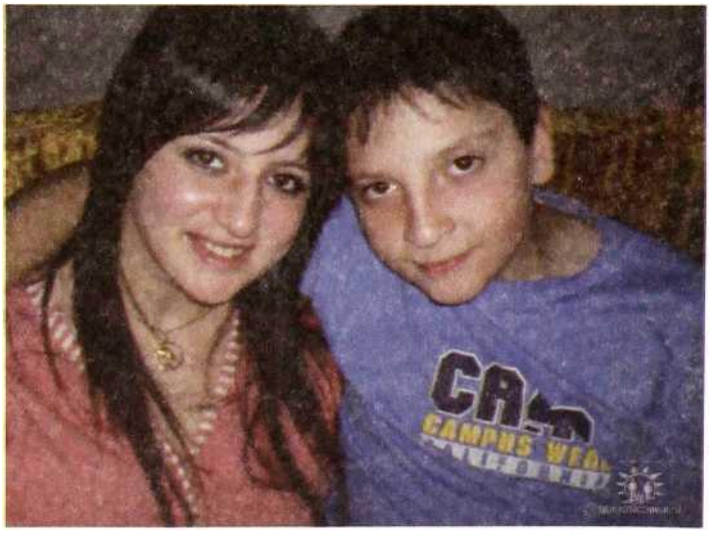
Ответить Вика не успела. Повернула голову в ту сторону, откуда послышались выстрелы, и увидела мужчину в шапочке, с бородой и со снайперской винтовкой в руках. Взглянула туда, где стояла Людмила Руслановна, — там уже никого не было. На месте ровной шеренги одноклассников Вика стояла одна.

Еще можно было убежать: ее класс стоял у ворот, выходивших в Школьный переулок. Кольцо оцепления еще не замкнулось, и те, кто был ближе к воротам, устремились в переулок.

Но Артур! Где ее маленький брат, который утром обиделся и убежал в школу, не дождавшись ее?

Толпа вмиг оказалась зажата на спортивной площадке.

Вика помчалась туда, но мешала обувь — белые нарядные сабо с модными каблучками «рюмочка». Она сбросила их, подобрала и побежала дальше босиком.



Вика и Артур

— Что происходит? — спросила она на бегу старшую пионервожатую.

— Не переживай — все будет хорошо, — так же на бегу ответила та.

Артура Вика нашла в спортзале. Он стоял и плакал. Она бросилась к нему, обняла и прижала к себе: «Все, не бойся! Я с тобой!».

«Идите вон туда», — сказал Вике террорист, показав в противоположный конец зала.

— Дяденька, а вы нас отпустите? — спросил его Артур.

— Это ты у своего президента спроси.

Вика схватила Артура за руку и увела в сторону тренажерного зала.

Она сидела спина к спине с Ларисой Кудзиевой.

Лариса пыталась оказать помощь Вадиму Боллоеву, которого террористы ранили во время захвата. Она требовала бинты и вела себя очень бесстрашно.

— Он тебе кто? — спросил ее один из боевиков.

— Это мой муж.

Юбка Ларисы пропиталась кровью, от нее шел тяжелый запах. Она перевязывала раненого тряпками, которые ей давали окружающие, но кровотечение не останавливалось.

По залу пронесся слух: сейчас придет президент. Ждали час, два, три. Потом стало понятно: никто к ним не придет.

Настала ночь.

Артур уснул, положив голову на колени Вике. Было жарко, но она не снимала свой новый брючный костюм — вдруг пропадет. Родителям на его покупку пришлось потратить немало денег.

Она нащупала сто пятьдесят рублей, которые лежали в кармане пиджака, потрогала свои новые серьги с жемчужинами — они тоже были на месте. А вот на цепочке с золотым крестиком ослабла застежка. Чтобы не потерять крестик, она сняла его и зажала в руке.

«Какое счастье, что здесь нет моих родителей, — думала Вика. — У мамы от этой духоты непременно случился бы приступ головной боли. А папу могли расстрелять, как расстреляли Руслана Бетрозова и Артура Дзампаева».

Дзампаевы — Артур и его жена Светлана — снимали квартиру в доме, где жили Кцоевы. У них было двое детей — Агунда и Аспар. Агунда была очень веселой, жизнерадостной и послушной девочкой. Вика часто видела ее во дворе, когда та гуляла с маленьким братиком.

Вика видела их в зале — Аспарик плакал, и Света стоя укачивала его.

В первый день, вечером, Света вышла в душевую и вернулась, рыдая. Она упала на колени и долго плакала, не отвечая на расспросы окружающих.

Все решили, что она видела, как расстреляли ее мужа.

Артура действительно расстреляли в первый день. А Света, Агунда и Аспарик погибли третьего сентября.

Чуть дальше от Вики сидела ее подруга Рита Дзгоева. Они дружили с детства, учились в одном классе, вместе ходили на репетиции ансамбля

осетинского народного танца.

Когда они встречались взглядами, Вика спрашивала подругу: «Все нормально?». И так же молча Рита отвечала: «Да».

Вечером второго дня Вика с Артуром, Лариса Кудзиева и ее сын Заур пересели к стене, за боевиком «на кнопке». Здесь, возле огромной бомбы, можно было сидеть, вытянув ноги.

Боевик по имени Али что-то бормотал, держа ногу на «педали».

Лариса на корточках придвинулась к нему:

— Что ты говоришь?

— Я молюсь, — ответил боевик.

— А что с нами будет?

— Если бы ты знала, как я не хочу убирать ногу, — сказал он, кивнув на педаль.

— А зачем ее убирать? — испугалась Лариса.

— Обстоятельства так складываются…

Она стала его в чем-то убеждать, но дальше Вика ничего не слышала — она провалилась в сон.

Под утро ей удалось пройти с Артуром в тренажерный зал и выпить воды.

На третий день они пересели к шведской стенке. Артур опять хотел пить. Вика подошла к террористу:

— Молодой человек, моему брату плохо, намочите, пожалуйста, платочек.

— Иди, намочи сама.

Со всех сторон к Вике потянулись руки стряпками, майками, фартуками.

— Я сказал, платок! Отдай все обратно и иди за мной!

Вика со страхом вошла за ним в небольшой коридорчик. Боевик прошел дальше и снова позвал ее: «Иди сюда!». Взял чайник и полил ей на платочек. Руки у нее тряслись от страха.

«Спасибо», — сказала она.

Вика вернулась в зал и выдавила всю влагу, которая была в платочке, в рот Артуру.

— Тебе не страшно? — спросила ее Ляна Баразгова.

— Нет.

Ее спокойствие словно передалось Ляне.

Вика заботливо уложила брата между ног.

Первый взрыв, как ей показалось, произошел у шведской стенки.

Она провела рукой по волосам и нащупала пепел. Спортзал был в дыму, все куда-то бежали. Повернула голову и увидела распахнутую дверь тренажерного зала. Схватила Артура и потащила туда.

В тренажерный устремились напуганные, полураздетые, окровавленные

заложники. Один из старшеклассников пытался помочь Казбеку Ми- сикову, который был ранен в обе руки.

У Аллы Рамоновой на спине — три кровоточащие раны. Ее сын Ирбек принес воду, а дочь Марианна смывала ей со спины кровь.

Вика села на пол, забившись в угол.

Боевиков не было. Убежать бы, но на окнах тренажерного зала — металлические решетки.

Вошел террорист и, оглядев их, произнес: «Встаёте и идёте в столовую».

Ей показалось, что все, кто был в спортзале, умерли. Но, всмотревшись, поняла: многие еще живы. Вот парень, полулежа, прикрывает собой девочку лет четырех. Он, вероятно, ранен. «Возьми ее», — просит он Вику.

Вика останавливается. «Я сказал, в столовую!» — слышит она окрик боевика.

От широкого прохода в центре зала осталась только узенькая дорожка. В конце ее, у самого входа в коридор, — нагромождение мертвых тел. Чтобы пройти в коридор, надо вскарабкаться на них. Артуру это удается быстро. Вика падает, поднимается, снова карабкается и, наконец, оказывается в коридоре.

Школьный двор 3 сентября

У учительского туалета — трое мужчин в черных балахонах. Вдоль главного коридора школы тоже стояли террористы.

Часть заложников, среди которых оказались Вика и Артур, устремилась на второй этаж и спряталась в актовом зале. Среди них был парень лет девятнадцати, который привел в школу сестру. Парень неистово стучал

ногами об пол. «Он ранен, — сказал учитель физкультуры Алик Цаго- лов. — И делает это непроизвольно».

Пришел боевик и увел их в столовую.

В столовой воды — по щиколотку. Несколько террористов о чем-то разговаривали, сидя за столиком. Один из них, взглянув, как ей показалось, прямо на Вику, произнес: «Идите к окнам и машите тряпками, чтобы сюда не стреляли».

Вика отвела взгляд, быстро прошла вперед и села на пол, прижав к себе брата.

Женщины, стоявшие в окнах, размахивали кусками штор. Боевики отстреливались из-за их спин.

Заложница, сидевшая на стуле, вскрикнула и упала на пол.

Вика легла, накрыв собой брата. Взглянув в сторону окна, увидела Аиду Арчегову — оторванная щека женщины висела на кусочке кожи.

В помещении что-то взорвалось.

Очнулась она от крика Артура: «Вика, не умирай!».

Лицо брата было в крови, она капала на него из раны в ее голове. Он зажимал ей рану рукой и кричал: «Вика, не умирай!».

В огромных черных глазах мальчика застыл ужас.

«Я не умру», — успела сказать Вика и снова потеряла сознание.

Когда опять открыла глаза, увидела Артура, рядом с которым стоял спецназовец. Брат, показывая на нее, говорил: «Это моя сестра! Она еще живая!».

— Ты можешь доползти до окна? — спросил ее мужчина.

Вика поползла. Чьи-то сильные руки подхватили ее и понесли. Сквозь полузакрытые веки пробивались солнечные лучи — она понимала, что уже на свободе.

В машине незнакомый мужчина, придерживая ей голову руками, повторял: «Потерпи, девочка, потерпи...».

Путь до больницы показался Вике бесконечно долгим. Звуки то исчезали, то снова начинали пробиваться сквозь затуманенное сознание.

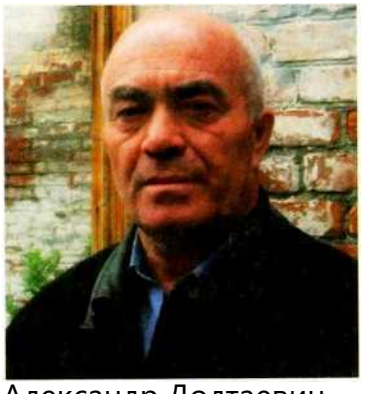
Она услышала голос папы: «Вика, это ты?», но ответить не могла.

В палатке МЧС, где ей обрабатывали раны, кто-то обратил внимание на ее сжатые пальцы. Когда их разжали, увидели на окровавленной ладони золотой крестик.

Вика учится в Московском государственном университете управления.

Осколок, который был у нее в голове, врачам удалось извлечь только через три года.

Александр ЦАГОЛОВ


Александр Додтаевич

Алик Додтаевич сидел на полуспортивного зала, в котором хозяйничали террористы.
До сегодняшнего дня в нем было всего два хозяина — он и Иван Константинович Каниди — преподаватели физкультуры Бесланской школы № 1.

Работать в таком спортзале было большой удачей. К 100-летнему юбилею школы зал капитально отремонтировали — пол покрыли палубной доской, стены отделали вагонкой.
Стекла в огромных окнах заменили на пластик, который не бился даже от ударов мяча.
Отремонтировали раздевалки и душевые.

Любимым местом Алика Додтаевича был тренажерный зал. В молодости он занимался штангой, был мастером спорта по тяжелой атлетике, отличником физической культуры. С тех пор осталась привычка: в любое время года начинать день со спортивных занятий.

Вот и сегодня, первого сентября, он, как обычно, пришел в школу ровно в шесть тридцать. Открыл окна спортзала, выходившие на спортплощадку. Позанимался на тренажерах для жима лежа и для приседаний. Побегал по залу, отрабатывая броски мяча в корзину.

В семь тридцать принял душ, закрыл окна и ушел домой. А ровно в восемь сорок пять вернулся, чтобы быть на праздничной линейке.

... Он сразу понял и оценил происходящее. Первой мыслью было: бежать. Но их всего трое мужчин на весь учительский коллектив: он, Иван Константинович Каниди и учитель труда Александр Михайлович Михайлов.

Убегать он не имел права.

Теперь Алик Додтаевич сидел на полу среди своих учеников и их родителей и не мог даже вытянуть занемевшие ноги — не было места. Сидеть в такой позе было мучительно — у него, как у многих тяжелоатлетов, были

проблемы с венами.

Алик Додтаевич всегда выглядел старше своих лет. Вот и теперь, в пятьдесят, он смотрелся крепким шестидесятилетним стариком. Может, поэтому его не вызвали вместе с остальными мужчинами? Хотя поднимали много раз: то заставили носить со старшеклассниками парты, то потребовали ключи от кабинета физруков, то спрашивали, есть ли под спортзалом подвал.

— Нет подвала, — сказал он, хотя не был в этом уверен.

— Если обманул — расстреляем.

Мужчин заставили грифом штанги пробить покрытие. Под досками была бетонная стяжка.

Рядом с Аликом, спина к спине с пожилой, солидных размеров женщиной, сидела фотокорреспондент районной газеты Фатима Аликова. Пожилая женщина устроилась с внуком на ночлег, и девушка сидела, согнувшись под ее тяжестью.

Алик пожалел Фатиму и подставил старушке свою спину.

— Как вы думаете, нас отпустят? — спросила его Фатима.

— Конечно. Все будет хорошо.

Им, женщинам и детям, важно было именно от мужчин слышать эти слова: «Все будет хорошо».

— Сейчас придет Аушев. Возможно, мы дадим вам воду и что-нибудь поесть, — сказали террористы на второй день.

К Алику Додтаевичу приблизился бывший директор школы Таркан Габулиевич Сабанов: «Поговори с Аушевым, может, отпустят детей до семи лет».

Аушев вошел в зал, постоял минуту, сказал несколько фраз и быстро ушел. Вместе с ним отпустили женщин с грудными детьми.

В десять вечера второго сентября пожилых заложников, в их числе и Алика Додтаевича, а также женщин с маленькими детьми перевели в тренажерный зал. «Наверное, хотят расстрелять», — решил Алик.

В тренажерном стоял телевизор, который боевики принесли из кабинета директора. «Слышали, что говорят? Вас всего 354 человека. Вы никому не нужны», — сказал боевик.

Алик трезво оценил ситуацию: расположение бомб таково, что в случае взрыва ни один из заложников не останется в живых.

«Федералы будут штурмовать, — говорили террористы. — Мы будем отстреливаться, а потом все вместе уйдем — кто к Богу, кто к Аллаху».

Алик был этническим мусульманином. Его предки жили в селе Чикола, где даже в годы советской власти действовала мечеть. Мусульмане в его селе придерживались традиционного ислама, были почтенными и уважаемыми людьми.

Но он, как и большинство его ровесников, был атеистом. Поэтому, живя в Беслане, придерживался обычных для осетин верований — по праздникам в его доме на столе были традиционные три пирога, с которыми каждый

осетин возносит молитву Единому и Всемогущему Богу.

Он был хорошим соседом, помогал ближнему, поддерживал друзей и знакомых в трудных житейских ситуациях. Но в последние годы опять стал задумываться о вере, интересовался догмами ислама, читал Коран.

У осетин по отчеству обращаются только к учителям, врачам и чиновникам. Поэтому для всех он был просто Аликом, хотя коллеги и ученики называли его Александром Додтаевичем. Он не обижался и тогда, когда ему говорили «Алик Додтаевич».

Жаль, что в пятьдесят приходится подводить итог. Сколько времени потеряно зря! Мог делать добро, но не всегда делал. «Если выживу, никогда не обижу даже муравья», — сказал он себе.

...Молодой боевик в маске позволял заложникам пить воду. Террористы вывели его и, как предположил Алик, избили — сквозь прорезь в маске отчетливо виднелся синяк под глазом. Но парень продолжал делать вид, что не видит, как дети и взрослые пьют воду.

С болью в душе наблюдал Алик за тем, как тот, кого называли Полковником, пинал детей ногами. Это был сильный, натренированный мужчина.

Видел Алик и то, как безжалостно обращался с заложниками Абдулла. Он ругал всех, кто был в тренажерном зале: «Ваши женщины распутны, а мужчины — наркоманы. Вас всех надо уничтожить!».

Потом выгнал их в спортзал.

На уроке физкультуры (кадр из документального фильма «Беслан. Надежда»)

— Мы вместе с заложниками объявляем сухую голодовку, — сказал кому-то по телефону террорист-переговорщик на второй день.

Алик Додтаевич знал, что такое сухая голодовка. Испытал когда-то на себе, выдержав шесть дней без воды и без еды. Но здесь было другое — организм из-за жары терял влагу через кожу. Уже вечером первого дня он не мог ни о чем думать, кроме воды, представляя себе запотевший фужер ледяного полусладкого шампанского. «Сила воли не в том, чтобы чего-то очень хотеть и добиться, а в том, чтобы хотеть и отказаться», — подумал он и попытался прогнать видение.

На третий день Алик понял: ситуация близится к развязке. Он смотрел в серые от обезвоживания лица детей и взрослых и понимал: еще один день заложники не выдержат. Те, кто был слабее, уже впадали в сон-забы- тье, другие стали заговариваться, теряя ощущение реальности.

— Алик Додтаевич, вы не хотите пописать? — обратился к нему мальчик, сидевший рядом. — Я бы выпил...

Как не разорвалось его сердце? Почему он не потерял сознание, почему не умер, чтобы не думать о том, прав ли он, отказав ребенку в этой, казалось бы, малости? Но как? Как он мог сделать это на глазах у учеников и их родителей?

...Два взрыва слились для него в один. Незадолго до этого его вызвал террорист и приказал включить вентилятор. Он возвращался на свое место, но его о чем-то спросила знакомая, Филиса Батагова.

Он остановился.

Пришел в себя после второго взрыва.

Почти все, кто сидел рядом с ним, погибли.

Тех, кто остался в живых, повели в столовую. У самого входа в коридор, соединяющий спортзал со зданием школы, Алик увидел молодую полуобнаженную женщину (вещи со многих заложников сорвало взрывной волной). Она была ранена и пыталась ползти. «Помогите, — умоляла она. — Помогите, я на шестом месяце беременности.....

Он вынужден был пройти и мимо нее, и мимо десятков других, тех, кого знал и кому еще можно было помочь. Но в раненых террористы не нуждались. Им нужны были те, кого можно было еще использовать как живой щит, и они гнали заложников вперед.

В узком коридорчике одна из женщин потеряла сознание, и террорист наклонился, чтобы поднять ее. Воспользовавшись этим, Алик увел часть заложников на второй этаж и спрятал в актовом зале.

Их обнаружили и согнали вниз.

Они лежали на полу столовой. Над их головами шел бой. В парне, который лежал рядом, Алик узнал одного из террористов. (Это был Нурпаши Кулаев).

— Ты что здесь делаешь? — спросил его удивленный Алик.

— Уаллахи-биллахи, я жить хочу, — повторял боевик. — Я же ни в кого не стрелял. Если тебя спросят, ты же скажешь, что я никого не убивал?

На боевике были черное трико и футболка — он успел переодеться. Автомата при нем не было.

— По-моему, он понимает по-осетински, — сказала одна из женщин.

— Ты понимаешь по-нашему? — спросил его Алик.

-Да.

...Бой длился часа два. На глазах тех, кто был в столовой, спецназовец, проникший в помещение одним из первых, и боевик по имени Ибрагим в упор расстреляли друг друга.

С крайнего окна сорвало решетку. Через него стали передавать наружу детей. На решетку встала и выскочила на улицу школьный повар Сима Албегова. Подсадили мальчика лет восьми. Но спрыгнуть он не успел — в него попала пуля. Он упал и остался лежать на решетке.

— Давай, выбирайся в окно, — сказал Кулаеву Алик. — И скажи там, что здесь много детей и женщин.

Террорист поднялся на подоконник. За окном его встретили спецназовцы...

Алик Додтаевич выжил. Его везли в больницу, и единственным его желанием было потерять сознание, перестать воспринимать окружающее. Чтобы хоть на полчаса отключиться и забыть о том ужасе, который ему пришлось пережить. Но что-то словно щелкнуло в его голове, включив программу, и теперь система зависла, программа не хотела отключаться.

Александр Додтаевич Цаголов умер 25 августа 2009 года, не дожив неделю до пятилетия Бесланской трагедии.

Лариса МАМИТОВА

Доктор Лариса

— Врач в зале есть?

Лариса работала врачом в отделении «Скорой помощи» и привыкла приходить на помощь не раздумывая.

— Есть, — сказала она.

Ее вывели из зала.

Во время захвата заложников были ранены двое из террористов. Одному пуля вошла между пальцев правой руки и вышла из локтевого сгиба, раздробив кость. У второго было ранение в живот.

— Этому я не смогу помочь, — сказала Лариса. — Ему нужна операция.

— Обезбольте его.

— Но у меня ничего нет. Давайте я позвоню на «скорую», чтобы мне привезли ящик с медикаментами.

— Нет. У нас есть все.

Из огромного вещевого мешка стали извлекать содержимое: бутылки с водой, мыло и зубную пасту, средство от комаров, упаковки таблеток, перевязочный материал, шприцы и, наконец, ампулы, обмотанные скотчем по три-четыре штуки. Скотч не разматывался, и один из террористов разрезал его ножом. «Промедол», «Морадол» — прочитала Лариса названия препаратов.

— Обезбольте его, — опять сказал боевик, раненный в руку, кивнув на молодого террориста.

— А вас?

— Меня — не надо. Что мне выпить из этого? — он показал на упаковки пенталгина и аспирина.

— Пенталгин.

Боевик выпил две таблетки. Лариса перевязала руку ему, потом ввела наркотик молодому боевику, раненному в живот. Его посадили на стул. Он сидел, опустив голову, и что-то бормотал.

«Молится», — догадалась Лариса.

Из главного коридора школы слышался звон выбиваемых стекол. В каждое окно поставили мужчину-заложника. Остальные носили парты и доски и ставили их на подоконники.

Лариса уже знала, что главный среди террористов тот, кого они уважительно называли «Полковником». Полковник ходил по школе со снайперской винтовкой. Он выстрелил в легковую машину, которая проезжала по улице Коминтерна, и поджег ее. Боевики долго смеялись, глядя на то, как убегали водитель и пассажир.

Стоя недалеко от Ларисы, Полковник внимательно вглядывался куда- то через оптику прицела и время от времени стрелял.

— Куда вы стреляете? — спросила его Лариса.

— Вон, на пятом этаже того дома, сидит снайпер, — сказал Полковник, показав на 39-й дом в переулке Школьном, и дважды выстрелил. — Доктор, если бы вы узнали, как мы попали сюда, вы бы очень удивились.

— Через границу вас, наверное, провели наши, — предположила Лариса.

— Я вам не о границе говорю, а о школе. Потом как-нибудь расскажу, сейчас некогда. И запомните: после того, как все закончится, о нас будут говорить, что мы наркоманы и насиловали женщин.

Чуть позже Лариса обратилась к террористу с перевязанной рукой:

— У вас же есть какие-то требования? Давайте я их вынесу.

— Не надо. Они там, — он кивнул в сторону двора, — всё знают.

— Как? — удивилась Лариса.

— Это решаю не я, это решает Полковник, — в голосе Абдуллы послышалось раздражение.

— Так отведите меня к нему.

— Не надо!

Через некоторое время Абдулла спросил:

— Доктор, вы с кем здесь?

— С сыном.

— А кто еще у вас там, в зале?

— Никого.

— Выведите его.

Лариса вывела из зала своего сына, семиклассника Тамерлана. Боевик посадил их на стулья возле лестницы, ведущей на второй этаж.

Раненый террорист сидел напротив, продолжая молиться. Недалеко у окна стоял один из мужчин-заложников.

— Чи дае? — шепотом спросила его по-осетински Лариса.

Мужчина молчал.

— Кто вы? — повторила она вопрос по-русски.

— Карлов я, — ответил заложник.

После того, как окна были заложены, мужчин посадили возле первого

от входа в спортзал класса.

— Можно я на кепку сяду? — спросил боевика Карлов.

— Можно.

Одному из заложников террорист бросил подушечку для сиденья.

Лариса смотрела на мужчин — ни одного знакомого. Она почти никого не знала в Беслане, только тех, кто жил в микрорайоне маисового комбината, и тех, к кому как врач приезжала на вызовы.

Она с детства мечтала стать врачом. Но в мединститут поступила только с пятой попытки. «Зачем тебе учеба? — говорили ей подруги. — Врач получает сто двадцать рублей, а ты на заводе — пятьсот».

Но Лариса добилась своего, поступила в институт, днем училась, а по ночам дежурила в больнице. Здесь и встретила своего будущего мужа Владимира. После свадьбы молодые переехали в Беслан и вместе с сестрами и родителями мужа жили в их трехкомнатной квартире.

Год назад Лариса с Владимиром начали строить дом. Денег не хватало, и Лариса, отработав смену в Беслане, ехала в соседний райцентр Эльхото- во, где в отделении «Скорой помощи» у нее тоже были дежурства.

Муж подрабатывал на маршрутке.

Лариса родилась и выросла в горах. Ее отец Дзатте работал на крупнейшем в республике горнорудном предприятии — Садонском свинцово-цинковом комбинате. Алагирское ущелье, в котором расположен поселок Бурон, с детства пугало и восхищало ее своей суровой красотой. По дну ущелья с грохотом неслась река Ардон — «бешеная река» (так переводится ее название на русский). Летом, во время паводков, когда таял снег в горах или шли дожди, река становилась страшной, подмывала берега, уносила участки дороги и даже дома.

Зимой с гор на дно ущелья срывались снежные лавины.

Но грозная стихия не пугала горцев, в домах поселков городского типа условия жизни были такими же, как в городе. Быть горняком было престижно. Но даже те, кто жил в многоэтажках, продолжали держать в горах, подальше от домов, скотину. Отработав смену, отец косил сено на альпийских лугах, дети с матерью собирали в лесах чернику, малину, грибы, черемшу и целебные травы.

Потом случилась авария в шахте, и отец стал инвалидом. Они переехали на равнину, в село Дарг-Кох. Но горы еще долго снились Ларисе.

Дня за три до первого сентября она во сне стояла на берегу горной реки. На противоположном склоне горы возвышался сказочно красивый дом, весь увитый цветущими розами. Она видела этот дом впервые.

Неожиданно выше, на склоне горы, появился селевой поток, который стремительно понесся вниз. Такой сель ежегодно сходил летом на Транс- кам из небольшого ущелья за Буроном. Поток грязи и камней приблизился к сказочному дому, достиг его — и уже не было на склоне ни дома, ни цветов.

Лариса побежала, и ей казалось, что поток гонится за ней.

— Доктор, — окликнул ее Абдулла, — а где вы работаете?

— Здесь, в Беслане, и еще в Эльхотово, — сказала Лариса и подумала: «Вряд ли он слышал про такое село».

— В Эльхотово? — переспросил Абдулла и внимательно посмотрел на нее.

«Почему это так удивило его?» — недоумевала Лариса.

Она и представить себе не могла, что террорист Абдулла — сын ее коллеги по Эльхотовской больнице, патронажной сестры родильного отделения Александры Ходовой — Владимир.

Лариса никогда не видела сыновей Шурочки, как ее называли коллеги, но много слышала о них. Говорили, что оба они, и Борис, и Владимир, приняли ислам и ушли на восток — то ли в Чечню, то ли в Ингушетию. Старший, Володя, был в розыске, но это не мешало ему время от времени появляться в селе.

Когда младший из братьев умер, его, как это принято в Осетии, хоронили всем селом. В дом Ходовых разделить горе семьи приехали близкие родственники и однофамильцы из всей республики. Когда траурная процессия приблизилась к сельскому кладбищу, ее догнал на машине младший брат умершего, Владимир, с товарищами.

Покойника извлекли из гроба.

Старейшины фамилии возмутились — это было надругательством над традициями.

— Я буду хоронить брата по законам ислама, — сказал Ходов-млад- ший. — Того, кто помешает мне, я уложу в этот гроб.

Обо всем этом Ларисе рассказали вернувшиеся с похорон коллеги. Сама она в тот день дежурила. Иначе непременно узнала бы в террористе по имени Абдулла сына Шурочки, Владимира Ходова.

Лариса с удивлением отметила, что после этого разговора отношение к ней со стороны Абдуллы резко изменилось — стало неприязненным.

...Снежный вихрь подхватил Ларису вместе со стулом и бросил на ступеньки лестницы. Загрохотали автоматные очереди. «Это штурм», — решила она. Ее с сыном втолкнули в коридор, ведущий в столовую. Оба они были обсыпаны пылью от извести и штукатурки.

Звуки выстрелов стихли так же внезапно, как и возникли.

— Доктор, выйдите! — услышала она.

Пол в коридоре был залит кровью: взорвалась шахидка. Взрывом убило нескольких мужчин-заложников, остальных раскидало по полу. На снятой с петель двери лежал террорист, похожий на араба. Изо рта его шла пена.

— Быстрее обезбольте его! — услышала Лариса.

— Он в коме.

— Обезбольте, быстро!

Ей протянули ампулы и шприцы. Боевик держал раненого, пока она вводила ему в вену наркотик.

Оттуда, где сидели заложники-мужчины, слышались стоны. Карлов лежал лицом вниз, спина его была обожжена. У телеоператора Карена Мдинарадзе вытек глаз. Одному из заложников вырвало пол-ягодицы.

— Можно я их перевяжу? — спросила Лариса.

— Нет, тебя зовет Полковник.

Ее повели по коридору. Полковник сидел в библиотеке, расположенной слева от входной двери. Здесь все было перевернуто, словно в помещении проводился обыск. Полковник предложил ей сесть, смахнул со стола все, что на нем было, и положил перед ней ручку и листок тетради в клетку, на котором был записан номер телефона. Потом стал что-то искать у себя в карманах — вынул одну бумажку, другую, сложил, положил обратно. На одной из них Лариса увидела схему здания, похожего на букву «Е». «План школы», — догадалась она.

Наконец Полковник нашел то, что искал, и стал ей диктовать. Она писала быстро, не дописывая слова. «Дзасохов, Зязиков, Аслаханов. Рошаль...» «Рошаль» или «Рушайло?» — хотела переспросить Лариса, но замешкалась. Полковник заметил это и уточнил: «Пиши: «детский врач».

Дописать слова она не успела, ее вывели в коридор.

Со второго этажа пришел снайпер и занял позицию в кабинете истории, справа от входной двери. Отсюда хорошо были видны часть двора и ворота, которые выходили на железную дорогу.

Здесь же, среди боевиков, был и ее сын, Тамерлан.

— Сбежишь — прикончим его, — сказали ей.

Двое террористов отодвинули парты, которыми была заложена входная дверь, и дали ей кусок красной материи.

— Не надо красную, — сказала она и, войдя в кабинет, сдернула с карниза светло-кремовую штору.

С этой шторой, как с белым флагом, она вышла во двор и направилась к воротам.

— Заберите записку! — крикнула она.

Со стороны соседнего дома, что-то положив на траву, навстречу ей побежал молодой мужчина. Это был Зелим Джериев (на траву он положил свою телекамеру).

«Нас много, — успела сказать она, передавая записку. — Больше тысячи человек. И зал заминирован».

Лариса вернулась во двор. Возле ступенек главного входа лежала раненая женщина. Лариса прошла мимо нее, поднялась по ступенькам и вошла в коридор. Дверь захлопнулась, двое боевиков подняли парты и поставили их на место.

— Там раненая женщина, — сказала Лариса. — Можно занести ее в коридор?

— Нет!

Дойдя по коридору до того места, где произошел взрыв, она с удивлением отметила, что раненых заложников на полу уже нет, следов крови тоже.

Куда их унесли? Почему не слышно их стонов? Почему ей не предлагают оказать им помощь?

Террорист, который лежал на снятой с петель двери, уже умер.

Молодой боевик, раненный в живот, все так же сидел на стуле, опустив голову на грудь, и шептал молитвы. Только теперь он сидел у окна, а на коленях его лежал автомат.

Лариса заглянула в кабинеты на первом этаже — раненых нигде не было. В кабинете географии на полу лежало то, что осталось от шахидки.

Лариса видела этих женщин днем, когда они водили детей группами пить воду: одна из них обычно шла впереди с пистолетом, вторая — сзади. Обе — в черных балахонах, из-под которых виднелись спортивные брюки и кроссовки.

«Раздайте детям воду», — сказал Абдулла.

С преподавателем информатики Златой Сергеевной Азиевой Лариса носила заложникам воду в бутылках и в ведрах. Проходя мимо молодого боевика «на педали», у которого был маленький радиоприемник, она услышала сообщение: «В спортзале Бесланской школы — сто двадцать заложников. Террористы передали записку, но номер телефона, указанный в записке, заблокирован».

— Отведите меня к Полковнику, — сказала Лариса одному из боевиков.

Ее отвели.

— Ваш номер заблокирован, — сказала она Полковнику.

— Мой телефон прекрасно работает!

Он взял из рук боевика мобильник и набрал номер своего. Телефон молчал.

— Давайте я отнесу еще одну записку, — предложила Лариса.

— Ладно, пиши.

Он продиктовал номер телефона, она отчетливо вывела цифры.

— Не надо, — неожиданно сказал он, выхватил из ее рук лист, скомкал и бросил на пол.

Она подобрала записку и побежала за ним.

— Хорошо, — сказал он, остановившись. — Но допиши: «Наши нервы на пределе!».

Со второго этажа опять пришел снайпер, рядом с ним посадили ее сына, открыли входную дверь, и она второй раз вынесла записку.

Раненая женщина лежала там же, у нижней ступеньки.

— Я ничем не могу вам помочь, — сказала ей Лариса, проходя мимо.

Выйдя за ворота, крикнула: «Подойдите кто-нибудь, заберите записку!».

Вокруг — ни души.

Ей стало страшно.

Она крикнула еще раз.

Никого.

Ее охватило безумное отчаяние. Выходит, террористы правы и они действительно никому не нужны?

С противоположной стороны, от ворот, выходивших в переулок Школьный, к ней бежал молодой человек. Она устремилась навстречу ему, выйдя из поля зрения снайпера.

— Нас больше тысячи! Пусть кто-нибудь позвонит! — кричала она, передавая записку.

Вернувшись, заметила: террористы оживились. Говорили они в основном не по-русски, но в их разговоре зазвучали фамилии политиков.

(Ларисе кажется, что первую записку она вынесла вечером, после взрыва шахидки, вторую — на второй день, утром. Проходя мимо женщины, которая лежала возле ступенек, успела подумать: «Как же она лежала здесь ночью, под дождем, в такую грозу?».

На самом деле первая записка была вынесена первого, в десять утра, вторая — в тот же день, ближе к вечеру).

Главный вход и школьный коридор

— Лариса, вызови мне «скорую», — сказала преподаватель осетинского

языка Зарема Бекзаевна Зусмановская. — Мне плохо.

Лариса часто ездила на вызовы к пожилой учительнице. У Заремы была гипертония, мерцательная аритмия и хроническая сердечно-легочная недостаточность.

— Ага, сейчас, — ответила Лариса.

Зарема Бекзаевна обиделась.

Террористы требовали, чтобы заложники спали, но даже в полночь хождение по залу не прекращалось: каждый надеялся раздобыть воду.

Среди террористов появились новые лица — днем их Лариса в школе не видела. Среди них выделялся один — высокий, с длинными черными волнистыми волосами, на голове — черная повязка с арабской вязью, на плечах — черная накидка, тоже с арабскими буквами в белом круге.

«Дети от него должны родиться красивые», — подумала Лариса.

Красивый боевик вошел в кабинет физруков и оставался там до утра.

Спортзал контролировали человек десять, остальные, как она предполагала, были рассредоточены по всей школе. Она видела, что на первом этаже каждый класс охраняется боевиком.

На втором этаже она не была ни разу.

«Чеченцы они или ингуши?» — думала Лариса.

Ей вспомнился Грозный, куда она ездила на практику, будучи студенткой мединститута. Это был красивый и богатый город. Сюда приезжали из других республик, когда в Союзе наметился дефицит продуктов. А какие вещевые рынки были в Назрани и Урус-Мартане!

— Доктор! — позвал Ларису один из террористов. — Пройдите по залу и спросите, знает ли кто-нибудь телефонные номера депутатов.

Она спросила. Все вспомнили Арсена Фадзаева, трехкратного олимпийского чемпиона по вольной борьбе, депутата Государственной думы России, но никто не знал номер его телефона.

В учительскую увели директора школы Лидию Александровну Цалие- ву, завуча Ольгу Викторовну Щербинину, детей председателя парламента республики Таймураза Мамсурова Замиру и Зелима и еще несколько человек.

С террористами никто не выходил на связь.

— Расчистите проход, — сказали Ларисе ближе к вечеру. — Сейчас придут большие люди.

В зал вошел Руслан Аушев.

— Вы меня узнаете? — спросил Аушев заложников, откинув с головы капюшон плаща-накидки.

Его знали все.

Почти все террористы перед его появлением закрыли лица масками.

Через несколько минут Аушев вышел из зала и поднялся на второй этаж.

В спортзал вернулась Фатима Цкаева, красивая женщина лет тридцати. Лариса видела ее в раздевалке, где сидели женщины с грудными детьми.

— А где твой ребенок? — удивилась Лариса.

— Отдала.

— Кому?

— Аушеву.

— А почему сама не ушла?

— У меня здесь еще двое детей. Как я их оставлю?

Фатима погибла на следующий день вместе со старшей дочерью Кристиной. Четырехлетний Махар и шестимесячная Алена, которую вынес Руслан Аушев, остались живы.

— Лариса, ты не видела моего зятя? — спросила Ларису Аза Цахилова.

Аза жила по соседству с семьей мужа. Здесь, в зале, она была с зятем Юрием Караевым, дочерью Анной и внучкой Лизой.

И зять, и дочь Азы погибли. В живых остались она и внучка Лиза.

Недалеко от Ларисы сидела ее подруга Залина Хузмиева с двумя детьми — Георгием и Стеллой. Залина с мужем Аланом были очень счастливы, они воспитывали двоих детей, строили дом.

Стелла пошла в том году в первый класс.

«Там девочке плохо», — позвал Ларису боевик.

В спортзале, недалеко от прохода, сидела Лариса Рудик, прижав к себе девочку лет двенадцати. Ребенок был в коме.

«У нее диабет, — сказала мать девочки, — а у нас ничего с собой нет».

Если бы у Ларисы была ее медицинская сумка!

— Ребенка надо вынести из зала, — сказала Лариса боевику, — ему нужен воздух.

Женщину с больной девочкой вывели в раздевалку.

— Она не умрет? — допытывалась у врача несчастная женщина.

— Нет, — солгала Лариса.

Девочка умерла в тот же вечер.

В зале невозможно было дышать. В коридор вывели женщину, которая теряла сознание.

«Держись, — шепнула ей на ухо Лариса. — Они уничтожают больных и раненых».

— Вам плохо? — спросил женщину боевик.

— Нет, — ответила она и ушла в зал.

Лариса понимала: еще одни сутки заложники не выдержат, они будут медленно умирать.

В ночь на третье сентября парализовало двенадцатилетнего Алана Кочиева. Левая часть его тела была неподвижна. Мальчика вынесли в тренажерный зал.

У некоторых из детей стала подниматься температура до сорока. У

Ларисы была всего одна упаковка аспирина, та, которую она забрала у Абдуллы. Она делила таблетки на половинки, потом на четвертинки.

Детей с высокой температурой стали переносить туда, где были свалены сумки и пакеты. Лариса увидела в куче сумок свою и обрадовалась — в ней были таблетки от аллергии. А может, и в других сумочках есть лекарства?

С директором школы Лидией Александровной они заглянули во все сумки и пакеты, отобрав и сложив в одну косметичку лекарства.

Террорист «на педали» делал вид, что ничего не замечает.

На третий день всем в зале было уже понятно: с террористами никто не вступает в переговоры, и они готовятся к отражению штурма.

Детей пересадили в одну сторону, родителей — в другую. Переставили и взрывные устройства.

— Может, попробуем еще раз позвонить Мамсурову? — сказала Лариса директору.

Таймураз Дзамбекович Мамсуров был свой, бесланский, он тоже окончил эту школу. Здесь, среди заложников, были его дети. Он должен их понять.

Вместе с детьми Мамсурова они поднялись на второй этаж, в учительскую. Одиннадцатилетний Зелим дозвонился до отца, выслушал его, потом передал трубку Ларисе. Уверенный, что он продолжает говорить с сыном, Таймураз Дзамбекович сказал: «Держись, сынок, не бойся, будь мужчиной».

Лариса, извинившись, попросила: «Таймураз Дзамбекович, передайте, пожалуйста, президенту республики, чтобы он позвонил в учительскую. Террористы хотят говорить с ним».

Они сидели и ждали звонка.

— Даю вам ровно десять минут, — сказал Полковник. — Но уверен: никто не позвонит.

— Можно я позвоню в больницу? — сказала Лариса.

— Звони.

Лариса набрала «03», попросила к телефону заведующую отделением и изложила ей весь ужас сложившейся ситуации.

— Я понимаю, — сказала заведующая, — тебя заставляют говорить всё это под дулом автомата.

— Все! — резко сказал Полковник и выдернул шнур телефона из розетки. — Уходите! Вы никому не нужны!

Они спустились в спортзал и окунулись в ее обжигающую духоту.

Лариса сидела рядом с директором школы, и вдруг у нее возникло ощущение: все, что происходит вокруг, она уже видела. Так же, как и тогда, по проходу шли две женщины. Сейчас они подойдут к директору, и одна из них скажет: «У этой женщины что-то с головой, ее надо вывести из зала».

Все произошло именно так. Лариса обрадовалась: если все это она уже

когда-то видела и осталась жива, значит, и теперь все будет хорошо.

У одного, потом у другого ребенка произошла остановка дыхания. Лариса выносила их в коридор, делала им искусственное дыхание, раздавала найденные таблетки. Заложники расхватывали их, не спрашивая названия.

Из медикаментов, которые были у террористов, ей удалось припрятать за пазухой флакончик нашатырного спирта и вату.

— Я тоже врач, я помогу вам, — сказала ей молодая голубоглазая женщина.

Это была Лариса Кантемирова.

О том, что в зале помимо нее было еще двенадцать медработников, Лариса узнала после теракта.

— Доктор, помогите! — то и дело слышалось из разных концов спортзала.

Но она уже ничем не могла помочь. Лариса просто шла по проходу и бросала в гущу заложников кусочки ваты, смоченные в нашатырном спирте.

Потом закончился и нашатырь.

— Доктор, вас зовет Полковник!

Ее повели на второй этаж, в кабинет литературы. От залитого кровью пола исходил смрадный запах.

— Сейчас приедут сотрудники МЧС забирать трупы. Вы будете вести с ними переговоры, — сказал Полковник.

— Где трупы?

— Там, внизу.

Лариса взяла стул, придвинула его к окну и, встав на подоконник, посмотрела вниз.

— Что вы делаете?

— Считаю.

— Можете не считать. Их двадцать один. Теперь идите в зал. Вас вызовут.

Она шла по проходу и кричала: «Ложитесь на пол, так легче дышать!».

Это были последние секунды перед взрывом.

...Она открыла глаза и увидела, что лежит в противоположном конце зала. Встала. Вокруг — ни одного живого. Где-то здесь должен быть ее сын Тамерлан. Надо найти его.

В ушах стоял многоголосый детский крик. Ей казалось, что где-то там, на заднем дворе школы, бегают дети, которых отстреливают террористы.

У входа в коридор стоял боевик и стрелял вверх. Она подняла голову, чтобы увидеть, что там, наверху, и увидела над спортзалом небо, в котором летел вертолет. «Он стреляет в парашютистов», — решила она.

— Кто живой — идите в подвал! — кричал террорист.

«Надо найти сына и идти в подвал», — подумала Лариса и вдруг осознала, что обнажена по пояс — от белого брючного костюма на ней остались только брюки.

Стыдно — террорист видит ее в таком виде. Она подошла к скамье, на которой сидела директор школы Лидия Александровна. Директор смотрела перед собой, но никого не видела. Из кучи одежды Лариса извлекла мужскую сорочку. Сорочка была маленькой и едва застегнулась на груди. Поискала обувь — одинаковой пары не было. Она надела на одну ногу черную мужскую туфлю, на вторую — белую женскую, на низком каблуке. Подвязала обе штанины и стала искать сына.

Все подростки были без рубашек, в одних брюках (рубашки сняли из- за жары). До трусов раздевались только малыши. Вот и ее Тамик, лежит на спине. Она села рядом и обняла его. Взгляд упал на брюки. Нет, это не Тамик. У него не такие брюки. Опустила мальчика на пол и пошла дальше. Вот этот вроде бы похож, но носки на нем белые. У Тамика носки были черными.

Тела расстрелянных мужчин

Подростков много, но все они так похожи друг на друга — коротко стриженные, лица серые от обезвоживания, глаза и рты открыты.

Она опять держит на руках тело подростка.

— Лариса, это не мой Тамик? — слышит она.

Повернувшись на голос, видит соседку Наташу Сатцаеву.

— Нет, это не твой. И не мой.

Только теперь Лариса понимает: не все, кто лежит на полу спортзала, мертвые.

— Лариса, ложись! — кричали ей.

— Нет, — отвечала она, продолжая переворачивать тела. — Вставайте, надо идти в подвал.

Может, ее Тамик в тренажерном зале? Она вошла в тренажерный, а в ушах ее стоял все тот же пронзительный детский визг, прерываемый автоматными очередями.

В тренажерном зале прятались заложники, но и среди них Тамика не было.

В больнице, куда ее привезли, она узнала, что Тамерлан жив.

Полгода Лариса жила в страхе, что террористы придут за ней. В больнице она просила закрывать на ночь решетчатую металлическую дверь, вздрагивала при виде людей в камуфляже и черной одежде, боялась бородатых мужчин.

Когда ее выписали, она долго стояла во дворе клиники и плакала, глядя на небо, на кусты и деревья, вдыхая запах увядающей травы и листьев.

Там, в спортзале, она была уверена, что никогда всего этого больше не увидит.

Регина САНАКОЕВА

Регина

Летом детские сады в Беслане не работали, поэтому первое сентября было праздником и для малышей.

Мама Анжела купила для трехлетней Регины розовый костюм и розовые туфельки. На голове у малышки едва держались два бантика.

Сад называется «Ручеек», потому что рядом с ним когда-то бежал ручей. Ручей высох, но название осталось.

Воспитатели в то утро не принимали детей.

Регина была разочарована. Никто не увидит ее нового костюма и красивых туфелек.

Они с мамой возвращались домой. Навстречу им шли соседи Арчего- вы — Аслан, Оксана и их дети: Алибек и первоклассница Линда.

— Я тоже хочу с ними, — сказала Регина.

— Пусть идет, — предложила Оксана. — Школа рядом, задержимся недолго.

Так трехлетняя Регина оказалась в спортзале без родителей.

Первый день она сидела с Арчеговыми. Девочка никак не могла понять, почему нельзя ходить по залу и почему ей не дают воды. Она вырвалась из рук Оксаны и ушла в сторону тренажерного зала.

Оксана видела, как Регина подошла к боевику и что-то ему сказала. Террорист выслушал девочку, поднял на руки и вошел вместе с ней в тренажерный зал. Их не было несколько минут. Из помещения послышались выстрелы.

— Неужели убили ребенка? — испугалась Оксана.

Но дверь открылась, вышел боевик с повеселевшей Региной на руках и бережно опустил ее на пол.

Девочка пошла по проходу, потом куда-то свернула. Больше Оксана ее не видела.

Регина подошла к Мадине Кцоевой, с семьей которой Санакоевы пре

жде жили на одной лестничной площадке. Мадине всегда нравилось возиться с маленькой Региной. Ребенок был очень привязан к ней и приходил в гости даже тогда, когда Санакоевы переселились в другую квартиру в том же доме.

— Дядя дал мне сначала сладкую желтую воду из бутылки, — рассказала Регина девочкам. — Ноя сказала, что хочу простую. Он дал мне воду из крана.

Все эти дни Мадина Кцоева ухаживала за маленькой Региной: укладывала ее спать, успокаивала. Перед взрывом она положила ослабевшую девочку между ног, как делали все женщины с детьми. Это и спасло Регину.

После взрыва Ирина Кесаева, которая тоже сидела рядом с Мадиной, но за несколько минут до взрыва пересела к маме, видела неподвижную Мадину, которая лежала на Регине.

Дядя Регины, Радик Санакоев, вошедший в зал вместе со спасателями, сам нашел племянницу. Девочка сидела на мертвых телах и безучастно смотрела перед собой.

«Мы с Мадиной умерли, — рассказала она потом матери. — Ноя ожила, а Мадина — нет».

Римма ЦОМАРТОВА

Три дня Римма Цомартова не сомкнула глаз. Сутки она не могла отыскать внука Алана. «Его затоптали, — в ужасе думала Римма. — Он такой маленький и хрупкий...».

Римма, Жаклин и Алан

Нашла Алана на второй день, в четыре утра. Мальчик прятался среди незнакомых людей и не отзывался, когда террорист по ее просьбе выкрикивал его имя и фамилию. «Я думал, они хотят убить меня», — признался он бабушке.

Внучка Жаклин несколько часов провела с завучем школы Ольгой Викторовной Щербининой. «Вы меня не бросите?» — спрашивала она.

Девочка пришла в эту школу впервые и никого не знала.

Отыскав внуков, Римма успокоилась.

На третий день, измученная радикулитом и бессонницей, она решила прилечь. Все эти дни она стояла, вызывая раздражение террористов:

стоять запрещалось. Она присмотрела рядом местечко, куда можно было втиснуться, и прилегла.

Это было за несколько минут до взрыва.

— Бабушка, не умирай, я тебя буду ждать, — крикнул ей внук, когда она выбросила его в окно.

Она подсадила на подоконник и Жаклин. «Дети спасены, самой мне на подоконник не взобраться», — спокойно рассудила Римма. О себе она не думала. Главным для нее все эти дни было сохранить детей.

...Дочь Риммы, красавица Диана, похожая на итальянскую кинозвезду Монику Белуччи, жила в Москве. Летом 2004-го у мужа возникли финансовые проблемы, и Диана с детьми приехала к родителям в Беслан. Детей решили отдать в первую школу. Диана 1 сентября сдавала экзамен на курсах парикмахеров. Пришлось отпрашиваться с работы Римме.

— Как вы думаете, — спросила ее девочка, сидевшая рядом с ней, — нас спасут?

Девочку звали Сабина Мамаева.

— Даже не сомневайся, — ответила Римма.

— А когда вы вернетесь домой, вы испечете три пирога?

Три пирога у осетин символизируют три уровня бытия, и готовят их по радостным поводам, чтобы вознести молитву Всевышнему. На поминальный стол ставят два пирога, что означает: у покойного уже нет будущего.

— Непременно, — ответила ей Римма.

Одна из женщин ударила по ноге незнакомую девочку из-за того, что та наступила на руку ее ребенка. Римма заступилась за девочку.

— А вы знаете, почему все это происходит с нами? — снова сказала Сабина. — Потому что среди нас много таких, как эта женщина. Это наказание.

Потом газеты много писали о Сабине: отец ее говорил, что сам вынес дочь из зала и посадил в белую «Ниву». Но среди живых ее не оказалось.

...В ночь на третье сентября Римму с внуками в числе других пожилых людей и женщин с детьми перевели в тренажерный зал. Она сидела возле Алана и Жаклин и, когда ей удавалось раздобыть воду, приподнимала им головы и поила сонных.

«Дай и мне глоток», — попросила Зоя Ногаева, много лет проработавшая с Риммой в районной типографии.

Она передала Зое пластиковый стаканчик с водой. Эти несколько глотков были последними в жизни Зои.

Как Римма с дикой болью в позвоночнике выбралась в окно, она не помнит. Вероятно, ей кто-то помог. Самой ей это было не под силу.

...Оказавшись во внутреннем дворике школы, Римма медленно направилась к калитке, которая вела во двор соседнего пятиэтажного дома. Бежать не могла — не было сил.

Вокруг свистели пули.

Недалеко от калитки стоял старик в камуфляже. В руках у него был автомат. В нескольких шагах от него, у самой калитки, лежал подросток в темном костюме и белоснежной рубашке. «Он не из школы, — подумала Римма. — Но откуда он, такой чистенький?».

Возле подростка лежал мальчик лет восьми.

Оба были мертвы.

Римма подняла глаза и увидела рядом с ними своего внука.

— Что ты здесь делаешь? — спросила потрясенная Римма.

— Я же обещал, что буду ждать тебя...

Каждый взгляд, каждое слово врезались в память. Римма не может забыть незнакомую девочку, которая там, в зале, проходя мимо нее, остановилась и долго смотрела ей в глаза. Что она хотела сказать? Почему Римма не заговорила с ней? Жива ли она? Мысли об этой девочке не дают ей покоя.

В церкви, на исповеди, она рассказала об этом священнику.

— Почему такое произошло с нами? — спросила она. — За что Бог наказал нас?

— Бог не наказывает. Он отворачивается от нас, когда мы забываем о нем. И попускает, чтобы такое с нами происходило, — ответил священник.

Санта ЗАНГИЕВА

Фатима и Санта

Из-за первоклассницы Альбины Зангиевы едва не опоздали на праздничную линейку. Девочка была так счастлива, так переполнена эмоциями, что запачкала перед самым выходом из дома свой нарядный белый фартук. Пришлось Фатиме застирывать пятно, спешно сушить и гладить фартук дочери.

Задержись они еще минут на пять — и остались бы за пределами школы.

Провожать Альбину в школу вызвалась и соседка Занги- евых — Залина Токаева. У Залины в первой школе учились двоюродные сестры Мадина и Фатима. Они были уже взрослыми, первого сентября с ними в школу никто не ходил. В панике, возникшей при захвате заложников, Фатима Зангиева потеряла младшую дочь. Старшая, девятиклассница Санта, нашла маму быстро.

Сайте была поручена ответственная миссия: отнести колокольчик девочке, которая даст первый в этом году школьный звонок. Санта несла колокольчик бережно, ощущая его приятную тяжесть и думая о том, как это здорово: звонить в него на глазах у всей школы.

Человек в маске, стреляя на ходу, пробежал мимо и толкнул ее. Санта упала, но колокольчик из рук не выпустила.

Она держала чудесный колокольчик и тогда, когда карабкалась на подоконник, чтобы забраться в коридор, и в невообразимой давке у входа в спортзал, и даже в самом спортзале.

В то лето Санта два месяца работала на пищекомбинате — мыла в консервном цехе стеклянные банки. Заработала две тысячи рублей. Это были большие деньги. Девочка купила себе синий сарафан, футболку и модные туфли с острыми носиками. Денег хватило и на обновки Альбине.

Теперь Санта, ее сестра Альбина и их мама Фатима сидели на полу, и Санта очень беспокоилась, что ее новый сарафан запачкается. Все три дня не снимала свою новую форму и Альбина.

«Не пейте воду, чтобы часто не ходить в туалет», — сказал террорист.

Санта воду не пила. И вечером второго дня потеряла сознание. Очнулась оттого, что ее били по щекам. Она с трудом поднялась и подошла к боевику, которого все называли Абдуллой.

— Дяденька, мне плохо, — сказала она, плача.

— Пошли, — сказал террорист и направился в сторону коридора, ведущего в школьное здание.

Они дошли до раздевалок. Дверь одной из них была открыта. На полу лежали рюкзаки. Абдулла сел на один.

— Садись, — сказал он. — И дыши глубже.

Санта села. В открытую дверь доносился шум воды — рядом была душевая.

— Дяденька, а почему вы нам воду не даете?

Боевик внимательно посмотрел на нее. У него были холодные голубые глаза и тонкие губы. На голове — вязаная шапочка. Одна рука забинтована. На коленях лежал автомат.

Санта испугалась.

— А ты смелая девочка, — после долгого молчания сказал Абдулла. — Но вы даже своим не нужны. Почему я должен вас жалеть?

— А зачем вы держите нас здесь? — со слезами в голосе спросила Санта.

— Ты поймешь это, когда Путин перестанет быть президентом.

Санта ничего не поняла.

Она снова прислушалась к журчанию, которое доносилось из душевой.

— Что, воды хочешь? — спросил Абдулла. — Она отравлена. Пить ее нельзя.

Он встал, вышел, намочил свой носовой платок и дал его девочке: «Все! Иди! Если что-то понадобится — подойдешь».

Санта вернулась в зал. Ее продолжала мучить жажда. Она подошла к боевику, который сидел «на кнопке». Он был без маски: худой и черный, короткие волосы плотно прилегают к голове, на лице — щетина.

— Я хочу в туалет, — сказала она.

— Подожди. — Голос у него был неприятный. — Сядь пока.

Она послушно села. Боевик убрал ногу с кнопки, как показалось Сайте, без особых предосторожностей. Второй террорист поставил ногу на «педаль» взрывного устройства и занял его место.

Вслед за освободившимся боевиком она прошла по узкому коридору, ведущему в школьное здание, потом дальше — в направлении столовой. Перед кабинетом химии на полу лежал матрас, возле него, у окна, стоял боевик. Маска его была закатана вверх в виде шапочки. У боевика были зеленые глаза. Он что-то жевал.

— Куда? — резко окликнул он Сайту.

— Мне разрешили, — испуганно ответила она.

Девочка дошла до туалета, расположенного напротив столовой. За дверью был слышен шум льющейся воды.

— Если я узнаю, что ты выпила, — берегись! — сказал боевик.

Санта открыла дверь и вошла. Боевик остался за дверью. Несколько детей жадно пили воду из унитаза. В углу стояла пластиковая бутылка с мутной зеленоватой жидкостью. Санта понюхала, сделала глоток.

Вода отдавала тиной.

— Может, дашь и моему ребенку? — неуверенно произнесла незнакомая женщина.

Санта отдала ей бутылку, тщательно вытерла губы, намочила платочек и вышла в коридор.

Боевик внимательно посмотрел ей в лицо. Санта вздрогнула и опустила глаза: а вдруг он догадается, что она выпила, и выстрелит в нее?

— Обратно пойдешь сама, — сказал он.

Идти одной через всю школу было страшно. Санта добежала до главного коридора. Посмотрела в сторону входа, заложенного партами. Вдоль коридора, у дверей кабинетов, стояли террористы. Боевик с закатанной вверх маской по-прежнему стоял у окна и что-то жевал.

— Ну что, выпила? — недоверчиво спросил он.

Ночью Санта уснула прямо в проходе, на проводах. Боевик растолкал ее прикладом и заставил подвинуться.

Утром, проснувшись, она обнаружила: мамы и Альбины рядом нет.

Она не знала, что Альбине стало совсем плохо и Фатима унесла ее в тренажерный зал.

Вскоре мама и сестра вернулись.

Было очень жарко, родители раздели малышей до трусов, но Альбина отказывалась снять платье и фартук.

— Сними форму, — просила ее Санта.

— Нет. Стреляют же. А вдруг пуля попадет мне в животик?

На третий день мама потеряла сознание. Санта вспомнила слова Абдуллы: «Если что-то надо будет, подойдешь».

Она отыскала его взглядом и подошла: «Моей маме плохо».

Абдулла подозвал врача Ларису Мамитову: «Дай ей нашатырь».

Врач дала девочке кусочек ваты. Санта понюхала его: она не знала, как пахнет нашатырь. Ватка пахла просто ватой. Она бережно принесла ее и дала

понюхать Фатиме.

— Ну что, мама, тебе уже лучше?

-Да.

Санта легла, положив голову на мамины колени. Колокольчик, который она столько времени не выпускала из рук, лежал на полу.

Она нащупала в кармане сторублевую купюру. Первого сентября, после праздничной линейки, они с соседкой Мадиной Токаевой собирались поехать во Владикавказ погулять в парке, поесть мороженого...

Санта закрыла глаза, а когда открыла их, увидела дым и сквозь него — Альбину в окровавленной одежде. Кровь была и на самой Сайте.

К окнам бежали дети и взрослые.

— Пойдемте,— сказала она маме.

Но та словно не слышала ее.

Санта попыталась подтащить к окну Альбину, а потом и маму. Мама с трудом взобралась на подоконник, посмотрела вниз. Ей показалось, что расстояние до земли — как с высоты второго этажа.

«Это очень высоко. Мы разобьемся», — сказала она.

Фатима вместе с Альбиной спустилась обратно в зал. Санта секунду раздумывала: бежать или вернуться к маме?

Надо бежать.

Внизу, на земле, поблескивали кусочки битого стекла. Санта спрыгнула во двор и легла на траву.

Фатима и Альбина остались в зале.

«Если начнется штурм — ложитесь на пол и не поднимайтесь», — предупреждали террористы заложников все эти дни.

Фатима легла на пол и спрятала под себя Альбину.

— Идите сюда, — позвал их по-осетински мужчина.

«Слава Богу, свои», — подумала Фатима.

Она встала и пошла вслед за мужчиной в сторону коридора, ведущего в школьное здание.

В столовой поняла: вокруг — те же террористы, которые были с ними в зале. А по-осетински говорит Абдулла.

На полу кухни, забившись под печи и раковины, лежали заложники. Фатима спряталась, накрыв собой дочь.

...Санта продолжала лежать во дворе, под окном спортзала. Откуда-то стреляли, многие из тех, кто бежал из спортзала, падали.

Она вскочила и побежала через школьный двор, через огороды и оказалась у старой мельницы, где стоял БТР. Ее и женщину с ребенком посадили в боевую машину. Через сотню метров БТР остановился, их пересадили в «Мерседес».

В больнице она показывала всем мамин пропуск с фотографией и спрашивала: «Вы не видели эту женщину?»

Маму никто не видел.

— Сними маечку, — сказала Сайте медсестра.

— Нет!

Эту маечку она бережно хранит.

Распространился слух, что террористы прорвались в сторону больницы. Санта плакала: думала, что убежала от террористов, а они опять пришли за ней!

Когда паника улеглась, Сайту отпустили из больницы. Домой идти она боялась: что скажет бабушке — маминой маме — и отцу? Где мама и Альбина?

Она пошла к тете. По дороге вспомнила про сторублевку, купила в магазине воду и сладости. Воду выпила, сладости отдала какому-то ребенку.

Вечером за ней приехал папа. Он сказал, что мама и Альбина в больнице.

Нашелся и колокольчик, который Санта оставила в спортзале. Теперь он хранится в школьном музее.

Санта окончила школу и учится на психолога.

Бэла КОКОЕВА

Бэла

Двоих первоклассников — семилетнюю Фатиму и шестилетнего Станислава из дома Те- деевых в школу провожали семь человек: мама Алена, бабушка Бэла и тети Эльмира и Надежда Малиевы с тремя детьми. Бэла хотела взять еще двухлетнего Германа, но Алена отговорила свекровь, и ребенка оставили дома.

Эльмира, дочь Бэлы, была с четырехлетним Хетагом и Светланой, которой не было еще трех.

Утром она отвела детей в садик, но их не приняли. Пришлось идти в школу вместе с ними. По этой же причине жена ее деверя Надежда была с четырехлетним Георгием.

Бэла, стоя в коридоре, смотрела, как малыши спускались по ступенькам небольшого школьного крыльца. Выстрела она не услышала. Увидела только, как Раиса Жукаева, стоявшая в дверном проеме, осела и медленно свалилась со ступенек вниз.

С Раисой что-то случилось, ей надо помочь!

Бэла сделала несколько шагов по направлению к двери. В проеме возник силуэт мужчины с автоматом в руках.

Послышались выстрелы и крики. Навстречу Бэле по коридору бежали испуганные первоклассники.

— Почему они стреляют? — кричали ее внуки.

Бэла со Славиком и Фатимой поднялась по узкой лестнице на второй этаж.

Длинный коридор, окна которого выходили во двор, был залит солнечным светом. Слышался звон разбиваемых стекол — по окнам стреляли. Она бежала, пригнувшись, заслоняя собой внуков. Огромное стекло из оконной рамы обрушилось ей на спину и рассыпалось на мелкие осколки.

У двери шестнадцатого кабинета стоял ее знакомый Батраз Туганов:

— Сюда, быстрее! — крикнул он.

Она вбежала с детьми в помещение и почувствовала себя в безопасности.

— У вас кровь на спине, — сказал Батраз и дал ей свой носовой платок.

Сестра Батраза Туганова жила по соседству с Бэлой. Сам он работал водителем служебной машины директора Бесланского маисового комбината. В то утро он привез в школу жену и детей своего шефа. Батраз уже отъезжал от школы, когда услышал выстрелы. Он вернулся и оказался среди заложников.

К ним присоединилась школьная медсестра Фатима Муртазова.

Прятались в кабинете недолго: террорист, обходивший классы и кабинеты, заставил их спуститься в спортзал.

На второй день, когда боевики уже запретили заложникам пить воду, Бэле удалось выйти с внуками в душевую. Террористы сняли с краников вентили. Бэла металлической шпилькой для волос повернула задвижку, и из крана полилась тонкая струйка воды.

— Тихо, вдруг услышат, — испуганно прошептала вошедшая вместе с ней женщина.

Они напоили детей. Шпильку Бэла оставила — пусть пользуются ею, пока не заметят боевики.

— Позовите моего папу, чтобы он меня спас, — повторяла маленькая Фатима.

— Тетя Бэла, у вас ноги отекли, — сказал ей сын ее знакомой Симы Басиевой Ацамаз Бекоев. — Дайте я вам их помассажирую.

Старший сын Симы Азамат принес в мужской туфле немного воды для Славика.

Вскоре Фатиму забрала к себе Алена, которая сидела в другом месте. Славик остался с Бэлой.

...Бэла не слышала ни одного взрыва: она потеряла сознание задолго до этого. Она словно проснулась от долгого сна. Огляделась. Где Славик? Где люди? Почему все лежат?

По залу в сторону коридора шла женщина с ребенком на руках. Бэле показалось, что она услышала звук только одного выстрела. И этот выстрел сразил молодую женщину с ребенком. Женщина замерла, словно к чему-то прислушиваясь, потом медленно опустилась на пол. Ребенок на ее руках испуганно закричал.

Бэла посмотрела в ту сторону, где сидела ее невестка Алена со своей дочерью Фатимой. В нагромождении тел невозможно было разглядеть кого-либо. Но вот зашевелился человек, поднял голову. Это была Алена!

Бэла окликнула ее.

Алена подползла к свекрови и легла рядом.

— Ты не знаешь, где Фатима?— спросила она.

— А разве она не с тобой? — испуганно произнесла Бэла. — И где Славик?

Недалеко от кабинета физруков на скамейке стоял мальчик и испуганно озирался по сторонам.

— Славик! — не веря своим глазам, позвала Бэла.

Мальчик оглянулся на зов. Это действительно был ее внук.

— Зачем ты стоял на скамейке? — спросила его Бэла, когда он перебрался к ним.

— Я не мог стоять на полу. Он был горячий.

Что делать? В зале — ни террористов, ни своих. К окнам не подойти: они простреливаются. Во двор не выбраться, там тоже стреляют. Спасателей не видно.

Рядом с Бэлой очнулась русская женщина.

— Лежите, — сказала она. — Террористы могут вернуться.

Она была права. В дверях, ведущих в школьный коридор, появился черноволосый мужчина высокого роста.

— Идите сюда, — сказал он по-осетински.

Сомнений не было — он обращался к ним. И это был один из террористов!

Алена приподнялась.

— Лежи! — испуганно потянула ее к себе Бэла.

Но Алена словно не слышала:

— Пойду посмотрю, жива ли Регина,— сказала она (Регина — соседка по дому, сидевшая рядом с ней). И, не обращая внимания на террориста, стала пробираться на свое место.

Отыскала раненую Регину, и они вместе перебрались к Бэле.

Террорист все это время стоял в дверях и молча наблюдал за ними.

Держась окровавленными руками за стену, к боевику приблизилась преподаватель музыки Эльза Викторовна Дзебоева. Террорист взял ее под руку и увел.

— Бэла! — услышала она знакомый голос.

Ее звал сосед, шестиклассник Алибек Арчегов.

— Ползи сюда, — сказала Бэла.

Алибек перебрался к ней.

Они лежали до тех пор, пока из тренажерного зала не появились спасатели.

— Кто живой, поднимайте руки, чтобы мы вас видели! — кричали они.

Алена, Регина и Славик поползли в их сторону.

Бэлу вынесли.

Ее внуки, первоклассница Фатима Тедеева и двухлетняя Света Малие- ва, погибли.

Тереза КОКОВА

Тереза верит в провидение. В тот день, первого сентября, она должна была опоздать на линейку. Ей никто не говорил о том, что праздник в первой школе, где учатся ее дети, переносится с десяти часов на девять.

Тереза собиралась к десяти, а пришла в девять. Ждала сестру с детьми, несколько раз звонила ей, но та не отвечала. (Сестра никогда не выходила из дома, не помолившись. Пока молилась, опоздала).

Тереза отвела Батраза и Аланку в классы, вышла во двор. В десять ей надо быть в своей школе, шестой, где она преподает физику. Она дошла до калитки, ведущей со двора Тереза, Алана и Батраз первой школы в Школьный переулок. Остановилась и заговорила с Аллой Козыревой — их дети были одноклассниками. Снова сделала несколько шагов и опять остановилась. Спросила у кого-то время.

— Пять минут десятого.

— Одиннадцатого?

— Нет, десятого.

— Этого не может быть!

Так она с детьми оказалась в заложниках.

... Вечером учительница Злата Сергеевна Азиева вывела детей, среди которых была и Аланка, в душевую. Едва они вышли в коридор, как раздался взрыв. Аланку отбросило в зал.

Прошел слух, что взорвалась шахидка.

Больше Аланка ни разу не выходила из зала.

— Отче наш, сущий на небесах... Мама, я правильно читаю?

Батраз и Аланка учились в воскресной церковной школе. Они часто ходили с мамой на богослужения.

Светлана Баликоева, завхоз школы, лежала на полу. На животе у нее были красные пятна и волдыри — обожглась, когда гасили известь во время ремонта. На ней лежали дети.

У Светы была бутылка воды, которую она прятала на груди. Малыши подползали к ней и, чтобы не заметили боевики, пили воду через ткань блузки.

Тереза подобрала с пола четыре детских носочка: когда их отпустят, ее дети могут поранить ножки — в коридоре столько битого стекла!

На третий день сознание Терезы стало затуманиваться.

После взрыва ей показалось, что все, кроме нее, умерли. Тереза не узнавала Алану, которая лежала рядом. Когда все убегали, девочка осталась с мамой. Батраза выбросило из зала взрывной волной.

Тереза поднялась и пошла по залу.

— Мама! — кричала ей вслед дочь. — Вернись!

Вокруг свистели пули, но Тереза, не обращая на них внимания, шла в сторону кабинета физруков.

У входа в кабинет, облокотившись на сейф, сидела Маруся Кусова. Она что-то говорила, но Тереза ничего не поняла.

Вокруг неподвижно лежали люди. Тереза всматривалась в их лица, но никого не узнавала.

В кабинете физруков на полу — мертвые Каниди и незнакомая женщина. В углу — Лариса Томаева, медсестра реанимационного отделения больницы, с двумя детьми.

— Где твои дети? — спросила она Терезу.

— Не знаю.

— Отойди от двери, стреляют.

Тереза продолжала стоять у входа. Здание содрогнулось от страшного взрыва. Терезе показалось, что голова ее раскололась на части. Она подняла руки и долго ощупывала ее.

В мужчине в камуфляже, который, пригнувшись, пробирался по залу, она узнала Алана Батагова, прокурора района.

— Надо уходить, — сказал ей Алан Русланович.

Тереза продолжала стоять.

Алан взял ее за руку и повел в сторону тренажерного зала. Ее передали в окно; чьи-то руки подхватили и опустили на землю.

К ней подбежал брат.

— Где дети? — спросил он.

— Какие дети?

В больнице врач Бэла Батагова что-то говорила о взрывах.

— Какие взрывы? — не могла понять Тереза.

В тот день она так и не вспомнила о своих детях. Бог уберег ее, стерев ей на время память: Аланку нашли только поздно ночью. После ухода мамы девочка еще несколько часов лежала в спортзале. Когда начался пожар и сверху на нее полился дождь из расплавленного пластика, она взмолилась: «Ангел-хранитель, накрой меня своими крыльями».

И капли перестали падать.

Ее вынесли спасатели.

Из больницы Аланку увез брат Терезы. Он долго не мог дозвониться Коковым, чтобы сообщить, что Алана жива, поэтому отец продолжал искать ее.

Муж пришел к Терезе только на второй день.

— Что бы я сказал тебе, если бы ты спросила о детях? Ведь я уже собирался искать нашу дочь в морге, — сказал он.

Как-то знакомая упрекнула Терезу: «Ты спасла своих детей и не помогла моим».

Тереза ничего не стала объяснять.

Тот, кто не был там, все равно ничего не поймет.

Фатима МУРТАЗОВА

«Мама!» — звал Фатиму далекий исчезающий голос.

Как в лесу, сквозь гущу деревьев, доносился до нее зов ее ребенка.

Она открыла глаза. Возле нее на полу сидела Вика — средняя из трех дочерей. «Мама, — сказала Вика, — все уже убежали. Вставай, нам надо идти».

Фатима огляделась. Ее дети вроде бы живы и невредимы. Вика и Мадина — вот они, рядом, старшая, Диана — чуть дальше.

— Диана, поднимайся, — позвала она.

— Не могу.

Фатима подползла к дочери, осмотрела ее, перевернула лицом вниз и увидела на затылке осколочную рану.

Диана была полностью парализована!

Фатима обхватила туловище дочери и, поддерживая ей свисавшую, как у младенца, голову, потащила в сторону входной двери. Дверь была распахнута, но во дворе шел бой.

Вика, Фатима, Диана, Мадина

Она опустила Диану на пол и спрятала младших дочерей за длинную перевернутую скамью, придвинутую к стене. Нашла кусок фанеры и, подложив его под голову Дианы, устроила ее на своих коленях.

Фатима решила ждать, когда стихнет бой и можно будет выбраться во двор.

...Фатима Муртазова работала в первой школе медсестрой, поэтому дети ее постоянно были рядом. Старшая, Диана, перешла в девятый класс, средняя, Вика, — в шестой, а младшая, Мадина, пошла в этом году в первый.

— Ты будешь учиться у меня, — говорила Мадине Галина Хаджиевна Ватаева, которая жила по соседству с Муртазовыми.

Галина Хаджиевна была одним из лучших педагогов школы, и многие стремились записать ребенка в ее класс. В начальной школе у нее училась и Диана.

...Утром Фатима спешила: музыкальную аппаратуру, которую устанавливали во время праздников во дворе, включали в электросеть в медпункте, ключ от которого был только у нее.

Навстречу ей уже бежала одна из старшеклассниц: «Давайте быстрее ключ!».

В первые минуты захвата школы Фатима с маленькой Мадиной спрятались в актовом зале. Во дворе стреляли, слышался детский визг. Опасаясь за старших детей, Фатима решила выглянуть во двор. Но окна актового зала выходят на улицу. Чтобы увидеть двор, надо перебраться в один из классов.

В коридоре — никого. Добежав до кабинета литературы, дверь которого была открыта, увидела Бэлу Кокоеву.

— Не подходи к окнам, — сказала Бэла. — По ним стреляют.

Спина ее была в крови — в коридоре на женщину упали разбитые пулями стекла.

Мимо кабинета шел мужчина в гражданском, разговаривая по мобильному телефону.

— Дайте мне на минутку телефон, — попросила Фатима.

Она не сразу заметила террориста, который появился в конце коридора.

В спортзале Фатима оказалась недалеко от входной двери, которая была заложена партами и шкафами. На расстоянии вытянутой руки от нее, в проходе, лежало тело Руслана Бетрозова.

Оба сына Руслана, Алан и Аслан, учились в этой школе. Алан посещал музыкальную школу, играл на осетинской гармонике и участвовал во всех школьных праздниках. Младший, Аслан, занимался вольной борьбой.

Фатима видела, как по проходу к телу отца приблизился старший из сыновей, Алан. Лицо подростка побледнело, он вздрогнул и, резко повернувшись, ушел обратно.

.. .Стрельба во дворе не стихала. Что-то тяжелое обрушилось на крышу спортзала и проломило перекрытие над баскетбольным кольцом. Вместе с обломками досок и пластика на пол свалился человек. Несколько секунд он лежал не двигаясь, потом встал, озираясь по сторонам.

Из тренажерного зала выглянул боевик и крикнул ему: «Иди в столовую!».

Мужчина, спотыкаясь, побрел в сторону коридора, ведущего в школу. Он был маленький, худой и черный. Дойдя до середины зала, упал и больше не поднялся.

«Наверное, снайпер», — решила Фатима.

Свесившиеся из пролома в потолке рейки и обломки пластика мгновенно вспыхнули, огненные капли падали на вещи, сумки и пакеты, сложенные на полу.

Начинался пожар.

Из тренажерного зала вышел одноглазый боевик и, встав у входной двери, стал стрелять во двор. В противоположном конце зала, у входа в коридор, показались еще двое террористов. Они высматривали в зале живых. Заметив Фатиму, один из них крикнул:

— Иди сюда!

— У меня ребенок ранен, — ответила она.

— Мама, иди, — сказала Диана.

— Оставь ее и иди туда, — одноглазый махнул автоматом в сторону боевиков.

Двое в противоположном конце зала расценили этот жест по-своему и, повернувшись, скрылись в глубине коридора.

Фатима осталась в зале. Это спасло Диану.

Одноглазый, к которому присоединился еще один боевик, продолжал стрелять. Снаружи в них бросили гранату. Осколок попал Диане в правую руку и перебил вену.

Фатиме удалось остановить кровотечение.

Боевики отступили в сторону тренажерного зала. Оружия у них уже не было — только пояса с гранатами. Со двора в зал вошел мужчина в камуфляже, с белой повязкой на рукаве.

Они оказались лицом к лицу: он — у входа в спортзал, боевики у двери тренажерного.

— Иди сюда, не бойся, — шутливо поманил вошедшего один из террористов.

Мужчина стоял, потрясенный увиденным.

Внезапно послышался грохот, из распахнувшейся двери тренажерного зала появились спецназовцы. Террористы побежали в сторону школьного коридора.

Человек с белой повязкой на рукаве словно вышел из оцепенения. Он сделал несколько шагов в глубь зала и остановился, опустив автомат.

— Что наделали, гады, что наделали!.. — повторял он. — Звери, звери...

Когда Фатима поняла, что помощь уже пришла, она велела Вике и

Мадине бежать к спасателям. Мужчины помогли ей вынести Диану и положить на носилки.

Через несколько дней Диану самолетом отправили в Москву, где ее прооперировали в Морозовской клинике. После операции возникли непредвиденные осложнения, и девочке становилось все хуже. Но даже не имея возможности двигаться, Диана не переставала смеяться и подбадривать маму.

Врачи были менее оптимистичны. Будучи медиком, Фатима и сама понимала: она может потерять дочь.

Диану отправили в Германию.

— Мы тоже не волшебники, — сказал Фатиме врач в клинике Гетенгена. — Но постараемся сделать все возможное для спасения вашей дочери.

Снова — операция. Улучшение в состоянии Дианы наступило только после того, как из раны был извлечен осколок.

До пятнадцатого ноября Диана была под аппаратом — дышать самостоятельно она не могла. Когда отключили систему искусственной вентиляции легких, она испугалась.

Первый вздох был настоящим праздником. Снова радостно заблестели глаза Дианы: «Мама, все будет хорошо!».

Следующим этапом выздоровления стало то, что Диана смогла сидеть в коляске.

Событием было возвращение домой. Это была радость, смешанная со слезами, — погибли одноклассники Дианы, не стало многих из соседей, знакомых.

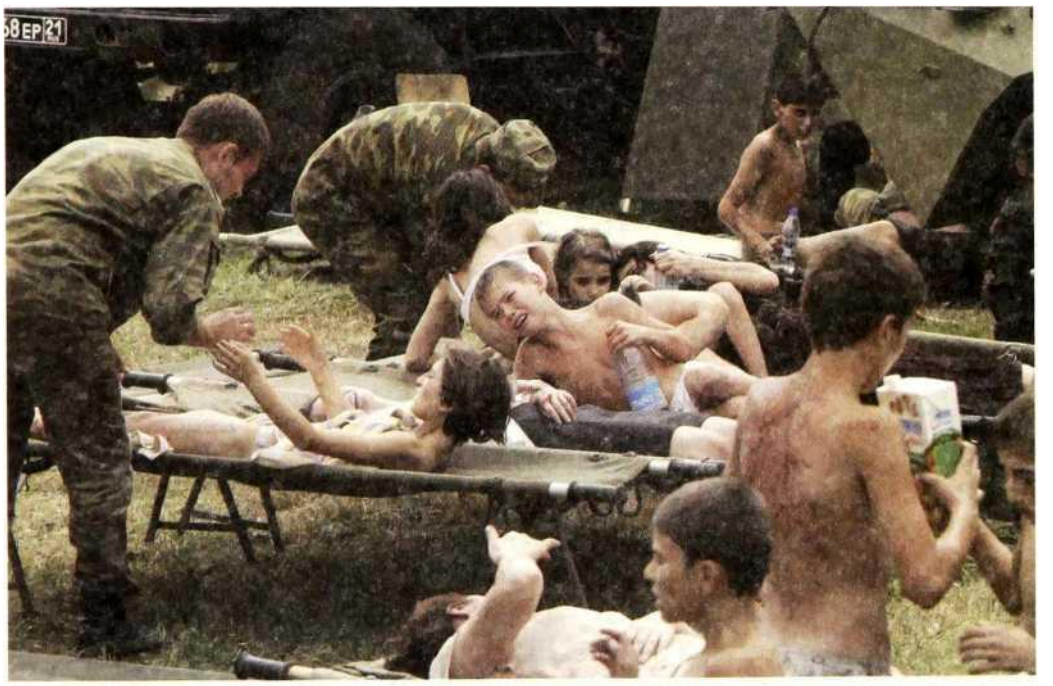
Вскоре Диана познакомилась с Валентином Дикулем. Этот человек, сам перенесший перелом позвоночника, встал на ноги вопреки приговору врачей. Он разработал собственную систему реабилитации больных с проблемами позвоночника, создал Центр, где поднимает на ноги людей, прикованных к инвалидным коляскам. Но лечение в Центре требует немалых денег. За процессом выздоровления Дианы следит и глава республики Таймураз Мамсуров — несколько раз средства, необходимые на лечение девочки, выделялись из республиканского бюджета.

Диана с серебряной медалью окончила школу и поступила в Московский институт предпринимательства и права, на факультет «Бухучет, анализ и аудит».

— Может, продадим две твои коляски и купим новую, более усовершенствованную? — как-то сказала Фатима дочери.

— Ну что ты, мама! Я собираюсь встать на ноги, а ты мне опять коляску покупаешь! — обиделась Диана.

У нее большие планы на будущее.



Полевой госпиталь

Фатима ХОСОНОВА

Фатима

— Сегодня можешь не завтракать, — разрешила Фатима дочери. — В школе задержимся не больше тридцати минут.

Вернулись они домой через четыре месяца.

Долгожданную дочь Дзерассу Фатима родила в сорок лет, когда двое сыновей уже были студентами. Теперь Аслан и Ацамаз души не чаяли в своей маленькой сестренке.

В этом году Дзера перешла во второй класс.

— Не уходите, — крикнул Фатиме из душевой Аслан.

— Я вас отвезу.

Но Фатима с дочерью пошли пешком: школа — почти рядом с домом.

Теперь, сидя в зале среди заложников, она понимала: уйдя пешком, она спасла сына.

— Как ты думаешь, — спросила Дзера, — папа не голоден?

Муж Фатимы, Зелим, в последние годы болел. «А вдруг у него случится приступ? — снова заволновалась Дзера. — Давай помолимся за него.

«Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...», — зашептала девочка.

Вместе мама и дочь прочитали молитву Господню, «Богородице Дево», молитву ангелу-хранителю и «Символ веры». На Дзеру снизошло умиротворение, она успокоилась. Ни разу за эти три дня она не вспомнила о еде и спокойно переносила жажду.

Благодаря молитвам, уверена Фатима.

Только однажды она решила попросить для дочери воду у знакомой, Людмилы Кокаевой. Женщина отлила ей воду из небольшой пластиковой бутылочки в детскую туфельку.

Около Фатимы сидели двое подростков — она решила, что это брат и сестра. Тело мальчика было покрыто сыпью, глаза покраснели, он тяжело дышал. Девочка обмахивала его кусочком картона.

— Возьми бутылку с мочой и намочи ему грудь, — посоветовала

Фатима. — Может, лучше станет.

— Как вы думаете, нас отпустят? — спросил Фатиму мальчик.

— Конечно, отпустят, — уверенно сказала Фатима. — Разве ты не заметил, что они ведут переговоры?

— Правда? — обрадовался он. В порыве радости схватил ее руку и благодарно пожал.

— Знаете, как я люблю свою маму, — задумчиво произнес он через некоторое время. — Я так обниму ее, когда приду домой!

Голос мальчика показался Фатиме знакомым. Она всмотрелась в его лицо — это был Заур, сын ее знакомого Романа Абоева. Фатима вспомнила, что жена Романа умерла, когда Заур был совсем маленьким. Он привел в дом вторую жену, Залину Канукову, которая вырастила Заура. Именно ее он и называл мамой.

А девочкой, которая сидела рядом с Зауром и обмахивала его, была Оксана Кокова.

Через некоторое время подростки пересели на другое место, и Фатиме удалось прилечь. Дзеру она уложила между ног. Руки Фатима закинула за голову. Поэтому осколки и металлические фрагменты во время взрыва попали ей в руки, не задев голову.

Сверху упала доска. Фатима притянула ее поближе и уложила на нее Дзеру.

— Отползай! — кричал один из террористов.

Фатима подняла голову — прямо над ней, в баскетбольной сетке, дымилось и шипело взрывное устройство.

Она успела отползти.

Фатима видела всё, что происходило в зале. И всё, что она видела вокруг, напоминало ей картину Брюллова «Последний день Помпеи», репродукция которой висела когда-то в их доме.

Словно в трансе, полуголые, окровавленные заложники, которые не успели убежать, вставали и шли: кто — в сторону коридора, кто — тренажерного зала.

Те, кто не мог подняться, тянули к ним руки. Среди тяжелораненых Фатима заметила Замиру Мамсурову, дочь председателя парламента республики Таймураза Мамсурова.

— Помогите, — умоляла девочка.

Потом она узнала, что Руслан Аушев предлагал Мамсурову вывести из зала его сына и дочь, но тот отказался.

К Замире подобралась Зара Александровна Гайтова, сестра директора школы. Женщина едва стояла на ногах, и поднять девочку ей не удалось.

Недалеко от Фатимы — пожилой мужчина, который был ранен первого сентября, при захвате заложников. Окровавленная рубашка за три дня присохла к ране. Он бредил: «Пойду, сдамся. Пусть отпустят детей».

Фатима с Дзерой лежали в окружении неподвижных тел. Местами их

Э.т4. Раасаеёа нагромождение достигало метра в высоту. «Если внизу есть живые, им не выбраться», — думала Фатима. В минуты затишья она слышала голоса: «Мамочка, прости», «Мамочка, прощай».

Мимо нее проползла родственница Валентина Хосонова. Фатима окликнула ее, но та ее не слышала.

По залу, вдоль стены, пробирался вооруженный мужчина (это был Олег Бутаев из Алагира). Фатима подняла руку, чтобы привлечь его внимание.

— Возьми ребенка, — попросила она, когда он приблизился.

Мужчина подхватил Дзеру на руки и унес в сторону тренажерного зала.

Теперь Фатима была спокойна за дочь.

Странное тепло разливалось у нее в животе. Она не знала, что пуля изрешетила все ее внутренности, но понимала: тепло — это внутреннее кровотечение, и двигаться ей нельзя. «Я выживу, — твердила она себе. — Тонет тот, кто боится утонуть».

Страха смерти не было.

«Если Богу угодно — я вернусь домой, — спокойно рассуждала она. — Если Бог призовет меня к себе, пойду к Нему».

Богу было угодно, чтобы Фатима вернулась домой. Первый, кого она увидела за пределами зала, был ее сын Аслан. Он подхватил ее на руки и побежал к машине. Салон его внедорожника был весь в крови — он сделал уже множество рейсов от школы до больницы.

Двенадцать часов пролежала Фатима на операционном столе. Ее внутренности врачи собирали по кусочкам.

Дзере тоже предстояла операция. Родители должны были сделать выбор — оперировать ее в Москве или везти в Америку.

Сын Фатимы поехал в один из монастырей Подмосковья к старцу.

Он стоял в конце огромной очереди паломников у монастырской кельи.

— Пропустите ко мне того, кто приехал из Беслана, — сказал прозорливый. — Что, не знаете, где делать операцию? — ошеломил он парня.

Тот не успел ответить.

— В Москве, конечно, в Москве, — сказал старец.

Дзера поправилась. Она учится в школе.

Амина КАЧМАЗОВА

Амина

Класс, в котором училась Амина, находился в маленьком здании начальной школы, расположенном во дворе. В большое здание она входила редко. Но когда ей приходилось бывать там, она испытывала странное благоговейное чувство: в нем пахло деревом, книгами и еще чем-то строгим и торжественным.

А еще над окнами этой школы любили вить свои гнезда ласточки.

Первого сентября Амина собиралась в школу с соседскими девочками Агундой и Алиной Тетовыми. Агунде было тринадцать лет, а Алине — двенадцать.

Агунда, которая очень любила свою школу, убежала раньше, не дожидаясь их.

Алина и Амина не спешили. Амина первый раз надела форму с белым фартуком, который ей очень нравился. Тетя Алины срезала им в палисаднике цветы и дала мелких карамелек в желтых фантиках.

По дороге девочки вспомнили, что забыли цветы у Качмазовых, и вернулись за ними.

Они уже подходили к школе, когда Алина сказала:

— Давай не пойдем. Я не хочу туда!

— Как это? — удивилась Амина.

Они вошли в школьный двор и направились каждая в свой класс: Алина — в большое здание, а Амина, пробежав мимо водопроводного крана, — в свою маленькую школу. Сколько раз потом, в безумной жажде спортзала, представлялась Амине бьющая из крана мощная струя воды!

Учительница Татьяна Валентиновна Светлова поздравила своих учеников с началом учебного года и вывела их во двор.

Услышав выстрелы, Амина решила, что это фейерверк. Потом, плача, бегала по двору и спряталась в котельной. Незнакомая старшеклассница обняла ее и успокоила.

Когда их вывели из котельной, Амина опять побежала через двор в сторону спортплощадки. На земле валялись гвоздика и детская туфелька.

В зале одна из женщин сказала ей: «Сейчас придет Путин». Амина с нетерпением ждала его, поглядывая на дверь. Рядом не было ни знакомых, ни одноклассников. Не видно было и Агунды с Алиной. Только в нескольких шагах от нее сидела сестра маминой подруги Лариса Кантемирова со своими детьми — первоклассником Русланом и двухлетней Радой.

И вдруг она увидела свою учительницу Татьяну Валентиновну и одноклассников!

Теперь она была вместе с ними. Учительница успокаивала их, водила в туалет, позволяла лежать на своих ногах. Когда составляли списки детей дошкольного возраста, Татьяна Валентиновна сказала Амине: «Иди, запишись. Ты маленькая, может, тебя отпустят».

Амину записали, но никого не отпустили.

В ночь со второго на третье с Аминой что-то произошло. Она в беспамятстве вскочила и, порываясь бежать, громко звала сестру Аиду. Женщины с трудом ее успокоили.

Днем она взяла майку и вышла в коридор. На стуле сидел террорист. Рядом с ним лежала огромная куча вещей.

— Можно я намочу майку? — сказала Амина.

— Положи ее, или я тебя застрелю.

Она испугалась и вернулась в зал.

Из учеников возле Татьяны Валентиновны остались Сослан Губуров, Лайма Торчинова и Фариза Митдзиева. Остальные разошлись по залу.

Часа за два до взрыва Амина тоже перебралась на свое прежнее место, туда, где сидела Лариса Кантемирова с Русланом и Радой.

...Амина не сразу поняла, что произошло. Все побежали в сторону входной двери. Она вскочила и тоже побежала туда, потом — в противоположную сторону, опять к выходу, оттуда — в кабинет физруков.

Жанна Цирихова, назвав ее доченькой, обняла и повела в столовую.

В столовой на полу валялись фантики от сникерсов и несколько конфет.

Повар Сима Албегова набирала в пластиковые стаканы воду из большой кастрюли и раздавала ее детям. Амина пила воду и громко смеялась.

Она долго лежала на полу, потом ей сказали, что надо подняться на стол, придвинутый к окну. Амина пыталась сделать это, но не могла. Ее подсаживали, но все это, казалось ей, происходило очень медленно и долго.

В больнице ее нашли не сразу — в списке вместо «Амина» кто-то ошибочно написал «Алина».

Ее соседки Агунда и Алина Тетовы погибли.

Рита ДЗГОЕВА

Рита

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, — сказал классик. — И только каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Владимир Дзгоев и Анна Плиева учились в престижной 109-й железнодорожной школе Беслана, где мать Анны, Антонина Лукинична, преподавала математику.

Жили в рабочем микрорайоне на планах кирпичного завода, дружили еще со школы. Поженились, когда Володя вернулся из армии.

Они были счастливы в браке. Веселая и энергичная Аннушка была прекрасной женой, гостеприимной хозяйкой и заботливой мамой для своих пятерых детей. Двери их квартиры всегда были распахнуты для друзей и соседей, а детей в нем всегда было вдвое больше — к девочкам и сыну приходили подруги и друзья.

Аннушка очень любила цветы, и квартира их была похожа на оранжерею. Она разговаривала с ними; была уверена, что цветы лучше растут под музыку. И если у соседей заболевал комнатный цветок, его несли к Аннушке — на лечение.

Подрастали дети.

Вышла замуж старшая из девочек — Ирина. Ольга окончила институт, Надя поступила в училище, Рита была в девятом, а Аслан, долгожданный сын, перешел в восьмой класс.

Владимир служил в ГИБДД.

Он вставал в половине шестого утра, а в шесть уезжал во Владикавказ. Аннушка уже в пять часов была на ногах, чтобы приготовить завтрак для мужа и проводить его на работу.

Выезжая со двора, Володя бросал взгляд на балкон: на нем в любую погоду стояла Аня. Прощальный сигнал и взмах руки. И уверенность в том, что вечером, в какое бы время он ни приехал, Аннушка будет его ждать.

Так было и в тот день, первого сентября. Уезжая, Володя коротко посигналил, Аня помахала ему рукой, простившись с ним навсегда.

«Детство, детство, ты куда спешишь?» — голос Юрия Шатунова перекрывал все остальные звуки: радостный смех, восклицания, голоса детей и взрослых.

Учебный год в первой школе начинался, как обычно, с торжественной линейки.

Рита взглянула вверх — огромная связка разноцветных воздушных шаров медленно уходила в бездонное, еще по-летнему синее, небо. И в ту же секунду прозвучали первые автоматные очереди.

Много лет спустя Рита сопоставила эти два факта и подумала: возможно, шары были сигналом к началу операции по захвату заложников.

С тех пор шары напоминают ей тот миг — начало конца. Конца их радостной счастливой жизни. Той жизни, где живы были еще мама и старшая сестра Ольга.

Маминого тепла хватало на всех: и на своих пятерых детей, и на маленькую внучку, и на друзей Аслана, и на подруг дочерей.

Ольга в том году защитила диплом, она окончила факультет бухгалтерского учета Северо-Осетинского государственного университета.

Семья Дзгоевых

В какой школе могла учиться Ольга? Конечно, в первой. Ведь она рядом с их домом, с балкона их квартиры школа — как на ладони. Кроме того, первая — лучшая в районе.

Ольга приходила на все школьные праздники, даже будучи студенткой.

В то утро, едва заслышав звуки музыки, она побежала на балкон. На соседнем стояла ее подруга Зарина Даурова.

— Ну что, идем? — крикнула ей Ольга.

— Идем!

Из дома Дзгоевы ушли вчетвером: вначале Рита с Асланом, потом Анна с Ольгой. Во дворе к ним присоединилась Зарина Даурова.

Рите не терпелось встретиться с подругами Ириной Кесаевой и Дианой Баскаевой. С Ирой они ходили на танцы, с Дианой пели в хоре.

Диана была красивой, приветливой и очень доброжелательной девочкой. Она писала стихи, которые показывала только Рите.

Одноклассники Риты уже строились во дворе. Она подошла к ним, поздоровалась. Посмотрела на шары. Оглянулась и увидела человека в маске.

...Она бежала через двор и ощущала странные прикосновения — это были кусочки асфальта, которые откалывались пулями, — террористы стреляли под ноги.

В зале Анна, Ольга, Рита и Аслан оказались в разных местах, потом собрались вместе. От того места, где сидели Дзгоевы, до их квартиры — несколько метров. Интересно, что делает папа?

— Я видел на нашем балконе сигаретный дымок, — сказал Аслан. — Наверное, папа там.

Они не знали, что террористы обстреляли их квартиру, изрешетив всю мебель. А в соседней квартире возник пожар.

Третьего сентября многие из заложников, видя развороченное окно и закопченную стену пятиэтажки, думали, что весь город захвачен террористами.

... Людмила Кокаева, мама одноклассника Риты Сослана, рассказывала Анне свой сон: много-много белых цыплят, которых хватала и уничтожала чья-то страшная рука.

— Рита, — неожиданно сказал Сослан. — Ты же такая красивая. Встань и спаси нас.

К Ане перебрались их соседки и родственницы Фатима и Залина Дзгоевы. Девочки убежали в школу, не дождавшись своей мамы, которая вернулась за бутылочкой с детским питанием.

Аня и Оля опекали их все три дня.

На второй день Рита стала впадать в сонное оцепенение. Проснулась оттого, что ее сильно встряхнул Алеша Птах. «Не спи», — сказал он.

Ольга ухаживала за ними всеми — доставала воду, нашатырный спирт.

На третий день Ане стало совсем плохо, и она лежала, положив голову на колени Ольги.

Рита не помнит ни взрыва, ни того, как оказалась в больнице.

Асик после взрыва стоял не двигаясь.

— Беги! — кричала Аня сыну. — Беги!

Алеша Птах схватил его за волосы и потянул за собой.

... О том, что в Беслане террористы захватили школу, Володя узнал от сослуживцев. Он рванул на машине по пустынной автотрассе в Беслан. Приехав, оставил автомашину за кольцом оцепления, прошел через ряды военных и милиционеров и поднялся в свою пустую квартиру.

Все жильцы их пятиэтажного дома были эвакуированы, остались только мужчины.

Вместе с соседями Володя тушил пожар, возникший в одной из квартир. В его собственной вся мебель и стены были изуродованы пулями — окна выходили в сторону школы, и квартиру оттуда постоянно обстреливали.

...Володя вошел в спортзал одним из первых — вместе со спасателями.

Ему, сотруднику милиции, пришлось повидать многое, побывать в «горячих точках». Но то, что он увидел здесь, не поддавалось осмыслению.

— Надо ехать в морг, — сказали ему вечером родственники.

— Не надо. Они там, — ответил он, кивнув в сторону школы.

Чтобы заглушить невыносимую душевную боль, он пил всю ночь. Но опьянение не наступало: перед глазами стоял спортзал.

Его Аннушки и дочери Ольги уже не было в живых. Он опознал их сам.

Закрытые гробы внесли в закопченную и обстрелянную квартиру. Хоронили Анну и Ольгу на новом кладбище, где каждый день появлялись новые могилы.

Из большого общего двора в переулке Школьном, где расположены три пятиэтажных дома и где жили Дзгоевы, на кладбище каждый день уходило несколько траурных процессий. Всего из жителей этих домов погибло 39 человек.

Завяли в доме Дзгоевых комнатные цветы. Собака, которая признавала в семье только Аннушку, сутками лежала под ее портретом.

После похорон сестра Анны Людмила уехала в Ростов, где в областной детской клинической больнице лежала Рита. Девочку прооперировали, из головы извлекли металлический осколок. Когда она пришла в себя, тетя Люда сказала: «Маму и Олю похоронили...».

Не стало и одноклассников Риты: Фатимы Богазовой, Дзеры и Ларисы Тотиевых, Алины Галаевой, ее любимой подруги Дианы Баскаевой и Олега Джиоева.

После операции

Прошло семь лет. Владимир так и не женился.

Ангелом-хранителем семьи остается Людмила — сестра Анны. Несмотря на занятость (она глава администрации местного самоуправления Правобережного района), Людмила Михайловна постоянно контролирует детей, следит за их учебой.

Это она удержала Владимира от мести.

— Жизнь окончена, — сказал он спустя месяц после теракта. — Остается только одно: взять оружие и уйти в лес...

— Если ты сделаешь это, твои дети останутся круглыми сиротами, — сказала зятю Людмила Михайловна. — Аня бы тебе этого не простила.

Жизнь продолжается. Подросшая Надежда заменила в доме маму, она выполняет всю женскую работу в семье: готовит, убирает, стирает.

Рита учится в Москве. Аслан тоже стал студентом.

Каждый день, выезжая со двора, Владимир коротко сигналит и бросает прощальный взгляд на балкон своей квартиры. Балкон пуст. Но ему кажется, что однажды произойдет чудо и Аня махнет ему оттуда рукой, как делала это всегда...

Ирина КЕСАЕВА

Больше всего Ирина боялась того, что ее папа Майр, узнав о захвате, придет в школу и постучится во входную дверь. Террористы его, конечно, впустят. И расстреляют. Как расстреляли Руслана Бетрозова.

«Нас отпустят через час», — услышала Ирина.

Она, не отрываясь, смотрела на большие наручные часы Дианы Бибоевой. Стрелка медленно отсчитала час.

Из зала никого не выпустили.

Потом прошел слух, что отпустят маленьких детей. Учителей заставили составить списки. Ирина обрадовалась: значит, ее маленькие сестренки-погодки Алина и ^Рина Оксана побегут домой.

— Я останусь с Иккой (так Ирину называли дома), а вы пойдете домой, — сказала девочкам мама Залина.

Те заупрямились.

— Я дам вам денег, и вы купите сок, — пообещала Залина.

Но детей тоже не отпустили.

Алина шла в первый класс, а Оксана — в детский сад. Садик первого сентября не открылся, поэтому ее пришлось взять с собой на школьный праздник.

Ирина перешла в восьмой.

В то, что происходившее во дворе — не розыгрыш, она поверила только тогда, когда женщина, которая бежала впереди нее, споткнулась и упала. Она лежала, и никто даже не смотрел в ее сторону! Ирина остановилась, чтобы поднять ее, но женщина была очень тяжелой. Мимо бежали люди, и Ирина тоже побежала.

...Часы на руке Дианы сделали уже семь кругов и показали шесть вечера.

Детей не отпустили.

Мучила жажда. Мама Ирины Залина намочила свою нижнюю юбку и выжимала из нее по каплям воду.

Залина не могла успокоить Алину и Оксану, и Ирина Кцоева, сидевшая рядом, сняла с себя золотые украшения — кольцо и серьги, отдала их детям.

Девочки на время успокоились.

Соседкам Кцоевых по дому — Инне и Наташе Арьковым — кто-то дал несколько фиников. Они поделились с Алиной и Оксаной.

На второй день Ира вышла в кабинет, в котором террористы устроили туалет. Мама ее одноклассницы Жанны Караевой, Фатима, нашла в столе учительницы бутылку шампанского и коробку конфет. Она раздала конфеты, потом откупорила бутылку и торопливо разлила шампанское в пластиковые стаканчики. Жанна протянула Ирине один из них. Рука девочки дрожала. «Оставь чуть-чуть моему братику Хетагу», — попросила она.

Вечером Ирина снова вышла в коридор, ведущий из спортзала в школу.

Почувствовав слабость, она прислонилась к стене и сползла на пол. Рядом присела ее подруга Мадина Кцоева. Ирина прислонилась к ней и почувствовала облегчение. Мадина помогла ей подняться и отвела в зал. Девочки сели вместе недалеко от входа.

Алина и Оксана с мамой

— Когда нас отпустят, — мечтательно сказала Мадина, — мы побежим в вагончик. (Вагончиком дети называли небольшой магазин в Школьном переулке). — У меня есть немного денег. Купим холодную колу в баночках. А потом погуляем в парке.

Ирина лежала, положив голову на колени Мадины. Ночью Мадине показалось, что Ире холодно, и, попросив у боевика, который держал ногу «на педали», куртку, накрыла ее.

К Мадине подошла трехлетняя Регина Санакоева, которая была в зале одна, без родителей. Она обхватила ручками шею Мадины и больше ее не отпустила.

Теперь Мадина заботилась о двоих.

Незадолго до взрыва мама подозвала Ирину к себе. И это спасло ее: почти все, кто сидел у входа, погибли. Чудом осталась жива только маленькая Регина.

...Ира, как сквозь сон, слышала голос мамы, которая звала своих детей. Она открыла глаза. Мама была рядом, девочки — живы. Первое движение Иры — схватить за руки маленьких сестер. Когда она держит их, они, как ей кажется, в безопасности.

Вчетвером они передвинулись к стенке, затем, опасаясь новых взрывов, перебрались в кабинет физруков. Здесь, на их глазах, учитель Иван Константинович Каниди бросился на террориста, пытаясь отнять у него автомат. Силы были почти равны — молодой, здоровый боевик не мог отобрать у старика оружие. Дуло автомата дергалось из стороны в сторону, нацеливаясь то на маму, то на сестру.

— Не стреляй! — кричали женщины.

Террорист застрелил учителя из пистолета и, вырвав из его рук автомат, приказал: «Быстро в столовую!».

В столовой учитель физкультуры Алик Додтаевич Цаголов, стоя в окне, кричал: «Давайте белые вещи!».

Повар Сима Албегова громко спросила:

— Печи выключили?

— Выключили, — ответил один из террористов.

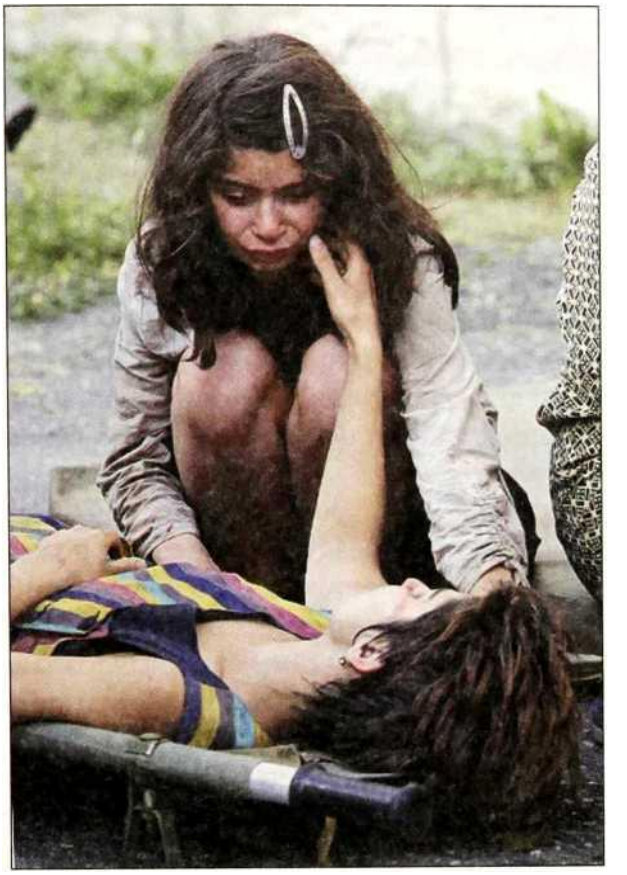
Вика Бебпиева металась по столовой и спрашивала: «Вы не видели мою сестру? Помогите! Я потеряла Мадо! Залина, не оставляйте меня!».

Ее старшая сестра Мадина все три дня опекала болезненную Вику. Теперь Вика потеряла ее.

Все легли на пол. Мама и Ирина по очереди накрывали собой детей, с которыми была и Вика. После очередного взрыва Ира поднимала голову и спрашивала: «Мама, ты жива? Алина? Оксана? Вика?».

В очередной раз она не услышала ответа Вики. Оказывается, та решила притвориться мертвой: «Чтобы не убили», — объяснила она.

С окна взрывом сорвало решетку. Взрослые ставили на нее детей, чтобы те выбирались в окно. Залина выбросила в окно младшую,
Оксану, потом Алину, затем Вику и, наконец, подсадила на подоконник Ирину.



В машине, которая везла их в больницу, Ире на колени посадили девочку, у которой на спине была грязная кровоточащая рана.

В палате Ира оставалась недолго, она вышла искать маму и сестер.

Во дворе на носилках лежала мама, очень бледная, губы — зеленые от листьев, которыми заложники заглушали жажду. «Помогите моей маме!», — кричала она, но ее никто не слушал.

Ирина побежала к врачу – тот водворил ее в палату, решив, что она не в себе. Она выглянула в окно и увидела отца.

— Папа! — закричала она. — Папа!

Майр подошел к окну и удивленно уставился на нее, не узнавая.

— Там мама, прямо на земле!

Потом Ирина стояла во дворе больницы в окружении родственников. Кто-то лил ей на руки воду из пластиковой бутылки.

— Только чуть-чуть, — повторяла Ира. — Только чуть-чуть. Чтобы хватило и другим...

Инна АРЬКОВА

Инна была уверена: ее младшей сестры Наташи в зале нет. Она спрашивала о ней всех знакомых и одноклассников, но ее никто не видел.

И вдруг на второй день, когда Инна перестала искать сестру, она увидела ее! Девочка шла с незнакомой женщиной по проходу в сторону душевой.

«Ната!» — окликнула она сестру. Наташа с плачем бросилась к Инне, перешагивая через тех, кто сидел на полу.

... В то утро они ушли в школу порознь. Пятиклассница Ната убежала раньше, а Инна, которая перешла в десятый, не спешила — на линейке ее класс будет стоять у самых ворот. Опоздание никто не заметит.

Она подошла к своим, когда те уже построились. Встала рядом с Кристиной Фарниевой, своей любимой подругой. Они дружили с детского сада, а в школе все годы сидели за одной партой. Инна восхищалась ею — Кристина успевала не только хорошо учиться, но и посещать кружок осетинского танца и заниматься в баскетбольной секции.

Инна

Инна с Кристиной стояли, держась за руки, и не могли наговориться. Инна увидела бегущих людей, и только секунд через пять до ее слуха донеслись звуки выстрелов. Еще можно было убежать, она у самых ворот. Но где Наташа?

«Бегите в котельную», — услышала она.

Она спряталась в котельной. Открылась дверь, и страшный человек в маске, с автоматом в руке, сказал: «Быстро выходите!».

Те, кто был во дворе, стояли теперь на спортивной площадке. Вокруг — вооруженные люди. У одного из них в руках — бутылка шампанского, он пил из горлышка, потом разбил бутылку об асфальт.

Инна и Кристина присоединились к остальным заложникам, по-прежнему держась за руки. Рядом с ними были Мурат Калманов и Заур Цабо- лов. Мурат до прихода в их класс учился во Владикавказском суворовском училище. «Не плачьте, — успокаивал он девочек. — Не показывайте, что вам страшно. Если будут стрелять — ложитесь на пол, я вас прикрою».

С трудом через небольшую дверь они прошли в зал. Мурат с Зауром и здесь были рядом с ними. Это вселяло в девочек спокойствие и уверенность.

В зал принесли ведра, из которых на заложников стали брызгать какую-то жидкость. Инна испугалась: ей показалось, что это бензин. Потом поняла: это просто вода.

У выхода в коридор, ведущий в школьное здание, стояла шахидка. Лицо ее было закрыто, виднелись только глаза. Шахидка казалась Инне совсем девочкой — тоненькой и хрупкой. В одной руке, согнутой в локте, она держала пистолет, вторая — на поясе.

— Все будет хорошо, — успокаивал Мурат Инну и Кристину.

Они верили в это до тех пор, пока террористы не стали развешивать мины.

— Когда нас отпустят, я приглашу весь класс на три пирога, — сказала Кристина.

Кристине было отпущено еще два дня жизни — третьего сентября ее не стало.

На второй день пришел Аушев. Он стоял в двух шагах от Инны. Она отчетливо видела его глаза, усы, серый костюм и черную накидку.

В зале возникло радостное оживление, некоторые восторженно зааплодировали. Хотелось верить, что с приходом бывшего президента Ингушетии в судьбе заложников что-то изменится.

...Инна шла через всю школу по направлению к столовой, рядом с которой был учительский туалет. Она почти не поднимала глаз, настолько пугало ее то, что происходило вокруг.

У кабинета химии в кресле сидел террорист. В одной руке у него был телефон, в другой — букет роз в ярко-красной обертке. Боевик то ли обмахивался букетом, то ли нюхал цветы.

Когда через неделю после этих событий Инна пришла в разгромленную школу, она увидела и это кресло, и цветы. Кресло было сдвинуто в угол, а цветы лежали на полу.

И еще запомнился Инне молодой черноволосый террорист с синими глазами. Он был одет в черную футболку и жилет-«разгрузку». На вид ему —

года двадцать два. Он был похож на поэта или артиста, и Инна подумала: «Зачем он с ними? Ведь он — другой».

Через несколько лет Инна увидела документальный фильм о Бесланской трагедии. В нем была использована диктофонная запись, сделанная в одну из тех ночей кем-то из террористов. На фоне лягушачьего хора голос за кадром с удивлением рассуждал: откуда здесь, в центре Беслана, где нет ни реки, ни водоема, столько лягушек?

Инна подумала, что это мог быть тот голубоглазый парень с внешностью романтика, так не похожий на террориста.

...Инна, Кристина и Наташа сидели под самым баскетбольным кольцом.

Инна уложила девочек себе на ноги, хотя каждый сантиметр ее тела болел от малейшего прикосновения. Кристина, спасаясь от жары, оторвала рукава своей новой белой блузки.

Ната была в майке и колготках. Ей очень хотелось снять колготки, но вид обнаженного тела раздражал боевиков: «Закройте свой стыд!» — кричали они девочкам.

В зале стоял несмолкаемый гул. Террористы, пытаясь успокоить заложников, постоянно стреляли поверх голов сидевших людей. Время от времени они поднимали кого-либо из подростков и грозились расстрелять. Подняли Анжелу Кусову, и минут пять она стояла с приставленным к голове дулом автомата. До этого долго держали под прицелом Заура Ду- диева и Стаса Бокоева.

Заложники стали молиться. Инна тоже просила Бога о спасении. Незадолго до взрыва Инна с Наташей сели под одно из окон. Кристина осталась под баскетбольным кольцом.

После взрыва на Инну с Натой упал кусок потолочной обшивки. Инна отбросила его, схватила сестру за руку и побежала к окну. Подсадила Наташу на подоконник, проводила ее взглядом и, убедившись в том, что сестра в безопасности, выбралась сама. Впереди нее бежали мальчик лет двенадцати и девочка. Мальчик упал, девочка, не обращая внимания на стрельбу, встала на колени и, плача, пыталась поднять его.

Добежав до пятиэтажек, Инна увидела подъезды, заложенные мешками с песком, вооруженных людей в камуфляже и ужаснулась: «Террористы уже здесь!». С тех пор она каждый раз внутренне вздрагивает при виде людей в такой форме. Они напоминают ей спортзал и все, что связано с ним.

К Инне часто приходит в снах Кристина. Особенно в первые сентябрьские дни.

— Ты же умерла, — говорит ей Инна.

— Нет, — отвечает Кристина. — Я жива.

Инна учится в университете.

Наташа заканчивает школу.

Диана ГУТИЕВА

— Давай гвоздем нацарапаем на полу послание потомкам, — сказал Асик Айларов. — Ведь террористы говорят, что отсюда никто живым не выйдет.

— Нет, — сказал Артур. — Жалко. Пол совсем новый.

Этот зал был самым любимым местом для Артура — он занимался в баскетбольной секции, которой руководил преподаватель физкультуры Иван Константинович Каниди.

Они сидели втроем: Диана Гутиева, ее старший брат, девятиклассник Артур, и его друг Асик. Когда во дворе школы началась стрельба, они с небольшой группой детей и взрослых спрятались на втором этаже, в актовом зале.

Боевики вывели их оттуда и приказали спускаться на первый этаж.

Таймураз Кесаев успел выбить дверь одного из кабинетов. Они подбежали к окнам, но внизу тоже были вооруженные люди в камуфляже.

По-настоящему Диана испугалась только тогда, когда в возникшей суматохе потеряла брата. Искала его в зале почти сутки. Нашла на второй день. И только перебравшись к нему, почувствовала себя защищенной: Артур был на два года старше ее.

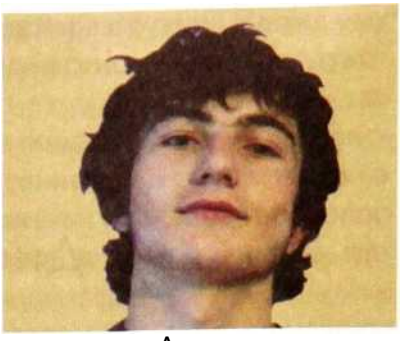
Ей было очень плохо от жары, от гула голосов, от нехватки воздуха. Артур и Асик по очереди обмахивали ей лицо кусочком картона. Хасан Рубаев дал кому-то из тех, кто шел в туалет, свой носовой платок и попросил намочить его. Потом передал этот мокрый платок Артуру. Мальчики выжали из него несколько капель воды в рот Диане.

Ей стало лучше.

А как весело начинался для Дианы этот день! Она встретилась с подругой Анжеликой Кануковой, с которой не виделась все лето. Анжелика успела

рассказать Диане о том, что ее укусила собака и ей делали уколы. Ее бабушка жила в горах, в Нузале, и она каждое лето гостила у нее.

Анжела любила рисовать. На ее картинах чаще всего были горные пейзажи.



Артур

Год назад Диана и Анжела купили одинаковые блокноты и завели дневники, которые давали читать друг другу.

Теперь Анжела с мамой Зариной тоже сидела в этом зале, но где, Диана не видела.

...Взрыв и огонь. И единственная мысль: бежать. Артур подсадил Диану на подоконник, потом все трое побежали в сторону пятиэтажек.

Анжелика Канукова погибла. Она умерла на руках у своей мамы Зарины.

Артур тяжело пережил смерть своего любимого учителя Ивана Константиновича Каниди.

После окончания школы он поступил на архитектурно-строительный факультет Горно-металлургического института и продолжает играть в баскетбол. Он часто ездит на соревнования. Перед каждой поездкой приходит с товарищами в спортзал, и они подолгу сидят здесь.

Диана учится в Москве, в Университете дружбы народов.

Земфира АГАЕВА

На Благовещенье Земфире явилась во сне Богородица. Руки Ее были сложены, как на любимой иконе Серафима Саровского «Умиление». Богородица долго смотрела на нее с ласковой улыбкой, потом произнесла: «Испей эту чашу до дна».

Несколько дней Земфира была под сильным впечатлением от сна.

«Богородица меня не осуждает, — сказала она себе. — Я должна испить эту чашу до дна. Я буду ждать своего Жорика, даже если меня сочтут сумасшедшей».

Земфира не верит в смерть своего сына. Хотя на мемориальном кладбище, где похоронены жертвы Бесланского теракта, стоит памятник с его именем и фамилией: «Георгий Агаев». Она не верит в его смерть вопреки заключению генетической экспертизы.

Тамерлан и Земфира (до теракта)

...Домой из поликлиники, где она работает лаборанткой, Земфира, как обычно, возвращается пешком. По дороге разговаривает с Жориком:

«Мы сделали ремонт. На Новый год Дед Мороз опять принес тебе подарок. Отметили твой день рождения. Купили тебе новый костюм и туфли. Вика носит твою дубленку. Она узнает тебя на всех фотографиях. Мы все тебя по-прежнему любим и ждем...».

Она смахивает слезы и сворачивает на свою улицу. Навстречу идут соседские мальчики-подростки, ровесники ее Жорика. Земфира приветливо здоровается с ними.

Дома первым делом идет в ванную комнату. Здесь она уже много лет ежедневно выплакивает свою боль. Шестилетняя Вика и муж Тамерлан должны видеть ее спокойной и веселой.

Из Подмосковья звонит сын Александр:

— Мама, что с тобой?

— Что ты, Сандро, все отлично! — голос ее становится счастливым и звонким, как в той, прошлой, жизни. Но тогда ей не приходилось делать для этого усилий.

...Земфира оказалась в школе со своими двумя сыновьями — пятиклассником Сашей и второклассником Жориком.

Заложников загоняли в спортзал. У входа в узкий коридор образовался затор. В ожидании своей очереди она прислонилась к дверному косяку. Недалеко от нее стояли четверо террористов. Один из них, парень лет двадцати трех, подошел к испуганному Жорику, обнял его и погладил по голове: «Не бойся, мальчик. Я тебя отпущу. Отпущу, отпущу...».

Парень в черной футболке и бронежилете, поверх которого — «разгрузка» — жилет для боеприпасов. Говорит по-русски без акцента.

...В зале шахидки обыскивали заложников. Она смотрела на этих женщин, хрупких, с красивыми миндалевидными глазами, в которых были испуг и растерянность. С тех пор Земфира боится женщин в черных одеждах — они напоминают ей «черных вдов».

Она внимательно разглядывала и террористов. Одни из них — «аристократы», как, например, Полковник. Он аккуратен и хорошо одет. На ногах — черные туфли-кроссовки, в кармане — белоснежный носовой платок, на пальце — золотой перстень с крупным агатом. Когда он проходит мимо, Земфира улавливает запах дорогого мужского парфюма.

Рядовые менее опрятны. Это те, кто долгое время жил в лесу.

Запомнился ей рыжеволосый снайпер. Только однажды прошел он со снайперской винтовкой через зал, и всем было приказано не смотреть на него. Рядом с ним шел высокого роста светловолосый мужчина с огромными ступнями, на голове которого был клетчатый, как у палестинца, платок.

«Как хорошо, что мы не взяли Вику», — сказал Жорик.

Земфира действительно хотела взять девятимесячную Вику с собой, но девочка еще спала, и она оставила ее со свекровью.

Отсутствие Вики Земфира ощутила уже через несколько часов — ребенок был на грудном вскармливании, и у нее стало прибывать молоко.

Узнав о том, что в зале есть кормящая женщина, ей тайком передали одного ребенка, потом второго, третьего.

Она покормила шестерых.

Женщин с грудными детьми перевели в душевую.

На второй день она стала давать молоко детям, сидевшим поблизости. Жорик отказывался пить его — «Это Викино!».

Некоторые стеснялись прикладываться к груди. Земфира собирала молоко в детскую туфельку, но кожа быстро впитывала его.

Она вспомнила, что учительница ее сына часто организовывала для детей чаепития. Значит, в этом классе (он располагался почти рядом со спортзалом) должна быть чайная ложечка. Она пошла туда с Ирмой Дзагоевой, которой боевики разрешали выводить детей, нашла ложечку и спрятала ее в лифчик.

Тайком, чуть приподняв блузку, Земфира наполняла ложку молоком и незаметно передавала ее тем, кто сидел рядом.

Один из террористов что-то заподозрил, подошел и остановился возле нее. Земфира замерла, не поднимая глаз. Боевик долго стоял, потом отошел, не сказав ни слова.

За все три дня ей лишь однажды удалось выпить воды. Обезвоженный организм не выдержал нагрузки. Реальность вокруг стала меняться: незнакомая женщина что-то говорила ей голосом Фатимы Кониевой, ее коллеги по работе. Лицо женщины казалось Земфире огромным и страшным, губы и подбородок кровоточили.

— Не подходи ко мне, — сказала ей Земфира. — Я тебя боюсь.

Лица окружающих менялись как в кривом зеркале: у мужчины, которого она хорошо знала, была страшная голова с огромными ушами.

Потом Земфира ощутила себя огромной пчелой. Она встала, замахала крыльями, пытаясь улететь, и потеряла сознание.

Пришла в себя за несколько минут до взрыва. Огляделась; Жорика рядом нет. Куда он мог уйти? Саша еще утром пересел к соседям по улице. Где Жорик, который ни разу никуда от нее не отходил? Он мог уйти только в сторону душевой.

Земфира стала тормошить Жанну Дзагоеву: «Где Жорик?». Но та была в обмороке и не реагировала.

«Жорик! — крикнула она. — Жорик!».

...Осколок влетел в ее раскрытый рот и вышел через щеку, разворотив десну. Она судорожно глотнула зубы и замолчала.

Второй взрыв — сгусток огня. Неведомая сила выбросила ее в окно. Она забыла, кто она. Она не помнила, что у нее есть дети.

Во внутреннем дворе школы Земфира никогда не была, поэтому не

знала, куда идти. Она не знала, что в высокой каменной ограде есть проход. Ей казалось, что бегущие из зала заложники проходят сквозь стену. Она тоже попыталась пройти сквозь нее и ударилась головой о каменную кладку.

Потом она, как ей казалось, побежала вдоль ограды. На самом деле она с трудом передвигала ноги — у нее была нарушена координация движений.

Наконец Земфира оказалась во дворе пятиэтажного дома и села на землю. С подбородка на ноги капала кровь. Она ощупала лицо. На щеке палец провалился в отверстие.

И вдруг Земфира вспомнила о детях.

«Саша! Жорик!» — закричала она.

Кусты раздвинулись. Перед ней стоял огромного роста вооруженный мужчина в камуфлированной форме. Она двумя руками вцепилась в его автомат: «Туда, быстрее туда! Там — дети! Много детей!».

— Их вынесут, — успокоил ее мужчина.

— Ты не обманешь?

Он подхватил ее на руки, как ребенка, и бегом понес к носилкам.

...На операционном столе из ее одежды выпала чайная ложка и со звоном упала на плитки пола.

— Что это? — удивленно спросил врач.

Когда Земфира объяснила, для чего она была нужна, в операционной установилась мертвая тишина.

Она пробыла в больнице полтора месяца. Врачи извлекли из ее тела почти все осколки. Немецкие врачи сделали пластическую операцию и на лице ее не осталось следов ранения.

Вот только рана в душе так и не затянулась.

О том, что Саша жив, она узнала третьего сентября. Ему удалось выскочить из спортзала после взрыва.

Жорика искали вначале по больницам, потом по моргам.

Через несколько недель Агаевы получили заключение генетической экспертизы и останки. Но поверить в то, что их сын погиб, они не смогли.

Муж Земфиры, Тамерлан, с несколькими мужчинами отвез закрытый гроб на кладбище. Гроб опустили в заранее вырытую могилу и засыпали землей. Без обычного в таких случаях многолюдного обряда, без поминок.

Пережитое не разъединило Земфиру и Тамерлана, как это случилось со многими семьями. Напротив, общее страдание сплотило их.

Земфира говорит о муже с уважением: «Он мудрый. Он многому научил меня».

Тамерлан работает в миссии ООН переводчиком. Был во многих странах, в том числе и мусульманских.

«Мы не должны ненавидеть ингушей и чеченцев, — внушает он сыну. — Они не виноваты. Виновны те, кто пропустил сюда террористов. Кто

допустил, чтобы произошла такая трагедия».

Саша — сильный и целеустремленный, весь в отца. Он мечтает стать дипломатом, изучает английский. Ему легко дается учеба, он пишет стихи, которые посвящает брату.

В Беслане многие называют Земфиру мамой. Это те, кого она возвращала к жизни там, в смрадной духоте спортзала.

...Земфира часто приходит на кладбище. Здесь она чувствует душевный покой и умиротворение. Идет к могиле, где с мраморного надгробия смотрит мальчик, отдаленно похожий на Жорика: они с мужем попросили художника, который высекал портрет, изменить черты его лица. Кладет на мраморные плиты три цветка. Именно три. Долго сидит у могилы. Потом идет по кладбищу, всматриваясь в знакомые лица на памятниках, вспоминая тех, кто был в спортзале рядом.

«Тебе легче, — сказала ей знакомая, тоже потерявшая сына. — Ты не видела своего ребенка мертвым».

Кто знает, кому из них легче?

Земфира ждет. Она нигде не задерживается долго: вдруг придет Жорик, а ее не будет дома. Она представляет, как вернется ее сын и она придет с ним сюда, покажет ему его могилу. «Разве мало было случаев, когда через годы после окончания войны приходили живые фронтовики, на которых родные получали похоронки, и своими руками убирали со своих могил надгробия?» — рассуждает она.

Они устроят в своем доме грандиозный пир.

В том, что это случится, Земфира не сомневается.

Главное для нее — дожить до этого дня.

Георгий и Александр

Ирина КАНТЕМИРОВА

Ирина

Для Ирины Тугановны Кантемировой, преподавателя биологии, первое сентября было первым рабочим днем в новом для нее коллективе.

Она встала утром раньше обычного, долго выбирала наряд. Хотела надеть белое льняное платье без рукавов, с высоким разрезом слева, но платье показалось ей слишком облегающим. Остановила выбор на маленькой блузке и юбке-годе.

По пути зашла к родственнице Светлане Кантемировне Кантемировой, которая преподавала в первой школе английский язык. У них гостила племянница из Питера, и Светлана взяла девочку с собой. Втроем перешли через железнодорожное полотно и подошли к школьной ограде. Свету Ирина потеряла сразу после захвата школы боевиками. Поэтому в спортивном зале сидела одна среди незнакомых людей.

— Не смотри террористам в глаза, — предупредила ее молодая женщина. — Они этого не любят. Я жила в Грозном и знаю их.

Только однажды Ирина встретилась взглядом с одним из террористов. Он был без маски. Это был молодой человек с темными волосами и мягкими чертами лица. Несколько раз после этого она ловила на себе его взгляд.

Из зала вывели директора и нескольких учителей. Куда их ведут? Расстреливать?

«Что говорят насчет учителей?» — спросила Ирина женщину, сидевшую на стуле.

Та не ответила.

Боевик, стоявший у входа в коридор, велел Ирине заткнуться.

Рядом валялись тетради, книги и ручки. Она взяла тетрадный лист и

написала: «Бог, Создатель, никого не убивает. И ваш Аллах тоже не хочет, чтобы кто-то погиб...».

Только однажды Ирина вышла в душевую, чтобы выпить воды, и больше ни разу не подняла глаз на этих страшных людей. Она погрузилась в себя. Там, в ярком солнечном дне, несла свои прохладные струи тихая речка. Вода журчала и переливалась на солнце. Ирина купалась в ней. Видение было настолько отчетливым, что она почти физически ощущала эту прохладу.

Было хорошо, спокойно и не страшно.

— Пить! — плакали вокруг нее дети.

— Представьте себе речку, — уговаривала она их. — И вам сразу станет легче.

Она не надеялась выжить. И смирилась с мыслью о смерти. Были такие, кто возроптал против Бога. Но не она.

...Взрыв. Тишина и жар. И окно — как дверь в другой мир.

Она выжила.

Светлана Кантемирова погибла. Ее племянница чудом осталась жива.

Ирина Кантемирова

Мадина САСИЕВА

Мама Мадины, Рева, живет с ней в одном подъезде. Это очень удобно — мама постоянно рядом, в то же время самолюбие мужа не уязвлено — у осетин не принято зятю жить на одной жилплощади с тещей.

Муж работает водителем и уезжает рано.

Мадина — фельдшер. Она ездит на работу в соседнее село Фарн. Сегодня она отпросилась, чтобы пойти с сыном в школу.

Пришла Рева, они сели завтракать.

— Мне приснились покойные тетя Ира и ее сын Вова, — вспоминает Мадина. — Дали мне 300 рублей.

Сон хороший, — говорит Рева. — Надо помянуть их. Схожу сегодня на рынок, куплю фрукты и сладости.

Мадина одевает семилетнего Давида и пятилетнюю Дзеру. Давид идет во второй класс, Дзера — в детский сад.

Мама звонит в садик.

Давид и Мадина

«Оказывается, они сегодня не принимают детей, — говорит она. — Пусть Дзера остается со мной. А вы идите».

Мадина укладывает в пакет папку с документами, чтобы сразу после

праздника ехать на работу, и вместе с сыном спускается во двор.

Школа — недалеко. Они идут пешком.

По дороге к ним присоединяются соседка Светлана Хадарцева с дочерью Аминой.

Мадина с мужем долго не могли решить, в какую школу отдать сына. Шестая — ближе, но Мадина, которая сама училась в первой, настояла на том, чтобы и его отдать в первую.

В школьном дворе Мадина встречает бывших одноклассниц Ирину Митдзиеву и Альбину Аликову. У Ирины в этой школе учатся двое детей. Альбина, окончив филологический факультет университета, вернулась в родную школу, где преподает русский язык и литературу.

Договорившись вечером встретиться, они расходятся: Альбина спешит к своему классу, а Ирина — к своим детям.

Мадина оборачивается на выстрел. Несколько мужчин с автоматами бегут по школьному двору.

В панике она теряет сына. Находит его только в зале.

Рядом с ней сидит Рита Урманова. Рита — осетинка, ее фамилия Ходова. Она замужем за русским Сергеем Урмановым. У них очень дружная семья. Здесь она с мужем и дочерью — первоклассницей Залиной.

Сергея террористы увели в первый день вместе с остальными мужчинами. Но время от времени он возвращается в зал.

На Рите — нарядный, сиреневого цвета, костюм. На лице — печать обреченности. Она так боится боевиков, что за три дня ни разу не вышла сама и не выпустила из зала дочь.

— Мама, я спрятал крестик в носок, — говорит Мадине Давид.

Сын у Мадины крещеный. Крестик у него пока простенький — алюминиевый, на обычном шнурке. Террористов вид распятия раздражает, поэтому многие снимают их и прячут.

Жара становится невыносимой. Тем, у кого есть обложки книг или коробки от шоколадных конфет, повезло. Ими можно обмахиваться. Мадина с сожалением вспоминает свою пластиковую папку с документами. Отличный был бы веер. Зачем она ее выбросила? В пакете были и деньги — выручка от реализации лекарств (Мадина по совместительству заведует в селе аптечным пунктом). Но о деньгах она думает без сожаления. Спортзал — единственное место на земле, где деньги потеряли ценность. Тысячные купюры валяются на полу.

— А почему вы не включаете вентилятор? — обращается Мадина к одному из боевиков.

Реакция неожиданная: террорист направляет на нее автомат и кричит:

— Вам надо создать все условия?!

«Сейчас он выстрелит», — пугается Мадина, но террорист быстро

успокаивается.

Давид оттягивает край носка и заглядывает в него. «Мама, крестик на месте», — говорит он.

Взрывная волна бросает Мадину на сына. Осколок срезает ей мочку уха вместе с сережкой, пробивает череп и входит в мозг.

Она видит, как встает Давид.

— Мама, все убегают, — говорит он.

Мадина боится поднять голову. По залу ходят террористы. Они высматривают живых.

«Вставай! — один из них останавливается рядом с ней и пинает ее ногами. — Вставай и иди в столовую!».

Идти она не может. Они с Давидом ползут.

Перед ней на полу — мертвая Рита Урманова в своем нарядном костюме. Девочки рядом нет.

Мадина и Давид оказываются в тренажерном зале. Сознание ее затуманивается.

...Мадину куда-то везут на «скорой». Дорога кажется бесконечно долгой. Незнакомая женщина причитает: «Бабын даен!» и бьет себя по коленям.

— Я видела тебя в морге, — сказала Мадине двоюродная сестра. — Ты лежала среди мертвых.

Это была правда. Ёе отправили в морг, приняв за мертвую. Там какой- то мужчина заметил, что она открыла глаза, и ее перенесли в палату.

...Мадина очнулась утром четвертого сентября. Она не могла назвать себя был задет речевой центр. Все это время Мадина сжимала в руке крестик сына. Как он оказался у нее — она не помнит.

Ее увезли в Москву, в клинику имени Бурденко. Металлические осколки из головы извлекли, костные остались.

Она по-прежнему работает фельдшером.

Зарина ЦИРИХОВА

В августе по Беслану ходил слух, что учебный год в первой школе начнется в октябре, потому что не завершен ремонт. Зарина расстроилась: она так хотела в школу!

А в конце августа ей приснился страшный сон: поезд, в котором сидели ученики и учителя первой школы, мчался в ночи, а вокруг была бездна. Все пассажиры были нарядно одеты, но на лицах их была печаль. Кто-то протянул руку в окно, и рука исчезла. Тех, кто выглядывал в окно, уносило ветром.

Сон был жуткий. Радость, с которой Зарина ждала начало нового учебного года, померкла.

За утренним чаем разговор зашел о терактах: их в то лето было несколько. Мама тоже была расстроена: всю ночь снились дикие звери, которые бегали по улицам Беслана и нападали на людей.

Зарина вспомнила про страшный поезд.

«Слава Богу, что у нас в Беслане все спокойно, — сказала мама Аида. — Можно ничего не бояться».

До первого сентября оставалось три дня.

Зарина и Розита

...На День знаний в школу Цириховы решили идти всей семьей — восьмиклассница Зарина, Розита, которая перешла в пятый, и мама с маленьким Тимуриком.

«Вы идите, а я одену Тимура и приду попозже», — сказала девочкам Аида.

Розита ушла со своими подругами Леной Гайтовой и Бэлой Кокойти, а Зарина — с Анжелой Парсиевой.

В серьезность всего, что происходило в то утро в школе, Зарина поверила только тогда, когда террорист застрелил отца ее одноклассника Аслана Бетрозова — Руслана.

Аслан и его старший брат Алан стояли бледные и потрясенные и, казалось, не до конца верили в то, что произошло.

Зарина часто видела Руслана Бетрозова и его сыновей. Руслан производил впечатление очень сильного мужчины — вероятно, именно поэтому его убили первым. Алан, который перешел в девятый, и восьмиклассник Аслан выглядели старше своих лет. Алан окончил музыкальную школу по классу осетинской гармоники, младший, Аслан, занимался вольной борьбой.

Во всех троих чувствовалось сознание своей силы, благородство и уверенность в себе. Это были мужчины, которые с полуслова понимали друг друга.

У Бетрозовых был свой маленький семейный бизнес — кафе возле дома, в котором летом работал Алан. На заработанные деньги он оделся сам и купил младшему брату всё необходимое к школе.

Руслан в то утро подвез сыновей и уже отъехал от школы. Но, услышав выстрелы, вернулся. В панике первых минут захвата он поднимал упавших малышей, помогал забраться женщинам и детям в окна, успокаивал тех, кто не находил своих родителей.

Тело убитого Бетрозова пролежало в зале до четырех часов дня.

На третий день, после взрывов, старшему из братьев удалось выбраться из зала и добежать до безопасного места. Но он вернулся за младшим братом Асланом и был убит под окном спортзала.

Погиб и Аслан.

Обо всем этом Зарина узнала потом. А пока она с сестрой и одноклассниками сидела на полу, пытаясь представить, что чувствуют братья, на глазах которых застрелили отца, а потом за ноги протащили через весь зал, и размышляла о том, знает ли ее мама, что происходит с ее девочками?

Было жарко. Зарина сняла жакет, аккуратно свернула его и положила под себя, чтобы не запачкался.

Батик Хаблиев из села Зильги боялся потерять туфли: «Мама купила их на деньги, которые заняла у соседки».

В поисках воды Зарина вышла в туалет. Рыжий террорист сидел на стуле, положив ноги на подоконник.

«Что они сделали с нашей школой! — ужаснулась Зарина. — Сколько денег и времени потребуется на ремонт?!»

Недалеко от того места, где сидела Зарина, расположился террорист с

мобильным телефоном «Нокиа» в руке. Телефон зазвонил, но он не спешил отвечать.

«Это ваши звонят, — сказал он. — Если не заткнетесь, я не отвечу».

Шум вокруг стих. Боевик ответил на звонок. Он долго слушал, потом сказал со смехом: «Вы понимаете, здесь больше тысячи человек».

«Мы уйдем все вместе, — сказал заложникам один из террористов. — Кто — в рай, кто — в ад».

«А куда, интересно, уйдут они? — подумала Зарина. — Куда, в рай или в ад, уйдет тот молодой синеглазый брюнет, который совсем не похож на террориста? И почему даже в эту невыносимую жару один из боевиков ни разу не снял маску? Кто он и кого боится?».

— Мы отсюда никогда уже не выйдем, — сказала Зарина Сослану Дудиеву.

— Что ты такое говоришь? — возмутился Сослан. И, чтобы отвлечь ее от невеселых мыслей, перевел разговор на другое: — А что бы ты сейчас хотела больше всего?

— Ананасовую «фанту».

— Как только мы выйдем отсюда, я всех вас угощу водой и соками.

Зарина вышла из этого зала, а Сослан погиб.

...Женщина в центре зала стала громко молиться. Зарина тоже молилась, сжав в руке свой нательный крестик: «Если нам не суждено выйти вдвоем, пусть выйдет хотя бы Розита», — просила она. Крестик был из мягкого металла с позолотой. Она сдавила его так, что он согнулся.

... Розиту Зарина нашла в зале только на второй день. Сестра, которая обычно выпивала в день не меньше литра воды, уже теряла сознание. Зарина передала кому-то свою блузку, чтобы намочили. Но пока мокрая вещь дошла до нее, она успела высохнуть.

Маленький мальчик, сидевший рядом, больно крутил Зарине мочку уха: «Откройте кран», — требовал он.

«А может, мы спим? — очень серьезно сказала Света Дзуцева. — Ущипните меня». Они стали больно щипать друг друга.

На третий день они сидели на скамье у стены: она с Розитой, Сослан Дудиев, Аслан Персаев, Сослан Цаликов и его друг Хасан Рубаев.

Хасан, как обычно, был сдержан и немногословен. Казалось, ему не хотелось ни есть, ни пить, и страха он тоже не испытывал. Он всегда отличался от ровесников: был другим, уверенным в себе, имел по любому поводу собственное мнение и всегда отстаивал его. Дружил с ребятами, которые были старше. Зарине всегда казалось, что Хасан выше будничной суеты, связанной с уроками и домашними заданиями. У него всегда были дела поважнее: он то мирил конфликтующих старшеклассников, то решал проблемы взаимоотношений с учениками из других школ.

Хасана любили и учителя: «Он так хорошо рассказал стихотворение, с таким чувством и таким выражением!» — восхищалась им преподаватель русского языка и литературы Альбина Викторовна Аликова.

Его любили девочки. Потому что не любить его было невозможно!

— И все-таки я знаю этого мужика, — задумчиво сказал Хасан, кивнув на террориста с перевязанной рукой. (Тогда они еще не знали, что это Ходов). — И вон того. Я встретился с ними случайно на улице, они меня даже о чем-то спросили.

— Этого не может быть, — сказала Зарина. — Этот Абдулла или ингуш, или чеченец. Тебе показалось.

— Нет, это они, — снова после долгого раздумья сказал Хасан. И пересказал диалог, который произошел на улице между ним и террористом по имени Абдулла.

За их спинами, на подоконнике, тоже сидели подростки. Один из них осторожно приоткрыл нижнюю часть рамы и выскользнул в задний дворик. Оказавшись на земле, вскочил, придержал раму рукой, чтобы не хлопнула, промчался вдоль стены спортзала и перемахнул через каменный забор.

Это произошло минут за двадцать до взрыва.

Побег из зала одиннадцатиклассника Ацамаза Канукова остался незамеченным террористами.

Сослану Цаликову становилось все хуже. Он обнял Зарину, потом своего друга Хасана.

— Хасан, если что, скажи моей маме, что я очень люблю ее.

— Ну что ты, Сослан, глупости говоришь?

— Ты же меня не бросишь, если что?

— Нет, — сказал Хасан.

«Если в ближайшие три часа ничего не изменится, мы все умрем», — подумала Зарина. И, словно отвечая на ее мысли, младшая сестра Розита, которая все это время молчала, с трудом произнесла:

— Зарина, если со мной что-то случится, скажи маме, что я очень люблю ее и Тимурика.

— Ты им скажешь это сама, — испугалась Зарина.

— Я хочу полежать, — сказала Розита.

— Пусть облокотится на меня. — Алан Персаев спустился со скамьи на пол, приподнял Розиту и положил ее голову себе на колени.

Девочка уснула.

Зарина тоже села на пол.

Последнее, что она видела перед взрывом, был Абдулла, который нес в руке маленький осетинский флаг.

«Неужели нас выпускают?!» — с радостью подумала она.

...Странный звук возник в голове Зарины. Он был похож на сигнал «ультразвук» в мобильном телефоне.

Она потерялась во времени. Между первым и вторым взрывами прошло не двадцать две секунды, а пять часов. В зале стоял туман. Сквозь него она увидела Розиту, которая лежала на полу под чем-то, что упало на нее сверху.

«Зарина, не оставляй меня», — произнесла Розита.

Зарина слышала эти слова, но до ее сознания они не дошли. И она совершила то, чего никогда не сможет простить себе: подошла к окну и выбралась во двор. Дойдя до турника на спортплощадке, вспомнила про сестру. Легла на землю и поползла обратно.

Теперь она лежала под окном. Рядом — женщина с маленькой неподвижно лежавшей девочкой. Женщина взяла Зарину за руку и сказала: «Бежим».

«Там — моя сестра», — то ли мысленно, то ли вслух сказала Зарина.

Женщина поползла через двор.

Зарина лежала, касаясь головой фундамента. Время текло медленно, взрывы доносились до нее приглушенно, словно издалека. От взрыва школа вначале «надувалась», потом вздрагивала. Потом содрогалась земля, как при землетрясении.

Она попыталась вскарабкаться на подоконник, но упала вниз.

Из разлома под соседним окном появился маленький мальчик в белых трусиках, огляделся и вошел обратно.

«Мальчик, вернись!» — крикнула она, но не услышала своего голоса.

Перед ней был школьный двор, в конце которого — маленькое здание — домик сторожа. Она перевела взгляд вправо и увидела мужчину в каске, с рыжими усами.

Как она оказалась в больнице, Зарина не помнит.

Что она скажет маме? Где она была столько времени? Как она объяснит, где Розита?

«Твоя фамилия Цирихова? — спросила ее медсестра. — Только что привезли еще одну Цирихову, ее зовут Розита».

Зарина была счастлива. Она никого не хотела видеть, кроме сестры.

Днем мама сняла с Зарины крестик и положила его на подоконник.

«Он тебе мешает», — сказала она.

Ночью в темноте палаты Зарина услышала мужской голос: «Надень крестик!».

Она проснулась. В палате с ней были только два маленьких мальчика — Зелим и Астемир.

Зарина уснула, но тот же голос снова приказал ей: «Надень крестик!».

— Не могу, — ответила она.

— Надень крестик!

Она стала плакать. Потом дотянулась до подоконника, взяла крестик, надела его и спокойно уснула.

Мир перевернулся для Зарины, когда она узнала, что погиб Хасан Рубаев.

Он не мог умереть!

Умер и Зелим Чеджемов.

— У меня на макушке — восемь кружочков, — говорил он. — Значит, у меня будет восемь жен.

— Можно я буду восьмой? — смеялась Зарина.

Прошли годы. Бывшие восьмиклассники окончили школу и разъехались — кто учится в Москве, кто в Питере, а кто во Владикавказе. Но где бы они ни были, третьего числа каждого месяца идут в храм, чтобы поставить свечи в память о погибших.

Зарина учится в Москве. Здесь у нее есть вторая мама — Залина Таучелова.

Дочери Залины Светлана и Ирина учились в их классе. Они погибли обе. Остались их рисунки и стихи, в которых девочки словно предвидели свое будущее. На одном рисунке изображена женщина в черных одеждах, со скорбно сложенными на груди руками. На другом — два цветка со сломанными стебельками.

Залина Таучелова осталась одна. Она нашла утешение в том, что живет жизнью бывших одноклассников своих дочерей. Она объездила с ними все достопримечательности Осетии, организовывала встречи с интересными людьми — консулом России в Австралии Феликсом Газдановым, православным священником из Германии Андреем Сикоевым, ректором СОГУ Олегом Хацаевым и многими другими.

Залина часто бывала с одноклассниками своих девочек у матушки Нонны в Аланском женском монастыре, в реабилитационном Центре и у отца Антония в мужском монастыре.

Они встречались с прокурором района Аланом Руслановичем Батаговым, который вынес из горящего спортзала многих заложников.

Эти встречи помогли определиться им в выборе жизненных путей.

...Бывших заложников постоянно тянет в Беслан. Здесь есть святое для каждого из них место — спортзал и кладбище — Город ангелов. И есть нечто, объединяющее их: Память. Память о трех сентябрьских днях, которые перевернули жизнь каждого из них.

Земфира УРУСОВА

Земфира

— Как только мы выйдем отсюда, ты сразу же отведешь нас в магазин. Да, мама?

-Да.

— Ты купишь нам много холодной «Колы», фанты и конфет. Да, мама?

-Да.

Ашаник на время успокоился.

— Мама, это как в кино?

— Да, сынок.

— А они нас не убьют?

— Нет, они снимают кино. Вон дядя с камерой.

— Они убили чужого папу! — испугался он, когда террорист на глазах заложников застрелил Бетрозова.

...В то утро, первого сентября, Ашаник отказывался идти в школу. Уговорить его удалось только тете Мине. Она пообещала купить его любимые конфеты.

— Это точно? — недоверчиво спросил Ашаник.

Тетя Миночка ушла и через несколько минут вернулась с коробкой конфет. Сопротивление мальчика было сломлено. Он оделся, и они втроем: Земфира, ее старший сын пятиклассник Амиран и второклассник Ашаник, вышли из дома.

Соседка Вера Даурова, с которой Земфира договорилась идти в школу вместе, ушла с внуком, не дождавшись ее.

— Давайте пойдем вдоль железной дороги, — предложила Земфира.

Но мальчикам нравился «черный ход». Они направились в центр города, прошли мимо здания районной администрации, миновали скверик с фонтаном и оказались в тенистой прохладе узкого хода. Это было сухое, заросшее бурьяном русло ручья, где пахло деревенскими задворками, травой и влажной землей.

Тропинка вывела их на небольшую улицу Батагова, на которой располагалась школа.

.. .Земфира считала, что все беды, которые выпали на ее долю, уже позади. Шесть лет назад погиб ее муж, который служил в казачьем подразделении. В то время в соседних республиках, Ингушетии и Чечне, была четко отлажена система хищений и торговли людьми. Не проходило недели, чтобы в Осетии, в основном в Беслане, не пропал человек. Для выкупа заложников родственники и знакомые собирали сотни тысяч долларов.

Именно такую группу охотников на людей и задержали на границе Эдуард и его товарищи во время очередного дежурства.

Задержанные открыли огонь...

Зифа овдовела в тридцать три года.

Младшему сыну, которого в честь деда-фронтовика назвали Александром, не было еще и двух лет. В семье его ласково называли Ашаником. Он был болезненным ребенком, поэтому все внимание Зифы и ее свекрови было приковано к нему.

Месяца два назад Зифе приснилось: на кладбище, на том месте, которое рядом с могилой Эдика оставила себе свекровь, — яма, заполненная грязью. В ней — Зифа с мужем и детьми. Они пытаются выбраться из нее, но не могут.

Наконец Зифе это удается, она успевает вытащить старшего сына Амирана и ... просыпается.

Ашаник остался с Эдиком!

Она рассказала сон тете Мине.

— Не бери в голову, — успокоила та.

Все лето Зифа жила с постоянным ощущением тревоги. Возвращаясь с работы, думала: все ли хорошо у Ашаника: не упал ли с дерева, не побежал ли на железную дорогу, где постоянно ходят поезда, не укусила ли его собака, которых он совсем не боится?

— Мама, — снова отвлек ее от невеселых мыслей Ашаник. — А когда мы придем домой, ты сваришь нам суп из фасоли?

— Тебе же он никогда не нравился...

— Нет, я хочу...

В первый день, вечером, Зифа вывела детей в туалет и ужаснулась: ее школа, всегда такая чистая и уютная, была разгромлена. Валялись разбитые столы и парты, снятые с петель двери. В коридоре, на стенах и потолке — кровь. В одной из раздевалок стены и пол тоже забрызганы кровью. Мальчики вытирали ее тряпками.

«Все, больше ни разу не выйду», — в ужасе думала она, возвращаясь на место.

«Заткните своих ублюдков!» — кричал террорист.

Женщина с грудным ребенком зажимала младенцу губами рот, чтобы не плакал.

Соседка Зифы Вера Даурова обмахивала внука Сослана книжной обложкой. Сослан — приемный сын дочери Веры, Залины. Залина уехала на

заработки в Израиль. Вера, которая много лет проработала водителем грузовой машины, болеет. Недавно ей сделали операцию на сердце. Как она выдерживает эту жару?

Зифа перебралась ближе к входной двери, где было легче дышать.

Здесь и настиг ее первый взрыв.

Они лежали на полу. Вокруг — тишина. Земфира огляделась, и ей показалось, что живых в зале нет. Кто-то побежал в сторону входной двери. От взрыва обе ее створки распахнулись настежь, но выход загораживали шкафы и парты. Зифа поднялась, села на корточки, взяла на руки Ашаника и прижала к себе.

Огненным смерчем прокатился по залу второй взрыв.

Она упала на пол, накрыв собой сына. Ашаник дышал как-то странно. Она села, взяла его на руки, осмотрела. В груди Ашаника — отверстие, из которого бьет кровь. Зифа подняла с пола белую рубашку и прижала ее к ране. Ткань быстро пропиталась кровью. Пожилая женщина, которая внимательно следила за нею, отрицательно покачала головой: «Все».

«Нет! — закричала Зифа. — Нет!».

Тоненькая ручка мальчика беспомощно свесилась вниз. Взгляд Ашаника, предсмертный взгляд ее ребенка, пронзил ей душу. «Мама, помоги»,
— прошептал он, и взгляд его застыл.

Она закрыла ему глаза, поднялась и, прижимая его к груди, пошла по залу. У противоположной стены остановилась, села на мертвую женщину.

Сидела долго. Боевиков в зале не было. Не было и спасателей.

В баскетбольном кольце над ее головой шипело и дымилось взрывное устройство. Инстинкт самосохранения заставил ее искать укрытие.

Зифа положила Ашаника у самой стены и пошла в кабинет физруков. На полу лежали два тела: учителя физкультуры Ивана Каниди и ее соседки Веры Дауровой. На Вере — ни одной царапины. «Не выдержало сердце,
— отрешенно подумала Земфира. — Внука рядом с ней нет, значит, и он там, в зале...»

После взрыва мины в баскетбольном кольце Зифа вернулась в спортзал. Тело Ашаника слегка присыпало осколками и пылью.

Она села рядом.

Начинался пожар. Она никого не ждала, ничего не хотела.

В противоположном конце зала появился мужчина в камуфляже. Он махнул ей рукой: «Сюда!».

Зифа отрицательно покачала головой и показала на Ашаника: «Мой сын...».

— Мертвых вынесут, — крикнул он. — Ползи сюда!

Вечером в больнице она узнала, что ее старший сын Амиран жив.

Через несколько дней к Земфире в больницу пришли родственники: тело

Ашаника вроде бы опознали, но есть сомнения.

Она оделась и поехала в морг.

Тело сына обгорело, но не очень. Она осмотрела его ножки и увидела знакомый шрам — в детстве ему прооперировали ногу, и целый год она носила его в распорках.

...Земфира ушла в свое горе, замкнулась. Но однажды, год спустя после смерти Ашаника, старший сын, Амиран, бросил ей в сердцах: «Лучше бы умер я! Ты меня совсем не любишь! Ты любишь только Ашаника!».

И она словно очнулась. Она действительно забыла о своем старшем сыне.

И поняла: так дальше жить нельзя. Бог сохранил ей одного из детей, а она не оценила этого.

С этого дня Земфира изменилась. Она живет жизнью Амирана, спрятав свое горе на самое дно души.

Ее мальчик учится в Москве. Каждый день звонит маме, поэтому она не чувствует себя одинокой. Зифа работает, у нее много друзей.

Те страшные события отодвигаются, покрываясь пеплом забвения. Но до самой смерти не забыть ей взгляд маленького Ашаника и его последние слова: «Мама, помоги...».

Загират БЕРДИКОВА

Альберт Бердиков (погиб)

Впервые маленький Альберт испугался в пятилетнем возрасте, когда в магазин, в котором работала его мама Загира, ворвался вооруженный грабитель.

Он ударил ее прикладом автомата и забрал из кассы деньги. Женщина осталась жива, но лишилась глаза. Потрясенный Альберт часто вспоминал это и говорил:

«Хорошо, что он меня не ударил, а то бы я умер».

Загира обожала своего единственного сына. Он был очень любознательным, любил математику, терпеть не мог девочек, с интересом изучал осетинский язык и учил говорить на этом языке маму (Загира — дагестанка). Он был очень ласковым — никогда не уходил спать, не поцеловав на ночь маму и бабушку.

Альберт был небольшого роста и мечтал поскорее вырасти.

Единственный ребенок — вечная тревога матери. Загира постоянно боялась, что с ее мальчиком что-то случится. Чтобы быть рядом с ним, она устроилась техничкой в первую школу.

На каждый День знаний они приходили вместе. Пришла она и теперь, хотя работала уже в другом месте.

Вместе они оказались и в спортзале.

Поначалу все происходящее казалось Альберту похожим на кадры из боевика. Но когда на его глазах застрелили Руслана Бетрозова, он испуганно спросил маму: «И меня тоже убьют?».

Загира теряла сознание. Альберт прикладывал ей к лицу влажную тряпку, гладил щеки, тормошил: «Мама, мама, не умирай! Я всегда буду тебя слушаться!».

Незадолго до первого взрыва он решил выйти в душевую, чтобы намочить майку. Успел сделать всего несколько шагов. Загира помнит ощу-

щение пустоты в груди, когда смотрела ему вслед. Сын уходил от нее навсегда...

Она опознала Альберта в морге 23 сентября.

Вначале они с мужем, отказываясь верить в смерть сына, искали его в больницах. После безрезультатных поисков пошли в морг.

Загиру, словно магнитом, потянуло к черному пластиковому пакету под номером 235. Но на нем была бирка с чужой фамилией.

«Тело уже опознано», — сказал служитель морга.

Однако спустя несколько дней она вновь остановилась возле того же номера. Фамилии на пакете уже не было. Она попросила открыть его, перевернуть тело. И увидела знакомые родинки...

После похорон кто-то принес ей из школы сочинение, которое Альберт написал в начальных классах. Тема: «Двадцать лет спустя».

«Мне уже 30 лет. Я окончил юридический факультет. Работаю судебным исполнителем. У меня жена и двое детей.

Я до сих пор дружу со своими одноклассниками Андреем и Аланом.

До сих пор я помню свою школу и учителей Ирину Васильевну и Галину Хаджиевну (Ватаева Г.В. тоже погибла). Они учили меня читать, писать и считать.

И вот я уже взрослый мужчина...».

Юрий и Рафа АЙЛЯРОВЫ

Машина не заводилась минут десять. Юра ходил вокруг нее, заглянул под капот, открутил свечи, ввернул их, в который раз повернул ключ зажигания.

Глухо. Мотор молчал.

Юра умел прислушиваться к так называемым «звоночкам судьбы». Он верил в предчувствия, которые редко его обманывали. Вот и сегодня что- то было не так. Если бы дорога была дальней, он бы непременно отложил поездку: машина, с которой он всегда ощущал странную взаимосвязь, отказывалась ехать. Но до первой школы, куда они с женой Рафой провожали первоклассницу Свету, было всего минуты три езды. Какое несчастье может ожидать его на этом коротком отрезке пути?

Можно, конечно, пойти пешком, но пришлось бы нести торт, конфеты, шары, цветы и напитки. После праздничной линейки у первоклассников намечался «сладкий стол».

Увидев, что отец возится с машиной, Света заволновалась: «Папа, опоздаем! Давай мы с мамой пешком пойдем».

Самира родилась через три года после теракта

Наконец мотор, словно устав от настойчивости водителя, заработал, и через несколько минут Юрий припарковался у школьных ворот.

Его родная школа, такая небольшая и по-домашнему уютная, пять лет назад отпраздновала свое 100-летие. Учиться в первой было престижно: среди ее выпускников были выдающиеся личности: герои Великой Отечественной, парламентарии, министры, ученые.

В этой школе учился председатель парламента республики Таймураз Дзамбекович Мамсуров, а теперь — его дети. Они ничем не отличались от других учеников школы, а в те годы, когда бандиты делали деньги, похищая и продавая людей, у них не было даже охраны.

Первоклассники уже спускались по бетонным ступенькам, когда внимание Юрия привлекла грузовая машина. Она подъехала к школьным воротам, которые выходили на железную дорогу. Служба во внутренних войсках выработала в нем наблюдательность: он отметил про себя необычность одеяния выскочивших из кузова людей. Посчитал — шестеро. Стреляют на бегу и что-то кричат.

Вместе с женой и дочерью Юрий побежал на второй этаж. Здесь они и еще несколько детей и взрослых спрятались в небольшой комнатке без окон, рядом с учительской.

Когда их обнаружили и приказали выйти, Юрий со Светой вышли одними из первых.

— Стой, мент! — крикнул вдогонку Юрию террорист.

— Он не мент, — сказала Рафа и взглянула боевику в лицо.

Сквозь прорези в маске на нее смотрели холодные, как лед, глаза.

— Стой, я сказал, мент! — снова крикнул боевик и направил на Юрия автомат.

Он успел сбежать вниз по лестнице и слиться с толпой.

.. .В зале Рафа попросила мужа: «Спрячься, чтобы они тебя не видели».

Юра взглянул на нее со спокойной иронией. Он был неразговорчив, никогда с ней не спорил, но поступал так, как считал нужным.

Террорист не случайно назвал его ментом. В экстремальных ситуациях он никогда не терялся и всегда приходил на помощь другим — спас как-то тонувшую женщину, вынес из ванной комнаты горевшего дома соседскую старушку, которую не могли отыскать пожарные.

Юрия вывели из зала вместе с другими мужчинами и поставили в одном из окон первого этажа. Боевик, пристроив ему на плечо автомат, всматривался из-за его спины в окна противоположной пятиэтажки.

— Ты думаешь, зачем мы пришли? — боевик разговаривал с Юрием как со старым знакомым. — Вы нам не нужны. Нам нужны четыре человека.

Придут они — вас отпустят. Нам надо развязать войну, поднять Кавказ против России.

В одном из окон четвертого этажа противоположного дома что-то блеснуло, боевик за спиной молниеносно среагировал, и отдача от выстрелов ударила Юрию в плечо.

Со стороны пятиэтажки послышался звон разбитого стекла.

Больше внимание боевика ничто не привлекало, и он ушел.

Террорист со снайперской винтовкой поджег на улице Коминтерна легковую автомашину. Боевики долго веселились по этому поводу.

После того, как укрепительные работы в школе были завершены, Юрия вместе с другими мужчинами посадили на пол у стены в коридоре. Руки заставили держать на затылке.

За его спиной стояла одна из шахидок — тоненькая, как подросток, с пистолетом в руке. Юрий почти физически ощущал леденящий холод опасности, который исходил от женщины.

Рядом сидел телеоператор, которого он видел утром во дворе школы. Чуть дальше — Иван Карлов. Вадим Боллоев, который был ранен в первые минуты захвата школы и которого террористы вынесли из зала, лежал на полу. Он был еще жив.

Прошло часа два.

... Взрыва Юрий не услышал. Просто по телу пробежал электрический ток, его вдавило лицом в стенку, и он свалился на пол. Когда пришел в себя, все было в дыму. Слышались крики и стоны.

Он вскочил, бросился по узкому проходу в спортзал и снова упал. К нему подбежал боевик, толкнул ногой и приставил к уху автоматное дуло.

«Вставай», — услышал Юрий знакомый голос. Над ним склонился учитель труда Александр Михайлов и, обхватив за плечи, поднял. Кто-то поддержал его с другой стороны.

Его отвели в дальний конец спортзала. Заложники, сидевшие на полу, потеснились, дав ему возможность прилечь. Ему сказали, что взорвалась шахидка и кроме заложников ранен один из боевиков.

Юрий ощупал лицо — оно было в крови. Кровь была на голове, на плече. Девушка-старшеклассница, сидевшая рядом, вытерла ему лицо и куском ткани, оторванным от белой блузки, перевязала голову.

Это была Аланка Кацанова, которая погибла на третий день.

Рафа видела, как окровавленного Юрия ввели в зал двое мужчин и посадили в дальнем конце зала. Но ни крикнуть ему, ни подойти она не могла: Света постоянно плакала, у нее поднялась температура.

— Мама, я их всех видела во сне, — сказала она о террористах в первый день.

Рафа раздела девочку и обмахивала ее тетрадкой. Дважды ей удалось вынести ее в душевую и дать воду.

Через некоторое время она опять посмотрела в ту сторону, где сидел муж.

Юрия там уже не было.

...Их дочь Свету не принимали в первую школу.

— У меня в классе уже тридцать один ученик, — сказала учительница Галина Хаджиевна Ватаева.

Но, увидев тетради девочки, ее дневник и Почетную грамоту, которую она, единственная в группе, получила в школе раннего развития «Архимед», учительница удовлетворенно произнесла:

— А что она еще будет делать в первом классе?

В ночь на первое сентября у Светы поднялась температура, и Рафа решила: завтра — никакой школы! Но утром Света встала с постели, бледная и слабая: «В школу! Я иду в школу!».

Рафа надела на нее темно-синее форменное платье и нарядный фартук, который сшила сестра Рафы Римма. Воздушные шары и огромный торт с надписью «Первый раз в первый класс» были привезены еще накануне вечером.

Ранец и его содержимое видели все соседи и родственники.

...Юрий всматривался в лица людей, выискивая своих, но так и не нашел.

«Как в лесу, — невесело подумал он. — А они меня едва ли узнают, окровавленного и перевязанного».

Ему нестерпимо захотелось в туалет. По его просьбе двое подростков повели его через зал в коридор, где на полу сидели мужчины.

— Куда пошел? — окликнул его боевик. — А ну садись!

Юра сел у двери в раздевалку, в которой лежал Артур Дзампаев. Когда-то они учились в параллельных классах.

Спина Артура была в крови.

— Принеси мне воды, — попросил Артур.

Юрий направился к крану в душевой, но боевик преградил ему путь:

— Вам вода уже не нужна.

— Как ты думаешь, нас расстреляют? — спросил Юрия один из сидевших в коридоре мужчин.

— Не знаю...

Вскоре раненых стали уводить на второй этаж. Тех, кто не мог ходить, укладывали на снятые с петель двери и несли как на носилках.

Повели наверх и Юрия.

Едва он поднялся на второй этаж, как в нос ему ударил запах крови.

Дверь шестнадцатого кабинета была открыта. У входа на корточках сидел боевик с автоматом. Рядом стояла парта, а на ней — пластиковая бутылка с водой.

— Попить бы... — простонал один из раненых.

— Можно взять бутылку? — обратился Юрий к сидевшему на корточках террористу.

— Вода вам больше не понадобится, — равнодушно ответил тот.

В кабинете литературы на полу лежали тела семи расстрелянных мужчин. Юрий узнал Артура Дзампаева и Мурата Бадоева, который несколько лет жил с семьей в Германии. Всего пару часов назад Юрий вместе с ним носил парты и тот рассказывал, что собирался уехать в Германию еще месяц назад. Но заболела мама, и он остался.

Расстрельный 16-й кабинет

...Среди боевиков произошла заминка. Из их разговора Юрий понял, что один из тех, кто выбрасывал в окно тела убитых, Аслан Кудзаев, сбежал, выпрыгнув в окно, второго, Альберта Сидакова, они расстреляли.

Трупы надо было выбросить в окно. Ждали тех, кто должен был этим заняться.

Раненых заставили пройти в дальний угол, к окну, заложенному партами.

Второе окно, расположенное напротив входной двери, было распахнуто настежь. Весь подоконник и радиатор отопления под ним в кровавых потеках.

«Ложитесь!» — приказал боевик.

Пол был залит кровью. Юрий стянул с вешалки один из двух пиджаков, висевших на ней, свернул его, положил под голову и лег.

На стене, испещренной пулевыми отметинами, висел портрет

Маяковского, а чуть ниже — его знаменитое изречение: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Объявление на противоположной стене приглашало записаться в кружок народного танца.

Юрий закрыл глаза. Им овладело странное равнодушие. Вспомнились слова Суворова, которые он часто слышал от командира: «Наступая, продумывай пути отступления». Какое наступление? И какие здесь могут быть пути отступления?

Он не видел, как боевик вошел в кабинет и дважды дал по ним, лежавшим, автоматную очередь.

Когда Юрий открыл глаза, все, кто был рядом с ним, уже не двигались.

Он с трудом поднялся.

Сергей Урманов и Валерий Бзиев стояли у входа и смотрели на террориста, который что-то говорил им из коридора. Оба разом повернули головы в его сторону и замерли от удивления. Террорист, перехватив их взгляды, вошел в кабинет, что-то сказал, глядя на Юрия, но он ничего не расслышал. Боевик махнул рукой в сторону окна и вышел в коридор. Юрий понял: он хочет расстрелять его в оконном проеме.

Едва держась на ногах, он отошел к противоположной от окна стене и, разбежавшись, прыгнул. Пролетев горизонтально сантиметрах в тридцати над подоконником, ласточкой, как в воду, ушел вниз.

Вслед ударила автоматная очередь.

Но судьба и на этот раз хранила Юрия от смерти. Он упал на трупы, которые лежали внизу, откатился к стене и прижался к одному из мертвых.

Окно, через которое выбрасывали тела мужчин

«Прости, — сказал он шепотом. — Прости, что тебя убили, а я остался жив».

Он пролежал среди мертвых до самого вечера, пока не началась гроза.

Когда хлынул дождь, Юрий прополз вдоль стены, зачем-то заглядывая в окна школы. Добрался до спортзала, но сквозь мутный пластик окон ничего не увидел. Потом короткими перебежками, между вспышками молнии, добрался до первого от школы дома Кадиевых.

Там не сразу поняли, кто он и откуда взялся.

Его доставили в больницу, где прооперировали — извлекли из раны осколок.

Третьего сентября, в десять утра, его выписали и отправили домой.

«Скоро здесь такое будет...» — сказал врач.

... Рафа, оставшаяся в спортзале, все три дня не выпускала Свету из рук.

На третий день, перед самым взрывом, девочка попросилась в душевую.

Рафа видела, что многие дети уходят туда в поисках воды, и отпустила ее.

До коридора Света не дошла.

...В зале темно или в глазах у Рафы? Кто-то бегает по залу, кто-то кричит. Надо найти Свету. Она переворачивает одного ребенка, другого. Все они в трусиках, у всех одинаковые серые лица.

Светы нигде нет. А может, она успела убежать? Или кто-то вынес ее?

В больнице, куда привезли Рафу, она обошла все палаты. Светы не было и здесь.

«Некоторых увезли в больницы Владикавказа», — сказала ей медсестра.

Рафа села в «скорую», которая увозила раненых.

Во Владикавказе объездила все больницы. Светы нигде не было.

Домой вернулась поздно вечером. Узнала, что Юрий жив, но тяжело ранен и находится у своих родителей.

На следующий день она поехала с сестрой в морг.

Рафа шла вдоль длинных рядов черных пакетов с обгоревшими останками и заглядывала в каждый. Она очень надеялась, что ее Светы здесь г^ет. Остановилась у одного. На обгоревшей кисти руки — золотой браслет-цепочка. Это Алена Ахсарбековна Дзуцева, преподаватель осетинского языка и литературы первой школы. Сколько раз там, в зале, Рафа видела этот браслет! Он скользил по запястью Алены, когда она поправляла свои прекрасные светлые волосы. Или прикрывала ладонью зеленые глаза. И когда, положив руки на колени, опускала на них голову.

«Моей Тамиле исполнилось полтора года, — рассказывала Алена. — Недавно она первый раз сказала «мама»...».

Рафа перешла к следующему черному пакету. Детское тельце без волос, без одежды. И непонятно, мальчик это или девочка.

Она прошла дальше, но что-то заставило ее вернуться.

«Покажите мне его зубы», — попросила она служителя морга.

Тот склонился над обгоревшим телом.

Рафа увидела четыре ровных красивых зубика: два — внизу, два — наверху.

Один из верхних успел вырасти только наполовину.

Это была Светик.

«Тот, кто не был в спортзале, никогда не поймет нас, — сказал как-то один из бывших заложников. — Сколько бы ни слушал рассказов, как бы ни сопереживал».

Из того состояния, в котором они находились три последующих года, Юрия и Рафу могло вывести только рождение ребенка. Они ездили по клиникам, а потом — по монастырям и святым местам. Юрий, который прежде мало задумывался о душе, о параллельных мирах и о существовании Бога, принял крещение.

«Молитесь, и Бог услышит вас», — сказал им старец в одном из монастырей.

Спустя три с половиной года после Бесланского теракта в семье Айляровых родился долгожданный ребенок.

Это была девочка, которую назвали Самирой.

Альбина ДЗЕСТЕЛОВА-КОЗЫРЕВА

Стоило Альбине пошевелиться, как пули ударяли в пол и стены — по ней бил снайпер. Альбина забралась под стол в медпункте, прижалась к стене. Зачем она, выброшенная взрывом из спортзала, свернула к двери медпункта? Почему не побежала дальше? Вместо того чтобы бежать прочь от школы, она очутилась в ловушке.

...Первое сентября в доме Козыревых началось со скандала. Муж Альбины Игорь купил сыновьям, шестикласснику Ахсару и пятикласснику Борису, кожаные ремни к новой школьной форме. В них надо было пробить дополнительные отверстия, но мальчики вспомнили об этом только первого утром. Увидев на новой форме старые ремни, Игорь возмутился. Пришлось снимать их.

Если бы Игорь задержал их дольше!

Альбина с мальчиками перешла через проезжую часть улицы Коминтерна и стала спускаться по тропинке к полотну железной дороги. Недалеко стоял маневровый тепловоз с несколькими вагонами. Она огляделась: место — опасное, обычно первого сентября здесь дежурит милицейский пост. Странно, почему его сегодня нет...

Во двор школы — два входа: один — отсюда, со стороны железной дороги, второй — с противоположной стороны, из переулка Школьный.

Она с сыновьями подошла к невысоким металлическим воротам. У калитки стоял высокий стройный голубоглазый блондин. Мужчина то нервно поглядывал на часы, то бросал взгляд во двор, туда, где уже строились дети.

Он был похож на ее зятя.

Альбина с сыновьями прошла мимо него во двор. Навстречу ей спешила ее знакомая Залина Цгоева со своими четырьмя детьми-школьниками. На руках у нее была девочка лет трех. Залина на бегу объяснила Альбине: «Ребенок — чужой, за ним сейчас придут».

Залина Цгоева работала младшим воспитателем в детском саду. Летом садик закрывался на ремонт, но она нянчила ребенка из своей группы — ей постоянно приходилось подрабатывать: муж, с которым она развелась несколько лет назад, почти не помогал ей.

В то утро садик должен был открыться, но детей не приняли.

Мама малышки спешила на работу, поэтому отнесла её к Залине. Отец ребенка обещал прийти в школу, к сыну-второклассник, после ночной смены, и она рассчитывала передать девочку ему.

— Подержи, — попросила Залина. — Я сейчас вернусь.

Альбина взяла ее на руки. Малышка доверчиво прижалась к ней.

Во время захвата заложников Альбина, с чужим ребенком на руках, растеряв своих детей, металась по двору в поисках укрытия. «Если я упаду, малышку затопчут, — лихорадочно думала она. — Надо ее спрятать».

Она побежала к мастерским, дернула одну дверь, вторую. Все помещения были закрыты.

Люди в камуфляже стреляли вверх и в землю. Пули взбивали фонтанчики пыли и щебня из-под ее ног.

Взрослые и дети сбились на спортивной площадке.

Одной из первых взбежала Альбина на кучу песка, поверх которого была набросана известь. Куча вплотную примыкала к стене под средним окном коридора первого этажа. Окно было распахнуто. Альбина добежала до подоконника и услышала сзади женский крик: «Не ходи туда, тебя убьют!». Спрыгнула в коридор и увидела перед собой высокую женщину в черном, с черной вуалью на лице. В руке у нее был серебристого цвета пистолет, дулом которого она показала ей в сторону спортзала.

Ребенок крепко держал Альбину за шею.

Навстречу по коридору бежал ее сын Ахсар с расширенными от ужаса зрачками: «Мама, там кровь! Наверно, Борьку убили!». Альбина схватила его за руку и свернула в один из кабинетов, двери которого были открыты. В нем были люди. У телеоператора с профессиональной камерой, который утром снимал первоклассников, на лице были недоумение и растерянность, словно он не мог до конца поверить в происходящее.

Мужчину, который истекал кровью, пытались перевязать, но остановить кровотечение не удавалось.

— Хочу к маме, — сказала девочка.

— А теперь — быстро в спортзал! — приказал боевик, возникший в дверях.

У входа в узкий коридор, ведущий в спортзал, образовалась толпа. Альбина стояла, высматривая в ней Борю.

— А вон мой папа, — сказала девочка, показав пальцем на мужчину лет двадцати семи, в джинсовом костюме.

Мужчина отрешенно смотрел на нее.

— Папа, — снова сказала девочка.

— Это ваш ребенок? — обратилась к нему Альбина.

Мужчина оцепенел. Он смотрел то на нее, то на девочку, потом неуверенно произнес: «Д-да».

После теракта в одном из телевизионных интервью Рустам Коков (это был он) рассказывал, что, глядя на девочку в руках незнакомой женщины, удивлялся, насколько чужой ребенок похож на его дочь. Мысль о том, что его маленькая Лера может оказаться в школе, не приходила ему в голову.

Потом Альбина видела его еще раз; малышка на руках мужчины была без сознания, он нес ее по проходу.

— Мама, смотри, чтобы твой новый костюм не помялся, — предупредил Альбину Ахсар, когда они садились на пол (накануне они вместе ездили на рынок, и этот костюм ей выбрал именно он).

Смелый и решительный Ахсар несколько раз выходил в поисках воды.

— Я познакомился с боевиком по имени Исса, — сообщил он в очередной раз. — Он обещал дать мне воду. Исса сказал, что пятнадцать лет дружил с Козыревыми. Он очень добрый.

Через некоторое время Исса — это был молодой парень в черной футболке — прошел по проходу с двумя боевиками. Вскоре послышались выстрелы, и Ахсар решил, что боевики расстреляли Иссу за то, что он помогал заложникам, и очень переживал по этому поводу.

Ни разу там, в спортзале, Альбина не вспомнила свой сон: «Твой сын умрет через два....», — сказал ей голос во сне. Конец фразы она не расслышала.

Это было в июне. Она прожила в страхе два дня, потом две недели. Потом сон забылся.

Привиделось еще огненное небо, смерч бушевал на земле, и по узкому мостику, перекинутому через страшный поток, бежали люди. И многие из них падали вниз, в бурлящую воду. Но и этого она не помнила. Как не помнила того, что ругала Ахсара, когда тот рассказывал: «Я такую красивую траву видел во сне и цветы необыкновенные! Наверное, это был рай».

«Какой рай, ты маленький мальчик, тебе еще жить и жить», — возмущалась Альбина.

...Огромный огненный шар, диаметром метров в шесть, упал сверху и понесся по спортзалу, накрывая живых и мертвых. Это был второй взрыв.

Последний, кого Альбина видела в зале, был ее сын Борис, который взбирался на подоконник.

Третий взрыв выбросил Альбину в окно вслед за сыном. Две девочки, бежавшие впереди нее, свернули за угол здания школы, в сторону железной дороги. А Альбина, увидев раскрытую дверь медпункта, вбежала туда.

Теперь она сидела под столом, не зная, что делать.

На столе, рядом с раковиной, стояли три бутылки с водой, пузырек зеленки, бинты и ампулы. На полу — рюкзак с медикаментами.

Смотреть на воду было мучением, очень хотелось пить.

Она потянулась, рывком схватила пластиковую бутылку, успела сделать несколько глотков. Пуля ударила в бутылку. На полу стала образовываться розовая лужа. Альбина посмотрела на руку, из которой шла кровь: она и не заметила, что ранена.

Во дворе бегали и кричали люди. Было слышно, как террористы уводили из спортзала заложников. Сквозь звуки выстрелов слышались голоса: «Быстрее, быстрее!». Кто-то звал: «Лидия Александровна, помогите!».

Альбина подняла глаза и увидела перед собой спецназовца.

— Не убивайте меня, — закричала она. — Я заложница!

— А что ты здесь делаешь? Здесь заложников нет.

— Заложница я, — кричала Альбина. — Я ранена, я оттуда, из зала! Меня снайпер не выпускает!

Спецназовец поговорил с кем-то по рации.

— Уберите ополченцев, — слышался голос в динамике.

— Их уже никто не уберет.

Альбина продолжала сидеть под столом, пока ее не перевели в соседнее помещение — небольшую комнатку без окон, в которой хранилась медицинская документация.

— Это главный вход в школу?

— Нет. Вход с другой стороны.

— А что за стеной?

— Библиотека.

Мужчины пробили стену библиотеки и ушли через пролом дальше, в глубь школьного здания.

Она осталась одна.

В медпункт влетел снаряд; вспыхнул и погас столб пламени.

Только поздно вечером Альбину вынес один из тех спецназовцев, которые обнаружили ее в медпункте.

Потом она долго искала его. Узнала, что он был тяжело ранен.

Встретились они в первую годовщину теракта.

Ее сын Ахсар погиб. Борис остался жив.

Людмила ГУДИЕВА

Теперь Людмила знает: то странное выражение в глазах некоторых детей и взрослых, которое удивляло ее там, в зале, было печатью смерти.

Такой необъяснимый взгляд был у ее соседки по дому Марианны Рамоновой. Девочка поворачивала к Людмиле лицо, на котором горели огромные черные глаза, и с тоской спрашивала: «Тетя Люда, меня убьют? Помогите, тетя Люда».

Марианна была в школе с мамой Аллой и братом Ирбеком. У Аллы была аллергия, она задыхалась.

Такое же выражение — обреченности или отрешенности — было у преподавателя информатики первой школы Златы Сергеевны Азиевой.

Как пчелка кружила Злата по залу и выводила ослабевших детей в душевую, чтобы дать им воды. Трижды видела Людмила, как разъяренный террорист приставлял к ее голове автоматное дуло и кричал: «Убирайся, чтобы я тебя не видел!».

Когда детям перестали давать воду, Злата ухитрилась набирать ее из протекающей трубы и незаметно давать малышам.

Людмила и Инна

Такие глаза были у Лены Фриевой, подруги ее внучки Инны.

Утром девочки долго разговаривали по телефону, словно не могли наговориться.

«Ладно, увидимся в школе», — сказала на прощание Инна.

И они действительно увиделись, сидели в спортзале рядом. Из подруг в живых осталась только Инна.

В романе Хемингуэя «По ком звонит колокол» старая испанка, которая готовила еду партизанам, всегда знала, кто из бойцов вернется с задания, а кому суждено погибнуть. «От обреченных исходит запах смерти», — говорила старая женщина. Возможно, это предвестие будущей смерти ощущает и сам человек, если оно выражается в его взгляде?

Такие же глаза были у Ольги Николаевны Соскиевой, учительницы начальных классов школы.

Родные Ольги Николаевны рассказывали: летом они ремонтировали квартиру, и Ольга все торопила их с его завершением.

— Куда ты спешишь, мама? — говорили ей дети.

— А вдруг я умру?

Ольга родилась и выросла в Осетии, поэтому широта русской души в ней сочеталась с уважительным отношением к старшим. Все три дня она, как ребенка, опекала старого учителя-фронтовика, участника Сталинградской битвы Заурбека Гутиева. Учителю было 86 лет, у него были проблемы со здоровьем, и в туалет ему надо было каждые полчаса.

Ольга Николаевна поднимала немощного старика, вела его в туалет, потом приводила обратно. А чтобы террористов не раздражали ордена и медали на его пиджаке, она вывернула его наизнанку.

И еще одна женщина поразила Людмилу — это Надежда Ивановна Назарова. Даже будучи бабушкой, Надежда оставалась в глубине души ребенком, чистым, восторженным и ранимым. В зале ее окружали ученики, она шептала им молитвы, гладила их по головкам и говорила: «Пусть лучше я умру сто раз, чем с вами что-то случится».

— Зачем тебе идти в школу? — сказала в то утро Людмиле дочь Зарина. — Инна уже третьеклассница, пусть идет сама.

Как хорошо, что Людмила настояла на своем и не отпустила внучку одну!

В ночь на тридцать первое августа ей приснился этот спортзал, в котором она не была ни разу. Людмила вышла из него, захлопнула обе створки двери, ведущей из зала во двор, и закрыла ее маленьким, очень красивым резным ключиком. Поцеловала его и спрятала на груди.

Закрытая дверь была обита черным дерматином.

«Тебе удастся успешно разрешить какую-то проблему», — сказала ей, заглянув в сонник, соседка Катя.

Здесь, в спортзале, воспоминание об этом сне придавало Людмиле силы и уверенность.

Людмила была грузинкой, но родилась и выросла во Владикавказе.

В первом браке у нее не было детей. Как-то после богослужения в одном из храмов Тбилиси к ней подошла молодая женщина с бездонными глазами, которая несколько лет до этого пребывала в летаргическом сне. «Если тебе

скажут, что ты не можешь родить — не верь», — сказала она.

Люда ушла от мужа.

Красивая и успешная женщина, она не спешила со вторым браком. «Выйду только за мужчину, у которого нет жены и есть маленькие дети», — говорила она полушутя.

Такой мужчина нашелся в Беслане — у Валерия Гудиева жена умерла при родах.

Маленькие Казбек и Зарина сразу назвали Людмилу мамой. А через год она родила еще одного сына.

Дети выросли. Теперь Людмила приросла душой к внучке Инне — дочери Зарины.

...Людмила вышла в душевую в поисках воды для внучки. Один из террористов, «татарин», как она его мысленно называла, разрешал заложникам пить, но так, «чтобы не видел Абдулла». Когда Абдулла приближался, «татарин» делал суровое лицо и кричал: «Быстро выходите!».

Недалеко от Людмилы сидела Фатима Тебиева. Фатима пришла в школу с внучкой-первоклассницей, которую провожали мама Людмила с маленьким ребенком на руках, отец Руслан Фраев, бабушка по отцу Фариза и другие родственники.

Фатима и Фариза так и не узнали, что Руслан, который попытался оказать сопротивление террористам, погиб в первые минуты захвата школы. Тело его все три дня пролежало недалеко от входа в школьный двор.

Сын Фатимы Аслан несколько лет назад был похищен и долгое время находился в заложниках в Чечне. Близкие и знакомые Тебиевых собрали тогда огромную сумму денег, чтобы выкупить его.

Теперь Аслан предупреждал окружающих: «Не смотрите им в глаза. Они этого не любят».

Из косметички Фатимы выпало несколько золотых колец. Кто-то поднял их с пола и передал ей.

«Зачем они мне теперь?» — в сердцах сказала Фатима и бросила их на пол.

Вскоре она перебралась к свекрови дочери Фаризе Фраевой, и Людмила ее больше не видела.

Обе женщины, и Фатима, и Фариза, погибли.

...Откуда-то появилась и пошла по рукам бутылка с водой. Каждый делал глоток и передавал ее дальше. Одна из женщин долго пила, потом облилась, дала выпить своей дочери, облила ее. Бутылка опустела. Дети, сидевшие вокруг нее, стали собирать капли воды с пола.

Людмила ни разу не встретила эту женщину. То, что она жива, знает точно — на кладбище ее фотографии нет.

Она очень хочет встретить ее и посмотреть ей в глаза.

...Инна ушла в душевую в поисках воды. Она возвращалась, перешагивая через сидевших. Добравшись до нее, расплакалась: «Я несла тебе воду во рту и проглотила нечаянно».

Рядом с Людмилой с женой и тремя детьми сидел Валерий Муртазов, бывший ликвидатор аварии на Чернобыльской АЭС. У него, как у многих ликвидаторов — лучевая болезнь. «Я могу потерять сознание, — сказал он. — Очень прошу вас, если что — помогите».

Людмила обещала помочь и в свою очередь попросила: «А вы, если что, присмотрите, пожалуйста, за моей внучкой».

После взрыва она не увидела ни одного из тех, кто сидел рядом. Долго лежала, спрятав под себя Инну. Потом поползла вместе с ней в сторону кабинета физруков.

Возле сейфа, который стоял недалеко от кабинета преподавателей физкультуры, лежал бывший директор школы Таркан Габулиевич Сабанов. Он был жив. Возле него виднелся островок пола, на котором не было мертвых. Людмила и учитель труда Александр Михайлов, перешагнув через тела, попытались поднять Таркана Габулиевича, но не смогли.

Заложников погнали в столовую. Последними, кого увидела Людмила, покидая спортзал, были ее соседи Русовы.

Эта армянская семья снимала квартиру в их доме. Рузанна была в зале с детьми — десятилетним Мартином и четырехлетней Ани.

«У моего сына на голове — большое родимое пятно, — часто говорила соседям Рузанна. — Говорят, это к долгой и счастливой жизни».

У Рузанны из-под наваленных на нее тел виднелось только окровавленное лицо. Ани в своем новом красивом, как у невесты, платье лежала сверху, как большая кукла. Мертвые глаза, в которых застыло удивление, были широко раскрыты.

Людмила шла, наступая на кровь, смешанную с битым стеклом. Только одного ребенка успела захватить она по пути в столовую — семилетнего Берда Кусова, внука ее знакомой Маруси Кусовой.

— Где бабушка? — спросила она.

— Не знаю...

— Поставь девочку на подоконник и встань рядом! — приказал Людмиле в столовой боевик.

Она встала в оконном проеме. Шестеро боевиков, встав на колени в кружок, запели песню на непонятном языке. Песня была красивой. Потом они хором закричали: «Аллах акбар!» и встали у окон.

Завязался бой.

— Пожалейте меня, — причитала одна из заложниц. — Я мусульманка, у меня ингушские корни, моя бабушка после Уразы всегда раздавала соседям мед с орехами...

— Замолчи! — прикрикнул на нее террорист. — Я тебя сейчас первую

пристрелю!

Людмила смотрела на оружие, которое было у боевиков, и думала: «Такого и в кино никогда не видела!».

Пули рикошетили от бетонных плит и металлических решеток, в тело впивались расплавленные медные кружочки.

Стоя у окна, Людмила увидела перед собой «зеркальце на палочке» — это спецназовцы с помощью специального приспособления осматривали помещение. «Шесть, шесть», — показала она им на пальцах.

Боевики то выбегали из столовой, то возвращались. Почти у всех из- под бинтов, которыми были перевязаны головы, проступала кровь.

Уже двое спецназовцев проникли в столовую. Один из них стоял на столе перед окном и передавал детей на улицу. Второй его прикрывал.

Неожиданно в дверях появился террорист. Спецназовец и он открыли стрельбу и упали почти одновременно.

— Давайте детей! — кричали снаружи.

Людмила передала в окно внучку Томы Кубатиевой, потом Инну, затем двоих сыновей Зиты Сидаковой.

Наконец взобралась на стол сама.

«Прыгай!» — кричали ей.

Она полетела вниз, уверенная, что при ее немалом весе мужчины не смогут ее удержать. Но ее подхватили и бегом понесли к машине.

В больнице, находясь в шоковом состоянии, она успела дать интервью и заступиться за Сергея Урманова, которого в приемном отделении избивали разъяренные люди, приняв за террориста. Сергей лежал на носилках, обросший густой трехдневной щетиной, почти без сознания, и действительно был похож на боевика.

И только после этого она нашла свою внучку Инну, живую и невредимую.

Фатима ГУТИЕВА

Фатима

Фатима была счастлива: ее детей в зале не оказалось. Окончательно убедилась в этом, когда террорист по ее просьбе выкрикнул имена ее сыновей, но ответа не последовало. Именно в тот момент с ней случился конфуз — она встала, и белая юбка, которая застегивалась спереди на пуговицы, распахнулась, обнажив ее ноги.

«Закройся!» — закричал взбешенный террорист и направил на нее автомат.

Она отвернулась, пытаясь дрожащими руками застегнуть пуговицы, но от страха пальцы перестали слушаться.

Убедившись, что ее мальчикам удалось сбежать, она села, с трудом скрывая радость. Бог отвел от ее сыновей беду. Значит, она должна позаботиться о других.

Фатима нашла в зале соседских мальчиков Виктора Цидаева, Батраза Чихтисова, Руслана Фриева и посадила их рядом с собой.

— Меня убьют? — этот вопрос дети задавали взрослым постоянно. Им необходимо было слышать, что такого не может быть, что все выйдут из этого зала живыми и невредимыми.

— Не бойтесь, — говорила детям женщина в черном платье в белый горошек. И рассказала притчу о двух лягушках, которые упали в кувшин со сметаной: — Пессимистка, сложив лапки, утонула, оптимистка стала прыгать, сбила масло и, встав на него, выбралась из кувшина. Спасаются оптимисты.

«Как в таком маленьком зале поместилось столько людей?» — спросил как-то Фатиму психолог. «Разве он маленький?» — удивилась она. Но, побывав в спортзале спустя время, отметила: а ведь он действительно маленький! А тогда казался палубой «Титаника»! Его нельзя было охватить взглядом, из одного конца не видно было другого!

В этом зале всё тогда измерялось иначе — и время, и расстояние, и чувства, и поступки.

...Старшеклассники раздавали детям воду. Маленькая пластмассовая кружка ходила по рукам. И дети, не сговариваясь, делали по одному глотку, затем передавали кружку дальше. Чтобы хватило другим.

Зная, как нелегко доставались родителям деньги на покупку одежды и обуви, многие отказывались снимать вещи. А те, кто снимал, аккуратно прятали их в укромные места.

...На третий день до Фатимы, словно издалека, донесся плач. Это над ней плакал Виктор Цидаев:

— Выпустите, пожалуйста, тетю. Ей плохо, — говорил он кому-то.

— Где эта тетя? Пусть выйдет, — услышала она голос террориста.

Оказывается, она потеряла сознание.

Ее подняли; она с трудом вышла из зала. К воде боевик ее не подпустил. Фатима вошла в класс, который террористы приспособили под туалет, и прислонилась к стене. Стена была прохладной, ей стало лучше.

Она стояла и думала о своих сыновьях. Старший из них, Юрий, поступил в этом году на строительный факультет Северо-Кавказского Горно-металлургического института. Десятиклассник Хетаг не отходил от нее до самого начала линейки. Семиклассник Азам попросил денег и побежал в магазин.

Как они теперь?

...Перед дверью класса, положив автомат на колени, сидел террорист.

— Переговоры еще не начались? — спросила она.

— А что?

— Сил уже нет.

— Я могу тебя пристрелить, если нет сил.

Она вернулась в зал. Пройдя мимо мальчиков, сделала им знак следовать за ней и села недалеко от входа в тренажерный зал.

Мальчики перебрались к ней.

Из тренажерного зала, где на окнах не было стекол, тянуло сквозняком.

Фатима попросила разрешения у террориста и подвела мальчиков к двери, чтобы подышали.

Здесь и настиг ее взрыв.

Ее отбросило в небольшой тамбур между спортивным и тренажерным залами. По ней побежали обезумевшие люди. Она лежала под их ногами, прикрывая руками голову, и не чувствовала боли. Потом вползла в тамбур и забилась в угол.

Террорист Али, стоя в дверном проеме, стрелял во двор и кричал заложникам: «Отползайте к стене!».

Второй, Ибрагим, стрелял, заглядывал в тренажерный, проверял, на месте ли оконные решетки, и продолжал стрелять.

Из тренажерного зала время от времени показывался светловолосый мальчик лет двенадцати и, плача, просил:

— Дяденька, моя сестра вон там лежит. Можно я перенесу ее сюда?

Террорист отмахивался от него, занятый своим делом.

Мальчик, передвигаясь на корточках, скрывался в дверном проеме. Но через минуту он, дрожа, снова приближался к террористу и, тронув его за локоть, произносил:

— Дяденька, там моя сестра...

— Уйди! — кричал террорист, продолжая стрелять.

Через некоторое время Ибрагим увел в столовую заложников, укрывшихся в тренажерном зале. Он прошел мимо Фатимы, словно не замечая ее. Прошли Алла Рамонова с детьми Марианной и Ирбеком, Алина Алико- ва со свекровью Светланой Захаровной и тремя детьми.

Вместе с ними уходил и сосед Фатимы Батик Чихтисов. Фатима схватила его за руку, но он вырвался и ушел вслед за всеми.

Фатима осталась в тамбуре одна.

Она выползла в спортзал. На полу, в нескольких шагах от нее, сидела директор школы Лидия Александровна и раскачивалась из стороны в сторону. Одна нога ее была в крови.

Везде лежали люди: одни — обнаженные, другие — едва прикрытые.

Перед ней — детское тело без одежды, всё неестественно белое. И вдруг до нее дошло: на ребенке нет кожи! Она в ужасе всматривалась в то, что лежало перед ней. И вдруг ребенок моргнул!

До конца жизни не сотрется из памяти Фатимы это воспоминание. И еще долгие годы будет сопровождать ее обжигающее чувство вины перед этим ребенком.

Она сидела, потеряв ощущение времени. И только мысль о том, что боевики могут вернуться и забрать ее в столовую, заставила ее ползти дальше: надо спрятаться среди мертвых, поближе к стенке.

Она выбрала женщину, на которой еще оставалась одежда, и легла рядом.

Недалеко от нее мужчина, завернув в пиджак маленького мальчика, что-то громко говорил ему. «Зачем он так громко, ведь заберут, если услышат»,— подумала она.

Рядом зашевелилась полная пожилая женщина. Фатима узнала в ней Людмилу Гудиеву, соседку по дому. Пряча под собой внучку, Людмила поползла в сторону столовой.

Звуки то пропадали, то возникали.

Вскоре опасения Фатимы подтвердились — из коридора, ведущего в школу, появились боевики. Они шли по залу и высматривали живых. Тер-

рористы были уже совсем близко, когда здание содрогнулось от страшного взрыва.

Боевики убежали.

Из тренажерного зала послышались голоса, в дверях показался мужчина в маске. Кошачьими прыжками он добрался до окна и стал стрелять в сторону коридора.

Фатима подняла голову. Ее заметил милиционер, стоявший у входа в тренажерный зал.

«Ходить можешь? — крикнул он. — Ползи сюда!».

Он приблизился к ней, схватил за руку и потянул за собой.

Ее вывели незнакомыми дворами на улицу и посадили в «скорую». На носилках лежала девочка лет десяти. Рядом — парень, который вынес ее из зала. На девочке не было ни одной царапины.

«Она умерла», — неожиданно сказал врач, который сопровождал раненых.

Парень стал биться головой о стенки салона.

Эти три сентябрьских дня изменили жизнь Фатимы. Она многое поняла тогда и ко многому стала относиться иначе. Заглянув за грань жизни и смерти, человек меняется.

Там, в спортзале, в своей молитве к Богу она обещала: если выйдет живой, примет крещение. Но время шло, а она всё не могла решиться на этот шаг. Чувствовала, что внутренне еще не готова к нему.

В Италии, на богослужении в католическом храме, на ее измученную и окаменевшую душу сошла благодать. Душа ее наполнилась светом и знанием чего-то очень важного, о чем она прежде не подозревала. И впервые за многие месяцы Фатима смогла заплакать. Сквозь рыдания и слезы смотрела она на лик Христа и вспоминала того ребенка в зале. И думала о том, что тот невинный ребенок, как и Спаситель, искупил своей страшной мучительной смертью грехи тысяч людей.

Спустя год Фатима приняла крещение.

Азамат МУКАГОВ

Азамат

За темной полосой в жизни непременно следует светлая. В этом Светлана Мукагова убедилась давно. Ей было всего три года, когда в автомобильной катастрофе погиб отец. Но прошло время, и наступила светлая полоса: они, три сестры и брат, выросли, получили образование, создали семьи.

Мрак снова накрыл ее жизнь, когда погиб муж и она осталась одна с тремя детьми. Но и это Светлана смогла пережить, вырастила их, помогла получить образование. Сын женился, появился внук, и дом снова наполнился счастьем и радостью.

Новая беда обрушилась на нее в яркий солнечный день 20 сентября 2002 года, когда ледник Колка, сметая всё на своем пути, сорвался в Кар- мадонское ущелье. В тот день ее брат Алик Сикоев, сотрудник республиканской ГИБДД, сопровождал группу режиссера Сергея Бодрова, которая вела съемки в ущелье.

Вся группа пропала.

Сотни людей, родственники членов съемочной группы, других пропавших без вести, не желали верить в их смерть. «Они живы, они могли укрыться в тоннеле», — утверждали они. Чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, добровольцы-проходчики стали пробиваться сквозь толщу льда к тоннелю. Полтора года они искали вход в него, и все это время Светлана и ее сестры жили в палаточном городке в Кармадоне. Вместе с другими женщинами они готовили еду рабочим, налаживали их временный быт. И верили в то, что их брат жив.

Когда, наконец, проходчики проникли в тоннель, они не обнаружили в нем ни машин, ни людей.

В апреле 2004 года Светлана вернулась в Беслан. Но еще долго она жила воспоминаниями о тех удивительных людях, которые приезжали в Кармадон со всех концов России, чтобы оказать бескорыстную помощь энтузиастам-спасателям.

В августе 2004 года Светлане приснился жуткий сон: люди расчленяли трупы и делали из них шашлыки.

Она в ужасе проснулась: к чему бы это?

Через два дня на ее рабочем месте взорвался прибор, и ее с тяжелейшими ожогами доставили в республиканскую клиническую больницу.

— Всё. Сон сбылся, — убеждала она себя. — Моим близким ничто не грозит.

Боль была такой нестерпимой, что во время перевязок она теряла сознание. Но еще сильнее болела душа: ее продолжало томить предчувствие беды.

Утром первого сентября Светлане позвонили из дому: няня ее маленького внука Азаматика провожала в первую школу свою внучку и оказалась с ребенком в числе заложников.

Физические страдания отступили на второй план.

Она приехала из Владикавказа в Беслан и три дня просидела у Дворца культуры, где собрались жители Беслана. А на третий день, после того, как в школе прогремели взрывы, поехала в районную больницу.

Она успела увидеть, как ее внука пронесли мимо нее на носилках — узнала его по рукам. Нашла Азаматика в полевом госпитале МЧС, палатки которого были расположены во дворе больницы.

Обнаженное тельце двухлетнего ребенка было изуродовано, из раны в животе виднелись внутренности. Врачи сказали: осколки в печени и в легких.

Мальчика тут же, в полевом госпитале, прооперировал врач Сулейман Исраилович Яндиев. Потом его самолетом отправили в Москву, в детскую городскую клиническую больницу № 9 им. Сперанского.

В те дни одной из первых Светлане позвонила Елена Носик, у которой в Кармадоне с группой Сергея Бодрова погиб сын. Кармадонская трагедия сблизила этих двух женщин. Елена полгода жила в горах вместе со спасателями. Теперь она звонила Светлане, чтобы предложить ей помощь.

Первой пришла она и в больницу.

Азамат перенес пять операций. О состоянии его здоровья часто сообщали в теленовостях, он был самым маленьким пациентом-заложником: два года Азамату исполнилось в клинике. С днем рождения его

первым поздравил лечащий врач Сулейман Исраилович. Азамат так привязался к нему, что Свете порой казалось: на внука действует не столько лечение, сколько отношение врача.

— Вы будете мстить ингушам? — спросил как-то Светлану один из журналистов.

— Кому? Таким же безвинным, как мы с внуком? — ответила Света.

Она понимала: тогда, в 2004-м, кому-то очень хотелось развязать войну между соседними народами. Но это им не удалось.

Светлана рассказывала журналистам о том, что ее внука вернул с того света врач Сулейман Исраилович Яндиев, ингуш по национальности. И теперь ее дети относятся к нему как к брату.

Сулейман Исраилович спасал в те дни не только ее внука — вместе с осетином Русланом Сергеевичем Кцоевым и другими врачами клиники он сутками не уходил домой. И даже перевязки детям делал сам, не доверяя медсестрам.

Когда Азамата выписали из клиники, Сулейман Исраилович подарил ему свой докторский колпак и стетоскоп.

Сейчас Азамат учится в школе и мечтает стать врачом, как Сулейман.

Наташа САТЦАЕВА

Наташа

Наташа не помнит, как упала и взорвалась граната. Она почувствовала резкую боль в левом надбровье. Провела рукой по лбу — нащупала ранку. Крови было немного.

Наташа прислушалась к своим ощущениям — болела голова.

«Хорошо, что не зацепило детей», — подумала она и опять прижала к себе всех троих. «Господи, помилуй мя грешную, — повторяла она привычную молитву. И добавляла: — Господи, спаси моих детей, чтобы они вышли из этой школы своими ножками».

Первого сентября Наташа провожала в первый класс сына Тамерлана. Купила цветы и воздушные шары. Решила заодно отвести в детский сад «Березка» четырехлетнюю Дану и двухлетнюю Аделину. Но детей не приняли, поэтому на праздничную линейку они отправились вчетвером.

Голова болела все сильнее. «Только бы не потерять сознание. Что будет тогда с моими детьми?»

Сознание она все же потеряла.

Наташа не видела, как выбежал из спортзала ее маленький сынишка.

«Я привел к тебе гранатометчика», — сказал он потом маме. Она так и не узнала, кто был ее спасителем, сын и по сегодняшний день называет его «гранатометчиком».

Она очнулась, увидела над собой небо и снова погрузилась в небытие.

Мир перестал для нее существовать. Наташа не знала, что в одной из владикавказских клиник ей произвели трепанацию черепа (осколок, пробив лобную кость, прошел сквозь мозг и застрял в затылке).

Тем временем ее муж Аслан Сатцаев вместе с соседом Асланом Хузми-

евым, который тоже искал жену и детей, ездил по больницам. Он нашел Наташу только на третий день: по больничному коридору из операционной в реанимационное отделение везли женщину, которая значилась в списках как «неизвестная». Это была Наташа.

Ее отправили в Москву.

Только через месяц она открыла глаза, и первым, кого увидела, был Аслан.

... Восьмой год Наташа прикована к инвалидной коляске. «Муж носит меня на руках», — горько шутит она. И это действительно так. Утром он несет Наташу в ванную комнату, потом одевает, пересаживает в кресло- коляску.

— Я выжила благодаря заботе и вниманию моей семьи, — считает Наталья. — Мамы не стало вскоре после теракта, отец сам нуждался в заботе.

Стержень большой семьи Сатцаевых — свекровь Наташи Нина. Как дочь приняла она в свое время русскую девушку, которую выбрал ее сын.

В спортзале первой школы погибла и сестра Нины с внучкой. Похороны, поминки. Дом, дети, уборка, стирка. Тревога о невестке и сыне, которые были в Москве.

Но и с возвращением Наташи и Аслана из клиники забот у Нины не убавилось: невестке требовался уход. Легче стало только после женитьбы второго сына. Теперь уже жена деверя водила детей Наташи в садик, посещала родительские собрания в школе, где учились Тамик и Дана.

Наташа никогда не чувствовала себя одинокой. К ней приезжали монахини из Аланского женского монастыря, а также председатель общества инвалидов республики Жанна Цаллагова. Молодая женщина рассказала Наташе о том, как, будучи прикованной к инвалидной коляске, она нашла в себе силы жить, вышла замуж, родила ребенка.

Наташа приняла крещение (обряд провели дома).

— Надо разрабатывать ногу, — сказали Наташе врачи. — Надо работать над собой.

Но это тяжкий труд. А на то, чтобы отправить ее на реабилитацию в Центр Дикуля в Москву или в Германию, нужны большие средства. Их у Сатцаевых нет.

...Летом Наташа выезжает в коляске на улицу. Она вглядывается в переулок Лермонтова, который ведет на центральную городскую магистраль — улицу Ленина. По ней когда-то свадебный кортеж вез ее в дом Сатцаевых.

По этому переулку она с детьми уходила в школу. И по ней ее привезли из клиники. Наташа вглядывается в коротенький переулок и представляет себе тот день, когда пройдет по нему как прежде — веселая и счастливая. А рядом будут муж и повзрослевшие дети.

Но это будет еще не скоро....

Марина ДАРЧИЕВА

Марина

— Зачем тебе с больной ногой идти в школу?
— сказала Марине свекровь. — Дети уже большие, пойдут без тебя.

Свекровь была права: несколько дней назад Марина вывихнула ступню. Нога была забинтована и болела.

— Хорошо, я останусь.

Дети вышли за ворота дома.

— Подождите, — крикнула она им вслед.
— Я тоже с вами.

Увидев, что мама уходит, заплакал двухлетний Давид. Золовка подхватила малыша на руки и унесла в огород. Сколько раз с благодарностью вспоминала ее там, в спортзале, Марина!

Дети Марины учились в первой школе, хотя третья была ближе.

Первая была другой. Здесь, казалось, все дышало радостью и счастьем. Эту удивительную атмосферу, светлую и возвышенную, создавали учителя и особенно — заместитель директора по воспитательной работе Елена Сулетдиновна Касумова.

Елена Сулетдиновна была талантливым режиссером и каждое школьное мероприятие могла превратить в незабываемое представление.

Над этой удивительной женщиной, казалось, не властно было время: вырастали и уходили ученики, а она оставалась такой же молодой и энергичной.

В первой работали хорошие учителя.

Обо всем этом рассказала Марина дочери Елене, когда три года назад решила перевести ее из третьей школы в первую.

Теперь Лена — в седьмом, а Ахсар — в третьем классе.

...Они уже стояли во дворе, где через несколько минут должна была начаться праздничная линейка. Интересно, какой сюрприз приготовила Елена Сулетдиновна на этот раз?

Когда Марина увидела бегущих мужчин, она решила, что это очередная выдумка Елены. И, даже услышав стрельбу, Марина еще стояла в замешательстве, не понимая, в шутку это или всерьез.

А через час, когда они уже сидели на полу спортзала, сомнений не осталось — произошло нечто ужасное. Но еще была уверенность: всё обойдется, их не оставят, ведь в зале столько детей!

Ей вспомнился случай с захватом в заложники автобуса с детьми, который произошел во Владикавказе несколько лет назад. В результате проведенной операции все заложники были освобождены. А здесь — более тысячи человек. «Все будет хорошо», — успокоила себя Марина.

Террористы минировали зал.

У шведской стенки, недалеко от входа в тренажерный зал, стоял преподаватель физкультуры Иван Константинович Каниди. Когда террористы поднимали очередного подростка, Иван Константинович говорил: «Давайте я — вместо него». Если на кого-то кричали, пытался его защитить: «Меня, меня ругайте. Они же дети...».

— Сиди, старик! — не выдержал один из боевиков.

Ивану Константиновичу было семьдесят четыре года.

Поразило Марину и мужество Ларисы Кудзиевой. Марина заметила, что после того, как один из террористов едва не расстрелял ее, а она бесстрашно отвела от себя дуло автомата, боевики стали относиться к Ларисе уважительно. Пользуясь этим, она водила детей в душевую, чтобы они могли выпить воды.

— Лариса, спроси их, нет ли каких новостей, — говорили ей женщины.

Лариса спрашивала. Ответ террористов каждый раз был неутешительным: «Видите, никто не звонит. Вы никому не нужны».

В ночь на третье сентября один из боевиков разрешил Марине пройти в душевую тренажерного зала, пол которой был усеян битым стеклом.

— Обуйся! — неожиданно приказал Марине террорист.

— Ноу меня нет обуви.

— Обуйся, я сказал! — в голосе его зазвучало раздражение

— Марина, — позвала ее Алина Аликова, — возьми мои сабо.

Муж Алины, Костя, учился с Мариной в одной школе. А дед Алины по материнской линии, Виктор Касабиев, был одним из самых уважаемых людей в Осетии, и Марина хорошо знала эту семью.

Алина, ослепительно красивая, нежная и приветливая, была у матери Елены единственной дочерью.

Трое её детей лежали на полу, на обрывке бумажного плаката. Рядом с ней сидела свекровь Светлана Захаровна, которая всю жизнь проработала в первой школе преподавателем истории.

В тренажерном зале было свежо и тихо. Но главное — не было мин.

— Можно я посижу здесь? — попросила Марина боевика.

— Места нет.

— Иди сюда, — снова с готовностью отозвалась Алина.

Она разбудила одну из своих девочек, заставила ее подвинуться и уложила рядом с ней Ахсара.

Дети спали, взрослые шепотом переговаривались.

— Странный сон я видела недавно, — задумчиво сказала Светлана Захаровна. — С кем-то, не помню с кем, пытались выбраться из ямы, заполненной грязью. Мне это удалось, а тому, кто был со мной, — нет.

Возможно, Светлана Захаровна не хотела расстраивать свою невестку.

Именно Алине не суждено было выйти живой из этой школы. А Светлана Захаровна с тяжелыми ранениями долго лежала в одной из клиник Ростова-на-Дону.

Перед тем как выйти в спортзал, Марина еще раз вошла в душевую, набрала в рот воды, распустила волосы, чтобы не видно было лица, и вернулась в зал. Молча наклонилась к дочери и влила ей в рот воду, которую принесла во рту.

— Такой вкусной воды я не пила никогда в жизни, — сказала Лена.

Незнакомая девочка тронула Марину за руку: «Это не ваши?». На ее ладони лежали украшения Марины: золотой браслет и старинный бриллиантовый комплект — кольцо и серьги. Это был подарок мамы на день рождения. Марина сняла их с себя в первый день, положила в карман пиджака Ахсара и забыла про них. Пиджак валялся на полу, она с детьми успела передвинуться в другое место, но украшения «пришли» за ней.

«Зачем они мне теперь?» — подумала Марина.

Потом спохватилась: а вдруг их тела придется опознавать? Она решительно надела на руки браслет и кольцо, вдела в ухо одну из сережек, вторую заставила положить в карман брюк Ахсара.

...Марина встала, поправила юбку и пригладила непослушные вьющиеся волосы.

— Ты куда, мама?

— Домой.

— Сколько на твоих часах? — спросила ее сидевшая рядом, на скамье, женщина.

— Ровно час дня.

Марина постояла, разминая ноги, потом поменялась местами с Леной — дочь села на скамью, а Марина — на пол, рядом с сыном.

Первый взрыв оглушил Марину, от второго на ней вспыхнула блузка. Она сорвала с себя пылающую ткань и осталась в бюстгальтере и белой льняной юбке.

— Мама, все бегут, — услышала она голос дочери.

…В горле жгло и першило. Подоконник был недосягаемо высоким. Прямо под окном, у самых ног Марины, лежала мертвая женщина. Чтобы не наступать на нее, она протиснула под нее ступни и подняла детей на подоконник. Ахсар спрыгнул в задний двор школы и побежал. Лена, оказавшись во дворе, сделала несколько шагов, вернулась и остановилась под окном.

— Мама, прыгай! Прошу тебя, прыгай! — кричала она.

Мариной овладела странная апатия: дети спасены, теперь можно не спешить.

— Мама, я видела по твоим глазам, что ты хотела остаться там, — сказала ей потом Лена.

Марина выбралась, наконец, из зала, и они с дочерью оказались в сарае во дворе пятиэтажного дома. Двор обстреливался со стороны школы, поэтому из сарая они опять выбирались через окно.

— Мама, что у тебя с ногой? — спросила Лена.

На юбке Марины виднелось круглое пулевое отверстие, по ноге сбегала кровь. Она приподняла подол и увидела высоко на бедре рану.

Почему стало так темно? Ведь только что светило солнце...

Она успела ощутить спиной холодок брезента носилок и потеряла сознание.

На улице ее перенесли в легковую машину, и она пришла в себя. Молодой водитель всю дорогу задавал ей один и тот же вопрос: «Как тебя зовут?».

Он боялся, что она умрет.

Марина сидела впереди, зажав ладонью рану на бедре. Сзади лежал мальчик, которого придерживал незнакомый парень.

Все чехлы в салоне были пропитаны кровью.

Марине казалось, что она едет в своей машине, с мужем. Привычным движением сняла украшения и положила их между передними креслами.

Водитель въехал во двор больницы и сам отнес Марину в палату. Он не сразу заметил драгоценности у себя в машине. А когда обнаружил их, быстро выяснил, кто она и где живет, и отвез их ее мужу: «Вдруг убьют меня возле школы и кто-нибудь подумает, что я мародер».

Лена, которую нес на руках спасатель, вырывалась и кричала: «Найдите мою маму! Она красивая, с белыми кудрявыми волосами!».

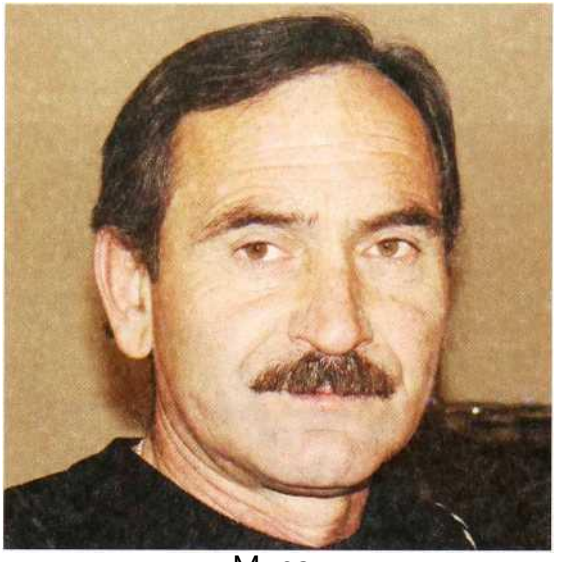
Вечером маму, «красивую, с кудрявыми волосами» и в бюстгальте-

ре, показали по телевизору. Узнав об этом, Марина плакала: «Какой стыд, если меня в таком виде видели старейшины фамилии мужа».

«Прости меня, что я перевела тебя в первую школу, — сказала как-то Марина дочери. — Это из-за меня тебе пришлось пережить столько страданий».

Лена ничего не ответила. А много месяцев спустя сказала: «Помнишь, мама, ты просила у меня прощения за то, что перевела меня в первую школу? Не надо. Я благодарна тебе за то, что ты дала мне возможность поучиться в ней. Она действительно была другая, особенная...».

Мурат КАЦАНОВ



Мурат

Такой машины, как у Мурата, не было ни у кого в городе. Это был эвакуатор — грузовик, снабженный подъемным краном. Мурату подарил его зять- немец, живущий в Германии. Благодаря этой машине Мурат не только содержал семью, но и завоевал расположение сотрудников ГИБДД — к нему обращались за помощью в тех случаях, когда требовалось эвакуировать машину с места ДТП.

Первого сентября утром Мурат уехал во Владикавказ: знакомый попросил перевезти несколько тонн металлолома во «Вторчермет».

Он загрузился и уже подъезжал к «Вторчермету», когда зазвонил телефон.

— Тебе надо срочно ехать домой, — сказал ему брат.

— В чем дело?

— Террористы захватили первую школу.

Это было похоже на розыгрыш.

— Какие террористы в Беслане? — недоверчиво произнес Мурат, но интонации в голосе брата заставили его замолчать: в этой школе училась младшая дочь Мурата Аланка.

Он быстро сгрузил металлолом и поехал в Беслан.

Автодорога «Кавказ» была уже пустынна, подступы к Беслану заблокированы.

Его пропустили.

В переулке Лермонтова, метрах в ста от дома, снова остановили и попросили убрать машину: «Сейчас сюда прибудут «Икарусы», — сказал милиционер. — С террористами ведутся переговоры».

Мурат поставил эвакуатор во дворе у знакомых и пешком направился к пятиэтажному дому № 37 в переулке Школьном.

Милиционер из оцепления направил на него пистолет:

— Дальше нельзя.

— Убери, — угрожающе произнес Мурат. — Я — домой.

И пошел не оглядываясь.

Двор его дома простреливался. Короткими перебежками, от одного подъезда к другому, добрался до своего, первого от школы. Поднялся на четвертый этаж.

Дверь квартиры была открыта. Человек пятнадцать милиционеров расположились на диване, стульях, на полу. «К окну не подходи! — предупредили его. — Там — снайпер».

Мурат осторожно прошел к проему и бросил взгляд вниз. Из окна его двухкомнатной квартиры школа — как на ладони. Во всех окнах школьного коридора, выходивших во внутренний двор, стояли заложники-мужчины.

На куче строительного мусора под средним из окон что-то темнело.

«Похоже, человек», — сказал он.

Подошел милиционер с карабином, навел оптический прицел. На куче мусора лицом вниз лежал мужчина.

«Уже кого-то убили», — тихо произнес он.

В ту же секунду в раму ударила пуля.

Они отошли в глубь комнаты.

Что делать? Бездействие угнетало Мурата. Он вышел из квартиры, поднялся на технический этаж, прошел по нему, пригнувшись, из конца в конец, выбрался на крышу. Левая сторона ее простреливалась, и он передвигался по «слепой» правой стороне. Только так — пройдя по крыше и спустившись вниз через крайний подъезд, можно было выйти в город.

Мурат прошел сквозь кольцо оцепления и оказался у Дворца культуры.

Вся территория, примыкавшая к зданию, была заполнена людьми. Казалось, население всего 35-тысячного Беслана сконцентрировалось на небольшой площади перед зданием Дворца культуры и вокруг него.

На зелени газонов белели тарелки спутниковых антенн — журналисты вели прямой репортаж с места события.

Мурат вспомнил рассказы о том, как в 1966 году в небольшом осетинском селе Карман-Синдзикау погибли сорок три школьника, которых вывезли в летний трудовой лагерь. Ночью была гроза; река, возле которой был разбит лагерь, вышла из берегов и унесла всех, кто в нем был.

Вся республика оплакивала детей, но ни одна газета не написала об этом ни строчки. А в республиканской «Социалистической Осетии» в те дни сообщалось о том, что в Австралии в результате взрыва на шахте погибли шестеро горняков.

Сегодня о событиях в Беслане знает весь мир.

Толпа расступилась, пропуская пресс-секретаря президента республики. Все телекамеры нацелились на него. «В школе — 354 человека», — опять услышал Мурат.

«Времена — новые, а методы работы — те же», — со злостью подумал он и, не дослушав сообщение, ушел домой.

…Над школой нависла зловещая тишина. Время от времени она разрывалась звуками автоматных очередей.

В армии Мурат служил в воздушно-десантных войсках. Он никогда не забудет тот дикий ужас, который испытал перед первым прыжком с парашютом. За несколько секунд, которые прошли до раскрытия купола, он успел мысленно попрощаться со всеми родственниками, друзьями и знакомыми.

Армия научила его преодолевать себя, находить выход из безвыходных ситуаций. Но в этой ситуации он не видел выхода.

Соседи рассказали Мурату о том, что в первые минуты захвата школы был тяжело ранен их сосед Вадим Дауров, очень общительный, веселый парень. Вадим подъехал к дому в момент захвата и, услышав выстрелы, побежал в сторону школы. Из зоны обстрела его вынесли Заур Рубаев и Залина Кацанова. Соседи вызвали «скорую», но спасти Вадима не удалось.

Теперь там, в спортзале, среди заложников находилась мама Вадима — Инесса Даурова — с его детьми: двухлетним Георгием и тринадцатилетней Аленой.

Пожарным помогали местные жители

...Телевизор в квартире Кацановых почти не выключали. На экране —

тысячная толпа у Дворца культуры. «В школе — 354 человека», — опять услышал он знакомый голос. Мурат побледнел от ярости: соседи сказали, что заложников в школе не меньше тысячи.

Милиционеры ушли, их место занял пулеметчик. Второй расположился в соседней однокомнатной квартире. Там, в школе, почувствовали опасность, исходящую от этих окон. По квартире выстрелили зажигательными пулями, в ней возник пожар.

Насосы, которые подавали воду на верхние этажи пятиэтажного дома, были выключены, и мужчины с трудом потушили пламя.

Второй пулеметчик тоже перешел в квартиру Кацановых.

На третий день, ближе к обеду, Мурат пошел в магазин. Купил блок сигарет и пару арбузов. Один из них вместе с сигаретами отдал ребятам, которые сидели на первом этаже, второй отнес пулеметчикам.

Взрыв чудовищной силы встряхнул дом. Завыли сирены машин, стоявших возле школьной ограды.

Мурат бросился к окну.

Крыша спортзала просела, вверх поднималось облако черного дыма.

Второй взрыв он услышал уже внизу. В квартире на первом этаже, где сидели мужчины, уже никого не было.

В два прыжка Мурат оказался на подоконнике.

Мурат, Герман Рубаев и Айтег Дзгоев уже были возле металлических гаражей, когда увидели первых заложников, бежавших из школы. Вслед им стреляли, многие из них падали. Мужчины бросились к ним. Они подхватывали упавших и вносили их в двухэтажный дом рядом со школой.

Минут сорок со стороны наших не предпринималось никаких действий по спасению оставшихся в школе заложников. Наконец подошла группа военных, которые почему-то были без бронежилетов. Мурат предложил провести их в школу с тыла, через тренажерный зал. Те вначале не соглашались, затем четверо из них, а с ними Мурат, Айтег и Герман, прошли через заднюю дверь одного из гаражей, убрали изгородь из сетки «рабица» и оказались в закрытом дворике между школой и гаражами.

Под окнами тренажерного зала стояла женщина, по виду — русская. Аккуратно одетая и причесанная, она не была похожа на тех, кто бежал из школы.

— Боевики там есть? — спросил ее Мурат, кивнув на окна тренажерного зала.

— Нет.

Мужчины рванули решетку, прикрепленную к оконной раме с внешней стороны, обрушили столы и парты, которыми было заложено окно изнутри, и оказались в тренажерном зале.

Боевиков в нем, действительно, не было.

В углу лежали люди — окровавленные, полураздетые. Он узнал Артура Рубаева, Казбека Мисикова, его жену и детей.

Заложников быстро эвакуировали через окно.

Только тогда Мурат вспомнил про женщину, которая стояла под окнами. Кто она и как оказалась там? Ведь снаружи туда, в этот закрытый дворик за гаражами, не пробраться, только отсюда, из школы или через гаражи.

Он выглянул в окно, но подозрительной женщины уже не было.

Группа решила прорываться из тренажерного зала в спортивный.

«За дверью может быть «растяжка», — предположили военные.

Мужчины прикрепили к дверной ручке провод и, прижавшись к стенке, рванули дверь на себя. Она распахнулась, открыв проход в небольшой тамбур.

К группе присоединился прокурор района Алан Батагов. «Кого ждем?» — сказал он и ударил ногой вторую дверь. Боевики открыли огонь с противоположного конца зала, ранив одного из военных.

Площадь пола между спортивным и тренажерным залами была свободна — заложники то ли успели убежать, то ли их отбросило взрывом.

Ужас начинался метра через четыре: весь пол был покрыт мертвыми телами и отдельными их фрагментами вперемешку с ранеными.

Первой, кого увидел Мурат, была его соседка Инесса Даурова.

— Помоги, Мурат, — позвала она и протянула ему внука.

Чтобы добраться до нее, Мурату пришлось наступить на несколько тел. Под одним из них что-то пискнуло. Он отодвинул мертвого в сторону и увидел мальчика. На ребенке не было ни одной царапины, но он был сильно напуган и, казалось, не понимал, что происходит.

Мурат поднял малыша, поставил его на пол и слегка подтолкнул в сторону тренажерного зала: «Ползи». Сам подхватил еще одного ребенка. Другие мужчины тоже спешили выносить из зала раненых и тех, кто не мог двигаться от страха или слабости. Подняться в полный рост было невозможно, спортзал обстреливался, поэтому передвигаться приходилось на коленях или пригнувшись.

Дважды по залу выстрелил БТР, стоявший во дворе.

Наконец Мурат добрался до Инессы, взял у нее из рук маленького Георгия, потом вынес Алену.

— Пробирайся в тренажерный зал, — сказал он Инессе, вынося очередного ребенка.

В спортзале начинался пожар. Со стороны входной двери горели сумки и сваленные на полу вещи. Огонь охватывал шведскую стенку, с потолка срывались горящие капли расплавленного пластика. Занимались огнем деревянные щиты, которыми были закрыты батареи отопле-

ния, а также стены, отделанные вагонкой. Горели доски и куски пластика, упавшие сверху.

— Надо помочь пожарным, — крикнул ему Айтег Дзгоев. — Они на улице Октябрьской, подъехать ближе не могут.

От пожарных машин к школе тянулись шланги. Их было мало, до спортзала они не доставали. Кроме того, шланги были разного диаметра, и вода выливалась на землю. Мужчины зажимали руками места соединений.

Чтобы дотянуть шланги до зала, стали пробивать грифом штанги отверстие в стене, под баскетбольным щитом.

Мурат вспомнил, что на улице к нему подходила сестра жены и сказала, что надо идти в больницу, искать Аланку.

Когда отверстие в стене было пробито и бесполезные шланги дотянуты до зала, Мурат ушел в больницу.

Миновав здание поликлиники, он завернул за угол, к больнице, и увидел «уазик», который ехал навстречу. За машиной с криками бежала толпа.

«Не пускайте! Не пускайте!» — кричали бежавшие. Кто-то из преследователей выстрелил из пистолета; пуля попала в заднее стекло. Машина замедлила ход, из нее выскочили военные с автоматами.

Разъяренные люди окружили «уазик» и стали раскачивать его. Дверца распахнулась. Мурат увидел в салоне мужчину с четками в руках...

Во дворе больницы стояла молчаливая тысячная толпа. Одна за другой на огромной скорости во двор въезжали машины с заложниками. Молодые ребята вынимали из салонов детей и взрослых и бежали к главному входу больницы и к палаткам МЧС — кто с носилками, а кто — с ранеными на руках.

«Пусть кто-нибудь скажет после этого, что у нас плохая молодежь, — подумал Мурат. — Кто бы делал все это, если бы не они?».

Бегом пронесли мимо носилки, на которых лежал военный. Двое парней в камуфляже держали над ним систему с трубочками, и один из них кричал раненому: «Не умирай!».

...Мурат просмотрел вывешенные на стене списки тех, кто был госпитализирован, и направился к моргу.

— Платок есть? — строго спросила его женщина в белом халате.

Он не понял.

— Запах... — пояснила она.

Он вошел в помещение.

У самого входа на полу лежала Инесса Даурова. Он не поверил глазам: только что оставил ее в зале, только что взял из ее рук детей, она разговаривала с ним. Как она оказалась здесь?

И еще одно знакомое лицо увидел он: девочка с металлическими скобочками на зубах. Он вынес ее, раненую, из зала ...

Мурат подошел к телу, накрытому белой простыней, из-под которой виднелись черные, разметавшиеся по бетонному полу волосы. Точно как у Аланки. Медленно, со страхом, потянул край простыни, открыл лицо.

Нет, не она.

Он осмотрел всех — его дочери здесь не было.

Надо бы ехать во Владикавказ, искать дочь в больницах, но какая-то непреодолимая сила тянула его в школу.

.. .Спортзал уже горел.

На следующий день во владикавказском морге по сережке и обрывкам нижнего белья старшая дочь и сестра жены опознали Аланку.

Во дворе больницы

После похорон жизнь семьи словно остановилась.

Те, кто потерял детей, живут, как зомби, как люди, лишившиеся души.

Тем, чьи дома рядом со школой, тяжело вдвойне. От воспоминаний не спрячешься: спортзал — за окном. Чтобы отгородиться от него, окно лоджии Кацановых постоянно закрыто жалюзи.

Залина, жена Мурата, в течение нескольких лет всё свое время проводила на кладбище. Потом, благодаря заботам настоятеля Аланского мужского монастыря отца Антония, стала приходить в себя. Ей предложили работать в церковной лавке, расположенной в одном из магазинов города.

Залина читала православную литературу, ездила по монастырям, беседовала со старцами. И понемногу душа ее, застывшая как камень, стала оттаивать.

Она отыскала дорогу к Богу.

Мадина ДЗАНДАРОВА

«Неужели и я через два года так же буду радоваться тому, что расстаюсь со школой?» — с грустью думала Мадина, глядя на счастливых выпускников.

Был май 2004-го. В Бесланской первой школе прозвенел последний звонок.

Мадина Дзандарова перешла в десятый класс.

После праздничной линейки она ушла за гаражи и горько заплакала. Здесь и нашла ее подруга Фатима Ногаева.

— Ну, нельзя же так, — сказала Фатима. — Или ты хочешь быть вечной школьницей?

Мадина не представляла себя Мадина вне этой школы. Она любила всех учителей, одноклассников, обожала свою первую учительницу Раису Касполатовну Кибизову и классную руководительницу Алету Хасанбековну Хасиеву.

Из одноклассников стала выделять Азамата Тохтиева.

Азам из угловатого подростка за последний год превратился в высокого ладного парня. Он был немногословным и застенчивым. Глаза его излучали тепло и доброжелательность, они улыбались даже тогда, когда он сердился.

Их отношения были светлыми и прекрасными.

— У меня нет сестры, — часто говорил Азам. — Ты мне как сестра.

Летом он пригласил ее на день рождения. Это был незабываемый день. Они были так счастливы!

— Мама, утебя нет дочери, Мадина будет тебе как дочь, — сказал Азам.

Вечером пошел дождь, и его мама долго не отпускала ее. Она позвонила ее родителям, потом отправила ее домой на такси.

В августе Мадина приходила в школу поливать цветы в своем классе.

Азам с родителями уехал на море.

Никогда еще Мадина не ждала начала учебного года с таким нетерпением. В ночь на первое сентября, охваченная радостным волнением, она почти не смогла уснуть.

Утром из дома вышли вчетвером: она, жена брата Залина, их дочь, первоклассница Аланка, и сын, двухлетний Алан.

Аланка несла букет ярко-красных роз.

Навстречу им шел с ночной смены брат Мадины, Батраз.

«Сейчас переоденусь и догоню вас», — сказал он.

Батраз, как они потом узнали, подъехал на своей «Волге» к железной дороге и, оставив её там, направился в школу пешком по тропинке через рельсы. Он уже приближался к школьным воротам, когда возле них остановился «ГАЗ-66». Первым из нее выскочил мужчина очень высокого, метра под два, роста, с открытым лицом. Потом еще несколько мужчин в камуфляже и масках и две женщины в черном. Все они вошли в школьный двор, а двое открыли стрельбу в сторону железной дороги.

Рядом с Батразом упала женщина лет тридцати пяти. Пуля попала ей в ногу. Он втащил ее за электрощит рядом с железнодорожными путями. Женщина вырывалась и хотела бежать в школу:

— Там мои дети!

— Мои дети тоже там, но туда уже нельзя, нас просто пристрелят.

Они пролежали за электрощитом около часа. Потом женщина, прихрамывая, пошла вдоль железной дороги, а Батраз ползком добрался до первого от школы дома.

...Первый раз букет в руках Аланки развязался, когда они отошли от дома.

Мадина связала рассыпавшиеся цветы. Но не успели они дойти до поворота, как букет развязался вновь.

«Дайте я помогу вам», — сказала им соседка Зарифа Дзандарова.

Она сняла одну из ярких оберток и прочно связала цветы. Но едва они дошли до полотна железной дороги, как букет опять развязался. И еще раз — у самой школы.

Может, это был знак свыше?

Но никакой знак не смог бы тогда остановить Мадину: душа ее рвалась к одноклассникам, к учителям, к школе, которую она так любила.

Азама она увидела сразу, едва он вошел во двор. За лето он стал еще выше, раздался в плечах. На нем был черный костюм с пиджаком-смокингом.

— Азам, какой ты красивый! — не удержалась Мадина.

— Я злой, — ответил Азам, и глаза его радостно засияли. — Мы приехали поздно ночью, и я не успел постричься.

Его родители планировали вернуться с моря в первых числах сентября, но Азам настоял на том, чтобы они приехали тридцать первого августа.

— Длинные волосы тебе тоже идут, — успокоила его Мадина.

Они поговорили минуты две, потом Мадина ушла, чтобы забрать у Залины ребенка, и вернулась с малышом.

— Дай я его подержу, — сказала Алина Сакиева и взяла из ее рук Аланчика.

Мадина увидела огромных, как ей показалось, людей, которые бежали и стреляли, и забыла обо всем. Только столкнувшись в одном из классов с плачущей Залиной, она вспомнила про ребенка.

— Не волнуйся, он у Алины, — пыталась она успокоить ее.

В зале боевик со шрамом на шее расспросил ее, во что был одет ребенок, и ушел в дальний конец зала.

— Этот? — он поднял над головой мальчика, одетого в голубые джинсы и белую рубашку.

-Да.

Боевик заставил встать женщину, которая была ранена в правое плечо, и велел ей отнести ребенка матери. Женщина с трудом донесла его, зажимая левой рукой рану.

Оказывается, испуганная Алина выпустила из рук Алана, и все это время он находился на руках у другой девочки — Аллы Пономаревой.

Теперь они все четверо — Мадина, Залина, Аланка и Алан — были вместе.

Мадина высматривала в зале одноклассников. Они были рассеяны по залу, сидели кто с соседями, кто со знакомыми.

Азама террористы заставили выбивать верхние стекла в окнах спортзала. Он передал Мадине свой смокинг и, выломав доску из подоконника, стал бить по стеклам.

«Какой же он сильный», — думала Мадина.

Потом он с другими старшеклассниками разносил в ведрах воду.

— Держите руки «зайчиком», — издевался над заложниками террорист по имени Абдулла. — Кто не будет держать — расстреляем.

Держать руки «зайчиком» было утомительно.

Рядом с Мадиной и Залиной сидела девочка лет четырнадцати. Руки она не поднимала.

— Пожалуйста, делай то, что они говорят, — сказала ей Залина.

Девочка взглянула на нее со спокойной улыбкой:

— Нет.

— Не зли их, прошу тебя, подними руки.

— Нет. Я их не боюсь, — ответила она. — Они мне ничего не сделают.

Девочка так и не подняла руки. К счастью, боевик этого не заметил.

Через некоторое время Залина спросила ее: «Ты чья?».

— Тотиевых, с улицы Шаумяна,— ответила она.

Это была Лариса, старшая из пяти детей Таймураза и Раисы Тотиевых, которые жили на той же улице, где и Дзанда- ровы.

Это была большая и очень дружная семья евангельских христиан.

У Ларисы в руках был блокнот. Она то раскрывала его и что-то внимательно читала, то закрывала и начинала обмахиваться им как веером. Потом вырвала из блокнота листочки и раздала их окружающим. На листочках были молитвы.

«Последний звонок». Год 2003-й. Внизу — актовый зал после теракта

Лариса вскоре нашла в зале своих сестер и брата и ушла к ним.

Из пяти детей Тотиевых в живых осталась только Мадина. Лариса погибла.

Дзандаровы сидели недалеко от боевика «на кнопке», рядом с которым располагался «штаб» боевиков. Здесь был и «пресс-атташе» полковника — Али, приходил и сам Полковник. Окружающие прислушивались к их разговорам по телефону.

Маленький Алан на руках Залины плакал, и это стало раздражать Полковника.

— Встань! — резко приказал он Залине.

— Не надо, не уводите нас, — взмолилась она. — Я постараюсь успокоить его.

— Встань и иди за мной! — потребовал Полковник.

Они дошли до коридора. Возле раздевалки террорист остановился и сказал:

— Дай ребенку воды. Сама не пей.

Через несколько минут позвал ее: «Иди обратно в зал!».

— Встань! — опять потребовал взбешенный Полковник. — Надоел уже!

Они вышли в раздевалку, и малыш успокоился.

Не прошло и часа, как ребенок снова зашелся в крике.

Мадина, оставшись в зале с племянницей, почувствовала себя очень одинокой и заплакала. Слезы были горячими, как кипяток, и жгли ей щеки. Глядя на нее, заплакала и Аланка.

— Успокойся, — сказал Мадине боевик, который держал ногу на «педали». — Увидишь, все будет хорошо. Путин решит, как лучше. Успокой ребенка.

Мадина придвинулась к нему поближе.

— А зачем вам надо детей убивать? — спросила она, пытаясь заглянуть ему в глаза.

— Нас забросили сюда так же, как и вас, — сказал террорист. И опять: — Не смотри на меня.

Лицо его постоянно было скрыто под страшной черной маской. Только иногда он закатывал ее нижний край, приоткрывая рот.

Мадина отвела взгляд.

Террорист был молодой и говорил по-русски, в отличие от всех остальных, без акцента.

Через некоторое время Аланка ушла к матери.

— Положи голову на это, — сказал Мадине террорист «на педали», кивнув на сумку у своих ног.

Она прилегла и уснула.

Проснулась оттого, что Полковник пинал ее ногами:

— Ты что разлеглась? Взрывчатку греешь? Хочешь, чтобы все мы взлетели?!

Мадина испуганно отодвинулась от сумки.

— Не бойся, там нет никакой взрывчатки, — сказал ей молодой террорист, когда Полковник ушел. — Это просто боеприпасы.

Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности, и когда его место занимал другой боевик, ей опять становилось страшно.

На второй день, когда пришел Аушев, женщин с детьми, а с ними и ее невестку Залину с маленьким Аланчиком, отпустили домой. Заплаканная Аланка вернулась к Мадине и рассказала, что она тоже хотела уйти, но боевик оттолкнул ее от мамы.

С этой минуты ответственность за девочку легла на Мадину.

— Молитесь своему Уастырджи, — раздраженно кричал Абдулла. — Может, он вам поможет. Вы уже никому не нужны.

Мадина вспомнила молитву, которую слышала от отца и братьев. Уастырджи — покровитель мужчин и путников, и молитву ему в осетинских семьях возносят мужчины.

Она стала горячо молиться: «Помоги нам, покровитель мужчин (женщинам не полагается произносить имя святого). Сделай так, чтобы они отпустили хотя бы маленьких детей!».

Мадина не сразу заметила безрукого боевика Ханпаши Кулаева, который стоял и внимательно наблюдал за ней.

— Иди сюда, — прервал он ее.

Мадина испуганно поднялась, не выпуская руку Аланки.

— Иди за мной, — сказал террорист.

Они вошли в тренажерный зал.

— Войди в раздевалку, но свет не включай, — сказал он. — Там справа — раковина. Дай воды ребенку и выпей сама.

Мадина вошла в темноту раздевалки, нашла по звуку капающей воды кран и торопливо напоила Аланку. Уже выйдя, вспомнила: сама выпить не успела.

В тренажерном зале, где сидели пожилые заложники, учитель физкультуры Иван Константинович Каниди звал сына Костю.

— Ему плохо, давайте мы позвоним его сыну, — просили террористов учителя. — Пусть он приедет и заберет отца.

— Нет, — сказал боевик.

Аланка чихнула, и испуганная Мадина, решив, что она заболела, унесла ее обратно в спортзал.

Недалеко от Мадины сидела ее соседка Алла Кундухова со свекровью Таирой и двумя детьми — первоклассницей Кристиной и двухлетним Ас- тем и ром.

— Что с нами будет? — поминутно повторяли женщины.

— Отсюда никто не выйдет живым, — обреченно произнесла Таира, оглядывая подвешенные гирляндой взрывные устройства. — Бедные наши дети!

Таира рано потеряла мужа, одна вырастила сына. Когда он женился, не могла нарадоваться на невестку, кроткую и нежную Аллу, а потом и на детей.

— Мадина, — сказала Алла. — Если с нами что-то случится, не оставляй моих детей.

Ярко-синие глаза Аллы наполнились слезами, она отвернулась.

— Да не убьют они нас, — попыталась успокоить ее Мадина, вспомнив слова террориста «на педали».

Оказывается, Аллу на второй день отпускали с маленьким Астемиром. Но она не захотела оставлять свекровь и Кристину.

В живых из них остался только Астемир.

Рядом с Мадиной сидела ее одноклассница Марианна Рамонова с мамой Аллой и братом Ирбеком. Ее младшая сестра Диана успела убежать.

Они были подругами: Мадина, Марианна, Фатима Ногаева и Алина Са-киева. Трудно сказать, что их объединяло. Возможно, любовь к музыке: Мадина и Фатима учились играть на осетинской гармонике, а Марианна с Алиной пели в школьном хоре.

Марианна мечтала стать стоматологом.

Это была удивительная девочка. Она словно излучала счастье. Марианна гордилась своими родителями.

— Какие у тебя красивая мама и молодой отец, — говорили ей, и Марианна расцветала счастливой улыбкой. Все знали, что в молодости у ее родителей не всё складывалось гладко, и Касполат, отец Марианны, вынужден был украсть свою невесту.

Когда бы Мадина ни позвонила подруге, Марианна была занята домашними делами: «Чищу картошку к приходу мамы, — говорила она. — Научиться бы готовить, чтобы маме стало легче».

Марианна то убирала, то возилась с младшими детьми. И только поздно вечером садилась за уроки. Тем не менее училась она хорошо.

Марианна погибла.

Директор школы Лидия Александровна, сидевшая рядом с Мадиной, обнаружила среди сумок и пакетов коробку конфет. Террористы разрешили ей открыть ее, и она раздала ее содержимое окружающим. Две конфеты достались Мадине. Одну из них она дала Аланке, вторую надкусила сама.

К горлу подкатила тошнота.

— Можно выйти? — попросила она.

Боевик разрешил.

Он шел впереди, она с Аланкой на руках — за ним. Прошли через весь зал, потом — по узкому коридору, который соединял спортзал со зданием школы, и по главному коридору направились дальше, в сторону столовой.

— Иди, — боевик остановился и кивнул головой в сторону туалета.

Она закрыла за собой дверь, и тихо, чтобы не слышал боевик, открыла кран. Ребенок с жадностью пил воду, сама она опять не успела выпить. Открыла дверь и, не выпуская из рук ребенка, пошла обратно.

Под ногами был слой битого стекла.

— Опусти девочку, — сказал боевик.

— Нет, она порежется!

— Я сказал, опусти!

Мадина остановилась и, глядя ему в глаза, сказала:

— Нет, она порежется!

Разъяренный боевик толкнул ее прикладом в затылок. Она устремилась вперед, не выпуская из рук Аланку.

— Смотри, какая упрямая! — злился террорист. — Из тебя бы хорошая шахидка вышла!

— Ты была как зомби, — сказала ей потом одноклассница. — Я разговаривала с тобой, а ты смотрела на меня своими огромными черными глазами и не видела.

Мадина действительно была как зомби. В голове была только одна мысль: она должна уберечь ребенка.

Перед взрывом Мадина снова нашла взглядом Азама. Он сидел у шведской стенки, опустив голову на сложенные на коленях руки. Она вспом-

Азамат Тохтиев

нила, как он выбивал прочные стекла в окнах спортзала, и ей казалось, что в эту работу он вложил все свои силы. Теперь он сидел ослабевший, измученный голодом и жаждой.

Лица его она не видела.

...Взрыв, огонь, потом беспамятство. Она очнулась и куда-то поползла, волоча за собой руку.

—

Ты обожгла меня, — пронзительно кричала Аланка.

Ребенок не мог понять, откуда берутся эти обжигающе-горячие капли.

Это сверху падал расплавленный пластик.

Потом Мадина затихла. Голова ее была в крови, рука — пробита осколком. Открытые глаза смотрели в одну точку.

Аланка сидела рядом.

Как сквозь туман проплывало мимо Мадины видение: толпа людей, среди которых — прекрасная женщина в белом. Это террористы уводили в столовую оставшихся в живых заложников. А женщиной в белом была Ирма Дзагоева.

Еще одно видение вспоминается Мадине: к ней ползет учитель труда Александр Михайлович Михайлов. Он пытается взвалить ее себе на плечи, но это ему не удается. На помощь ему приходит мужчина в камуфляже.

Что было потом — она не помнит.

Мадину искали два дня.

— В больницах ее нет, — сказали братья своей маме Ирине. — Надо ехать в морг.

Когда в морге один из сыновей потерял сознание, Ирина сказала: «Я пойду сама».

Она переходила от одного черного пластикового пакета к другому, долго вглядывалась в обугленные останки и говорила: «Нет, это не моя Мадина».

Они снова поехали по больницам.

— Смотрите в лица, — сказал им один из врачей. — Особенно тем, кто без сознания.

В одной из палат лежала женщина. Голова ее была забинтована, лица почти не видно.

— Это Мадина, — сказал один из братьев.

«Алла Ходова» — было выведено пастой на животе женщины.

Это была Мадина.

Ее прооперировали во Владикавказе, потом увезли в Москву.

Три месяца лечения и семь операций. Врачи не давали никаких гарантий. И только когда все волнения остались позади, ее лечащий врач сказал: «Эта девочка очень хотела жить».

Первый вопрос, который Мадина задала матери, когда пришла в себя, был: «Как Аланка и Азам?».

— Аланка жива, а Азам... Азама уже нет, — сказала мама и заплакала.

...Прошло семь лет. Мадина окончила школу, поступила в университет.

Иногда ей кажется, что она прожила несколько жизней. В одной из них у нее был друг по имени Азам.

Иногда, забыв, что его нет в живых, она ищет его взглядом среди студентов, которые стоят у университетской проходной. Иногда он видится ей на улице, в толпе прохожих...

Марина КАРКУЗАШВИЛИ

Марина

Марина старалась рассадить свою большую семью так, чтобы в случае взрыва хоть кто-то остался жив. Но все восемь человек — две дочери и сын, мама, сестра Лора и двое ее сыновей — снова собирались вместе.

Накануне Марине снились змеи. Холодными жгутами сдавливали они ее тело, и она не могла высвободиться. Вот они, змеи, — страшные люди в масках, которые убеждают их, что никто из зала не выйдет живым. Внуки собирались вокруг бабушки, ища в ней защиту. Марина уводила часть детей в другое место, но спустя время они опять оказывались вместе.

А каким радостным было начало этого дня!

В школу провожали сына Марины, первоклассника Алана. К Марине, которая жила с детьми в Беслане, приехали из села Цалык мама и сестра Лора. Лора недавно устроилась в Беслане на работу и тоже отдала детей в первую школу.

Обе сестры были одиноки — у Марины погиб муж, работавший в милиции, у Лоры не сложилась семейная жизнь. Некоторое время она жила в селе с родителями, но работы там не было, и она решила перебраться к сестре, в Беслан.

Теперь их пятеро детей пошли в одну школу, и жить им всем пока придется в «полуторке» Марины. Но это пустяки. Главное — они вместе.

В спортзале Марина со своими детьми — пятиклассницей Дианой, третьеклассницей Ириной и семилетним Аланом — сидела у шведской стенки, но какая-то неведомая сила потянула ее к маме и сестре. Она с трудом протиснулась к ним, а через двадцать минут там, откуда она ушла, прогремел взрыв.

Живых там почти не осталось.

Они с сестрой и мамой не видели, как убежали сыновья Лоры Казбек и Махар и дочь Марины — Ирина. Просто, очнувшись после взрыва, не увидели их рядом. А искать кого-то в этом жутком нагромождении тел было бессмысленно.

Террористы повели их в столовую, но некоторые из заложников убежали на второй этаж и спрятались в актовом зале.

Среди них была и Лора.

В столовую их привели последними, поэтому Лора не успела спрятаться, и террористы поставили ее и еще нескольких женщин у окон.

Марина с мамой и с детьми Дианой и Аланом лежала на полу, прикрыв собой дочь. Террорист, похожий на чернокожего, отстреливался из окна, уходил в подсобку, возвращался и снова стрелял.

Только теперь Марина увидела Лору, которая стояла в проеме окна. Рядом с ней был младший сын Марины, семилетний Алан.

...Пули рикошетили от металлических прутьев решетки и попадали в людей. Одна из них сразила Лору, вторая ранила маму.

После смерти Лоры воспитанием всех пятерых детей занимается Марина.

Диана, Алан и Ирина Мисиковы (дети Марины)

Аида АРЧЕГОВА

— Скажите, пожалуйста, — обратилась Аида к мужчине в спортивных брюках, камуфлированной куртке и с автоматом в руках. — Это учения?

Мужчина на секунду потерял дар речи. Потом закричал:

— Дура! Это захват!

Она опять ничего не поняла.

Смысл происходящего дошел до нее только через несколько часов.

...Маленький спортивный зал превратился в дремучий лес, в котором Аида не могла отыскать своих мальчиков — десятилетнего Арсена и девятилетнего Сослана.

«Мне не хватает воздуха», — сказал вечером второго дня Сослан.

Они сидели недалеко от кабинета преподавателей физкультуры. Стекла в нем были выбиты, из кабинета тянуло свежестью. Она заглянула в помещение: двое террористов спали на матах, не выпуская из рук оружия.

— Чего тебе? — спросил один из них.

— Мальчику плохо.

— Заведи его сюда, пусть полежит.

Аида с детьми — Сосланом, Георгием и Елизаветой

Сослан лег на маты рядом с террористами. Аида время от времени заглядывала в темноту кабинета. Боевик приподнимал голову и говорил: «Да не бойся ты. Ничего с ним не случится. Мы не изверги».

Сослан проспал в кабинете до утра.

Утром Аида с мальчиками передвинулась в сторону окна, выходящего во двор.

Арсен, сын Аиды

На третий день именно в этом месте произошел взрыв, который разрушил стену и уничтожил почти всех, кто сидел под этим окном.

Она оглядывалась по сторонам. Где ее сыновья? Где парень с отечным лицом, которого избили террористы? А где две полные женщины, которые сидели рядом с ней?

Никого. Она одна. Все вокруг лежат. Взгляд ее остановился на женщине, сидевшей в центре зала. Волосы на голове подняты вверх, одной руки нет. Женщина кричала и просила о помощи.

«Помогите!» — вторила ей, стоя на коленях, еще одна заложница.

Аида узнала в ней Дину Бзиеву, жену федерального судьи Валерия Бзиева.

Рядом с Аидой зашевелилась девочка лет десяти.

— Мне надо к сестре, — сказала она.

— Где твоя сестра?

— Умерла в Цхинвале. Мы думали, здесь нет войны. А здесь тоже убивают!

«Геор! — внезапно закричал маленький мальчик, который пришел в себя. — Геор!»

Аида узнала его. Родители мальчика снимали квартиру в соседнем доме. Он сидел в зале с бабушкой, мамой и братом.

У входа в зал показался террорист и сказал: «Кто живой — в столовую!».

В столовой на полу лежали и сидели люди. Несколько детей с жадностью ели из кастрюли капусту.

Аида села. Рядом — девочка из Цхинвала и мальчик, который звал Ге- ора.

Когда начался бой, террорист с перевязанной рукой сказал Аиде:

— Становись возле окна и кричи, что здесь дети. Становись, если хочешь жить!

Аида встала.

— Поставь на подоконник одного из детей, — опять потребовал Абдулла.

Маленький мальчик взобрался на подоконник. Аида сорвала с окна штору и стала размахивать ею.

В соседнем окне стояла Лора Каркузашвили, перед которой тоже был ребенок.

Боевики вели огонь из-за их спин.

Схватившись руками за живот, упала Лора.

Когда Абдулла вышел из столовой, Аида быстро поставила ребенка на пол. Но, вернувшись, боевик снова заставил поднять его на подоконник.

Что-то горячее побежало по подбородку Аиды. Она провела рукой по лицу — палец провалился в отверстие на щеке. Скомкав тряпку, которой она размахивала, Аида вставила ее, как тампон, в рану.

— Мне плохо, — сказала она боевику.

— Стой, если хочешь жить!

Когда Абдулла вышел из столовой, слабеющая Аида опустилась на пол.

Осколок гранаты попал в голову Вике Кцоевой, которая лежала рядом, накрыв собой брата Артура. Кровь из раны залила лицо мальчика. «Помогите! — кричал Артур. — Моя сестра ранена».

...Почти полгода Аида пробыла в больнице. За ней ухаживал муж Ибрагим. Ей сделали несколько операций, в том числе и пластическую. Но шрамы на лице остались.

Дома за ее детьми — Арсеном, Сосланом и шестимесячным Георгием — присматривали мама Лена и соседи.

Через три года в семье Арчеговых появилась долгожданная девочка, которую назвали Елизаветой.

Выход в коридор, соединяющий спортзал со зданием школы. Слева — вход в кабинет физруков

Лидия ХОДОВА

— Если Эммы Хасанбековны не будет, я в школу больше не пойду, — сказал Лидии накануне первого сентября ее сын, второклассник Асахмат Айларов.

— С чего ты взял, что учительницы не будет? — удивилась она. — Разве она сказала, что уходит?

— Нет. Но если ее не будет, я в школу больше не пойду.

Первого сентября Лида Ходова и её сын Асик, как его ласково называли в семье, пошли в школу. Сын нес любимой учительнице цветы.

Эмму Хасанбековну застали в классе. Учительница обняла мальчика, взяла цветы, поблагодарила и положила их на стол. Втроем вышли из класса, чтобы идти во двор, где уже играла музыка.

Лида с улыбкой передала учительнице разговор с сыном.

— Ну что ты, Асик, — успокоила его Эмма Хасанбековна, — разве я могу вас бросить?

Дети обожали свою учительницу. Она была молода, красива и добра.

В первый день в спортзале Эмма и ее дочь, четвероклассница Карина, сидели рядом с Лидой и Асиком. Женщина по имени Света то и дело теряла сознание. Рядом с ней сидел ее сын-четвероклассник.

— Подуй сначала ей, — говорил маме Асик. (Лида обмахивала сына обложкой книги). — И на Фатиму Аликову тоже подуй, ей совсем плохо.

Лида не помнит, откуда она узнала, что фамилия одного из террористов — Ходов. Ее девичья фамилия тоже Ходова, значит, они родня? Ведь на Кавказе однофамильцы, представители одного рода, считаются родственниками. Она разглядывала недоброе лицо бородатого парня с забинтованной рукой, в шапочке, похожей на тюбетейку. «Неужели он из нашей фамилии? — удивлялась она. — Ведь в нем нет ничего осетинского».

Потом Лида узнала, что террорист Ходов, украинец по национальности, был у отца приемным сыном.

Когда в зал вошел Аушев, один из безбородых боевиков резко отвер

нулся и пошел от него прочь по проходу — то ли смутился, то ли испугался.

— Мама, как только выйдем отсюда, сразу же купим большую бутылку «Колы» и огромный арбуз, — мечтательно сказал Асик.

Ему не сиделось на месте. Он выходил в коридор и возвращался с новостями: «Один из добрых боевиков сидит с автоматом у окна. Он спросил, как меня зовут, подарил мне кепку и даже сфотографировал».

На следующий день Лида нашла в зале своего племянника Хазби. Он рассказал, что боевики выкрикивали три фамилии — «Ходов», «Будаев», «Фраев». Хазби сказал, что он — Ходов, но его посадили: «Ты не нужен».

Асахмат Айляров

...Лида опустила голову на колени. Осколки, срикошетив от стены, посыпались ей на голову и запутались в волосах. Резко обожгло грудь и ударило в ногу.

После первого взрыва в зале наступила тишина, в которой отчетливо прозвучал мужской голос: «Прыгайте в окна!».

Первыми на подоконнике оказались ее сын и племянник. Хазби подтянул вверх какого-то малыша, тот спрыгнул вниз, во внутренний дворик, но упал, подстреленный. Хазби пуля зацепила по касательной, разрезав, как ножом, кожу на животе.

Лиду сбили с ног бежавшие заложники; она лежала, прикрыв руками голову. Ей наступали на ноги, спину, голову — кто босиком, кто в обуви.

Кто-то потянул ее за руку, пытаясь поднять.

Наконец ей удалось встать. Она дотянулась до подоконника, выбралась во внутренний двор и побежала в сторону пятиэтажек в переулке Школьном.

— Мама! — услышала она за спиной голос сына. — Я здесь.

Оказывается, Асик, который был уже во дворе, забрался обратно в зал, чтобы помочь ей. А она бежала, уверенная, что ее сын в безопасности.

...Во дворе училища, расположенного в сотне метров от школы, заложникам оказывали первую помощь и отправляли в больницы. Дети и взрослые жадно пили воду. Кто-то смеялся, кто-то плакал.

Асика забрали домой родственники.

Лида, почувствовав слабость, села на носилки. Грудь болела. Она оттянула горловину платья — от резкого движения из раны струйкой ударила кровь. Еще страшнее оказалась рана на ноге.

К ней подошел знакомый, помог подняться, вывел на улицу и посадил

в подъехавшую ! | легковую машину. Дверца захлопнулась, машина рванула с места, стремительно промчалась по улицам и вылетела на автодорогу «Кавказ».

Впереди сидели двое молодых мужчин: один —за рулем, второй — рядом с ним. Ни один из них за всё время пути не проронил ни слова.

Светловолосая женщина, сидевшая рядом с Лидой на заднем сиденье, сосредоточенно смотрела куда-то сквозь боковое стекло.

— Вы тоже были в спортзале? — не удержалась Лида.

— Нет, — ответила женщина, нехотя взглянув на нее, и снова отвернулась.

«А почему они едут не через старый переезд, который сегодня открыли? Ведь всех везут в больницу по той дороге», — со страхом подумала Лида.

Машина неслась на огромной скорости. На повороте на нефтебазу дорогу преградили сотрудники милиции. Водитель затормозил так резко, что она ударилась головой о пластиковый подголовник переднего сиденья.

Женщина, сидевшая рядом, всё так же сосредоточенно смотрела куда- то через боковое стекло. В салоне стояла гнетущая тишина.

Через железнодорожный переезд автомобиль перелетел на такой скорости, что у него заглох мотор. Подошел сотрудник милиции и показал жезлом в сторону больницы.

Когда машина остановилась и испуганная Лида вышла из неё, она посмотрела на ее номера: свой, 15-й регион. Но ощущение, что это были не свои, что было в этих людях что-то опасное, долго не покидало ее.

Полтора месяца пролежала Лида в республиканской больнице.

Асику тоже пришлось пройти курс лечения — нервная система ребенка не выдержала нагрузок.

Его любимая учительница Эмма Хасанбековна Каряева и ее дочь Карина погибли.

Асик учится в школе-гимназии М.Ходорковского в Подмосковье. Он играет на саксофоне и мечтает стать военным музыкантом.

Светлана ДЗЕБИСОВА

Элла Фраева уехала в Испанию, когда ее сыну Зауру было три года. Разойдясь с мужем, она осталась без жилья. Перспективы купить квартиру в Беслане не было, и она, как и многие ее знакомые, решила попытать счастья в чужой стране. Там на квартиру можно заработать лет за пять, здесь она не соберет таких денег и за всю жизнь.

Она уехала, оставив Заура у сестры Светланы Дзебисовой.

В 2002-м Элла возвращалась домой, чтобы повидаться с родными. В Москве посетила клинику Федорова — проконсультироваться по поводу ухудшившегося зрения.

В холле к ней подошел незнакомый мужчина.

— Вы с Кавказа? — спросил он.

Эллу, с ее светлыми волосами и правильными чертами лица, чаще принимали за русскую, а там, за границей — за немку, американку, за кого угодно, только не за «лицо кавказской национальности».

— Как вы угадали? — удивилась она.

—

Азамат и Светлана

— Я полковник ФСБ из Чечни, — засмеялся незнакомец и, приподняв кепку, показал гладко выбритую голову. — Моя фамилия Хучбаров.

Полковник был очень общителен, и это насторожило Эллу.

— Я привез в клинику свою племянницу, — сказал он. — А вы откуда?

— Из Владикавказа. «Он, возможно, и не слышал никогда про Беслан», — подумала она.

— О, я учился во Владикавказе, у меня там много друзей. А где вы там живете? И когда едете домой?

Элла ощутила безотчетный страх.

— Я живу в Москве.

Незнакомец попросил номер ее телефона: «У меня здесь много друзей, — сказал он. — Я познакомлю вас с ними, и если что — они всегда помогут».

Элла назвала выдуманный номер и ушла, не дождавшись приема.

Через два года террорист Хучбаров по прозвищу «Полковник» возглавил бандформирование, которое захватило в Беслане школу. В этом теракте погиб единственный сын Эллы Заур Теблоев.

...Дзебисовы живут через пять домов от первой школы. Дети Светланы очень любили ее — первая не была похожа на другие. Даже во время летних каникул их тянуло на школьный двор — в летний лагерь или просто поиграть на спортплощадке.

Весной 2004 года дочь Светланы Залина окончила первую школу и поступила на экономический факультет университета.

В августе Дзебисовы собирались на отдых в Турцию. Билеты на самолет были куплены на пятницу, тринадцатое августа. Залина, четвероклассник Азамат и племянник, сын Эллы Заур Теблоев, который перешел в пятый, радостно готовились к поездке.

Черного всадника, который у осетин всегда был вестником печали, Света увидела за несколько дней до вылета в Турцию. Он проскакал по асфальту автотрассы, затем свернул к их дому, перелетев, как по воздуху, через полотно железной дороги. Она видела черного коня, черную бурку на всаднике и черную папаху на его голове. Он мчался во весь опор, бурка развевалась на ветру, как крылья гигантской птицы. Всадник был уже в нескольких шагах от их дома. Света, которая смотрела на него сквозь приоткрытые ворота, быстро захлопнула их и ... проснулась. Сердце бешено колотилось. Ей казалось, что всадник притаился за окном.

Черный всадник. Пятница.Тринадцатое...

Может, попросить Олега сдать билеты? Но дети с таким нетерпением ждут этого дня.

.. .Самолет благополучно приземлился в Турции, и теплое море смыло все страхи Светланы.

В Турции она узнала о том, что в России террористки-смертницы взорвали два пассажирских самолета. «Вот она, трагическая весть черного всадника», — подумала она и окончательно успокоилась.

Обратно летели ночью, тридцатого. В салоне самолета было много знакомых: смуглая красавица с ослепительной улыбкой Алина Аликова с тремя детьми (погибла сама), семья Альбины Будаевой (погибла сама и ее младшая дочь Лера), Рита Ногаева с дочерью Элиной (погибли обе) — все счастливые, загорелые, отдохнувшие.

Этим же рейсом возвращалась с детьми в Беслан и супруга председателя парламента республики Таймураза Мамсурова Лариса. Двое из ее четверых детей, Замира и Зелим, тоже учились в первой школе.

Через день, первого сентября, почти все они снова встретятся в спортивном зале первой школы.

. ..Первого утром Света решила ехать во Владикавказ с Залиной. Но за дочерью зашла подруга, и мать почувствовала себя лишней. Решила идти в школу с Зауром и Азаматом.

Она надела бежевую юбку и топик абрикосового цвета, перехватила волосы заколкой и вышла вместе с мальчиками из дома.

Теперь они сидели в спортзале, где от немыслимой духоты и тесноты над головами заложников сгущалось облако пара. Плотно закупоренное помещение, в которое не проникал воздух, быстро превращалось в душегубку.

Света смотрела, как боевики вносят в кабинет физруков сумки, оружие, боеприпасы, противогазы. Значит, они боятся повторения Норд- Оста?

Она незаметно стянула с себя лифчик, с трудом разорвала его на две половинки и отдала их мальчикам: «Если пойдет газ, будете дышать через это».

— А как мы узнаем, что пошел газ? — спросил Заур.

Свету всегда восхищала серьезная деловитость племянника. Несмотря на небольшую, всего в несколько месяцев, разницу в возрасте с Азаматом, Заур казался намного старше его. В свои одиннадцать лет он катался на горных лыжах, увлекался дайвингом, компьютерным программированием. Заур хорошо рисовал, учился в художественной школе. А еще у него был редкий талант общения: он мог быть на равных не только со сверстниками, но и со старшими.

.. .Света была одной из тех, кому боевики не разрешали выходить в душевую. Им не нравилось ее откровенное декольте. А после того, как она сняла бюстгальтер, они и вовсе перестали ее замечать. Света попыталась вывести детей — их пустили, а ее вернули.

Когда, наконец, она смогла выйти, ей приказали: «По сторонам не смотреть!».

Боковым зрением Света увидела распахнутые двери класса, в котором четыре года учился ее Азамат. На полу сидели мужчины с заложенными за головы руками. У дверей, лицом друг к другу — два вооруженных боевика.

...Террористы нервничали. С ними никто не выходил на связь.

— Нам не нужен никакой доктор, — кричал в трубку Полковник. — Еще шаг, и я начну стрелять.

— Кто директор? Встаньте! — потребовал Полковник в первый день.

Поднялась директор Лидия Александровна Цалиева.

— Вы должны позвонить президенту.

— Я не знаю, как ему звонить. Я никогда ему не звонила.

— Здесь дети Мамсурова, — послышались голоса.

Детей председателя парламента республики Таймураза Мамсурова вывели из зала — звонить отцу.

Главным среди террористов был Полковник. Следующим за ним — Али, которого называли Магас.

— Я умирал уже три раза, — говорил Али. — На моем доме висит мемориальная доска с надписью: «Погиб, исполняя свой долг».

Разными были боевики, которых видела Света. Некоторые — совсем молодые. Те, в ком еще не успела очерстветь душа. Видела Света и высокую светловолосую женщину, на плече которой висела снайперская винтовка.

«Смотри, какой прицел», — зашептались мальчики. В зал женщина не вошла. Постояла у двери, ведущей в коридор, оглядела заложников и исчезла.

В первый день Света с Зауром и Азамом сидели недалеко от этой двери, рядом с боевиком «на кнопке». У ног террориста лежал рюкзак, и он разрешил Азаму полежать на нем.

— Мама, он добрый, — сказал Азам. — Если нас отпустят, я его приглашу домой...

Позднее Света с детьми перебралась в сторону тренажерного зала. Здесь ее мальчики тоже быстро вычислили «доброго» боевика, который тихо, чтобы не заметили его товарищи, говорил детям: «Зайди и пей, только быстро».

Запомнилась Свете девочка, которая во рту принесла воду для своей мамы.

Люди задыхались без воздуха. Заложники попросили Али разрешить им выбить стекло в одном из окон, выходивших во внутренний двор школы.

Стекло выбили. Полковника в зале не было. А когда он вернулся, замер от удивления, потом передернул затвор автомата:

— Кто?!

Али что-то сказал ему на своем языке, тот резко ответил. Потом перешел на русский:

— Вы с ума сошли! Там, на пятиэтажках, снайперские точки федералов! — кричал Полковник.

Заложника Казбека Дзарасова заставили принести из класса штору и повесить ее на место выбитого стекла.

— Нас убьют? — спросил ее на третий день Заур.

— Нет. С чего ты взял? Детей не убивают, — сказала Света.

— Нас убьют. И ты это знаешь. Представляешь: мама приедет, а ей

скажут: «Твоего сына убили». Как она будет плакать...

Его мама была уже в Беслане. Она прилетела из Испании первого сентября, вечером. Но Заура живым Элла больше не увидела.

А в смеющемся бородатом главаре террористов, которого показали по телевизору, она узнала своего московского знакомого, «полковника ФСБ из Чечни».

Светлана и Азамат. 2004 год

...Азам потерял сознание. Света, передвигаясь на коленях, перетащила его в проход. Здесь и настиг ее взрыв.

Она словно взлетела в облака, потом погрузилась в воду. «Буль-буль-буль»,— услышала она. Вода сомкнулась над ее головой, и она медленно опустилась на дно — в небытие.

Очнулась от крика «Мама!» — это плакал и звал ее Азамат.

Спортзал уже горел. Сверху падали капли расплавленного пластика.

Где Заур?

Света села и посмотрела по сторонам. Поползла по мертвым телам туда, где сидел Заур. Отодвинула одного, другого: все — на одно лицо! Заура нет.

«Может, убежал? — с надеждой подумала она. — Может, его вынесли?».

Света с сыном проползла к окну, под которым была разрушена стена, и выглянула во двор. Там стоял БТР, за которым прятались люди.

Они выбрались во двор.

В переулке Батагова к ней подошли соседи, знакомые. «Я видел Заура, — сказал один из соседей. — Голова у него, правда, была в крови».

Свету пытались посадить в машину, но она отказывалась — ее бежевая юбка — в крови, от нее пахнет мочой.

В открытом багажнике уже сидели дети, среди которых был и Азамат. Свету насильно посадили в салон.

В больнице ее не узнавали даже знакомые врачи и медсестры. Мест в палатах не хватало, и ее отпустили.

Она вошла во двор своего дома, и ей показалось, что она не была здесь несколько месяцев. Азам сидел на диване, держа бутылку с водой, и испуганно смотрел на нее. В ванной шумела вода — Залина собиралась купать брата.

Олега не было, он уехал искать Заура.

Света вошла в ванную комнату, сбросила с себя окровавленные и пропахшие спортзалом вещи, сложила их в мусорное ведро.

...Поздно ночью вернулся муж: «В больницах его нет».

Через несколько дней тело Заура опознали в морге.

Света с сестрой, как и многие другие матери, ходила по школе в поисках тетрадей, альбомов, фотографий и книг Заура. Нашли его альбом с рисунком: горящая школа, из которой выносят детей.

А дома, среди его книг, Света обнаружила небольшой рисунок черным фломастером: бомба с часовым механизмом, граната, шприц и пачка долларов.

Залина ЛЕВИНА

Залина была уверена, что, уехав в 1994-м из Чечни, она уехала от войны навсегда. Но через десять лет война настигла ее в Беслане.

...Она прожила в столице Чечни Грозном десять лет. С будущим мужем познакомилась в кооперативном техникуме: он был преподавателем, она — студенткой.

После выпуска сыграли свадьбу.

Отдельная квартира в центре города. Двое детей. Десять лет счастья, пока Джохар Дудаев не решил превратить Чечню в «маленький Кувейт».

Как-то ночью к свекрови и деверю, которые жили через дом от Залины и ее мужа, пришли боеви- Амина и Залина. Год 2010-й «и. о[ни связали пожилую женщину и ее сына, вынесли из дома все ценное, забрали ключи от машины и предупредили: «Месяц вам на сборы. Не уедете — подожжем дом». Пришлось обоим братьям уехать из Грозного.

Залина после переезда несколько месяцев не могла привыкнуть к тишине — никто не стрелял, ничто не взрывалось. Не надо было вскакивать среди ночи и прятать детей. Но самое главное — их квартира была в доме, расположенном в нескольких метрах от райотдела милиции. И первая

школа, в которой учились их дети, — рядом.

Выросли дети. Дочь Диана вышла замуж и жила в том же Школьном переулке, где и они. У Левиных появилась внучка Амина.

Сын Игорь весной 2004-го экстерном сдал выпускные экзамены в первой школе и поступил в самый престижный вуз республики — горно-металлургический институт.

...Утром первого сентября Залина проводила во Владикавказ Диану и Игоря. Диана тоже училась в университете, и за двухлетней Аминой присматривала Залина.

— Залина, пойдем туда, — сказала Амина и потянула бабушку в сторону школы, откуда слышались звуки музыки.

В свои сорок Залина мало походила на бабушку, и внучка называла ее по имени. В школьный двор они входили вместе с соседями. Впереди с видеокамерой — Оксана Дзампаева. Ее дочь Ирланда шла в первый класс. Нарядные и красивые прошли Найда Гаппоева с сыном Аланом, тоже первоклассником, Зина Томаева с дочерью Мадиной.

Они направились в классы, а Залина осталась во дворе, где на праздничную линейку уже строились дети. Она села на один из стульев, которые были расставлены для пожилых и женщин с маленькими детьми. Рядом — Инесса Даурова с двухлетним Георгиком на руках. Вторая внучка, тринадцатилетняя Алена, стояла со своими одноклассниками.

Подошла соседка Залины, Фатима Цкаева, с шестимесячной Аленой и трехлетним Махариком. Ее старшая девочка Кристина перешла в пятый класс. У Кристины было больное сердце.

Через несколько часов все они оказались в числе заложников.

...Голодный, уставший и напуганный, ребенок на руках Залины плакал.

Хотя Амине было два года, она еще была на грудном вскармливании. Девочке было жарко, ей хотелось спать. Но террористы постоянно стреляли, задремавший ребенок вздрагивал, просыпался и начинал испуганно кричать.

Залина приложила ребенка к груди. Амина вначале отворачивалась, крутила головой, потом взяла грудь, пососала ее как пустышку, успокоилась и заснула.

На часах было двенадцать ночи. За окном что-то вспыхивало — Залина не знала, что это гроза. Ей казалось, что там, снаружи, стреляют.

— Иди в душевую, — услышала она мужской голос.

— Кто сказал, чтобы я шла в душевую? — спросила она тех, кто сидел рядом.

Никто ничего не слышал.

Она отпросилась у боевика и вышла из зала.

В раздевалке сидели женщины с грудными детьми. Их, оказывается, перевели сюда еще днем. Залина села рядом с Фатимой Цкаевой.

Фатима баюкала шестимесячную Алену. Она была расстроена — у

Кристины случился сердечный приступ. Боевик по имени Абдулла помог ей и дал таблетку валидола.

Залина погрузилась в свои мысли. Зачем она привела Амину в школу? Что сейчас испытывают Диана и ее семья? Она должна любой ценой уберечь внучку.

— По-моему, у террористов возникли разногласия, — шепотом сказала ей Фатима. — В туалет заходили шахидки. Они выглядели расстроенными. Их, кажется, обманули, они не ожидали, что будет так много маленьких детей. Теперь они взорвались. Террорист говорит: «Это ваши предприняли попытку штурма и убили наших женщин». Но это неправда.

Фатима слышала, как один из террористов говорил шахидке:

— Ты должна гордиться. Тебе оказана такая честь — ты первая предстанешь перед Аллахом.

Шахидка чему-то противилась...

.. .Ночь тянулась долго.

— Представляю, как переживает муж, — задумчиво сказала Фатима.

Фатима — красивая молодая женщина лет тридцати. Полгода назад она едва не умерла: во время родов у нее возникли осложнения. Муж перевел ее тогда в отдельную палату, которую украсил шарами и цветами. У него был небольшой бизнес где-то в Подмосковье, и говорили, что через неделю он собирался забрать туда всю свою семью.

...Внимание Залины привлекла девочка, похожая на сказочную фею. У ее мамы Аннеты Гадиевой на руках был маленький ребенок. Девочка, ласковая и улыбчивая, все время повторяла:

— Мама, ты устала. Дай я ее подержу.

Часов в восемь утра мимо двери душевой прошел Абдулла и таинственно произнес:

— Скоро узнаете кое-что интересное.

— Расскажите сейчас, — попросила Фатима.

— Должен прийти большой человек. Если его пропустят, вам повезет. А если нет — никому не повезет.

Вскоре мимо двери прошел высокий мужчина в черной накидке с капюшоном. Его узнали все — это был бывший президент Ингушетии Руслан Аушев.

Из спортзала послышались аплодисменты...

Через несколько минут Аушев остановился у двери душевой. В глазах его был ужас.

— Здесь женщины с грудными детьми, — пояснил террорист.

— Вы знаете, кто я? — спросил их Аушев.

-Да.

— Вы уйдете со мной.

После его ухода в дверях появился Абдулла.

— Вас отпустят вместе с Аушевым, — сказал он. — Вам будут показывать наши фотографии. И если кто-то скажет, кто на этих снимках, мы расстреляем пятьдесят человек. Мы сразу все узнаем. И смерть этих людей будет на вашей совести. Итак, выходим. По одной женщине с грудным ребенком.

— Разрешите мне забрать и других детей, — попросила Фатима Цка- ева.

— Нет!

— Тогда пусть уйдут двое моих детей с ребенком. А я останусь.

— Нет, — рассвирепел Абдулла. — Нет, сказал я тебе, сука! Ты меня достала! Теперь из-за тебя никого не отпущу! — Он обвел взглядом женщин и скомандовал: «Обратно в зал!».

Залина стояла у самой двери. Она шагнула в коридор, но свернула не влево, в зал, а в противоположную сторону, туда, куда ушел Аушев.

— Куда? — преградил ей путь один из террористов.

Она спокойно кивнула на Абдуллу:

— Он разрешил.

Еще несколько шагов, и она оказалась в длинном коридоре, в конце которого, у входной двери, стояли Аушев и Полковник. Вдоль коридора, возле классов — вооруженные боевики.

Она сделала несколько шагов и опять услышала грозный окрик:

— Стоять!

Это был один из боевиков, стоявших вдоль коридора.

Аушев издалека жестом спросил: «Что стоишь?». И махнул рукой: «Иди сюда».

Она устремилась к нему — босиком по битому стеклу, которым был покрыт пол в коридоре.

Боевики отодвинули парты, которыми была заложена входная дверь, и открыли ее.

Залина прошла мимо мужчин, сказала им по-чеченски «спасибо» и спустилась по ступенькам во двор. От яркого света, свежего воздуха и ощущения свободы у нее закружилась голова.

Школьный двор был пуст. Везде валялись букеты цветов. Там, где обычно проводились линейки, стояли стол ведущего и музыкальная аппаратура.

За оградой — множество легковых машин и нигде — ни одной живой души!

Где люди? Неужели никто не знает о том, что происходит в школе?

Дома — никого. Постучалась к соседям — там тоже тишина. (Залина не знала, что жителей трех пятиэтажных домов в Школьном переулке эвакуировали в первые часы захвата школы).

Она вышла во двор и заметила военных, которые кричали ей из-за дома: «Сюда!».

Залина побежала к ним: «Где люди?».

Ее успокаивали, кто-то попытался взять из ее рук ребенка, но она его не

отдавала.

В полевом госпитале Залину ждали муж, дети, семья дочери.

Она не видела, как вышли другие женщины, как Фатима Цкаева отдала ребенка Руслану Аушеву, а сама вернулась к Кристине и Махарику.

Фотографии шестимесячной Алены, которую нес на руках вначале Руслан Аушев, потом сотрудник североосетинского ОМОНа лейтенант Эльбрус Гогичаев, обошли все газеты и журналы мира.

Залина не знала, что Инесса Даурова, не желая оставить внучку в школе, тоже отказалась уйти. И она, и маленький Георгий погибли, а Алена выжила.

Погибли Фатима Цкаева с Кристиной, а трехлетний Махарик остался жив.

Не стало и маленькой девочки, похожей на фею, — Аланы Доган.

Амина на руках у Залины. 2 сентября

Серафима БАСИЕВА

Сима

Вместе с преподавателем истории Надеждой Ильиничной Гуриевой Сима поднимала малышей на подоконники. Оттуда они спрыгивали в коридор и бежали в спортзал.

— Меня убьют? — нервно спрашивала ее молодая женщина, Анжела Варзиева.

Сима с Надеждой Ильиничной успокаивали ее, но Анжела их не слышала.

— Меня убьют! — испуганно повторяла она.

Тогда ее слова и страхи казались нелепыми, о смерти никто еще не думал. Анжела действительно погибла и, возможно, предчувствовала это.

Страх пришел к Симе уже потом, в спортзале. Но это был страх не за себя, а за детей.

Она сидела под окном, выходившим во внутренний двор школы. Вокруг — много знакомых. Вот Людмила Кокаева с невесткой Индирой и внуком-первоклассником Аланом. Рядом с ними — младший сын Люды, девятиклассник Сослан.

На второй день, когда Людмила теряла сознание от жажды, ей дали пожевать листья комнатных цветов. Губы ее окрасились в зеленый цвет, и, увидев это, младший сын Симы, Ацамаз, заплакал: «Тетя Люда умирает!»

Мимо Симы прошла Залина Цгоева, которая работала в ее детсадовской группе младшим воспитателем. Сима вспомнила, как они убирали помещение группы, и она предложила Залине выбросить искусственные цветы, которые ассоциировались у нее с кладбищем: такие цветы кладут на могилы. Но Залине цветы нравились, и она унесла их в свой закуток. Теперь, проходя мимо Симы, Залина горько пошутила: «Как бы те цветы не понадобились нам обеим...»

Залина одна воспитывала четверых детей. Муж, с которым она разве

лась несколько лет назад, не помогал ей. Она сама обшивала детей, работала в нескольких местах. Ей помогали братья и сестра, которые жили в селе Хумалаг.

Сима вспомнила письмо Деду Морозу, которое накануне Нового, 2004-го, года писал один из детей Залины: «Подари, пожалуйста, моему маленькому брату игрушечную машину и килограмм каких-нибудь конфет».

Каждый год первого сентября Залина шла с детьми в школу. В тот день ее старший сын Виктор не хотел уезжать из села. «Не отпускай меня, бабуля, — умолял он. — Ты меня больше никогда не увидишь!». Но позвонила Залина и сказала, чтобы Виктор немедленно ехал в Беслан.

Мальчика отправили в школу на такси.

Обо всем этом после трагических событий сентября Симе рассказала сестра Залины Марина.

Залина и в зале не отпустила от себя своих детей. Сима видела, как она несла им воду в детской туфельке. И посадила их Залина у самого входа в зал, чтобы выйти первыми, когда отпустят.

Но именно там произошел самый опустошительный взрыв.

Залина погибла вместе со своими четырьмя детьми.

В морге их опознавали родственники Залины. Они организовывали и похоронный обряд. Когда встал вопрос о том, кто получит компенсацию за погибших, мать Залины отказалась от денег. Их получил бывший муж Залины.

Недалеко от Симы сидели Владимир Дауров и Аслан Арчегов. Их дети Давид и Алибек учились в одном классе с ее младшим сыном. Она часто встречалась с ними на родительских собраниях, а Аслан жил с ней по соседству.

— Ты не видела моего Давида? — спросил ее Владимир Дауров.

— Нет.

Первого сентября, в десять утра, Владимир, выбив ногой дверь, выскочил из зала, промчался через двор и Школьный переулок и оказался за кольцом оцепления.

Володя был первым из мужчин, кому удалось уйти от неминуемой смерти.

Его сын Давид погиб.

— Мама, мы уже взрослые, а ты с нами как с первоклассниками ходишь в школу, — старший сын Симы, девятиклассник Азамат, был в то утро недоволен.

Но Сима твердо решила идти с сыновьями на праздничную линейку. Она сама училась в этой школе, любила посещать все проводимые в ней мероприятия. К тому же младший из детей, Ацамаз, перешел в пятый, у него теперь новые учителя, а это для него стресс.

У соседнего пятиэтажного дома Аслан Арчегов видеокамерой снимал детей и взрослых, выходивших из подъездов. Аслан с женой Оксаной

провожали в школу первоклассницу Линду.

По дороге в больницу

Террористы расстреляли Аслана в первый же день.

Но пока ярко светило солнце, и мир был наполнен счастьем и радостью.

В школьном дворе Сима подошла к своей первой учительнице Зинаиде Азаматовне Уруцкоевой. Поздравила с началом учебного года и Галину Хаджиевну Ватаеву, у которой четыре года учился ее старший сын.

В самом начале захвата заложников старшему сыну Симы Азамату удалось бежать, но он вернулся.

— Зачем?! — ругала его Сима.

— Но вы же здесь....

...На третий день у Азама от жажды потрескались губы. Младший, Ацамаз, куда-то исчез и вернулся с мокрым носовым платком.

— Мы с мальчиками нашли канистру с водой и напились, — сообщил он.

Было слышно, как в пустом желудке ребенка, как в бурдюке, булькала жидкость.

Они выжали из платка немного воды на губы Азамату.

Сима всматривалась в террористов: в глазах одних — жестокость, других — апатия.

Смуглый боевик тайком пустил ее в душевую. Вместе с ней туда проскользнула девочка. Она выпила, потом извлекла из складок юбки пластиковый стаканчик, наполнила его и спрятала туда же: «Это маме».

Одному из детей в тренажерном зале делали искусственное дыхание. Ему принесли воду в пластиковой бутылке, но террорист выхватил ее и поставил в угол между телевизором и дверью. Когда через некоторое время он вышел из помещения, Сима взяла бутылку и отдала ее детям.

— Смотри, это же твой сын, — сказала ей женщина, сидевшая в спортзале рядом.

Сима подняла голову и увидела младшего сына с поднятыми вверх руками.

— Сейчас мы его расстреляем! — кричал террорист, направив на Ацамаза автомат.

У неё потемнело в глазах, а когда она пришла в себя, сын был уже рядом.

— Это твой? — кричал террорист. — Убери, чтобы я его больше не видел!

Мальчики сидели на полу, Сима — на скамье, обмахивая лица сыновей своим паспортом.

— Мама, наклони голову, — сказал ей Азам. — На уроках ОБЖ говорили, что при угрозе взрыва голову надо держать низко.

Она опустила голову на руки, и ее оглушило взрывом.

Зал наполнился дымом. В потолке появилось отверстие, сквозь которое виднелось голубое небо. Упали столы и парты, которыми была заложена входная дверь, к ней устремились заложники. Те, кто был ближе к окнам, побежали к ним.

Ацамаз подсадил на подоконник двоих малышей. Азамат помог подняться маме и брату.

Они бежали, не слыша выстрелов.

3 сентября. Сима с сыновьями

— Послушай, что говорит Влад, — сказала сыну встревоженная бабушка.

Борис вошел за ней в спальню и склонился над кроватью Владислава, старшего из двоих сыновей. Мальчик, не просыпаясь, испуганно повторял: «Чеченцы к нам идут, чеченцы...».

— О каких чеченцах он говорит? — бабушка вопросительно посмотрела на Бориса.

— Наверное, о тех, которые приезжают в цех к нашему соседу.

Утром Владислав не помнил ни о каких чеченцах.

— Сегодня в школу идти не обязательно, — шепнул он после завтрака младшему брату Алану.

Алан обрадованно кивнул: какая школа, если можно на велосипеде отправиться на отработанный карьер, заполненный родниковой водой, и весь день купаться?

Но мать, заметив «переговоры», быстро пресекла их: «Попробуйте не пойти в школу. Вечером будете наказаны».

Заурбек Гутиев и Алан Есиев

Оставалось одно: вместе с мамой, которая уходила на работу, дойти до магазина, свернуть в переулок, ведущий к школе и, когда она скроется из виду, перемахнуть через забор и огородами вернуться домой.

Но мать предусмотрела и это: остановилась возле магазина, посмотрела им вслед и погрозила пальцем.

Пришлось братьям идти в школу.

Алан в этом году перешел в пятый, но по привычке отправился в свой бывший класс, в котором проучился четыре года. У Галины Хаджиевны Батаевой, его первой учительницы, в этом году были первоклассники. Но она ласково встречала и своих бывших учеников.

Алан вышел во двор. «Когда, наконец, закончится вся эта суета и мы с братом поедем купаться?» — думал он. Стрельба его не испугала, он был уверен, что это выступление команды юнармейцев, которые часто маршировали по двору с деревянными автоматами. Испугался только тогда, когда увидел возле котельной одного из террористов — лысого и бородатого.

С Владиславом они потеряли друг друга. Алан сидел в зале один. Знакомых поблизости не было, и он чувствовал себя очень одиноким. Он испугался, когда по проходу протащили убитого мужчину с закрытым лицом. И еще раз, когда подняли старшеклассника и пригрозили расстрелять его, если заложники не успокоятся.

На второй день боевики засуетились: «Сейчас придет большой человек».

Вошел усатый мужчина, побыл в зале несколько минут и ушел. Те, кто сидел ближе к выходу, сказали, что это был Руслан Аушев.

Брата Алан нашел только на третий день. Владислав лежал на втором от входной двери подоконнике. Он подозвал к себе Алана и предупредил: «Далеко не уходи и не спи. Некоторые засыпают и умирают во сне. Вон там один мужчина умер. Сидел с женой и двумя детьми...».

Алан держался, но уснул, как ему показалось, минут за пятнадцать до взрыва. Проснулся от грохота — упал шкаф, которым была заложена дверь спортзала, ведущая во двор. Все заволокло дымом. Он посмотрел туда, где лежал Влад, но там его уже не было.

Алан вскарабкался на высокий подоконник. Кто-то тронул его за ногу — это был старый учитель Заурбек Харитонович Гутиев.

— Помоги, — сказал он.

Алан спрыгнул вниз и подсадил старика. Снаружи учителя подхватили под руки двое мужчин.

Алан снова взобрался на подоконник, поперек которого лежала полная молодая женщина. Она отчаянно перебирала ногами, пытаясь выбраться наружу, но это ей не удавалось. Женщина задела его ногой, он упал навзничь, прямо в огонь, закричав от боли и страха. Уперся ногой в стену, оттолкнулся от нее, перевернулся и снова попытался подняться.

Прогремел еще один взрыв. Сверху упал кусок горевшей потолочной обшивки, которая одним концом еще держалась наверху, а нижний край ее пылал, нависнув над его головой. Алан откатился в сторону. Обшивка упала на то место, где он лежал за секунду до этого.

Шатаясь, он подошел к окну и выбрался, наконец, во двор.

Под окном, на траве, неподвижно лежала та самая женщина, которая задела его ногой. Она не шевелилась. Маленькая девочка плакала и

повторяла: «Мама, вставай!».

Алан побежал, ожидая выстрела в спину. Впереди него бежала маленькая девочка. У котельной она упала. Он так и не вспомнил, как она оказалась на его руках. Но дальше он бежал с ней, девочка крепко держала его за шею.

Милиционер в переулке Батагова показал ему на дом Сабановых.

Во дворе толпились люди. Кто-то взял у него из рук ребенка. Его самого подхватил мужчина, повел в огород, где был кран. Алан набрал в ковшик воды, выпил, облился и едва не потерял сознание — его обожгла дикая боль в спине.

Он сел на землю. Его охватили слабость и апатия.

— Можно я посижу? — попросил он мужчину.

— Нет. Тебе надо в больницу.

Мужчина вывел Алана на улицу и посадил в машину.

На второй день в числе других тяжелораненых детей Алана самолетом отправили в Москву. В 9-й городской детской клинической больнице имени Сперанского его прооперировали.

Три дня Алан был на грани жизни и смерти, три дня не выходил из комы.

— Ожоги были такие глубокие, что пришлось делать пересадку тканей, — сказал главный врач клиники Петр Павлович Продеус. — Алана спасли старания врачей и хороший иммунитет. Мальчик, как и многие бесланские дети, держался очень мужественно.

Брат Алана, Владислав, тоже остался жив.

Вика КАЛЛАГОВА

Когда у Вики возникло желание стать врачом? Может, когда она, тринадцатилетняя девочка, сидела у постели умирающей мамы? А может, там, в спортзале первой школы, когда извлекала из ноги сестры осколки? Или в тот день, когда впервые поменяла повязку отцу, перенесшему онкологическую операцию?

Мамы не стало в феврале 2004-го. А в сентябре шестиклассница Вика уже сама собирала восьмилетнюю Олю в школу. Купила для нее новую школьную форму, туфли, одела, причесала, заплела косички.

В школьный двор они вошли со стороны железной дороги.

Оля убежала вперед, Вика задержалась возле крана, чтобы выпить воды.

Во время захвата заложников Вика оказалась в котельной, откуда ей удалось выбраться через окно. На улице вспомнила про сестру и вернулась через то же окно в котельную.

— А ты что здесь делаешь? — грозно окликнул ее вошедший террорист и замахнулся на нее прикладом.

Вика и Оля с папой

Вика выбежала во двор.

Олю она нашла в спортзале только на второй день.

Рядом с Викой и Олей сидела Елена Сулетдиновна Касумова, замести- тель директора школы, которая жила по соседству с Каллаговыми. Все это время она опекала маленькую Олю.

Вика приносила мокрые тряпки, обтирала сестре лицо и тело. А когда их

места заняли, они пересели к Альбине Викторовне Аликовой, любимой классной руководительнице Вики.

— Не бойтесь, — успокаивала Альбина своих учеников. — Мы вместе. Все будет хорошо. Вы будете еще приходить ко мне в двадцать первый кабинет.

Она учила их, как вести себя, чтобы не привлекать внимание боевиков.

Приносила им воду в воздушном шарике. Когда боевики пригрозили расстрелять Заура Дудиева за то, что он спросил у товарища, есть ли у того носовой платок, маленькая бесстрашная учительница бросилась на защиту своего ученика.

Рядом с Викой сидел второклассник Алеша Цомартов. Он был в новой школьной форме и новых туфлях. Все три дня Алеша не снимал ни обуви, ни пиджака, не расстегнул даже ворота рубашки.

— Сними пиджак и туфли, — уговаривала его Вика. — Жарко.

— Нет, мне надо идти домой.

Домой он не вернулся. Бабушка Алеши, Надежда Цомартова, после гибели внука обратилась через районную газету к тем, кто видел ее внука в спортзале. Вика рассказала ей всё, что помнила.

Рядом с Викой и Олей в спортзале сидела подруга их покойной мамы, учительница начальных классов Эмма Хасанбековна Каряева.

Эмма часто бывала дома у Каллаговых, поэтому девочки относились к ней как к близкой родственнице. Вот и сейчас Эмма сидела, обняв маленькую Олю. Ее дочь, четвероклассница Карина, незадолго до взрыва перебралась к подруге.

Взрыва Вика не слышала. Очнувшись, увидела: Эмма Хасанбековна лежит, накрыв собой Олю.

Вика высвободила сестру, дотащила ее до окна.

Под одним из окон, привалившись к стене, сидела полная пожилая женщина. Это была учительница начальных классов Ирина Захаровна Ханаева. У нее были больные ноги, и подняться после долгих часов сидения она, вероятно, не смогла. Дети, вставая на плечи учительницы, карабкались на подоконник.

Вика, оставив под окном сестру, подошла к Эмме Хасанбековне:

— Вставайте. Надо бежать.

Эмма смотрела на нее отрешенно. На ее красивом лице, под глазом, виднелась небольшая ранка.

— Я не могу, — ответила, наконец, Эмма. — Бегите сами.

Вика вернулась к сестре. Женщина, лежавшая под окном, положила ногу на тоненькую шейку девочки. Женщина была жива, но на просьбу убрать ногу не реагировала. «Кому суждено умереть — умрет», — сказала она.

Вика с трудом высвободила Олю. Но время было упущено, убежать они уже не смогли, их увели в столовую.

На кухне Вика спрятала сестру в шкаф.

Их спасли спецназовцы.

В больнице сестры узнали, что журнал «Тайм» признал их героями Европы. Высокую награду им должна была вручить королева Англии. Но сестры не смогли получить ее: из больницы они вернулись домой только через месяц.

— Я не совершила никакого подвига, — говорила Вика журналистам. — Так поступали многие...

Плакала от счастья старенькая бабушка. Отец Таймураз, который после смерти жены был особенно внимателен к девочкам, с трудом верил в свое счастье — его дети вышли с того света живыми!

Через год не стало бабушки...

— В доме нужна женщина, — говорили Таймуразу родственники. — Тебе всего пятьдесят.

Но он не хотел их слушать: «Девочек нельзя травмировать, у Вики — переходный возраст».

Пережитый стресс не прошел для Таймураза бесследно — через три года у него обнаружили злокачественную опухоль. Три операции одна за другой.

Весь дом был на Вике. Выпускные экзамены в школе. И осуществление ее мечты — она стала студенткой медицинской академии.

...Каждый вечер с нетерпением ждали ее возвращения папа и маленькая Оля. Сильная и уверенная в себе, Вика по-прежнему оставалась опорой для своей маленькой осиротевшей семьи.

Таймураз умер в конце декабря 2008 года.

Вика и Оля остались одни.

Мадина КУДЗИЕВА

У мамы Мадины — Ларисы — была депрессия: в апреле от рака умер ее муж Тамерлан. Лариса замкнулась, ни с кем не общалась, никуда не выходила, перестала обращать внимание на свою внешность. Ее не радовали ни новые вещи, ни успехи дочери-студентки, ни даже то, что ее сын Заур должен пойти в первый класс.

— Ты должна быть рядом с ним в этот день, — уговаривала ее Мадина. — Это же такое событие для Заура!

Лариса отказалась идти с сыном в школу.

Мадина сама купила для брата школьную форму и цветы, и они вдвоем вышли из квартиры. Во дворе их пятиэтажного дома собирались дети, которые учились в первой школе. Кто-то из родителей фотографировал их, кто-то снимал на видеокамеру.

Лариса стояла на балконе.

— Постойте, — крикнула она. — Я тоже с вами.

Через минуту она сбежала к ним в своем черном одеянии, которое не снимала уже полгода.

В свои тридцать девять Лариса выглядела двадцатипятилетней девушкой. Она была красива той яркой, одухотворенной, почти вызывающей красотой, от которой мужчины теряли дар речи.

Тамерлан болел долго, и за месяцы борьбы за его жизнь Лариса похудела, став от этого еще моложе, стройнее и прекраснее.

...Учительница Заура Галина Хаджиевна Ватаева еще не успела вывести детей во двор, как начался захват заложников. Лариса и Мадина нашли Заура и спрятались в кабинете домоводства. На полу лежали люди, среди которых была и их соседка Индира Кокаева с сыном Аланом.

...В зале рядом с ними оказался раненый Вадим Боллоев. Лариса не была знакома с ним, но в этом маленьком городке люди, даже незнакомые, никогда не бросали друг друга в беде. Она попыталась поменять Вадиму повязку. Бинтов не было. Артур Дзампаев снял рубашку и передал ее Ларисе. Она разорвала ее на полоски, перевязала рану, но кровь не останавливалась.

«Задета артерия, — шепотом сказала матери Мадина, которая училась на третьем курсе медицинской академии. — Ему необходима операция».

Рядом с Вадимом сидел его сын, первоклассник Сармат. Где-то в зале были две его дочери: шестиклассница Зарина и третьеклассница Мадина.

Недалеко от Кудзиевых располагался «штаб» террористов. «На педали» сидел Али, второй после Полковника человек среди боевиков, и его приближенные.

— Нам нужны вода и бинты, — крикнула в их сторону Лариса.

Ей никто не ответил. Она крикнула еще раз.

К ним подошел боевик в маске.

— Ты чего кричишь?

— Мне нужны бинты, — сказала Лариса. — Надо перевязать раненого.

— Встать! — крикнул террорист.

Он повел ее в сторону входной двери, заложенной партами и шкафами.

— Встань на колени!

— Зачем?

Он медленно поднял автомат.

— Стреляй, если ты мужчина!

Мадина повернула Заура лицом к себе.

Лариса, глядя в глаза террористу, спокойно отвела дуло:

— Не устраивай спектакль. Здесь дети. Зачем вы воюете с нами? Осетины и чеченцы никогда не были врагами. Ваши дети отдыхают в нашем санатории «Тамиск». Ваши женщины рожают в наших родильных домах. А вы пришли убивать наших детей.

Сармат Боллоев

К ним подошел Абдулла, террорист с перевязанной рукой.

— Что происходит?

— Он хотел расстрелять меня за то, что я попросила для раненого бинт.

Абдулла внимательно посмотрел на нее, потом на террориста в маске и опять на нее.

— Для вас здесь ничего нет. Сядь и заткнись.

Лариса вернулась на свое место.

...Лицо Вадима посерело еще больше. Лоб его уже покрылся испариной, он окончательно ослабел.

Двое боевиков подняли его и, взяв под руки, выволокли из зала.

Вадим Боллоев

— Присмотрите за моими детьми, — попросил он Ларису.

— Куда вы его ведете? — возмутилась она.

— К врачу.

Когда боевики вернулись в зал, Али с усмешкой поинтересовался:

— Ну что, вызвали врача?

— Да, — в тон ему ответил боевик.

Террористы запомнили Ларису. Али, разговаривая по телефону, время от времени поглядывал в ее сторону. Через некоторое время она подошла к нему и спросила:

— Что с нами будет? В чем провинились наши дети?

— А в чем провинились наши дети? — сказал Али. — С вашего аэродрома прилетали самолеты, которые бомбили наши села. Мою семью — жену и детей — убили рядом с домом... Ты похожа на мою жену, — сказал он, внимательно посмотрев на Ларису.

Она вернулась на свое место.

Через некоторое время к ней подошел Абдулла и предложил: «Наши женщины погибли, но у нас есть еще один пояс. Если ты наденешь его, станешь шахидкой, мы отпустим твоих детей и близких».

— Я хочу подумать.

Больше он к ней не подходил.

Перед самым взрывом Лариса и Мадина с Зауром вышли в тренажерный зал попросить воды или намочить тряпки. Но дошли только до двери: их отбросило взрывом.

В тренажерный зал устремились заложники. Террорист по имени Ибрагим, который чуть не расстрелял Ларису, вел огонь, стоя в дверях тренажерного зала. Через некоторое время он сказал, что надо идти в столовую: «Зал уже горит. Скоро обрушится перекрытие».

В кабинете физруков на их глазах Иван Каниди бросился на Ибрагима, пытаясь вырвать у него из рук автомат. Боевик застрелил его из пистолета и увел заложников в столовую.

...Они лежали на полу раздаточной. Ибрагим отстреливался из крайнего окна. Руки у него были в крови. В окнах столовой стояли женщины

и махали белыми тряпками. Временами боевики выходили из столовой, потом возвращались обратно.

Наконец появились первые спецназовцы. Ибрагим, который контролировал столовую, бросил в их сторону гранату. На нее упал спецназовец и накрыл собой. Осколки ударили Ларису в правую часть лица и раздробили правую руку. Она потеряла сознание.

Заур, которого она прятала под собой, остался цел и невредим.

Мадина подползла к матери, нащупала пульс — сердце билось. «Моя мама жива», — сказала она спецназовцу.

Из столовой уже выносили живых и раненых.

Мадина не вышла из столовой, пока Ларису не положили на носилки и не унесли.

В больнице Ларисе сделали две операции. Она впала в кому. Раненых было много; в суматохе Ларису признали умершей и отправили в морг.

Четвертого сентября Лариса снова оказалась на операционном столе.

Страшные раны не задели крупные кровеносные сосуды и важные внутренние органы. Но пострадала ее внешность. Правая половина лица была сплошной раной, она лишилась пальца, правая рука была сломана в трех местах, весь правый бок пострадал от осколков.

Врачам удалось вернуть Ларисе былую красоту.

Через три года после теракта она вышла замуж.

Мадина окончила медицинскую академию.

Семиклассник Заур трагически погиб в апреле 2011 года.

Алета ХАСИЕВА

Алета Хасанбековна

В первую ночь в спортзале Алете Хасанбековне удалось поспать. Под баскетбольным кольцом, где висела большая мина, было чуть свободнее, и она уснула, вытянув ноги и прислонившись к стене. Едва открыла глаза, как на нее прыгнул мальчик лет восьми. Он обнял ее, крепко обхватив за шею, и сказал: «Мама!».

«Мне послышалось», — подумала Алета.

Но через некоторое время мальчик еще раз назвал ее мамой.

— Ты кто? — удивилась она.

— Хетаг Хутиев. Я перешел во второй класс.

— А где твоя мама?

— Ее здесь нет. Можно, пока ее нет, я буду называть тебя мамой?

Алета вспомнила: незадолго до этого мальчик плакал, говорил, что потерял туфлю, и просил женщин отыскать ее.

— Отведи меня в туалет, — сказал Хетаг.

Взрослым не разрешалось ходить по залу, а к детям террористы были не так строги.

— Подойди к террористу сам и попроси, чтобы он пустил тебя в душевую, — сказала Алета.

Хетаг подошел к боевику, поздоровался с ним за руку и что-то сказал. Тот похлопал его по плечу и, погладив по голове, ответил: «Конечно, можно. Ты же мой друг».

Вернувшись, Хетаг сел рядом с Алетой, не выпуская из рук туфлю, и сказал:

— Пойдем, поищем другую.

— Мы найдем ее, как только нас отпустят, — пообещала она.

Боевик «на педали» не выпускал из рук Коран. Он не делал замечаний окружающим, ни на что не реагировал. Лицо его было плотно закрыто

маской. Единственная, с кем он разговаривал, — учительница начальных классов Ольга Николаевна Соскиева. О чем они говорили? Скорее всего, о сурах Корана: боевик время от времени что-то показывал ей в книге.

Алета сидела рядом с Али, который называл себя «пресс-атташе Полковника», поэтому слышала все его переговоры по мобильному телефону.

— Мы начнем сейчас расстреливать мужчин,— говорил Али кому-то по телефону. — Мужчины закончатся — есть много женщин и детей, приступим к ним.

— Мы говорим, но не делаем, — сказал ему второй террорист.

В тот же день они стали расстреливать мужчин.

Боевики охотно рассказывали заложникам о своих условиях: вывод федеральных войск из Чечни, освобождение из тюрьмы боевиков, которые принимали участие в нападении на правоохранительные органы в Назрани месяц назад.

— Если наши условия будут выполнены — мы мирно разойдемся.

— А если нет?

— А если нет, — сказал он отеческим тоном, — будем убивать всех. Взрывчатки в зале много, хватит даже на соседние дома. — И успокоил: — Боли вы не почувствуете. Умрете сразу.

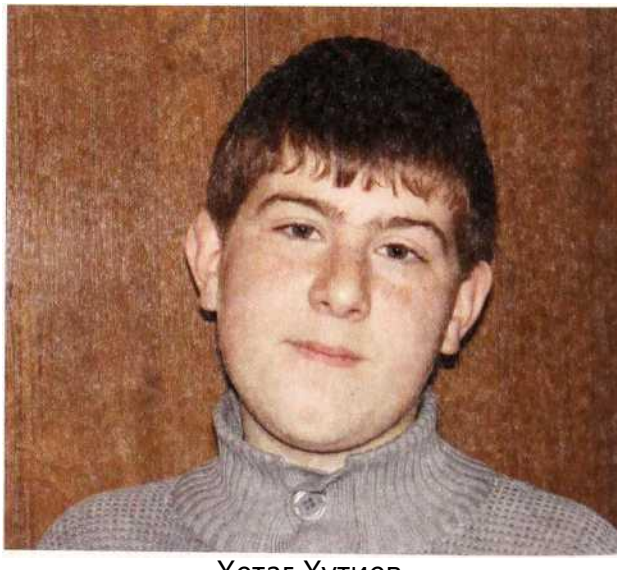
После прихода Аушева Алета Хасанбековна спросила Ольгу Николаевну:

— Ну что?

— Ничего хорошего. Им предложили «коридор», они отказались.

Алету охватило чувство безысходности. Неужели ей суждено умереть в школе? Неужели ее десятиклассники погибнут?

Утром все они собрались в ее кабинете, потом вместе спустились во двор. Возможно, кому-то из них удалось убежать. В зале она видела Азамата Тохтиева. Террористы заставили его выбивать стекла в окнах.



Хетаг Хутиев

Она вспомнила, как Азам, всегда такой сдержанный и застенчивый, изображал на одном из школьных конкурсов домашних животных. Он делал это так здорово, что Алета

подумала: сколько же скрытых талантов в ее учениках!

Алета перевела взгляд на Хетага: неужели террористы не пожалеют даже малышей?

Заложникам постарше приказали перейти в тренажерный зал. Люди вначале испуганно притихли, но понемногу пожилые и женщины с маленькими детьми стали перебираться в соседнее помещение.

В тренажерном было прохладно. Женщина с ребенком, которая лежала на матах, попросила одного из террористов принести ей «что-нибудь, чем можно накрыться».

Алета ужаснулась. Но террорист молча ушел и вскоре вернулся с детскими пиджаками.

Уважительное отношение к старшим, которое присуще каждому, кто живет на Кавказе, едва не стоило Алете жизни: пожилая женщина попросила ее принести ей воды (боевиков в зале не было); Алета вошла в душевую, набрала воды в пластиковую бутылку и на выходе столкнулась с боевиком. Он направил на нее автомат: «Кто разрешил? Вон отсюда!».

«Простите, — сказала она той женщине. — Я не смогла принести вам воды».

...Маленький Хетаг устал и хотел спать. Алета Хасанбековна оторвала кусок фанеры от старого дивана, положила на пол и уложила на него мальчика. Сама пристроилась рядом.

В шесть часов утра их вывели в спортзал, но их места были уже заняты.

— Я хочу кушать, — неожиданно сказал Хетаг. — И вообще, кто меня отведет домой, когда нас отпустят?

Алета не успела ответить. Ее внимание привлек тихий хлопок. Она подняла взгляд — вверху, над их головами, словно произошло легкое движение, и рассеивался дымок. В следующую секунду ее опалил обжигающий зной, и она потеряла сознание. Очнувшись, сквозь пелену в глазах увидела множество детских ножек — это в окна карабкались дети.

Хетага рядом не было.

Алета Хасанбековна вышла во двор. Мужчина из-за котельной крикнул ей: «Быстрее!». Она спокойно завернула за угол здания и направилась в сторону Школьного переулка.

Из подвала пристройки к пятиэтажному дому ее позвал милиционер: «Сюда!». Она подошла к нему. Мужчина снял куртку и замотал ей рану на руке. Алета села на землю и стала раскачиваться из стороны в сторону. Потом встала и пошла вдоль пустынной улицы.

...Она лежала на больничной койке. Медсестра Светлана Даурова собиралась разрезать на ней ножницами одежду.

— Он новый, — сказала Алета.

— Что? — не поняла медсестра.

— Костюм новый.

Из Беслана ее отправили во Владикавказ.

После долгих часов сна или беспамятства Алета пришла в себя. Вокруг нее молча стояли родственники.

— Мальчик жив? — спросила она.

Родственники переглянулись.

— Какой мальчик? — осторож-Алета (на носилках) но спросила сестра.

— Который был со мной.

— Как его зовут?

— Не знаю.

— Где он живет?

— Не знаю.

— В каком он классе?

— Не знаю. Его мама работает в училище.

На следующий день сестра приехала с исчерпывающей информацией: мальчик жив и здоров, он убежал из зала сразу после взрыва.

Оказывается, первого сентября мама Алла отвела Хетага в школу и, оставив его с учительницей, пошла на работу, чтобы отпроситься у директора.

Вернуться не успела.

Третьего сентября, прибежав из школы, мальчик был спокоен, даже поиграл с соседскими детьми. На второй день замкнулся. Не играл и не разговаривал несколько дней. Потом сказал:

— Я сидел там с учительницей. И называл ее мамой.

— Она похожа на меня? — спросила его Алла.

— Нет.

— Тогда почему ты называл ее мамой?

— А ты думаешь, там легко было быть одному?

Имени учительницы он так и не вспомнил.

Через несколько дней Хетаг с Аллой приехали в больницу.

«А ведь мы с ней совсем не похожи», — подумала Алета, глядя на молодую женщину.

Хетаг молча подошел к Алете Хасанбековне и так же, как тогда, в зале, крепко обнял ее, обхватив за шею.

Эльмира МАЛИЕВА

Эльмира

Племянники Эльмиры Славик и Фатима Тедеевы шли в первый класс. Для семьи брата это было событием, и Эльмира тоже пришла в школу со своими детьми — Светланой, которой не было и трех, и четырехлетним Хетагом.

В спортзале Эльмира не выпускала детей из рук.

На второй день ее вывели в туалет, расположенный рядом со столовой. Одно из окон в коридоре было закрыто таблицей Менделеева. В таблице, на уровне глаз, проделаны отверстия. Возле окна стоял террорист и куда-то через них смотрел.

Достать воду Эльмире не удалось. Дети на ее руках от слабости не могли даже плакать.

Она вернулась в зал.

Ее внимание привлек рыжеволосый подросток. Боевики поручили ему следить за тем, чтобы заложники не занимали проход. Мальчик излучал оптимизм. «Пока я жив — ничего не бойтесь», — говорил он женщинам по-осетински.

Он шутил и успокаивал окружающих: «Не переживайте. Всё будет хорошо». От его слов и солнечной улыбки на душе Эльвиры становилось тепло и спокойно.

— Иди, дай детям воды, — сказал ей один из террористов.

Она не поверила.

— Дай детям воды, — повторил он и завел ее в душевую тренажерного зала. Чтобы не было слышно, как журчит вода, он стрелял в окно. Эльми-

ра дала малышам воды, но сама побоялась выпить: а вдруг он ее застрелит?

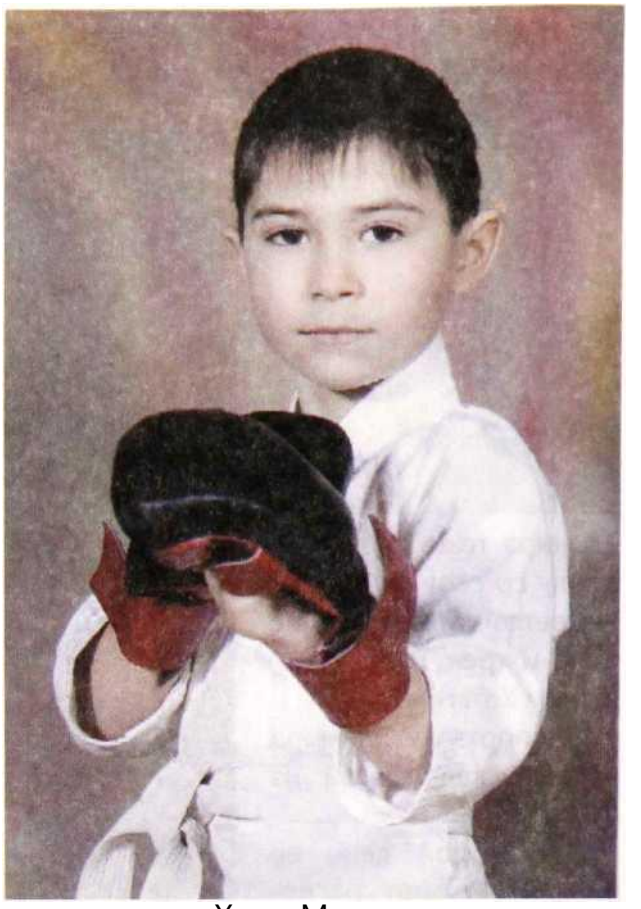
— Пей, — сказал боевик, заглянув в душевую. — Если я скажу: «не заходите», значит, кто-то идет.

Он разрешил ей остаться в тренажерном зале вместе с пожилыми заложниками. Хетаг и Света уснули на прохладном полу.

— Принесите мне что-нибудь накрыть детей, — попросила Эльмира террориста.

Тот ушел и через некоторое время принес ей два детских пиджака.

На третий день, перед взрывом, Эльмира лежала на полу у входной двери, недалеко от боевика, который сидел «на педали».



Хетаг Малиев

После взрыва дверь распахнулась, в глаза ударил яркий солнечный свет. Ее обожгло нестерпимым жаром; на ней вспыхнула одежда.

Пламя удалось сбить.

Открытая дверь показалась ей дорогой в другой мир.

Она подняла Хетага и Свету и побежала. Створки двери были распахнуты, но выход загораживали перевернутые шкафы. Она посадила Свету на шкаф и нагнулась к Хетагу. Новый взрыв прокатился по залу. Маленькая Света, которая только что сидела перед ней, исчезла...

Что было дальше — Эльмира не помнит.

... На кладбище, куда она приходит к своей маленькой дочери, Эльмира нашла портрет того подростка, который говорил: «Все будет хорошо, пока я жив!». «Арсен Маликиев», — прочитала она на памятнике.

Зита СИДАКОВА

Они никогда не были так счастливы, как в тот последний вечер августа. Днем Альберт и Зита ездили к родителям Альберта, которые жили недалеко от них в собственном доме. Огромная овчарка бросилась навстречу Альберту, прыгнула ему на грудь, лизнула лицо и протяжно завыла. Юлия, свекровь Зиты, прогнала собаку в огород.

— Как бы с Азой чего не случилось, — сказала она, вернувшись.

Аза, соседка Сидаковых, незадолго перед тем перенесла онкологическую операцию.

Через некоторое время собака снова залаяла, и лай опять перешел в долгий и протяжный вой.

— Да что это с ней? — заволновалась Юлия.

Обычно, приехав к Сидаковым, молодые оставались у них до вечера. Но в тот день Зите надо было собирать в школу первоклассника Георгия, и они вернулись домой пораньше.

После ужина Альберт с детьми устроился в зале у телевизора. Зита, чтобы быть поближе к ним, принесла туда гладильную доску и занялась своими делами.

Георгий и Давид Сидаковы

Они шутили и смеялись. У Альберта от смеха текли слезы по лицу, и он, вытирая их, повторял: «Ну когда ты у меня поумнеешь?».

Утром в теленовостях сообщили о взрыве на станции метро в Москве.

— Надеюсь, школы обеспечат охраной? — сказала Зита.

— Да не бойся ты.

Она боялась всего и всегда. Боялась незнакомых машин во дворе и мусорных пакетов у обочин дорог. Боялась грозы и наводнений, землетрясений и схода лавин. Она боялась вида крови и даже небольших царапин.

— Альберт, у нас во дворе незнакомая машина, — могла сказать она ночью мужу.

— Ну и что?

— А вдруг это террористы?

Но ни накануне вечером, ни утром первого сентября у нее не мелькнуло и тени предчувствия.

— Я еду за цветами, потом завезу вас в школу, и сразу — на работу, — сказал Альберт. — Мне надо вернуть долг. (В августе они ездили на море, и Альберт занял деньги у товарища).

Каким красивым был ее муж в то утро! Она приготовила ему его любимую, кремового цвета, сорочку и в тон ей — светлые джинсы.

Альберт всегда словно спешил жить, и это настораживало Зиту. Он напоминал ей его друга, Батраза Езеева, которого застрелили в доме Сидаковых на свадьбе ее деверя. Альберт, как и Батраз, словно знал, что судьбой ему отмерено очень мало времени, и спешил дать всем по максимуму — и друзьям, и родителям, и ей, и детям. Он много времени проводил с сыновьями: возил их то в зоопарк, то на детский киносеанс во Владикавказ, то на природу.

.. .Они подъехали к школе. Альберт остался во дворе, а Зита с Георгием и четырехлетним Давидом ушли в класс.

В первые минуты захвата Альберт мог убежать, но такое ему и в голову бы не пришло.

— Ложись на пол, — умоляла его в спортзале Зита. — Ложись, чтобы они тебя не видели! Или повернись к ним спиной!

Альберт усмехался:

— Ты что такое говоришь?

Террористы вызвали его одним из первых.

Через некоторое время он вернулся, сел недалеко от прохода, а минут через десять его опять вывели. Больше она его не видела. Но образ мужа весь день стоял перед ее глазами. И вдруг образ стал стремительно удаляться и, превратившись в темный силуэт, исчез.

Она ощутила сильную боль в сердце.

— Давайте помолимся за папу, — сказала она Георгию и Давиду.

«Господи, спаси нашего папу. Господи, верни нам поскорее папу», — повторяли за ней сыновья.

Вечером в зал вернулись несколько мужчин, но Альберта среди них не

было.

Она попыталась выйти с детьми в душевую, но террорист с перевязанной рукой направил на нее автомат и с ненавистью сказал:

— Убери своих ублюдков, или я пристрелю их.

Дети хотели воды. Зита собрала вещи, сложила их в пакет, который валялся на полу, и вышла в душевую. Намочила все, но в пакете было отверстие, и она шла, оставляя за собой мокрый след.

Зита пробиралась на свое место, переступая через сидевших на полу людей. На ее пути лежал мужчина. Вид его был страшен: волосы обгорели, голова — в крови, глаз почти вытек.

— Дай воды, — попросил он.

Зита вынула из пакета тряпку. Мужчина выжал ее, но воды в ней почти не было.

Через некоторое время она снова увидела его — мужчина полз к ней.

— Воды не осталось? — спросил он.

Все тряпки были уже сухими.

Он лег рядом с ними. Из глаза его текла сукровица, и Зита рукавом своей нарядной блузки время от времени вытирала ее.

— Как тебя зовут? Где твои? — спросила Зита. — Может, поискать их?

— Я здесь один, — сказал мужчина. — Я телеоператор из Владикавказа. (Это был Карен Мдинарадзе, которого пригласил предприниматель Аслан Кудзаев: его дочь Дзера должна была дать первый в этом году школьный звонок).

— Ты не видел моего мужа? — Зита стала подробно описывать ему Альберта.

Карен задумался.

— Темно там было. Но один вроде похож. Я разговаривал с ним. Он сказал, что у него в зале — жена и двое сыновей. Он жив.

«Жив!» — обрадовалась Зита. Возможно, ее Альберт тоже ранен и ему требуется помощь. Она обязана помочь человеку, который сообщил ей такую радостную весть.

Теперь они лежали на ее ногах втроем: мужчина с вытекающим глазом — на одной ноге, дети — на другой. Зита подняла с пола половинку плотной тетрадной обложки и стала обмахивать им лица.

— Я женился месяц назад, — сказал Карен. — Представляю, как переживает жена.

Зита с детьми снова стала громко молиться: «Господи, спаси нашего папу...».

— Его уже нет в живых, — тихо сказал Карен сидевшей рядом Жанне Дзандаровой.

Утром Карен уполз.Все мысли заложников были о воде. Мужчина лет

пятидесяти снял рубашку, прикрылся ею, помочился в туфлю и выпил.

— Давайте скинемся, я сбегаю в магазин за водой, — сказал один из подростков.

Маленький Давид, младший сын Зиты, замер, уставившись в одну точку:

— Мама, они пьют воду! — сказал он.

Зита проследила за его взглядом. Несколько пожилых женщин и одна молодая, с маленькими детьми, сев в кружок, передавали друг другу бутылку с водой, завернутую в тряпку. Они так и пили — через ткань.

Зита не смогла удержать Давида — он втиснулся в этот узкий круг и, стоя в его центре, молча переводил взгляд с одной пьющей на другую.

Бутылка опустела, женщины отложили ее в сторону. А маленький Давид с потрескавшимися от жажды губами вернулся к матери и зарыдал громко, без слез: «Они выпили все!».

Зиту охватило отчаяние и сознание собственного бессилия.

За ее спиной стоял судейский стол, на котором лежал маленький мальчик. Она стала биться головой о переднюю стенку стола и вдруг ощутила под головой что-то мягкое — это мальчик, который лежал на столе, подставил ей под голову свою ладонь: «Тетя, вам же больно».

Она потеряла сознание. Очнулась от боли: Ирина Адырхаева била ее по щекам.

...Горячая, обжигающая волна взрыва прокатилась по залу.

Зита лежала лицом вниз, ее дети — под ней, Ирина — рядом. Она тоже прятала под собой детей, но видела все, что происходило в зале.

— Лежи, — сказала она шепотом. — Эти уроды ходят по залу. Они приближаются. Выискивают живых. Не шевелись. Всё. Они уходят.

— Воды, — сказал Давид.

Зита облизнула ему пересохшие губы, и вдруг он, зарычав, впился в нее зубами и прокусил ей нижнюю губу. Она с трудом разжала ему челюсти.

В тишине громко запел ребенок. Это был ее Георгий. Он пел стихи, которые учил в школе раннего развития.

Зите стало страшно. Она подняла голову и не поверила тому, что увидела вокруг. Потому что этого не могло быть! Люди, которые три дня сидели вокруг нее, разговаривали, двигались, ждали и надеялись на освобождение, теперь лежали без движения. На длинной скамье под окном — детская ножка. Сам ребенок — на полу, под скамьей. Молодая девушка с разметавшимися волосами лежит ничком. На спине ее — огромная рана.

Как костер из сухих дров, пылала, громко потрескивая, крыша спортзала.

— Надо уползать, — сказала Ирина. — Но где же моя обувь?

— Как уползать? — испугалась Зита. — По ним? Я не могу. Я боюсь. Там кровь.

— Не бойся, — сказала Ирина. — Нам надо уводить отсюда детей.

Ирина — медик. Она ползет, толкая перед собой своих девочек. За ней — Георгий и Зита с Давидом. Перед выходом из спортзала, там, где под баскетбольным кольцом стоял металлический сейф, Зита увидела Марусю Кусову. Рядом с пожилой женщиной сидел ее семилетний внук Берд «в позе лотоса». Мальчик раскачивался из стороны в сторону и монотонно повторял: «Бабу, цом-ма» («Бабу, пошли»).

Кто-то подхватил ребенка под мышки и унес в сторону коридора.

Бабушка осталась в зале.

Зита и Ирина выползли в коридор, где стояли двое террористов. Еще один — на ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж. Зита встала, но, потеряв равновесие, ударилась об стенку. Один из боевиков подошел к ней, поддержал и сказал по-осетински:

— Ма таерс, ма таерс («Не бойся»).

Это Абдулла, тот, кто вчера направил автомат на ее детей, назвав их ублюдками, и не пустил к воде! Но самое поразительное Зита узнала потом: оказывается, Абдулла — Владимир Ходов из соседнего села Эльхотово, несколько лет учился в 1-й Бесланской школе, в одном с ней классе!

— Дай моим детям воды, — попросила его Зита.

— Дам, дам...

И приказал одному из боевиков: «Отведи ее в столовую».

Боевик осторожно взял Зиту под руку и повел по коридору.

В столовую она вползла — помещение уже обстреливалось.

Прижавшись к одной из колонн, испуганно озираясь по сторонам, сидел ее старший сын, Георгий.

Ирины в столовой не было.

К одному из окон был придвинут стол, под которым прятались заложники. Среди них она увидела свою сестру с дочерью и впервые за эти дни ощутила радость: сестра жива!

Зита придвинула еще одну массивную столешницу и прислонила ее к ножкам стола. В это укрытие они спрятали детей.

Пришел Абдулла с бутылкой воды и протянул ее Зите.

— Я же обещал, — сказал он по-осетински.

Все, кто прятался под этим столом, остались живы.

В больнице Зита не стала задерживаться: «Надо искать Альберта». Она не знала, что террористы расстреляли ее мужа в первый же день.

После похорон она с детьми оставалась у родителей мужа. В один из дней ей нестерпимо захотелось домой.

В квартире все напоминало о недавнем счастье.

Она долго плакала. Потом стала ходить по комнатам. Села на диван. И вдруг ей показалось, что она не одна, что Альберт — где-то рядом.

— Альберт, если ты здесь, подай мне какой-нибудь знак, — сказала она

вслух.

В пластмассовой бельевой корзине, где хранились игрушки, громко запиликал заводной заяц.

Пять лет спустя Зите позвонил Карен Мдинарадзе.

— Мне было страшно звонить вам, — сказал он.

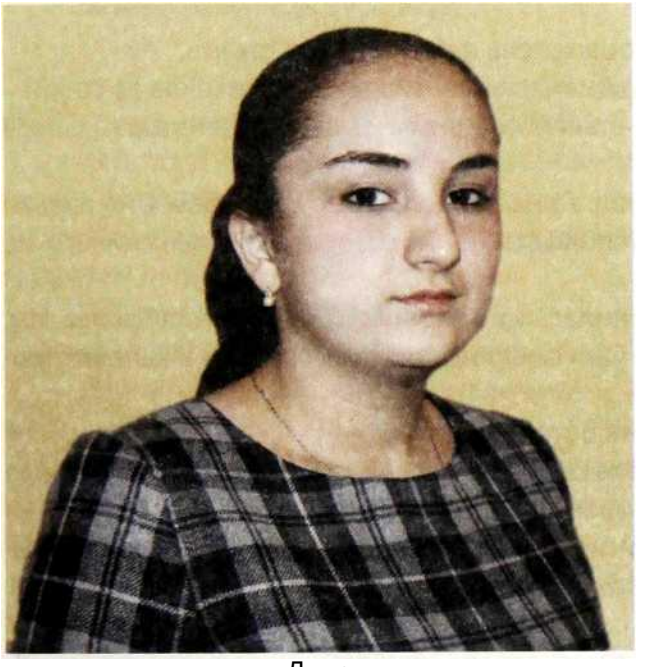
Она не удивилась. Потому что сама испытывает ужас от всего, что связано с теми событиями. И в спортзал войти она так и не смогла.

Зита продолжает жить в одном городе с той женщиной, которая не дала воды ее ребенку.

Она простила ее.

Люди несли в зал воду и цветы

Ляна БАРАЗГОВА



Ляна

В августе Ляна с мамой Верой и братом Сафа- ром отдыхала в Цее. Дни пролетели быстро, отдых закончился, но уезжать не хотелось.

— Может, побудем еще пару дней? — сказала она маме.

— Ну как ты можешь не пойти первого сентября в школу? — удивилась та. — Неужели тебе не хочется увидеть одноклассников?

Они вернулись в Беслан тридцать первого августа.

Вечером Ляна встретилась с подругой Ириной Каировой. Пошли в кино; во Дворце культуры шел фильм «Страсти Христовы».

Утром Ляна надела темно-синюю юбку из микровельвета, белую блузку-корсет, которую ей подарила Ира, и белые туфли на танкетке.

От их дома до школы — сотня метров. Обычно по утрам дети со всего пятиэтажного дома собирались во дворе, ожидая друг друга, потом небольшими группами уходили в школу.

Ляна, Алина и Инал Кануков решили подождать Дзеру Базрову. Дзера задерживалась. Ушли Сослан Губуров с бабушкой Верой, убежала Кристина Фарниева. Прошли Ашаник Урусов и его мама Земфира.

Наконец вышла Дзера.

Они прошли по короткой дороге — через «черный ход». У школьных ворот их встретила улыбающаяся Кристина Фарниева и обняла каждую. — Ты что, давно нас не видела? — удивилась Ляна.

— Чего не бывает! — сказала Кристина.

Ляна подошла к своим одноклассникам. Остановилась рядом с Алиной Галаевой, Фатимой Богазовой и Дианой Баскаевой. Музыка звучала, но мероприятие еще не начиналось.

Странное движение, словно порыв ветра, смешало ряды детей. Еще не

стреляли, не кричали и не бежали. И вдруг она увидела за своей спиной человека — молодого, с черными вьющимися волосами. В руках у него был автомат.

— Бегом к спортзалу! — крикнул он, и во рту его сверкнули золотые зубы.

Ляна не испугалась. Она оцепенела и продолжала стоять.

— Бежим! — крикнула ей Диана, и, схватив за руку, увлекла за собой.

Они бежали и хохотали —таким смешным и неестественным казалось все, что происходило вокруг.

В толпе, у входа в спортзал, Ляна увидела Дзеру Базрову. Она горько плакала. Ляна попыталась успокоить ее, но Дзера, казалось, ничего не слышала.

К Ляне и Диане присоединилась их одноклассница Анжела Кусова. Им, троим, все еще было весело. Они смеялись до тех пор, пока в зале не прогремел выстрел.

Террористы убили Руслана Бетрозова.

Притихшие Диана и Анжела сели у шведской стенки недалеко от входа в коридор, Ляна ушла в противоположный конец зала.

«Иди сюда», — сделала ей знак рукой соседка по дому Лариса Балико-ева. Лара была с сыном, первоклассником Робертом.

Ляна села рядом с ними.

Жизнь в зале словно шла в нескольких измерениях. Террористы минировали зал, родители искали потерявшихся детей, мужчины носили парты и шкафы, закладывая ими дверь, ведущую во двор.

Несколько старшеклассников принесли в ведрах воду и раздавали ее детям. Это были ведра, в которых технички мыли полы. На дне их виднелся осевший песок.

— Интересно, что думает мама? — сказала Ляна. — Ведь меня весь день нет дома.

— Все будет хорошо, — успокоила ее Лариса. — Вот выйдем отсюда, и жители нашего дома отметят это событие.

Ляна вдруг вспомнила свой сон: война, она с родителями лежит в школьном дворе, недалеко от водопроводного крана.

«Притворитесь, что вы умерли», — говорит она родителям.

Когда они встали, вокруг лежали мертвые.

— Представляете, сумки заставили выбросить, а у меня там — диплом, — сказала Эльвира Варзиева.

Эльвира впервые пришла на работу в эту школу после окончания университета. Теперь ее сумка со всеми документами валялась в куче сумок, пакетов, телефонов и фотоаппаратов.

Вокруг Ляны — знакомые лица: Хасан Рубаев, которому только недавно

прооперировали аппендицит, Залина Дзуцева — внучка директора школы, Аслан Айларов и его друг Артур Гутиев с сестрой Дианой.

На второй день, когда заложникам уже не разрешали пить воду, Ляна взяла рубашку и направилась в сторону тренажерного зала.

Высокий худой боевик стоял в дверях.

— Можно намочить рубашку?

— Входи.

Ляна вошла в небольшое помещение. Террорист дал ей стакан с теплым чаем, в котором плавал кусочек лимона.

— Пей, пока никто не видит, — сказал он и забрал у нее из рук рубашку и носовой платок.

Ляна выпила чай. Террорист вернулся с мокрой рубашкой, платочком и кружкой воды.

— Пей еще, — сказал он.

Ляна с мокрыми вещами вернулась в зал.

— Дай немного воды моему мальчику, — попросила ее Зарина Дзампаева.

Ляна выжала несколько капель воды из мокрой рубашки в рот ее сыну Зауру Бициеву. Остальную воду из рубашки распределили быстро: Хасану Рубаеву и всем остальным.

Врач отделения «Скорой помощи» Лариса Мамитова раздавала таблетки, которые нашла в брошенных сумках.

— Тебе какую? — спрашивала она.

— Любую! (Террористы пускали к воде только тех, кому надо было запить лекарство).

Зажав в руке драгоценные таблетки, Ляна и еще пятеро детей в сопровождении боевика шли через всю школу в сторону столовой.

...Она стояла у входа в туалет, расположенный напротив пищеблока. В ожидании своей очереди прислонилась к холодной стене. И потеряла сознание. Очнулась оттого, что террорист брызгал ей в лицо воды.

— Запей свое лекарство, — сказал он, заметив, что она открыла глаза.

Их повели обратно в зал.

Диана Баскаева и Анжела Кусова по-прежнему сидели у шведской стенки. Ляна подошла к подругам.

— Что с нами будет? — это был единственный вопрос, который они задавали друг другу.

— Если я умру, — сказала Диана, — скажи моей маме, что я ее очень люблю. — И, помолчав, добавила: — И всех вас — тоже.

Посидев с девочками минут двадцать, Ляна ушла на свое место.

— Воды! Хочу воды! — сказала Ляна.

— Когда мы выйдем отсюда, я куплю тебе «Колу», «Спрайт» и «Фанту»,

— пообещал ей Асик Айларов.

Месяц спустя после теракта в одном из санаториев Дагомыса она, выйдя из лифта, столкнулась с Асиком. Он шел к ней, держа в руках три запотевшие пластиковые бутылки. И она вспомнила все: и его обещание купить ей воды; и Хасана Рубаева, которого они так оберегали и которому не суждено было выйти из школы живым; и своих погибших подруг: Диану Баскаеву, Анжелу Кусову и Кристину Фарниеву; и погибших соседей — Сослана Губурова и его бабушку Веру, Дзеру Базрову и Ларису Баликоеву, и горько заплакала.

…В ночь на третье сентября Ляна заглянула в тренажерный зал, где сидели пожилые и женщины с детьми: может, тот боевик позволит ей еще раз выпить воду? Кто-то окликнул ее по имени. Это была мама ее подруги Риты Дзгоевой — Аня. Она была с детьми — Ольгой, Ритой и Асланом.

— Иди сюда, Ляна, — позвала она.

Обняла ее и посадила к себе на колени.

— Ты воды хотела? — спросил ее Аслан. — Посиди. Я сейчас принесу.

Он исчез в душевой и вернулся со стаканом воды.

Утром их выпускали из тренажерного по три человека.

— Постарайся выйти за нами, чтобы мы были вместе, — сказала ей Аня.

Ляна вышла позже и потеряла их. Она снова села рядом с Ларисой. И впервые за эти три дня горько заплакала.

— Не плачь, — успокаивала ее Эльвира Варзиева. — Все будет хорошо. Вот увидишь.

— Маму бы увидеть, хоть во сне, — сквозь слезы сказала Ляна.

В проходе выстроилась очередь из тех, кто хотел выйти в туалет. Туалет открывали минут на пятнадцать и снова закрывали.

Очередь почти не двигалась. Ляна сидела на корточках. Юбка на ней была с разрезами по бокам, и, когда она их не придерживала, открывались ноги. Боевик, проходивший мимо, стукнул ее прикладом по плечу: «Ноги прикрой!».

Учительница Зинаида Азаматовна Уруцкоева, видевшая это, заметила: «Ахаем митэе нае уарзынц» («Они не любят этого»).

Очередь снова замерла, потом немного продвинулась.

Ляна была уже недалеко от входа в коридор. Оглянулась — за ней в очереди стояла Дзера Базрова. Лицо у нее было красным от слез, глаза почти не моргали.

— Дзера, Дзера! — пыталась растормошить ее Ляна. — Что с тобой?

Но девочка словно спала и не могла проснуться.

Недалеко от входа в кабинет физруков Ляна увидела Кристину Фарниеву.

— Ляна, если тебе удастся, принеси мне, пожалуйста, воды вот в этом, — Кристина протянула Ляне крошечный пластмассовый колпачок от конфеты «Чупа-чупс».

Ляна взяла его и отошла.

— Подожди, — снова позвала Кристина, крепко обняла ее и заплакала.

— Не плачь. Все будет хорошо.

— Я уже так не думаю, — грустно сказала Кристина.

Ляна снова села в проходе. Мимо шла девочка лет четырех.

Это были последние секунды перед взрывом.

...Ляна лежала, вслушиваясь в непривычную тишину зала. Хотела поднять голову, но прозвучал второй взрыв, и что-то посыпалось сверху. Подняла голову и увидела на полу, прямо перед своим лицом, лужу крови. Кровь шла из ее носа и раны на лбу.

Рядом лежала маленькая девочка.

В ногах Ляны, на корточках, сидел террорист с автоматом.

Что делать? Лежать или вставать?

Ляна потянула за волосы женщину, которая лежала рядом. Та не двигалась. «Наверное, умерла», — решила Ляна, но женщина повернула к ней лицо:

— Что мне делать? — спросила ее Ляна. — Лежать или убегать?

— Лежи!

— Кто хочет жить — идите в столовую! — приказал террорист без маски.

Ляна встала, взяла за руку девочку и пошла к нему.

— Ты не видела моего Амирана? — спросила ее Земфира Урусова, соседка по дому (Амиран — ее старший сын).

У ног Земфиры лежал мертвый Ашаник, ее младший сын, маленький, неугомонный и озорной Ашаник. Он весь был почему-то синий.

— Зифа, идем в столовую, — сказала Ляна.

— Нет, я должна найти Амирана.

Недалеко от сейфа, у выхода в коридор, на полу сидел бывший директор школы Таркан Габулиевич.

— Девочка, помоги мне подняться, — попросил он.

Ляна направилась к нему, но ее оттолкнули: «Иди в столовую!».

В коридоре стоял боевик с забинтованной рукой. Ляна остановилась рядом с ним:

— Вы нас не убьете? — спросила она.

Боевик ответил ей по-осетински: «Ма тэерсут. Уый та уын уае Путин аемае уае Дзасохов» («Не бойтесь. Вот вам ваш Путин и ваш Дзасохов»). Стой рядом со мной и никуда не уходи.

— Там — мама и брат, — сказала маленькая девочка, показав в сторону спортзала. — Но мой брат умер.

Вскоре из зала вышла мама девочки. Она действительно была одна.

Когда они шли по главному коридору школы, послышался грохот — это падали парты и столы, которыми была заложена входная дверь. Заложники

вбежали в столовую и сели на пол.

Террорист с забинтованной рукой поставил перед ними ведро воды:

— Много не пейте, — сказал он. — Вам станет плохо.

Маленькая девочка продолжала сидеть с Ляной, обхватив ее руками, к маме она почему-то не уходила.

Один из боевиков увел группу детей из столовой в туалет. Вместе с ними были и Ляна с маленькой девочкой. В небольшом коридоре, у окна, которое выходило во двор, размахивая куском шторы, стояла Алета Саба- нова.

— Не стреляйте! — кричала она. — Здесь дети!

Время от времени в туалет входил безрукий террорист Ханпаши Кула- ев и, зажав автомат между ног, дулом вниз, менял рожок.

— Я сейчас принесу телефон, и вы будете звонить своим родителям, — сказал он. — Пусть они скажут, чтобы сюда не стреляли.

— Да, да, — обрадовалась Ляна. — У меня папа работает в милиции!

К счастью, он не расслышал ее последних слов.

Мурат Калманов был ранен в руку. Борис Эльтаров пытался остановить кровотечение, перетянув ему руку ремнем.

Парень с окровавленной головой сел рядом с Ляной. Маленькая девочка на ее руках при виде крови испуганно закричала.

В водопроводную трубу попала пуля, и из нее ударила струя. Теперь заложники сидели в ледяной воде.

После одного из взрывов по зданию распространился черный дым. Испугавшись, что это отравляющий газ, Борис Эльтаров и Алета рвали шторы и раздавали окружающим мокрые куски ткани.

Снаряд попал в унитаз, разбив его на части. Один из осколков ранил Ляну в ногу. Рана оказалась глубокой.

Наступило затишье.

Ляна выглянула из туалета — возле столовой, на ступеньках, лежали трое мертвых террористов.

Пуля, влетевшая в окно, задела Ляне плечо.

По коридору уже бежали спецназовцы...

В машине, по пути в больницу, Ляна стала плакать. Ей казалось, что маленький Ашаник, который лежал на полу спортзала — ее брат.

— Успокойся, — сказал ей мужчина. — Все уже позади.

«Жители нашего двора отметят наше возвращение», — говорила Ляне там, в спортзале, Лариса Баликоева.

Ларисе не суждено было вернуться домой.

Диана Баскаева, подруга Ляны, очень любила стихи. И, придя к ней на могилу, Ляна шепотом читает ей:

Оттого, что я жить без тебя не могу,
Я пишу твое имя лучом но снегу,
На граните скалы, на холсте высоты.
В каждом проблеске света Мне
видишься ты.
Я цветами пишу — ты любила цветы...
Это все для тебя, это ты, это ты...

Зара ДУДАРОВА

Зара

Ребенок плакал не умолкая.

— Дай ему грудь, — кричали Заре женщины.

— Не могу, это племянник.

Зара пришла с маленьким Умаром на праздник, потому что жила рядом со школой.

...Ее брат Казбек женился поздно, почти в сорок лет. Когда родился Умар, соседи украсили их ворота плакатами: «Ура!»,«Наконец-то!», «Свершилось!».

Умару в августе исполнился год.

Что теперь будет с единственным сыном ее брата? Что чувствуют его родители? Зачем она понесла его в школу?

Девушка, сидевшая рядом, показала плачущему ребенку свои наручные часики. Мальчик заинтересованно умолк. Девушка сняла часы и отдала их Заре.

То, что с ней должно случиться нечто такое, что поставит ее на грань жизни и смерти, Зара предчувствовала давно. Эти предвестия будущей трагедии она получала в своих снах.

— Навести меня, — сказала ей покойная тетя. — Придешь через школу.

Потом она мчалась по жуткому серпантину горной дороги, повиснув на борту грузовика. Рядом был ее покойный однокурсник.

А вот она идет по длинному коридору, в конце которого ее ждет покойная сестра. Вдоль коридора, возле каждой из дверей, сидит огромный черный ворон.

Умар Дударов

А за неделю до первого сентября у Зары гостила племянница. Как-то утром она проснулась в страхе: «Над школой кружил смерч, который уносил детей!».

...Сидеть с ребенком на руках уже не было сил. Зара встала и, укачивая Умарика, вышла в проход. Прошлась в одну сторону, потом в другую.

— Ты что гуляешь, как по проспекту? — прикрикнул на нее боевик. — Не слышала, что в проход выходить нельзя?

Она села.

В конце коридора, который ведет в школу, взорвалась шахидка. Здание содрогнулось, и Зара, еще не зная, что произошло, решила, что начался штурм.

— Боевика со шрамом на шее я видела несколько дней назад в поликлинике, — сказала Заре ее знакомая Марина Козырева.

Зара вспомнила, какую тревогу испытывали жители их небольшой улочки весь август. В их коротеньком переулке Батагова, который с одной стороны плавно переходит в школьный двор, с другой соединяется узким ходом с центральной улицей города, все лето происходили странные события. Жители, которые по вечерам засиживались в общей беседке, видели подозрительные белые «Жигули» с тонированными стеклами. Машина допоздна стояла у мусорного контейнера. Все решили, что это парочка влюбленных, но зачем они стоят у мусорных баков?

Стали вырубать молодые здоровые деревья вокруг школы. Потом на ограде и на стене начальной школы кто-то белой краской вывел слово «Хаттаб».

Летом у соседей поселилась квартирантка, которую хозяйка никак не могла выселить. К ней приходили странные люди. Подозрительная женщина исчезла сразу после теракта. (Потом, когда хозяйка взяла на почте

распечатку телефонных переговоров за август, выяснилось, что квартирантка звонила в Чечню и Ингушетию).

В ночь на первое сентября все собаки в переулке лаяли и рвались в сторону детского сада «Ручеек». В три часа ночи Зара проснулась от топота ног. Собака во дворе неистово лаяла.

Теперь, слушая Марину Козыреву, она словно мозаику складывала все эти разрозненные детали.

Зара отчетливо вспомнила, как начинался первый день сентября.

Утром она, как обычно, вышла на улицу подмести участок перед домом. С этого начинает день каждая хозяйка. И Зара, и соседи подметали в этот день с особым старанием — прохожих будет много, и улица должна быть чистой и красивой. Дети и взрослые из центра города будут идти в школу через так называемый «черный ход», мимо их домов.

— Доброе утро! — перед Зарой остановился бывший директор школы, ее сосед Таркан Габулиевич Сабанов. У старика побаливали ноги, но он был бодр и энергичен.

— На днях был на августовской учительской конференции, — сказал Таркан Габулиевич. — Выдержал три часа.

Прошла в сторону школы Филиса Батагова с внуками, потом побежала обратно.

Зара собрала листья, высыпала их в мусорный контейнер и вернулась в дом.

— Я сварила для Умара кашку, — сказала мама. — Но он пока не хочет.

— Ладно, поест, когда вернемся, — сказала Зара.

Она умылась, переоделась, взяла на руки племянника и пошла в школьный двор.

Малыш обрадовался воздушным шарам в руках у женщины. Неожиданно они полетели вверх, и Умар, показывая на них пальцем, залепетал: «Сасик, сасик!».

Послышались выстрелы.

«Милиция ловит бандита, который спрятался в толпе, — решила Зара. — Как бы не попали в детей...».

Она побежала в сторону своего дома, но там тоже стреляли. Зара повернула обратно.

— Бежим в котельную! — крикнула ей преподаватель истории Надежда Ильинична Гуриева.

Они спрятались. В котельную вошли боевик с автоматом и шахидка с закрытым лицом. Только увидев эту женщину, Зара поняла: перед ними — террористы.

Их вывели на спортплощадку. К ней подошла Алета Сабанова:

— Ты не видела моих детей?

— Лезь в окно, а то тебя пристрелят! — кричали Заре.

Но она не могла с ребенком на руках подняться на подоконник. Помогла женщина, которая стояла наверху, — Зара протянула ей Умара, потом взобралась сама.

Люди бежали по школьному коридору в сторону спортзала. По полу тянулся кровавый след. Террористы стреляли поверх бегущей толпы.

В узком проходе, который вел из школьного здания в спортзал, возникла давка. С Залиной Левиной, у которой на руках была двухлетняя внучка, они, повернувшись лицом к стене и упираясь в нее рукой, стали медленно продвигаться, ограждая детей.

В спортзале Зара оказалась рядом с Салимат Сулеймановой, которая привела в школу сына — первоклассника Шамиля. И она, и ее пятимесячная дочь Амина были в крови. Салимат рассказала Заре, что Вадим Боллоев был рядом с ней, когда его ранили, и что кровавый след в коридоре тоже его.

У Салимы был вырван кусок мышцы из руки выше локтя — она порезалась оконным стеклом.

Боевик бросил ей бинт.

Салимат вышла из школы на второй день вместе с Аушевым. Ее сын, первоклассник Шамиль, остался в зале и погиб.

...Ребенок на руках Зары плакал. Его пытались покормить Анета Гадиева, Зифа Агаева и Марина Батагова, у которых были грудные дети, но он не взял чужую грудь. Марина собрала молоко в пластиковый стаканчик, но пока стаканчик дошел до Зары, он опустел, только на донышке осталось несколько капель.

Марина Батагова сидела в зале с детьми Юлией и Аланкой. Девятимесячного Сослана она оставила дома со свекровью.

Зара смотрела на свою соседку Алету Сабанову и не узнавала ее: всегда веселая и энергичная, Алета была словно в трансе — она сидела, уставившись в одну точку. Несколько раз к ней, опираясь на палку, приближался по проходу свекор Таркан Габулиевич:

— Не бойся, мины не взорвутся, — показывал он ей знаками.

...Кто-то из детей передал Заре конфету «Коровка». Умар съел ее и на время успокоился. Потом опять стал плакать. Зара решительно встала и направилась в сторону коридора. Ее никто не остановил.

— Можно, я постою здесь? — спросила она боевика, сидевшего в коридоре. Тот кивнул.

Вход в раздевалку, где сидели женщины с детьми, преграждало спортивное бревно. Зара пролезла под ним и оказалась в тесном помещении.

Фатима Цкаева, тоже с грудным ребенком на руках, рассказала ей, что в туалет заходили шахидки. Они были чем-то недовольны и очень расстроены. Потом она слышала, как с одной из них разговаривал Полковник, и даже разобрала слова: «Скоро ты будешь с Аллахом на небесах».

— Он сделал ей какой-то укол, — сказала Фатима.

Кто-то из боевиков тайком передал женщинам пакетик сухого молока.

Они стали кормить детей. Мимо двери прошел Абдулла. Он остановился и с подозрением посмотрел на них: «Чем вы там занимаетесь?»

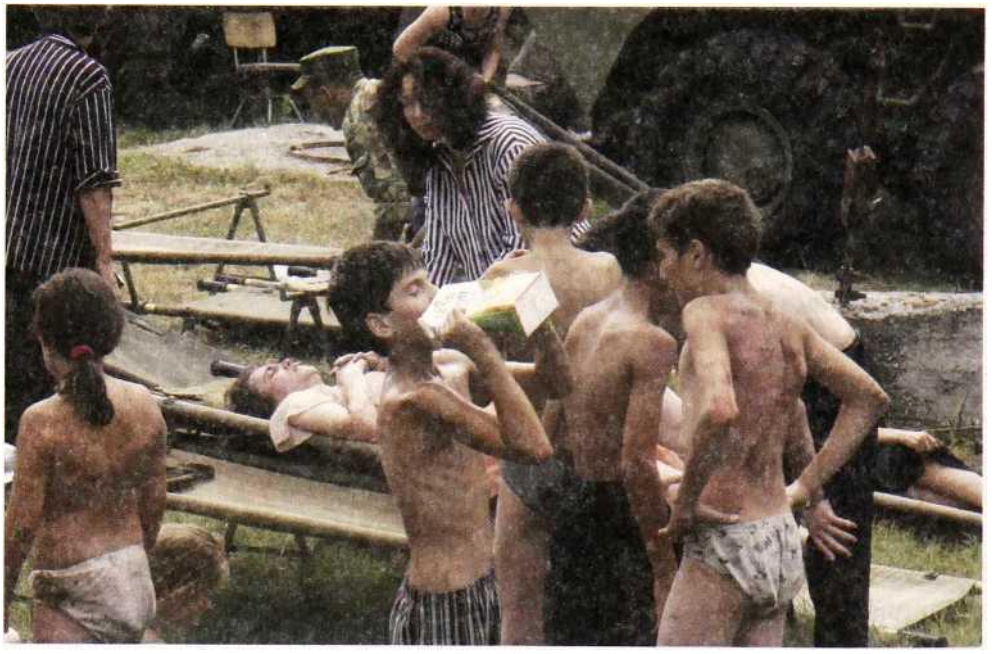
— Даем детям молоко.

— Дайте его сюда!

Абдулла забрал пакетик и положил его на бревно, которое перегораживало вход в раздевалку.

Через некоторое время, когда он ушел в зал, Зара взяла пакетик и высыпала его содержимое на стол, которым было заложено окно. Сверху прикрыла молоко носовым платком. Из конфетного фантика женщины свернули ложечку и стали кормить детей. Сухое молоко комочками прилипало к языкам и нёбу, но малыши на время успокаивались.

Вернулся Абдулла. Про молоко он, похоже, забыл. Теперь его волновало другое:



Зара в полевом госпитале

— Если ваши что-нибудь затеют, я успею закинуть к вам гранату, — предупредил он женщин. И добавил: — Придет большой человек. Если всё будет хорошо, вас, возможно, отпустят.

Пришел Руслан Аушев. Он задержался в спортзале на несколько минут, потом остановился у входа в душевую: «Собирайтесь, вы уйдете со мной».

Аушев ушел, а Абдулла стал по одной выпускать женщин. Зара убеждена: если бы на его месте был другой боевик, число женщин с детьми, которых вывел Руслан Аушев, было бы значительно больше.

Зара шла по длинному коридору, где возле каждого класса стоял вооруженный террорист, и вспомнила свой сон: коридор, вдоль которого у каждой двери — огромный черный ворон.

Школьный коридор

Женщины с детьми вышли во двор. Анета Гадиева и Салимат Сулейманова, у которых в школе оставались дети-первоклассники, остановились под окнами библиотеки.

— Не могу. Я вернусь. Возьми моего ребенка ты, — сказала Анета Заре.

Но входная дверь была уже заперта изнутри.

...В ту осень, после теракта, Зара часто приходила с Умариком во двор школы. И ребенок, который еще не разговаривал, каждый раз произносил, показывая пальцем на окна спортзала: «Там бах, бах!».

Как-то, через год после тех событий, в школу приехала группа актеров. Один из них вышел из спортзала во двор и нервно курил, держа одну руку за спиной.

У мужчины была черная борода.

Зара с племянником шли мимо. Неожиданно Умар остановился перед ним и, пристально посмотрев ему в глаза, сказал:

— Я знаю, у тебя в руке автомат.

Потрясенный мужчина долго оправдывался, показывая малышу руки.

Ольга ЩЕРБИНИНА

Ольга Викторовна

На второй день террористы потребовали классные журналы.

Директор школы Лидия Александровна Цалиева попросила выйти к ней завуча Ольгу Викторовну Щербинину. Рядом с директором стоял террорист и жестко ей выговаривал: «Никто не хочет идти на переговоры. Вы никому не нужны. Позвоните своему президенту».

— Я не знаю, как звонить президенту, — сказала Лидия Александровна. — Я никогда ему не звонила.

— Здесь дети Мамсурова, — послышались голоса из зала.

Таймураз Мамсуров возглавлял парламент Северной Осетии. Он сам был выпускником этой школы, ее окончили две его старшие дочери, а теперь учились младшая дочь Замира и сын Зелим.

Каждый год, первого сентября, в школу с детьми приходила их мама Лариса.

— Лариса, ты здесь? — обратилась в зал Лидия Александровна.

Встала восьмиклассница Замира. «Мамы нет», — сказала она и вышла вперед.

Женщины и дети в сопровождении «пресс-атташе Полковника» Али направились на второй этаж, в учительскую. Впереди — Ольга Викторовна. В коридоре путь им преградила шахидка и угрожающе подняла пистолет дулом вверх. Но, увидев Али, отступила в сторону. Проходя мимо библиотеки, завуч увидела еще одну женщину в вуали, которая лежала на спальном мешке.

В учительской на диване расположились Полковник и трое террористов. Еще один сидел в любимом кресле Ольги Викторовны у входа в ее кабинет: фуражка, как у Фиделя Кастро, низко надвинута на лоб, дуло автомата

направлено прямо на нее.

— Вот, послушайте, что говорят, — раздраженный Али включил телевизор.

Диктор сообщал о том, что в Беслане захвачена школа, в которой 354 заложника.

— Как 354?! — встрепенулась Лидия Александровна. — Да нас больше полутора тысяч!

Али подбежал к ней:

— Вот мы и оставим 354, а остальных — нет!

— Как нет?

— Нет, и все! — вмешался в разговор Полковник.

— Ну что вы, у нас такие хорошие дети, — сказала Лидия Александровна.

— А у нас — нехорошие? — взорвался Али. — Моих четверых детей и жену убили прямо в огороде!

Наступила гнетущая тишина. Ольга Викторовна подняла руку, как школьница, и, обращаясь к террористу, сидевшему в ее кресле, сказала:

— У нас в мае проходил конкурс «Мир Чечне». Наша школа заняла первое место в районе.

— А почему вы не вышли на площадь с плакатами: «Свободу Чечне!».

— Мы не занимаемся политикой.

— Ну и напрасно, — жестко произнес Полковник.

Ольга Викторовна снова подняла руку:

— Можно я в кабинете возьму таблетки?

— Можно.

Ольга Викторовна сложила все свои лекарства в косметичку, вышла в учительскую и опять остановилась у входной двери.

Лидия Александровна тем временем дозвонилась матери Мамсурова, которая дала номер телефона сына. Али, отойдя в сторону, поговорил с кем-то по телефону и резко замолчал.

Наступила тревожная пауза.

Замиру била дрожь. Ольга Викторовна, попросив разрешения, взяла чашку и принесла ей воды. Террористы позволили выпить и всем остальным.

К Замире подошел Али.

— Как тебя зовут, девочка? — спросил он, положив ей руку на плечо.

— Замира.

— Такты — за мир?

-Да.

У Али зазвонил телефон. Он отошел, сказал несколько фраз, потом резко скомандовал: «Быстро выходим!».

Заложники торопливо спустились в зал и сели на свои места.

Ольга Викторовна раздала окружающим — Наташе Руденок, Ларисе

Тедеевой-Азиевой, Светлане Бигаевой и Фатиме Болотаевой таблетки, которые принесла из учительской.

...Ближе к вечеру она перебралась туда, где сидел боевик «на педали». Там, под самым кольцом с огромным взрывным устройством, было страшно, поэтому людей было меньше и можно было прилечь. Она устроилась рядом со стулом, на котором была большая, похожая на чемодан, коробка.

— Что это? — спросила она старшеклассников.

— «Лягушка», — ответили ей. — Это такая мина. В ней несколько запалов, она прыгает, и запалы взрываются.

Ольга Викторовна легла на пол и укрылась тряпочкой — «от осколков». В бок уперлось что-то твердое — это боевик расталкивал ее автоматным дулом. «Вставай, — сказал он. — Иди в тренажерный зал».

В тренажерном Анжела Сидакова тайком принесла ей стакан воды.

У преподавателя физкультуры Ивана Каниди был сердечный приступ, он громко стонал. Ольга Викторовна передала ему таблетку валидола. Ирина Захаровна, учительница начальных классов, успокаивала Ивана Константиновича.

Учитель уснул.

Снаружи кто-то дважды дернул решетку. Или Ольге показалось? Она подняла руку и показала два пальца: «Боевиков двое».

Под утро все они проснулись от крика: «Вставайте, твари!».

Кричал Абдулла.

Их вывели в зал.

Ольга опять села под баскетбольное кольцо. Медленно потянулось время.

Три дня как вечность.

Первое сентября. Как давно это было!

Праздничное мероприятие начиналось как обычно: музыка, цветы, взволнованные родители и ученики. Ольга Викторовна стояла рядом с директором. Напротив них, на фоне домика сторожа, появилось лицо с черной окладистой бородой. Это был араб по имени Фарух, как узнала она потом. Но тогда возмутилась: «Как некстати затеяли свои учения эти пожарные!».

Вот она лежит на спортивной площадке, куда их всех загнали, лицом в землю, и слышит, как бьются стекла. Только тогда до нее начинает доходить, что эти люди — не пожарные, а происходящее — не учения.

Рядом с ней в своем нарядном платье — Эмма Хасанбековна Каряева. Зачем их заставили лечь на землю?

— Может, ты позвонишь своему Маирбеку? — тихо говорит Ольга.

— Я звоню, но связь уже заблокирована, — отвечает Эмма.

В зале в первые часы люди искали и не находили друг друга. За Ольгу держалась маленькая Жаклин Фардзинова — она пришла в школу с

бабушкой Риммой Цомартовой и потеряла ее во время захвата.Вскоре Римма забрала внучку к себе.

Недалеко от Ольги Викторовны со своими двумя детьми, первоклассником Георгием и четырехлетним Давидом, сидели Альберт и Зита Сида- ковы. Когда террористы вызывали мужчин, Абдулла поднял и Альберта. «Я же говорила тебе, не смотри на них», — плакала Зита.

Альберт встал и вышел в проход.

Подняли и Артура Дзампаева.

Артур отдал свою рубашку Вадиму Боллоеву, который был ранен в руку. Он очень стеснялся своего обнаженного торса и прикрывался детским пиджаком.

Вернулись Казбек Мисиков, Владимир Мокров, мужчина по фамилии Плиев, а также учителя Алик Цаголов и Александр Михайлов.

Мокрова убили на третий день, когда он бежал через двор с сыном Владом.

Погиб и Александр Михайлов.

А Плиев, который три дня провел в зале, рассказал потом Ольге Викторовне, что его не признавали заложником.

...Днем первого сентября террористы заставили учителей составить список детей до шести лет. Ольга Викторовна, преподаватель осетинского языка Зара Гозюмова и Ирма Дзагоева записали всех детей дошкольного возраста. Их было около шестидесяти.

Десятиклассник Сослан Бигаев носил в ведре воду и раздавал ее детям. Выпить смогли только те, кто сидел близко к проходу. Рядом с Ольгой Викторовной были Зита Сидакова и Ирина Адырхаева, Света Маргиева, Ирина Гудиева — все с детьми.

Вода до них не дошла.

«Сослан, дай и нам хоть кружечку», — попросила Ольга Викторовна. Но ведро опустело, воду больше не приносили.

Вечером в проходе появился Сослан. Подойдя поближе к Ольге Викторовне, сделал ей знак рукой и незаметно передал пластиковую бутылку с водой.

...Поздно вечером вернулись еще трое мужчин. Ольга узнала среди них телеоператора Карена Мдинарадзе. От него почему-то пахло свежей краской.

Что они могли красить?

Ее бывшая ученица Мадина Хузмиева громко возмущалась: «Где наши мужчины? Куда вы их дели? Сами «упаковались» и воюют с безоружными!».

К Мадине подбежал боевик с огромным шрамом на шее и направил на нее автомат...

На третий день Ольга Викторовна уже теряла сознание, в глазах темнело. Дважды врач Лариса Мамитова передавала ей ватки с нашатырным спиртом.

Ольга возвращалась из небытия, потом снова погружалась во мрак.

Очнулась она от грохота. Упали парты и шкафы, которыми была заложена входная дверь.

Маленький мальчик на цыпочках пошел в сторону двери. Кто-то свистнул, мальчик оглянулся, террорист, сидевший на корточках у входа в тренажерный зал, махнул ему автоматом: «Вернись!».

Мальчик послушно вернулся. Ольга видела потом, как его вместе с другими заложниками уводили в столовую.

Еще один взрыв прокатился по залу. Она услышала начало его, а в конце словно уснула. Когда опять открыла глаза, увидела: учитель труда Александр Михайлов передвигал по полу в сторону тренажерного зала директора Лидию Александровну. Террорист что-то сказал ему и резко толкнул. Учитель упал.

Снова провал в памяти. Когда пришла в себя, увидела боевика, который ходил по залу. Слышала одиночные выстрелы и была уверена: он добивал раненых.

Она замерла в страхе.

Когда боевики ушли из зала, Ольга Викторовна поползла. Наткнулась на мертвого мальчика, который лежал с открытыми глазами. Кто он и из какого класса?

Не узнала.

Через тренажерный зал прорвались спецназовцы, сотрудники милиции и ополченцы. Завязался бой, который длился минут сорок. Потом прогремел еще один взрыв — под баскетбольным кольцом.

Она потеряла сознание.

Когда очнулась, спортзал уже горел, крыши над ним не было.

У входной двери, за шкафами и партами, кто-то разговаривал по-осетински. Ольга села, обхватив голову руками. Ног она не чувствовала.

...Ее вынесли в тренажерный зал и облили водой из шланга. Она хватала ртом струю и не могла напиться. Потом упала на деревянные доски пола и заплакала.

— Не плачьте, — сказал ей бывший ученик Тимур Дзусов. — Все самое страшное уже позади.

Ее подняли и передали тем, кто был за окном.

Теперь она сидела на земле у гаражей. Семиклассник Влад Сикоев обнял ее и заплакал: «Ольга Викторовна, маму убили...».

— Не плачь, Владик, — сказала она. — Может, она просто ранена.

— Нет, она умерла, я сам это видел.

Влад еще не знал, что его отец Анатолий, который первого сентября, услышав выстрелы, побежал в школу, был тяжело ранен.

Бог уберег его, чтобы его дети Влад и Анжела не остались круглыми сиротами.

Фатима АЛИКОВА

— Мама, послушай, что писал Сенека: «Неизвестно, где тебя ожидает смерть, так что лучше сам ожидай ее везде». Нравится тебе?

— Нет.

— А вот еще: «Чтобы никогда не бояться смерти, всегда думай о ней». Нравится?

— Нет. Мне много лет. В моем возрасте эта тема неприятна.

Почему Фатиму так интересовала тема смерти? Она перечитывала Коран и Библию, «Нравственные письма к Яуцилию» Сенеки. Книга вся в ее пометках — она любит отмечать главное.

В чем смысл жизни и что это за истина, которая открывается человеку перед смертью?

Она искала и не находила ответ. Месяц постилась на хлебе и воде, очищала душу. Зачем?

Теперь, в спортзале, Фатима поняла: она подсознательно готовилась к смерти.

Светлана Цой

— Отсюда никто не выйдет живым, — сказали террористы. — Уйдем все вместе кто к Богу, кто к Аллаху.

И ей открылась истина: вся жизнь человека — суета. Главное не то, что ты приобрел, а то, что отдал. Ей вспомнился калека в коляске, которого она часто встречала на пути из университета. Всегда собиралась дать ему денег, но откладывала на «потом».

Не успела...

Не успела поехать в Тамиск, где строится Аланский женский монастырь. Отложила для пожертвования тысячную купюру, которая осталась лежать под клеенкой на кухонном столе. Не отдала долг в магазине.

...Фатима не любила первую школу. «Она же такая уютная», — говорили ей. Но она упорно настаивала на своем: «Здание мрачное». Может, потому, что вход в него был расположен с северной стороны и никогда не освещался солнцем? Для нее, фотокорреспондента районной газеты, это при съемке создавало проблемы с освещением. А может, в ней жило предчувствие будущего страдания, связанного с этой школой?

Фотографировать в первой приходилось часто — ив Дни знаний, и на «последних звонках».

Пять лет назад школа отмечала 100-летний юбилей. В ней много лет назад впервые встретились бабушка Фатимы, учительница начальных классов, кубанская казачка Прасковья Ипполитова и дед, осетин Даццо Аликов, который преподавал в первой школе математику.

Говорили, что до революции на этом месте были православный храм с погостом и церковно-приходская школа.

Два дня назад она приходила сюда фотографировать тех, кто ремонтировал школу. Ей сказали, что они уже ушли...

Здание школы было мрачным. Но в ней учились самые красивые и одаренные дети!

Фатима любила свою работу. Она казалась ей очень важной и нужной.

Каким смешным, мелочным и незначительным кажется все, что она делала, сейчас! «Суета сует, — сказал Екклесиаст, — всё — суета и томление духа». Теперь на всем земном шаре существовал только этот спортзал с заложниками и террористами. И никого, кроме них. Так ей казалось.

За окном виднелись кусочек неба, птичка, сидевшая на проводе. Как бы ей хотелось быть на месте этой птички!

Ночью шел дождь. Она смотрела через выбитый верхний фрагмент окна на фонарь во дворе, на сверкавшие в его свете капли дождя, и все, что было там, за окном, казалось уже далеким и недосягаемым. Никогда ей больше не потрогать траву и листья, не окунуться в обжигающе-холодные воды реки Ардон, в которой она купалась еще два дня назад.

Все это осталось в другом мире.

Месяц назад Фатима получила диплом об окончании филологического факультета университета. Училась заочно. «Зачем тебе пятерки и четверки? — говорили ей. — Главное — сдать». Но она старательно готовилась к каждому экзамену.

Сколько усилий потрачено напрасно!

А еще после девяти лет жизни в общежитии они с мамой въехали в новую квартиру. В ней не было ни полов, ни дверей, мастер только устанавливал окна, но она была так счастлива!

Жаль, что не успела пожить в новом доме.

Она умрет, и мама останется одна.

Ей стало жаль то ли маму, то ли себя, и она горько заплакала. Маленький мальчик с удивлением уставился на нее. Фатиме стало стыдно. Она вытерла слезы.

Зарина и Луиза Урусовы

Эмма Хаева

Вначале ей казалось, что в этом зале она одинока, как в лесу. Но, осмотревшись, стала находить знакомые лица. Вот напротив нее, через проход, — шестиклассница Светлана Цой. Девочка была активисткой Дома детского творчества, участвовала в работе театра моды «Кокетка», которым руководила ее мама Марина Пак. Фатима часто фотографировала юных моделей, младшей из которых, самой забавной, было всего два года.

« Ты одна?» — знаками спросила Фатима Свету.

Девочка утвердительно кивнула головой.

Рядом с боевиком «на педали», вытянув ноги, сидела Сима Аликова. В Осетии однофамильцы считаются родственниками. Сима, встретившись с Фатимой взглядом, горько качает головой. «И ты здесь? — читает Фатима в ее глазах. — Что же с нами будет?»

Многое сказал ей взглядом и Эльбрус Худалов, руководитель вокального ансамбля «Зилахар». Ни один праздник в районе не обходился без участия Эльбруса и его коллектива. Его любили за мягкий юмор, доброжелательность и широту души, но главное — за любовь к осетинской песне. Он был бессребреником — в свои пятьдесят лет жил с женой и тремя маленькими детьми на съемной квартире, но никто не слышал от него слова жалобы.

Фатима вспомнила, как он с друзьями отмечал рождение второго сына в кафе «У фонтана». Спиртное здесь не подавали, на столиках были только пиво и легкие закуски. Было очень жарко, в чаше фонтана плескались дети.

— А слабо тебе нырнуть в фонтан? — сказал кто-то из друзей Эльбруса.

— Да запросто, — спокойно ответил он.

Людей на площадке было много, и решиться на такое в центре города, где тебя знает каждый, было непросто. Эльбрус встал. К нему присоединился его друг, руководитель танцевального ансамбля «Шаби» Тамерлан Кануков. Сняв только обувь и кожаные ремни, друзья под восторженные аплодисменты присутствовавших нырнули в чашу фонтана.

Теперь Эльбрус полулежал на полу, и пот струился по его багровому лицу. Фатима вспомнила: у Эльбруса были проблемы с легкими. Как он выдержит эту духоту?

...В то утро Фатима должна была успеть в две школы — в селении Брут, где праздник начинался в десять, как и во всех других школах района, и в первую, где начало мероприятия перенесли на девять.

В первую ей не хотелось.

Она долго думала: что надеть? Рука потянулась к черному платью с серой полосой по диагонали. Оно приносило удачу, в нем она сдавала все экзамены в университете.

Перед выходом из дома Фатима еще раз полюбовалась мобильным телефоном, который ей подарили накануне, за две недели до дня рождения. В телефоне жил щенок, которого надо было кормить.

Сытый песик на дисплее подпрыгнул, тявкнул и улегся спать.

Она вышла из подъезда.

День в редакции начинался как обычно. Внештатный корреспондент Касполат Кудаков из села Заманкул привез статью о том, как его земляки переселялись с гор на равнину, в компьютерном цехе верстался очередной номер газеты, за окном продавец зелени из Кабарды расхваливал свой товар.

Фатима взяла из сейфа фотоаппарат (японская «Яшика» была предметом ее гордости) вынула его из кофра и уложила в пакет.

Дочь редакционного бухгалтера Залина показывала всем новую школьную форму и огромные банты на макушке.

Из редакции вышли втроем: Залина, ее мать Бэла Дзестелова и Фатима.

Она помнит каждый свой шаг на этом коротком пути.

В школьном дворе Фатима увидела Аслана Бероева, сотрудника пожарной части. Аслан часто заходил в редакцию, приносил материалы, пил вместе с девочками чай.

— Ты что здесь делаешь? — удивилась Фатима.

— Зашел по делу.

Каким тоскливым был взгляд Аслана, когда его вместе с другими мужчинами уводили из зала!

Еще одного друга редакции — главного эколога района Эльбруса Еси-ева — встретила Фатима на школьном дворе. Каждое спиленное дерево Эльбрус воспринимал как смерть близкого человека. Он вел борьбу с теми, кто слизал барду в реки и водоемы, переживал, что в загрязненном Тереке не водится уже форель.

Эльбрус очень любил двух своих девочек, одна из которых в этом году шла в первый класс.

— Привет, Фатя, — сказал Эльбрус. — Если бы я знал, что ты здесь, не стал бы брать свой фотоаппарат.

Фатима не успела сделать ни одного снимка. Она уже навела объектив на Заура Абоева, который держал на руках первоклассницу, когда в кадре появилось лицо, которого в нем не должно было быть.

Лицо было в маске.

Она опустила фотоаппарат.

В следующее мгновение толпа внесла ее в школьный коридор.

Она оказалась на втором этаже, в маленькой каморке рядом с учительской, в которой не было окон. Ожил ее мобильник, и в тесной темной комнате, наполненной страхом, послышалась нежная и страстная мелодия «Бесаме мучо».

Звонила мама:

— Что там происходит?

— Во дворе стреляют.

— Спрячься.

— Я уже спряталась.

Когда внезапно распахнулась дверь и в проеме возник человек в маске с автоматом, направленным на них, она забыла обо всем: и о своем фотоаппарате, и о новеньком телефоне, обо всех своих документах, которые в тот день почему-то взяла с собой.

Потом она еще раз увидела свой телефон, который бы не спутала ни с одним другим — маленький, темно-вишневого цвета и очень дорогой, такого не было ни у кого! Она услышала знакомую мелодию «Бесаме...» — террорист с перевязанной рукой вынул его из кармана, открыл, посмотрел, закрыл и спрятал.

«Это мне звонит мама», — с тоской подумала Фатима.

Рядом с ней сидела очень красивая девушка в белом брючном костюме.

Черные волосы ее были собраны в «конский хвост».

— Иди сюда, — сказал террорист, глядя, как ей показалось, на Фатиму.

Ее охватил леденящий ужас.

— Я?

— Нет!

Террорист звал девушку в белом. Фатима видела, как ее заставили вытирать с пола кровавый след. Потом девушка в белом выводила из зала детей, и Фатима удивлялась ее бесстрашию.

Только через пять лет Фатима узнала, что это была Ирма Дзагоева.

Пожилая, энергичная женщина хлопотала над двумя внучками — Зариной и Луизой Урусовыми. Она не выбросила свою сумочку, и у нее были кое-какие лекарства. Несколько раз она приносила девочкам воду. Зарина и Луиза были похожи на Фатиму в детстве — такие же послушные, с аккуратно заплетенными косичками.

Фатима разрешила им полежать на себе.

Под одним из окон сидела красивая темноволосая молодая женщина с грудным ребенком на руках. Ребенок плакал. К женщине подошел террорист и, наклонившись к ней, что-то сказал. Та протянула ему бутылочку с соской.

Боевик взял ее, ушел и через некоторое время принес ее с водой.

Сцена эта поразила Фатиму, и она впервые пожалела о том, что у нее нет фотоаппарата.

Ночью она сидела рядом с преподавателем физкультуры Аликом Додтаевичем Цаголовым. На нее облокотилась полная пожилая женщина, и Фатима сидела согнувшись. Алик подставил той женщине свою спину.

Они разговаривали с Аликом Додтаевичем как случайные попутчики в поезде — обо всем и ни о чем.

— Как вы думаете, нас отпустят? — спрашивала Фатима.

Ей важно было слышать от него, что все будет хорошо и они из этого зала выйдут живыми. В первый день она еще так верила в это!

— Подвиньтесь! Разве вы не видите, что моей сестре плохо? — девочка лет четырнадцати с ярко-синими глазами и черными волосами расталкивала сидевших, чтобы уложить на пол младшую сестру. Она вытирала ей лицо мокрой тряпкой, говорила ласковые слова, обмахивала книжной обложкой.

Когда сестре стало лучше, внимание девочки привлек серебряный перстень на пальце Фатимы.

— Подари мне его, — попросила она.

Фатима сняла украшение. Девочка надела его на палец, но перстень был ей велик и соскользнул на пол.

— Ты потеряешь его, — сказала Фатима. — Если мы отсюда выйдем, я тебе его обязательно подарю.

Несколько месяцев потом искала Фатима ту девочку, не зная ни ее имени, ни фамилии. Встретила ее случайно перед самым Новым годом в поликлинике, в кабинете психолога.

Это была Севиндж Эфендиева.

Родители девочки Вагиф и Атлас Эфендиевы приехали в Беслан из Азербайджана. Тетя Атлас, Людмила, которая была замужем за осетином, очень расхваливала Осетию, и супруги поселились в Беслане, сняв квартиру.

Фатима узнала, что младшая из сестер, Улькер, за которой так трогательно ухаживала все три дня Севиндж, на третий день спасла старшую сестру, которая была ранена в голову.

Родители не находили девочек в больницах и искали их в морге. После увиденного там Вагиф сказал жене: «Если я смогу похоронить своих детей в открытом гробу, я буду считать, что мне повезло».

А еще раньше он сказал ей: «Если мои дети выживут, я вместе с ними приму православие».

— Эта девочка сказала, что ее фамилия Эфендиева, а зовут Сева, настаивала медсестра в больнице.

Атлас всматривалась в лицо спящей девочки и не узнавала ее: «Нет, это не мой ребенок». Три дня, проведенные в спортзале, неузнаваемо изменили Севиндж и Улькер не только внешне. Последствия ранений и нервного потрясения девочки ощущают по сегодняшний день.

Фатима Аликова, Улькер и Севиндж Эфендиевы

Вагиф сдержал слово: и он, и его дочери приняли крещение. Девочки посещали воскресную школу при храме Георгия Победоносца в Беслане. А на Рождество 2005 года они с группой бывших заложников по приглашению Патриарха всея Руси Алексия II побывали в Москве.

Фатима подарила свой серебряный перстень Севиндж. «Мы будем хранить его как самый дорогой подарок», — сказала ей Атлас.

...Внимание Фатимы притягивало к себе одно окно — первое от кабинета физруков. На всех подоконниках сидели дети, на этом — почти никого. На нем лежали детские вещи. Потом она поняла, почему на нем никто не сидел — вдоль широкого подоконника была прибита рейка, и сидеть, а тем более лежать на нем было очень неудобно.

Фатима перебралась ближе к этому окну. Некоторое время она сидела на полу, потом взобралась на подоконник и легла. Рейка впилась ей в спину. Все тело болело, малейшее прикосновение причиняло боль, но она знала: если ей суждено выйти из этого зала, то только через это окно.

В окна спортзала, выходившие на юг, солнце светило с утра до вечера. Она лежала, то погружаясь в сон, то выныривая из него. Во сне к ней пришла покойная бабушка и подарила букет цветов. Потом они с мамой хотели сесть в самолет, который должна была взорвать шахидка, но передумали лететь и вышли из него. Фатима стояла, и под ногами у нее образовывалась лужа черной крови.

Смерти она уже не боялась. Она боялась боли. Вспомнился фильм «Страсти Христовы», который она смотрела накануне во Дворце культуры.

Половину фильма Фатима сидела с закрытыми глазами — не могла смотреть на экран, где было столько страдания и крови.

«Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешную» — это была единственная православная молитва, которую она знала.

Детские форменные пиджаки, на которых она лежала, источали запах новой одежды. В кармане одного из них она нащупала блокнотик. Листы в нем были мокрыми, и она приложила их ко лбу. Тут же лежал тюбик гигиенической губной помады. Она смазала ею губы подростков, устроившихся рядом с ней на подоконнике.

— Фатима, — окликнула ее девушка в оранжевом костюме. — Ты меня не помнишь?

Фатима узнала ее. Это была Инга Гугкаева, которая работала в магазине строительных материалов, расположенном на первом этаже их дома.

— Поднимись сюда, — сказала ей Фатима.

Девушка легла рядом, положив ей голову на грудь. Так они лежали некоторое время. Было очень жарко, и минут за пятнадцать до взрыва Инга спустилась вниз.

Мучительная, смертельная жажда иссушала тело и душу. Только раз Фатиме удалось выйти в душевую. «Не пить!» — сказал ей террорист, заглянувший в душевую. Она набрала в ладони воду, плеснула в лицо, не посмев сделать и глоток.

«Интересно, будет ли моя душа испытывать жажду и после смерти?» — думала она. И снова ей представилась речка, стремительно бегущая по камням из ущелья. Ледниковая вода в ней оставалась обжигающе-холодной даже в самые жаркие летние дни. Войти бы в эту воду еще раз и напиться перед смертью!..

...Светильники, которые горели круглосуточно, вдруг мигнули и погасли.

Фатима с ужасом представила, как они останутся ночью с террористами в темноте. Из коридора прибежал боевик с забинтованной рукой, посмотрел вверх, на погасшие светильники, и снова исчез. Среди террористов произошло замешательство, их что-то встревожило. Фатима почти физически ощутила, что сейчас что-то должно произойти.

Ее ударило головой о плотное стекло, которое от взрыва рассыпалось на куски. «Началось!» — почти с радостью подумала она. Что началось она не осознавала. Но началось!

В ней произошло мгновенное перевоплощение — исчезла сонливость, она ощутила прилив сил, в мозгу четко обозначилась программа действий. Вскочив с земли, куда ее выбросило взрывной волной из окна, Фатима промчалась вдоль всех окон спортзала, перемахнула через высокий каменный забор, перепрыгнула через ограду из сетки и оказалась в тупике между металлическими гаражами. Перед ней была закрытая железная калитка. Еще оставались секунды, чтобы перепрыгнуть через нее. Но над ней

возвышался пятиэтажный дом с развороченным и закопченным от пожара окном на четвертом этаже. Значит, город весь захвачен террористами. За дверью могут быть враги.

Фатима упала на землю. Террористы могут побежать за ней, необходимо спрятаться. Она накрылась куском фанеры, замаскировала голову автомобильным диском, который служил кормушкой для кур, и притаилась.

Из зала не доносилось ни звука, потом послышался крик. Еще один взрыв и стрельба — неистовая, оглушительная. Куры, которые до этого ходили вокруг нее, вдруг исчезли, куда-то спрятавшись. С ветки над головой посыпались мелко изрезанные пулями листья.

Она не знала, что, выпав из окна, должна была бежать прямо, туда, где был проход во дворы соседних пятиэтажных домов. И что, карабкаясь в своем черном платье на белую каменную ограду, она была как на ладони перед снайпером, сидевшим на втором этаже школы.

...Внутри гаража что-то взрывалось, она вжималась в землю и не переставая молилась. Ни на секунду не прерывая свою мольбу, просила она Николая Чудотворца о спасении. Молитва ее была похожа на нить, которую пряла бабушка, — веретено крутилось, нить вытягивалась и иногда обрывалась. Она знала: в ту секунду, когда оборвется нить ее молитвы, она будет убита. «Если я умру, мое тело даже не найдут здесь», — подумала она.

Внезапно установилась тишина, и Фатима отчетливо услышала мужские голоса. Люди за железной калиткой разговаривали по-осетински.

Сейчас или никогда!

Она вскочила и с криком «Помогите!» бросилась на закрытую металлическую дверь между гаражами. Первый, кого она увидела, был прокурор района Алан Русланович Батагов. Он подхватил ее и бегом понес в сторону пятиэтажки.

Через несколько дней Фатима вместе с корреспондентом «Российской газеты» Юрием Гейко прошла этот путь от окна до гаражей. Вскарабкаться на высокий каменный забор, а тем более перебраться через сетку «рабица» она не смогла.

— Что взрывалось там, внутри? — спросила Фатима.

— По гаражам бил пулемет, а если он пуст, то звук — как от взрыва, — пояснил Юрий Гейко.

Она не поверила.

Георгий Бероев, хозяин гаража, рядом с которым она лежала, открыл им дверь. В металлической стене зияли огромные рваные отверстия. Одно из них — на тридцать сантиметров выше того места, где лежала Фатима.

В пустом гараже сиротливо стоял детский велосипед.

— Это я купил своим внукам — Аслану и Сослану Токмаевым, — сказал Георгий. — Они погибли оба. Даже покататься на нем не успели...

На глаза мужчины навернулись слезы.

Георгий пережил своих внуков всего на несколько месяцев.

Погибла Инга Гугкаева, с которой Фатима лежала на подоконнике. Погибли Светлана Цой, Сима Аликова с дочерью Ириной Березовой, Эльбрус Худалов с сыном Георгием. Боевики расстреляли Аслана Бероева и Эльбруса Есиева.

Подоконник Фатимы

Бабушка девочек с аккуратными косичками, Римма Хаматкоева, накрыла их собой. Она погибла, а внучки выжили.

Фатима нашла того инвалида в коляске и дала ему денег. И отложенную на строительство монастыря купюру тоже отвезла в обитель. И долг в магазин вернула.

Душа ее после тех дней была чиста, как в детстве. Она знала: такой ее делает близость к Богу.

Она получила ответы на все свои вопросы.

...Когда в Беслане выпал первый в том году снег, Фатима пришла в школу.

Снег лежал на полу, на мягких игрушках и бутылках с водой — лексана над залом еще не было.

— Вот бы сейчас полежать на снегу, — сказал ей там, в душном спортзале, маленький мальчик.

— Но он же холодный...

— Зато его можно есть.

Где теперь этот мальчик?

Она долго стояла в холодном и пустом, продуваемом ветром, зале. Слез у нее не было.

Террористы обстреляли и жилой дом №37
в переулке Школьном

Галина ДАГУЕВА

Галина рассталась с мужем, когда старшему из детей, Давиду, было три, а младшей, Карине, — полтора года.

С тех пор главной заботой для нее было: дать образование детям.

Галина жила с мамой, и их скудных заработков едва хватало на существование. Тем не менее из семейного бюджета ежемесячно откладывалась определенная сумма «на образование».

И вот, наконец, сбылась Галина мечта бабушки Азы — мамы Галины: ее внук Давид стал студентом юридического факультета!

Карина идет в одиннадцатый, через год и она станет студенткой.

Бабушка хлопочет на кухне, готовит традиционные три пирога, чтобы вознести благодарственную молитву Всевышнему и попросить удачи для детей.

Карина счастлива: ей впервые купили туфли на высоком каблуке. В новом костюме и туфлях она кружит по комнате, обнимает маму и бабушку: «Какие вы у меня маленькие!». И просит: «Идемте со мной в школу!».

Бабушке некогда, мама соглашается.

Карина — хорошая дочь, заботливая, прилежная и хозяйственная. Она хорошо учится, любит танцевать, готовить, вязать. Все, за что она берется, у нее получается хорошо. Вот только никак не может определиться, куда же ей поступать — то ли на факультет иностранных языков, то ли мировой экономики.

Они идут по улице, и мама с тайной гордостью поглядывает на дочь: совсем уже взрослая! В руках у Карины — пакет: накануне ей позвонила классная руководительница Лариса Сергеевна Тедеева и попросила купить подарки для малышей.

Ее одноклассники уже стоят во дворе. Карина присоединяется к ним.

Галина останавливается под деревом возле котельной. Бегущих с автоматами людей она считает участниками праздничного шоу. А поняв, что это не так, не может сдвинуться с места, ноги словно приросли к земле. Когда она обретает, наконец, способность двигаться, бросается в котельную, где в толпе других детей находит Карину.

... В зале они сидят под окном, недалеко от кабинета физруков. Но террористы зачем-то заставляют мужчин прорубить отверстие в деревянном полу, и им приходится переместиться.

На ее глазах разыгрывается первая трагедия — к дверям кабинета, где легче дышать, переносит свою дочь Лариса Рудик: девочка в диабетической коме. Дать ей воды боевики не разрешают. Кто-то передает женщине пластиковую бутылочку с мочой, и девочке вливают эту жидкость в рот. Ей становится лучше.

Вскоре по залу распространяется слух, что девочка скончалась.

На третий день Лариса Рудик погибла вместе со второй дочерью.

Рядом с Галиной сидит шестиклассница Агунда Гацолаева. Девочка плачет почти не переставая, словно предчувствуя свою гибель.

Галина очень слаба. За три дня она не выпила ни капли воды.

— Мама, я пойду хоть тряпку намочу, — говорит Карина.

Она делает всего несколько шагов. Раздается взрыв.

Галина приходит в себя в другом месте. Рядом сидит плачущая Карина. Вокруг — множество людей, но все они лежат неподвижно. Их особенно много у выхода в коридор. Галина ничего не осознает. Она ранена в голову и в руку, но не понимает этого. Карина помогает ей подняться и ведет по бесконечно длинному коридору в столовую.

Галина сидит, прислонившись к стене, потом ложится на пол. Видит все, что происходит, но отстраненно. Кто-то стреляет, что-то взрывается, кричат «Аллах акбар», но в сознание это не проникает.

Она получает еще одно ранение — в спину. Осколок проникает в легкое.

Двое мужчин в камуфляже разговаривают по-русски без акцента. Она расценивает это как сигнал к спасению. Поднимается, идет к столам, придвинутым к окну, ложится на них и ползет. До окна остается совсем немного, но сил уже нет.

— Ползи! — кричат ей снаружи двое парней в гражданском.

Один из них взбирается на подоконник, поднимает ее и передает второму.

...Когда в больницу пришли родные, первый ее вопрос был о Карине.

— С ней все в порядке, — сказали ей. — Легкое ранение.

Ее удивило, что ни четвертого, ни пятого никто из них больше к ней не приехал. Только шестого сентября вечером, после того, как похоронили Карину, в больницу приехала сестра Галины Бэла и осталась ухаживать за

ней.

Сорок дней Галина оставалась в счастливом неведении, сорок дней Карина была для нее еще жива. Страшную правду ей открыли только накануне сорокадневных поминок.

Четыре долгих месяца провела она в больницах. Операции в клиниках Москвы и Питера. И рядом все это время — ее повзрослевший сын Давид. Потеряв сестру, он боролся теперь за жизнь матери.

Галина не хотела жить. Она полюбила ночь, потому что сон приносил забвение. Она не хотела, чтобы наступал день. Потому что в этом солнечном мире уже не было ее Карины...

Лариса ТОМАЕВА

Весь август Ларису томило предчувствие беды. Она отказывалась ехать с мужем и детьми в Абхазию, на море, но муж настаивал. Перед отъездом Лара молилась святому Уастырджи, покровителю путников, просила здоровья для детей и удачи в дороге.

В Абхазии посетила Новый Афон, попросила Господа отвести беду от ее семьи. Муж посмеивался над ее страхами: мало ли что приснится человеку, стоит ли из-за этого впадать в панику?

Сны, действительно, были страшные: по улице текла река, и ее маленький сынишка, которому не было еще и года, оказывался на другом берегу. Потом вода стремительно уходила в землю как в воронку.

Лариса успокоилась только тогда, когда, вернувшись домой, окунулась в привычные домашние хлопоты.

...Утром первого сентября свекровь встала пораньше, чтобы испечь три пирога. Она поставила их на стол и произнесла молитву. Бабушка просила у Бога удачи для своих внуков в новом учебном году.

Перед самым выходом Лариса сфотографировала пятиклассника Азамата и третьеклассницу Кристину во дворе.

Лариса и Азамат

Каждый год, первого сентября, Лариса шла с детьми в школу. Но сейчас у нее маленький ребенок. Как быть? Свекровь собралась на похороны в соседнее село. С кем оставить малыша? Лариса решила взять его с собой, но свекровь пообещала что-нибудь придумать.

С таможенного поста в Ларсе позвонил муж:

— Вы еще не в школе? Опоздаете!

Их подвез сосед.

На улице Коминтерна они высадились из машины и перешли через железнодорожное полотно. Лариса ощутила вдруг гнетущую тишину, словно их накрыло плотным прозрачным куполом. Странное ощущение прошло, едва она вошла во двор школы.

Лариса увидела боевиков сразу. Те бежали налегке, без сумок: в одной руке — автомат, второй указывают людям направление.

За годы работы медсестрой в реанимационном отделении районной больницы Лариса повидала многое. Но такого ужаса не испытала ни разу. Хотела крикнуть, но не смогла. Могла убежать (стояла близко к котельной), но это не пришло ей в голову: там, во дворе школы, были ее дети.

Первым нашла Азамата. Потом Кристину, непонятно где испачкавшуюся; один бант — на макушке, второй — внизу. Вцепившись в метровый букет голландских роз, она кричала: «Мама!».

На высоких каблуках-шпильках одной из первых стремительно взбежала Лариса на кучу строительного мусора под одним из окон и спрыгнула в школьный коридор. Посмотрела направо, потом налево — возле каждого класса стояли бородатые люди в черных халатах-балахонах, из- под которых виднелись спортивные брюки и кроссовки. Те, кто во дворе, были в камуфляже.

Человек в балахоне махнул рукой в сторону столовой.

У лестницы бледный бородатый боевик вполголоса сказал ей: «Мы вас убивать не будем».

Но это ее не успокоило.

Миновав столовую, она вбежала в класс, где застала Лену Гугкаеву с двумя детьми, Вадима Боллоева и учителя физкультуры Алика Цаголова. У Вадима из раны на плече шла кровь. Алик, разорвав майку, накладывал ему тугую повязку.

— Мама, это всё! Они нас убьют, — сказал Азамат.

У Кристины в глазах был ужас.

Вошел террорист. Постоял, выглянул в коридор и сказал:

— Быстро в спортзал! Выбросить телефоны! Кто спрячет расстреляем!

В зале шахидки обыскивали женщин. У каждой из смертниц в руке был пистолет, дулом которого поднимали блузки, шарили по телу.

— Только что из зала кто-то звонил! — кричал террорист.

Спрятанный телефон обнаружили, но инцидент удалось уладить.

Лариса видела, как уходил из зала Альберт Сидаков, сын ее знакомой, преподавателя математики Юлии Сидаковой. Он оглядывался, словно прощаясь с женой и сыновьями.

Жара, теснота, людской гомон, постоянная стрельба, но самое невыносимое — это плач грудных детей.

— Заткните своих выродков! — кричали террористы.

Женщина подняла с пола конфету, завернула ее в носовой платок и дала ребенку как соску. Младенец на время успокоился.

Нервы сдавали и у террористов. Женщин с грудными детьми куда-то увели. «Неужели расстреляют?» — думала Лариса.

Вечером боевики сняли маски. Она расценила это как недобрый знак. Значит, им уже все равно. Выходит, они действительно намерены взорвать зал вместе с заложниками?

Ночью за окном шел дождь, но облегчения он не принес. От дыхания и испарений тысячи людей воздух стал влажным и липким, картонная обложка книги, которой она обмахивалась как веером, сворачивалась в руках, словно туалетная бумага.

Когда им разрешили выйти в душевую, Лариса спросила террориста, который стоял у входа:

— Как вы думаете, что с нами будет?

— Мы пришли вас убивать. Почему мы должны вас жалеть? Вы держите в своих тюрьмах наших людей, а мы вас должны жалеть?

...Рядом с Ларисой сидел Батраз Хаблиев из села Зильги. Он крепко прижимал к себе туфли.

— Положи их куда-нибудь, — сказала Лариса.

— Нельзя. Мама взяла деньги в долг, чтобы купить их. Вдруг потеряются?

В раздевалке нашел тысячную купюру и очень обрадовался.

— Зачем она тебе?

— Когда выйду отсюда, куплю много воды и конфет.

Батик погиб.

На второй день по пути в туалет Лариса увидела из окна пустынную улицу Коминтерна. Действительно, никто не спешит им на помощь. Может, правы террористы, которые говорят, что заложники не нужны даже своим?

То, что подступы к школе могут обстреливаться снайперами, ей не пришло в голову.

Некоторые из женщин стали писать на телах детей их имена и фамилии, возраст и адрес. Она поняла, к чему они готовятся, и ей стало страшно.

— Сейчас сюда войдет один человек, — сказал террорист.

Из коридора спиной к залу вошел мужчина с видеокамерой, затем появился тот, кого он снимал. Это был Руслан Аушев. На нем был серый твидовый костюм, на голове — накидка до плеч. Лицо открыто. В руке — телефон, похожий на рацию. Он вошел, остановился, оглядел зал и произнес:

— Сейчас мы поговорим.

И ушел в сопровождении того же видеооператора.

К Ларисе пробрался сын ее коллеги Фатимы Калоевой-Цкаевой — пятиклассник Ахсар:

— Маме плохо.

Фатима пришла в школу с первоклассницей Элиной. Незадолго до этого у нее погиб муж, сотрудник милиции. Женщина была без сознания. Лариса похлопала ее по щекам. Фатима очнулась.

— Возьми себя в руки. Подумай о детях, у них кроме тебя никого нет!

На третий день Ахсар умер на руках у матери.

...Воду уже не давали.

Лариса с детьми передвинулись в другое место. Теперь она была рядом с Фатимой Калоевой и семьей Болотаевых — Фатимой, Эдиком и Эльвирой.

В раздевалке Лариса нашла пластиковый стаканчик с водой и спрятала его под одежду. Донести удалось только половину. Ровно пять глотков ее детям и еще по глотку троим, сидевшим рядом.

Потом нашла на полу мягкую игрушку — зайчика. С разрешения боевика окунула ее в грязное ведро. Игрушка пропиталась водой, она принесла ее в зал, завернув в курточку Азамата. Дети набросились на зайчика. Через несколько минут игрушка высохла.

У детей потрескались губы, на них выступала кровь. О еде никто не думал: пить, только пить!

Инга Чеджемова облилась водой в душевой.

— У тети юбка мокрая, — сказал кто-то, и дети, окружив ее, стали сосать подол ее юбки.

Террорист долго пил воду из пластиковой бутылки, потом со смехом вылил оставшееся на пол.

Две женщины дремлют. Боевик стреляет вверх. Женщины вздрагивают и просыпаются. Террористы весело хохочут.

Ларису душит ненависть. За три дня эти люди поставили их на колени, опустошили души. Они унизили их и растоптали. Они вынудили их справлять нужду на глазах окружающих и пить мочу.

Она смотрит на женщин в окровавленных юбках — от стресса почти у всех женщин и девочек-подростков пошли месячные. И никто уже не думает о том, как он выглядит, — ведь боевики сказали, что все умрут!

…У матери — звериное чутье. Перед взрывом Лариса заставила детей спать: сына — прислонив к стене и прикрыв собой, Кристину — уложив себе

на колени.

Эдик Болотаев лежал, положив ей голову на ноги.

От взрыва Лариса потеряла сознание. Когда пришла в себя, увидела: Эдик исчез. У ее ног лежит девочка лет восьми. На груди у нее, у самого сердца — маленькое отверстие...

Заложники прыгают в окна.

Лариса попыталась выбраться во внутренний дворик, но увидела, что в бегущих стреляют со второго этажа школьного здания.

«Надо ждать спасателей», — решила она. Накрыла детей куском потолочной обшивки и приказала лежать тихо.

Боевики собрали оставшихся заложников в кабинете преподавателей физкультуры и увели их в столовую.

Ноги у Ларисы — в крови. Она ощупала их — ран нет, значит, кровь чужая.

Время шло, но никто не врывался в зал и не спешил их спасать. Бой шел в здании школы, в спортзале боевиков уже не было. Но время от времени они вбегали в зал, выпускали несколько автоматных очередей и исчезали в глубине узкого коридора.

В центре спортзала маленький ребенок в памперсах карабкался по трупам, падал, поднимался и снова падал. Слышны были стоны и крики о помощи, но все эти звуки перекрывались звуками взрывов и выстрелов.

Недалеко от того места, где лежала Лариса с детьми, кто-то зашевелился. Это пришла в себя учительница начальных классов Раиса Касполатов- на Кибизова. Она с удивлением оглядывалась по сторонам.

Раиса Касполатовна — первая учительница ее сына. Азамат, заметив ее, подтянул к ней кусок обшивки, под которым они прятались.

В зал вошел боевик и сказал по-осетински: «Кто жив — вставайте и выходите. Сейчас здесь все взорвется».

Словно зомби, поднялась Фатима Калоева с детьми.

В противоположном конце зала, у входа, горел потолок, сгустки пламени срывались вниз. Огонь перекинулся на столы и парты, которыми была заложена входная дверь, загорелись сумки и вещи, разбросанные на полу. Уже занимались стены, обшитые деревом. Огонь распространялся очень быстро.

Где же пожарные? Где спасатели?

Лариса с детьми вползла в кабинет физруков. На полу лежали мертвая женщина и застреленный боевиком учитель физкультуры Иван Каниди.У стены сидела девочка. Она была жива, но взгляд у нее был отсутствующий.

Лариса села в дверном проеме.

Через весь простреливаемый зал шла Тереза Кокова. Пули свистели вокруг, словно облетая ее, но она шла, не обращая на них внимания.

Тереза вошла в кабинет и весело огляделась.

— Садись, — сказала Лариса, но та словно не слышала ее.

Лариса попыталась усадить ее на пол, но Тереза, громко смеясь, вырвалась.

— Где твои дети?

— Не знаю, — ответила Тереза.

Год спустя Лариса рассказала ей о том, как она шла через зал. Тереза ничего не помнила.

Из тренажерного зала появились несколько мужчин. Один из них осторожно снял со шведской стенки взрывное устройство, подвешенное террористами.

— Кто может двигаться, пробирайтесь сюда! — кричали мужчины.

Пригнувшись, к ним побежала учительница Раиса Кибизова.

Чрезмерная осторожность едва не стоила жизни Ларисе и ее детям.

— Мама, идем! — просил ее Азамат, но Лариса не отпускала детей от себя.

— Пойдем, мама! — снова взмолился Азамат, потом, вырвавшись, побежал в сторону тренажерного зала. Мужчины подхватили его и передали дальше по цепочке.

Огонь приближался. Были слышны стоны и крики о помощи.

«Как быстро сгорают люди, — думала Лариса. — И многие сгорают заживо».

— Сюда! — кричали ей спасатели.

Она продолжала сидеть.

— Мама, пошли! — плакала Кристина.

Один из спасателей подобрался к Ларисе и попытался забрать у нее девочку. Лариса не выпускала ее из рук.

— Не бойся, — говорил мужчина. — Смотри и запомни меня! С твоим ребенком ничего не случится.

Она отдала ему Кристину.

Спасатель, пригнувшись, побежал обратно.

Огонь полыхал уже в центре зала. Мужчина сорвал с себя куртку и укрыл Кристину. У входа в тренажерный зал девочку облили водой и передали дальше.

Путь в сторону тренажерного зала был уже отрезан огнем.

Двое мужчин появились со стороны коридора, ведущего в школу.

— Кто живой — быстро в душевую!

Лариса отказалась идти. Ее подхватили под руки, поволокли и втолкнули в душевую. Здесь стояли и сидели люди. Снаружи шел бой.

Когда их, наконец, передали через окно во двор, один из спасателей спросил у другого:

— Сколько время?

— Без четверти четыре.

Лариса лежала на носилках, которые бегом несли к машине скорой помощи. На ней был черный, в красных маках, костюм. Красные маки от крови — своей и чужой — стали черными, слившись с фоном.

— Странная женщина, — сказал один из спасателей товарищам. — Без детей, вся в черном, и из зала не хотела уходить. Может, шахидка?

— Шахидка?!

Несколько мужчин сорвались с места и побежали к носилкам.

К счастью для Ларисы, среди них оказался ее двоюродный брат Казбек...

Четыре года спустя один из тех парней лежал в отделении реанимации, где она работает.

— Тебе тогда очень повезло, — сказал он Ларисе. — Ты действительно была похожа на шахидку...

3 сентября. Двор школы

Вика ГУСЕЙНОВА

Вика

За три дня многие из заложников смирились с мыслями о смерти. Мальчик-пятиклассник, который сидел рядом с Викой Гусейновой, сказал, что у него нет отца.

— И у меня тоже, — ответила Вика.

— Значит, будем ходить «там» в гости друг к другу, — спокойно сказал мальчик.

Под утро третьего дня Вика увидела покойного отца почти наяву. И, уверенная в том, что он пришел за ней, решила написать маме, сестре и бабушке прощальную записку. Нашла листок бумаги и ручку. «Видела папу, — писала она. — Иду к нему. Будем жить вместе. Вас я всех люблю».

Спрятала записку в брюки. Рассудила: будут обмывать тело — найдут.

...В школу Вика Гусейнова в тот день не собиралась. Но позвонила классная руководительница и попросила непременно быть на празднике (Вика была старостой класса).

Вместе с близнецами Инной и Ингой Туаевыми и Аланой Аликовой она подошла к школьным воротам со стороны Школьного переулка. Издали увидела «своих» — одиннадцатые классы стояли почти у входа. Они с Инной вошли в ворота, Инга с Аланой успели убежать.

Вика не сразу поняла, что произошло: внезапно ровные ряды учащихся смешались, взрослые и дети побежали в разные стороны: одни в школу, другие — на улицу.

Еще не сообразив, что произошло, Вика повернула обратно, но столкнулась с человеком, в руках которого был автомат.

— Куда? — грозно спросил он, и она остановилась.

Снова развернулась, побежала, смешалась с толпой, которая внесла ее в котельную.

Вошел террорист и приказал всем выйти во двор.

В первые часы она думала: попугают и отпустят.

Из ее класса в зале были всего двое: Бэла Авсанова и Заур Абоев. Видела она и Карину Дагуеву из параллельного класса.

Остальные убежали.

Вначале было очень страшно. Она боялась даже смотреть на боевиков, чтобы не встречаться с ними взглядом.

Зелим и Вика

Потом страх прошел.

Вика очень любила детей и мечтала стать педагогом, работать в школе или в детском саду. Поэтому, видя, что многие из малышей боятся идти в душевую, где можно было выпить воды, Вика стала группами водить их туда.

Она была в майке, что вызывало раздражение у боевиков.

— В таком виде больше не выходи, — сказал один из них.

Когда перестали пускать в душевую, Вика стала водить малышей в туалет в класс, где в полу прорубили отверстие. В душевой заложники могли пить воду, здесь ее не было.

Она искала воду везде: на подоконниках, под букетами цветов. Букетов было очень много — ив зале, и в раздевалках. Под одним из них обнаружила стаканчик, в котором пышно пустил корни отросток комнатного цветка. Дала по чуть-чуть этой мутной жидкости детям.

Под следующим букетом лежала небольшая бутылочка с пульверизатором для полива цветов. Воды в нем было немного, она дала ее малышам, которые были с ней, а то, что осталось на донышке, спрятала для соседки — Светланы Цой.

Вика всегда восхищалась этой умной, талантливой девочкой. Света

хорошо училась, принимала активное участие во всех школьных мероприятиях. Первого сентября она пришла в школу в новой форме, которую ей сшила мама, Марина Пак. Марина руководила в Доме детского творчества театром моды «Кокетка», а Света была одной из его участниц. Незадолго до теракта «Кокетка» ездила в Москву на конкурс «Золотая игла» с показом новой коллекции моделей. Костюмы детей символизировали единение религий мира...

И вот теперь маленькая модель сидела в спортзале в новом платье и колготках, которые не сняла, несмотря на жару. Вика удивлялась силе и стойкости Светы — девочка ни разу ни на что не пожаловалась, не заплакала. Она переживала, что запачкала платье, которое мама шила с таким старанием.

Третьего сентября у подруги Светы, Мадины Созановой, был день рождения. Света с Эммой Хаевой добрались до нее, чтобы поздравить.

Погибли все трое.

— Иди, я тебе там, под цветами, спрятала воду, — сказала Вика Светлане.

...На третий день заложники уже ничего не боялись. На них не действовали ни окрики террористов, ни автоматные очереди. Вика ощущала приближение развязки. Какой именно — она не знала, но за несколько секунд до взрыва сказала мальчику, который сидел рядом: «Садись. Сейчас что-то оудет».

Зелим

Ее словно ударило током и подбросило вверх.

Она ничего не видела — кровь заливала глаза. В живот упиралось что-то твердое. Это была женская туфля, заполненная кровью.

Сверху на Вике лежала женщина. «Подвиньтесь, пожалуйста, — попросила ее Вика. — Я вас очень прошу, подвиньтесь, мне надо встать».

Она с трудом выбралась из-под женщины и увидела, что та мертва.

Заметив, что она поднялась, боевик, стоявший у кабинета физруков, махнул рукой: «Иди сюда!».

Вика добралась до него и упала. Боевик помог ей встать.

По пути в столовую Вика увидела на полу, среди мертвых, мальчика лет

четырех. Он был жив, но не шевелился. Она подняла его и повела за собой. Только дойдя до столовой, узнала в нем сына своей классной руководительницы Альбины Владимировны Тебиевой — Зелима.

В кухне, на холодной плите, стояло два больших котла с водой. Заложники пили ее стаканчиками из-под сметаны.

Вика и Карина Дагуева спрятали Зелима под стул, сами легли рядом на пол. Недалеко от них террорист, сидя на корточках, стрелял в окно.

Вика не слышала взрыва, от которого снова потеряла сознание. Когда пришла в себя, вокруг не было ни одного живого. Только мертвые и спецназовцы.

Она закричала и не услышала своего крика. «Ползи к окну», — сказал ей, продолжая стрелять, один из военных.

Ползти она не могла. Кто-то взял ее за ноги и потащил в сторону окна. Потом поднял и передал в окно.

Она опять потеряла сознание. Очнувшись, сказала: «Моя мама работает медсестрой в поликлинике».

«Тут девочка говорит о маме, которая работает в поликлинике», — сообщил кому-то по рации сопровождавший ее медработник.

Вика услышала голос мамы. Видеть она не могла: глаза слиплись от спекшейся крови, говорить — тоже.

«Лана, в чем ушла в школу Вика?» — спрашивала мама по телефону старшую дочь.

Она узнала Вику по вещам.

Потом они с мамой ехали на «скорой» во Владикавказ. По дороге Вика вспомнила про свою предсмертную записку. «Мама, там у меня в брюках — письмо. Найди его, только, пожалуйста, не читай, и выбрось».

Мама нашла письмо и выбросила, не прочитав.

Все тело Вики было в осколках. Они были в голове, в легком, в мягких тканях.

Тяжелейшая операция с трепанацией черепа. Неподвижность. Полтора месяца в реанимации.

«Что с Зелимом? Он жив?» — спросила она маму. И очень обрадовалась, когда узнала, что его спасли. Вот только классная руководительница Вики, Альбина Владимировна Тебиева, погибла вместе со старшим сыном — второклассником Зауром.

Не стало и Карины Дагуевой.

Вика учится в Санкт-Петербурге, в медицинской академии. После пережитого она уже не мечтала стать педагогом. Слишком тяжелы были воспоминания о школе...

Надежда ГУРИЕВА

Надежда Ильинична

Борис и Вера Гуриевы приготовили в подарок первоклассникам латиноамериканскую мамбу. Этот танец они исполняли впервые. Их выступления всегда были гвоздем школьных концертов.

Борис был нездоров, ночью у него поднималась температура.

Вера тоже была не в духе. Возможно, ей передалось настроение мамы — у Надежды Ильиничны два года назад, первого сентября, умер отец. Планировались поминки и поездка на кладбище.

Надежда Ильинична преподавала в первой школе историю и была классным руководителем в одиннадцатом классе. На праздничной линейке ее ученики должны были поздравлять первоклассников.

Надежда Ильинична волновалась, поэтому они вышли из дома пораньше. В спешке забыли покормить кошку, и младшая дочь, второклассница Ирина, очень переживала по этому поводу-

От дома Гуриевых до школы — пятнадцать минут ходьбы. Вчетвером вошли в светлый, уютный школьный коридор. Кабинет истории — первый от входа, справа. Здесь все готово к началу занятий.

Надежда взглянула на часы — 8.20. «Быстрее переодевайся, — попросила Надежда Верочку. — Сейчас из кабинета во двор начнут выносить стулья».

Вера сняла форменное платье с белым ажурным воротником и такими же манжетами, бережно повесила его на вешалку, а ту — на ручку оконной рамы. И это платье, и платье для танца Надежда Ильинична сшила сама. Она вела в школе кружок рукоделия.

Из своего кабинета на втором этаже спустилась организатор внеклассной работы Елена Сулетдиновна Касумова.

Вместе вышли во двор.

Борис и Вера помогали Надежде готовить класс к началу учебного года.

Накануне, тридцать первого августа, перед самым уходом, Верочка вывела на доске слова поздравления одиннадцатиклассникам: «С последним вас первым звонком!».

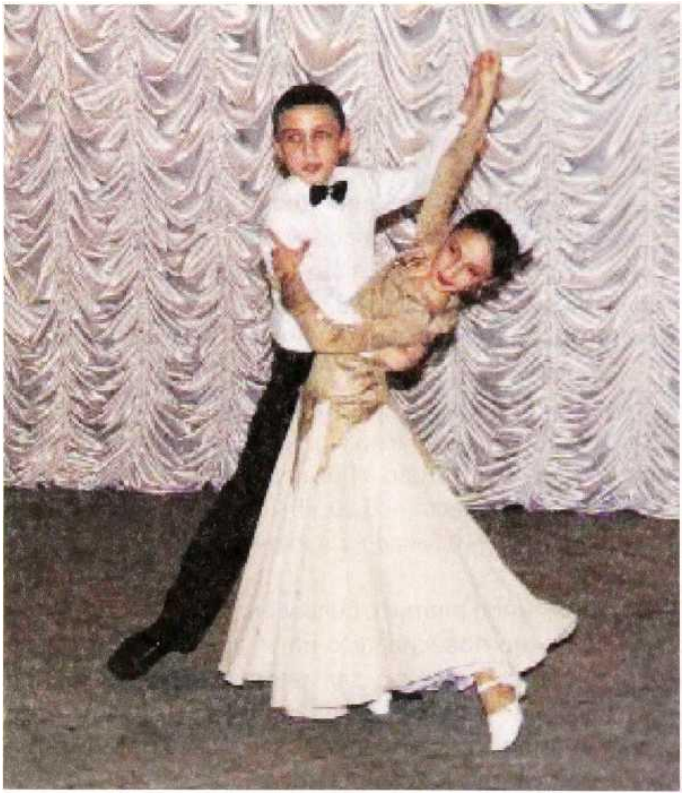
Это послание погибшей девочки так и осталось на школьной доске.

Веру опознали в морге по сохранившемуся обрывку бального платья.

... Надежда Ильинична смотрела, как строятся на школьном дворе дети.

Ее ученики с подарками для первоклассников опаздывали. Не подошел еще Знаур Цереков, которому предстояло дать вместе с первоклассницей первый в этом году звонок. «Неужели сорвут мероприятие?» — раздраженно думала она, всматриваясь в ряды детей.

Впереди, за спинами детей, возник мужчина в камуфляже и черной шапочке. Странное лицо было у этого человека: нездоровая бледность, словно он очень долго сидел в темноте, черная борода и пронзительный взгляд.



Борис и Вера Гуриевы

По сценарию такого не должно быть. Что за сюрприз?

Потом всё смешалось: автоматные очереди, детские крики.

Надежда Ильинична с группой учащихся и преподавателем немецкого языка Ларисой Николаевной Плиевой укрылись в котельной.

Человек с автоматом открыл дверь и приказал им выйти.

В школьный коридор Надежда забиралась последней — через окно. Успела увидеть, как боевики вносили в библиотеку рюкзаки.

Только оказавшись в спортзале, вспомнила о своих детях.

Она бы никогда не поверила, что этот небольшой спортивный зал может

вместить столько людей. Дети и взрослые столпились в одной его части — в той стороне, где был кабинет физруков. На подоконнике, вцепившись руками в раму, стояла девочка в чем-то красном. Надя не сразу поняла, что это — Вера. Платье для танца было очень открытым, и чтобы прикрыть полуобнаженные плечи и спину, девочка накинула мамин жакет.

Из толпы к Надежде Ильиничне с криком «Мама!» пробилась зареванная и растрепанная, с бантом в руке, Ирина. С ней — племянница Надежды пятиклассница Аня Цалоева.

Чуть позже, уже сидя на полу у входа в тренажерный зал, Надя взглядом нашла Бориса.

«Я хочу к вам», — показал он жестами.

«Здесь тесно».

Но он стал пробираться к ним. Почти одновременно с ним пришла и Вера.

Надежда перебирала в памяти всё, что предшествовало этому дню.

Отсюда то, что происходило даже вчера, казалось далеким и нереальным.

Вера все лето просила, чтобы ее покрестили. Надежда пообещала детям, что отведет их в церковь пятого сентября.

Борис, Вера и Ирина вспоминали, как тридцать первого августа дети организовали во дворе пятиэтажного дома концерт. Вера и Борис танцевали, а их маленький сосед Сергей Караев исполнял песню Мамонтенка. «Ведь так не должно быть на свете, чтоб были потеряны дети», пел маль
чик. Соседи плакали — Сергей был приемным сыном. Теперь вместе с мамой Татьяной Базровой он тоже был в этом зале. Третьего сентября Сергей был тяжело ранен и несколько месяцев пролежал в одной из московских клиник.

Татьяна погибла.

На собранные от концерта деньги (полторы тысячи рублей) дети планировали погулять, поехать первого сентября во Владикавказ.

— Как только выйдем отсюда, сразу же поедем, — сказала Вера.

Ты сначала выйди, — заметил Борис.

После гибели Бориса и Веры дети принесли эти деньги в квартиру Гуриевых и положили их на кровать Верочки, рядом со сложенными на ней вещами.

Все три дня в спортзале Борис не снимал туфли. «Потом я не смогу их надеть», — объяснил он матери.

Надежда вспомнила вдруг сон, который видела за два дня до этого: покойный отец нес к ней на пятый этаж огромный гроб. Соседка, которой она рассказала сон, успокоила:

— Покойник дает — к прибыли.

— Да какая же это прибыль? — не поверила Надя.

И вот теперь, впервые с момента захвата, она подумала о том, что смерть здесь, рядом с ними.

Боевик по имени Али сидел, положив ногу на «педаль» взрывного устройства. Надежда и Ольга Николаевна Соскиева, учительница начальных классов, пытались разговорить его, но боевик был озлоблен: «С вашего аэродрома прилетел вертолет и убил мою семью».

— Чего плачешь?! — прикрикнул он на Руслана Черджиева. — Я в твоем возрасте по горам с автоматом бегал.

Его раздражало обращение «дядя»: «Какой я тебе дядя?!».

— Знали бы вы, за какую смешную цену вас продали свои, — иронизировал другой боевик. — Я сидел рядом с водителем. Сам все видел...

Одиннадцатиклассник Сослан Бигаев носил в ведре воду.

Им досталась одна кружка на пятерых.

— Мы объявили сухую голодовку, — говорил Али кому-то по телефону. — Я пресс-атташе Полковника. Заложники нас поддерживают. Разговаривать не будем, пока не придут Дзасохов, Зязиков, Аслаханов и Рошаль.

Плакал, не переставая, двухлетний Аспарик на руках у Светланы Дзампаевой.

Завхоз школы Светлана Баликоева прятала под одеждой пластиковую бутылку с водой и тайком давала ее детям.

Один из боевиков, оглядевшись, не видят ли свои, подбросил в толпу детей еще три бутылки.

У многих начинались галлюцинации:

— Мы с сестрой были в саду, ели груши, — возбужденно рассказывала девочка (сестра ее была дома).

Верочка нашла на полу чужой нательный крестик и не выпускала его из рук. Ее так и похоронили потом — с чужим крестиком в обугленной руке.

Слабый хлопок и — плотное белое облако над входом в тренажерный зал.

Надо бы сказать детям, чтобы они легли на пол. Но Надежда не успела произнести ни слова: мощный взрыв лишил ее сознания. Когда открыла глаза, увидела рядом мертвую Верочку. Лицо — сплошной синяк, две кровавые слезинки на щеках, а на губах — улыбка.

Борис был еще жив, двигал руками. Попыталась поднять его, но не смогла.

Из раны на голове Надежды капала кровь. Откуда-то из-под мертвых тел ее звала Анечка, дочь брата. Надя высвободила ее, нашла Ирину.

Оглядела зал — живых не видно. Неужели все погибли?

У двери, ведущей в коридор, появился один из террористов. Он шел по залу и добивал из пистолета раненых.

— Вставай и иди в столовую, — сказал он Надежде.

— Помогите поднять сына!

— Потом. Иди в столовую.

В столовой, в странном полусне, она взяла веник и тщательно подмела пол, усыпанный битым стеклом. В кухне сняла с плиты противень и, высыпав из него осколки стекла, посадила в него Иру и Аню.

Возле одной из колонн на стуле сидел старшеклассник в белой рубашке и черных брюках. Из раны на его руке текла кровь.

— Помогите! — попросил он.

Надя забинтовала ему рану белой тряпкой. Лицо подростка, мертвенно-бледное, сливалось цветом со стеной.

Заложники с жадностью пили грязную воду из чана.

Боевик раздавал детям печенье.

Из пробитой трубы ударила струя воды. Террорист выключил рубильник.

Вера и Борис

Повар Сима Албегова спрятала в один из пустых чанов первоклассника Рому Бзиева.

Надежду Ильиничну с Ириной и Аней вывели из столовой спецназовцы.

Борис и Вера остались в сгоревшем спортзале. Их опознали 4 сентября.

«Бог забрал у меня самое дорогое — моих детей, и дал мне то, что я никогда не любила: музей», — говорит Надежда Ильинична.

Мысль о создании музея пришла к ней после того, как она впервые пришла в школу после событий сентября. Тетради, альбомы для рисования, наглядные пособия, фотографии, сочинения, книги, изрешеченные осколками и пулями, валялись в классах и кабинетах вперемешку со стреляными гильзами и окровавленными детскими вещами. По школе, рыдая, ходили женщины в траурных одеждах и собирали все, что напоминало им о погибших детях.

Надежда нашла тетрадь и книгу Бориса.

Через некоторое время она пришла с учениками, чтобы собрать все, что через несколько лет стало музейными экспонатами.

Вот маленькая девичья туфелька. Вот шапочка Арсена Маликиева, погибшего друга ее сына. А это — школьный фартук Насти Назаровой, которая погибла вместе с двоюродным братом, тетей и бабушкой.

А вот панамка двухлетней Рады Салказановой.

Книга «Выстрел в сердце революции», пробитая пулей, принадлежала

преподавателю истории Дариме Батуевне Аликовой.

Бережно разложены работы бывших мастериц из кружка рукоделия. На стене — осетинский орнамент, выполненный золотым шитьем, — работа Оксаны Коковой.

Из тридцати кружковцев в живых остались трое.

В одной из витрин — форменное платье ее Верочки, изрезанное осколками. Оно хранит запах школы — запах пота, крови и взрывов, который у детей ассоциируется со смертью. Даже четыре года спустя, делясь впечатлениями от церемонии открытия Зала памяти, где было жарко и многолюдно, кто-то из детей сказал: «Пахло, как в спортзале».

Есть в музее витрина, в которой лежат осколки, извлеченные из тел детей во время операций в немецкой клинике «Шарите». На фотографиях — спасенные Давид Валиев, Алан Кулов, Вика Кцоева.

А вот колокольчик, который должен был зазвенеть в тот день на школьном празднике.

В одной из витрин — инструкция о том, как вести себя во время теракта. Ее написала бывшая заложница Бэла Губиева.

Отдельная экспозиция посвящена погибшим учителям. Двадцать семь лет директором школы был ветеран войны Таркан Габули- евич Сабанов. Это по его инициативе и при его непосредственном участии к зданию был пристроен спортивный зал.

Ирина Гуриева

Внимание посетителей привлекает большая фотография, с которой смотрит молодая женщина, похожая на голливудскую кинозвезду Джулию Робертс. Это учительница начальных классов Эмма Хасанбековна Каряева. Учительница немецкого языка Лариса Сергеевна Азиева вспоминает: перед смертью Эмма произнесла имя дочери: «Карина», показала на обручальное кольцо и прошептала: «Люблю». Незадолго до теракта Эмма Хасанбековна второй раз вышла замуж и была очень счастлива в этом браке.

Эмму и Карину похоронили в один день.

Есть в музее документальный фильм режиссера Вадима Цаликова «Отставной учитель» об участнике Сталинградской битвы, бывшем преподавателе истории первой школы Заурбеке Харитоновиче Гутиеве.

Сравнивая три дня, проведенные в спортзале, с пятью годами Великой Отечественной, старый учитель говорил: «На войне было не так страшно: там рядом не было детей».

Собирает Надя материал и об Иване Константиновиче Каниди.

Последствия черепно-мозговой травмы, полученной третьего сентября, сказывались для Надежды Ильиничны еще долгое время: у нее случались провалы в памяти, она не могла надолго уходить из дома.

Ирина отказывалась от еды: «Вера и Борис умерли голодными», — говорила она.

Духовная связь Иры с погибшими братом и сестрой не прерывается. Надежда видит у Иры то дневник Веры, то книги, которые она любила. Ирина носит вещи Бориса и Веры и никому не разрешает их отдавать. Она любит рисовать, как Вера; мечтает заниматься бальными танцами, как старшие брат и сестра.

После гибели лучших танцоров группы Бориса и Веры Гуриевых руководитель кружка латиноамериканских танцев Дворца культуры Заза Сиукаев отказался работать с коллективом. Но мысль о девочке, которая мечтает танцевать, как ее погибшие брат и сестра, заставила его

продолжить работу.

Ирина занималась в кружке недолго: врачи запретили ей танцевать: осколок, который засел в пояснице, мог сдвинуться. Но, вопреки всем запретам, Ирина все-таки танцует плавные осетинские танцы.

...Каждое утро мать и дочь идут в новую школу, где работает Надежда Ильинична и учится Ирина. Их путь лежит через двор старой школы — мимо взорванного спортзала, мимо окон кабинета истории. Они пересекают полотно железной дороги и оказываются у проходной новой красавицы-школы, которая, словно белоснежный океанский лайнер, возвышается над зеленью бесланских садов.

У нее нет номера. Но дети упорно пишут на своих тетрадях «№1».

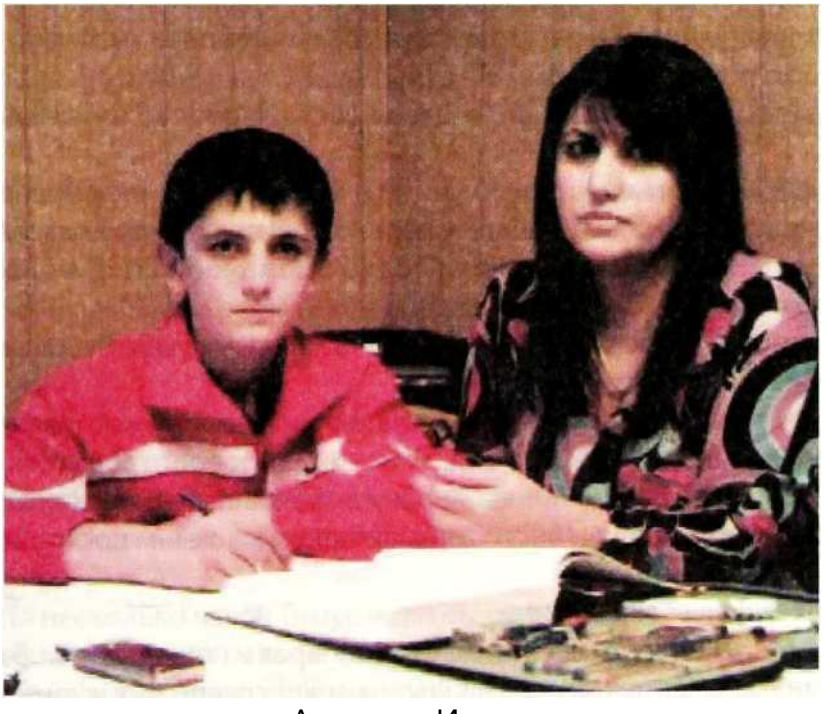
Из окон нового кабинета истории виден печальный силуэт старой расстрелянной школы...

Ирина ЦАЛЛАГОВА

В августе у мужа Ирины Тимура Цаяяагова случился инсульт. Месяц он пролежал в больнице. Ирина отправила семилетнего Ацамаза к своей маме, а сама ухаживала за мужем. Днем была с ним в палате, ночью возвращалась домой, в пустую квартиру.

— Ты знаешь, во сне мне какая-то бабуля дала два пирога, — сказал Тимур как-то утром.

Два пирога у осетин ставят на поминальный стол, три готовят по радостным поводам. Она посоветовала мужу не думать о глупостях — какая смерть в тридцать четыре года? После инсультов выздоравливают даже старики. А Тимур — сильный, атлетически сложенный мужчина, полный сил и энергии.



Ацамаз и Ирина

Как-то ночью Ирина, внезапно проснувшись, увидела, что рядом с ее кроватью кто-то стоит. Она рассмотрела бородатого человека в камуфлированных брюках и жилете, со странным оружием в руках.

Через секунду видение исчезло.

Потрясенная Ирина больше не смогла уснуть. И хотя увиденное не имело отношения к Тимуру, она со страхом подумала о нем.

Утром ярко светило солнце. Страх развеялся, но осталось ощущение

тревоги. Потом, в спортзале, она увидела этого человека. Странное оружие в его руках было гранатометом.

.. .Приближалось начало учебного года, и Тимур настоял на том, чтобы его выписали из больницы. Ирина знала, чем объяснялось его стремление быть дома — Тимур хотел первого сентября сам проводить сына в школу.

Школу они выбирали долго. Шестая ближе к дому, но первая более престижная. За первую был и Тимур, он сам был ее выпускником.

Утром первого Ирина никак не могла собраться. Тимур и Ацамаз ждали ее на улице. Тимур зашел в магазин подарков, что напротив их дома, и вернулся с разноцветными шарами. Он переходил проезжую часть улицы, танцуя лезгинку, и ему приветливо сигналили водители.

В школу решили идти пешком. Ацамазу путь показался долгим. Ирина заволновалась: до школы далековато, кроме того, ребенку придется пересекать две улицы с большими транспортными потоками.

— Может, перевести его в шестую? — сказала она вслух.

— Давай вернемся, — предложил Тимур.

Но Ирина решила не расстраивать его — он был так счастлив, что вел сына в свою родную школу.

— Не стоит, — сказала она. — Давай обсудим этот вопрос еще раз вечером.

Класс, в котором предстояло учиться Ацамазу, был переполнен. Вместе с первоклассниками пришли не только родители, дедушки и бабушки, но даже родственники, соседи и просто знакомые. Многие из них оказались бывшими одноклассниками.

Тимур обрадовался Казбеку и Юрию Мисиковым. Оба были с женами — Ириной и Джульеттой.

Ирина встретила свою знакомую Наталью Соколову, которая привела в школу дочь Дану.

Наконец учительница Галина Хаджиевна Ватаева еще раз поздравила всех с началом нового учебного года, предложила детям построиться попарно и повела их во двор.

Тимур вышел вслед за ними.

Юрий Мисиков забыл в машине фотоаппарат и пошел за ним. В момент захвата он оказался за пределами школы, и это спасло ему жизнь.

Ирина еще стояла в коридоре со знакомой, когда началась стрельба. Те, кто был во дворе, побежали в коридор. Среди них своим высоким ростом выделялся Тимур. «Бандиты! — кричал он. — Отморозки! Быстро на второй этаж!»

Они бросились к лестнице, но сверху вниз по ней уже бежали старшеклассники, за ними — вооруженные люди в камуфляже.

— Куда нас гонят? — спросила Ирина на бегу Тимура.

— В спортзал.

Он толкнул одну дверь, вторую — все кабинеты были закрыты.

Выбил ногой одну из дверей. Они вбежали в помещение и спрятались за партами. За окнами свистели пули, и стоять было опасно.

Кабинет заполнился людьми. Тимур пытался дозвониться знакомому в ФСБ, но связи не было.

Минут через пятнадцать стрельба утихла. Вошел боевик и сказал Тимуру: «Собери все мобильные телефоны». Потом приказал всем идти в спортзал.

Бородатый кучерявый террорист, похожий на чернокожего, что-то промычав как глухонемой, показал на сумку Ирины. Она раскрыла ее, он заглянул и махнул рукой: «Проходи».

Спортзал был уже переполнен людьми. В проходе лежал убитый мужчина. Тимур взял чей-то пиджак и накрыл ему лицо. Тело за ноги протащили по проходу, за ним на полу остался широкий кровавый след.

Боевики вносили в зал сумки с оружием, противогазы и канистры.

«Нас собираются сжечь», — со страхом подумала Ира.

Невысокий мужчина в коричневой куртке, кепке и черных очках минировал зал. На плече у него была сумка, похожая на кофр. Он работал, не поднимая глаз. «То ли боится, то ли имеет совесть», — отметила про себя Ирина.

Стали вызывать мужчин: «Ты, ты ...». Один за другим из толпы выходили молодые мужчины — самые крепкие и сильные. Те, кто мог оказать сопротивление. Террорист еще раз обвел взглядом зал, потом посмотрел вниз — Тимур и Ирина с Ацамазом сидели у самых его ног. «...И ты».

Тимур был последним в этом строю. Две шахидки вывели мужчин из зала.

Ирина встретилась взглядом с Галиной Хаджиевной, учительницей сына. Та покачала головой, и столько было в этом жесте сострадания, боли и сожаления! Ирина вспомнила ее слова, сказанные во время одного из предварительных занятий с детьми: «Побольше бы таких родителей, как вы!».

Спустя несколько часов Тимур вернулся в зал с выбитым глазом. И, возможно, его бы не стали больше выводить. Но он заступился за подростка: боевики, чтобы добиться тишины, время от времени поднимали старшеклассников, угрожая расстрелять их. «Ну-ка, вставай и выходи! — сказал Тимуру террорист. — Нам здесь герои не нужны!».

Об этом Ирина узнала несколько месяцев спустя.

Она не могла простить себе, что не увидела его тогда. Но те, кто был в зале, знают: разглядеть человека даже в нескольких шагах было почти невозможно — лица сливались в безликую массу, словно общее

страдание накладывало на них общую печать.

... В зал внесли телевизор. Спросили, кто умеет обращаться с видеокамерой. Вызвался один из старшеклассников.

Боевик из ее видения подходил к окну, открывал его и стрелял из гранатомета. Один из снарядов упал на тротуар в центре города, под ноги прохожим, и ранил женщину.

Распространился слух, что, если условия террористов будут выполнены, они отпустят детей. Ирина с Наташей подробно объяснили своим детям, куда им идти, если это произойдет ночью.

Внимание Ирины привлек милиционер в форме, который вышел из тренажерного зала. Милиционер стоял уверенно и спокойно, держа руки в карманах. Он обвел взглядом заложников и, усмехнувшись, ушел обратно.

«Тебе показалось», — сказали ей окружающие.

У Ацамаза началась истерика: «Я хочу домой!» — кричал он.

Ира жестами попросила у Али разрешения выйти в душевую. Тот утвердительно кивнул. Она шла с ребенком по проходу, в конце которого сидел Полковник. Он угрожающе поднял автомат: «На место!».

— Мне разрешил Али.

Полковник что-то резко сказал Али на своем языке, тот ответил.

— На место! — опять крикнул Полковник.

Она вопросительно оглянулась на Али, но тот отвел взгляд.

Ирина вернулась на место. Ацамаз испуганно притих.

Ближе к вечеру пожилых людей вместе с внуками перевели в тренажерный зал. Свекровь Наташи, Атикат Кониева, со своей внучкой Даной увела и Ацамаза.

Новый слух ошеломил Ирину: под утро всех, кто находится в тренажерном зале, расстреляют.

Она попросила Али, который контролировал эту часть зала, пустить ее туда.

В тренажерном было прохладно: окна, в которых не было стекол, заставлены партами и столами.

Дети спали.

Ирина присела на маты рядом с соседкой, учительницей начальных классов Татьяной Моисеевной Тедтовой.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила ее Татьяна. — Воду пила?

— Нет, ни разу. Но я выносливая.

Боевики ужинали в небольшом помещении рядом с тренажерным залом. Между ними вспыхнула перепалка, в зал вылетела недопитая бутылка шампанского. Дети набросились на нее... Позже эту бутылку наполнили мочой, и ее также передавали друг другу.

Ужин странным образом повлиял на одного из террористов — он стал кружиться на одном месте и стрелять вверх. Потом остановился, обвел

взглядом заложников и угрожающе произнес: «Кто подойдет к воде — расстреляю!». И вышел из помещения.

Татьяна Моисеевна подошла к крану, наполнила водой небольшой пластиковый стаканчик и принесла его Ирине: «Пей быстрее!». На Ирину устремились жадные взгляды детей. Она сделала глоток, остальное отдала им.

Под утро в помещение вошел Ходов. Он был разъярен и осыпал заложников оскорблениями: «Вы никто! Ваши женщины распутны! Они рожают проституток и наркоманов! Вы никому не нужны! Вон отсюда!».

В спортзале террорист, сидевший «на педали», все так же сосредоточенно читал Коран. За все это время он ни разу не снял маску, не произнес ни слова. (Ирина не знала, что боевики «на педали» постоянно менялись). Она вспомнила, как к нему подошел мальчик лет восьми и со слезами в голосе сказал по-осетински: «Ратт-ма мын дон. Мэе бон нал у, мэелгэе кэенын дойныйэе» («Дай мне воды. Я умираю от жажды»).

Террорист даже не взглянул на него.

— Чей ребенок? — закричал Абдулла. — Уберите его!

«Неужели в Коране ничего не сказано о сострадании?» — подумала Ира.

Ирина и Наташа с детьми с трудом втиснулись на свои прежние места. Наташа переживала за сестру, преподавателя математики Светлану Соколову — у нее было больное сердце.

— Нас не убьют? — спрашивали Светлану дети.

— Все будет хорошо, — отвечала она.

Наташа была задумчива. Несколько месяцев назад у нее трагически погиб гражданский муж. Во сне он успокаивал ее: «Не плачь. После 28 августа мы будем вместе».

Наташа погибла третьего сентября.

Недалеко от них сидела девушка. В странном возбуждении она повторяла: «Такое спокойствие в душе. Я абсолютно уверена, что все будет хорошо. Я совершенно спокойна».

Несколько раз Ирина видела в зале Казбека Мисикова и издалека попыталась спросить его о Тимуре.

Казбек отводил взгляд.

Вставать и ходить было запрещено. Именно поэтому ее внимание привлекли подростки, которые появились в зале на третий день. Они свободно расхаживали по проходу, разглядывая заложников, и никто из боевиков не делал им замечания.

Старшеклассник, сидевший недалеко от Ирины, показав на них, что-то сказал соседу. Это привлекло внимание одного из странных подростков.
Он остановился, приложил палец к губам, затем, изобразив пальцами пистолет, поднес его к своему виску: «Молчи, а то убью».

«Так они с боевиками!» — удивилась Ирина.

Странные подростки исчезли так же быстро, как и появились.

Последнее, что она запомнила перед взрывом, был Абдулла. Он шел в сторону тренажерного зала с черным пакетом в руке. Было время обеда, и она была уверена, что он нес еду.

Ирину спасло то, что она, решив изменить позу, в которой сидела, наклонилась вперед. И упала ничком на сына, который лежал между ее ног.

...Тишина, потом крик. Дым и медленно оседающая пыль.

Она взглянула на подвешенные мины: все на месте. Просто провисли тросы, к которым они прикреплены. Боевик «на педали» — в том же положении, только слегка завалился набок. Он мертв.

Рядом с ней, не подавая признаков жизни, лежит Наташа.

Ирина почувствовала жжение в спине. Провела по ней рукой и увидела на пальцах кровь. Встав, подсадила на подоконник Ацамаза. Смотрела, как он бежит через двор. Попыталась взобраться на подоконник сама, но для этого надо было наступить на мертвого директора школы. Ирина не знала, что у директора есть сестра, Зара Александровна Гайтова. Это она лежала под окном без сознания.

Ирина осторожно наступила на нее и вскарабкалась на подоконник.

Из слухового окна соседней пристройки вырывался огонь: двое террористов стреляли вслед убегавшим заложникам из пулемета или какого-то другого оружия (к автоматным очередям Ирина за три дня привыкла).

Она побежала, уверенная, что ее убьют. Надо упасть и притвориться мертвой. От удара об землю внутри словно открылся краник, из которого потекло что-то горячее. Мимо медленно двигался БТР, под прикрытием которого шел спецназовец.

«Помогите!» — крикнула она.

Мужчина подбежал к ней и, взяв на руки, вынес под прикрытием боевой машины в безопасное место.

«Еще одна беременная», — услышала Ирина разговор врачей в больнице.

Это кровь из поврежденных внутренних органов заполнила ее брюшную полость.

«Можете кричать, ругаться, но времени на анестезию у нас нет, — сказал ей врач. — Будем резать без наркоза.

Она выдержала все.

Прошло почти полгода, прежде чем она вернулась домой из Московской клинической больницы имени Вишневского.

Смерть Тимура от Ирины скрывали. О том, что его нет в живых, Тимур сказал ей сам.

Когда-то, давно, они вместе смотрели американский фильм «Привидение». Это была история двух влюбленных, один из которых погиб в автомобильной катастрофе. Девушка тяжело переживала смерть

любимого. И однажды он дал ей знать о себе с помощью экстрасенса. Чтобы убедить ее в своем присутствии, он произнес ласковое прозвище «дидол», которое было известно только им двоим.

«Пусть это будет и нашим словом, — сказал тогда Тимур. — И если кто-то из нас уйдет из жизни первым, он даст о себе знать с помощью этого слова».

Во сне она сидела за школьной партой. К доске подошел учитель и почерком Тимура вывел три строки: «Дорогая Ирина. Не плачь. Расти сына сама. Дидол».

....Годы идут. Ирина учится жить без Тимура. Растит сына, который со временем все больше походит на своего отца.

В тридцать лет Ирина стала инвалидом. Осколки, засевшие под сердцем и у позвоночника, врачи не смогли извлечь. Ее предупредили: «Тяжести не поднимать. Если осколок сдвинется, тебя парализует».

За все эти годы она ни разу не была в спортзале.

Ей страшно войти туда.

Эльза ДЗЕБОЕВА

Весной две тысячи четвертого года хор первой школы стая победителем республиканского смотра хоровых коллективов Северной Осетии. Исполняли «Аве Мария» Франца Шуберта. У зрителей на глазах были слезы.

К смотру готовились долго: Эльза Викторовна Дзебоева, преподаватель музыки первой школы, очень хотела исполнить знаменитое духовное произведение с хором, но не было текста на русском. Пришлось «списывать» с аудиокассеты.

Дети пели на итальянском восторженно и самозабвенно.

А летом, во время отпуска, Эльза Викторовна уехала в экзотическую Италию, где жила ее дочь Диана.

Диана окончила первую школу. С детства ее мечтой была Италия. «Я жила там в прошлой жизни», — часто говорила она матери.

Эльза продала квартиру и отправила дочь в Италию. Судьба улыбнулась девушке: она встретила хорошего человека и вышла за него замуж.

И вот теперь Эльза Викторовна, погостив в солнечном Солерно, познакомившись с зятем-итальянцем и порадовавшись за внучку, вернулась в Беслан.

«За дочь спокойна, теперь займусь собой», — сказала она себе.

В последних числах августа ей удалили жировик на голове. Первого сентября утром она должна была идти в поликлинику на перевязку.

В школу не собиралась. Но позвонила подруга, учительница начальных классов Галина Хаджиевна Ватаева и попросила: «Мои первоклассники будут петь, нужен аккомпанемент. Помоги».

Эльза пообещала подойти к десяти. Но в поликлинике знакомый врач принял ее вне очереди, и в девять она уже входила в школьный двор.

Звучала музыка. Эльбрус Худалов, руководитель популярной в районе вокально-инструментальной группы «Зилахар», возился с аппаратурой.

В первой школе учился сын Эльбруса Георгий. Несколько лет назад Эльбрус развелся с первой женой, и мальчик остался жить с отцом.

Отец и сын были очень привязаны друг к другу.

Привычно, как все пятнадцать лет ее работы в этой школе, начинался учебный год. Вот со ступенек главного входа спустилась директор Лидия Александровна Цалиева с объемистой тетрадью в руке. В начале и в конце каждого учебного года она коротко докладывала о достижениях коллектива, отдельных учителей и учащихся.

Этих минут всегда ждали с волнением.

То, что было дальше, Эльза помнит обрывками.

Вот она в своем нарядном белом брючном костюме лежит на куче строительного мусора. Мимо нее бегут дети, учителя, родители. Несколько старшеклассников поднимают ее, среди них она узнаёт Руслана Габи- сова.

Возможно, ее, лежавшую, видел кто-то из тех, кому удалось сбежать. Потому в первые часы после захвата школы по Беслану разнесся слух о том, что учительницу музыки Эльзу Викторовну Дзебоеву террористы расстреляли первой.

Рядом с Эльзой в зале сидели учительница начальных классов Ирина Захаровна Ханаева, секретарь директора Раиса Габисова, родительница Ирина Адырхаева. Ирина привела в первый класс старшую дочь Эмилию. Эльза Викторовна познакомилась с Ирой в Доме детского творчества, где преподавала музыку в школе раннего развития.

В спортзале Эльза снова увидела Эльбруса Худалова и его сына. Всегда спокойный, доброжелательный и улыбчивый, Эльбрус выглядел изможденным. Его благородное лицо горца, обрамленное седеющей бородой, было багрово-красным. Эльбрус не мог сидеть и полулежал, опершись локтем об пол. Мальчик гладил ему лицо, вытирал платком пот.

Несколько раз Георгий выходил, чтобы намочить носовой платок и принести отцу воды.

На второй день отец и сын переместились в другое место, и Эльза Викторовна потеряла их из виду. Потом она узнала, что после первого взрыва маленький Георгий мог убежать из спортзала, но пытался поднять отца. Над их головами взорвалась мина, которая висела в баскетбольной корзине.

Они погибли оба.

Погибли и Батаговы — Марина и ее дочери Алана и Юлия, которые все это время сидели рядом с Эльзой Викторовной. Погибла и Ирина Адырхаева. На второй день, когда боевики перестали давать заложникам воду, Ирина заставляла девочек пить мочу. «Это полезно», — уговаривала она их.

Дочери ее остались живы.

Эльза многое не может вспомнить. Вероятно, это защитное свойство психики, которое блокирует воспоминания. Чтобы человек не сошел с ума. Ведь невозможно понять, принять и запомнить все, что произошло с ней за эти дни. Она часто думает: как она выжила, если те, кто сидел рядом с ней,

погибли? Как она оказалась в столовой?

В столовой она уже ничего не слышала и не воспринимала. Как зомби, передвигалась, ложилась, укрывалась от пуль и осколков.

Провал в памяти. Или беспамятство? Открыв глаза, увидела: рядом нет никого из заложников. Мужчина в каске помог ей встать, она шла, с нее спадали брюки, она придерживала их руками.

Через три дня она уже не могла ходить — трехдневное сидение сказалось на венах. Ее прооперировали в Москве, в клинике имени Вишневского.

...Два года Эльза Викторовна не могла работать с хором, не провела ни одной репетиции. Она часами сидела в своем кабинете и разглядывала фотографию: ее хор на сцене. Красивые и нарядные стоят Диана Баскаева, Сабина Мамаева, Инга Циноева, сестры Фарниевы.

Их уже нет в живых.

И в памяти ее, перекрывая все воспоминания, звучала божественная «Аве Мария» в исполнении хора первой бесланской школы.

Татьяна СВЕТЛОВА

Татьяна Валентиновна

Татьяна Валентиновна растеряла своих учеников в первые минуты захвата. Только трое: Лайма Торчинова, Алина Качмазова и Арсен Габисов, бежали, вцепившись руками в ее юбку.

В зале ее дети (у Татьяны был третий класс) быстро нашли ее, и она сидела в окружении шестнадцати учеников. Это были в основном те, кто пришел в школу без родителей. Остальные пятеро тоже были недалеко — Сослан Губуров с бабушкой Верой Дауровой, Фариза Митдзиева с мамой Ириной, бабушкой Зарой и младшим братом Азаматом.

Над головой Татьяны, в баскетбольном кольце, висело самое большое взрывное устройство. «Понемногу перебираемся в сторону окна», — сказала она ученикам.

К вечеру они передвинулись к первому от кабинета тренеров окну, которое вело во внутренний двор школы. «Что с нами будет?» — спрашивали ее дети. И Татьяна Валентиновна, словно предвидя то, что должно было произойти, говорила: «Если взорвется мина — прячьтесь под меня. Будут мертвые — под них. Главное — выжить. Дома вас ждут мамы».

Бабушка ее ученика Сослана, Вера Губурова, попросила: «Если со мной что-либо случится, присмотрите за моим Сосиком». Вера незадолго перед тем перенесла операцию на сердце.

— Я тоже рассчитываю на вас, — сказала ей Эльвира Туаева. — Если кого-то из нас ранят, ты ведь поможешь?

Эльвира была с детьми Хетагом и Кристиной.

Уставшие, измученные ученики тянулись к Татьяне. Одни из них лежали на ее ногах, другие сидели, прислонившись к ней. Малыши выходили в душевую в надежде достать воды и понемногу рассеивались по залу: кто- то встречал знакомых, кто-то перебирался к соседям.

Татьяна трижды выводила детей небольшими группами в душевую.

— Вода отравлена, — сказал террорист. — Пить ее нельзя.

— Пейте, пейте, — шепотом сказал тот, который стоял ближе к двери. — Только быстро.

Когда Татьяна вывела детей в третий раз, к воде их не подпустили.

В классе, приспособленном под туалет, Татьяна в поисках воды или съестного заглянула во все шкафы: нигде — ничего. Роскошные комнатные цветы, гордость учительницы Галины Хаджиевны, были объедены. Из горшков торчали голые стебельки. На полу валялась пустая бутылка из- под шампанского. Вот откуда одна из маленьких заложниц принесла маме во рту глоток вина!

Когда они вернулись в зал, Фариза Митдзиева вынула из-под блузки коробку конфет «Коркунов».

— Откуда?! — удивилась Татьяна Валентиновна.

— Нашла под учительским столом, — сказала Фариза и протянула коробку учительнице.

Татьяна Валентиновна раздала конфеты детям, сидевшим вокруг нее. Фариза зажала в руке три штучки и по одной давала их брату.

— А сама? — спросила ее Татьяна.

— Но он же маленький...

К вечеру второго дня рядом с Татьяной Валентиновной никого из ее учеников уже не было. Теперь они сидели с Альбиной Владимировной Тебиевой, преподавателем осетинского языка, и двумя ее детьми — Зауром и двухлетним Зелимом.

Вера Даурова, бабушка Сослана Губурова, и учительница Таисия Каурбековна Хетагурова, которая была беременна и плохо себя чувствовала, перебрались к двери кабинета преподавателей физкультуры. В момент взрыва они погибли обе.

Сослан Губуров был убит выстрелом в лоб.

У Эльвиры Туаевой сын Хетаг незадолго до первого взрыва ушел в сторону душевой. Она отправила на его поиски дочь Кристину.

Больше Эльвира своих детей не видела.

Татьяна, желая подбодрить сидевших рядом, рассказала им свой сон: в свадебном наряде спускалась вниз по ступенькам, на которых горел огонь. Огонь погас, но ступеньки были горячими. Она поднялась из подземелья.

Значит, все будет хорошо!

Таня не сказала, что в том ее сне на свадебных столах в одноразовых тарелках был разложен плов, который у осетин готовят в день похорон.

Из класса Татьяны Валентиновны погибли шестеро.

А через несколько месяцев после теракта Татьяна потеряла единственного сына Ивана, студента Самарской медицинской академии.

За несколько минут до взрыва Татьяна Валентиновна пересела на

длинную скамью, стоявшую под окнами. Ощутив сильный удар по голове и щеке, успела подумать: «Взрывчатка — слева, а удар был справа». И еще: «Буду некрасивой». И потеряла сознание. (Ударило ее одной из досок, которыми были закрыты радиаторы отопления).

Она не слышала второго взрыва, не видела, как бежали заложники.

Очнулась, когда на нее упал кусок потолочной обшивки. На высокий подоконник взбирался мальчик лет восьми. Он уже почти вскарабкался, но, подстреленный, упал вниз, в спортзал.

Рядом с Татьяной лежала девочка. Виден был только один ее глаз — он застыл, как стеклянный. «Мертвая», — решила Татьяна. Внезапно глаз моргнул, и девочка закричала: «Амина!» — с ударением на последнем слоге.

— Не кричи, — сказала Татьяна. — А то нас убьют.

Под щекой Татьяны Валентиновны что-то дернулось. Она подняла голову и увидела, что лежит на мальчике лет шести. Ребенок, очнувшись, тоже с удивлением смотрел на нее. Татьяна придвинула его к себе.

«Сейчас будут бомбить», — услышала она голос.

В дверях, ведущих в коридор, стоял мужчина в черном трико и черной футболке. «Наконец-то наши!» — обрадовалась Татьяна.

— Кто живой — вставайте и идите сюда, — сказал мужчина.

Она поднялась и, прижимая к себе мальчика, направилась к нему.

В кабинете физруков было еще несколько заложников. Среди них — преподаватель физкультуры Иван Константинович Каниди, бывший учитель Татьяны, а теперь ее коллега. Именно он первым догадался, что перед ними — боевик, который успел переодеться (террористы все три дня были в камуфляже).

Террорист вышел, и на какое-то время заложники остались одни.

— Сейчас мы быстро отодвинем парты от окна и выберемся отсюда, — сказал Иван Константинович.

Он стал торопливо отодвигать парты. За этим занятием и застал его боевик. Каниди бросился на него, оба упали на пол, вцепившись руками в автомат. Молодой и сильный террорист попытался вырвать у него из рук оружие, но старый учитель не выпускал его. Боевик выхватил пистолет и выстрелил в него.

Напуганные заложники побежали по коридору в сторону столовой.

Мысль о том, что они предали учителя, который хотел спасти их, не дает покоя Татьяне.

В столовой один из террористов принес заложникам ведро воды и стаканы. Галина Хаджиевна Батаева с дочерью Агундой и одной из своих учениц, которая все эти дни ни на шаг не отошла от своей учительницы, сидели на полу. К Татьяне подошла Эльвира Туаева. В глазах ее был ужас. «Таня, ты не видела моих детей?».

Боевики привели в столовую еще одну группу заложников, которые

прятались в актовом зале. Когда началась перестрелка, Татьяна Валентиновна легла рядом с Галиной Хаджиевной и обхватила ее.

— Отодвинься, — попросила ее Галина. — Я ранена в спину.

Татьяна отползла и оказалась в центре помещения. Ей вспомнились кадры из фильма: производится зачистка, в окно бросают гранату, она взрывается в центре комнаты. «Это опасное место», — подумала она и отползла к окну, под которым лежали Александр Додтаевич Цаголов и библиотекарь Изета Татариевна Циноева. Рядом с Цаголовым — один из террористов, который тоже успел переодеться: на нем — черные спортивные брюки и красная футболка. «Клянусь Аллахом, — то и дело повторял он, — я ничего не знал. Нас обманули. Я ни в кого не стрелял. Вы же видите, у меня нет оружия.....

Это был Нурпаши Кулаев.

Татьяна Валентиновна стояла, но как она встала — не помнила: у нее были провалы в памяти из-за трещины в височной пластине. Забыла она и про маленького мальчика, которого вывела из зала и посадила под жарочный шкаф.

Галина Хаджиевна Батаева умерла в больнице от потери крови.

Анжела КОДЗАЕВА

В классе Диана и ее мама Анжела пробыли всего минут тридцать. Учительница Ирина Захаровна Ханаева раздала второклассникам книги по чтению, потом все вместе сфотографировались, а кто-то из родителей все это время снимал происходящее на видеокамеру. «Теперь, — сказала Ирина Захаровна, — я попрошу родителей выйти во двор и ждать нас там».

Анжела вышла и встала под деревом недалеко от котельной — отсюда хорошо видны были ряды учащихся начальных классов. К ней подошла ее мама Роза, держа за руку четырехлетнюю Марианну.

Утром Анжела оставила младшую дочь у матери, попросив отвести ребенка в садик. «Садик не работает, — сказала Роза. — А мне надо срочно ехать во Владикавказ».

Анжела не успела ответить — она услышала выстрелы и побежала туда, где была Диана.

Диана и Анжела

В школьный коридор они забирались через окно. Женщинам и детям помогал мужчина, стоявший на подоконнике.

В спортзале Анжела долго искала мать и Марианну. Их не было. Неужели семидесятилетней Розе с внучкой удалось сбежать? Анжела обрадовалась: мама бы эту духоту не выдержала.

Рядом сидели Лариса Кудзиева и ее дочь Мадина. Чуть дальше — семья

Дзампаевых — Артур, Света, их дочь Агунда и двухлетний Аспарик.

Неожиданно Анжела увидела мужчину, который помогал ей подняться на подоконник. Лариса Кудзиева перевязывала ему рану, но сквозь повязку сразу же проступала кровь.

Это был Вадим Боллоев.

Ларисе нужны были бинты. Анжела отдала ей белый нарядный фартук Дианы.

Боевики постоянно стреляли. От запаха пороха и крови Анжеле становилось дурно.

Двое террористов подошли к Вадиму и взяли его под руки.

— Куда вы его ведете? — спросила Лариса.

— В больницу, — с ухмылкой ответил один из них.

Вадим, вероятно, поверив в это, сказал: «Без детей я никуда не пойду».

В зале помимо сына, первоклассника Сармата, находились и его дочери Зарина и Мадина, которые погибли на третий день.

В живых остался только Сармат.

На слова Вадима никто из боевиков не прореагировал. Он понял, что они издеваются над ним: жизнь человека в этом зале уже не имела никакой цены.

К вечеру в окружении Анжелы разыгралась еще одна трагедия.

Террористы не сразу заметили в зале Артура Дзампаева. А, заметив, подняли его и увели. Следом за ним вышла его жена Света. Она вернулась, рыдая. Не отвечая на расспросы, сказала только: «Все». Громко плакала и ее дочь Агунда.

...Воздух был влажным и липким. У дочери Анжелы Дианы был зоб, у нее начинался приступ удушья. Ей разрешили вывести ее из зала. «Возьми с собой и мою Машу», — попросила ее Наташа Урманова.

Террорист повел их почему-то на второй этаж. Там, вдоль всего коридора, напротив окон то ли на матрасах, то ли на спальных мешках сидели боевики. Она шла мимо них в своем джинсовом сарафане в обтяжку и прикрывала двумя руками декольте. Один из мужчин что-то сказал, другие громко засмеялись.

Ей стало страшно.

Боевик завел их в помещение, где была вода. Дети пили, она не могла оторвать их от краника. Террорист торопил их: «Быстрее, быстрее».

Обратно они опять шли мимо мужчин, сидевших на спальных мешках.

Вечером второго дня по залу разнесся слух: дочь Ларисы Рудик, Яна, впала в кому, у нее сахарный диабет. Необходим был инсулин, которого ни у кого не было.

Ларису с дочерью куда-то увели.

У Дианы опять начинался приступ удушья. Анжеле позволили вынести ее в душевую. В душевой перед умирающей дочерью сидела Лариса.

— Яночка, тебе не больно? — спрашивала она дочь.

— Нет, мамочка.

— Яночка, тебе правда не больно?

— Нет, мамочка, — шептала девочка холодеющими губами. Она сделала последний вдох, и из носа и ушей ее выступила кровь.

В проеме распахнутой двери возник Абдулла. «Кто разрешил? — закричал он. — Всем быстро в зал!». Он выпустил несколько автоматных очередей поверх голов сидевших.

Лариса подняла мертвую дочь и, прижав ее к себе, вышла из душевой.

«Может, она не понимает, что ее ребенок умер?» — думала Анжела.

Утром третьего сентября террористы приказали Ларисе положить тело дочери под спортивное бревно в коридоре.

— Я боюсь, — сказала Анжеле девочка лет четырнадцати.

— Чего ты боишься?

— Маму. Она — большое облако и душит меня. Мы все умрем.

Мама девочки сидела в другом месте.

Диана ушла в поисках воды в сторону душевой. Анжела видела, как на нее замахнулся террорист и погнал обратно. Диана вернулась вся в слезах.

Взрывной волной их бросило на пол.

Анжела огляделась. Дианы рядом нет. Тела присыпаны чем-то, похожим на разбитую штукатурку. Она перевернула одного мертвого ребенка, второго, третьего. Вытянула за руку еще одного и увидела свою дочь.

Диана была жива. Анжела подняла ее и понесла к окну, которое выходило во внутренний двор школы. Поставила на подоконник и крикнула: «Беги!». Сама выбраться не смогла, ее кто-то держал. Посмотрела вниз: мальчик лет десяти лежал на полу, крепко обхватив ее ноги. Анжела подняла его, помогла взобраться на подоконник.

Она выбралась в окно и направилась во двор соседнего дома.

Дома Анжела узнала, что ее Диану, которая была в шоковом состоянии, кто-то забрал из больницы, приняв за своего ребенка. Когда Диана смогла, наконец, объяснить, кто она и где живет, ее привезли домой.

Еще удивительнее был рассказ о том, как со школьного двора удалось сбежать ее семидесятилетней маме.

— Ложись! — крикнул пожилой женщине террорист.

— Если я лягу, я не смогу встать, — сказала бабушка Роза. — У меня больные ноги.

— Тогда иди в школу!

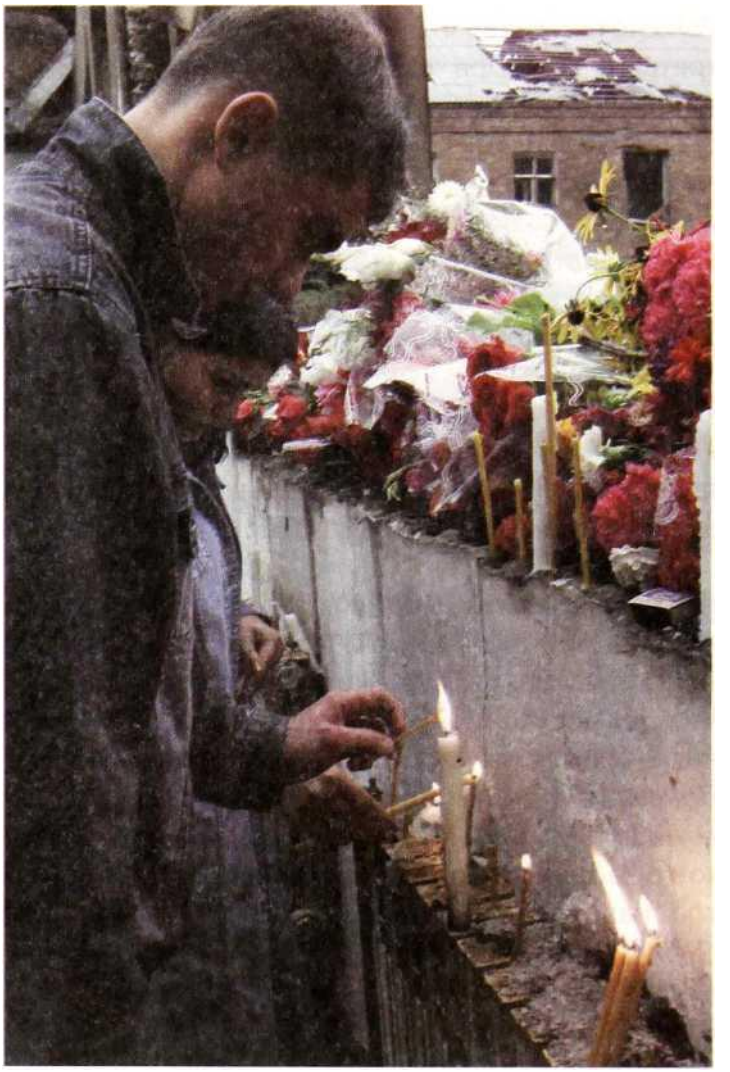
— А можно я пойду в школу, а ребенок — домой?

— Нам старухи не нужны, нам нужны дети! — кричал террорист.

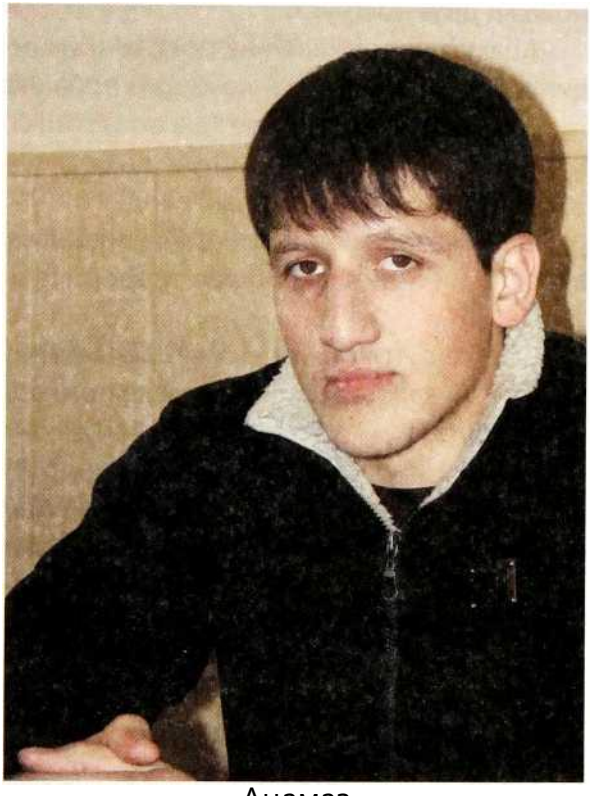
Его внимание отвлекли старшеклассники, он побежал в сторону ворот. Как Роза убежала со школьного двора, она не помнит. И откуда взялись силы, чтобы сорвать замок с чужого курятника, тоже не может объяснить.

За школой — гаражи и небольшие постройки, которые возвели жители пятиэтажек. В них некоторые держат кур. В одном из таких строений и оказалась Роза со своей маленькой внучкой.

Роза и Марианна пробыли в курятнике около трех часов. Их вывели во второй половине дня.



Ацамаз КЦОЕВ


Ацамаз

Летом Ацамаз уехал в Тамбовскую область, где его отец Владимир вместе с бригадой строителей возводил мельницу близ небольшого села Инжавино. Домой вернулся в конце августа без особых впечатлений, но загоревшим, с накачанными от работы мышцами.

Аца перешел в восьмой класс. Родители настаивали на том, чтобы к школе купить костюм, но он отказался: не любил пиджаки. Остановились на брюках и белой рубашке.

Их двухэтажный восьмиквартирный дом — в пяти минутах ходьбы от школы. Ацамаз вышел на улицу без десяти девять. Мимо шли дети и взрослые — на праздники в первую школу приходили и жители близлежащих домов, и выпускники прошлых лет. К нему подошел бывший одноклассник Масик Гогицаев.

В этом году Масик ушел в ПТУ, чтобы вместе с аттестатом получить профессию. Училище — недалеко от школы. Масик стоял, не зная, куда идти — очень хотелось в школу, но надо идти в училище, первый день все-таки...

Они распрощались, договорившись встретиться вечером.

Ацамаз вошел в длинный, сверкавший чистотой и залитый ярким солнечным светом школьный коридор.

Кабинет русского языка и литературы — на втором этаже. Классная руководительница Альбина Викторовна Аликова, преподаватель литературы, была, несмотря на молодость, «суперстрогой» и очень требовательной. Они любили и уважали ее: с ней можно было поговорить на любую тему.

«Пора на линейку», — сказала Альбина после радостных приветствий и поздравлений.

Захват показался Ацамазу инсценировкой, а, осознав происходящее, он сразу вспомнил о младшей сестре Мадине: ее класс стоял в глубине двора, и

убежать она, конечно, не успела. Он метался по двору в надежде отыскать ее, но все девочки в форменных платьях и белых фартуках были похожи друг на друга.

Ацамаз подсаживал на подоконник детей из младших классов. Подсадил и Алана Каргиева, у которого правая рука была в гипсе.

В школьном коридоре Аца встретил соседа Аслана Арчегова.

— Ты не знаешь, как можно выбраться отсюда? — спросил Аслан.

— Только через главный вход.

Они оказались в кабинете домоводства, который был уже переполнен взрослыми и детьми. Вошел террорист и приказал всем пройти в спортзал.

Вместе с Асланом и его женой Оксаной Ацамаз оказался у входа в тренажерный зал. Террорист в маске приказал Аслану: «Смотри, чтобы никто не входил туда».

Ацамаз и учитель труда Александр Михайлов принесли кресло. Террористы потребовали, чтобы на него встал один из заложников и помогал минеру, который устанавливал в баскетбольном кольце мину.

Места на полу уже не было. Ацамазу с Аланом Каргиевым пришлось стоять под баскетбольным кольцом. Когда становилось невмоготу, опускались на корточки. «Когда нас отпустят? — волновался Алан Каргиев. — Папа меня искать будет. Позвонит, а у меня телефона нет — отобрали».

«Иди сюда, — позвала Ацамаза Алана Кацанова. — Здесь есть место».

Но он опять не успел сесть: «Вот тебе пакет, иди, собери все телефоны, которые там, на полу», — приказал ему террорист, сидевший «на педали».

Ацамаз собрал телефоны.

— Возьми и мой, он там, в сумочке, — сказала Альбина Викторовна.

Ацамаз, испытывая неловкость, нашел ее сумочку, открыл и, стараясь не смотреть на содержимое, достал мобильник.

Возвращаясь, наступил на провод и получил подзатыльник от террориста: «Ты что, хочешь, чтобы мы взлетели?!».

Ацамаз оглядывал зал, искал сестру. Может, она успела убежать?

Потом увидел ее: Мадина сидела далеко от него, рядом с соседкой по дому Ирой Кесаевой и его одноклассницей Эммой Гагиевой.

Мадина по-детски была влюблена в актера Сергея Бодрова. Когда его съемочная группа после схода ледника Колка пропала в Кармадонском ущелье, она не верила в его смерть: «Он жив, — говорила она, — его группа успела укрыться в тоннеле».

Полтора года она следила за ходом спасательных работ, а когда проходчики сквозь ледяные завалы проникли в тоннель и выяснили, что там никого нет, тяжело переживала смерть любимого актера.

Ближе к вечеру Ацамаз перебрался к Алане Кацановой. Девочка ухаживала за раненым мужчиной, вытерла ему кровь с лица и перевязала

голову.

Ацамаз никогда не завтракал, и от голода у него слегка кружилась голова. Воду не пил — знал: если выпить — жажда усилится.

Ему очень хотелось перейти туда, где сидела Альбина Викторовна. Он видел, как террористы подняли его одноклассника Заура Дудиева и Альбина Викторовна за него заступилась.

Но до них было далеко, да и места свободного там не было.

...Взрыв оглушил его. Когда пришел в себя, выскочил в окно и побежал.

Его сестра Мадина погибла.

Погибли и его одноклассники Заур Дудиев и Хасан Рубаев, погибла Аланка Кацанова.

Не стало и его любимой классной руководительницы Альбины Викторовны Аликовой.

В дневнике умершей сестры Ацамаз нашел стихи, посвященные Сергею Бодрову. В нем были такие строки:

Как тяжело понять, что умираешь,
Как будто ты в кошмарном, жутком сне...

Фатима ДУДИЕВА

Фатима

Июльским утром 2004 года Фатима проснулась от звуков далекой канонады. Так в прошлые времена работали противоградовые установки, которыми расстреливали грозовые тучи. Но в окно ярко светило солнце, на небе — ни облачка. Включила телевизор: по всем каналам передавали новость — ночью в Назрани боевики напали на райотдел милиции, уничтожено около ста сотрудников внутренних дел.

В Ингушетию выдвинулись части 58-й армии.

После этих событий улицу, на которой располагался отдел милиции в Беслане, перекрыли бетонными блоками. Днем проезд для машин открывался, ночью блокировался.

Личный состав райотдела милиции, где работала Фатима, перевели на усиленный вариант несения службы. Были предприняты и другие меры предосторожности.

Фатиме не нравилась атмосфера, которая складывалась в отделе в последние годы, и она все чаще поговаривала, что собирается уйти.

В августе отдел возглавил новый начальник. Это был, как отметила про себя Фатима, «человек с горячим сердцем, холодной головой и чистыми руками». Он жестко взялся за наведение порядка; предупреждал, что положение тревожное и необходима бдительность — теракт может произойти в любое время и в любом месте.

...В День знаний Фатима Дудиева, сотрудница отдела по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, обязана была «обеспечивать общественный порядок в Бесланской школе №1».

Начало мероприятия, как всегда, в 10 утра.

Школа от районного отдела внутренних дел — в сотне метров.

Утром личный состав находился еще на плацу, когда из соседнего пятиэтажного дома стали выходить празднично одетые дети с цветами и шарами. «Что такое? — удивилась Фатима. — Ведь нет еще и девяти».

Позвонила из дежурной части в школу. «Мероприятие перенесено с десяти часов на девять»,— ответили ей.

Мимо проезжала служебная машина, водитель предложил подвезти ее.

В школу она вошла без пятнадцати минут девять.

При посещении первой школы она всегда ощущала радостное волнение — здесь учились ее любимые племянники Заур и Алла. Своих детей у майора милиции не было. Учеников в коридоре пока было немного, все — в классах и кабинетах. Она уже собиралась подняться на второй этаж, когда к ней подошла родительница Инга Чеджемова: «Со стороны железной дороги возле одного из домов стоит подозрительный «ГАЗ-66», — сказала она.

Фатима обязана проверить информацию. Она вышла из здания и направилась к воротам, ведущим в сторону железной дороги. Внимание ее привлек странный тревожный звук, похожий на сирену. Звук исходил из машины, которая стояла недалеко от школьного крыльца. Она остановилась: «Что за сигнал и кому он адресован? Надо позвонить в отдел».

Фатима вошла в коридор и быстро поднялась по ступенькам, ведущим на второй этаж: телефон находился в учительской. Но дойти до телефона не успела — ее окружили вооруженные люди, одетые в голубой камуфляж. На лицах у них были маски, в руках — автоматы. «Куда, ментовская...! Это вам не Норд-Ост...!» — услышала она.

Сомнений не оставалось — это террористы.

Фатима побежала вниз, на первый этаж, и смешалась с группой старшеклассников.

Инстинкт самосохранения подсказывал Фатиме, что надо быстрее избавиться от формы. У входа в спортзал увидела своего соседа, старшеклассника Стаса Бокоева, попросила у него пиджак и сбросила с себя форменную сорочку с погонами. Пиджак, который был на несколько размеров меньше, не сходился на груди, и она приладила вместо шарфика женские колготки, найденные в душевой. Позднее, когда почти все подростки разделись по пояс, Алан Персаев отдал ей свою сорочку.

Теперь главное — отыскать племянников. Второклассницу Аллу Фатима нашла быстро. Заур Дудиев вместе с одноклассниками сидел в центре зала, возле классной руководительницы Альбины Викторовны Аликовой.

Когда Фатима выбросила сумку, Алла расстроилась: там же ключ от квартиры! Как она теперь попадет домой?

Какой он маленький, этот зал, и каким громадным казался тогда! Фатима не видела, как подняли террористы ее племянника Заура в первый раз. Но хорошо помнит, как вывели его в центр зала вместе с несколькими подростками и пригрозили, что расстреляют их, если взрослые не

перестанут разговаривать. И как закричали женщины и запричитали, и как рванулась она вперед, чтобы вырвать из рук боевика своего племянника. «Это мой сын! — кричала она. — Отдайте его!».

Тринадцатилетний мальчик был не по возрасту высоким, и это привлекало к нему внимание террористов.

Фатима сидела под одним из окон, справа от прохода. Однако на третий день взрослых заставили сесть по одну сторону прохода, а детей — по другую. Она попросила Абдуллу разрешить ей пересесть к детям, но тот отказал.

В зале потемнело или у нее в глазах? Она никого и ничего не видела. Где Заур и Алла? Слышалась стрельба — к ним, наконец, пришла помощь. Кто-то позвал ее по имени — это был прокурор района Алан Батагов. Он стоял пригнувшись под противоположным окном.

— Сюда! — кричал он. — Ползи сюда!

Она не могла ползти. Алан подобрался ближе, взял ее за юбку и потянул за собой.

Физическая боль ничто по сравнению с душевной: ее племянники погибли.

Почему ушли из жизни дети и осталась в живых она? Эта мысль не дает ей покоя.

Фатима, единственный сотрудник правоохранительных органов, который всё видел своими глазами, попыталась разобраться в причинах и следствиях сентябрьского теракта в Беслане. И открыто на суде обличила отдельных руководителей районного отдела в коррупции.

Но это уже ничего не изменило.

Вика ДЗУЦЕВА

Стас Бокоев из параллельного десятого потерял сознание. Все в школе знали, что у него проблемы со здоровьем — его внутренние органы расположены как в зеркальном отражении. Иными словами, сердце — не слева, как у всех, а справа. Из-за того, что никто не ощутил по этой причине биения сердца, его, тяжелораненого, третьего сентября вместо оказания помощи отправили в морг.

...На второй день боевики вывели на расстрел Стаса и Заура Дудиева. Так они хотели напугать и успокоить заложников — в зале стоял гул голосов. Классная руководительница Заура, Альбина Викторовна Аликова, встала на защиту подростков.

Когда мальчики вернулись на свои места, Стас потерял сознание — сказалось нервное перенапряжение.

Вика Дзуцева с подругой Зариной Хадиковой собрали с пола фартуки, рубашки, носки, намочили их, выжали ему в рот, вытерли лицо. Когда Стас пришел в себя, очень смутился: «Сами... Не надо... Пейте сами. Мне уже

Она сидела с подругами. Тетю Ирину Налдикоеву с детьми Аланкой и Казиком она потеряла из виду в первые минуты захвата заложников. И вот лучше...». И пошутил: «Вон, на полу, ключи от квартиры, где деньги лежат. Можете забрать их себе».

Вика подобрала с пола ключи — вдруг кто-то будет их искать? теперь, оглядевшись, заметила ее недалеко от себя.

— Как дети? — спросила она.

— Пока держатся.

Ночью Вике удалось поспать прямо в проходе. Боевики ходили, перешагивая через нее. Проснувшись, пересела к Ирине, которая сидела у входа в тренажерный зал. Боевик в маске, с синяком под глазом, всем своим видом выражал сочувствие. «Если бы я мог, я бы отпустил вас всех»,

— казалось, говорил его взгляд. Он с жалостью смотрел на детей, и когда никого из его товарищей не было рядом, разрешал им пить.

Настроение боевиков постоянно менялось. Они бывали то резкими, то благодушными.

Тетя Ира рассказала Вике, что один из террористов узнал женщину, с которой встретился две недели назад на Бесланском воскресном рынке. Женщина покупала в подарок мужу магнитофон и не знала, какой выбрать. «Купите вон тот, — сказал ей мужчина невысокого роста, лет пятидесяти, со шрамом на шее. — Он качественнее и надежнее».

— Ну что, вспомнила? — спросил он ту женщину.

— Нет.

— Правильно делаешь, — сказал боевик.

...Четырехлетняя Аланка прижалась к Вике, а Казик сидел рядом с Ириной. Им удалось прилечь, и они уснули.

Проснулись от грохота. Вокруг стало просторно. По залу летали искры, которые кололи и обжигали ноги.

Вика еще ближе придвинулась к Аланке и накрыла ее собой. В ногах девушки, так же прикрывая маленькую девочку, плакал мужчина, обнимая мертвую женщину.

Вика приподняла голову — недалеко от нее неподвижно лежала ее одноклассница ИннаТуаева.

— Если нас отпустят ночью, — говорила подругам Инна в первый день,

— мы все пойдем к нам. (Туаевы живут в Школьном переулке, почти рядом со школой). — Вы позвоните домой и останетесь ночевать у нас.

«Надо посмотреть, что с Инной», — решила Вика.

Но по залу огненным смерчем прокатился второй взрыв. Плач. Крики. Рев вертолетов. И высокое синее небо прямо над головой.

«Кто живой — вставайте и выходите! — кричал террорист. — Сейчас здесь все взорвется!».

Мимо прошла Вика Гусейнова из параллельного одиннадцатого. Голова у нее была в крови.

— Куда ты? — крикнула ей Вика.

— Пошли.

Многие из оставшихся в живых заложников встали и направились туда, где стоял террорист, — в кабинет физруков. Ирина и Вика с детьми тоже поползли в ту сторону. Аланке было страшно. «Ползи, Аланка, — просила ее Вика. — Не смотри вниз и ползи».

Перед ними — женское туловище без головы. Аланка, вцепившись в Вику, испуганно закричала. Вика потеряла сознание. Очнувшись, попросила боевика, который стоял у двери, помочь ей подняться. Встала, держась одной рукой за стенку, второй прижимая к себе девочку, сделала несколько шагов и опять упала. Открыв глаза, увидела террориста, который стоял над ней и стрелял из окна.

Она была в столовой.

Поискала взглядом Аланку. Не видно ни ее, ни Ирины с Казиком.

«Вы не видели маленькую девочку?» — спросила Вика преподавателя музыки Эльзу Викторовну Дзебоеву.

Та отрицательно покачала головой.

В столовую вошли еще несколько заложников. Одна из женщин вела за руку Аланку. Теперь Вика, Зарина Хадикова и Аланка лежали на полу кухни. Они прятались за перевернутым разделочным столом, который был обит металлическим листом.

Вошли несколько женщин с детьми. Террорист потребовал, чтобы они встали в окнах. Женщины встали, размахивая кусками штор. От выстрелов разлетались стекла, один из осколков попал Вике в спину.

«Что с нами будет? — испуганно повторяла Зарина. — Мы умрем?».

Привели еще одну группу заложников, среди которых были Ирина с Казиком.

Ира, забрав Аланку, ушла в посудомоечную. Через секунду из этого помещения вышли три боевика. У одного из них на голове была окровавленная повязка.

«Они расправились с Ириной», — решила Вика. Она не знала, что и там прячутся заложники.

«Аллах акбар!» — кричали боевики.

Вика подползла к двери посудомоечной и заглянула туда. Под огромными раковинами для мытья посуды прятались дети. Маленький ребенок с удивлением разглядывал свой живот— из раны виднелись внутренности.

Здесь же пряталась Ирина с детьми.

...Заложники карабкались на стол, придвинутый к окну, и ползли по нему к окну. Снаружи их подхватывали мужчины.

На стол взобралась Зарина Хадикова, за ней — Вика. Последней, кого она видела в столовой, была Ирма Дзагоева. Вика вспомнила ее появление в зале в первый день — даже в той ситуации все обратили внимание на то, как она была красива. Теперь мертвая Ирма сидела на полу, прислонившись к холодильнику.

...Едва Вику опустили на землю, как она снова потеряла сознание. Но теперь она была на свободе.

Ирина НАЛДИКОЕВА

Ирина перестала воспринимать окружающее. Весь мир сконцентрировался для нее в четырехлетней дочери Аланке. У ребенка поднялась температура, лицо горело, девочка каталась по полу. Такого с ней никогда не было.

Ирине стало страшно. Она попыталась вынести девочку в душевую, но террорист вернул ее обратно.

Попросилась в тренажерный зал, уложила дочь на бетонный пол. Ощутив прохладу, ребенок успокоился. Незнакомый мальчик тайком принес Аланке воду в пластиковом стаканчике. Она выпила и уснула.

Слышать, как из поврежденного крана бежит вода, было настоящей пыткой — заложников к ней не подпускали. Террорист в маске, сквозь прорези которой виднелся синяк под глазом, делал вид, что ничего не замечает. Дети и взрослые, пользуясь отсутствием второго боевика, успевали выпить воду.

Ирина, Аланка и Казбек

У девочки лет десяти из носа шла кровь.

— Скажите, что вы моя мама, — попросила она. — Меня зовут Кристина Бекузарова.

Тот же мальчик, фамилия его была Кусов, принес воду и Кристине.

Ирина приласкала девочку, вытерла ей лицо. Она уснула, прижавшись к ней.

Задремала и Ирина. Во сне к ней пришел покойный отец, Тимофей. Он стоял и молча смотрел на нее.

Под утро террористы заставили всех вернуться в спортзал.

Ирина с Аланкой прошла под одно из окон. Взрывные устройства, которые два дня лежали на полу, боевики подняли вверх, и место освободилось.

К Ирине перебралась ее племянница Вика Дзуцева с сыном Ирины Казбеком.

Казбек (Казик, как его называли дома) шел в этом году во второй класс. Провожать его собирались всей семьей, но Ирина отговорила мужа идти в школу. Взяла Аланку, чтобы по пути отвести ее в детский сад. Но садик не работал.

...Раскаленный воздух обжигал дыхательные пути. Врач отделения «Скорой помощи» Лариса Мамитова шла по проходу и бросала в зал кусочки ваты, пропитанные нашатырным спиртом.

Женщина рядом потеряла сознание, и Ирина привела ее в чувство с помощью нашатыря.

После взрыва в зале установилась гнетущая, нереальная тишина. Ира взглянула на свои ноги — из них торчало множество мелких железок.

Второй взрыв — и по залу прокатилось пламя. В шею Ирине вонзился металлический осколок.

Ирина успела накрыть собой Казика. Рядом — Вика и Аланка.

Минут двадцать они лежали среди трупов, ожидая спасателей. Наконец Ирина услышала родную осетинскую речь: «Кто живой, вставайте и выходите! Быстрее, быстрее!».

Наконец-то!

Она подняла голову и увидела перед собой террориста Абдуллу — самого безжалостного из всех, кто был в зале! Он говорил по-осетински! «Быстрее в столовую!» — повторял он, высматривая в зале живых.

...Голова у Ирины кружилась. Нести ребенка она не могла. Аланку взяла на руки Вика. Ира держала за руку Казика. Она перешагивала через мертвых и подолгу осматривалась, прежде чем поставить ногу, — не могла наступать на тех, кто был на полу.

— Раевздэер! («Быстрее!») — подгонял ее Абдулла.

Она занесла ногу над телом мужчины, но тот вдруг открыл глаза. Ирина потеряла равновесие и едва не упала на него.

В узком коридоре, ведущем из спортзала в здание школы, Вика потеряла сознание, и боевик помог ей подняться. Воспользовавшись этой заминкой, группа заложников, вместе с ними и Ирина, устремилась на второй этаж, в актовый зал.

«Почему ты не перевяжешь ноги?» — спросила ее незнакомая девушка.

Ирина разорвала подкладку юбки и забинтовала ноги.

Минут через двадцать в актовый зал вошел боевик и заставил их спуститься в столовую.

Столовая была заполнена людьми — окровавленными, полуодетыми. Они лежали на полу. Ирина нашла Вику. Длинные волосы девушки свалялись, она лежала, прикрывая голову руками.

— Где дети? — спросила ее Ирина.

— Там, — ответила девушка, показав на группу детей.

Ирина поползла к ним.

Некоторые из детей уже не двигались.

Ирина с Казиком и Аланой перебрались в посудомоечную. Один из террористов пододвинул к ней ногой ведро с водой и пластиковый стаканчик. Она дала воду детям, выпила сама, но жидкость вылилась ей на грудь. Поднесла руку к шее и нащупала сквозную рану.

На полу без признаков жизни лежал боевике перевязанной головой. В открытом рту виднелись золотые зубы. Внезапно он открыл глаза, поднялся и, шатаясь, вышел из помещения.

В окнах стояли женщины и размахивали белыми тряпками. Из-за их спин, перебегая от одного окна к другому, отстреливался Абдулла. Через металлическую решетку крайнего окна вел огонь другой террорист. Руки его были в крови.

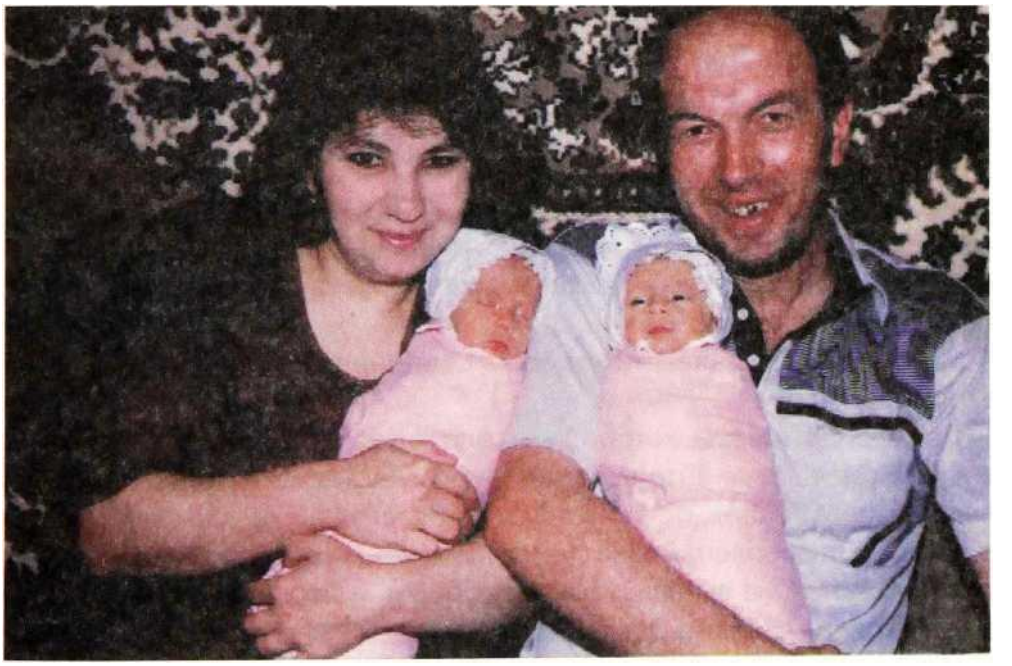
...Ирина и ее дети остались живы.

Столовая

Ирина ХУДАЛОВА

У Ирины и Батраза Худаловых долго не было детей. Через пять лет после свадьбы у них родилась двойня — мальчик и девочка. На грандиозный куывд — пир — были приглашены родственники и знакомые, коллеги Батраза из профессионального училища и сотрудники Ирины из Министерства экономики республики.

Счастливая Ирина не замечала трудностей, связанных с уходом за малышами. Ей, выросшей в уютной владикавказской квартире, приходилось ежедневно стирать кучу пеленок во дворе, под краном. Памперсы были удовольствием дорогим, их использовали только «на выход».



Ирина и Батраз с новорожденными близнецами

Ухаживать за малышами помогали все члены ее большой дружной семьи — муж, свекровь, деверь, его жена, их дети. Все они жили в одном доме. А когда их не было, приходили соседки, предлагали свою помощь: «Я погуляю с детьми, а ты займись своими делами».

Ирина

Супруги не могли нарадоваться на своих детей.

Весной 2004 года Бексолтан и Мадина окончили школу раннего развития «Золотой ключик». В первый класс они шли в первую школу, в которой когда- то учился Батраз.

В августе Худаловы увезли детей на море, в Анапу. Именно там Ирина вдруг с удивлением заметила, как повзрослел ее сын: Бек не позволял ей купать себя, стал покровительственно относиться к сестре, пытался быть самостоятельным. «Слава Богу, мои дети уже выросли», — удовлетворенно сказала себе Ирина.

Из Анапы вернулись тридцать первого августа.

Днем Ирина съездила в больницу проведать заболевшую родственницу. Вечером засиделась допоздна — приводила в порядок школьную форму. Бек, который спал в комнате бабушки, вдруг с криком проснулся. Он не смог объяснить, что его так напугало, но сказал, что спать больше не будет. Ирина обняла его, успокоила. «Я знал, что так будет», — сказал он ей потом, в спортзале.

Утром Мадина вскочила с постели первой. Бек никак не мог проснуться.

«Мама, ты забыла нам цветы купить», — вспомнила Мадина.

Батраз собрался уже ехать за цветами на рынок, но перед домом остановилось такси, из которого вышла Алена — жена брата Ирины. В руках у нее было два букета роз.

«Мама, а ты сказала, что чудес на свете не бывает!» — восторженно закричала Мадина.

После смерти мамы, которой не стало год назад, Алена старалась заменить ее Ирине. Даже интонации ее голоса, когда она говорила с Ириной, были мамины. Теперь, оставив дома, во Владикавказе, двоих детей, один из которых был болен, Алена приехала к ней, чтобы проводить в школу Бека и Мадину. Она пыталась взять с собой и своих детей, но не позволил муж: «Я приеду с ними в Беслан попозже, и мы вместе с Худаловыми съездим куда-нибудь на природу», — пообещал он жене.

В спортзале Алена, обычно веселая и жизнерадостная, сидела молча.

— Зачем ты приехала? — плакала Ирина. — Из-за меня ты оказалась здесь.

— Без меня ты была бы совсем одна, — сказала Алена. — Я приехала к тебе вместо твоей мамы.

Больше она не произнесла ни слова. И только на третий день, перед самым взрывом, сказала: «Все. Умираю без воды».

Бек пописал в бутылочку, оклеенную бархатом. Их террористы принесли из кабинета труда. Молодая женщина, сидевшая рядом с ними, жадно выпила ее содержимое.

Ирина с удивлением смотрела на преподавателя русского языка и литературы Альбину Викторовну Аликову. Маленькая хрупкая учительница заботилась о своих учениках, с отчаянной храбростью защищала их.

— Не зли террористов, — говорили ей женщины. — Они же застрелить тебя могут.

— Пусть стреляют. Я их не боюсь.

«Ты с родителями или один?» — спрашивала Альбина Викторовна детей.

Тех, кто был без родителей, сажала рядом с собой.

Одна из девочек плакала:

— Я потеряла юбку. Как я пойду домой, когда нас отпустят?

— Не плачь, — успокоила ее Альбина. — Я дам тебе свою. У меня есть еще нижняя юбка.

— Мама, — сказал Ирине Бек, — я уже не могу. Хочу воды. Когда мы выйдем отсюда, ты купишь мне «Спрайт»? — И через некоторое время:

— Ты помнишь лывжа (суп с мясом), который приготовил дед?

— Ты же не захотел его есть.

— Когда мы выйдем отсюда, я съем четыре половника. — Помолчал и снова спросил: — А когда мы выйдем отсюда, ты отведешь меня в церковь?

Ирина вспомнила: Бек часто просил, чтобы его покрестили. Первый раз — когда ему было всего года четыре. Ирина все откладывала

— она была православной, а муж — мусульманином.

Перед взрывом, словно предчувствуя его, Ирина сказала Беку:

— Сядь, а то тебя убьют.

Чей-то ребенок, встав на четвереньки, стал громко лаять...

Взрывом Алену отбросило в сторону. «Мама, Беку оторвало щеку»,

— плакала Мадина.

Бек кричал от страха и боли.

Ирина приложила на место отвисшую кожу на щеке сына и прижала ее рукой. Потом, обняв детей, прикрыла их собой. Она смотрела на окна, через которые прыгали заложники, и ей казалось, что они — очень высоко и она никогда не сможет дотянуться до подоконника. На ноги ей упал кусок потолочной обшивки. По нему шли люди террористы уводили оставшихся в живых заложников в столовую. Внутренний голос подсказывал Ирине, что она должна остаться здесь, в спортзале.

Мимо шла Ирина Адырхаева с младшей дочерью Миланой. Старшей, Эмилии, с ними не было.

«Мама, а где Эмилия?» — спросил Бек.

Ирину всегда забавляло нежное отношение Бека к Эмилии Адырхае- вой. Они вместе ходили в детский сад, потом в школу раннего развития «Золотой ключик». На всех общих фотографиях он рядом с ней, держит ее за руку. В День святого Валентина подарил ей кулон в виде сердечка.

В школе на предварительных занятиях учительница посадила их за одну парту. Держась за руки, выходили они во двор вместе с одноклассниками и первого сентября.

— Где Эмилия? — спросила Ирина Иру Адырхаеву.

— Она жива, — ответила та.

Незнакомая женщина пыталась выдернуть ноги из-под упавшей на них бетонной плиты. Когда ей удалось сделать это, Ирина увидела вместо ног две культи — совершенно белые, без капли крови.

Эльбрус Худалов, руководитель эстрадного ансамбля «Зилахар», полз, обхватив одной рукой сына, в сторону баскетбольного щита.

Террорист, уходя из зала, выстрелил во взрывное устройство, которое было подвешено к кольцу. Оно задымилось, зашипело, потом взорвалось. Этот взрыв добил всех раненых, которые находились под баскетбольным кольцом у входа в кабинет физруков. Один из осколков вошел Беку в живот. Ранка снаружи была крошечная, почти незаметная — рядом с пупком. И на состоянии Бека это вроде бы не отразилось.

Бек и Мадина

— Тетенька, моего брата убили, — сказал Ирине мальчик. Его брат лежал на спине, широко раскрыв рот.

...Ноги Алены стали покрываться трупными пятнами. «Как быстро», — подумала Ирина.

— Когда мы оставались у Алены, она целовала нас перед сном. Мне это так нравилось, — сказала Мадина.

— Она вас еще поцелует.

— Теперь уже нет...

У входа в тренажерный зал появились спасатели.

— Кто живой, пробирайтесь сюда! — кричали они.

Первым к ним устремился Бек. «Мальчик ранен», — сказал один из спасателей другому. Его подхватили на руки и понесли.

В одном из гаражей, куда их вывели чуть позже, Ирина увидела Бека. Он сидел с другими детьми и мокрой губкой для мытья автомобиля вытирал с себя кровь.

Она последний раз видела сына живым.

Ирину увезли в больницу, Бека на второй день самолетом отправили в Москву. Вместе с ним улетел и муж Ирины, Батраз.

Десятого сентября Бек умер в больнице, не приходя в сознание.

На похоронах Канна Гайтова и Алла Батагова говорили Ирине:

«Тебе повезло. Ты видела своего сына мертвым. Ты не собирала его по частям, как мы».

Тогда эти слова показались ей кощунственными. Она не знала, что Алла опознала своего сына Хетага по ключам от квартиры, которые лежали в уцелевшем кармане его брюк.

Через несколько дней, придя на кладбище, Ирина увидела недалеко от могилы Бека женщину. Сидя на ящике, она безучастно наблюдала за тем, как несколько мужчин, разрыв две могилки, что-то закладывали в них. Это была Залина Таучелова. В спортзале погибли две ее дочери — Ирина и Светлана, которых уже похоронили. Но спустя время из Ростова привезли еще несколько фрагментов их тел, которые теперь закладывали в могилы.

Только тогда до Ирины дошел смысл тех слов: «Тебе повезло. Ты не собирала своего ребенка по частям».

Через год после теракта Ирина вместе с другими матерями Беслана побывала в Иерусалиме. Она в полной мере ощутила ту удивительную благодать, которой проникнуто это благословенное место. Все дни ее пребывания на святой земле Бек незримо был рядом с ней. Она почти физически ощущала его присутствие.

— Как мне молиться за сына, ведь он не успел принять крещение? спросила Ирина владыку Феофана.

— Он принял крещение кровью, — ответил владыка. — Так и молись: «За убиенного мученика Бексолтана».

— А вы бы не хотели иметь еще одного ребенка? — поинтересовался у нее португальский журналист.

— Нет!

Ее испугала сама эта мысль — иметь еще одного ребенка.

— Мама, и что, теперь я все время буду одна? — сказала ей как-то Мадина. — Я хочу брата или сестру.

— Это стоит больших денег, — отшутилась Ирина.

— Я соберу.

Через полгода Мадина принесла матери семь тысяч рублей: «Мне давали деньги, но я ничего не покупала себе. Хватит на братика?».

И тогда Ирина твердо решила: у них должен быть еще один ребенок.

Через год она родила сына. На деньги, собранные Мадиной, малышу купили коляску.

Первые захоронения

Ирина МИТДЗИЕВА

Ирина

Август был полон тревожных слухов. Смертницы взорвали два пассажирских самолета. Произошел теракт в московском метро. Слухи о том, что в Осетии тоже может произойти теракт, вызывало постоянное ощущение тревоги. На рынки лучше не ездить — подобные происшествия чаще случаются в местах скопления людей.
Все необходимое для детей Ирина Митдзиева купила в магазинах.

В школу в этом году собирались нехотя — Азамат перешел во второй, Фариза — в третий класс.

Детей отдали в первую школу, хотя от дома она была далеко. Но Ирина работала в районном отделении «Аланиярегионгаза», расположенном в пяти минутах ходьбы от первой школы. После уроков Азамат и Фариза прибегали к ней, потом за ними приезжал отец.

Накануне первого сентября Ирина не успела купить цветы, и дети заупрямились: «Без цветов не пойдем». Пришлось с утра отправиться на рынок.

Она ушла на работу к восьми, а без десяти девять за ней заехали муж и свекровь с детьми.

Странное ощущение нереальности испытывала Ирина, проходя через школьный двор: ей казалось, что она плывет по воздуху. Ноги идут, а сознание — парит.

Артур, ее муж, не стал дожидаться начала праздника.'- Выстрелы он услышал, подъезжая к дому. Успел позвонить Ирине:

— Что происходит?

— Нас захватили.

.. .В школьном коридоре Ира нашла дочь. У Фаризы были безумные от страха глаза.

Сознание отказывалось воспринимать происходившее. Теракты происходят, но не с нами! Ей казалось: вот сейчас им объявят: «Это были учения. Вы свободны». И только когда в зал вкатили катушки с проводами и приступили к минированию, она поняла: это реальность.

Ирина потеряла ощущение времени.

После того, как взорвалась шахидка, по залу распространился запах паленого.

С удивлением узнала Ирина, что в первую ночь прошел сильный дождь.

Девочка с распухшими и кровоточащими губами шептала: «Мне бабушка к гаражам принесла арбуз».

С учительницей начальных классов Татьяной Валентиновной Светловой Ирине удалось выйти и намочить для детей несколько тряпок. Набрали воду и в туфли, но кожа быстро впитала ее.

Казбек Дзарасов по требованию боевиков закрывал окно куском шторы.

— Убежит, — сказал один террорист другому.

— Не убежит. Снайпер его снимет.

О том, что мужчин расстреляли, Ирина не знала. Но террорист, разговаривая с кем-то по телефону, говорил о трупах, которые должны были вывозить.

Взрыв пригнул Ирину к полу. Ее охватила радость: «Наконец-то! Началось!». Им внушили, что в живых не останется никто. «Я умерла, — сказала она себе. — Но как медленно душа отделяется от тела!». В следующий миг ее охватила радость: «Я жива!». И только потом возникла мысль: «А где же дети?».

Рядом с ней лежал мертвый ребенок. «Мой?». Осмотрела его. Все дети — на одно лицо! «Нет, не мой». Наконец увидела: все ее близкие — живы! Они лежат окровавленные, но живые. Они не встали и тогда, когда террористы и заложники уходили в столовую.

Фариза не видела брата. Рядом с ней лежало туловище мальчика без рук. «Мама, это Азам?» — спросила она.

В зале начинался пожар. Ирина увидела человека в шлеме и бронежилете. Он что-то кричал, показывая в сторону тренажерного зала. Ирина ничего не слышала — у нее лопнули перепонки. Человек в бронежилете, пробравшись к пробоине под окном, стрелял вверх, в окна второго этажа.

Как Ирина преодолела расстояние от сейфа до тренажерного зала? Шла, ползла или бежала — она не помнит.

.. .Прошло несколько дней. Радость от того, что все они живы, сменилась тяжелой депрессией. Она перестала ощущать вкус жизни.

Дети не хотели общаться с психологами: «Они разговаривают с нами как с маленькими». Фариза и Азамат часами могли сидеть под столом, отгородившись от всего мира. Фариза не снимала шапку — она ходила в ней и летом, и зимой, не снимала ее даже ночью. Причину не мог объяснить ни один психолог.

Дети мало говорили о том, что им пришлось увидеть в спортзале. И лишь однажды Фариза сказала: «У добрых террористов было по одному рогу, а у злых — по два. И глаза у них были красные...».

Сюда загнали заложников в первые минуты захвата

Раиса ЖУКАЕВА

Раиса с Альбиной и Мадиной

Раиса получила ранение во время захвата заложников. Боли она не почувствовала, но, ощутив странное прикосновение к ноге, приподняла подол юбки и взглянула на колено — оно было разворочено. Раиса смотрела на то, как под ногами у нее образовывалась лужа крови, потом подняла глаза: перед ней стоял вооруженный мужчина.

— Что ты мне показываешь свою ногу? — равнодушно сказал он. — Думаешь, я тебя пожалею?

Она свалилась со ступенек главного входа на землю.

Мимо нее бежали люди — террористы торопливо загоняли взрослых и детей в школьное здание. Раиса всматривалась в лица бегущих: может, кто-то узнает ее, поможет?

Школьный двор опустел.

Террористы закрыли обе створки входной двери; послышался стук

молотка. Потом выбили стекла в окнах, которые выходили на эту сторону. Во всех, кроме окна кабинета истории. Там, за стеклом, на вешалке висела аккуратно выглаженная школьная форма. «Кто-то не успел надеть ее», — подумала она.

Недалеко стоял светло-кофейного цвета джип. И нигде — ни души. Только из здания слышался несмолкаемый гул голосов.

— Осторожнее, — произнес рядом, за дверью, мужской голос с характерным акцентом. — На той стороне тоже не дураки.

Внимание Раи привлек мужчина, который выглядывал из-за гаражей. Он махнул ей рукой. Что он хочет сказать?

Раздался выстрел. Мужчина исчез. «Кто это был? — думала Раиса. — И жив ли он?».

День тянулся медленно. Солнце пекло: к дождю. Она перебирала в памяти все, что происходило в то утро.

С утра с мужем и сыном собирались ехать в село Фарн, где у них был огород — копать картофель. И вдруг она отчетливо вспомнила сон, который видела накануне: она — в огороде, и перед ней — подземелье, из которого виднеются всполохи огня, доносится грохот и гул голосов. Удивленная, Рая подходит ближе. Из ямы появляется покойный коллега по сельхозуправлению и, схватив ее за ногу, тянет вниз. Она в ужасе бьет его по руке и вырывается. «Покойник забирает — к смерти», — в страхе подумала она. А ведь он схватил ее именно за раненую ногу!

...Первого сентября в первый класс шла внучка Раисы — Альбина. Провожать ее собирались всей семьей. Но Рая не пустила в школу сына и мужа. А ведь должна была приехать из Владикавказа ещё и дочь с грудным ребенком, которая работала в этой школе и была в декретном отпуске! (Она опоздала).

Раиса вышла из дома с внучками Альбиной и Мадиной. Невестка Раи, Марина, зашла в магазин купить конфеты.

Мимо, торопливо обняв Раису, пробежала Марина, дочь Анны Тотиевой. Анна взяла Марину из детского дома, когда той было всего два годика. Девочка так боялась, что ее вернут обратно, что не хотела оставаться даже в детском саду. Теперь Марине уже четырнадцать. Ее мама уехала в Грецию — заработать деньги на образование дочери. В Осетии дать ребенку образование — святой долг родителей.

...Учительница выводила первоклассников из класса на линейку. Раиса стояла в коридоре. Во дворе послышались выстрелы, и она решила узнать, в чем дело, а заодно поискать старшую внучку, Мадину.

Перед ступеньками главного входа стоял мужчина с автоматом. За ее спиной в школьный коридор прошел второй, с закрытым лицом и спортивной сумкой в руке. «Да не волнуйтесь вы, — сказал он ей вполголоса. — Все будет хорошо».

И в ту же секунду она была ранена.

...Боль в ноге становилась невыносимой. Рая разорвала пакет, в котором лежали конфеты и аудиокассета с гимном Осетии, и обернула колено целлофаном.

Из школы уже дважды с записками выходила врач отделения «Скорой помощи» районной больницы Лариса Мамитова. Во второй раз ее белые брюки были уже в крови — наверное, кому-то оказывала помощь. «Маенае куыд никаей хъаеуаем!» — воскликнула молодая женщина, проходя мимо нее. («Как мы никому не нужны!»).

Рая не знала, что Лариса просила боевиков позволить ей внести раненую в здание и оказать помощь. Те не разрешили.

Из школы слышались звуки автоматных очередей. А здесь, снаружи, светило солнце, по небу плыли кучевые облака. Вдоль железнодорожного полотна паслись коровы, мирно пощипывая траву, чьи-то куры забрели на школьный двор.

Огромный пес остановился недалеко от нее и стал принюхиваться. Мысль о том, что собака может на ее глазах подобрать с асфальта кусочки ее плоти, показалась Рае невыносимой, и она прикрикнула на нее. Пес постоял в задумчивости, потом отвернулся и нехотя побрел прочь.

Со второго этажа школы кто-то спрыгнул и побежал, прихрамывая. «Вероятно, кто-то из старшеклассников», — подумала она.

...Дождь хлынул уже в темноте. Раскаты грома заглушали звуки выстрелов. Раиса лежала, освещенная светом фонаря. Передвинувшись, она спрятала ноги под кузов автомашины, стоявшей у порожка. Капли дождя били ее по лицу; одежда промокла насквозь. Ей стало холодно, и она то ли уснула, то ли потеряла сознание.

Проснулась от звука шагов: к машине подошел мужчина, заглянул в кабину и спросил по-осетински: «Тамако даем нэей?» («Закурить не найдется?»). Не получив ответа, пошел дальше, в сторону Школьного переулка.

Потрясенная, Раиса долго не могла прийти в себя от удивления. Спохватившись, подумала: «Почему не попросила у него пиджак?».

Проход мужчины через двор, не замеченный боевиками, вселил в Раису надежду: может, и на нее никто не смотрит? Лежа на спине и отталкиваясь здоровой ногой, она стала медленно передвигаться в сторону маленького здания начальной школы.

Добралась до ступенек, вползла в коридор.

Она не видела, как тот же мужчина (это был Ахсар Дзгоев) прошел через школьный двор еще раз — в обратном направлении, возвращаясь привычной дорогой домой. Это был единственный человек в Беслане, который еще не знал о том, что происходит в школе.

— Помогите! — крикнула Раиса.

Из школы открыли неистовую стрельбу.

Второй день был еще длиннее. Нога стала покрываться темными пятнами. Холод был нестерпимый — сказывалась потеря крови. Она не согрелась даже днем, когда солнце, перевалив через зенит, стало клониться к закату.

— Помогите! — крикнула она из последних сил на родном языке (до этого почему-то кричала по-русски).

За стеной послышался шорох, и двое молодых мужчин пробрались к ней в коридор. Оказывается, они слышали ее крики, но были уверены, что их заманивает шахидка.

Мужчины завернули Раису в одеяло, вынесли в безопасное место и доставили в районную больницу.

Ступеньки главного входа, возле которых лежала Раиса

Она была уже на свободе, а у Марины, Мадины и Альбины впереди была еще долгая ночь в спортзале.

Во время взрыва девочки спали, а Марина сидела. Это спасло сестер и погубило их маму.

Марина умерла через год, в августе 2005-го. Ее лечили лучшие врачи России и Германии.

Она не разговаривала, но при виде детей исторгала крик, полный тоски и отчаяния.

Мадине после взрыва придавило ноги куском потолочной обшивки. Ее

сестра пыталась позвать на помощь, но террористы увели ее в столовую.

Мадину вынесли из зала спасатели.

Несколько месяцев пролежали в московских клиниках Раиса, ее невестка Марина и внучка Мадина. Девять операций, в ходе которых девочке формировали ножную икру, вытягивали то ступню, то голень. Все это время рядом с ней был отец Сергей, сдержанный, немногословный и заботливый.

Врачи сохранили Раисе Александровне ногу.

Альбина и Мадина живут воспоминаниями о той, другой, жизни, в которой была жива их мама и где они были так счастливы.

Маму им пытается заменить отец. Он возит Мадину в клинику, где она проходит обследования. Ездит с ними на море, следит за учебой.

Весь груз многочисленных забот по дому несет на себе Раиса.

Оксана АРЧЕГОВА

Оксана

Аслан Арчегов приготовил видеокамеру с вечера. Утром зашел в «Арктику», купил пару запасных кассет. Теперь вместе с другими родителями стоял в ожидании первоклассников, чтобы снять на видео свою Линду.

Оксана задержалась в школьном коридоре, уступая дорогу детям. Впереди, в дверном проеме, на фоне белой стены одноэтажного здания начальной школы вдруг возник силуэт человека с автоматом. Послышались выстрелы.

Втроем — Аслан, Оксана и Линда — побежали по коридору в надежде укрыться в здании. Но двери всех классов были закрыты. Они оказались в кабинете домоводства, где прятались люди. Среди них был и их сын, пятиклассник Алибек. Рука его была окровавлена — порезался о стекло. Оксана перевязала ему рану.

По окнам стреляли, поэтому все легли на пол.

Через некоторое время в класс вошел человек с автоматом:

— Выходите. Это были учения, — сказал он.

— Вот сумасшедший, — обрадованно сказала Оксана мужу. — Так напугать людей!

Но их повели почему-то не к выходу, а в спортзал.

Аслан держал за руки детей их знакомой, Залины Кесаевой: первоклассницу Алину и шестилетнюю Оксану. Они потеряли маму и были очень напуганы.

В зале, у самого входа, девочки увидели Залину и бросились к ней.

Оксана с Асланом ушли в дальний конец зала — к шведской стенке у входа в тренажерный зал.

Аслана вскоре увели, и он вместе с другими мужчинами носил парты и

шкафы, чтобы заложить входную дверь. В зал принесли сейф. Минер взобрался на него и установил в баскетбольной корзине самую большую мину.

Сейф остался в зале.

Хлопнула дверь, ведущая во двор. Террорист оглянулся на звук. Это один из заложников, Владимир Дауров, выбив ногой дверь, выскочил из зала.

Вслед ему ударили автоматные очереди.

«Убили, наверное», — сказал Аслан Оксане (мужчинам после завершения работ разрешили сесть).

Потом Аслана опять увели.

— Когда вернется папа? — спрашивала Линда.

Оксане ни разу не пришла в голову мысль, что с Асланом может что-то произойти — он где-то там, в школе, их заставляют работать.

«Хороший танцор — плохой хозяин», — шутят осетины. Но высокий, статный и красивый Аслан был не только хорошим танцором, но и прекрасным семьянином, работящим, заботливым. Все, что он делал, он делал лучше других. Оксана познакомилась с ним на предприятии по производству хрустальных изделий. Вазы, на которых вырезал узоры Аслан, считались самыми красивыми.

А еще он умел изготавливать осетинские гармоники — когда-то работал в цехе, где эти инструменты создавали по индивидуальным заказам.

Он сделал своими руками инструмент для дочери и не мог дождаться, когда его Линда научится играть на нем. А иногда сам наигрывал осетинские мелодии. И это тоже у него получалось хорошо.

Его любили все. Когда он входил во двор, пожилые женщины, сидевшие на лавочке, вставали, приветствуя его. Детвора бежала ему навстречу, и он обнимал и радовался каждому ребенку, для каждого у него находилось доброе слово.

Линда, Алик и Алибек

— Давай покрестим наших детей, — сказала ему как-то Оксана.

— Мои предки были мусульманами, — ответил Аслан.

...Перед самым взрывом Оксана встала и направилась к проходу. Она не слышала взрыва. Ее руки и ноги охватило пламя, она сбила его, подхватила Линду, крикнула Алибеку, чтобы шел за ней, и побежала к окну.

Сын остался в спортзале.

— Меня остановил боевик, — рассказал он. — Он сказал, чтобы я лег на пол. Когда всех уводили в столовую, я притворился мертвым.

Пережитое не прошло для него бесследно. Год спустя, оставшись дома один, Алибек позвонил в милицию: «Террористы захватили детей, — сообщил он дежурному. — Они прячутся в соседней квартире».

Дом оцепили...

Алибеку назначили курс лечения.

Через четыре месяца после теракта Оксана родила сына. Мальчика назвали Александром.

«Мой папа живет на кладбище, — рассказывает маленький Алик друзьям. — Когда он вернется домой — не знаю...».

Алик тоже официально признан заложником.

Валерий МУРТАЗОВ

Письмо американки Юлии Гравуа нашло Марину Муртазову в Санкт-Петербурге спустя четыре года после Бесланского теракта. Тогда, в 2004-м, письма, направляемые в Беслан, не всегда доходили до адресатов — на некоторых из них не было даже адресов и фамилий — только имена.

Женщина из далекой Америки расспрашивала Марину о том, как живет ее семья, как чувствуют себя ее дети после пережитого. Марина ответила Юлии, что они вынуждены были уехать в Петербург — ее трое сыновей очень тяжело выходили из психологического кризиса. До сих пор каждый из них, выходя из дому, берет с собой воду.

Рассказала и о том, что каждый год, первого сентября, они просят отца разрешить им не идти в школу. Дети не могут привыкнуть также к раскатам грома, которые ассоциируются у них с грохотом взрывов.

В Питере, придя в новую школу, мальчики в первую очередь поинтересовались, где расположен спортзал, есть ли на его окнах решетки и имеется ли в здании запасной выход на случай захвата школы террористами.

Сколько бы времени ни прошло после теракта, события тех дней не сотрутся из памяти Марины.

Батраз, Валерий, Сослан, Марина, Аслан

...В школу в тот день Марина, ее муж Валерий и ее сестра Ирина —

провожали первоклассника Батраза — Батика, как его называли дома.

Марина с сестрой и двумя младшими детьми стояла у выхода, Валерий чуть дальше разговаривал с Альбертом Сидаковым, сотрудником таможенной службы. Его сын Георгий тоже шел в первый класс.

Утром Валерий должен был отвезти младших детей в детский сад, затем ехать на работу во Владикавказ. Но садик не работал, и он привез их Марине.

Четырехлетние двойняшки Муртазовых Сослан и Аслан изнывали от нетерпения. Не похожие друг на друга ни лицом, ни характером, они и здесь вели себя по-разному: Аслан был спокоен; Сослан не мог долго стоять на одном месте, он поминутно интересовался: скоро ли выйдет Батраз, когда начнется праздник и когда они, наконец, пойдут домой?

Людей в масках Марина в первую минуту не испугалась: «Что за странные шутки? — подумала она. — Ведь дети могут испугаться».

...Она с детьми уже поднялась на подоконник с помощью Валерия и спустилась в школьный коридор. Валерий задержался на подоконнике, помогая подняться пожилой женщине. Это почему-то вывело из себя одного из террористов: он подбежал к нему и приставил автоматное дуло к его скуле. Марина, оцепенев, смотрела мужу в глаза. Секунды превратились в вечность.

Наконец боевик отвел автомат, и Валерий спрыгнул в коридор.

Их понесло течением толпы к дверям спортзала. Крики взрослых, которые потеряли своих малышей, плач детей, автоматные очереди. И ощущение нереальности происходящего.

Из толпы вынырнул Батик с окровавленными руками. «Я порезался», — испуганно сообщил он.

Уже в зале, когда всех посадили на пол, террористы прошли по проходу и вызвали мужчин: «...Ты, ты и ты». И каждый раз у Марины замирало сердце.

Валерия не вызвали.

Уже к концу первого дня дети стали жаловаться на голод. Сосик плакал: «Хочу яичницу». «Папа, дай мне хотя бы слюнки, — просил он отца на третий день. — Я умираю».

Батраз и Асик пили мочу, которую собирали в пластиковую бутылку.

Ирина дважды теряла сознание, и муж приводил ее в чувство. Ему казалось, что многие из заложников уже тихо умирают. Его сыновья почти не двигались.

Боевик, контролировавший эту часть зала, время от времени оглядывал заложников и сокрушенно качал головой. Он никогда не снимал маску и всем своим видом выражал сожаление по поводу происходившего.

Валерий перехватил его взгляд и жестами попросил разрешения пройти в душевую. Тот кивнул. На пороге тренажерного зала Валерия остановил Абдулла: «Кто позволил?». Валерий показал на террориста в маске, и тот опять кивнул.

Ему удалось принести немного воды.

Напряжение в зале нарастало, и Валерий понимал, что развязка близится. «Как только начнется, каждый из нас хватает по ребенку и бежит», — сказал он Марине и ее сестре Ирине.

В хаосе первых минут после взрывов он успел увидеть, как Марина с Батразом выбрались в окно. Вслед за ними он выбросил Аслана. Но куда делись сестра жены Ирина с Сосланом? Он искал их в зале, не зная о том, что они успели убежать через входную дверь.

«Валерик», — позвал его детский голосок. Он отодвинул несколько тел и увидел Кристину — дочь своей знакомой Анжелы Зангиевой. Поднял ее и тоже выбросил в окно.

Недалеко от него сидел мальчик, похожий на Батраза. Валерий окликнул его — вроде бы жив, но никакой реакции. Подполз к мальчику, заглянул в лицо — нет, не Батраз. Показал ему жестом: «Ползи в сторону коридора».

Под одним из окон стоял судейский стол. Все три дня за этим столом сидели пожилые женщины. Теперь он был перевернут, и за столешницей прятались женщины и дети. У одной из женщин на руках был маленький ребенок.

«Кто живой — идите в актовый зал», — сказал террорист.

— Подойдите сюда,— позвала Валерия одна из женщин. — Закройте нас сверху скамейкой.

— Здесь опасно. Надо уходить.

— Поставьте скамейку, — опять попросила женщина.

Валерий взял скамью и привалил ее к перевернутому столу.

Он уверен: первоначально террористы хотели увести выживших заложников в актовый зал. Но в поисках воды люди побежали в столовую.

...Валерий лежал на полу кухни. Недалеко от него — Ирина Адырхаева и две ее дочери — Эмилия и Милана. Валерий хорошо знал ее мужа — врача районной клинической больницы Алана Адырхаева.

Рядом с Ириной сидела и плакала ее соседка Анжела Зангиева: она не находила свою дочь Кристину.

— Я ее выбросил в окно со своим Асиком, — успокоил ее Валерий.

На его глазах погибла Ирина Адырхаева, и Валерий взял к себе младшую, Милану.

Террористы заставили женщин встать на подоконники и размахивать белыми шторами, сами вели огонь из-за их спин. Боевики то уходили, то возвращались, отстреливались и из других помещений. В столовой оставался только молодой боевик, который сидел у окна раздачи, контролируя столовую и кухню. «Если будут штурмовать — бросай гранату», — сказал ему, уходя, один из террористов.

Боевик бросил гранату, когда в кухню проник первый спецназовец. Граната упала на пол. Через три секунды она должна была взорваться и

уничтожить всех, кто был в помещении. Этих секунд хватило спецназовцу Андрею Туркину, чтобы броситься на гранату и накрыть ее собой.

Валерий услышал глухой хлопок и через некоторое время голос: «Мужик, ты живой?». Над ним стоял второй спецназовец.

— Давай быстрее, — сказал он, помогая подняться Валерию и Милане.

Во дворе дома Кадиевых, на земле, лежал связанный боевик, который отвечал потом на суде за всех террористов — Нурпаши Кулаев.

Домой Валерий попал только вечером — после того, как прошел процедуру выяснения личности.

Он долго не мог поверить в то, что вся его семья выжила.

Задний двор школы

Мадина ТОКАЕВА

Мадина

«Сколько можно быть мальчишкой?! — сердилась на Мадину мама. — Сколько можно гонять в футбол, носить джинсы, майки и кроссовки? Ты уже взрослая девушка, и пора одеваться соответственно».

Мама, Светлана Константиновна Кокова, преподавала химию в той же первой школе, в которой училась Мадина.

Мнение мамы для неё было законом, и 1 сентября она надела черную юбку и белую блузку.

Хорошо, что десятиклассников не заставляют носить форму.

Мама ушла в школу раньше. По дороге встретила коллегу, с которой решили сходить в поликлинику, оформить санитарные книжки. (Мадина, не зная об этом, долго искала маму в спортзале).

По пути в школу Мадина встретила соседку Дзеру Сидакову и ее сына Заура, которого в то утро почти силой вытащили из постели: он визжал, не хотел одеваться, даже выбежал в трусах на улицу. Но его одели и заставили идти в школу.

Дзера работала на строительстве спортивного комплекса, который возводился напротив первой школы. Строительство было почти завершено, комплекс готовили к сдаче. Уже заполнили водой два бассейна — для взрослых и детей.

Детям с окрестных улиц иногда разрешали поплескаться в них.

— Поговорю с учительницей Заура и — сразу на работу, — сказала Дзера.

Мадина стояла во дворе со своим классом. Раздался выстрел. «Ого! — восторженно воскликнула она. — Вот это праздник!». Но все сорвались с мест и куда-то побежали. «Оказывается, это учения, а не праздник», — подумала она.

Один из стрелявших дал очередь из автомата по окнам второго этажа, и стекла со звоном посыпались вниз.

Мадину держала за руку Оксана Кокова, ее родственница по маме.

Мадине поначалу было весело от всего происходящего. Потом смеяться расхотелось, но страха тоже не было. Оксана плакала. Мадина успокаивала ее: «С тобой ничего не может случиться. Ты мне должна еще связать жакет. Забыла?».

Оксана жила с отцом и братом. На ней держался весь дом. Она отлично готовила, шила и вязала, успевала хорошо учиться, посещать кружок рукоделия и секцию восточных единоборств. Год назад Оксана связала себе такой жакет, какого не было ни у кого в школе. «Свяжи и мне такой же», — попросила ее Мадина.

Все три дня Мадина и Оксана были вместе. К ним присоединились Инна Туаева, Вика Дзуцева и Заур Абоев. У Заура была аллергия, он дышал с трудом, тело его покрылось сыпью. Оксана всегда испытывала потребность опекать тех, кому плохо. Она, словно заботливая мама, возилась с Мадиной, потом помогала Зауру, обтирала его мокрыми тряпками, обмахивала картонкой.

— Оставь. Ты устала, — говорил ей Заур.

— Я сильная. Ты забыл, что я занимаюсь айкидо? — отвечала Оксана.

На третий день Оксана, словно предчувствуя свою кончину, стала плакать.

Тело своей погибшей дочери отец опознал в морге по сережке.

...Мадина вышла в класс, приспособленный под туалет. Нашла пустую бутылку из-под шампанского и несколько книг. На обратном пути поясняла каждому встречному боевику: «Вот, несу книги и бутылку. Мальчики будут туда писать».

Боевики тоже принесли в зал бутылки, которые школьные рукодельницы оплетали шнуром в стиле макраме. «Собирайте в них мочу и пейте», — сказали заложникам.

«Сегодня четверг? — встрепенулась вдруг Мадина. — Сегодня в «Доме-2» должны кого-то выгнать. Интересно, кто это будет?».

Недалеко от Мадины сидели ее соседи с улицы Первомайской Санта и Альбина Зангиевы, их мама Фатима, двоюродная сестра Мадины

— Залина, младшая сестра Фатима и тезка Мадины — Мадина Токаева.

Мадина стала заговариваться: «Я тебе дам 100 рублей, сбегай в магазин и купи воды».

А чуть позднее: «Смотри, твой папа забирает автомат у террориста!».

Взрыв Мадина не услышала. Она его ощутила. Что-то очень неприятное пробежало по телу; сверху упало большое и горячее и рассыпалось на обжигающие брызги.

Она не видела, как после взрыва выбралась через окно ее сестра

Фатима. Не знала Мадина и того, что в голову ей, пробив лобную кость, вошел осколок. Залина Токаева, ее двоюродная сестра, вытащила ее в коридор. Потом ее несли на носилках, которые на поворотах ударялись о стены и дверные косяки.

«Голова, голова...» — повторяла она.

Только тринадцатого сентября Мадина пришла в себя. В каких мирах блуждало ее сознание эти десять дней, она не помнит.

Первый вопрос ее был о сестре. «Фатима жива, — сказали ей. — Жива и другая Мадина Токаева, живы Зангиевы, жива Залина, которая вынесла тебя из зала. Вот только Дзера Сидакова и ее сын Заур, который так боялся, что его убьют, погибли».

Четыре года спустя от рака умерла мать Мадины — Светлана Константиновна Кокова.

У каждого теракта есть вторичные жертвы. Это те, кто не был в его эпицентре, но тоже стал его жертвой, пережив стресс.

Мадина и Фатима остались с отцом.

Мадина учится на юридическом факультете университета.

Лена и Залина ВАЗАГОВЫ

Родители Лены и Залины переехали в Северную Осетию из Грузии в начале девяностых. Воспользовавшись перестроечным безвластием, грузинские экстремисты грабили и убивали осетин. Молодежь уезжала в Северную Осетию, но многие из стариков остались.

Осталась в Грузии и бабушка Залины и Лены.

Летом 2004-го девочки гостили у нее. Домой, в Беслан, не хотелось. Но позвонила мама и сказала, что тридцать первого августа они должны быть дома.

Лена и Залина приехали.

В школьный двор сестры вошли вместе, потом разбежались, каждая — к своему классу.

Когда Лена услышала выстрел, она решила, что лопнул шарик. Все смотрели в ту сторону, где стояла женщина с шарами, и кричали. Шары улетали в небо. Но почему это так напугало людей?

Лена была одна в толпе бегущих по двору людей — рядом ни сестры, ни знакомых. Незнакомая женщина рукой разбила стекло, и все стали забираться через окно в школьный коридор. Лена увидела соседку, Залину Токаеву, и схватила ее за руку: «Я буду с тобой. Мне страшно!».

Залина и Лена

Сидя в зале, она искала взглядом сестру. Из-за тесноты невозможно было ни встать, ни пошевелиться, поэтому ноги ее занемели.

По залу ходил террорист и ел «сникерсы». Он вынимал их из многочисленных карманов жилета для боеприпасов.

— Куда они увели папу? — услышала Лена детский голосок.

Она оглянулась и увидела Фатиму Есиеву с детьми Дианой и Миланой. Их отца, Эльбруса Есиева, террористы увели вместе с другими мужчинами. Его расстреляли в тот же день, но об этом никто еще не знал.

— Как только нас отпустят, — опять сказала Диана маме, — я схвачу твою сумку, а Милана — туфли. И мы побежим домой.

Лена встала. Голова закружилась, она едва не упала на мину. Вышла в душевую, чтобы выпить воды. Но туда заглянула шахидка, Лена испугалась и вышла, не успев выпить.

Земфира Агаева, которая жила на той же улице, что и Вазаговы, тайком давала детям грудное молоко. Лене досталась чайная ложечка. Молоко было очень сладким.

— Когда нас отпустят, — сказала Лене Анастасия Туаева, — мы пойдем в магазин и купим воды и конфет. У меня 50 рублей. Отнесем всё к нам и организуем «сладкий стол».

— Дай свою блузку, — сказала она через некоторое время. — Я намочу ее.

Лене не хотелось отдавать блузку, потому что она могла потеряться, но отказать было неудобно. Блузку намочили, она пошла по рукам и пропала.

Плакал сосед Вазаговых, Заур Сидаков:

— Я боюсь, мама!

— Все будет хорошо, — говорила его мама Дзера. — Вот увидишь, все будет хорошо.

Они погибли оба.

Глядя на Заура, разрыдалась и Фатима Токаева: «Я хочу домой», — повторяла она сквозь слезы.

Лена мысленно попрощалась с родителями: «Жаль, что я вас больше не увижу». Она представила, как откроют настежь ворота их дома, как будут плакать мама, знакомые и соседи, а у ворот в скорбном молчании будут стоять мужчины. Из дальних сел и даже из Южной Осетии приедут родственники, чтобы выразить ее родителям соболезнование.

— Полежи на моих коленях, — сказала Залина Токаева.

Лена сняла с волос огромный бант на резинке, который мешал ей, положила его на пол и прилегла на колени Залины. Как хорошо, что рядом — ее соседи. С ними не так страшно.

Она закрыла глаза и уснула. Когда проснулась, долго ничего не могла понять: на ней лежала доска, из которой торчали огромные гвозди. Хотела встать и не могла. Горела шведская стенка, и мужчина спортивной курткой сбивал с нее пламя.

Лена сдвинула с себя доску, села и стала раскачиваться из стороны в

сторону.

Ее старшая сестра Залина сидела недалеко, но они не видели друг друга.

Залина все три дня боялась потерять свои мокасины. Накануне она обошла во Владикавказе несколько рынков, прежде чем выбрала их.

Она положила мокасины на подоконник и все время поглядывала на них.

Волосы ее, аккуратно свернутые на затылке в «дульку», как у балерины, за три дня нисколько не растрепались. «Ты как воспитанница Смольного института благородных девиц, — шутили подруги, когда она гладко причесывалась. — Им тоже не разрешали носить челки, потому что они мешают думать».

Ей ничто не мешало думать. Мысли ее уносились домой: как хорошо, что она отсоветовала маме идти с ними! Она бы непременно взяла с собой четырехлетнего Маратика.

Выстрелы во дворе школы в момент захвата Залина расценила как иллюстрацию к празднику. Она решила, что это — фейерверк.

Один из террористов выбивал стекла и порезал руку.

Залина искала Лену во дворе, потом высматривала в зале.

Всех волновал один и тот же вопрос: «Когда нас отпустят?».

Ну чего они так волнуются? Просто надо немного потерпеть, — рассуждала Залина.

Очень хотелось есть. Утром она выпила только чай с бутербродом.

Она боялась встать, чтобы выйти в душевую. «Идем, я отведу тебя», — сказала ей Мальвина Вазагова.

Залина прошла вместе с ней по узкому коридору, соединяющему спортзал со школой, и ужаснулась. В коридоре на стенах и на потолке — волосы и кусочки человеческой плоти. «Здесь взорвалась шахидка», — сказала Мальвина.

Они вернулись в зал.

Две женщины тихо переговаривались. У одной увели мужа, и он больше не вернулся. «Убили, наверное», — тихо плача, говорила она. Ее дочь — первоклассница — тоже плакала: «Домой хочу. Когда мы пойдем домой?».

Потом Залина узнала, что у девочки — это была Лиза Караева — погибли родители, а ей с бабушкой, Азой Цахиловой, удалось выжить.

«Я нашла кошелек», — шепотом сказала Залине Регина Худонова. Они раскрыли его — в кошельке была фотография незнакомой женщины и мелочь.

— Давай вернем его, — сказала Регина.

— А как ты будешь искать хозяйку?

Они взяли мелочь: «Когда отпустят, пойдем в магазин и купим воду».

Кошелек положили на пол.

«А ты знаешь, в новом спорткомплексе водой заполнили детский бассейн. Как только отпустят — пойдем купаться», — мечтательно сказала Залина.

Потом, устав, уснула. Проспала часа два. За окном было уже темно.

Люди, даже не вставая, двигались и перемещались по залу. Теперь она была рядом с боевиком «на педали» недалеко от выхода в коридор. «Если ваша власть не сделает то, что мы хотим, он отпустит педаль, — говорил террорист. — Вы никому не нужны».

Наступил третий день.

Залине все время хотелось спать. Она дремала, открывала глаза и снова засыпала. Проснулась и ничего не поняла: все вокруг как в кино: темно, сверху сыпался песок. Горел угол возле шведской стенки. Потом мрак рассеялся, и она увидела, что над спортзалом нет крыши.

Залина отодвинула кусок пластика, который лежал на ней.

В окна, выходившие во внутренний двор школы, прыгали заложники. Террористы, стоя в узком коридоре, стреляли им вслед.

Она села. «Ложись», — сказала женщина, лежавшая рядом. Залина повернула голову. Напротив нее, по ту сторону прохода, сидела ее сестра Лена, грязная и растрепанная. Рука у нее была в крови. Она раскачивалась из стороны в сторону и смотрела на Залину невидящим взглядом.

— Лена! — позвала ее Залина и не услышала себя.

— Ложись, — снова сказала ей женщина. — Она тебя не видит.

Залина с мамой. 3 сентября

По проходу, который стал совсем узким оттого, что там лежали мертвые, шел террорист. «Кто живой — вставайте, — сказал он. — Ты, ты и ты...» — он высматривал живых.

Осторожно, чтобы не наступать на мертвых, Залина пошла вслед за ним. Заложников ввели в кабинет преподавателей физкультуры. Из тех, кто в нем был, она знала только Ивана Константиновича Каниди.

Террорист ушел в зал. Залина села на пол, вытянув одну ногу, подобрав вторую под себя. Вернулся террорист. Неожиданно Иван Константинович бросился на него и стал отнимать автомат. Женщины закричали. Учитель упал спиной на вытянутую ногу Залины, так и не выпустив из рук оружие. Боевик, продолжая бороться, выстрелил в него из пистолета. Вырвав из рук Каниди автомат, выстрелил в него еще несколько раз.

Тело учителя, лежавшее на ноге Залины, стало очень тяжелым. По ноге потекло что-то горячее. «Я ранена», — испугалась она и с трудом вытянула из-под Ивана Константиновича ногу. Она была в крови, но раны не было.

Залина встала и пошла вместе с остальными заложниками в столовую.

Там легла на пол. У ее ног, спиной к ней, сидели мужчина и женщина с ребенком на руках. Пуля попала женщине в спину. Кровь из раны закапала на ноги Залины. Женщина медленно повалилась на пол. «Мама!» — испуганно закричал ребенок. Мужчина забрал из рук мертвой женщины девочку и лег на пол, накрыв ее собой.

Вечером Залина была уже дома. Она с удивлением разглядывала дом, в котором почти ничего не изменилось. Ей казалось, что она отсутствовала несколько месяцев.

Лену вынесли из спортзала спецназовцы.

Анжела ПАРСИЕВА

Анжела

«Как тебя зовут, девочка?» — спросил ее врач.

Она забыла и свое имя, и фамилию. «Это же внучка Магомеда Парсиева», — долетело до ее слуха, и Анжела вспомнила все.

С утра, собравшись в классе, девочки обсуждали обновки, а Анжела снимала одноклассников на видеокамеру, которую попросила у подруги.

Потом они стояли во дворе, и огромное количество воздушных шаров, поднявшихся в небо, напомнило ей шумную осетинскую свадьбу с кортежами машин и гарцующими всадниками в национальных костюмах. На свадьбах стреляют, отгоняя от

молодых злых духов, поэтому и стрельба у нее особой тревоги не вызвала.

Она посмотрела на Елену Сулетдиновну, в руках которой был микрофон» — радость в глазах завуча сменилась недоумением, потом в них появился испуг. Анжела поняла: то, что происходит в школьном дворе, непонятно даже учителям. И она побежала вместе со всеми.

На асфальте, недалеко от котельной, лежал белый фартук в пятнах крови. От вида этого окровавленного фартука она почувствовала ужас и в панике побежала в сторону спортзала. Девочка по имени Бэла обняла ее и сказала: «Не плачь. Все будет хорошо».

— Сейчас нас отпустят, — уверенно сказала преподаватель рисования Наталья Александровна Руденок.

— Ничего подобного, — возразила ей Анжела Цараевна Гацоева.

Анжела заволновалась: дома не знают, где она, ее будут искать.

Шахидки ходили по залу, обыскивая женщин, и глаза их казались Анжеле такими страшными!

Анжела вышла из зала в коридор и увидела бородатого террориста — он сидел на стуле и дремал. Когда она вернулась в зал, другой террорист, пытаясь утихомирить заложников, выстрелил из автомата у самого уха Анжелы. Анжела перестала слышать. Альбина Викторовна знаками успокаивала ее: «Ничего, это пройдет».

Потом Анжела сидела возле Елены Сулетдиновны. Родительница Инга Чеджемова рассказывала, что по пути в школу видела машину с террористами. Ее сын Зелим не хотел идти в школу и отговаривал идти ее.

На второй день в спортзал пришел Руслан Аушев. Он оглядел заложников, покачал головой, что-то сказал и ушел. Вместе с ним отпустили преподавателя физики Риту Александровну Гаджинову с ребенком. В зале остались ее дочери Диана и Алина.

Звук взрыва Анжела не услышала. Она открыла глаза и в тишине отчетливо услышала слова: «Вот теперь Лида наконец сделает ремонт». Она не видела, кто это сказал: на ней лежало что-то большое и тяжелое. Анжела выбралась из-под него, и террорист, который ходил по залу, увел ее в столовую. Она шла мимо заложенных окон, наступала на битое стекло и не ощущала боли.

Несколько часов, проведенные в столовой, показались длиннее, чем три дня в спортзале.

Они были страшнее.

Элина КОНИЕВА

Элина

«Берегите себя, будьте осторожны», — говорила мама, когда Элина с подругами шли в кино или на концерт.

Элине становилось смешно: что может случиться с ней в ее тихом маленьком городке, где все — если не родственники, то знакомые?

А теперь в ее Беслане, где она никогда никого не боялась, происходят ужасные вещи. Она, взрослая девушка, карабкается в окно своей школы, задевает осколок стекла, который торчит из рамы, рвет колготки и режет ногу. Из раны течет кровь.

А в школьном дворе страшные люди в черных масках стреляют из автоматов под ноги учителям, детям и их родителям.

Элина спускается с подоконника в коридор. Вдоль него тоже стоят люди. Они в черных балахонах, из-под которых видны кроссовки.

От боли и безысходности Элина начинает рыдать и рвать на себе колготки.

— Успокойся, успокойся, — говорит ей двоюродная сестра отца, Лариса Кесаева. — Это какое-то недоразумение.

В зале Элина просит подругу Фатиму Ногаеву не отдавать телефон. Не станут же террористы из-за телефонов убивать людей! Но когда они едва не расстреляли женщину из-за того, что рядом с ней зазвонил мобильник, Элина испугалась: с ними не шутят.

В спортзале кроме Элины были две ее старшие сестры: Фатима с двумя сыновьями, младшему из которых было четыре года, и Залина с Мадиной и Алиной.

На второй день Элина перестала адекватно воспринимать происходящее. «Сейчас приедет поливальная машина, — сообщила она

окружающим. — Нас будут обливать водой». Потом стала звонить по воображаемому телефону зятю, который работал начальником управления коммунального хозяйства района: «Где поливальная машина?».

В ночь на третье у Элины поднялась температура, она бредила. Возле нее, казалось ей, стоит ведро холодной воды. Рот ее зашит, она не может пить. «Но почему не пьют остальные?» — удивлялась она. Из глаз ее текли слезы.

Сестра Залина была в глубоком обмороке, Фатима сидела далеко.

Помочь ей было некому. «Сейчас из дому придет моя сестра Зита и принесет мне лекарство, — сообщила Элина окружающим.

В своей молитве Элина попросила Бога: если ей суждено спастись, пусть она получит знак. Во сне ей привиделся большой конверт, который летел из темноты. Конверт плавно опустился на залитую солнцем полянку.

Она проснулась, уверенная в том, что выйдет живой из этого зала.

...Взрыв перебросил ее из одного конца помещения в другой. Ей чудилось: она в доме у Фатимы, в подвале, где у них оборудован спортзал для детей. Но почему подвал обстреливают? На ногах ее лежат мешки с мусором, и она не может пошевелить ими. Убрал бы кто-нибудь эти мешки...

Вокруг — пыль и густой туман. Горит потолок. Кто-то зовет на помощь.

Потом туман стал понемногу рассеиваться.

Люди, которые лежали вокруг, были какими-то синими. Те, кто остался в живых, бежали по ним и прыгали в окна.

И никто не врывался в зал и не спасал их!

Элина ощутила внезапный прилив сил. Приподнялась, села.

— Иди сюда! — позвал ее террорист и повел вместе с другими в столовую. Но часть заложников, а с ними и Элина, побежала по лестнице на второй этаж и спряталась в актовом зале.

Рядом с ней сидел мальчик лет семи. В руке он сжимал горсть изюма. «Ешь, — сказал он Элине. — Мама уснула. Я будил ее, но она не проснулась».

Элина обняла его: «Она проснется и обязательно найдет тебя».

Пришел террорист и увел их в столовую.

Теперь Элина лежала на кафельном полу.

Девочка лет пятнадцати сидела, привалившись к стене. Из раны в ее животе вывалились внутренности. Девочка была жива.

По полу разливалась вода, смешанная с кровью. Элина зачерпнула ее ладонями и плеснула себе в лицо, чтобы не потерять сознание. И все-таки потеряла.

Когда открыла глаза, увидела мужчину с рыжими усами, в каске. Он стрелял в сторону школьного коридора.

— Подождите, — сказала ему Элина, — не стреляйте.

Встала, подошла к окну и выбралась на улицу.

Фатима КОНИЕВА-ДОЕВА

По залу разнесся слух: «Вечером нас отпустят». Как я с детьми буду добираться домой в темноте? — заволновалась Фатима. Потом сказали: «Террористы уйдут и оставят нас здесь». Это лучше. Можно будет дождаться утра.

Но прошла ночь, настало утро второго дня. Никого из зала не выпустили.

«Мы пришли убивать вас», — сказали террористы.

Фатима опять забеспокоилась: если с ней что-то случится, родственники и знакомые соберутся на похороны, а у нее в новом доме на окнах еще нет штор! Что скажут люди?

Неужели ей не суждено пожить в новом доме, который они с мужем строили столько лет? Они так долго обсуждали проект! Муж предусмотрел в нем все — даже спортзал для сыновей в подвале.

Ацамаз, Давид, Сослан и Фатима

Строительство дома подходило к концу — в доме работали отделочники. Первого сентября перед тем, как уйти в школу со старшим сыном Ацамазом, Фатима приготовила обед для рабочих — чтобы не спешить из школы. «Мама, возьми меня с собой», — попросил четырехлетний Давид. Она посадила в машину и его.

К школе их подвез на служебной машине водитель мужа.

Фатима была на пятом месяце беременности. Она точно знала, что будет

мальчик.

Когда-то, в самом начале супружеской жизни, ей приснилась женщина с длинными седыми волосами и в сером платье. «У тебя будет трое сыновей», — сказала она.

Двое сыновей есть, будет третий.

Услышав выстрелы в школьном дворе, Фатима решила, что это пиротехника. Восторженно захохотал Ацамаз — его счастливый смех все три дня стоял в ушах Фатимы. При виде высокого террориста в маске улыбка застыла на лице ребенка, глаза наполнились ужасом.

Фатима окаменела от страха. Ей казалось, что все это происходит не с ней. Она словно со стороны видела, как ее заталкивают в окно школьного коридора.

Потом сидела в зале и представляла: сейчас она проснется и поймет, что все происходящее было сном, нелепым и кошмарным сном.

Десятилетняя Дзера Дзгоева, которая жила недалеко от школы, вспомнила: «В холодильнике остался арбуз. Как только нас отпустят, пойдем к нам и съедим его».

Учительница начальных классов Эмма Хасанбековна Каряева сняла серебряную цепочку и, чтобы не потерять, положила в карман Фатиминой блузки.

И Дзера, и Эмма погибли. И цепочку Фатима не сберегла.

От обезвоживания не только губы, но и кожа вокруг рта и на подбородке Фатимы потрескалась и кровоточила. «Не приближайся ко мне, — сказала Земфира Агаева, которая работала с ней в районной больнице. — Я боюсь тебя».

Пот, смешиваясь с краской для волос, цветными полосами стекал на лицо и белую льняную блузку Фатимы.

Дети лежали на ней. Младенец в животе иногда начинал бурно реагировать на отсутствие воды — только тогда она вспоминала о своем, еще не родившемся, ребенке.

Фатима молилась.

— Помолитесь и вы, — попросила она Тамару Туаеву.

— Нам уже не поможет никакая молитва, — с печалью в голосе ответила пожилая женщина.

Тамара пришла в школу с дочерью Жанной и зятем Казбеком Кониевым. В первый класс провожали семилетнего Али. Младшему, Георгию, было три года. Казбек — бывший «афганец», кадровый офицер, работал в милиции. Террористы увели его в первый день вместе с другими мужчинами и расстреляли.

Дети Кониевых плакали. Но все внимание Жанны, как казалось Фатиме, было приковано к матери. Она не разрешала малышам долго лежать на ее коленях: «Не надо, у мамы ноги болят».

На второй день Фатима потеряла их из виду — обе женщины с детьми перебрались на другое место.

Перед взрывом Фатима сидела на скамье под окнами. Она упала с нее, и тело ее словно онемело — как во время наркоза, когда он еще не успел подействовать. Реальность казалась стертой. Потом окружающее стало понемногу проявляться: она ощутила, что лежит на куске пластика. Под ним — ее дети. Они живы. Дети лежат на женщинах, но женщины не двигаются. Они, вероятно, умерли.

— Кто живой — идите в столовую! — услышала она голос. — Сейчас обрушится крыша!

Она пошла с детьми на этот голос, никого и ничего не видя вокруг.

В столовой заложникам раздавали воду. Она была грязной, с песком, но этого никто не замечал — ее пили из больших «пивных» одноразовых стаканов.

«Ты не видела папу?» — спросила ее Марина Михайлова, держась руками за голову.

В одном из детей Фатима узнала Георгия Кониева. С ним не было ни мамы, ни бабушки, ни брата.

Из всей семьи в живых остался он один.

Фатима села на стул у стены. Ей казалось: самое страшное уже позади — они вырвались из ненавистного спортзала.

Начался обстрел. «Кто из вас в белом? — спросил террорист. — Надо помахать из тех окон, чтобы сюда не стреляли».

Встала Фатима — она была в белом льняном костюме. «Ты побудь здесь, в столовой», — сказала она Ацамазу.

Сын, как ей казалось, был надежно защищен — он лежал под окном. (Именно там было потом больше всего убитых и раненых).

Она вышла из столовой и встала у окна. Перед ней — спортплощадка. Там — свои. Не будут же они в нее стрелять. Чем бы помахать? Она сорвала с себя белую блузку и минуты две размахивала ею. Потом спохватилась: рядом — мужчины, террористы. Ей стало неловко, и она надела блузку.

У второго окна стояла Алета Сабанова.

Полковник стрелял из-за ее спины, разговаривая с кем-то по телефону. Фатима не слышала слов, но видела, что террорист смеется.

— Дайте мне телефон, — попросила она, но он ее не слышал. — Дайте мне телефон. Я позвоню, чтобы в нас не стреляли, — опять сказала она Полковнику, но слова ее потонули в грохоте автоматных очередей.

Боевики ушли. С ними остался однорукий Ханпаши Кулаев.

— Что с нами будет? — спрашивали его заложники.

— Не бойтесь. Вас никто не тронет.

Теперь только в нем видели они свою защиту.

Ханпаши одной рукой, зажав между колен автомат, менял рожок, и они

готовы были помогать ему!

Фатима и Алета ушли в туалет, где прятались человек пятнадцать женщин и детей. Окон в помещении не было, но пули, казалось, пробивали стены — взрослые и дети жались то к одной стене, то к другой, ложились на пол. Фатима выглянула из туалета — на ступеньках возле столовой лежали трое мертвых боевиков, но лиц их не было видно.

В помещение влетела и разорвалась граната. Осколок пробил Фатиме артерию, кровь залила грудь. Ей показалось, что она ранена в сердце — только оттуда могло литься столько крови. Прижала руки к груди и поняла: кровь уходит не из сердца, а из сонной артерии.

Фатима чудом осталась жива: при таком ранении человек погибает за минуты. Ее успели доставить в больницу и прооперировать.

Выжили и ее сыновья, и все, кто был с ней в туалетной комнате.

«Ваш ребенок жив, — сказал ей во время ультразвукового обследования врач. — У вас будет мальчик».

Третий сын Фатимы родился в феврале 2005 года. Его назвали Сосланом — в честь эпического героя осетин нарта Сослана.

Казбек ДЗАРАСОВ

Казбек

Казбек вместе с другими мужчинами сидел в школьном коридоре лицом к стене.

— Вы хорошие мужики, — доброжелательным тоном сказал им Полковник. — Вы ничего плохого нам не сделали. Но мы должны избавиться от вас. Вы представляете для нас опасность.

Мужчины знали, что их расстреляют.

Их избивали весь день. За всё: за лишнее слово, за дерзкий взгляд и даже просто так. Били прикладами и ногами. Почти все — в синяках, у многих отеки на лицах.

— За малейшую попытку оказать сопротивление расстреляем пятьдесят женщин и детей. Посмотрим, как вы с этим будете потом жить, — предупредил их Полковник.

— Зачем вы пришли именно в школу? — спросил одного из боевиков Валерий Бзиев.

Валерий — федеральный судья. Казбек спрятал его удостоверение под доски пола в спортзале, когда их заставили пробивать покрытие (террористы хотели выяснить, есть ли под залом подвал). А форменную сорочку майора милиции Фатимы Дудиевой он спустил в унитаз в душевой. Унитаз забился, и все три дня вода заливала пол.

— Ты или мент, или военный, — сказал Валерию боевик. — Смотри, если это так — за ноги повесим.

Рядом с Казбеком — его бывший одноклассник и друг Сергей Урманов. Оба они выпускники этой школы. Теперь в ней учатся сыновья Казбека Заур и Аслан. А Сергей привел в первый класс дочь Залину.

Утром Казбек с Сергеем договорились, что после линейки отвезут детей во Владикавказ, погулять в парке. Сергей с видеокамерой стоял у школьного крыльца в ожидании Залины, а Казбек курил в сторонке.

Кто-то хлопнул его по спине Он развернулся. В лоб ему уперлось холодное дуло автомата.

— ОМОН, что ли?

— Я тебе сделаю ОМОН! Брось сигарету, — скомандовал мужчина в камуфляже и черной маске на лице. — Руки за голову!

Еще несколько вооруженных людей бежали туда, где стояли дети. Боевик, стоявший рядом с Казбеком, тоже побежал в ту сторону.

Казбек бросился в здание школы. Он вбежал в библиотеку, где его мать Элла брала учебники для внуков.

— Быстро наверх! Террористы!

— Твои шутки неуместны, — сказала библиотекарь.

— Посмотри в окно!

Они побежали на второй этаж, в учительскую. Человек пятнадцать спрятались в небольшом закутке, где не было окон. Если снаружи заложить дверь шкафом, их не найти.

Альберт Сидаков, сотрудник таможни, звонил в милицию. «Вы что, оглохли? — кричал он по-осетински. — Не слышите, что здесь террористы школу захватывают?».

Трое боевиков ворвались в учительскую: «Выходите или всех перестреляем!».

В зале мужчин отделили от остальных заложников.

Руслана Бетрозова застрелили на глазах сыновей. Потом сказали Сергею, Казбеку и еще одному мужчине: «Три минуты вам, чтобы успокоить людей».

Подошел Полковник. «Пока никого не убивайте. Они еще нужны», — сказал он.

Мужчин разделили на две группы и увели из зала. Одних поставили в окнах первого этажа, других заставили носить шкафы и парты и закладывать ими двери: сперва входную и черный ход, потом окна, выходившие в сторону пятиэтажного дома №37 в переулке Школьном, затем окна второго этажа.

На крыше пятиэтажки блеснула оптика. Казбек Кониев показал снайперу на пальцах число террористов. Боевик заметил это, Казбека жестоко избили.

На улице Коминтерна выстрелом из окна террористы подожгли машину. Водитель и пассажир успели выскочить и скрыться. Боевики долго веселились, вспоминая этот эпизод.

На улице, за бетонным столбом, залег мужчина, который стрелял по школе. Боевики открыли по нему огонь из автоматов, но не могли достать.

«Снайпера!» — крикнул один из них.

Пришел снайпер, навел прицел и выстрелил: «Готово!».

По школе стрелял Руслан Гаппоев. В тот день начальник транспортного цеха щебеночного завода не вышел на работу — хоронили соседа. Услышав выстрелы, Руслан с охотничьим ружьем побежал в школу, где были его жена и дочь.

Руслан Гаппоев

Во второй половине дня работы по укреплению школы были завершены.

Казбек Дзарасов не знал, что одну группу мужчин уже расстреляли.

Конвойный повел их по коридору второго этажа в сторону кабинета информатики. Возле учительской остановился с Полковником. Из шестнадцатого кабинета — кабинета литературы — послышался грохот, выстрелы и крики.

Казбек увидел мужчину, который упа словно споткнувшись о порог кабинета. В коридор с криком выскочил террорист и в ярости выпустил несколько очередей в потолок.

— Что случилось? — спросил Полковник.

— Один сбежал! А этого я завалил!

— Правильно сделал. Один сбежит — вали остальных.

Сбежавшим был Аслан Кудзаев, а убитым — Альберт Сидаков. Аслан и Альберт выбрасывали в окно тела расстрелянных мужчин. Аслан, воспользовавшись тем, что боевик менял рожок автомата, выпрыгнул в окно и ушел под прикрытием дымовой завесы, организованной нашими.

....Казбек и еще несколько мужчин опять сидели в коридоре.

Где-то поблизости работало радио. Передавали экстренный выпуск новостей: «В североосетинском городе Беслане террористы захватили школу. По предварительным данным, число заложников составляет 354 человека».

«Посмотрим, посмотрим...» — угрожающе произнес боевик.

Казбек устал сидеть на полу. Он снял новые светлые замшевые туфли, которые надел первый раз, и положил их под себя.

Недалеко громко разговаривали две шахидки и трое боевиков. «Детей много», — возбужденно сказала одна из женщин. Боевик закричал на нее, но что он сказал, Казбек не разобрал: говорили уже не по-русски.

Шахидка ушла в кабинет географии, а через секунду там раздался взрыв.

Лицо Казбека впечаталось в стену. Он провел рукой по голове и почувствовал, как осыпаются обгоревшие волосы. Сергей Урманов был жив. Телеоператор Карен лежал на полу, лицо и голова его были в крови. Казбек Кониев был ранен в ногу, осколком ему перерезало вену. Он пытался остановить кровотечение.

— Дайте кусок занавески, — сказал Казбек Дзарасов, — его надо перевязать.

— А ты что, медсестра? — боевик со злостью ударил его ногой в кроссовке.

Лицом вниз лежал Иван Карлов, который в тот день работал в школьной котельной. Спина его была обожжена.

Был ранен и один из террористов. Врач Лариса Мамитова делала ему укол. Прибежавшие боевики заставили заложников поднять его, положить на снятую с петель дверь и внести в кабинет химии. Потом встали вокруг него, и Абдулла нараспев стал читать молитву на арабском.

Вскоре раненый затих.

Террорист бросил заложникам штору и заставил их собирать останки шахидки: «Руками не трогайте. Вы нечистые», — предупредил он. Вчетвером — Казбек, Сергей и двое боевиков — сложили в кусок шторы то, что осталось от взорвавшейся женщины, и, свернув, положили на пол, в угол кабинета.

Наступила ночь. У Казбека от усталости и напряжения закрывались глаза. Но стоило кому-то задремать, как раздавался окрик боевика: «Не спать!».

— Мертвых и раненых — наверх! — послышалась команда. — Кто не может ходить — лежите.

Карен не встал: «Я не могу». «Вставай, — сказал Казбек. — Если не хочешь, чтобы тебя расстреляли».

Мужчины положили мертвых и раненых на двери и понесли их по узкой лестнице на второй этаж, в шестнадцатый кабинет.

— Держитесь сколько сможете, — предупредил мужчин перед тем, как его унесли, Казбек Кониев. — От раненых они избавляются.

Со второго этажа слышалась громкая и долгая стрельба.

У входа в шестнадцатый кабинет стоял боевик, четверо других добивали раненых. «Выбрасывайте их в окно. Но сначала снимите с них пакеты», — приказал один из террористов.

На головах расстрелянных были черные пластиковые пакеты. У Кониева на обнаженном торсе — татуировка «ВДВ». Над ним, вероятно, издевались особенно изощренно — пакет был скручен под подбородком.

Заложники взглядами попрощались друг с другом и стали выбрасывать мертвых в окно. Туфли Казбека почернели от крови, которая покрывала пол кабинета.

«Умойтесь и идите в спортзал», — сказал боевик.

В зал вошел Руслан Аушев. Террористы, за исключением Полковника, безрукого Ханпаши Кулаева и еще одного боевика закрыли лица масками.

После его ухода мужчин снова вывели в коридор. Вечером им опять разрешили вернуться в зал, но посадили далеко друг от друга.

Казбек сел рядом с матерью и сыновьями. «Я видела во сне твоего отца, — сказала Элла сыну. — Приехал на арбе, запряженной ишаком, и забрал с собой Аслана».

Аслан — младший сын Казбека и любимый внук бабушки.

«А еще, — продолжала Элла, — он дал мне денег, потом забрал часть из них обратно на покупку угля. Зачем я ему отдала их? Нехороший сон».

Казбека заставили завесить окно спортзала шторой: выбили слишком много стекол. За окном — темно. Можно выпрыгнуть и, зная, где сидят снайперы, уйти.

Террорист, словно угадав его мысли, предупредил: «Убежишь — уложу всех, кто сидит под окном». Казбек посмотрел вниз: Фатима Кониева с детьми, учительница Эмма Каряева с дочерью Кариной, повар Сима Албегова, семья Казбека Кониева — жена, двое сыновей и теща.

«Один убежит — вали остальных!» — вспомнил он указание Полковника.

Завесив окно, Казбек спустился вниз.

— Почему не убежал? — спросил террорист. — Дурак. Теперь подохнешь.

— От судьбы не убежишь. И от своих детей тоже.

— А где твои дети?

— Вон, сидят.

Террорист долго смотрел на него в раздумье: «Ладно, садись».

Ожидание смерти страшнее самой смерти. Он устал от нервного напряжения и был очень бледен.

— Что с тобой? — спросила Элла.

— Мама, я такое видел! Скорей бы умереть.

— Что ты такое говоришь!

Казбек дышал с трудом. Ему не хватало воздуха.

По залу шел огромный мужчина. Рост Казбека — метр девяноста три, а этот был намного выше его. С одной стороны на нем висела сабля, похожая на мачете, с другой — пулемет. Великан шел по проходу, ни на кого не глядя. Один из детей выставил в проход ноги, и мужчина пинком убрал их со своего пути. Он прошел в тренажерный зал, побыл там несколько минут и вернулся. Казбек нигде его прежде не видел. Неудивительно — дальше восемнадцатого кабинета на втором этаже мужчин не водили.

— Ты Казбека нашего не видел? — спросила его Тамара Туаева, теща Казбека Кониева.

— Видел. Он в другом месте.

— Скажи ему, чтобы о нас не беспокоился. У нас все хорошо.

На третий день Казбека Дзарасова, Сергея Урманова, Батраза Туганова и Валерия Бзиева опять вывели из зала. Боевик развлекался, стреляя им под ноги.

— Да надоели вы уже, — не выдержал Казбек. — Скорей бы расстреляли.

— А ты положи свой автомат, — предложил боевику Батраз Туганов. — Если ты мужчина, выходи один на один. Хотите — выходите против меня вдвоем.

— Закрой рот! — боевик размахнулся и ударил Батраза прикладом по ребрам.

Они опять были в зале. Казбек сидел с Батразом Тугановым спина к спине. К нему перебрался младший сын Аслан. Элла со старшим внуком Зауром сидела чуть дальше.

Взрыв оглушил Казбека. Когда пришел в себя, стал искать своих. Мать была жива, но ничего не слышала. «В окно, — показал ей Казбек. — Выбирайся в окно!». Элла отрицательно качала головой и оглядывалась, ища внуков.

Заура Казбек нашел быстро. Мальчик открыл глаза, ничего не понимая.

— Ты меня знаешь? — спросил его Казбек.

Сын утвердительно кивнул.

— Тогда в окно!

Он подсадил на подоконник мать и сына и вернулся, чтобы найти

младшего. Аслана не было. Казбек выбрался во двор. У мастерских на асфальте лежала девочка лет семи. Обессилевшая мать пыталась поднять ее. Рядом, весь в крови, лежал десятилетний Альберт Токов. Казбек взял обоих детей за кисти рук и потащил за собой. Добравшись до гаражей, повернул обратно.

— Ты куда? — мужчина в камуфляже преградил ему путь.

— Там дети.

— Без тебя обойдемся.

Через несколько дней Казбеку выдали в морге останки сына Аслана.

Школа долго не отпускала Казбека. Он потерял сон и ночами бродил вокруг нее. Подолгу сидел во дворе, иногда спал здесь же, на траве.

Из мужчин, которых уводили из зала, в живых остались он, его друг Сергей Урманов, Казбек Мисиков, телеоператор Карен Мдинарадзе, Борис Арчинов и Валерий Бзиев.

Батраз Туганов, Александр Михайлов и Владимир Мокров погибли уже после взрывов в зале.

Зинаида УРУЦКОЕВА

Зинаида Азаматовна

Зинаида Азаматовна могла преподавать русский язык и литературу в старших классах, но ей нравилось работать в начальной школе.

Личная жизнь у нее не сложилась, Бог не дал ей своих детей, поэтому всю свою нерастраченную материнскую любовь она перенесла на учеников.

Тот сентябрь был сорок шестым в ее педагогической деятельности.

Ее третий класс располагался в небольшом здании начальной школы. Вместе с родителями она подготовила помещение к началу учебного года, осталось только повесить шторы.

В первый день учебного года Зинаида Азаматовна, как обычно, пришла на работу на час раньше. Стали подходить и ученики с родителями.

— Там, недалеко, у школьной ограды, со стороны железной дороги, стоит подозрительная машина, испуганно рассказала одна из родительниц. — Когда я шла мимо, из-за брезента кузова выглянул бородатый мужчина. Мне показалось, что они чего-то или кого-то ждут.

— Идите в учительскую и быстро звоните в милицию!

Женщина ушла и через минуту вернулась: «В коридоре стояла женщина-милиционер, сказала, что позвонит сама.

Учительница успокоилась, построила детей, и они в окружении родителей вышли во двор.

Огромная связка шаров в руках молодой женщины вдруг медленно поднялась в воздух, и одновременно с этим все, кто находился во дворе, куда-то побежали.

Зинаида Азаматовна ничего не поняла.

Завуч Ольга Викторовна Щербинина сидела на корточках на спортплощадке и плакала.

— Что происходит? — спросила ее Зинаида.

— А вы оглянитесь. Нас взяли в заложники.

— Быстро забирайтесь в коридор! — требовали боевики, разбивая руками и прикладами стекла в окнах коридора первого этажа.

— Я не смогу туда подняться, — испугалась Зинаида Азаматовна.

— А я на что? — услышала она голос Александра Михайловича Михайлова, учителя труда.

Он протянул ей руку и быстро поднял на подоконник.

Теперь она сидела в спортзале и по многолетней привычке время от времени поглядывала на наручные часы.

— Куда вас все время уводят? — спросила она Александра Михайлова, когда он проходил мимо нее.

— Мы мертвых со второго этажа выбрасываем, — шепотом ответил он.

«У него же больное сердце, — заволновалась Зинаида Азаматовна. — Он только недавно выписался из больницы».

Теперь она стала понимать, почему не вернулись в зал молодые мужчины Эльбрус Есиев, Альберт Сидаков, Артур Дзампаев, Казбек Ко- ниев.

Но к тем, кто находился в зале, террористы в первый день относились сравнительно доброжелательно. Своих требований не скрывали: Чечне — статус независимого государства; вывод из нее российских войск, освобождение из следственного изолятора боевиков, участвовавших в нападении на правоохранительные органы в Ингушетии.

Услышав по телевизору, что в зале 354 человека, террористы стали громко хохотать: «Давай уничтожим остальных!».

Директор Лидия Александровна, которую второго сентября уводили в учительскую, где работал телевизор, сказала окружающим: «О нас уже знает весь мир».

Зинаида Азаматовна высматривала в зале своих учеников. Вот недалеко от нее Заур Бициев с матерью Зариной Дзампаевой. Зарина тоже ее бывшая ученица.

Она видит Карину Дагуеву с мамой Галиной Кудзиевой. Карина уже в одиннадцатом. Утром она подошла к ней, своей бывшей учительнице, нарядная, в черных замшевых туфельках на высоком каблуке.

— Кто купил тебе такие красивые туфли?

— Мама, — радостно сказала Карина, обняла ее и убежала.

Предыдущие ученики Зинаиды Азаматовны теперь в седьмом и одиннадцатом классах. Из одиннадцатиклассников многим удалось бежать. Семиклассники и малыши почти все здесь.

Среди заложников — и старый учитель, фронтовик, участник Сталинградской битвы Заурбек Харитонович Гутиев. На его пиджаке — фронтовые награды. «Что, дед, не убили тебя на войне? — спросил его один

из боевиков. — Ничего, здесь убьют».

Чтобы его награды не раздражали террористов, Ольга Николаевна Соскиева, учительница начальных классов, вывернула его пиджак наизнанку. У старика были проблемы со здоровьем — через каждые полчаса ему надо было в туалет. Ольга Николаевна бережно, словно ребенка, поднимала старого учителя и, положив его руки себе на плечи, почти относила в туалет.

Зинаида Азаматовна вспомнила, как накануне Ольга Николаевна рассказывала про свой затянувшийся ремонт: «Все. Наконец-то он завершен! Первого сентября приду домой, вымою полы и заживу без хлопот».

Домой она больше не вернулась.

Преподавателю физкультуры Ивану Константиновичу Каниди террористы разрешили ходить по залу. Ему было почти семьдесят пять, но потомок древних эллинов был еще крепок, несмотря на два перенесенных инфаркта.

Он наклонялся то к одному ребенку, то к другому, что-то ласково говорил, кого-то гладил по головке, успокаивая.

Дети его очень любили.

Чуть дальше — преподаватель русского языка и литературы Альбина Викторовна Аликова.

Альбина Викторовна сама училась в этой школе. Окончив университет и получив диплом филолога, она вернулась в нее преподавателем. Ученики побаивались ее, но обожали.

Альбина Викторовна сидела в окружении учеников. Ее энергия словно передавалась детям. А когда террористы пригрозили расстрелять ее учеников, маленькая учительница бесстрашно встала на их защиту: «Расстреляйте меня! Их не трогайте!».

Молодой мужчина приветливо кивнул Зинаиде Азаматовне. Она не сразу узнала Артура Рубаева. Парень был без ноги, он потерял ее, неудачно спрыгнув с электрички. Учительница встречала его почти каждое утро, проходя мимо его дома. Если он сидел на лавочке, непременно вставал, завидев ее издалека. И здесь, в зале, он, встретившись с ней взглядом, приветствовал ее по утрам почтительным поклоном.

Проблемы со здоровьем у Зинаиды Азаматовны начались на второй день. К ней пробрался ее бывший ученик, семиклассник Инал Кануков.

«Мы выживем, выживем, — успокаивал он свою учительницу. — Вот увидите, все будет хорошо».

Подползла Азау Кантемирова. «Дайте какую-нибудь тряпочку, — сказала она. — Я принесу вам хоть немного воды».

Она вернулась вся в слезах: «Меня не выпустили. А вам так плохо!».

Инал выжил.

Азау Кантемирова погибла.

Передвигаясь на корточках, к учительнице приблизилась Мадина

Боллоева.

Мадина, ее сестра Залина и брат, первоклассник Сармат, пришли в школу с отцом, Вадимом Боллоевым. Вадим был ранен во время захвата заложников. Боевики вывели Вадима и расстреляли.

Теперь самым близким человеком в этом зале для Мадины была ее учительница.

Мадина была отличницей. Девочка так трогательно любила Зинаиду Азаматовну, что бабушка ее рассказывала: «Даже газеты и журналы в нашем доме исписаны Вашим именем».

Обычно после уроков Зинаида Азаматовна задерживалась в классе, проверяла тетради, готовила планы. Мадина оставалась в группе продленного дня. После обеда в школьной столовой она прибегала к ней, зажав в руке завернутые в салфетку ломтик хлеба и кусочек котлеты. И сколько ни уговаривала ее Зинаида Азаматовна не делать этого, девочка снова и снова приносила ей часть своего обеда.

Мадина молча обняла учительницу и легла возле нее.

Рядом с Зинаидой Азаматовной — Фатима Тебиева и Фариза Фраева. У Фаризы — Буси, как все ее называют, сыновья — борцы. Она была их постоянной болельщицей, ходила с ними на тренировки, ездила на соревнования. Один из них — Сослан Фраев — чемпион Европы, фигура в спортивных кругах заметная. Второй сын Буси, Руслан, ставший предпринимателем, женат на дочери Руслана и Фатимы Тебиевых, Людмиле.

Всё большое семейство Тебиевых и Фраевых провожало первого сентября в школу первоклассницу Алину. Буся и Фатима так и не узнали, что Руслан Фраев был убит в первые минуты захвата заложников. Он успел выхватить из машины пистолет и сделать несколько выстрелов.

На третий день террористы объявили тем, кто был в тренажерном зале:

«Сегодня нас собираются штурмовать. Если это произойдет, мы вас превратим в фарш! Через мясорубку пропустим! Мы все вместе взлетим: кто — в рай, кто — в ад!».

Зинаида Азаматовна потеряла сознание. Она не слышала ни одного взрыва. Когда пришла в себя, машинально взглянула на часы — 13.30. Повернула голову — слева от нее, лицом вниз, лежала Фатима Тебиева. Волосы разметались, затылок окровавлен.

Мадины рядом не было.

Откуда-то сверху упало несколько кусочков горячей арматуры. На пальце руки Зинаиды появился волдырь.

В зале преобладало два цвета: черный и красный. Черное — это стены, красное — все остальное.

Все погибли. Умрет, наверное, и она.

Учительница продолжала лежать.

Мальчик лет пятнадцати вскарабкался на подоконник и спрыгнул во двор.

Значит, можно уйти? А что, если и она попробует?

Зинаида Азаматовна выбралась во двор. Мальчик, спрыгнувший с подоконника, медленно пересекал двор. Она пошла следом. Упала, протянула к нему руки. Мальчик не оглядывался. Она ползла, вставала, снова падала и опять ползла. Добралась до стены котельной, потом до гаража и увидела своего спасителя, того мальчика, который показал ей путь на свободу. Он был ранен в колено и стоял на одной ноге, кусая посиневшие от боли губы.

Со второго этажа двухэтажного дома люди в касках стреляли в сторону школы.

— Идите сюда! — крикнул ей из Школьного переулка мужчина в камуфляже.

— Вы же боевики! — не поверила она.

Пошла дальше и оказалась в доме № 37, в квартире Дауровых. В одной из комнат работал телевизор, шла трансляция событий, происходящих в Беслане.

Она прошла в ванную комнату и стала жадно пить воду. В стену ударила пуля.

Вошел мужчина.

— Вы хозяин? — спросила она.

— Нет, у хозяина в школе — мать и племянники. Он побежал туда, когда услышал выстрелы.

Она села у окна и, рыдая, смотрела в сторону школы.

— Здесь опасно, — сказал мужчина и увел ее в другую комнату.

Вскоре за ней приехали соседи:

— Долго жить будете, — сказали они. — Нам сказали, что вас убили.

Два года Зинаида Азаматовна оплакивала своих учеников. Из ее третьеклассников в теракте погибли пятеро: Залина Албегова, Вадим Озиев, Таймураз Моргоев, Зелим Чеджемов и Мадина Боллоева.

Погибла и Карина Дагуева из одиннадцатого.

Два года Зинаида Азаматовна носила по ним траур. Она приходила в школу и, не смея одна войти в страшный спортзал, плакала, стоя во дворе.

— Вы, вероятно, кого-то потеряли в теракте, — сказал ей однажды незнакомый мужчина.

— Да. Здесь погибли мои дети, — ответила она.

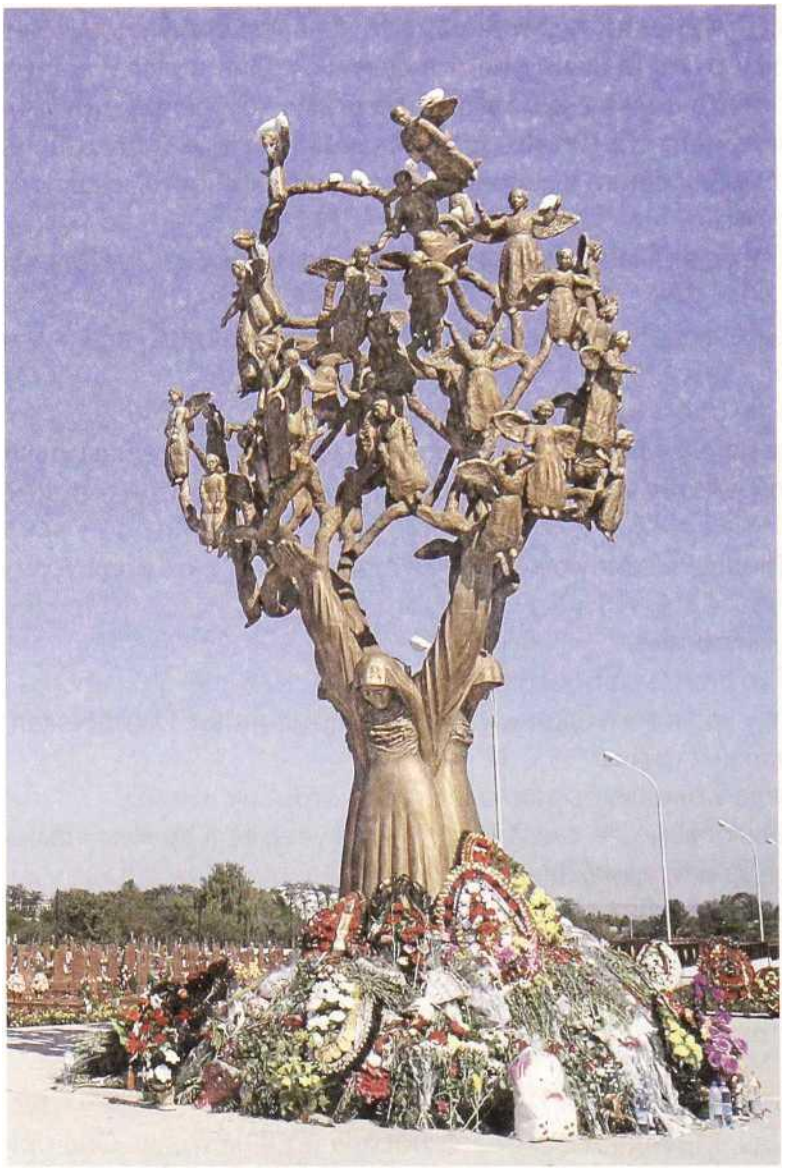
Как-то ей приснилось огромное дерево, которое росло в чистом поле. На его ветвях сидели ее погибшие ученики.

— Спускайтесь, — волновалась она. — Вы можете упасть!

— Нет, — ответила ей Азау Кантемирова. — Нам здесь хорошо!

Это дерево из бронзы она увидела год спустя на мемориальном кладбище.

На его ветвях сидели ангелы.



Древо скорби

Сима АЛБЕГОВА

Однажды на железнодорожной станции во Владикавказе Сима, чтобы не обходить стоявший на первом пути товарный состав, решила пробраться под ним. Состав тронулся с места, едва она оказалась под вагоном.
Сима легла; состав прошел над ней.

Потом автомашина, в которой ехал ее единственный сын, разбилась так, Сима что ее собрали по частям.
Все, кто был в машине — водитель и четверо пассажиров, — остались живы.

И, наконец, она живой и невредимой вышла из спортзала первой школы. Все, кто сидел рядом, погибли.

Эти три чуда убедили Симу в том, что жизнь и смерть каждого из нас — в руках Всевышнего.

...Школьного повара Симу Албегову террористы вызывали дважды: первый раз — когда им потребовались ключи от подсобных помещений, и во второй (это было уже третьего сентября, за час до взрыва): «Там, в холодильнике, — куры, иди и приготовь что-нибудь», — сказал ей террорист.

«Не забудь принести нам воды», — шепнула ей вслед Дина Бзиева.

В столовой у окна сидел молодой боевик. Перед ним на столе открытая пачка печенья.

Сима прошла на кухню и оказалась в родной стихии. Она всей грудью вдохнула воздух, которого ей так не хватало в зале, выпила желтой от ржавчины, застоявшейся в трубах, воды, и включила печь. Выложила из морозильной камеры одеревеневших кур. Эти четыре тушки и коробка печенья остались с последней лагерной смены.

Восемнадцать лет проработала Сима в столовой первой школы. Труд

нее всего было готовить в жару для летнего лагеря. Этим летом она отработала три смены, и директор Лидия Александровна Цалиева сказала ей: «С первого по десятое сентября будешь отдыхать».

Но первого утром позвонили ее друзья Бзиевы: «Первоклассник Рома будет читать стихи о тебе».

Отказать было невозможно.

С Бзиевыми Сима дружила много лет. Работала когда-то вместе с Таисией. На ее глазах вырос Валерий (по паспорту — Сергей), потом она гуляла на его свадьбе. Валерий и его жена Дина работали во Владикавказе федеральными судьями. Теперь сын Валерия Рома шел в первый класс, а младшему, Борису, было всего три года.

В ожидании волнующего момента, когда на линейке прозвучат стихи о ней, Сима разговаривала с Альмой Бароевой. Вдруг Альма исчезла, и на ее месте возникло бородатое лицо.

Сима оказалась среди заложников.

Она знала каждого, кто сидел в этом зале. «Учителя не могут знать всех детей, — говорила Сима, — а я знаю. Потому что нет в школе ребенка, который не прибегал бы в столовую».

— Твои пирожки особенные, — говорили ей. — У тебя какой-то секрет.

— Секрет прост, — смеялась она, — я вкладываю в них свою любовь к детям.

Сима когда-то сама училась в этой школе. Поэтому знала не только детей, но и их родителей.

В спортзале она сидела недалеко от бывшего директора школы Таркана Габулиевича Сабанова. У старика были больные ноги, и кто-то из террористов, сжалившись над стариком, принес ему стул. Таркан Габулиевич вставал, оглядывал зал и, сокрушенно качая головой, опять садился.

Несколько раз ему приносили воду, он всю ее отдавал детям, которые сидели поблизости.

Сима сидела у входа в кабинет физруков, где можно было дышать свежим воздухом. Женщина с потухшим взглядом принесла туда дочь. Девочка почти не дышала. Сима сделала ей искусственное дыхание, а когда та пришла в себя, влила ей в рот мочу.

Все время плакала Кристина Фарниева, соседка Симы по дому.

— Не расстраивайтесь, — успокаивала окружающих Дина Бзиева. — Нас так не оставят. Работа по нашему освобождению уже ведется.

Сюда перебралась и Жанна Кониева с двумя детьми и матерью Тамарой Туаевой.

Пыталась успокоить всех, кто был рядом, и учительница начальных классов Роза Тимофеевна Черджиева.

У выхода в коридор сидела Залина Цгоева с четырьмя детьми. Выражение лица у нее было скорбное.

...Куры из холодильника были как деревянные. Наконец Симе удалось разделать одну из тушек. В столовую вбежал боевик и крикнул: «Всем быстро в зал!».

Сима успела добежать только до ступенек, отделявших столовую от коридора. От мощного взрыва содрогнулись стены, с грохотом покатилась по полу кухни металлическая кастрюля.

Террорист побежал по коридору в сторону спортзала.

Сима и ее помощница Залина Дзгоева свернули в один из классов и упали на пол у самой двери. У окна стоял террорист и стрелял в сторону улицы. Он оглянулся и сказал: «Вас там убьют. Идите сюда и ложитесь под окно». Когда у него закончились патроны, швырнул автомат на пол и, пригнувшись, выбежал из класса.

— Давай выпрыгнем из окна, — предложила Залина.

— Нельзя. Подстрелят.

Они выбрались в коридор. Со стороны спортзала, навстречу им, шли заложники. К ней бросился Рома Бзиев:

— Сима, мама умерла, — сказал он.

Она прижала его к себе.

Заложников завели в столовую, дали воды.

В кухне, между печами, сидела третьеклассница Амина Качмазова. На лице ее со страшным заплывшим глазом было выражение радости.

Когда началась перестрелка, Сима посадила Рому в огромную кастрюлю и неплотно прикрыла крышкой — чтобы не задохнулся. Потом выбросила из шкафов всё их содержимое и спрятала туда детей.

Кухня

После взрыва с крайнего окна упала решетка. Учитель физкультуры Алик Цаголов стянул ее вниз. Террорист скомандовал: «Кто-нибудь — на подоконник!». Сима встала на подоконник, потом спрыгнула на землю.

Вдоль стены школьного здания, пригнувшись, цепочкой пробирались военные.

— Сюда! — позвал ее один из них.

— Там, в столовой, люди, — крикнула она.

Рома Бзиев выжил. Его мать Дина погибла. Бабушка Таисия, получив тяжелые ранения, год пролежала в одной из московских клиник. Она умерла через два года после теракта, так и не поднявшись с постели.

Отец Ромы Валерий Бзиев погиб в автомобильной катастрофе через шесть месяцев после теракта.

Все, кто сидел рядом с Симой в спортзале, у входа в кабинет преподавателей физкультуры, погибли.

Сима боится ночи. По ночам погибшие дети приходят к ней в столовую.

Она бережно хранит то четверостишие, которое на праздничной линейке должен был прочитать Рома Бзиев:

К Симе мы за пирожками
Будем бегать каждый раз.
А сегодня наши мамы
Привели нас в первый класс!

Надежда БАДОЕВА

Надежда

Мурат, как дома называли Ахтемира Бадоева, был любимым дядей Надежды. Он долгое время жил в Германии, и каждый его приезд становился праздником для всей семьи.

Дядя женился почти в сорок лет. О его романтической любви к красавице Мадине Хузмиевой в Беслане знали все. Он украл ее и увез в Германию. Вскоре у них родился сын, которого назвали Алексом, а через три года — дочь Милана.

Дети росли в благополучной Европе, но заболела мать Мурата, и он, будучи заботливым сыном, приехал с семьей в Беслан.

На второе сентября у него был билет на самолет, вылетающий в Германию (семью он собирался забрать позднее). А первого его семилетний сын Алекс шел в школу, где когда-то училась его мама, активистка и отличница Мадина.

Надя перешла в одиннадцатый.

Тридцать первого августа она вернулась из Фиагдона и, не успев купить обновки к школе, решила первого сентября остаться дома.

Утром пришел Мурат. «Надя, нужна твоя помощь, — сказал он. — Хочу поснимать Алекса, но испортилась видеокамера».

Надя обзвонила одноклассников. Камеру пообещала Карина Бигаева.

Увидев Надю в брюках и футболке, классная руководительница Надежда Ильинична Гуриева расстроилась: «Вы будете поздравлять первоклассников, а ты в таком виде!».

Малыши уже выходили из класса. Надя сняла Алекса в коридоре, потом, продолжая снимать, спустилась по ступенькам во двор. На мониторе камеры среди нарядных первоклассников возникли лица в черных масках...

Мурат схватил в охапку Алекса и, увлекая за собой Надю, Мадину и ее сестру Залину, побежал на второй этаж. Все кабинеты были закрыты. Открыт только актовый зал. Они поднялись на сцену, оттуда перешли в кабинет Елены Сулетдиновиы, завуча-организатора внеклассной работы. В нем пряталось человек пятнадцать, в основном женщины и дети. Мужчин среди них было только двое — Мурат и Георгий Есеновы. Дочь Георгия, первоклассница Лена, плакала, он не мог успокоить ее и зажимал ей рот ладонью.

Мужчины открыли окно и попробовали выбить решетку. Снизу по ним открыли стрельбу. Пуля попала Георгию в руку.

Дети испуганно закричали.

Дверь распахнулась, и несколько вооруженных мужчин, направив на них автоматы, потребовали: «Выходите, или будем стрелять!».

Надежда успела спрятать видеокамеру в мусорную корзину.

Только однажды еще видела Надя Мурата — высокий, под два метра ростом, в светлых брюках и сорочке, он принес с мужчинами в спортзал огромный сейф.

Все, что происходило с Надеждой в первые два дня, стерлось из ее памяти.

На третий день Мадина с Алексом перебрались туда, где рядом с боевиком «на кнопке» сидела директор школы.

Надя с Залиной остались в центре зала. Залина потеряла сознание. Надя попросила у врача ватку с нашатырем, но ватка, пока ее передавали, где-то затерялась. И тогда Надя перенесла Залину туда, где была Мадина. Дышать там было легче, и Залина вскоре пришла в себя.

Теперь они сидели все вместе: Мадина с Алексом, а через проход — Залина с Надей. Наконец-то Надя смогла вытянуть ноги! Она не сразу увидела Абдуллу, который шел по проходу. И получила удар прикладом по ноге такой силы, что след от него остался на многие годы.

Едва Абдулла скрылся в тренажерном зале, как прогремел первый взрыв.

Надя открыла глаза и почувствовала, что лежит на спине. Попыталась подняться, но не смогла, что-то ее держало сзади. Это массивная золотая цепь, которую передал ей перед уходом Мурат, зацепилась за одежду мертвой женщины.

Все, кто сидел вокруг нее, теперь лежали не двигаясь: рядом — женщина с маленькой девочкой, напротив — боевик «на кнопке». Он продолжал сидеть на стуле, но голова его была запрокинута. Мертв был и второй террорист, сидевший рядом с ним.

Директор школы Лидия Александровна Цалиева лежала лицом вниз, раскинув руки.

К Наде подбежал один из террористов, которого почему-то называли «украинцем». У него были разноцветные глаза: один — зеленый, второй — бесцветный. «Ползи туда», — сказал он, махнув рукой в сторону входа. Он помог ей добраться до двери, возле которой были свалены столы, парты и шкафы, накрыл ее крышкой от парты и приказал: «Лежи и не двигайся».

Другие боевики стреляли вслед убегавшим.

— Крыша горит, — сказал ей через некоторое время «украинец». — Ползи в тренажерный зал.

Он стрелял во двор, чтобы отвлечь от нее боевиков, уверена Надя.

Она поползла по проходу в сторону тренажерного зала. Мальчик лет двенадцати лежал на ее пути, прикрывая одной рукой глаза, и внимательно наблюдал за ней. Надя перебралась через тело директора, уверенная, что та мертва, и оказалась в тренажерном зале. Здесь были люди — раненые, окровавленные, но живые.

Она села на пол.

Вошел террорист и приказал всем идти в столовую. «Пригнитесь, — сказал он, когда они выходили в зал. — Снаружи стреляют».

Завуч школы Ольга Викторовна Щербинина, лежавшая на полу, приподняла голову и быстро опустила ее.

Только дойдя до коридора, Надя почувствовала боль в обожженной спине. Руки тоже были в волдырях, в ногу впился кусок стекла (он вышел из ее ступни только через полгода).

Актовый зал после теракта

— Надя, ты не видела мою дочь? — спросила ее родственница Марина Гаппоева.

Марина была в школе с дочерью, первоклассницей Дзерой. Ее муж, Руслан, услышав первого сентября выстрелы, побежал к школе с оружием и был застрелен в нескольких шагах от окон столовой.

Погибла и Дзера.

Лицо Марины было в крови. Надя набрала воды из фляги, которая стояла на кухне, и смыла с нее кровь. Ран на лице не было.

Они прошли из столовой на кухню и спрятались под печь. Рядом с Надей сидела Анжела Варзиева.

— Вставай и иди к окну! — приказал Надежде Абдулла.

— Я не могу. У меня болит нога.

К окну подошла Анжела. Через несколько минут она упала, смертельно раненная.

Боевики стреляли из-за спин заложниц. Уходили, возвращались, опять стреляли. Когда в очередной раз Абдулла и боевик с густыми вьющимися волосами выходили из кухни, Надя вздрогнула от неожиданности: с кучерявого словно сняли скальп — на фоне черных волос белели кости черепа.

Террористы ушли из столовой. Остался только Ибрагим, который сидел

на стуле у окна раздачи. Он не стрелял, просто контролировал все, что происходило в кухне и в столовой.

Когда с крайнего окна упала решетка и в кухню проник первый спецназовец, Ибрагим спокойно достал гранату, выдернул чеку и бросил ее на пол.

Граната упала рядом с Надей. Она закрыла голову руками и закричала. Что-то тяжелое свалилось ей на ноги. Это на гранату, уткнувшись лицом в ее колени, упал спецназовец.

Он был уже мертв. Накрыв собой гранату, он спас не только ее — осколки могли уничтожить всех, кто лежал на полу кухни.

Наде раздробило голень.

Только через полгода она узнала имя своего спасителя — это был руководитель штурмовой группы лейтенант Андрей Туркин. За свой подвиг он был посмертно удостоен звания Героя России.

Семья Надежды подружилась с матерью Андрея Туркина Валентиной Ивановной. Каждый год она, приезжая на годовщину Бесланской трагедии, останавливается у Бадоевых.

Наде едва не ампутировали ногу. Ее удалось сохранить благодаря хирургу Казбеку Кудзаеву.

Мурата террористы расстреляли.

Мадина, ее сестра Залина и сын Алекс остались живы.

Надя стала врачом и вышла замуж.

Елена КАСУМОВА

Елена Сулетдиновна, готовясь к предстоящему празднику, гладила свой новый костюм. На душе было тревожно. Она пыталась отыскать причину этой тревоги и не могла. Все вроде бы готово: сценарий написан, подарки первоклассникам, с которыми она репетирует уже неделю, куплены. О том, что мероприятие начнется не в десять, как обычно, а в девять, предупреждены все. (Весной, во время «Последнего звонка», с несколькими детьми и преподавателями случился тепловой удар). Но, самое главное, не надо просить музыкальную аппаратуру. Есть своя, подаренная на 100-летний юбилей школы.

Отчего же так тревожно на душе?

В школу они с сыном, третьеклассником Тимуром, пришли первыми.

Младший брат Елены Сулетдиновны, Рома, который окончил школу год назад, и одиннадцатиклассник Заур Абоев выносили из актового зала музыкальную аппаратуру и устанавливали ее во дворе.

Пять лет спустя

Елена спустилась на первый этаж, заглянула к учителям первых классов Марине Хаир-бековне Кануковой и Галине Хаджиевне Батаевой: «Ну что, у вас все готово?».

Зашла в кабинет истории к Надежде Ильиничне Гуриевой. Ее дети Борис и Вера — уже в танцевальных костюмах: они должны исполнить на празднике латиноамериканский танец. На ручке оконной рамы на вешалке — форменное платье Верочки.

Во дворе тоже все готово к началу мероприятия. Классы построены, стулья для пожилых людей и женщин с детьми расставлены.

Одиннадцатиклассники, которые будут поздравлять малышей, в сборе, но стоят за воротами и что-то обсуждают. Елена Сулетдиновна выходит к ним и строго произносит: «Мы начинаем». Подходит к столу, берет в руку микрофон. Встречается взглядом с директором школы Лидией Александровной Цалиевой. Та коротко кивает головой: «Начинай».

Но события в школьном дворе начинают развиваться совсем не по ее сценарию.

Елена Сулетдиновна на одном из школьных праздников

Почти все школьные мероприятия проходили
в спортзале

Час спустя Елена Сулетдиновна сидела на скамье под одним из окон спортзала, сжимая в руке листочки со сценарием: «Не потерять бы. Как только нас отпустят, надо будет закрыть зал, чтобы ничего не пропало. Потом все вернутся и разберут свои вещи. А через несколько дней надо будет снова браться за организацию праздника, — думала она. — Спортзал придется срочно ремонтировать — в нем проходят не только спортивные занятия, но и все основные школьные мероприятия».

Елена Сулетдиновна прикинула, во сколько обойдется ремонт спортзала: потолок и стены террористы изрешетили пулями, в полу прорубили отверстие, в окнах выбили несколько стекол.

На второй день, выйдя из зала и увидев картину полного разгрома, сказала террористу, который сопровождал ее:

— Ужас что вы сделали с нашей школой!

— А вы что, работаете здесь?

— Да. Наше положение никак не меняется?

— Нет пока.

— Это же так не делается, — сказала она, словно знала, как это должно делаться.

— Ничего, мы подождем, — угрожающе произнёс боевик.

Лена вернулась на свое место и первым делом посмотрела, на месте ли листочки со сценарием.

Они были на месте.

Семья азербайджанца Сулетдина Касумова переехала в Беслан много лет

назад. Образованный, артистичный и хорошо знающий горские обычаи, Сулетдин быстро стал в Беслане уважаемым человеком, народным дипломатом: его приглашали, когда надо было сватать невесту или мирить кровников. А на праздниках он был мудрым, трезвым и остроумным тамадой.

Будучи талантливым музыкантом, Сулетдин создал в районе вокально-инструментальный коллектив, который в семидесятые годы был признан лучшим в республике.

Дочь Сулетдина, Елена, проработала в первой бесланской школе пятнадцать лет. Год преподавала русский язык и литературу. Но ее призвание было в другом: внеклассная работа, организация общешкольных мероприятий. Ее назначили заместителем директора по воспитательной работе.

Ни один из ее праздников не походил на предыдущий. «Этот был еще лучше, чем прошлогодний», — всякий раз с гордостью отмечала директор Лидия Александровна Цалиева.

Пять лет назад первой школе исполнилось 100 лет. Елена Сулетдинов- на перед юбилеем не спала ночами: вела переписку с бывшими выпускниками, искала в архивах документы, связанные с историей школы, работала над сценарием.

Праздник получился грандиозным. Торжественная часть проходила в актовом зале, а столы для банкета были накрыты здесь, в спортзале.

Елена Сулетдиновна умела находить таланты: девочки из ее шестого класса Света Цой, Эмма Хаева, Мадина Созанова, Вера Гуриева сами могли подготовить и провести любое мероприятие.

Елена Сулетдиновна посмотрела в ту сторону, где стоял металлический сейф, и встретилась взглядом с Даримой Батуевной Аликовой.

Дарима преподавала в первой школе историю. Это была молодая, красивая, интеллигентная женщина, улыбчивая, обаятельная и сдержанная. Она окончила высшую комсомольскую школу в Москве, была молодежным лидером. Именно там девушка из Бурятии встретилась с осетином

Александром Аликовым, который женился на ней и привез в Беслан.

Их дети, Руслан и Алана, окончили первую школу. Руслан был на стажировке в Англии, а Алана поступила в этом году в университет, на факультет мировой экономики.

«Как ты?» — знаками спросила Елена Сулетдиновна Дариму.

Та грустно покачала головой. Было видно, что ей очень плохо.

Накануне, тридцать первого августа, Дарима пригласила их, своих подруг, к себе. Она жила рядом со школой. Пили чай, говорили о детях, об обновках, о завтрашнем празднике, много шутили и смеялись.

Елена Касумова и её сын — Тимур. 2004-й год

Это была их последняя встреча. Дарима погибла.

— Вы слышите? Слышите? — голос «пресс-атташе Полковника» Али перекрыл все остальные звуки. Телефон «Нокиа» в его руке выводил знакомую мелодию. Зал затих. Али поднес трубку к уху: «Убитых? Об этом мы

поговорим потом!» — сказал он кому-то.

«О каких убитых он говорит? Убили ведь одного Бетрозова», — удивилась Елена Сулетдиновна.

Женщины, передавая друг другу ручку, писали на телах детей их имена и фамилии и слова «Спаси и сохрани».

«Мама, пойдем к дедуле, — неожиданно сказал Тимур. — Он же недалеко живет. Попьем воды».

Инна Дзанаева о чем-то спросила Елену, назвав ее папой.

На третий день Елена Сулетдиновна с одной из коллег попросилась в туалет.

— Вон ведро, — сказал боевик.

— Как? Здесь? Прямо в коридоре? Где столько мужчин? Здесь же ученики ходят! Так нельзя. Мы — учителя, — не удержалась Елена Сулетдиновна.

— Да кому вы нужны? Кто вас видит?!—взорвался террорист.

И на виду у десятка боевиков женщины по очереди, прикрывая друг друга, сели на ведро...

Ни мыслей, ни чувств. Осталось одно-единственное желание — пить!

Взрыв — как спасение, как конец этой мучительной жажды. Елена вскочила, поставила сына на подоконник, взобралась на него сама, спрыгнула вниз и побежала через внутренний двор школы. Вслед им стреляли. Женщина, бежавшая рядом, упала в нескольких шагах от спасительной калитки, ведущей во двор пятиэтажки, забилась в конвульсиях и затихла.

...Через несколько дней,'когда из здания вынесли тела всех погибших, Елена Сулетдиновна пришла в учительскую. Она собрала разбросанные, пробитые пулями и осколками классные журналы, фотографии и альбомы с вырезками. Эти документы были для нее как знамя полка — она обязана была их сохранить. Через год она принесла их в новую школу, построенную в нескольких метрах от старой.

Но «первой» эту школу почему-то не назвали. Она, единственная в Беслане, остается без номера. Просто «школа по улице Коминтерна»...

Мадина ТОТИЕВА

— Молитесь, — говорила знакомым Раиса Тотиева в те дни ожидания развязки. — Молитесь за детей. И за террористов тоже.

— А за них зачем?

— Так ведь и они когда-то были нормальными людьми. Но какие-то жизненные обстоятельства сделали их такими. Может, Бог вразумит их и они отпустят наших детей...

Рая очень религиозна. Нежная и улыбчивая, она — олицетворение христианской кротости и любви к ближнему. Такими же были все члены большой и дружной семьи Тотиевых — свекор Раисы Феликс, два его сына Константин и Таймураз, их дети.

Тотиевы жили большой патриархальной семьей: Рая и Таймураз — в отцовском доме, а Константин и его жена Белла построили дом рядом, на той же улице. Их дети с утра до вечера были вместе.

Летом 2004-го Таймураз и Рая ездили с девочками на море. Восьмилетнего Бориса не взяли: он был долгожданным мальчиком, который родился после четырех дочерей, и Таймураз боялся за сына: а вдруг утонет?

Раиса Тотиева с детьми и племянниками.
Шестеро из них не вернулись из школы

Осталась дома и старшая из детей, Лариса, — в хозяйстве была корова, которую надо было доить.

Борис не скучал: ему купили велосипед, и он осваивал новое для себя транспортное средство.

...Вечером тридцать первого августа он разобрал велосипед, чтобы починить. Детали разложил в сарае. Собрать не успел. Утром, уходя в школу, наказал: «Мама, ничего не трогай, я скоро вернусь».

Из семей двух братьев в школу ушли восемь человек: Лариса, Мадина, Люба, Альбина и Борис — дети Таймураза; Дзера, Аннушка и Азамат — Константина. Вернулись только двое — Мадина и Азамат.

— Трудно, наверное, с пятью детьми? — спросила как-то сотрудница паспортно-визовой службы районного отдела милиции Альма Кусова Таймураза (он пришел получать паспорт для старшей дочери Ларисы).

— Зато, когда вырастут, сколько будет радости! — заметил Таймураз.

Из пятерых его детей после теракта в живых осталась семиклассница Мадина.

Вначале Мадина, ее братья и сестры сидели в разных местах спортзала, потом собрались вместе. Сидели почти рядом с боевиком «на кнопке», возле директора школы: Мадина, девятиклассница Лариса, шестиклассница Люба, пятиклассница Альбина и второклассник Борис.

Как и все дети, Мадина мысленно делила боевиков на «добрых» и «злых». Один из них был добрым, но притворялся злым, как будто боялся своих. Именно он после взрыва приказал ей лежать, чтобы пули не задели ее.

Дети Тотиевых росли в атмосфере любви и уважения друг к другу. Утром первого сентября, уходя в школу, они вместе с родителями помолились. Лариса успела захватить блокнотик с религиозными песнопениями, и в спортзале он стал для них настоящим спасением: когда становилось очень тяжело, они молились. А чистые листы из блокнота служили веером.

Лариса раздавала листочки с молитвами окружающим.

Боевики сказали, что живым из зала никто не выйдет, поэтому они готовились к встрече с Христом. Мадина думала: «Скорей бы.... И без боли». Ей стало совсем плохо, и она опустила голову на руки, сложенные на коленях.

Взрыв оглушил ее. Когда подняла голову, увидела: там, где сидели ее сестры и брат, никого нет. Она с удивлением всматривалась в то место, где они были только что: вот боевик «на педали», а дальше, там, где сидели дети, никого нет!

Рядом с ней на полу лежала оторванная кисть руки. Мадина подняла ее, внимательно осмотрела: может, кого из наших? — и осторожно положила обратно.

После второго взрыва ее подбросило вверх и ударило об пол.

— Мадина, — услышала она слабый голос и увидела незнакомую девочку, которая ползла к ней. — Это я, Люба, твоя сестра, — сказала девочка.

Люба была вся в крови и в осколках стекла. Мадина втянула ее за руки в душевую, набрала ведро воды, смыла с нее кровь и стекла, дала ей выпить стакан, второй, третий...

— Я хочу спать, — сказала Люба. — Оставь меня и беги.

Мадина села рядом с сестрой. Одна из женщин нашла на полу картонку; губной помадой, которая валялась здесь же, написала на ней: «Не стреляйте! Здесь дети!». И выставила ее в окно.

Стрельба не утихала.

Люба лежала, закрыв глаза.

Мадина ждала, когда закончится бой и кто-нибудь спасет ее сестру.

В окне показался мужчина и махнул ей рукой. «Сначала ее», — сказала она. «Оставь, — крикнул мужчина. — Иди сюда!».

Но Мадина выбралась в окно только после того, как вынесли сестру.

Люба умерла в реанимационном отделении районной больницы.

...Страшно входить в дом, из которого навсегда ушли четверо детей. Но всех журналистов, которые в те скорбные сентябрьские дни посещали дом Тотиевых, поражали ровное спокойствие и сдержанное благородство Раисы Тотиевой.

«Кому нужны мои слезы? — сказала как-то Рая. — А что у меня на душе, знаю только я».

Могилы Тотиевых: Любы, Ларисы, Дзеры, Альбины, Бориса и Анны

Она держалась для Мадины, которая постоянно всматривалась в мамины глаза. Пряча свое горе на дно души, эта сильная кроткая женщина

помогала выйти из эмоционального кризиса единственной дочери.

Держалась и Белла, похоронившая Аннушку и Дзеру.

Два месяца искали своих детей Тотиевы. Только в ноябре Таймураз и Рая похоронили последнего погибшего ребенка. Провожая каждого из них в последний путь, Рая говорила: «До встречи». Она твердо верит, что эта разлука временная и они непременно встретятся.

Эта вера помогла семье Тотиевых выжить.

Тотиевы благоустроили улицу, по которой в последний раз ушли в школу их дети.

Страшная трагедия не ожесточила эту удивительную семью. Тотиевы не возроптали против Бога, как делали это некоторые. Так же, как и прежде, посещают они молитвенный дом. И возносят молитвы за всех живых и просят мира для своей маленькой Осетии.

Фатима ДЗГОЕВА

Две недели Лана ухаживала за ребенком, который находился в коме, и сомневалась в том, что это ее племянница Фатима. Снова и снова разглядывала она высохшее тело десятилетней девочки, находила знакомые родинки и на время успокаивалась: вроде бы Фатима. Пухлые пальчики стали худыми и длинными, на отекшем лице стерты все черты, голова забинтована.

Осколок — обточенный подшипник — как лезвием срезал лобную часть черепа ребенка и застрял в затылке.

Врачи не давали никаких гарантий...

На реабилитации в Германии

...В школу на День знаний Дзгоевы собирались идти вчетвером: десятилетняя Фатима, девятилетняя Залина и их мать Жанна с трехмесячным

Георгием.

Жанна сфотографировала девочек во дворе дома и дала фотоаппарат Фатиме: «Вы идите, а я вас догоню — забыла бутылочку с детским питанием». Поднялась на пятый этаж, вошла в квартиру и услышала за окном выстрелы (их дом — рядом со школой).

В спортзале девочек увидела Анна Дзгоева, которая жила в соседнем доме. Залина была очень привязана к старшей дочери Анны Ольге. Все три дня Залина лежала на ее ногах, а Фатима сидела на коленях у Анны. Рядом были младшая дочь Ани Рита и восьмиклассник Аслан.

Рита и Фатима спали. Возможно, поэтому они остались живы. Анна, Ольга и Залина погибли.

Фатиму выбросило из спортзала взрывной волной.

В больнице

Айтег и Жанна искали своих детей в больницах. Нашли девочку с перебинтованной головой, у которой на ноге было выведено: «Фатима Дзагоева». Жанна осмотрела тело ребенка и нашла знакомые родинки: кто-то по ошибке написал на теле их дочери «Дзагоева» вместо «Дзгоева». А это разные фамилии.

Фатиму с другими детьми вертолетом отправили в Ростовскую детскую областную больницу. Родственники детей, вместе с которыми была и Лана, уехали вслед за ними автобусом.

Они подъезжали к Ростову, когда Лане сообщили, что в морге опознали тело Залины.

Фатима вышла из комы через восемнадцать дней.

Врач вложил в ее ладонь свой палец и сказал: «Если тебя зовут Фатима,

сожми его».

Пальцы девочки слегка шевельнулись.

«Это твоя тетя?».

Пальцы опять задвигались.

«Ее зовут Лана?».

Легкое пожатие.

У Фатимы было поражено правое полушарие головного мозга. Соответственно — парализована вся левая часть тела.

О детях из Беслана знал весь Ростов. Проведать их приходили незнакомые люди. Прямо в больничной палате был проведен обряд крещения. С тех пор Фатима не расстается со своим нательным крестиком.

Почти год она провела в инвалидной коляске. Потом понемногу стала ходить, разговаривать.

В августе 2005 года, за несколько дней до первой годовщины теракта, у Фатимы появились тревожные симптомы простуды. Врач из владикавказской клиники, который наблюдал ее, не придал им значения. У девочки резко поднялась температура, она снова впала в кому. Со страшным диагнозом «менингоэнцефалит» ее успели довезти до Ростова.

На этот раз врачи клиники были менее оптимистичны. «Надежды на выздоровление нет. Мы отключаем аппарат искусственного дыхания», — сказал Лане лечащий врач Фатимы.

В Ростов за телом ребенка приехали мужчины из рода Дзгоевых, соседи и знакомые.

В Беслане готовились к похоронам Фатимы.

Но Лана и не думала сдаваться — одного ребенка сестра потеряла, второй должен выжить.

С помощью врачей Ростовской областной детской больницы и депутата Государственной думы Арсена Сулеймановича Фадзаева ей удалось решить вопрос направления Фатимы в Московскую нейрохирургическую клинику имени Бурденко.

Когда Фатима, наконец, вышла из комы, Лана поняла: положение намного хуже, чем год назад. Теперь на ее руках был «новорожденный» ребенок, который не мог ходить, глотать, говорить. Соска, памперсы, коляска...

«Вам могут помочь только в Германии или Израиле, — сказали им при выписке врачи. — Но полностью вы ее уже не восстановите».

Лана при финансовой поддержке банка «Зенит» увезла племянницу в германскую клинику «Шарите».

Восемь часов длилась операция, в ходе которой немецкие врачи сформировали Фатиме из титановых пластин лобные и височные кости.

«То, что Фатима вернулась к жизни, — чудо»,— считает доктор Рошаль.

— Бог меня любит, — часто повторяет Фатима. — Я буду здорова.

Она ходит в церковь, выстаивает службу, перед сном молится, целует крестик и только после этого засыпает.

Ее желание жить и быть здоровой поражало врачей.

В Германии Фатима прошла четыре курса реабилитации. Месяцы и годы многочасовых занятий (Лана — педагог, много лет проработала с детьми дошкольного возраста). И только через пять лет Фатима смогла самостоятельно есть, ощутить вкус мороженого и клубники, освободиться от ненавистных памперсов. Все это время Лана носила ее на руках, как маленького ребенка (Дзгоевы живут на пятом этаже).

«В двадцать лет я выйду замуж, — уверена Фатима. — У меня будет трое детей: Олег, Ацамаз и Алина».

«Когда я была в коме, — вспоминает она, — я видела свою сестру Залину и Аллу Дудиеву (обе погибли). Они стояли у красивых ворот. Я хотела войти туда, но Залина меня не пустила. Она дала мне тысячу рублей одной бумажкой и сказала: «На эти деньги купишь себе здоровье».

Путь к здоровью для Фатимы — это ежедневный кропотливый труд. Ее возят в оздоровительный центр «Алгус», где она проходит курс иппотерапии — общается с лошадьми, катается на них. Она часами работает на тренажерах. Учится заново читать, писать, овладевает компьютером.

Фатима учится заново жить.

До теракта

Джульетта ГУТИЕВА

Джульетта Георгиевна не скрывает — она забыла о своем ребенке, когда бежала из спортзала. «Саша, где Саша?!» — кричала она, имея в виду мужа.

Ее муж Александр умер за пять лет до Бесланского теракта.

О дочери Джульетта вспомнила только в больнице.

Человеческая психика не в состоянии выдержать того, что испытали заложники Бесланской первой школы. Но этого не объяснишь родителям, у которых погибли дети.

На второй день Джульетта Георгиевна потеряла голос. Возможно, обострилось заболевание щитовидной железы. А может быть, оттого, что долго плакала в голос, как на похоронах, после ухода Руслана Аушева, когда поняла, что в их судьбе ничего не изменится. Условия террористов не будут выполнены — значит, заложникам суждено погибнуть.

А поначалу, при появлении бывшего президента Ингушетии, они обрадовались, появилась надежда.

Джульетта Георгиевна с дочерью Кристиной

Руслан Аушев, казалось, был ошеломлен, увидев столько людей. Он постоял у входа несколько минут, оглядел заложников, сказал, что будут вестись переговоры, и ушел.

Через некоторое время из душевой, где сидели женщины с детьми, прибежала Алина, дочь преподавателя физики Риты Александровны Гад-

жиновой: «Мама с ребенком ушла с Аушевым, — заявила Алина. — Она сказала, чтобы мы забрали из кабинета ее сумку, когда нас отпустят».

Эти слова обнадежили Джульетту: значит, их все-таки отпустят!

Ночью настроение террористов изменилось, они все время стреляли, и Джульетта сделала безрадостный вывод: дела плохи.

Она испытала унижение, когда на просьбу выйти в туалет боевик сказал: «Смотрите, если за пять минут не успеете, расстреляю».

Джульетта Георгиевна преподавала в первой школе осетинский язык и литературу и была классным руководителем в девятом. За минувшее лето ее ученики очень изменились. Давид Валиев, который все лето гостил в селе Эльхотово у родственников, возмужал, раздался в плечах и стал выше ростом.

«Я так хотел в школу!» — сказал он Джульетте Георгиевне.

Сабина Мамаева расцвела, как прекрасный нежный цветок. Она была в длинной юбке и, предугадывая реакцию классной руководительницы, сказала: «Не ругайте меня, я ее укорочу».

Джульетта требовала от своих учениц строгой классики в одежде: никаких брюк, никаких излишеств в выборе юбок — прямая черная, до колен, и белая блузка.

Пришла и Регина Хуадонова, которая с утра должна была быть в больнице у матери. Регина дружила с Аланкой Кацановой и дочерью Джульетты Кристиной Гутиевой. Все трое занимались в баскетбольной секции, которой руководил Иван Каниди. Попытки девочек уйти в «более женские» кружки Иван Константинович воспринимал как предательство.

«Зачем ей вязание?!» — удивлялся он, когда Кристина записалась в кружок рукоделия.

Борис Гуриев, сын преподавателя истории Надежды Ильиничны, готовился к выступлению.

Без опоздания пришла Дзера Базрова, которая из-за длинной косы до недавнего времени считалась самой заметной девочкой в школе.

— Смотри, не вздумай постричься, — говорила ей Джульетта Георгиевна. — Ты сразу потеряешь свою индивидуальность. Потерпи хотя бы до одиннадцатого класса.

Но в восьмом Дзера отрезала косу. А спустя время призналась: «Вы были правы. Я очень жалею об этом».

Обрадовалась Джульетта Георгиевна и братьям Годжиевым — Роме и Роману. Братья были очень разными: старший, Роман, — сдержанным и молчаливым, Рома — озорным и веселым.

А вот и любимец класса Арсен Маликиев. «Он постоянно смеется на уроках», — удивлялись учителя. Но со временем поняли: радость — это состояние его души. Арсен занимался спортом, хорошо учился, и, если бы

ему суждено было окончить школу, окончил бы ее с медалью.

Джульетта пересчитала своих учеников. Из двадцати восьми присутствовали двадцать три.

В зале она видела из них только Рому, он сидел у кабинета физруков. В глазах его была обреченность.

Третьего сентября Джульетта поняла: этот день для них последний. Больше они не выдержат. «Как хорошо, что старшая дочь Элина весной окончила школу, — подумала она. — Будет жить с бабушкой». После смерти мужа Джульетта с детьми не ушла к родителям. Она осталась жить со свекровью, которая любила ее как родную дочь.

Девочка, сидевшая на подоконнике, вдруг упала вниз. Один за другим, потеряв сознание, с подоконника упали еще несколько детей.

Мальчик что-то говорил, обращаясь к Джульетте, но ей казалось, что он щебечет на каком-то незнакомом ей языке: она не поняла ни слова. Неожиданно на колени ей упала конфета — ее бросил тот самый мальчик. Джульетта со страхом посмотрела на него, потом на террориста — вдруг заметил?

Взяла конфету и отдала не своей дочери, а Диане Гаджиновой. Девочка, откусив половинку, отдала остальное Кристине.

Взрыв. И словно наступила ночь. Что-то тяжелое упало сверху. Отодвинув это в сторону, Джульетта закричала, но не услышала своего голоса. Так же, раскрыв рот в немом крике, бежала она через задний двор школы, забыв о дочери, не чувствуя, что в ногу ей вонзился осколок, что из раны течет кровь. «Саша! — кричала она. — Где Саша?».

Из ее класса погибли семеро — Дзера Базрова, Рома Годжиев (его брат Роман успел в то утро убежать), подруги Регина Хуадонова и Алана Кацанова, Арсен Маликиев, который даже там, в зале, пытался шутить, поддерживая окружающих. Не стало Сабины Мамаевой и Бориса Гуриева.

Диана Муртазова, будучи прикованной к инвалидной коляске, окончила школу с серебряной медалью, поступила в вуз.

Лучший баскетболист школы Давид Валиев после тяжелого ранения в голову тоже стал инвалидом. Он всегда мечтал быть тренером. Через пять лет после теракта он, вопреки запретам врачей, поступил на факультет физического воспитания Северо-Осетинского госуниверситета.

....После последнего школьного звонка Джульетта Георгиевна с учениками поехала на кладбище. В тот день они опять были вместе. На красных мраморных памятниках ее погибших учеников висели ленты с надписью: «Выпускник-2007».

Марина КОЗЫРЕВА

Муж Марины, Вадим, уходил на работу в половине восьмого утра. Она видела в окно, как он идет через двор, и неожиданно для себя окликнула: «Вадик, подожди!». Подошла и сказала: «Обними меня, пожалуйста».

Вадим даже смутился от неожиданности: подобные проявления чувств на людях не в обычаях осетин. Он бросил взгляд на окна, обнял ее, постоял несколько секунд и торопливо ушел: на улице его ждал автобус.

Проезжая мимо шестой школы, Вадим увидел, что из здания выходят кинологи с собакой. Вспомнил порыв Марины и почувствовал странный холодок в груди: «Сегодня в первой школе что-то должно произойти», — подумал он.

Посмотрел на часы — 7.40.

Марина и Диана

Марина одела третьеклассницу Диану и четырехмесячного Сармата, положила в пакет коробку конфет.

— Зачем ты берешь ребенка? — сказала мать. — Измучаешься и ты, и он. Оставь его со мной.

Они с Дианой вышли из дома, а средний сын, шестилетний Алан, плакал и бежал за ними до перекрестка — он тоже хотел в школу. Марина вернула

его домой.

По дороге она встретила Лолиту Уртаеву с сыном, второклассником Тамерланом.

Когда-то Марина сама училась в первой школе. С подругой Залиной ходили в школу пешком по улице Октябрьской. Им очень нравился тихий отрезок улицы, прилегающий к старой мечети. Возвращаясь домой, делали остановку перед домом Цириховых, чтобы посидеть на лавочке.

Недели за две до первого сентября Марина во сне, возвращаясь привычным маршрутом из школы, подошла к дому Цириховых. Лавочки возле дома не оказалось. Она с удивлением осмотрелась по сторонам, увидела под ногами черный конверт, подняла его. Из конверта выпали лотерейный билет и записка: «Вы выиграли миллион рублей». «Это чужой билет», — подумала она и забросила его под калитку Цириховых. (В Бесланском теракте погибли хозяйка дома Тина Цирихова и ее внучка Дзерасса Басаева).

— Мы опаздываем, — сказала Лолита, взглянув на часы. — А я хотела еще зайти в магазин.

Они шли мимо райотдела милиции, двор которого был переполнен сотрудниками. Молодые милиционеры что-то весело кричали им вслед.

— Лучше бы детей охраняли, чем женщин «прикалывать», — сказала Марина.

Учительница Зинаида Азаматовна Уруцкоева уже выводила свой класс из маленького здания начальной школы. Марина обняла ее и поздравила с началом учебного года.

— Представляешь, — сказала учительница, — Инга Чеджемова говорит, что видела недалеко отсюда подозрительную машину, из которой выглянул бородатый мужчина. А вдруг это террористы?

Слова ее дуновением ветра пролетели мимо, не коснувшись сознания Марины.

Учительница с учениками ушла туда, где строились дети, а Марина с родительницами Региной Кусаевой и Залиной Хузмиевой осталась стоять недалеко от металлических ворот, выходивших в сторону железнодорожных путей.

— Сколько в этом году пап! — удивленно произнесла Марина. Раньше в школу с детьми ходили только мамы.

Молодых мужчин действительно было много. Они стояли у школьного крыльца с камерами и фотоаппаратами, ожидая появления первоклассников.

Еще не прозвучало ни одного выстрела, а на лицах Регины и Залины, которые стояли лицом к воротам, вдруг отразилось недоумение. Марина оглянулась: из машины, въехавшей в ворота, выскакивали вооруженные люди...

Куда делись Регина и Залина? Где Диана?

Плача, Марина бегала по двору и оказалась возле медпункта. Рядом с ним когда-то был вход в пионерскую комнату. Потом дверь заложили, но ниша глубиной сантиметров в двадцать осталась. В этом углублении стоял мужчина в светлой рубашке. Из раны на его плече шла кровь, он зажимал ее рукой.

— Иди сюда, — сказал он и уступил ей место.

Марина встала в нишу, прижавшись спиной к кирпичной кладке.

В окно карабкалась женщина с маленьким ребенком на руках и огромным пластиковым пакетом. Она взбиралась на подоконник, из пакета на землю вываливались детские вещи, она спускалась, собирала их и снова начинала карабкаться на подоконник. Мужчина, который уступил Марине место в нише, подошел к женщине с ребенком и помог ей забраться в коридор.

Марина вошла в спортзал последней — впереди нее шла та самая женщина с младенцем на руках и большим пакетом.

Продолжая плакать, Марина подошла к боевику в маске, стоявшему у входа в зал. В его взгляде она заметила сочувствие. «Плачь, плачь, — сказал боевик. — Иди, жалуйся Путину. Я тоже плакал, когда убили мою жену и детей».

— Помогите мне, пожалуйста, найти ребенка, — попросила его Марина.

Диана, оказывается, стояла почти рядом, но Марина не видела ее: дети в школьной форме казались одинаковыми.

Террорист провел их с Дианой в дальний конец зала и сказал: «Сядьте здесь».

Марина села рядом с Лолитой, с которой они утром спешили в школу.

«Нет, это происходит не со мной. Со мной такого не может произойти. Это недоразумение. Сейчас нам скажут, что это была шутка», — уверяла себя Марина.

— Мама, не плачь. Мама, молись, пожалуйста. Я тебя очень прошу, молись, — повторяла Диана.

Марина была крещеной, но знала только одну молитву: «Отче наш». Она стала повторять ее и на время успокоилась. Но, встретившись взглядом с молодой женщиной, сидевшей напротив, снова начинала плакать: что-то было в ее небесно-голубых глазах такое, что находило отклик в душе Марины и вызывало у нее слезы.

Женщину напротив тоже звали Мариной. Она привела в школу сына Вадима Озиева.

И Марина, и Вадим погибли.

Прошла ночь с проливным дождем и раскатами грома. Наступало утро. Сквозь выбитый фрагмент окна виднелось ярко-синее небо. Диана лежала на коленях Марины. «Мама, — неожиданно сказала она. — Я никогда больше

не увижу это небо».

Потрясенная Марина не смогла произнести ни слова. Только сейчас она осознала, что любой миг может оказаться последним в ее жизни. Она подумала о младших детях: о Сармате, которому всего четыре месяца, о шестилетнем Алане, и снова заплакала.

На второй день внимание ее привлекла женщина лет сорока с маленьким мальчиком. Марина отметила про себя, что она очень хорошо одета. Но главное — в этой красивой, ухоженной женщине не было той издерганности и суетливости, которая присуща большинству работающих мам. Она с нежностью обнимала своего сына, а малыш гладил ей руки.

К вечеру у мальчика поднялась температура. Он бредил и просил пить. «Как только нас отпустят, папа купит нам целый ящик «Колы» — успокаивала его женщина. И столько в ней было тепла, нежности и любви к своему ребенку, что Марина почувствовала стыд за окрики и оплеухи, которые доставались от нее ее собственным детям.

Это была Татьяна Базрова, а маленький мальчик — ее приемный сын Саша Караев. Татьяне не суждено было выйти из этого зала живой. Саша с тяжелым ранением головы несколько месяцев лежал в больнице. Ему долго не говорили, что он второй раз за свою короткую жизнь стал сиротой.

...Жажда становилась нестерпимой. У Тамерлана, сына Лолиты, потрескались и кровоточили губы. Диане удалось выйти в туалет, но воды она не нашла. Принесла спрятанные в колготки два листочка комнатного растения. Один отдала Тамику, второй — Марине. Марина опять стала плакать.

— Очень вас прошу, не плачьте, — сказал ей подросток, который сидел рядом. — Уверяю вас, все будет хорошо. Вот увидите. Посмотрите, какая у вас красивая дочь.

Марине стало неловко: не она успокаивает мальчика, который один, без родителей, а он ее. Она не запомнила ни его имени, ни фамилии. Полтора года спустя случайно встретила на улице и обняла как родного.

...На третий день часть заложников заставили пересесть: террористы к чему-то готовились, перекладывали провода и мины.

— Пойдемте вон туда, — сказал подросток, указав на угол рядом с кабинетом физруков. — Это наиболее безопасное место.

— Мне уже все равно, — ответила Марина. — Я хочу быстрее умереть.

Мальчик ушел, Марина пересела дальше от того места, где они сидели.

Она стала терять сознание. Временами приходила в себя оттого, что кто-то душил ее. Это пожилая женщина, взяв ее голову двумя руками, пыталась затянуть ее себе под юбку и сдавливала ей горло. Рядом с женщиной сидели две ее внучки. «Уберите ее от меня, — слабо защищалась Марина. — Дайте мне умереть спокойно».

Но женщина опять, словно тисками, сдавила ей голову и попыталась

спрятать между ног, под юбкой. Потом психолог объяснил: у женщины был шок, ей казалось, что она рожает.

Марина лежала; по ней ходили, наступали на лицо. Диана сидела рядом, плакала и ничего не могла сделать.

Первый взрыв Марина не услышала. Потом увидела себя как бы со стороны: она стоит на коленях, а все вокруг нее кружится, в темноте вспыхивают искры. Наконец ее взгляд сконцентрировался на лице Дианы. Рот у дочери был широко раскрыт, она кричала, но до слуха Марины не доносилось ни звука.

После второго взрыва они оказались под батареей отопления. «Это происходит не со мной», — опять подумала Марина. И снова все вокруг нее пришло в движение, все стремительно закружилось. Куда делась Диана?

Марина взобралась на высокий подоконник и посмотрела вниз, во двор.

Диана сидела под окном, на земле. Она спустилась к ней. Дочь взяла ее за руку и повела через двор.

На пустынной улице стояло много легковых машин. Впереди, метрах в трех от них, шла женщина в красной кофте и длинной черной юбке. Женщина упала, и Марина поняла: в них стреляют.

— Нам надо спрятаться, — сказала она дочери.

Они легли на землю за одной из машин.

— Они могут выстрелить в машину, и она взорвется, — сказала Диана. — Давай спрячемся в палисаднике.

Впереди мужчины в камуфляже что-то кричали им и махали руками.

«Туда нельзя, — сказала Марина. — Там тоже боевики».

Они спрятались в палисаднике.

И только когда мимо побежали другие заложники, Марина поверила в то, что там, впереди, свои. Просто форма на них такая же, как у террористов.

Ирина ДЗАГОЕВА

Ирина

Ира всегда гордилась сестрой. Ирма была на восемь лет старше ее, хорошо училась, участвовала в школьных концертах, играла на осетинской гармонике и пела. Мать мечтала видеть Ирму музыкантом.

Но та, окончив одновременно с общеобразовательной школой и музыкальную, поступила в сельскохозяйственный университет и работала теперь лаборанткой на крупнейшем водочном предприятии «Исток».

Ирма была высокой стройной брюнеткой с кротким взглядом огромных черных глаз и нежной кожей. Густые длинные волосы она аккуратно подбирала на затылке и перехватывала заколкой. Обувь на высоком каблуке, которую она очень любила, делала ее еще выше и стройнее.

Утром первого сентября Ирина ушла в школу пораньше: их одиннадцатый класс принимал участие в празднике.

Ирма обещала подойти к началу мероприятия: в первый класс шел их двоюродный брат Чермен, которого она обещала сфотографировать. Но прежде она должна была отвезти в детский сад племянника Маирбека.

Такси уже стояло у дома, а Ирма все искала свой мобильник. Ее мать Лариса уверена: если бы он был при ней, она успела бы предупредить дочь.

Не найдя телефон, Ирма с малышом вышли на улицу. Мать строго оглядела наряд дочери: белые джинсы, топик и накидку Ирма купила

несколько дней назад. Лариса была недовольна: «Опять брюки! Ты что, и после замужества собираешься при свекрови в брюках ходить?».

— Мама, обещаю: эти — последние, — сказала Ирма.

— Тебе пора о замужестве подумать, — как-то заметила Лариса дочери.

— В сентябре, мама, в сентябре, — ответила Ирма.

...Ирма с Маирбеком сели в такси, машина тронулась с места, а Лариса все стояла и смотрела им вслед. С чего это она? Провожать дочь, которая едет в детский сад и вернется через час? Никогда такого не было. Но мать стояла у ворот, пока темно-вишневая иномарка не скрылась за углом.

Через несколько минут Ирма позвонила от родственников, которые жили недалеко от детского сада: «Маирбека отвела, иду в школу».

Минуты через три телефон зазвонил опять.

— Где Иришка? — услышала Лариса взволнованный голос сына Аслана, который работал в уголовном розыске. — Первую школу захватили террористы!

— Не только Ира, но и Ирма идет туда!

Она могла еще предупредить старшую дочь, если бы у той был с собой телефон!

Одиннадцатый класс, в котором училась Ира, был в сборе. Дочь классного руководителя Надежды Ильиничны Гуриевой Вера вывела на доске мелом: «С последним вас первым звонком, 11 «в»!».

Елена Сулетдиновна, завуч по воспитательной работе, еще раз объяснила, в какой момент они должны будут вручить первоклассникам подарки.

Ирина с одноклассниками вышли во двор, на построение.

В школьный двор вошла Ирма и направилась туда, где должны были стоять первоклассники.

Музыку приглушили, Елена Сулетдиновна взяла в руки микрофон.

Раздался выстрел.

Прижимая к груди книжки и коробку с «Конструктором», подарком первокласснику, Ирина побежала в сторону котельной.

Когда террористы вывели их из котельной, она увидела толпу на спортплощадке. Двор был усеян букетами цветов, валялись пакеты с подарочными наборами — конфетами и бутылками шампанского.

Один из вооруженных людей бил ногами и автоматным прикладом дверь, ведущую в спортзал, потом выстрелил в замок. Второй пытался разбить о кирпичную кладку стены бутылку шампанского. Бутылка не разбивалась.

В спортзале Ирину и Вику Кибизову толпа прижала к двери кабинета преподавателей физкультуры. Дверная ручка больно врезалась в спину Ире.

Рядом с ними задыхался мальчиклет двенадцати. Ира с Викой подняли

его вверх, ослабили узел галстука. Это был Сослан Персаев, который пришел в школу со старшим братом Аланом.

Им приказали сесть, и девочки посадили Сослана рядом с собой.

Вскоре за ним пришел Алан, а Ирину и Вику позвала к себе Ирма. Она была с тетей Жанной и ее сыном — первоклассником Черменом.

— Иди сюда, — позвал Ирму один из боевиков.

Ее заставили вытереть кровавый след, который остался на полу после того, как по нему протащили тело Руслана Бетрозова. Ирма принесла ведро и тряпку, а, окончив работу, пришла, села и горько заплакала.

— Что с тобой? — спросила ее Жанна, которая любила Ирму как дочь.

— Один из террористов сказал: «Ты красивая девушка. Моя жена тоже была красивой, но ее убили. Ты тоже умрешь».

Жанна и Ирина с трудом успокоили Ирму.

Вскоре боевики опять вызвали Ирму. Теперь она группами выводила детей в душевую пить воду.

— Сними туфли, — сказал ей один из террористов, — тебе же неудобно в них.

— Нет, они мне не мешают.

Ирме очень нравились ее туфли, и она боялась, что они потеряются.

Ирине было страшно. Она не выходила из зала, чтобы не сталкиваться с террористами. Ирма вывела ее и Чермена вместе с остальными детьми.

Ира стояла у входа в класс, который приспособили под туалет, и ждала Чермена. Недалеко стоял боевик — высокий смуглый красавец с модной стрижкой, на вид не больше двадцати двух лет. В нескольких шагах от него — молодая женщина с маленькой, лет трех, девочкой на руках. Ребенок долго и внимательно смотрел на боевика, потом что-то зашептал на ухо женщине.

— Она говорит, что вы похожи на ее папу, — сказала женщина боевику.

Он усмехнулся и, не сказав ни слова, отвернулся.

На ступеньках, ведущих на второй этаж, сидела группа террористов. Одни из них были в футболках, другие — в «разгрузках», третьи в камуфляже.

— Идите в зал или я начну стрелять! — крикнул один из них.

Заложники ушли в зал.

На третий день террористы принесли в зал бутылки. Ирина очень удивилась, увидев их, — эти бутылки они оплетали разноцветными нитями, обклеивали шелком и бархатом на уроках труда. Но потом, заметив, как мальчики тайком, отвернувшись, мочились в них, все поняла.

Бутылки пошли по залу. Сильно запахло мочой — заложники не только пили ее, но и натирали ею детей.

Вернулись несколько мужчин, сильно избитые, с отекшими лицами.

Женщины подвинулись, чтобы освободить для них место.

Ирма снова пришла заплаканная: «Один из террористов сказал, что заберет меня с собой, когда они будут уходить. Меня и еще одну женщину».

Она ушла с Викой Кибизовой в дальний конец зала.

Ирина осталась с Жанной и Черменом. Чермен был младшим из четырех сыновей Жанны Дзагоевой. Старший, Альберт, учился на четвертом курсе военного института, второй, Заур, — там же на первом курсе. Второго сентября он принимал присягу, и Жанна с мужем собирались ехать к нему. Тамерлан перешел в десятый класс. Незадолго до этого его прооперировали, и в школу он прийти не смог.

Жанна за все три дня ни разу не встала с места. Она молчала, только прижимала руки к груди — болело сердце.

Ирине мешали волосы. Незнакомая девочка отдала ей свою резинку, а сама оторвала полоску от фартука и завязала этой лентой свои волосы.

Ира сняла жакет, свернула его и, положив под голову, прилегла.

Ирина Дзагоева. 3 сентября

Открыла глаза, не понимая, что произошло. Угол зала горел. Она хотела приподняться, но что-то упало на нее сверху. Было темно.

Когда мрак рассеялся, она увидела Жанну. Тетя лежала в своем небесно-голубом костюме, прижав руки к окровавленной груди. Глаза ее были закрыты.

Чермена рядом не было.

Ирина подошла к окну. Незнакомая женщина что-то сказала ей, но Ира ничего не слышала. Женщина подтолкнула ее к окну, выходившему на задний двор. Ира забралась на подоконник и, прыгнув, побежала в сторону пятиэтажек.

В узком проходе между гаражами она увидела Зелима Мамсурова, который сидел, вытянув раненую ногу, и Алана Бетрозова. Узнав потом, что Алан погиб, Ирина очень удивилась. Оказывается, он вернулся за младшим братом Асланом и был убит под окном спортзала.

Кто-то подхватил Иру на руки — это был ее старший брат Аслан. Увидев, что она в одном бюстгальтере и юбке, он дал ей свою футболку.

«Где Ирма и Жанна с Черменом?» — кричал он, но Ира ничего не слышала.

Оставив ее в полевом госпитале, Аслан побежал обратно в сторону школы и вскоре вернулся с Черменом. «Идите, заберите маму», — повторял мальчик. — Она лежит и не открывает глаза». Их увезли в больницу.

Жанну искали долго. Ее обгоревшее тело опознал в морге старший сын Альберт.

Ирму хоронили шестого сентября. На ней был осетинский наряд невесты. Лицо ее было таким же прекрасным, как и при жизни, — она погибла в столовой. На похоронах мать вспоминала ее слова: «В сентябре, мама, в сентябре...».

Лидия УРМАНОВА

Лидия

В середине августа в квартиру Урмановых залетели стрижи. Черные птицы метались по комнатам, не находя выхода. Алан, который пришел домой на перерыв, раскрыл все окна и с трудом выдворил незваных гостей. Птиц было шесть.

«Это плохая примета», — сказала Лидии знакомая.

Лида вспомнила об этом после той страшной трагедии, которая настигла ее семью — в Бесланском теракте погибли шестеро членов ее семьи. Черные птицы, уверена она, были предвестниками беды.

Лидия Урманова была счастливой матерью. С мужем Владимиром они вырастили двоих сыновей и дочь. Старший сын Сергей женился на осетинке Рите Ходовой из села Новый Батако. У них подрастала дочь Залина.

Младший, Алан, которому это осетинское имя дал друг отца, Эльбрус Хадарцев, женился по большой любви на красавице Наталье. У Наташи был трехлетний ребенок от первого брака. Девочка привязалась к отчиму и называла его папой. Когда Алан приходил за ней в садик, Машенька бежала навстречу ему с радостным криком: «Мой папочка пришел! У меня лучший в мире папа!».

В этой семье тоже царили мир и взаимопонимание. Наташа была отличной хозяйкой и заботливой женой.

Труднее приходилось дочери Лиды Ларисе. У одной из ее двух девочек, Яны, врачи несколько лет назад обнаружили сахарный диабет. С тех пор тревога не покидала Ларису: ребенку ежедневно приходилось делать инъекции. Тем не менее Яна хорошо училась в школе, занималась в музыкальной школе по классу фортепиано.

В этом году Яна перешла в шестой класс, но была такой худенькой, что

выглядела совсем ребенком.

В августе она впала в кому и долго лежала в больнице. Выписали ее 23 августа.

Яна выглядела изможденной и грустной.

— Скоро в школу. Рада? — спросила ее Лида.

— Нет, бабуля.

Тридцать первого августа Яна и Юлия пришли к бабушке купаться — воды в их доме, как это часто случалось, не было. После купания пили чай. Девочки сидели раскрасневшиеся, в банных халатиках и с полотенцами на мокрых волосах, подшучивали друг над другом и много смеялись.

Уходя, Яна и Юлия долго прощались, целовали бабушку и, даже отойдя от дома, продолжали махать руками, словно предчувствуя, что расстаются с ней навсегда.

Вечером Лида позвонила Сергею и Рите. В трубке послышался взволнованный голосок Залины: «Бабуля, ты придешь завтра ко мне в школу?».

Залине было всего шесть лет. Она с отличием окончила школу раннего развития, и родители решили отдать ее в первый класс на год раньше.

— У нас все готово, — сказала свекрови Рита. — Нет только тетради по осетинскому языку.

— Не думаю, что завтра она понадобится, — успокоила ее Лида. — А к тому времени купишь. Я тоже подойду, если удастся. К нам на работу завтра приезжают с проверкой.

Лидия работала на военных складах, и ее присутствие на работе в этот день было обязательным.

В школу первого сентября собиралась и другая внучка Лиды — четвероклассница Машенька с мамой Наташей.

Утром Лидии позвонила Лариса: «На работе отпустили, иду в школу с девочками. Мало ли что? Вдруг Яночке станет плохо?». Лида уехала на работу. Обошла склады, заглянула на заправочную станцию. Случайно услышала разговор: «По радио передали, что в Беслане террористы захватили школу».

Больница. Списки заложников

— Какую школу?

— Вроде первую...

Ее дом — в сотне метров от первой школы. На подходах к ней — уже тройное кольцо оцепления. Там, в школе,— дети и внуки Лидии. Там — больная Яночка, которой четыре раза в день надо делать уколы: три — днем, один — в десять вечера. Лариса вряд ли взяла с собой шприцы и лекарства, ведь уходили всего на час.

Из окна квартиры Лиды хорошо слышны автоматные очереди. Все уже знают, что террористы расстреливают мужчин.

Как прошли для нее эти три дня? Что чувствовало материнское сердце?

Лида вспомнила вдруг, как во сне покойный муж гонялся по кладбищу за Ларисой, Яной и Юлией, пытаясь затащить их в какую-то яму. Лида пошла тогда в церковь, помянула мужа, раздала прихожанам сладости. Потом поехала на кладбище и, стоя у могилы Владимира, долго просила покойного: «Ради Бога, Вова, не трогай Лару. Оставь детей».

Лида вспоминала, с какой трогательной заботой Лариса относилась к ней и к своей свекрови. Первая клубника — детям, маме и свекрови. Она была кондитером, работала в кафе и постоянно баловала их тортами и пирожными.

В последние годы поправилось материальное положение семьи. Лариса купила новую мебель и очень радовалась тому, что могла лучше одевать детей.

...Третьего сентября, после взрывов, мимо дома, в котором жила Лидия, побежали из школы окровавленные и обезумевшие от страха заложники. Улица была забита машинами: ни один житель Беслана не остался дома: все, у кого были транспортные средства, возили в больницы раненых.

Во дворе профессионального училища, расположенного напротив ее дома, был развернут полевой госпиталь. Лида пошла туда, заглядывала в лица взрослых и детей, надеясь отыскать своих близких, расспрашивала о них знакомых. Потом поехала в больницу.

Во дворе районной больницы — море людей.

Вышел медработник и прочитал списки тех, кто уже был доставлен в больницу.

Позднее эти списки вывесили на стене роддома. Она просмотрела их: из ее семьи — никого.

Послышались выстрелы, кто-то крикнул, что в эту сторону прорываются террористы. Испуганные люди побежали. Она побежала тоже, потеряв тапочки и носки.

Когда паника улеглась, Лида подошла к моргу.

Морг не был рассчитан на такое количество тел, поэтому они лежали и перед зданием, на траве.

Ее детей среди них не было. Значит, есть еще надежда. Возможно, они в

больницах Владикавказа.

«Твой Сергей — в хирур- гии», — сказала Лидии знакомая.

В дверях, ведущих в хирургическое отделение, стоял, расставив ноги, военный в черном берете.

«Сюда нельзя», — сказал он. Лида проползла между его ног.

Морг

На кровати, где, по словам санитарки, лежал Сергей, никого. Только на простыне расплывается кровавое пятно.

— Где?!

— Увезли в Алагир.

Ей рассказали, что ее сына избили до полусмерти в приемном отделении больницы обезумевшие люди, которые приняли его за боевика. Били так, что порвали брезент на носилках. Сергея спасло вмешательство сотрудника охраны завода, где он работал, и ее знакомой Людмилы Гудие- вой.

Лида шла по этажам, заглядывая в каждую палату. В одной из них на постели под капельницей лежала женщина.

— Моя ты родная, да что же это с тобой сделали? — запричитала Лида, вглядываясь в забинтованное лицо незнакомой женщины. И увидела на обнаженном участке тела надпись: «Урманова Наташа».

— Мама, это я, Наташа, — сказала женщина.

Это была жена ее младшего сына Алана.

— А где Маша?

— Маша умерла. У меня на руках.

Сергей, которого Лида на второй день перевезла во Владикавказский военный госпиталь, рассказал о смерти жены Риты и племянницы Яны.

Яна умерла на второй день от диабетической комы.

Дочь Залину Сергей успел вынести в столовую.

Лида снова поехала по больницам, но ни Ларису, ни Юлию, ни Залину найти не удалось. И тогда она с младшим сыном Аланом направилась в морг.

Первой нашли Юлию. Тело девочки сильно обгорело. В обугленном ушке поблескивала золотая сережка. Эти серьги ей подарила Лида в день рождения.

Служители морга положили у забора новые носилки.

Лида подошла к ним, приподняла простыню — на носилках лежала Залина. На теле — ни ран, ни ожогов. Бинты только на ступне и ладони.

Сергею еще предстояло узнать, что он потерял не только жену, но и дочь.

Лида шла дальше, вдоль длинных рядов черных пластиковых пакетов.

Ее внимание привлекли останки женщины: лица почти нет, правая рука — за спиной. Лида вывела из-за спины руку и увидела знакомое рифленое обручальное кольцо. Плоская серебряная цепь на шее лопнула от огня и скрутилась. Из одежды на Ларисе остался только кусочек льняной блузки.

Тридцатого сентября ее Ларочке должно было исполниться тридцать два года.

Первыми хоронили Юлию и Ларису.

Потом Риту и Залину. За закрытыми гробами на носилках несли Сергея. Рядом шла медсестра — состояние Сергея продолжало оставаться тяжелым.

Лида нашла в морге тело Залины

Лида и ее сын Алан продолжали каждый день ездить в морг. Они проходили вдоль длинных рядов черных пластиковых пакетов, разложенных

рядами во дворе морга, и заглядывали в каждый.

Яны и Маши не было.

Время от времени во двор вносили новые пакеты, которые выгружали из рефрижераторов. В партии новых пакетов Алан обнаружил Яну, а вечером того же дня Лида опознала Машу.

Когда Урмановы похоронили всех шестерых, Алан уехал в Москву, где в больнице лежала его жена Наташа.

Годы, которые прошли после смерти ее детей, не притупили боль в душе Лидии Урмановой.

Обзавелся новой семьей муж ее дочери Ларисы.

Очень тяжело пережил смерть жены и дочери Сергей. Не в силах жить там, где он был так счастлив, Сергей уехал из Беслана.

Алан и Наташа развелись. Наташа уехала из Осетии. Алан женился.

У него растет дочь, которая очень похожа на Ларису.

Лида и Алан часто приходят на кладбище. Здесь — большая часть их некогда большой семьи.

Светлана ОРОС

Светлана

Когда Свету, Марину и Дану выводили из спортзала, Света была уверена: их спасают «свои». Но почему их ведут на второй этаж?

«Мы что, из окон будем прыгать?» — возмутилась она и свернула в сторону столовой. Но и там на окнах были решетки.

Потом стало ясно: их никто не собирается спасать — вокруг те же террористы, которые были в зале. Просто они успели переодеться и некоторые из них говорят по осетински.

У одного из окон стояла женщина в белом. Она размахивала шторой и кричала: «Не стреляйте! Здесь дети!».

Света с сестрой и племянницей, а также женщина с двумя детьми перебрались в посудомоечную.

Синеглазый боевик с длинными, как у девушки, черными пушистыми ресницами принес в ведре воду. Заложники пили, обливались, опять пили.

«Можно еще?» — попросила боевика сестра Светы Марина.

Террорист шагнул к ней и внезапно рухнул на пол. Металлическая кружка со звоном покатилась по кафелю, разбрызгивая воду. Свете показалось, что он споткнулся. Но, взглянув на закрытую дверь и увидев в нем маленькое отверстие, догадалась: в террориста попала шальная пуля.

Раненый, что-то бормоча на непонятном ей языке, судорожно задвигал руками по телу: он что-то искал в многочисленных карманах жилета-«разгрузки». Нащупал сникерс, финики, кофейные зерна и, наконец, — гранату. «Он хочет взорвать себя», — испугалась Света. Но раненый извлек из кармана перевязочный пакет.

«Давайте я помогу вам», — сказала Света.

Встав на колени, она приподняла ему голову. На затылке пальцы ее провалились во что-то мягкое. Марина надорвала пакет со стерильным бинтом и перевязала раненому террористу голову.

«Эх, сестры, знали бы вы, как мы здесь оказались», — сказал по-русски раненый. Но рассказать, как он оказался в Беслане, боевик не успел — в помещение со стороны кухни вошел второй террорист. Он остановился возле раненого, что-то сказал ему на своем языке, и оба расхохотались.

«Он рассказал ему анекдот», — решила Света.

Перестав смеяться, боевик ушел. Раненый взял автомат, который все это время лежал рядом с ним и, лежа на спине, пополз, отталкиваясь ногами. Добравшись до дверного проема, сел, потом поднялся, держась за косяки, и вышел в столовую.

Дверь осталась открытой.

«Надо спрятаться», — сказала Марина. Она открыла шкаф и втиснулась в небольшое пространство между полками.

Света и Дана заползли в узкую щель под раковиной.

Из тесного маленького помещения было два выхода: один — в столовую, второй — на школьные задворки, в узкое пространство между школой и огородом соседнего дома. Через эту дверь в столовую, вероятно, вносили продукты.

Из столовой с гранатой в руке вбежал маленький террорист, которого Света мысленно называла «бесшабашным». Он появлялся то из одной двери, то из другой и с криком «Аллах акбар» бежал обратно. В нем было что-то веселое и безрассудное, словно всё, что происходило вокруг, было просто игрой.

...Света никогда не была в этой школе. В тот день они с сестрой провожали первоклассницу Дану. Ее записали в первую, чтобы не разлучать с подругой Агундой Дзампаевой. Девочки вместе посещали железнодорожный детский сад «Голубой вагон» и были очень дружны. Они даже внешне походили друг на друга, и их часто принимали за сестер.

В ожидании первоклассников Света с Мариной стояли в школьном дворе, недалеко от котельной. Светлана поежилась от странного ощущения: ей показалось, что кто-то смотрит ей в затылок. Оглянулась: сзади только спортзал. Впереди ровными рядами стоят школьники, за их спинами толпятся родители. Громко, перекрывая все остальные звуки, играет музыка.

Сейчас во двор выйдут малыши, и с ними — Дана. После праздника Света с сестрой и племянницей пойдут домой и устроят по поводу Дня знаний небольшой праздник. Бабушка обещала внучке купить торт.

Света снова ощутила непонятную тревогу и опять оглянулась: ощущение, что кто-то смотрит ей в затылок, не проходило.

Такой же холодок в спине она ощутила потом, в спортзале, когда мимо нее прошел высокий, метра в два, террорист, обвешанный странным оружием и пулеметными лентами. Лицо его было закрыто. Это была не маска, как у остальных террористов, — лицо великана было обмотано черной тканью, виднелись только глаза.

Террорист прошел в кабинет преподавателей физкультуры и оставался там часа два.

Именно тогда Свету осенила страшная догадка: террористов не десять человек, как ей показалось вначале. Помимо тех, кто контролирует спортзал, есть еще и другие, они рассредоточены по школе и готовятся к бою. Потому что всё гораздо серьезнее, чем предполагалось, всё идет не так, как планировали террористы.

«Вас скоро отпустят, — уверенно сказал один из них в первый день. — Вот выполнят наши требования, и вы уйдете».

Страшный человек вышел из кабинета физруков и скрылся в узком коридоре, ведущем в школу.

...Стрельба не прекращалась, автоматные очереди прерывались взрывами, стены посудомоечной сотрясались и, казалось, вот-вот рухнут.

Веселый террорист с гранатой, бегавший от одной двери к другой, куда-то исчез. В узкой полосе обзора перед Светой возникли ноги в кроссовках. Человек прошел в угол и сел, опустив голову на сложенные на коленях руки. Это был молодой мужчина, вероятно, тоже из террористов. На нем — серые спортивные брюки и футболка. Лицо чисто выбрито.

В столовой опять грохнул взрыв. Света обхватила голову руками и вжалась в пол. Что-то острое и горячее вонзилось в ягодицу - это в нее попал осколок.

Когда через некоторое время она снова посмотрела в тот угол, где сидел мужчина, там уже никого не было.

«Девушка, идите сюда», — услышала Света. В проем двери заглядывал мужчина в камуфляже.

— Нет! — сказала она, уверенная, что это террорист.

— Тогда скажите: боевики там есть?

— Нет их.

Только теперь она поверила, что к ним пришли свои.

Света выползла из своего укрытия и направилась с Даной к проему, забыв о сестре, потом спохватилась: «Марина, выходи!».

«Что, уже можно?» — Марина приоткрыла дверь шкафа и недоверчиво уставилась на сестру.

Их вывели через узкий проход между школой и соседним домом.

Дана пошла в первый класс только через несколько месяцев. Она долго не могла понять, где ее подруга Агунда. (Из четверых членов семьи Дзампаевых не выжил ни один).

Светлана Орос погибла 30 января 2011 года в автомобильной катастрофе. Ее пятилетний сын остался круглым сиротой.

Светлана ПЕЛИЕВА

Пеяиевы остались в живых благодаря шестикласснику Георгию. В первый день они сидели у входа в кабинет физруков.

— Давай перейдем вон туда, — сказал Геор и показал в противоположный конец зала.

— Зачем? — удивилась Света. — Все стремятся сюда, здесь легче дышать, потому что окна в кабинете открыты.

Но Георгий настаивал, Света согласилась, и они пересели.

Почти все, кто сидел у кабинета физруков, погибли.

За год до теракта у Светланы внезапно умер муж, редактор районной газеты Василий Пелиев. Ему было 42 года.

Теперь Света молила Бога только об одном: не дать ей пережить своих детей.

До теракта. Зарина, Светлана и Георгий

— Это как в кино? — спросил ее мальчик лет семи.

Он был один, без родителей.

— Да, — ответила Света.

— А что будет потом?

— Отпустят маленьких, потом тех, кто постарше, а после нас, взрослых.

— А почему вас — последними? — обиделся за нее мальчик. — Хорошо, что мамы здесь нет, — сказал он чуть позже, — ей было бы плохо.

Дети, сидевшие поблизости, прислушивались к их разговору.

— Вы, тетя, обманщица! — гневно сверкнув огромными синими

глазами, сказала ей на второй день азербайджанка Севиндж Эфендиева. — Вы сказали, что нас отпустят!

Сева ухаживала за младшей сестрой Улькер, которая была в обмороке.

Дочь Светланы, Зарина, сидела, зажав в левой руке золотой крестик. Положить его было некуда — косметичку с телефоном и ключами от квартиры Света выбросила. Успела вынуть только деньги, двадцать тысяч рублей, на которые собиралась купить ламинат для пола. Деньги спрятала в лифчик.

К ним перебрались сестры Амага и Тамерис Цибировы. Девочки танцевали вместе с сыном Светланы, Георгием, в ансамбле народного танца «Шаби».

«Тамерис не может дышать», — сказала Амага.

Света посадила Тамерис к себе на колени.

Через проход, у ног террориста, сидела Сима Аликова.

Утром, перед началом праздника, Сима и Света стояли во дворе, в тени дерева. Сима только в этом году перевела в первую школу свою дочь, четвероклассницу Ирину Березову.

«Директор маисового комбината Олег Будаев тоже перевел свою дочь Дзеру сюда, — сказала Сима. — Это очень хорошо, наших детей будут возить мой муж или его водитель».

Услышав выстрел, Сима возмутилась: «Что за шутки!».

Света увидела бородатого человека с автоматом и поняла все.

«Что за шутки?!» — опять возмущенно произнесла Сима.

.. .Там, куда Света с детьми пересела на второй день, было очень тесно.

— Сидели бы где сидели, — сказала женщина с ребенком. — И так места нет...

Рядом со Светой оказался судья Валерий Бзиев. Его несколько раз выводили, он возвращался, опять уходил. На третий день к нему подошла заложница Залина Албегова.

— Сейчас мы все взлетим в воздух, — сообщила она.

— Не смей при детях говорить такое, — резко оборвал ее Валерий.

Сын Светы, Георгий, потерял сознание. Света стала в упор смотреть на террориста, возле которого стояло ведро с водой. Наконец взгляды их встретились: его — обжигающе-холодный, и ее — умоляющий. Она показала ему на сына.

Террорист поднял с пола детское платье, сунул в ведро и, почти не отжав, бросил в ее сторону. Света поймала его на лету, выжала немного воды в рот сыну и привела его в чувство.

— Фраевы в зале есть? — спросил один из боевиков.

Встали человек пятнадцать.

— Все они Фраевы? Их слишком много, — сказал он второму террористу и приказал им сесть.

От взрыва Светлане заложило уши. Сознание она не потеряла — упала на своих детей и накрыла их собой.

От второго взрыва на ее обнаженные ноги и бедра закапало что-то обжигающе-горячее. Она подняла голову: через распахнувшуюся входную дверь и окна спортзала бежали заложники.

Террорист, который бросил ей тряпку, стоял в углу недалеко от тренажерного зала и стрелял вслед убегавшим из автомата. Света перебралась к нему, села в угол за его спиной и прижала к себе детей.

Стрельба, как ей казалось, длилась очень долго. Боевик время от времени оглядывался на нее, словно желая убедиться в том, что она здесь, рядом.

Сентябрь 2004-го. Отъезд на реабилитацию

Ей стало страшно. Она перешла в тренажерный зал и с удивлением увидела, что здесь много заложников. На полу стояли канистры с водой, но выпить она не успела: боевик, за спиной которого они сидели, заглянул в тренажерный. «Иди сюда, — позвал он Свету. — Садись на свое место».

Она опять села в угол за его спиной.

Он продолжал стрелять.

«Сейчас здесь все взорвется», — сказал второй террорист. Надо уходить в столовую.

Из тренажерного зала вывели заложников. Света подняла на руки дочь, закрыла ей глаза и сказала сыну: «Старайся не наступать на тех, кто лежит на полу».

В столовой они легли на пол. Напротив нее сидела девочка с вытекшим глазом. Смотреть на нее было страшно.

— Хочешь пить? — спросила ее Света.

Девочка кивнула.

Света зачерпнула ей из котла воду стаканчиком из-под сметаны.

Учитель физкультуры Алик Цаголов в белой, испачканной кровью майке стоял у окна, размахивал белой тряпкой и кричал: «Не стреляйте, здесь дети!».

Странный гул, потом — взрыв. Опять — гул, похожий на свист, и снова — взрыв. «Нас хотят уничтожить вместе с террористами, — подумала Света. — Как обидно: вырваться из зала и погибнуть здесь».

Под длинным столом, придвинутым к окну, сидели заложники.

Света не видела, кто бросил гранату. Увидела только, как она упала на пол.

Дико, нечеловеческим голосом, закричала женщина в пестром цветастом халате.

Звука взрыва она не услышала.

....Домой Света с детьми попала только поздно вечером, после того, как приехала автовышка и соседи помогли изнутри открыть дверь ее квартиры, расположенной на четвертом этаже, — ключи остались в спортзале.

Когда, добравшись, наконец, до душа, Света сбросила с себя белье, из лифчика выпал черный грязный бумажный комок. Она долго не могла понять, что это.

Это были деньги, на которые она собиралась первого сентября купить ламинат для пола.

Лариса СОКАЕВА-ДЖУМОК

Лариса и Георгий

Лариса Михайловна Джумок родилась и выросла в сибирском городе Ангарске. На каникулы ее увозили к родственникам, которые жили на берегу Байкала, и это были самые яркие впечатления детства.

После школы Лара поступила в Иркутский институт железнодорожного транспорта, а после его окончания уехала Москву, в аспирантуру. Здесь и свела ее судьба с будущим мужем Владимиром Сокаевым.

Лариса относила себя к той новой общности людей, которую называли советским народом: отец — белорус, мама — украинка, а у нее в паспорте в графе «национальность» было написано: «русская».

Потом она узнала: на Кавказе есть селение Джумок, где живут в основном представители этой фамилии. Возможно, ее далекий предок был родом оттуда.

Будущий муж Ларисы тоже жил далеко от своей малой родины, в Казахстане. Отец Владимира, Темболат, в годы войны оказался в плену, бежал из концентрационного лагеря, воевал в партизанских отрядах на территориях Греции и Испании. В лагерном карцере он оставил на стене надпись: «Темболат Сокаев, Северная Осетия, село Эммаус». Через семьдесят лет, уже после его смерти, по этой надписи его искали через программу «Жди меня».

После войны Темболат как бывший военнопленный год находился под следствием. Когда его освободили, решил не искушать судьбу и уехал в Казахстан.

В Осетию Сокаевы вернулись в 1998-м. Купили дом в тихом переулке Школьном в центре Беслана.

В сентябре 2004 года дочь Сокаевых Альбина шла в седьмой класс.

Бабушка и дед не могли нарадоваться на единственную внучку: послушная, заботливая, она хорошо училась, участвовала во всех школьных мероприятиях.

Очень привязан был к дочери и отец. Лариса, опасаясь, что чрезмерное обожание может повредить девочке, относилась к ней строго и требовательно. Втайне она гордилась ею — Альбина была творческой личностью: после школы бежала в Дом детского творчества, где занималась в изостудии, или в музыкальную школу, где обучалась игре на фортепиано.

«Мама, ты не забыла, что у меня скоро день рождения? — спросила по пути в школу Альбина. — Я хочу украсить весь дом шарами».

Лариса родила дочь за день до собственного дня рождения — 28 сентября. «Себе в подарок», — шутил муж. Через месяц Альбине должно было исполниться двенадцать (ее отдали в школу в шесть лет).

Они вошли в школьный двор. Внимание Ларисы привлекла женщина с огромной связкой шаров. Глядя на них, вспомнила желание Альбины украсить шарами дом. И вдруг шары взмыли вверх и медленно воспарили в бездонное синее небо. «Зачем, ведь мероприятие еще не началось», — успела подумать Лариса и услышала выстрелы. На нее бежал бородатый человек с автоматом. Она увидела расширенные от ужаса глаза дочери, схватила ее за руку и побежала в сторону ворот.

Но путь к дому был уже отрезан.

После того, как с Аушевым отпустили женщин с детьми, в зал из раздевалки вернулась Инесса Даурова с двухлетним Георгием и Аленой. Инесса тоже жила по соседству со школой. Эта русская женщина, как и Лариса, связала свою судьбу с осетином. Ее старшего сына Вадима террористы тяжело ранили во время захвата, и его уже не было в живых. Но Инесса так и не узнала об этом.

Громко рыдая, пришла из душевой маленькая Алана Доган: ее мать Анету отпустили с грудным ребенком.

«Она вернется», — успокаивала ее Лариса, но девочка плакала не переставая.

«Мама! — вспомнила вдруг Лариса. — Как там, в далекой Сибири, моя мама, у которой никого не осталось, кроме меня и Альбины?».

Лариса не знала о том, что свекровь успокоила ее, сказав, что Лариса с Альбиной уехали в горы.

«Надоели уже! — кричал террорист. — То туалет, то вода! Лучше бы помолились!»

Пожилая женщина в центре зала стала громко молиться.

Лариса плакала.

Певец Эльбрус Худалов лежал на спине. Светловолосая девочка смачивала ему тряпочкой губы. «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем!» — вспомнилась Ларисе песня, которую Эльбрус исполнял на каждом концерте.

А еще жители города любили в его исполнении песню «Журавли».

Девочка лет семи лежала на спине и держала в руке сторублевую купюру. Она то прятала ее в трусики, то клала на живот, чтобы не потерять.

«Когда нас отпустят, куплю много-много воды», — повторяла девочка.

Лариса встретилась взглядом с бывшим директором школы Тарканом Габулиевичем. «В шесть утра начнется штурм», — показал он жестами.

Девочка со сторублевкой уснула с открытыми глазами — от обезвоживания глаза у некоторых из детей уже не закрывались.

«Куда бы сесть, чтобы уберечься от взрыва во время штурма?» — думала Лариса.

Но такого места в зале не было.

«Моя мама не дышит», — сказала, проснувшись, девочка в белых трусиках. Лариса работала преподавателем в технической школе и владела навыками оказания первой помощи. Она сделала женщине искусственное дыхание, и та открыла глаза.

Боевики принесли в зал пустые бутылки, оплетенные шнуром. Рыжеволосый подросток взял одну из них и отвернулся к стене. Двое его товарищей прикрыли его.

Такая же бутылка с мочой была в руках у Инессы. Она хотела, чтобы маленький Георик справил туда нужду, но ребенок вцепился в бутылку ручками и стал жадно пить ее содержимое.

Старшеклассник, высокий красивый парень, пронес в сторону душевой девушку, потерявшую сознание.

Последнее, что Лариса видела перед взрывом, — террористы, столпившиеся у выхода в коридор. Они явно были чем-то встревожены.

Когда Лара открыла глаза после обморока, увидела Алету Сабанову, которая шла с детьми к пролому под окном. Кто-то крикнул ей: «Вернись, они стреляют в спины!». Она легла на пол.

Мимо Ларисы прошла преподаватель истории Надежда Ильинична Гуриева. Голова ее была окровавлена.

«Умираю», — сказала Надя, встретившись с ней взглядом.

«Пожарных! Пожарных сюда!» — кричал кому-то по рации спецназовец в шлеме.

Только теперь Лариса ощутила жар и увидела приближающееся пламя.

Маленькая девочка в белых трусиках по-прежнему сидела рядом, обхватив руками колени. «Моя мама умерла», — сказала она Ларисе.

Лариса перевела взгляд туда, куда показывала девочка. Мать девочки лежала, запрокинув голову, рот ее был широко открыт. Все туловище до самой шеи засыпано чем-то, похожим на штукатурку.

Альбина лежала рядом с Ларисой. На лбу ее была небольшая ранка. Лариса сняла с себя кофту и накрыла ей голову. Потом легла рядом, держа дочь за руку.

Когда огонь подобрался совсем близко, Лариса села и увидела своего соседа, прокурора района Алана Батагова.

— Алан, помоги, — позвала она.

— Ты не знаешь, где мои? — спросил Алан, приблизившись к ней (в зале были его мать и племянники).

— Они там, — Лариса повернула голову в ту сторону, где все эти дни сидели Филиса Батагова и ее внуки, и увидела нагромождение мертвых тел.

Альбину похоронили шестого сентября, скрыв ее смерть от матери. Лариса долго лежала в больнице. О том, что ее дочери нет в живых, она узнала только через сорок дней.

Не выдержав гибели внучки, умер свекор Ларисы Темболат.

Муж Владимир с тяжелым поражением сердца был госпитализирован в кардиологическую клинику имени Бакулева в Москве.

А через несколько дней, в декабре 2004-го, Ларисе позвонили из Ангарска: погибла мама. Ее сбила машина.

Жизнь потеряла смысл.

И тогда ей пришла спасительная мысль: «Я должна родить. Для чего жить, если нет детей?».

Ей было 44 года.

Через год она родила сына.

Ее дочь очень любила соседского малыша Георгия, которого называла своим братиком. Лариса назвала сына Георгием.

Она часто вспоминает события тех дней сентября. «Взрыв, который унес жизнь моего ребенка, стал началом новой, страшной полосы в моей жизни, — говорит она. — Я словно умерла».

— Теперь ты счастлива? — спросила ее после рождения сына Рита Сидакова, потерявшая в спортзале единственную дочь Аллу.

— Да, — ответила Лариса. — Но мое новое счастье выросло из крови моей дочери, из моей обожженной души...

Майя ХАНИКАЕВА

Майя

До первого грузино-осетинского конфликта родители Майи жили в небольшом грузинском городке Бакуриани. Это был известный горнолыжный курорт, куда люди приезжали отдыхать со всех концов бывшего Союза.

Конфликт между грузинами и осетинами вынудил семью Ханикаевых уехать за перевал, в Северную Осетию. Майе было два года, ее младшему брату Шалве — год. Они купили квартиру в центре Беслана: детский сад — через дорогу, до школы — метров сто.

В 2004-м Майя перешла в десятый класс, Шалва — в девятый.

Утром первого сентября Майя с трудом разбудила брата:

— Вставай, опоздаем!

Шалва

—

Сегодня можно не идти, — отмахнулся Шалва.

Но Майя настояла на своем, и в девять они уже были на школьном дворе.

Услышав выстрелы, Майя восторженно воскликнула: «Здорово как!» и посмотрела в небо: «А где же фейерверк?».

...Кабинет домоводства был переполнен — люди сидели кто на полу, кто на корточках. Снаружи, со стороны железной дороги, по окнам стреляли.

Вошел террорист без маски и велел всем выйти.

У входа в зал ее внимание привлек мужчина со страшным шрамом на шее. От его вида по телу побежали мурашки.

В зале Майя оказалась недалеко от подруги Кати Абросимовой. Они учились в одном классе, вместе ходили на занятия кружка рукоделия. Катя была нежной и ранимой девочкой, Майя — более сильной, выносливой и целеустремленной.

Катя горько плакала. Майя не могла сдвинуться с места, чтобы перебраться к подруге и успокоить ее: она была зажата как в тисках.

Дети снимали и прятали крестики. Майя тоже сняла свой серебряный крестик и спрятала его в лифчик. Она была некрещеной, но это был подарок на день рождения, и она его носила.

Успел ли убежать младший брат, которого она заставила прийти в школу? Она оглядывала зал, но не находила его. Встретилась с ним в коридоре, когда выходила в поисках воды.

В коридоре в компьютерном кресле сидел бородатый террорист без маски и что-то говорил своему товарищу. У второго лицо было закрыто.

— Вода отравлена, не пейте, — сказал боевик.

«Лучше умереть от отравленной воды, чем от жажды», — подумала Майя и выпила.

Женщина недалеко от нее, встав на колени, громко молилась. Майя тоже встала на колени и повторяла за ней слова молитвы.

На третий день Майя почувствовала себя совсем одиноко. Поблизости не было никого из знакомых. Катя куда-то передвинулась, брата не было видно.

Девочка лет семи помочилась в туфельку и выпила. «Хочешь?», — спросила она Майю. Майе очень хотелось пить, но заставить себя выпить мочу она не смогла.

Минут за пять до взрыва Майя перебралась к первому от кабинета физруков окну. Взрыв оглушил ее. Сверху что-то упало, потом посыпалось. Стало очень тихо. Она отодвинула то, что лежало на ней, и поднялась на четвереньки. Взобралась на подоконник, спрыгнула, легла на траву.

Все три дня Майя берегла свои туфли. Она не отрывала рукавов от своей блузки, как это делали некоторые, не превращала брюки в шорты — одежда стоила денег, а они родителям доставались непросто. Теперь расстроилась: туфли остались там, в зале. Придется идти домой босиком.

Майя побежала через внутренний двор в сторону пятиэтажек. Она перешагнула через мертвого подростка с открытыми глазами, который лежал на спине, и устремилась к калитке в заборе, отделявшем школьный двор от дома.

Заложники прятались в одноэтажном строении, которое называют «хадзар». В нём жители многоэтажных домов обычно готовят еду во время свадеб и похорон.

Двор обстреливался.

Девочка лет семи с косичкой показывала всем рану на спине.

Майя огляделась и с удивлением вспомнила: именно это место она видела несколько раз во сне. Только на длинной деревянной скамье в ее снах лежал яркий цветистый ковер. Сейчас ковра на ней не было.

Милиционер отнес ее в полевой госпиталь.

Майе бинтовали голову, вокруг толпились фотографы и телеоператоры. Мимо шел отец, она позвала его, но он, взглянув на нее и не узнав, пошел дальше.

Ее прооперировали врачи московской детской клинической больницы. Из головы Майи извлекли несколько металлических осколков.

Ее брат тоже остался жив.

Майе бинтовали голову...

Атикат КОНИЕВА

Атикат

Отец Атикат Юнус Нох приехал из Дагестана в Пермь после войны на заработки. Здесь и встретился с будущей женой Валентиной Базаркиной.

После свадьбы молодые остались жить в Перми.

В Дагестан, в гости к многочисленным родственникам по отцовской линии, его дочь Атикат впервые приехала, когда ей исполнилось тринадцать лет.

Но ей суждено было жить на Кавказе, родине ее предков: познакомившись с осетином Таймуразом Коние- вым, она вышла за него замуж и уехала в маленький осетинский город Беслан.

Они вырастили с мужем двоих сыновей, женили их.

Атикат стала бабушкой.

Бог не дал Атикат дочери. Но она как к родной привязалась к младшей невестке, жене Аслана, Наташе Соколовой. Атикат знала ее с детства (Наташа с Асланом учились в параллельных классах) и считала, что судьба несправедлива к Наталье. У нее, красавицы, отличницы и умницы, не складывалась личная жизнь: муж Аслан (сын Атикат) умер, когда ему не было и тридцати). Она вышла замуж еще раз и опять овдовела.

Наташе не везло и с работой. Имея высшее математическое образование, она работала на водочном предприятии «Салют, Златоглавая!».

Первого сентября 2004-го года у Даны, дочери Аслана и Наташи, был день рождения. Ей исполнялось шесть лет, и она шла в первый класс. Ни сестра Наташи Светлана, ни Атикат не смогли убедить Наташу в том, что

шестилетней Дане еще рано в школу.

«Дана прекрасно справилась со всеми тестами», — утверждала Наташа.

Атикат решила поехать в школу, чтобы поздравить внучку.

Она никогда не была в первой школе. «Выходите вот здесь, — сказали ей в маршрутке. — По тропинке перейдете полотно железной дороги и окажетесь в школьном дворе».

Атикат подошла к ограде и удивилась: во дворе — никого. «Опоздала!» — расстроилась она. Пересекла двор и оказалась на спортивной площадке, где стоял стол. Из серого музыкального центра лилась громкая музыка.

Огляделась — вокруг ни души. Вернулась, остановилась возле единственной открытой двери. Поднялась по ступенькам и заглянула в школьный коридор.

— Атя, мы здесь! — услышала она веселый голос Наташи. — Идите к нам!

В коридоре парами стояли, держась за руки, первоклассники.

Атикат подошла к Наташе.

— А где Дана? — спросила она.

— Да вот же она! Я и фотоаппарат захватила, буду ее фотографировать.

Атикат смотрела на детей и удивлялась тому, какие они красивые и нарядные.

— Я постою во дворе, посмотрю, как Дана будет выходить, — сказала она и вышла на школьное крыльцо.

Внизу, у самых ступенек, на земле лежала женщина в чем-то сиреневом. Атикат услышала выстрелы и подняла взгляд: через пустынный двор бежали люди в камуфляже и стреляли из автоматов. Посмотрела туда, где в коридоре стояли первоклассники, и закричала.

В том, что ее рассказ не совпадает с хронологией событий, происходивших в школьном дворе, есть что-то мистическое. Двор был полон людей, но Атикат не видела ни одного человека, кроме террористов!

Вместе с Наташей и Даной Атикат побежала по коридору и оказалась в кабинете домоводства. Людей в нем было много. Рядом стоял оператор с камерой. «Вы нас будете снимать?» — спросила она и сама удивилась нелепости своего вопроса.

В спортзале она сидела в нескольких шагах от боевика «на педали». Дверь, ведущая во двор, была распахнута настежь. «Закрой!» приказал террорист одному из заложников, Владимиру Даурову. Тот прикрыл дверь, сел на место, потом вскочил, ударом ноги распахнул ее и выскочил во двор.

Дверь захлопнулась.

Вслед ему ударила автоматная очередь.

«Готов», — сказал террорист, выбежавший вслед за ним. Но Атикат видела, что мужчина успел завернуть за угол котельной.

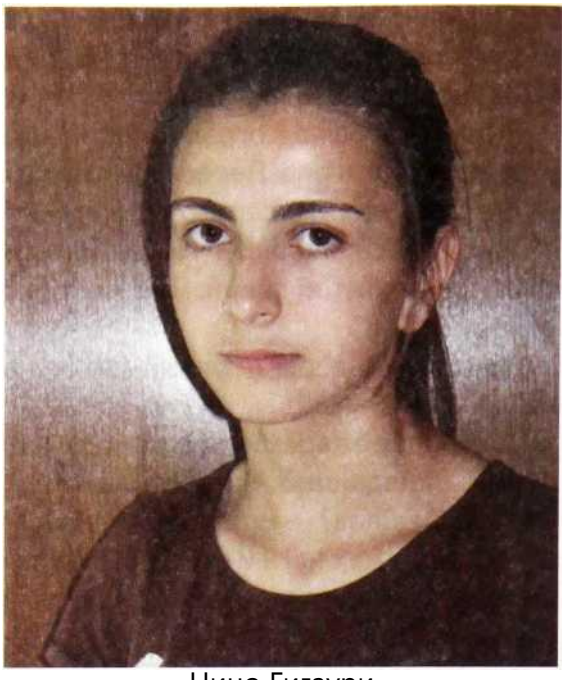
Дверь закрыли и заложили столами, партами и шкафами.

Боевики вызвали директора и завхоза и потребовали ключи от сейфа,

подвала и канцелярии.

Недалеко от того места, где располагался «штаб» террористов, установили телевизор.

«Кино, что ли, будут показывать?» — подумала Атикат. На экране возникло четыре картинки. Боевики долго возились с проводами, но что-то у них не ладилось, и телевизор унесли.


Нино Гигаури

В первый день Атикат было очень страшно. Она сидела под баскетбольным кольцом и поглядывала на бомбу, установленную на стуле. Сквозь прозрачный пластик видны были болты, шурупы и железки, которыми было начинено взрывное устройство. «Одной такой хватит на всех», — сказал террорист по имени Али. Он был главным переговорщиком.

«Полковник!» — почтительно окликнул он бородатого террориста, и Атикат поняла: Полковник — главный.

Али ждал звонка. Этого звонка ждали все, кто сидел вокруг него. Его телефон зазвонил через сутки, в десять утра второго сентября. «Я буду говорить только с президентом!» — произнес Али.

Телефон зазвонил снова. «Президент? Нет? Помощник?». Он резко прервал разговор.

Али чаще других сидел «на педали». В руках у него был Коран, который он читал почти не отрываясь.

Дана, Наташа и ее сестра Светлана Ивановна, которая преподавала в этой школе математику, сидели чуть поодаль. Сестры были полной противоположностью друг друга: строгая, немногословная Света и легкая в общении, веселая Наташа. Рядом с ними — школьная подруга Наташи Ирина Цаллагова.

Боевики постоянно вспоминали Норд-Ост. «Норд-Ост нас многому научил», — говорил Али.

Уверенные, что при штурме может быть использован газ, террористы запаслись противогазами.

Знакомых вокруг было много. Вот Рита Урманова с дочерью Залиной. Ее мужа Сергея выводили, потом возвращали в зал, подолгу держали под

прицелом, угрожая расстрелять, если заложники не перестанут разговаривать.

Супруги Урмановы были очень дружны. Свою единственную дочь Залину они никогда не выпускали гулять или играть одну. Девочка была умной, воспитанной, очень хрупкой и нежной, как фарфоровая куколка.

Дети, которые были без родителей, искали защиты у старших.

Рядом с Атикат сидели одиннадцатилетний Георгий Гигаури и его девятилетняя сестра Нино.

— А президент знает, что нас захватили? — спрашивал Георгий.

— Конечно, знает.

— Путин знает?

— Знает.

— А он приедет?

— Уже приехал.

— А нас спасут?

Распространился слух, что детей будут выпускать.

Маленький светловолосый мальчик заволновался:

— Как вы думаете, тетя, шестиклассников тоже отпустят?

— А ты что, учишься в шестом классе?

— Нет. Мой брат в шестом.

— Тетя, я видел там пятьдесят рублей, — сказал Азамат Мисиков. — Можно я возьму их? Они ничьи.

— А зачем они тебе?

— Выйду — колбасу куплю...

Азамат сидел в одних трусах и носках. Вещи его давно уже затерялись в зале.

Нино свое новое платье снимать отказалась.

Али опять углубился в чтение Корана. Иногда он разговаривал с заложниками. «Вы, осетины, — нация, которая подлежит уничтожению», — говорил он.

«Детей мучает и Коран читает, — удивлялась Атикат. — И ведь уверен, что попадет в рай!».

— Ну почему?! — спрашивала у Али красивая дородная женщина с двумя внуками. — Почему вы сделали это?! Ведь я на праздник шла! Я новое платье надела! Почему школа и почему именно Беслан?

— До Москвы денег не хватило, — равнодушно ответил Али.

Этой женщиной, очень яркой и эффектной, в нарядном платье и с высокой прической, была Инесса Даурова. В ней чувствовались душевная тонкость и внутренняя культура. Она укачивала на руках двухлетнего внука Георгия. На мальчике был синий джинсовый костюм. Когда ребенку надо было пописать, Инесса подставляла ему целлофановый пакетик, хотя пол вокруг был уже залит мочой. Рядом сидела ее старшая внучка, Алена.

Георгий хотел воды. Инесса подошла к Али: «Дай хоть глоток. Только для ребенка». Али внимательно посмотрел на нее и разрешил набрать воды.

Она прикрывала ноги внучке, потому что вид обнаженных коленей подростков раздражал боевиков.

«Надо позвонить Эмиру (или Амиру?)», — говорил Али и выходил из зала.

На второй день сказали, что будет организован «коридор» и всех выведут. Заложники оживились.

«Дайте я вас расцелую!» — сказала террористу, который сообщил эту новость, пожилая женщина.

Двое боевиков пришли в зал с молитвенными ковриками, расстелили их в углу, где были сложены сумки, и легли спать.

В тренажерном зале, куда в ночь на третье перевели пожилых заложников, был террорист, который никогда не снимал маску. Он не произносил ни слова, но жестами показывал заложникам: «Идите в душевую и пейте».

Атикат всматривалась в его лицо. Через прорези в маске видны были только глаза, от которых лучиками расходились родинки: две — вверх и одна — вниз. Такие удивительные родинки она видела лишь однажды у девушки.

Учитель физкультуры Иван Константинович Каниди громко стонал: у него был сердечный приступ. Подошла женщина в очень чистом белом брючном костюме. Волосы ее были коротко пострижены.

— Вы врач? — спросила ее Атикат. — Или медсестра?

Женщина, ничего не ответив, ушла.

В тренажерном были и Светлана Ивановна с Даной.

Утром пришел разъяренный Ходов, распахнул дверь душевой и выпустил туда несколько очередей из автомата (к счастью, там никого из заложников не было). Потом что-то резко сказал молодому боевику.

Настроение террористов мгновенно изменилось. Было ясно: что-то произошло.

«Становитесь по трое! Быстро!» — скомандовал Ходов.

Атикат взяла за руки Нино и Георгия.

«Первая тройка пошла! Вторая тройка!». У Атикат возникла ассоциация с концлагерем: казалось, сейчас залают овчарки и их начнут избивать.

В следующей тройке вышли Светлана Ивановна с Даной. Свете удалось вынести во рту глоток воды для Наташи, которая оставалась в зале.

Теперь они сидели все вместе: Атикат с Нино и Георгием, дальше — Дана, Наташа, Света и Ирина Цаллагова с сыном.

Ирине было очень плохо.

— Разрешите вынести ее на воздух, — попросила Атикат боевика.

— Вот помрет, тогда и будет лежать на воздухе, — сказал он.

На третий день с Атикат стало что-то происходить. Она, такая

бережливая и экономная, разорвала на себе новую нарядную блузку, которая ей очень нравилась.

Террорист с перевязанной рукой заставил ее пересесть в другое место. За ней ушли Нино, Георгий и Азамат.

Она очнулась после взрыва. Рядом — только Нино. На скамье под окном сидела женщина без головы.

Директор школы Лидия Александровна раскачивалась из стороны в сторону.

Света, Наташа и Дана перебрались к Атикат. Она легла, спрятав под себя Дану. Недалеко от них лежал террорист, раненный в обе ноги.

«Идите в столовую!» — приказал второй боевик, который ходил по залу.

«Вам надо уходить, — сказала Атикат Наташе и Свете. — Может, хоть вы останетесь живы. Здесь шансов нет».

Она выпустила из-под себя Дану.

— Это ваша девочка? — спросила лежавшая рядом молодая женщина.

-Да.

— А где же моя?

Света и Наташа с Даной ушли в столовую.

Раненый террорист продолжал стрелять во двор.

«Кто может — ползите сюда!» — сказал мужчина в камуфляже, стоявший у входа в тренажерный зал.

Пригнувшись, он пробежал к окну, взял на руки девочку лет восьми, лежавшую на скамье, и вынес ее в тренажерный зал.

Потом вывел Атикат и Нино.

Раненую Наташу увезли в Москву. Она умерла через три недели в больнице. «Бедная моя девочка, — плакала Атикат. — Мой сын умер в своей постели, а Наташа приняла такие мучения».

Она так и живет — с чувством вины перед бывшей невесткой: «Я осталась жива, а Наташа, у которой было столько планов на будущее, погибла».

Дану воспитывает тетя Светлана.

Альбина БУТАЕВА-ДЗГОЕВА

Альбина Бутаева-Дзгоева

«Я ухожу», — в который раз сказала Альбина, но снова какая-то неведомая сила заставила ее остаться в школьном дворе. Сделала несколько шагов, и опять ноги словно приросли к земле. «Мне суждено было в тот день оказаться в спортзале вместе с моими детьми», — уверена она.

...Не ко времени вдруг — мероприятие еще не началось — полетела вверх связка шаров. И мужчина со страшным шрамом на шее крикнул ей прямо в лицо: «Это захват!».

В коридоре, куда Альбина забиралась через окно, стояли террористы в масках и камуфляже и стреляли поверх голов заложников.

Потом, сидя в спортзале, она высматривала своих девочек — Зарину и Регину.

Семиклассница Зарина едва не задохнулась — в давке она упала на пол, на нее свалилась женщина. Старшеклассник помог Зарине подняться. Когда заложников посадили на пол спортзала, она оказалась почти в проходе.

Террорист со шрамом что-то невнятно и зло говорил ей, она не могла понять и, словно загипнотизированная, смотрела ему в глаза.

Он, размахнувшись, ударил ее по колену прикладом. Сидевшая рядом женщина прижала Зарину к себе, а подросток прикрыл ей ноги своим пиджаком.

Только тогда до нее дошло: террорист требовал, чтобы она прикрыла колени!

В проходе лежала мамина сумочка. Наполовину выпавший из нее «Сименс» вдруг зазвонил, и Зарина увидела на дисплее имя отца. Террорист со шрамом, который не успел еще отойти, резко повернулся: «У кого телефон?!».

Сообразив, что звонок доносится из сумки, ударил по ней ногой. Телефон продолжал звонить. Террорист ударил по сумке еще раз, но мобильник, словно издеваясь над ним, продолжал звонить. Он ударил по ней прикладом, и телефон разлетелся на мелкие кусочки.

«Если выброшенная мамина сумка лежит так близко, значит, и сама она где-то недалеко», — рассудила Зарина и стала оглядываться по сторонам. Она нашла взглядом маму и знаками показала ей: «Хочу к тебе». Через некоторое время детям разрешили перебираться к родителям. Женщины подставляли Зарине ладони: поставить ногу было некуда. Так, передвигаясь коленками по выставленным женским ладоням, она добралась до мамы.

Время от времени в зал вводили новые группы детей и взрослых — это были те, кто прятался в классах, кабинетах и актовом зале. С одной из них пришла младшая дочь Альбины, третьеклассница Регина. Она зажимала рукой бок.

— Мама, не ругай меня, я порвала новый сарафан, — сказала она.

— А кровь откуда?

Альбина отвела руку дочери и увидела на её боку глубокую царапину. «Это я об угол парты, — сказала Регина. — Я испугалась — там, в кабинете, был мертвый дядя. И кровь на полу».

Террористы минировали зал, заставляя старшеклассников помогать им.

Борис Эльтаров поддерживал огромную мину. «Отпустишь — взорвутся все остальные», — сказал ему террорист.

Борис стоял, обливаясь потом, и дрожал от напряжения.

— Держись, мальчик! — кричали ему заложники.

Кто-то предложил вместо него себя, но террористы не разрешили.

По залу, обыскивая заложниц, ходили шахидки. На руках — маникюр, но без лака. Лица закрыты, видны только красивые глаза и откорректированные брови, взгляд — уверенный и холодный.

К вечеру некоторые из боевиков переоделись в спортивные брюки, кроссовки и кеды. Почти все, за исключением нескольких, сняли маски.

Поздно вечером в зал вернулись мужчины, страшные, изуродованные от побоев. Один из них сидел, обхватив голову руками, другой мычал что-то нечленораздельное. «Где остальные?» — спрашивали их заложники. Но они молчали.

Того, кто сидел рядом с Альбиной, женщины уложили на пол и постарались прикрыть его. Мужчина, приподнявшись, неотрывно смотрел в ту сторону, где сидели его жена и дочь.

Мужчин опять увели.

На второй день Зарина вместе с детьми вышла в дальний туалет. В руках у нее был ворох тряпок, которые ей дали заложники, — намочить.

«Вода отравлена, — сказал террорист. — Пить ее нельзя».

Малыши прошли вперед, Зарина осталась возле раковины одна. Дверь

была открыта. Молодой боевик, который сопровождал их, приблизился к Зарине и тихо сказал: «Я буду кричать на тебя и толкать. А ты пей, не бойся. И быстро мочи свои тряпки».

— Давайте быстрее! — закричал он. — К раковине не подходите!

Зарина успела выпить и намочить все тряпки. Но донесла из них только половину: заложники выхватывали их из рук. Сказать она ничего не могла — во рту была вода для Регины.

Белая водолазка с короткими рукавами сдавила Зарине шею. Снять ее было невозможно, под ней был только лифчик. Они с мамой попытались разорвать ворот, но не смогли.

Зарина сняла и держала при себе розовые мокасины со стразами — чтобы не потерялись.

В руках у террориста зазвонил телефон, мелодия была точно как в телефоне у папы. «Это папин телефон? — спросила Зарина. — Наконец-то он пришел и спасет нас!».

Испуганная Альбина вывела Зарину из зала. В коридоре, возле каждого из окон, сидели боевики. Несколько террористов о чем-то громко спорили на своем языке. Одна фраза, произнесенная молодым боевиком, прозвучала по-русски: «Я пришел сюда не с детьми воевать».

«Что заставило этих красивых молодых парней взяться за оружие?» — размышляла Альбина.

Она вошла с Зариной в класс, который террористы приспособили под туалет. От комнатных цветов на подоконниках остались только стебельки — листья оборвали и съели заложники. На полу валялся букет ярко- красных роз. Альбина подняла цветы и стала обрывать с них увядающие лепестки.

В классе было прохладно.

— Я в зал больше не пойду, — сказала Зарина.

— Ах, не пойдешь?! — закричал боевик, стоявший в дверях, подбежал и приставил ей к голове автоматное дуло. — Тогда ты будешь лежать!

— Всё, всё, она уже уходит, — к ним спешила врач Лариса Мамитова. — Вот, возьми лекарство, — она протянула Зарине таблетку валерьянки и поспешила увести ее в спортзал.

На второй день Альбине показалось, что террористы стали собираться.

Они что-то укладывали в рюкзаки и выносили их из зала.

«Может, им удалось договориться?» — обрадовалась она.

— Мама, я видел, как они брились, — сказала через некоторое время Регина. — Они брились кусочками стекла.

— Я мусульманка, — сказала террористу одна из заложниц.

— Какая ты мусульманка?! — возмутился террорист. — Вот у меня две

сестры мусульманки, обе уже в раю...

В углу, у шведской стенки, на матах сидели девочки и по очереди сосали мокрую тряпку. Террорист смотрел на них, потом, не выдержав, подозвал одного из боевиков и приказал: «Дай им воды».

У девочки из распухшей нижней губы выступила кровь.

— Тебя ударили? — спросила ее Зарина.

— Нет, — сказала девочка. — Я прокусила ее и пью кровь.

На третий день Зарина потеряла сознание. Альбина давала ей свою слюну, но и ее уже не было. Язык девочки стал западать, приходилось держать его. «Вы устали, давайте теперь я подержу», — сказал Альбине подросток, сидевший рядом. Он сменил ее, а Альбина стала думать, где достать воду. Она нащупала под собой что-то твердое. Посмотрела — массивный золотой крестик на цепочке и перстень. «Брось их туда, к стенке, чтобы не мешали», — сказала одна из женщин. (На золотые украшения и деньги, которые валялись под ногами, никто уже не обращал внимания).

Зарина Бутаева и спасатель Тимур Маргиев

Недалеко от них стояло ведро, которое поставили для заложников, справлять нужду. Альбина зачерпнула из него пластмассовой кружкой и плеснула Зарине в лицо.

Девочка пришла в себя.

Альбина сняла с дочери водолазку и стала обмахивать Зарину и Регину кусочком картона.

«Подуй Зарине, ей плохо, — сказала Регина. — А меня положи ровно. Я буду умирать».

Четвероклассник Вова Ходов ходил по залу и громко читал стихи. Его удерживали, сажали, он вырывался и продолжал громко декламировать.

«Ой, сколько «Колы» принес папа! — сказал незнакомый мальчик. — Сейчас пироги будем кушать».

Дети уже ходили по проходу, не обращая внимания на автоматные очереди и угрозы. Если в первые дни заложники боялись касаться взрывных устройств, то теперь ходили, задевая их головами.

«Что с нами будет? — думала Альбина. — И каково сейчас моим близким и родственникам?».

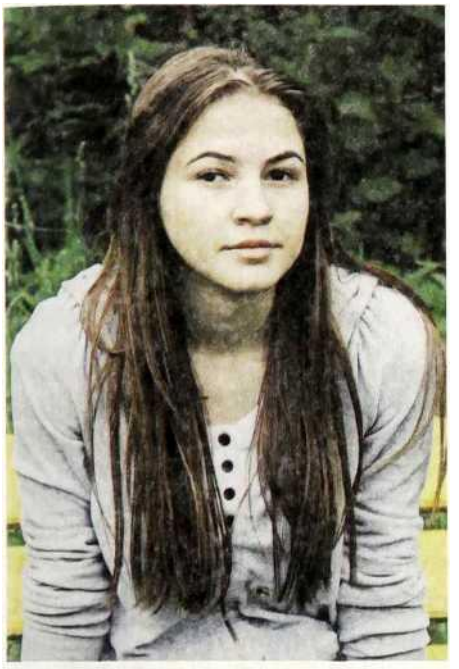
Альбина родилась и выросла в Моздоке, но Беслан стал для нее родным. С мужем и двумя детьми она жила в доме свекрови вместе с братьями мужа, их женами и детьми. И главной объединяющей силой этой большой семьи была свекровь. Она учила невесток житейской мудрости — быть гостеприимными, строить отношения с родственниками и соседями.

В их семье всегда строго придерживались осетинских обычаев и традиций, поэтому в свои сорок лет ее муж Сталбек часто бывал тамадой на свадьбах, к нему приходили за советом даже те, кто был старше его.

Справа — Регина Бутаева

Их дом всегда был открыт для всех. Двери в нем не запирались даже на ночь. Свекровь вспоминала, как ее свекровь по вечерам выносила на улицу столик с угощением, чтобы соседи, возвращаясь с работы, могли отведать ее пирогов.

...Взрывом Альбину, которая сидела под баскетбольным кольцом, бросило на пол. После второго взрыва она оказалась под окном.



Регина

Они лежали под рейками и досками, которые упали сверху. Альбина отодвинула их, встала, осмотрелась, нашла детей, подошла к окну.

Почему подоконник стал таким низким, по пояс ей? Прежде он был значительно выше. Она не сразу поняла, что под ногами у нее, под досками и кусками пластика, упавшими сверху, — мертвые люди.

Альбина подсадила на подоконник младшую дочь и вернулась за старшей. «А как зовут моего папу?» — громко спросила ее Зарина.

Альбина дотащила ее до окна и перевалила через широкий подоконник.

Они пробежали мимо мертвой девочки в белых трусиках, которая лежала на траве, и оказались во дворе многоэтажного дома. Потом в каком-то помещении они прятались под бильярдным столом, и маленькая девочка, передав им пластиковую бутылку с водой, повторяла: «Только по глотку, чтобы хватило всем».

Двор и переулок Школьный обстреливались. Тяжелый танк таранил кирпичный забор между четырехэтажным домом и райотделом милиции. Заложников огородами выводили к училищу, во дворе которого был развернут полевой госпиталь.

Зарина

Когда Зарину выписали из больницы, она пришла в спортзал. На широком подоконнике среди цветов лежал ее розовый мокасин без единого пятнышка, без царапин.

А на том месте, где они сидели с мамой, был выжжен пол, и в этом углублении лежали красные, как кровь, гвоздики...

Светлана БИГАЕВА

В первую школу Светлана Бигаева в тот день не собиралась. Ей надо было отнести справки в Центр по выплате субсидий.

Путь от дома до Центра пролегал через школьный двор, и она решила задержаться там, посмотреть на праздник. В первой школе учились трое ее сыновей — Георгий, Сослан и Азамат.

Она пересекла проезжую часть улицы Коминтерна. Светофора на этом участке дороги не было, хотя транспортный поток был очень интенсивным. Несколько лет назад, первого сентября, на этом месте погиб первоклассник, которого сбила машина. С тех пор в первый день учебного года здесь всегда дежурит милиция.

В тот день милиционеров не было.

Светлана спустилась к полотну железной дороги, перешла пути и оказалась у школьной ограды. У ворот стояли красные «Жигули». Через приспущенное боковое стекло со стороны водительского места виднелось бородатое лицо.

В Осетии мужчины носят бороды только в знак траура. «Он, вероятно, привез в школу своих детей, — размышляла Светлана, — но во дворе играет музыка, и человек, опечаленный горем, войти туда не может. Вот и решил дожидаться детей здесь».

С этими мыслями Светлана вошла во двор.

У ступенек главного входа толпились родители, среди которых она обратила внимание на молодого человека с профессиональной телекамерой. «Телевизионщики тоже здесь», — удовлетворенно отметила она и, поздоровавшись с Ирмой Дзагоевой, направилась дальше, туда, где ровными рядами стояли дети.

«Убегайте! Террористы!» — услышала она женский крик и увидела ро

дительницу Ингу Чеджемову. Инга бежала от тех ворот, через которые Света только что вошла в школьный двор.

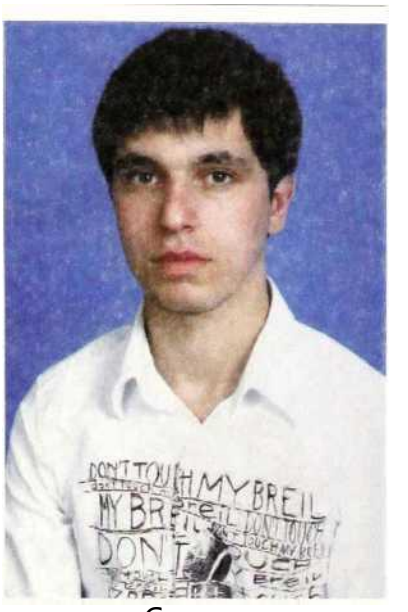
«С ума сошла, что ли?» — сказала вслух Света и увидела за спиной Инги человека в маске.

В школьном коридоре Светлана столкнулась со старшим сыном Сосланом. «Мама, а ты откуда здесь?» — спросил он, потрясенный.

Не по годам высокий, Сослан привлек в зале внимание одного из террористов.

«Что ты прячешься за мамину юбку?» — спросил он с издевкой. Сослан что-то резко ответил. Дуло автомата уперлось ему в лоб.

«Что ты сказал? Повтори!» — угрожающе произнес террорист.



Сослан

«Ма таерсут, ма таерсут!» — успокаивал окружающих Руслан Бетрозов. («Не бойтесь, не бойтесь!»).

«Ты всё сказал?» — почти миролюбиво спросил его террорист со шрамом, рывком заставил опуститься на корточки и, ткнув ему дуло автомата в шею, выстрелил.

Толпа отпрянула и на секунду замерла.

Из зала увели мужчин, потом старшеклассников. Вместе с ними ушел и Сослан.

Их не было часа два.

Света осталась с младшим, Азаматом. Она высматривала среднего, Георгия, но его не было — ему удалось бежать.

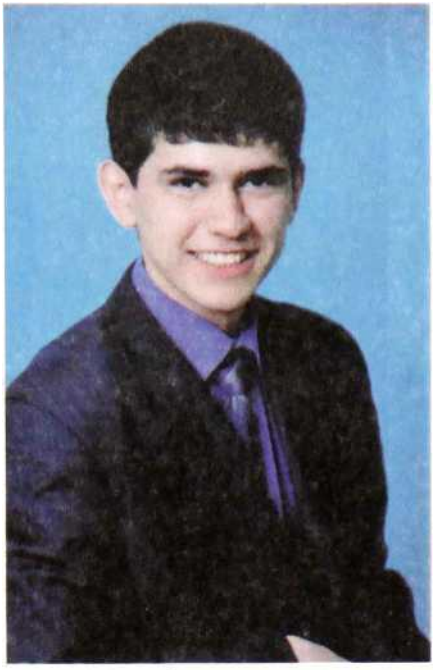
.. .Семерых сыновей и одну дочь желают в Осетии невесте в день свадьбы. Сыновья — гордость рода, надежда и опора родителей в старости.

У Светланы и ее мужа Тамерлана сыновей — трое. Жили в собственном доме, поэтому работы по хозяйству было много — и огород обработать, и за скотиной присмотреть. Но мальчики не ленились, успевали даже помогать Светлане по дому.

Георгий танцевал в ансамбле народного танца «Шаби», младший увлекся игрой на гитаре. Сослан перешел в одиннадцатый, готовился к поступлению в вуз, поэтому свободного времени у него почти не оставалось.

Главным для себя родители считали дать сыновьям образование, потом женить их.

...Во второй половине дня подросткам приказали разносить в ведрах воду. «Давать только детям, — сказал террорист. — Увижу, что даете взрослым, — расстреляю».



Азамат

Когда Сослан с пустым ведром уходил в душевую, Светлана считала минуты до его возвращения.

Грудной ребенок на руках у женщины зашелся от крика. Молодой боевик подошел к ней и протянул «Сникерс»: «Дай ему». Женщина конфету взяла, но дать ее ребенку не решалась. Террорист, заметив это, снова подошел: «Не бойся. Дай ему, может, успокоится...».

Женщина отломила кусочек, завернула его в носовой платок и дала малышу. Он стал сосать и успокоился.

Двое маленьких мальчиков допытывались у матери: «Когда мы придем домой, ты испечешь нам пирожки с капустой? И с картошкой тоже?».

Семиклассник Сослан Казиев не снимал пиджак, опасаясь, что он потеряется.

Недалеко от Светы сидел бывший директор школы Таркан Габулиевич Сабанов. Света никогда не училась в этой школе, но хорошо знала его — бывший директор был Почетным гражданином города и уважаемым человеком в Беслане.

Девяностолетний старик сутки просидел на полу среди женщин и детей. Потом один из террористов принес ему стул.

Они присматривались друг к другу — террористы и заложники. И старый солдат силой духа и достойным своим поведением, как ей показалось, вызвал в них уважение. Кто-то принес старику воды, но, даже не пригубив, он отдал ее детям.

По залу прошел слух, что ему предлагали уйти, но он отказался.

«Тетя Света, а когда нас отпустят, вы отведете нас домой? — спросила ее Амага Цибирова. — Нас ждут бабушка и дедушка».

Сестры Тамерис и Амага были внучками бывшего секретаря райкома КПСС Саханджери Дзуцева. Они жили по соседству с ней, обе танцевали в ансамбле «Шаби» вместе с ее Георгием.

Амага ослабла. Сослан посадил ее рядом, чтобы она могла облокотиться на него. Возможности уложить ее на пол не было.

Домой из сестер вернулась только Амага. Тамерис погибла.

Света не спала и не разрешала спать сыновьям.

«Нам надо будет убегать. И не думайте о плохом. Мы выйдем отсюда живыми», — говорила она Сослану и Азамату.

Она знала, что мысли материализуются.

И еще говорила: «Молитесь Богородице». Богородица — Мадымайраем — в Осетии издавна считается покровительницей детей. В ее честь в горах строили святилища.

На второй день Азамат потерял сознание. Света дула ему в лицо, но это не помогало. Она подошла к террористу: «Можно я его вынесу?»

«Что он там умрет, что я здесь его пристрелю...» — равнодушно произнес боевик.

Света вернулась к сыну.

«Возьми, это моей Рады», — Лариса Салказанова протянула ей пластиковый стаканчик с мочой. Света влила ее Азамату в рот, и он очнулся.

На третий день к ним пересела Жанна Кониева с двумя сыновьями и матерью Тамарой Туаевой.

Тамара уже знала, что ее зятя, сотрудника районного отдела внутренних дел Казбека Кониева, террористы расстреляли, но скрывала это от дочери. «Что с ней будет, что будет, когда она узнает!» — говорила Тамара.

Жанна так и не узнала, что ее муж погиб, она пережила его всего на двое суток и погибла вместе с матерью и сыном-первоклассником Али третьего сентября.

Младшего, трехлетнего Георгия, вынесла из зала Алета Сабанова.

Светлана с сыновьями сидела под баскетбольным кольцом, в котором висела самая большая мина. «Здесь опасно, — сказал Сослан, — нам надо пересесть».

Волна обжигающе-горячего воздуха подняла Свету вверх. Она потеряла сознание.

— Мама, ты здесь? — услышала она голос Сослана.

— Здесь. А где Азам?

Сослан огляделся, нашел брата, которого завалило досками, помог ему встать и довел до окна. Подсадил на подоконник и, когда тот побежал через двор, вернулся к матери.

Новый взрыв прокатился по залу. Света опять потеряла сознание.

Очнувшись, попыталась встать. Правая нога застряла между досками, она не могла ее высвободить. Рядом лежали дети, которые, как и они, не успели убежать.

— Лежите, не двигайтесь, — сказала им Света.

По сохранившимся элементам чердачного перекрытия бегали боевики с автоматами и стреляли во двор.

По залу ходил террорист. Он остановился возле нее и сказал: «Вставай и иди в столовую!».

Света высвободила наконец ногу, но она была какой-то деревянной, занемевшей, словно парализованной.

Сослан продолжал сидеть.

Поднялась и Римма Кусова, знакомая Светы.

— Держись за меня, — сказала Римма и стала оглядываться по сторонам. — А куда делся мой внук?

Под первым от кабинета физруков окном лежала восьмилетняя Амина Хадарцева. Из-под обломков досок виднелось только ее лицо — девочка была жива.

Сослан взял ее на руки и понес в столовую.

Света шла по школьному коридору и не узнавала его. Ей казалось, что она никогда не была здесь. И если бы не Римма, не знала бы, в какую сторону идти.

В столовой Света обнаружила, что Сослана рядом нет.

Пол был залит водой. Римма поставила в центре помещения стул и посадила на него Свету. Рядом на полу лежала картонная коробка с печеньем.

«Света, ты сидишь в очень опасном месте, — услышала она голос преподавателя физкультуры Алика Додтаевича Цаголова. — Пересядь к стене».

Света опустилась на пол и подползла к Алику Додтаевичу. Рядом с ним лежал незнакомый мужчина в темных брюках и футболке.

— Кто это? — спросила Света.

— Один из террористов.

— А что он здесь делает?

— Прячется.

— Надо от него избавиться, — сказала Света. — Они специально посадили его сюда. — Слушай, парень, — обратилась она к боевику, — принеси мне воды.

— Яне могу. Меня убьют.

— Как убьют? Ты же с ними. Не убьют.

— Нет, вы не знаете их. Они меня убьют.

Это был Нурпаши Кулаев.

Двое из боевиков стреляли из окон столовой, прячась за спины женщин, потом забегали в подсобки, возвращались, выпускали несколько очередей в окна, опять бежали в подсобки, чтобы заполнить автоматные рожки патронами.

Снаряд извне попал в стену. Из развороченного взрывом электрощитка посыпались искры. «Если провод упадет на мокрый пол, нас всех убьет током», — подумала Света.

От второго взрыва содрогнулись металлические печи, с окна упала решетка.

— Помашите чем-нибудь, — сказал Нурпаши.

— Сам помаши, — ответила Света.

— Вы же скажете, что у меня не было оружия? — не унимался террорист.

Алик Додтаевич снял белую майку и, надев на палку, стал размахивать ею.

Майку обстреляли в клочья.

Нурпаши выбрался из столовой одним из первых.

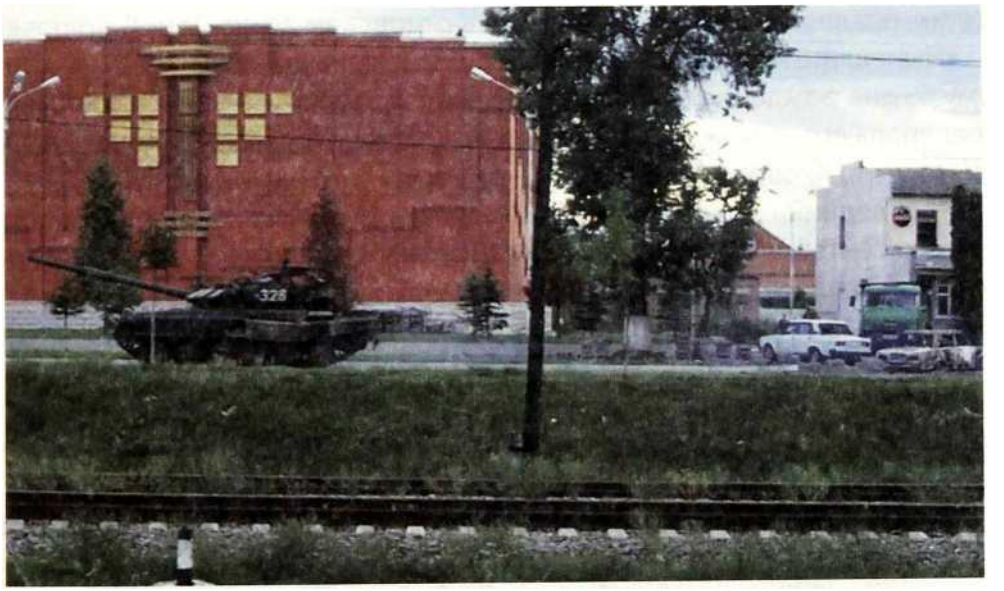
Оказавшись за пределами школы, Света вспомнила о сыновьях и заплакала. Она не знала, что Азамат уже дома.

Муж Светланы, Тамерлан, искал Свету и Сослана в полевом госпитале, расспрашивал о них заложников.

— Ты не видел моих? — спросил он Алана Сидакова.

— Видел, — ответил он. — Их убили.

Тамерлан, бросив машину на дороге, побежал в морг. Потом вернулся, поехал во Владикавказ, объездил все больницы и морги. Первым нашел Сослана, а утром следующего дня — Свету. Обоих — живыми.



Улица Коминтерна

Кира ГУЛДАЕВА

Кира обожала своего внука. Любовь эта была взаимной, мальчик был очень привязан к ней. Только бабушка могла часами выслушивать бесконечные «почему?» маленького Георгия и терпеливо отвечать на его вопросы.

Супруги Гулдаевы вырастили троих детей. Старшие сын и дочь жили отдельно от родителей, своими семьями, а младший, как это заведено у осетин, после женитьбы остался жить в отцовском доме.

«Нынешние молодые мамы слабы и изнежены», — считала Кира. Поэтому со дня рождения внука взяла на себя все заботы о нем. Она кормила и пеленала его, выхаживала, когда он болел, каждое лето возила на море, а зимой — в Кисловодск.

В последний день августа бабушка и внук приехали из Адлера. А утром первого сентября Кира, ее невестка Шорена и маленький Георгий отправились в школу.

Возле парка купили букет ярко-красных хризантем.

Кира и Георгий

\

На часах было восемь тридцать. До школы — пятнадцать минут ходьбы, но Кира не любила опаздывать.

— Бабуля, а что я буду делать в школе? — спрашивал Георгий.

— Ты войдешь в класс и поздороваешься с учительницей, — терпеливо объясняла Кира. — Потом она выведет вас во двор, где вас будут поздравлять.

Внук и невестка ушли в класс.

Кира подошла к тому месту, где уже стояли дети. Пожилые люди и женщины с маленькими детьми сидели на стульях, которые специально для них вынесли из классов. Кира осмотрелась — свободного места уже не было, а у нее побаливала нога.

У музыкальной аппаратуры стояли Эльбрус Худалов и Сима Аликова — музыканты, которых очень любили в Беслане.

Мероприятие обещало быть интересным.

Кира поздоровалась с Таисией Бзиевой, которая с сыном Валерием и невесткой Диной привела в первый класс внука Рому. Рома с Георгием ходили в один детский сад, поэтому бабушки встречались часто.

— Как ты думаешь, из наших внуков получится что-нибудь? — не скрывая горделивой улыбки, спросила ее Таисия.

— Одному Богу известно, какими они у нас вырастут, — ответила Кира.

Подошла директор школы Лидия Александровна Цалиева.

— Я так волнуюсь, так переживаю! — сказала она.

— А что переживать? Не первое же у вас мероприятие, — сказала Кира. — Посмотрите на детей — как голубочки, один красивее другого.

Директор прошла к столу.

Кира опять посмотрела в ту сторону, откуда должны были появиться первоклассники. Вышел один класс, второй, а ее Георгия все не было.

Серая, похожая на «скорую», машина затормозила у ворот. За ней виднелись красные «Жигули».

«Надо же, какая-то «шишка» опоздала», — подумала Кира.

Из машины стали выскакивать вооруженные люди.

«Найти и спасти внука!» — с этой мыслью Кира металась по двору, забиралась через окно в коридор. Но Шорены и Георгия нигде не было.

В зале застреленный террористом Руслан Бетрозов упал на нее, изо рта у него хлынула кровь. Кира потеряла сознание.

Только во второй половине дня она смогла отыскать внука и невестку.

Когда заложников заставили сложить в проходе сумки, Кира с сожалением выбросила вместе с пакетом свой мобильный телефон, фотоаппарат и видеокамеру. Это были очень ценные вещи.

Телефоны и фотоаппараты террористы разбили, а видеокамеры забрали. Она успела вынуть из пакета только паспорт, трудовую книжку и справки, которые собиралась отнести в Центр по выплате субсидий. Э.т4. баскаейа

Рядом с Кирой сидели двое подростков. У одного из них болела нога: он подвернул ее, когда бежал по двору.

«Маме сегодня делают операцию, — сказал один из них. — Нельзя,

чтобы она узнала, что я здесь».

«Я уже пожила. Спаси, Господи, моего внука и его мать», — молилась Кира.

Вечером второго дня ей удалось забрать с собой в тренажерный зал Георгия и Шорену. В треснутую, с отбитым горлышком, стеклянную бутылку женщины тайком набрали воду и напоили Георгия.

На третий день они снова сидели в зале — там же, у входа в кабинет физруков. Многие из детей лежали, обессиленные. Маленькая девочка с двумя белыми бантиками положила голову на ноги Кире.

— Сколько можно издеваться над людьми?! Убейте, или... — Кира не успела договорить.

— Умереть хочешь?! — крикнул террорист со шрамом и неестественной, словно приклеенной, бородой и сунул ей дуло автомата в ямку у ключицы, точно как Бетрозову.

Перед ее глазами возникло лицо убитого Руслана, и сквозь гул в ушах до нее донесся пронзительный крик внука: «Не убивайте мою бабушку!».

Она потеряла сознание.

«Бабуля, тебе на голову упал светильник, и я убрал его», — услышала она голос Георгия.

Кира открыла глаза.

Напротив нее, в углу, у входа в тренажерный зал, стоял террорист и стрелял вслед убегавшим заложникам. Входная дверь была распахнута. Второй боевик, стоявший у входа, резко наклонился, выхватил из-под парты ребенка лет двух и положил его на стол.

Ребенок не двигался.

«Посмотри, мама жива?»— сказала Кира внуку.

Шорена была жива. Ее отбросило от них взрывом.

Из дверей, ведущих в школьный коридор, появились двое террористов в камуфляже и масках. Они выпустили в зал по четыре автоматные очереди. Кира подняла вверх руку, и из простреленной кисти на лицо ей закапала кровь.

«Не двигайтесь», — сказала Кира невестке и внуку.

Террористы в масках ушли.

Через зал с мертвым сыном на руках шла Земфира Урусова.

Директор школы Лидия Александровна сидела у стены.

Невестка Таисии Бзиевой Дина стояла на коленях, и с ее окровавленных волос на лицо стекала кровь.

«Надо поднять маму и перебраться в кабинет физруков», — сказала Кира Георгию.

Втроем они поползли в сторону открытой двери кабинета.

Недалеко от входа лежал третьеклассник Сослан Губуров. Мальчик был жив, но завален телами и досками, виднелось только лицо.

— Пить... — сказал он.

Кира высвободила его и посадила, прислонив к стене между входами в коридор и кабинет физруков.

— Пить... — опять прошептал Сослан.

Кира вползла в кабинет, где был только преподаватель физкультуры Иван Каниди. На полу лежала мертвая бабушка Сослана,
Вера Даурова.

Сослан Губуров

Кира отодвинула Веру, положила на пол внука и легла рядом, прикрыв его собой. Молодой террорист, который привел в кабинет
оставшихся в живых заложников, из пистолета застрелил Ивана Константиновича. «Падла! — кричал он на учителя. — Сволочь! Ты обманул нас!».

Часть напуганных заложников убежала из кабинета.

«Все в столовую!» — приказал террорист, вырвав из рук умирающего Каниди свой автомат.

Кира с внуком вышли следом за ним.

Сослан Губуров сидел там же, куда посадила его Кира, — у стены.

Террорист выстрелил ему в лоб.

В коридоре на полу лежали двое подростков, один из которых переживал за маму. Оба были еще живы. Выстрелами в голову и затылок террорист добил обоих.

У узкой лестницы, ведущей на второй этаж, стояли шестеро боевиков.

На площадку выходили двери двух кабинетов, и Кира, которая не могла идти дальше, села на пол, в простенке между ними. Георгий сел рядом. Остальные заложники, вместе с ними и Шорена, ушли в столовую.

Кира сидела, прижав к себе внука. Из спортзала выходили и выползали заложники.

«Не сиди здесь, вставай, а то пристрелю», — сказал Кире один из террористов.

Она медлила, а когда он отвернулся, вползла с внуком в кабинет, где на стене висел рисунок с изображением скелета. В углу помещения был выступ: вероятно, в нем когда-то топилась печь. За выступом стояли ведра, в одном из которых была вода, рядом — кисти и коробки с красками.

Кира дала выпить внуку. На полу — две сумки, несколько автоматов и два пакетика с колготками. Колготками она перевязала внука и свою простреленную руку.

Обрывки платья-халата едва прикрывали ее тело. Она легла на пол, прижав к себе Георгия.

Грохот автоматных очередей слышался почти рядом. Она с ужасом ожидала, что в кабинет за своим оружием и сумками вернутся боевики и прикончат их обоих.

Когда стрельба немного стихла, Кира выглянула в коридор: прямо перед ней стоял мужчина в камуфляже. Откуда-то сверху, со стороны лестницы, ведущей на второй этаж, послышалась громкая автоматная очередь: мужчина, стоявший в коридоре, шагнул к ней, застонал и, схватившись руками за голову, рухнул на порог кабинета.

Дуло его автомата нацелилось на Киру. Она подползла и палочкой осторожно отодвинула автомат в сторону: а вдруг выстрелит?

В коридоре кто-то переговаривался по рации. В кабинет влетело что- то черное и круглое и упало рядом. Кира обхватила руками внука и вжалась в пол. По помещению распространился черный дым. «Всё, террористы пришли за своими автоматами и сумками», — подумала Кира и потеряла сознание.

О том, что убитый, Роман Викторович Катасонов, был одним из спецназовцев, Кира узнала потом. Она не видела, как под прикрытием дымовой завесы в кабинет с улицы проникли люди, которые вынесли и его, и ее с внуком.

Кира с Георгием долгое время пролежали в больницах.

Тяжелые ранения получила и Шорена.

Пятнадцатого января 2005 года Кира снова вела Георгия в первый класс. Всю дорогу он задавал ей один и тот же вопрос: «А эту школу не захватят террористы?».

Людмила КОКАЕВА

Людмила

Два события в жизни Людмилы Кокаевой произошли с разницей в один день: пятого сентября родилась внучка Дана, а на следующий день умер муж Борис. Ему было пятьдесят три года.

Людмила много времени стала проводить на кладбище.

Приближался сентябрь 2004- го, семья готовилась к годовым поминкам.

Двадцать седьмого августа Людмиле приснился сон: покойные отец, свекор и муж с озабоченным выражением на лицах стояли в огороде родительского дома, где по нежной газонной травке бегали желтые цыплята. Страшная рука, которая появлялась неизвестно откуда, выхватывала с лужайки то одного цыпленка, то другого.

Первого сентября внук Людмилы Алан шел в первый класс. Люда собиралась остаться дома с маленькой внучкой.

— Без бабули я в школу не пойду, — сказал Алан.

— Я не могу посещать подобные мероприятия, — сказала детям Людмила. — Я еще в трауре.

Но внук заупрямился: «Без бабули не пойду», сын и невестка стали ее уговаривать, и Люда решила идти.

Они спустились во двор пятиэтажного дома и сели в машину: Людмила, ее старший сын Александр с женой Индирой и сыном Аланом и младший сын Людмилы девятиклассник Сослан.

Дома осталась дочь Елена с годовалой Даной.

Александр съездил утром во Владикавказ и привез два букета голландских роз. Один — учительнице Алана, а второй Людмила собиралась преподнести директору школы Лидии Александровне.

С этой школой были связаны судьбы всех членов семьи Людмилы. В ней много лет преподавал ее отец Сулейман Константинович Губиев, учились она сама и ее дети, а теперь будет учиться внук.

У школьных ворот Кокаевы вышли из машины. Саша, который тоже собирался быть на празднике, вдруг передумал: «У меня дела. Заеду за вами часов в одиннадцать».

Расстроенная Индира ушла с Аланом в класс, а Людмила поднялась в кабинет директора.

Перед директором школы Лидией Александровной Цалиевой лежала тетрадь с тезисами выступления на праздничной линейке. В кабинет вошла маленькая девочка в школьной форме и белыми бантиками в волосах.

«Посмотри, какая прелесть, — сказала Лидия Александровна. — А сколько я воюю, чтобы ввести в школе форму!».

Людмила, поздравив директора с началом учебного года, спустилась во двор. У музыкального центра стоял ее родственник Эльбрус Худалов. Мероприятие еще не начиналось, играла музыка, и Ирина Захаровна Ханаева, пожилая учительница начальных классов, вальсировала с одним из малышей.

Людмила остановилась с Аленой Ахсарбековной Дзуцевой, которая преподавала в школе осетинский язык и литературу.

«Какая ты красивая!» — не удержалась Люда.

Алена действительно была очень хороша: зеленоглазая блондинка с густыми, золотистого оттенка волосами, в светлом нарядном костюме.

Кто-то закричал, раздался звук выстрела.

«Что это? — спрашивал Людмилу ее сын Сослан, с которым она побежала через двор.

В зале они нашли Индиру, но Алана с ней не было. Его принес чуть позже учитель физкультуры Иван Константинович Каниди.

На третий день террористы увели Сослана; его долго не было. Людмила забеспокоилась. Когда сын вернулся, рассказал, что боевики заставили их переносить с одного места на другое гранатометы.

«Там за сейфом стоял стол, на котором были конфеты, лекарства и водка, — сказал он и протянул ей пару конфет.— Вот здесь водка, хоть губы намочите».

Он раскрыл кожаный кошелек. Кошелек был пуст — вся водка впиталась в кожу.

— Бабуля, если ты мне не дашь воды, я умру, — сказал Людмиле внук на третий день.

Она вынесла его из зала. В душевую ее не пустили. В классе, приспособленном под туалет, Эмма Джибилова попросила помочь ей оторвать кусок ткани от белой блузки. Они долго пытались сделать это, но не смогли: не было сил. У входа в душевую Людмила еще раз сказала террористу:

— Дай глоток воды ребенку. Я не выпью.

— Пошла вон, сейчас пристрелю!

— Дай глоток, потом стреляй.

— Зачем ты так сказала? — выговаривал ей потом внук. — А если бы он тебя убил?

Они сидели под окном, но их оттеснили под взрывное устройство.

Людмила смотрела на бомбу и думала: «Да взорвись ты уже! Надоело все».

«Ложись!» — услышала она мужской голос и упала. Когда пришла в себя, долго ничего не могла понять: глаза ей словно засыпало пеплом, что-то горячее упало сверху. Когда, наконец, осмотрелась, увидела рядом голову ребенка и внутренности. В ужасе вскочила и, ничего не соображая, побежала к окну, выскочила во двор, упала и потеряла сознание. «Какая- то женщина долго лежит под одним из окон», — комментировал события, происходившие на школьном дворе, тележурналист.

Людмила встала, шатаясь, пошла к окну спортзала, опять вернулась назад.

«Ты была как привидение», — сказали ей потом родственники.

В больничную палату, в которой она лежала, ввели армянку: «Они все погибли! Они погибли все!» — душераздирающим голосом кричала женщина (погибла семья Григорян — муж, жена и две дочери).

Людмиле сказали, что нашлись уже Индира и Сослан, а Алана нигде нет. Его искали и в морге, и в больницах. Дочь Людмилы Лена нашла его в палаточном госпитале МЧС.

«Какая-то женщина долго лежит под одним из окон спортзала»

Год спустя Люда с семьей посетила в Москве кладбище, на котором похоронены спецназовцы, погибшие в Беслане. «Бабушка, меня спас он», сказал Алан и показал на портрет на одном из памятников.

Это был Андрей Туркин.

С тех пор каждый год, третьего сентября, Людмила приходит в спортзал, чтобы положить цветы и зажечь свечу в память о человеке, который спас ее внука.

Аслан ЕСЕНОВ

Аслан

Георгий Есенов был сводным братом Аслана — в первом браке у отца была русская жена. Георгий, или Гарик, как звали его друзья, приехал в Осетию, когда ему было тринадцать лет. Здесь окончил школу, уехал, поступил в летное училище, а позднее — в авиационный институт.

Георгий часто бывал в командировках, в последние годы работал в Турции, в Непале. Заработал деньги, женился и купил квартиру в Беслане, недалеко от отцовского дома.

Работал в аэропорту «Владикавказ».

Первого сентября Георгий и его жена Оля провожали в школу свою единственную дочь Лену.

Аслан перешел в восьмой. Из-за большой разницы в возрасте Георгий всегда относился к нему как к ребенку. Привозил ему подарки из всех командировок, баловал его. Но в последние годы отношения между братьями приобрели другой, более мужской характер.

Аслан не собирался в тот день долго задерживаться в школе. С друзьями была договоренность: едем во Владикавказ, погуляем в парке, покатаемся на аттракционах.

Линейка еще не началась, а ему уже не терпелось уехать.

— Наше отсутствие никто и не заметит, — сказал он однокласснику.

— Нет, — ответил тот, — надо повидаться со своими.

Они поднялись на второй этаж, в кабинет литературы. Восьмиклассники шумно общались. Какое-то движение вдруг прошло по классу, все побежали к окнам и стали смотреть вниз. Аслан, ничего не понимая, тоже выглянул в окно. У школьных ворот стояла машина, а возле нее — вооруженные люди.

Все, кто был в классе, куда-то побежали. Аслан открыл окно, еще раз посмотрел вниз — на улице уже никого. Со стороны двора послышались выстрелы.

«Уходим, быстро!» — сказал его друг и, встав на подоконник, начал спускаться вниз по вертикальному выступу стены.

Аслану спуск показался долгим, и он просто спрыгнул на землю — внизу был палисадник.

Его друг успел залечь в кустах, а Аслана заметил один из вооруженных людей.

— Выходи, куда ты делся?— крикнул он.

Аслан затаился.

— Выходи! — опять крикнул человек с автоматом. — Стрелять буду!

Аслан с другом вышли из кустов.

— Не вздумайте бежать! — предупредил мужчина. — Заворачивайте во двор.

Во дворе вооруженные люди ломали дверь спортзала. «Вот ключи», — говорил преподаватель физкультуры Иван Константинович Каниди. Ноте продолжали ломиться в закрытую дверь.

В зале Аслан высматривал Георгия. Встретился с ним взглядом на несколько секунд. «Не бойся, я здесь», — прочитал он в глазах брата.

Аслан с одноклассниками (сидит второй слева)

Когда Георгия увели, Аслан нашел в зале Ольгу и Лену и перебрался к ним.

И еще раз видел он брата, уже в последний раз, когда того заставили выбивать стекла в окнах спортзала.

Вечером первого дня Аслан попросился в туалет в надежде узнать, куда увели мужчин. Он шел, держа руки на затылке, как требовал сопровождавший его террорист. В коридоре на полу, на снятой с петель двери, лежал боевик в камуфляже. Боковым зрением Аслан увидел мужчин, которые стояли на коленях вдоль коридора, лицом к стене. Попробовал повернуть голову, чтобы рассмотреть их, и услышал окрик: «Не смотри!».

— Где Гарик, куда они увели его? — плакала Ольга.

— Все нормально, — успокаивал ее Аслан. — Я видел его, когда выходил.

Аслан внимательно наблюдал за тем, сколько мужчин вывели из зала и кто из них вернулся: возвращались не все.

Он отвел в туалет маленькую Лену и соседскую девочку Веру Дигуро- ву. Вернувшись в зал, заметил слева от входа в коридор, у шведской стенки, одноклассницу Диану Баскаеву.

Диана была красивой, приветливой девочкой. Ему всегда казалось, что глаза ее сияют как звезды. Она была отличницей и мечтала окончить школу

с золотой медалью. Все в классе знали, что Диана увлекается поэзией, переписывает понравившиеся стихи в записную книжку, пробует писать сама.

Он подошел к ней, присел рядом. Диана казалась изможденной, в ее прекрасных печальных глазах стояли слезы.

— Ну что ты, что ты... — только и смог сказать Аслан.

Он посидел немного возле нее, потом вернулся к своим. Сесть не успел: взрывная волна прокатилась по залу, сметая всё на своем пути. Взрыв, как ему показалось, произошел именно в том месте, где он только что разговаривал с Дианой.

Черный дым и что-то горячее на спине. Рядом ни Оли, ни Лены.

Аслан подошел к окну, взобрался на подоконник, спрыгнул вниз головой, подвернул руку и вывихнул об асфальт палец. Все вокруг происходило очень замедленно. Он дошел до пятиэтажного дома и спустился в подземный гараж. На спуске сидел пулеметчик и стрелял в сторону школы.

Аслан сел рядом.

Мимо бежали заложники, среди которых была его одноклассница Рита Дзгоева. Она едва стояла на ногах. Аслан подошел к ней, поддержал, довел до гаража. На плече и животе девочки была кровь.

К ним подполз солдат в каске и бронежилете.

— Пойдем, отнесу тебя, — сказал он Аслану.

— Сначала ее....

Через несколько дней он узнал, что Георгия и Ольги уже нет в живых. Лену увезла бабушка.

Погибла и Диана Баскаева.

Марита МАМСУРОВА

Марита

Вечером Марита разговаривала по телефону с сестрой мужа Симой.

«Ходила проведать тяжелобольную тетю,
— сказала золовка.
— Совсем уже плоха и повторяет одно и то же: «Бедные дети! Бедные дети!». О каких детях говорит — непонятно». Сима просила Марита

Мариту прийти на следующий день, первого сентября, в школу с видеокамерой: ее дочь Залина Богазова перешла в одиннадцатый, и матери хотелось запечатлеть её на последнем школьном сентябрьском празднике.

Марита пообещала прийти. В школу ей не хотелось, но как обидеть родственницу?

Утром Сима позвонила еще раз:

— Ты не забыла?

— Нет, уже собираюсь.

Дочь Мариты, девятиклассница Зарина, ушла с подругой в школу пораньше. Они решили пройтись пешком, хотя обычно ездили на маршрутке.

Марита вызвала такси. По дороге увидела Зарину с подругой, посадила их в машину, чтобы не опоздали. В школу они приехали за две минуты до начала захвата заложников.

Забираясь через окно в коридор, Зарина порезала ноги — из рам торчали осколки стекол.

В коридоре террорист командовал: «Руки на затылок! Присели, встали! Присели, встали!». Полнота и больные ноги не позволяли Марите присе

дать. «Мама, они убьют тебя!» — испугалась Зарина.

В узком коридоре, соединяющем спортзал со школьным зданием, навстречу Марите, против течения толпы, пробивалась сотрудница детской комнаты райотдела милиции Фатима Дудиева. Вместо форменной сорочки с майорскими погонами на ней был мужской пиджак. Пиджак был маленький и не сходился на груди.

Зарина Халикова, дочь Мариты

В зале из высоких рюкзаков террористы извлекли катушки с проводами и покатили их по проходу. Минер приступил к работе.

За спиной Мариты сидел, обняв своих дочерей — первоклассницу Милану и шестилетнюю Диану, Эльбрус Есиев, главный эколог района. Рядом сидела его жена Фатима.

Террорист, который вызывал из зала мужчин, стукнул прикладом по голове Эльбруса: «А ты чего сидишь? А ну, выходи!».

Эльбрус вышел в проход.

Его расстреляли в тот же день.

Вызвали и куда-то увели школьную медсестру Фатиму Муртазову.

Золовка Мариты Сима с младшей дочерью Фатимой сидели рядом с

сов, она брала с собой лекарства. Когда террористы приказали выбросить сумки, она забыла о своих таблетках. А когда вспомнила, было уже поздно. сейфом, который стоял под баскетбольным кольцом. Ее старшей дочери Залине в то утро удалось убежать.

У Мариты было больное сердце. Даже выходя из дома на несколько ча

«Я не выдержу этой жары», — сказала она себе.

Мысли о смерти вначале пугали. Но на второй день они с дочерью говорили об этом уже спокойно: «Что будет с папой, если нас убьют? Сказала Зарина. — Жалко его. Останется один...».

Через выбитый фрагмент окна виднелись крыша школьного здания над медпунктом и кусочек синего неба. Ощущение оторванности от всего остального мира охватило Мариту. Она уже плохо воспринимала окружающее.

Недалеко от нее за судейским столом сидели Маруся Кусова и учительница начальных классов Ирина Захаровна Ханаева. Кто-то принес Марусе мокрую тряпку. Несколько капель из нее упало на стол, и Маруся

собрала их губами. Потом отдала тряпку Марите.

Марита несколько раз теряла сознание. Индира Кокаева, прислушавшись к ее дыханию, говорила: «Всё. Уже не дышит». И на Мариту, такую большую, мягкую и неподвижную, сразу же садились и ложились дети.

Однажды она очнулась оттого, что кто-то сильно нажимал ей на точку между бровями. Это был Валерий Бзиев.

Марита знала Валерия по школе — они оба учились в первой. Виделись редко: Марита жила в микрорайоне маисового комбината, Валерий — в центре города, а на работу ездил во Владикавказ.

Валерий был единственным сыном у матери. Когда его уводили, Таисия, его мама, зная, что мужчин расстреливают, молилась.

На второй день Таисия стала терять сознание. Валерий возвращался, приводил ее в чувство, успокаивал жену и сына. А они и предположить не могли, что все это время на его глазах расстреливают его товарищей, а потом заставляют выбрасывать их тела в окно.

Его опять вывели в числе пятерых мужчин. Таисия долго молилась, потом потеряла сознание. Валерий вернулся, отекший, с перекошенным от побоев лицом. Сел, наклонился к матери и влил ей в рот воду, которую принес во рту.

Таисия открыла глаза.

— Всё, мама, всё, успокойся. Я здесь. Они сказали, что дарят нам жизнь.

Террористы подарили оставшимся мужчинам жизнь, но ранили каждого из них — кому прострелили руку, кому ногу, а кому — плечо. Валерий пришел, прихрамывая.

Недалеко от них без сознания лежал телеоператор футбольного клуба «Алания» Карен Мдинарадзе. На нем сидели дети.

«Мама, я уже не могу. Пойду попрошу у террористов воды, — сказала Марите дочь. — Все равно убьют». Она попрощалась с матерью и ушла.

Утром Людмила Кокаева, которая выносила из зала внука, сказала, что Зарина всю ночь сидела с тетей Симой Богазовой и ее дочерью.

Взрывные устройства висели над головой Мариты. Сима издали знаками показывала ей: «Пересядь. Там опасно». Но Марите было уже все равно — она хотела, чтобы мины взорвались и ее мучения прекратились.

Утром третьего дня к ней приползла маленькая девочка с волнистыми, до плеч, волосами, в одних трусиках.

— Тетя, я боюсь, — сказала она.

— Ты с кем?

— Я одна.

— А в каком ты классе?

— Во втором.

Марита обняла ее и легла с ней на пол. Девочка положила ей голову на сгиб руки. Они спали или медленно умирали. Временами, открывая глаза, Марита видела детей с кровоточащими губами. Изо рта у многих шла желтоватая пена.

Очередное пробуждение Мариты было похоже на сон. Картина, которую она привыкла видеть все эти три дня, изменилась. Девочка по-прежнему лежала рядом: глаза закрыты, под глазами — черные тени, на животе нет кожи.

«Кто живой, вставайте и идите в подвал!» —услышала она мужской голос. Марита высвободила руку из-под головы ребенка. Встать не успела. Глухой рев, который, казалось, шел из-под земли, встряхнул зал — это по нему прокатился очередной взрыв.

Марита села.

— Ой-ой-ой! Сейчас нас убьют, — вскрикнула лежавшая рядом женщина, встала и побежала в сторону школьного коридора. Следом за ней устремилась вторая, без одежды.

Марита упала лицом вниз. Кто-то наступил ей на спину и, стоя так — одной ногой на ее спине, стал стрелять в окно. Горячие гильзы падали ей на бедра.

Вскоре стрелявший ушел.

Сверху упала балка и одним концом уперлась ей в ягодицу. Она ощутила тяжесть и чувство онемения. С трудом отодвинув ее, отползла в сторону.

Дальний угол зала горел. Женщина без ног страшным голосом кричала: «Изверги! Убийцы! Ироды!».

Террорист дал по ней очередь.

Марита лежала до тех пор, пока в зал не вошли спасатели.

В машине «скорой помощи» молодая женщина, рыдая, приговаривала: «Мои дети! Мои дети!».

Только тогда Марита вспомнила о своей дочери.

В больнице родственники осторожно расспрашивали ее о том, во что была одета Зарина и какие на ней были серьги.

Марита не знала, что ее дочь, выйдя из спортзала с группой заложников, пряталась вначале в актовом зале, потом — в столовой. И все это время она держала за руку мальчика лет шести, которого вывела из спортзала.

Зарина осталась жива.

Сима Богазова и ее дочь Фатима погибли.

А мальчиком, которого Зарина вывела из зала и оберегала в столовой, был первоклассник Алан Кокаев.

Татьяна ТЕТОВА

В последний день августа Татьяна Моисеевна купила помидоры для консервирования. Утром первого сентября встала пораньше, вымыла их и разложила в банки со специями. Через час она вернется из школы и зальет их рассолом.

Татьяна Моисеевна жила с младшей дочерью Валентиной, ее мужем Сергеем и десятилетним внуком Азаматом. Валюша была на последнем месяце беременности, и Татьяна старалась оградить ее от тяжелой домашней работы.

Из дома вышла за пятнадцать минут до начала праздничной линейки. Внук убежал раньше.

В школьном дворе Татьяну Моисеевну окликнул бывший директор школы Таркан Габулиевич Сабанов. Рядом с ним сидел бывший преподаватель истории Заурбек Харитонович Гутиев.

Со ступенек главного входа спустилась директор Лидия Александровна Цалиева.

У школьных ворот остановилась серая «ГАЗель», крытая брезентом. Из нее выскочили вооруженные люди. «Не пугайтесь, — крикнул один из вооруженных мужчин, — это акция».

— Это что такое? — услышала она возмущенный голос директора.

Татьяна Моисеевна вбежала в коридор и спряталась за входной дверью.

Террорист заглянул за дверь и угрожающе произнес: «Быстро выходи!».

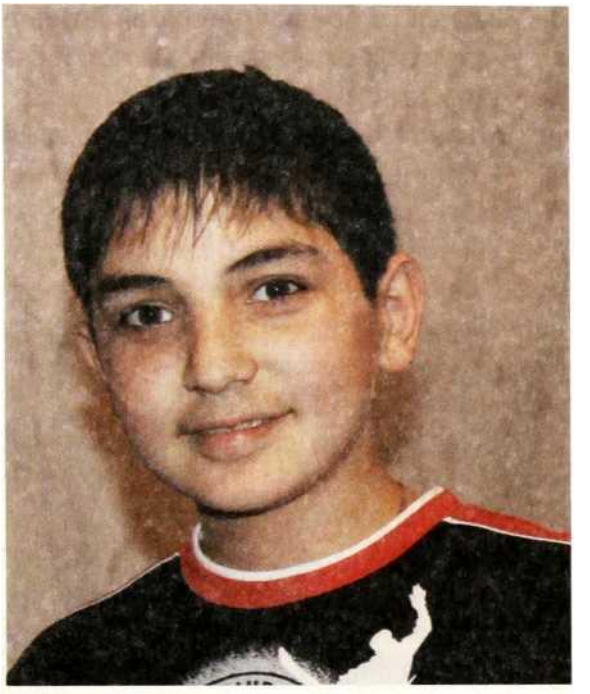
Это было похоже на кадры из фантастического фильма: в школе, где она проработала сорок лет, где все было подчинено строгому ритму учебного процесса, в мирное время, в праздничный день хозяйничали люди с оружием. Она с удивлением смотрела на них — многие боевики казались одного возраста с их старшеклассниками — коротко стриженные, в черных футболках, начищенной обуви.

В зале она долго не могла найти Азамата. Вечером, подняв руку как школьница, обратилась к одному из террористов: «Я внука потеряла.
Помогите мне найти его».

— Как его фамилия?

— Азамат Тетов.

Террорист ушел в другой конец огромного, как палуба океанского лайнера, зала и вскоре вернулся с Азаматом.



Азамат

Внуку не сиделось на месте. Он уходил с мальчиками в поисках воды. «Мы хотели убежать, — признался он потом. — Но террористы были везде».

Когда заложников перестали пускать в душевую, Земфира Агаева тайком стала давать детям грудное молоко. Дважды пил молоко и Азамат.

Рита Урманова плакала — ее мужа Сергея Урманова увели. «Я хочу быть с ним! Я хочу умереть с ним. Я без него жить не смогу!» — причитала она.

Пришел Руслан Аушев. Молодые боевики, как показалось Татьяне, смутились под его взглядом.

Азам опять ушел в поисках воды. Удержать внука было невозможно, все происходящее казалось ему интересным приключением.

Вечером в тренажерном зале она снова обратилась к боевику, который в первый день нашел ей Азамата: «Я опять потеряла внука». Он, не спросив ни фамилии, ни имени, ушел и привел его. Это был тот молодой террорист, который ни разу за три дня не снял маску и тайком от товарищей разрешал заложникам пить воду.

На третий день Азамат сказал: «Давай сходим к Залине».

Залина, старшая дочь Татьяны, жила недалеко от школы.

«Сегодня будет штурм, — сказали террористы. — Но знайте: пока ваши будут штурмовать, мы уничтожим вас всех».

Дрогнула земля, как во время землетрясения, и Татьяна Моисеевна уснула. Проснувшись после второго взрыва, увидела, что на ней загорелось платье и с нее сбивали пламя. Рядом парень прятал под собой ребенка. «Не поднимайте голову», — предупредил он Татьяну.

«Выходи, сгоришь», — сказал Татьяне Моисеевне один из террористов.

В столовой их посадили на пол и сказали: «Если будут стрелять с улицы, кричите, что здесь свои».

Татьяна Моисеевна лежала под самым окном.

— Встань и скажи им, чтобы сюда не стреляли, — сказал ей боевик. — Ты пожилая. Тебя послушаются.

— Яне могу, — ответила она.

— Живой ты отсюда не выйдешь, — угрожающе произнес террорист.

Молодому боевику пуля попала в правую руку. Он переложил автомат в левую и продолжал отстреливаться. Вторая пуля попала ему в голову. Он упал на пол рядом с Татьяной.

В окно влетела дымовая шашка, клубы черного дыма заполнили столовую.

Террористы убежали.

Только оказавшись в больнице, Татьяна Моисеевна вспомнила про своего внука.

— Не жилец, — услышала она голос врача.

Это говорили о ней.

Тем временем Валентина с мужем искали Татьяну Моисеевну и Азамата по больницам. Азамата нашли в морге. Он был жив. Через несколько дней его в числе других тяжелобольных детей отправили самолетом в Москву, в 9-ю городскую детскую клиническую больницу. Вместе с ним уехала сестра Вали — Залина.

— Ранения Азамата были сопоставимы с ранениями, полученными военнослужащими во время боевых действий, — сказал о нем главный врач больницы Петр Павлович Продеус. — Мальчик держался очень мужественно: «Делайте всё, что нужно. Я все выдержу. Я — мужчина, я — осетин», — говорил Азамат.

Выздоровление было очень долгим. Несколько месяцев Азамат мог передвигаться только в инвалидной коляске.

Первого октября 2004 года Валентина родила сына. Имя ему дал Азамат, назвав брата Русланом — в честь своего лечащего врача Руслана Сергеевича Кцоева.

Вера САЛКАЗАНОВА

Вера

В молодости Вера много ездила по стране: строительно-монтажный поезд, в котором работал муж, строил железные дороги. Так, на колесах, живя в полувагоне, супруги растили двоих детей.

У мужа была возможность получить квартиру в Сочи. Но их тянуло домой, и они вернулись в Беслан.

В семье появились еще трое детей.

Все дети выросли, выучи лись. Дочери вышли замуж. Старший сын, Владимир, после окончания сельхозинститута уехал в Рязанскую область, женился на русской девушке. Средний, Валерий, тоже обзавелся семьей и жил с женой и двумя детьми недалеко от отцовского дома.

Вера похоронила мужа и жила с младшим сыном Сергеем.

Первого сентября ее внук Руслан, сын Валерия, шел в первый класс.

Утром Вера по давней привычке спустилась во двор трехэтажного многоквартирного дома, где у нее был разбит цветник.

— Бабуля, а ты с нами в школу не идешь? — услышала она голос невестки. Красивые и нарядные, у подъезда дома стояли невестка Лариса, первоклассник Руслан и четырехлетняя Рада. В руках у Руслана был огромный букет цветов.

— Придется взять с собой в школу и Раду, — сказала Лариса. Детский сад не работает.

Вера поднялась в квартиру, быстро собралась, и через двенадцать минут они были в школьном дворе.

— Познакомьтесь со своими внуками, — сказала Вера первой учительнице Валерия Розе Тимофеевне Черджиевой.

Лариса Салказанова с сыном Русланом.

Роза Тимофеевна поздравила маленького Руслана с началом учебного года и ушла к своему классу. А Вера с Радой направились туда, где стояли дети и родители. Им тут же уступили место.

Мероприятие еще не началось. С головы Рады слетела панамка, и Вера наклонилась, чтобы поднять ее. Когда разогнулась, увидела у школьных ворот машину. Но не это удивило ее — мало ли машин подъезжает к школе! Удивила ее огромная связка шаров, которую выпустила из рук 1 сентября 2004 года незнакомая женщина. Такого зрелища Вера не видела ни на одном школьном празднике, а было их в жизни ее детей, которые все окончили эту школу, немало.

Потом внимание ее привлек мужчина, который быстрым шагом обходил школьный двор слева. На лице его была маска, в руке — автомат. Все, кто был во дворе, побежали в разные стороны: одни — к воротам, другие — в школу.

Вера едва удерживала на руках Раду: девочка была крупной, а Вере незадолго до этого удалили часть молочной железы — у нее был рак.

…У окна, через которое они должны были забираться в коридор, Вера под натиском толпы выронила из рук ребенка. Мужчина средних лет подхватил Раду, поставил на подоконник и подсадил Веру.

Это был Руслан Бетрозов.

Вера с ребенком оказалась в дальнем конце зала. Ларису и внука она не видела.

Первый день прошел в ожидании перемен. Распространился слух, что отпустят детей. Учителя по требованию террористов составили списки малышей дошкольного возраста. У Веры появилась надежда на то, что ее внуки уйдут домой.

Несколько раз куда-то уводили директора школы. «По телевизору говорят, что в зале всего 354 человека», — сказала Лидия Александровна, вернувшись.

Наступило утро второго сентября. Ребенок на руках у Веры плакал, он хотел есть, пить и просился в туалет.

— Помогите мне найти невестку, — попросила Вера одного из террористов.

— Встань, — сказал он.

Она встала и сразу же увидела Ларису, которая сидела у входа в кабинет учителей физкультуры под баскетбольным кольцом. Вера с ребенком перебралась к ней.

— Как вы думаете, что нас ожидает? — спросила Вера террориста с огромным шрамом на шее.

— Если наши требования не будут выполнены и если в дело вмешаются спецслужбы — все мы утонем в море крови, — сказал боевик.

В той части зала, где сидели Вера и Лариса с детьми, террористы заставили мужчин пробить в углу пол. «Там ничего нет», — сказал один боевик другому.

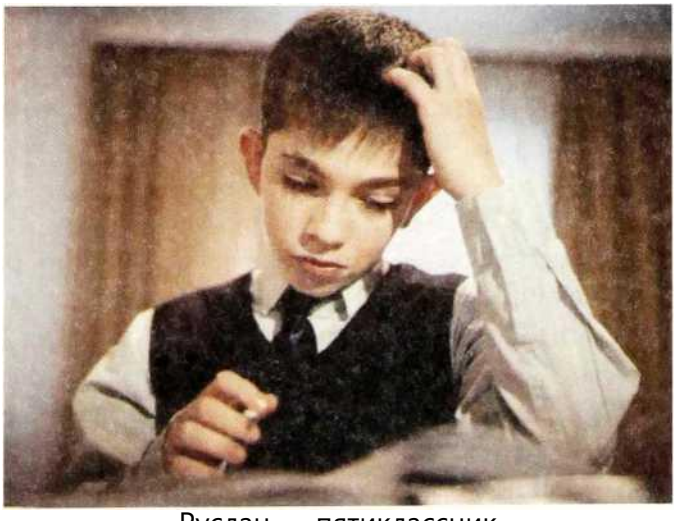
«Проверяют, есть ли внизу подвал», — догадалась Вера.

В зал пришел огромного роста мужчина с громадными ступнями.

Заложникам не разрешалось смотреть на него. Мужчина внес в кабинет физруков что-то похожее на большой чемодан. Она прислушивалась к их разговорам: ей показалось, что террористы собираются установить в кабинете какую-то аппаратуру или оружие, но у них это не получается.

Мужчина ушел.

Теперь внимание Веры привлекла молодая женщина в окровавленной юбке с грудным ребенком. В руке у нее была бутылочка с соской. Террорист с перевязанной рукой подошел к ней, отнял у нее бутылочку и спрятал. Ребенок зашелся в крике. Кто-то дал женщине крышечку от пластиковой бутылки, но пить из нее ребенок не мог. Ему нужна была соска.



Руслан — пятиклассник

Когда террорист с перевязанной рукой вышел из зала, Вера подошла к боевику «на педали».

«Отдайте женщине бутылочку, — попросила она. — Ребенка жалко».

Когда боевик сменился, он принес женщине бутылку с соской и «Сникерс».

На второй день Вера услышала рядом знакомый голос. Посмотрела вверх и увидела над собой Руслана Аушева, бывшего президента Ингушетии.

Его часто показывали по телевизору. Он, вероятно, не предполагал, что в зале столько людей, — на лице его отразилось удивление. Он постоял несколько минут и, сказав: «Мы поговорим», ушел.

Ночь со второго на третье Вера провела в тренажерном зале.

На третий день она собирала в детскую туфельку мочу для своих обессилевших внуков и растирала их обезвоженные тела.

На скамье, которая стояла под окном, освободилось место. Вера пересела туда. Ее невестка Лариса с детьми тоже пристроилась рядом.

Лариса была педиатром. В 1986 году она, выпускница Северо-Осетинского мединститута, уехала по направлению в Веденскую районную больницу Чеченской Республики. Через два года вернулась в Осетию, работала врачом в Беслане, а в последние годы — во Владикавказе.

Через несколько минут Лариса встала и вернулась туда, где сидела прежде, — под баскетбольное кольцо. «Там легче дышится», — сказала она.

Дети ушли за ней.

Сильный удар по щеке сбросил Веру со скамьи. Под ней шевелился маленький ребенок, который задыхался под ее тяжестью. Но те, кто лежал на самой Вере, не давали ей возможности подняться. Она втягивала живот, чтобы ослабить давление на малыша, пыталась приподняться, но дыхание ребенка уже прерывалось.

Кто-то резко дернул Веру за подол: над ней стоял молодой мужчина. Он перевернул ее и извлек из-под нее девочку лет трех, неестественно бледную, но живую.

Вера встала и прислонилась к стене. Масса людей, лежавших на полу спортзала, двигалась, как трава, которая волнами ходит под ветром, то поднимаясь, то опускаясь.

Где же ее внуки?

Держась за стенку, Вера посмотрела туда, где несколько минут назад сидела ее невестка. Лариса лежала на спине, раскинув руки и ноги. Изо рта у нее шла кровь. У Рады была оторвана рука и поврежден череп.

Рядом с ними неподвижно лежали учителя Дарима Батуевна Аликова и Алена Ахсарбековна Дзуцева.

У двери, ведущей в коридор, стояли двое террористов.

— И что мне теперь делать? — спросила их Вера.

Иди по коридору прямо, и тебе скажут, что делать, — ответил один из них по-осетински.

Потрясенная Вера не поверила своим ушам. Это был тот самый террорист, который все три дня стрелял поверх голов заложников и которого боялись все!

Вера пошла по узкому коридору, в котором стоял спортивный снаряд — бревно. В главном коридоре школы у окон, выходивших во двор, и у дверей кабинетов в шахматном порядке сидели вооруженные террористы.

Она дошла до помещения, в котором было около двухсот человек. Все они сидели на полу. Кто-то пил воду, зачерпывая ее из большого котла пластиковыми стаканчиками. От большого количества выпитой воды некоторых рвало.

— Где мы? — спросила Вера.

— В столовой.

Места, чтобы сесть, не было. Она прошла дальше и оказалась на кухне. В ней стоял разделочный стол, покрытый металлическими листами. Под ним прятались люди. Вера втиснулась под него и легла на пол.

Рядом лицом к ней лежала женщина, раненная в легкое. При каждом выдохе из ее горла вырывались брызги крови, которые попадали на лицо Вере. Но ни отодвинуться, ни отвернуться Вера не могла.

Пули, влетавшие в окна, отскакивали от металлической поверхности плиты. Они прыгали, как градинки во время летнего дождя, и каждая из них несла смерть.

Даже увидев спецназовца, она не верила еще в свое спасение.

В больнице Вере сказали, что ее внук Руслан жив. Она не поверила. Ведь он сидел рядом с матерью, а там живых не осталось!

1 сентября 2004 года.
Впервые за партой.

— Я бил маму по щекам, — рассказал ей потом семилетний Руслан. — Но она не просыпалась. Тогда я решил выбраться в окно, под которым была разрушена стена. Но там везде лежали люди. Чтобы не наступать на них, я добрался до окна кувырком. Во дворе меня взял на руки дядя. Я спросил его: «Ты не бандит?». Он сказал: «Нет».

Сыновья и дочери Веры не захотели оставлять мать в больнице и забрали ее домой. А на следующий день, в пять часов утра, Салказановы и их соседи проснулись от страшного, нечеловеческого вопля. Это был жуткий вой человека, у которого была

ранена душа.

«Скорая» увезла Веру в больницу. Домой она вернулась только в конце декабря.

Через несколько дней после теракта Салказановым позвонили из прокуратуры: в спортзале найден фотоаппарат, уцелевший в пожаре. На распечатанных снимках была счастливая Лариса с первоклассником Русланом и маленькой Радой.

В последующие годы Вера перенесла еще две операции.

Она растила внука Руслана. Он хорошо учился, стал чемпионом района по шахматам в своей возрастной группе, занимался в секции восточных единоборств.

Младший сын Веры, Сергей, женился.

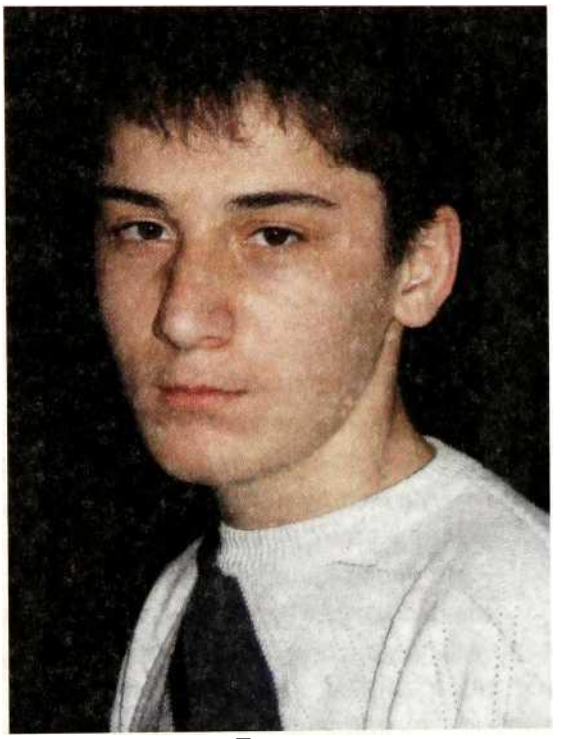
Вера по-прежнему часами занималась любимым делом — ухаживала в общем дворе за цветами.

— Умирать мне пока нельзя, — говорила она. — Мне надо еще поднимать внука.

Ее не стало в апреле 2011 года.

Утро 1 сентября 2004 года. Вера с внуками. Слева — Лариса

Тимур АЛЕРОЕВ


Тимур

Незнакомый мужчина рукой, завернутой в тряпку, выбил оконное стекло и помог третьекласснику Тимуру подняться на подоконник. Он спрыгнул, побежал в сторону столовой и оказался в «темном», как он его называл, коридоре. Здесь даже в солнечный день стоял полумрак и всегда горели электрические лампочки.

Тимур подбежал к открытому окну, которое выходило во внутренний дворик школы, и выпрыгнул. Отсюда до калитки, ведущей во двор соседней пятиэтажки, всего несколько метров.

Навстречу, со стороны калитки, шел человек в камуфляже, с пистолетом в руке и что-то кричал. Старшеклассник, который бежал впереди Тимура, поднял руки вверх, а Тимур стремительно влез обратно
вто же окно.

В «темный» коридор выходили двери нескольких кабинетов. Из одного выглянула женщина и позвала его: «Сюда!». Следом за Тимуром в кабинет вошел старик в пиджаке, увешанном орденами и медалями. Женщина придвинула парту и заложила ею дверь.

Со двора доносились оглушительные звуки автоматных очередей, что-то ударило в окно кабинета, и битое стекло со звоном посыпалось на пол.

Мальчик рядом с Тимуром испуганно заплакал. Тимур не сразу узнал в нем брата своей одноклассницы Наташи Замесовой Игоря. Тимур об нял его и сказал: «Не надо. Все будет нормально». Мальчик немного успокоился, но его била дрожь.

Снаружи толкнули дверь, потом по ней забарабанили чем-то тяжелым: «Откройте и идите в спортзал!».

Все притихли.

«Откройте или будем стрелять!» — опять крикнули из коридора.

Тимуру казалось, что все это он видит во сне.

Женщина, которая завела его в кабинет, подошла к двери и отодвинула парту. На пороге появились двое мужчин в камуфляже, один из них — бородатый, с повязкой на голове. На повязке виднелась надпись арабскими буквами. На шее у него был синий шарф, а в руках — пулемет.

— А вы нас не убьете? — спросил бородатого Игорь Замесов.

— Если будете хорошо вести себя, то не убьем.

Места в спортзале уже не было. Тимур повернул направо от двери и сел под первым окном, выходившим во внутренний двор школы.

Он был совершенно один в этой огромной массе незнакомых людей. Не видно было ни учителей, ни одноклассников, ни знакомых. Не было и старшего брата, восьмиклассника Ахсара, который ушел в школу раньше него.

Было душно. Рубашку Тимур снял еще в кабинете — она была почему-то в крови. Пионерский галстук тоже снял и спрятал в карман. Теперь он был в брюках, носках и туфлях. Но снять их не решался — вдруг потеряются? Как он тогда пойдет через центр города домой в трусах и босиком?

Через некоторое время Тимур увидел в нескольких шагах от себя старшего брата. Ахсар позвал его, сел, прислонившись спиной к стене, посадил Тимура между ног и накрыл его пиджаком.

— Мне жарко, — сказал Тимур.

— Не раскрывайся, — ответил Ахсар. — Может начаться штурм.

Тимур смотрел в сторону входной двери, ведущей во двор. Ее закладывали партами. Один из террористов подбежал к двери, толкнул ее ногой и стал стрелять во двор. На боевике — камуфлированная маска, которая сильно стягивала шею. Но в отличие от остальных он ни разу ее не снял. На ногах у него были синие женские кроссовки, которые очень насмешили Тимура.

Рядом с Тимуром сидел мальчик лет десяти с мамой и бабушкой. В первый день, вечером, мама увела его в душевую, а через несколько минут оттуда послышался громкий хлопок.

Бабушка громко заплакала.

Когда мальчик вернулся, голова его была в крови, а на маме окровавленной была вся одежда. Они что-то рассказывали бабушке, но Тимур ничего не понял.

Вечером в зал пришел мужчина со страшным вытекшим глазом и почти упал рядом с ним. От мужчины почему-то пахло серой.

Тимура с братом заметила врач Лариса Мамитова, которая работала в отделении «Скорой помощи» с их мамой. Она дала Тимуру какую-то

таблетку. Запить ее было нечем, и он просто разжевал ее. Лекарство было очень горьким.

«Вечером я попрошу, чтобы вам разрешили поспать в коридоре», — сказала она.

Но Тимур, не дождавшись ее, уснул там, где сидел.

Сон был тяжелый и черный.

На второй день Тимур вышел выпить воды.

«Не пей много, кушать захочешь», — сказал ему незнакомый мальчик.

Кушать Тимур хотел уже давно. Ему вспомнились пироги, которые утром, перед их уходом, испекла бабушка Фатима. Пироги были вкусные, из свежего домашнего сыра.

Тимур заглянул в один из кабинетов. Там стояли женщина и трое детей. Женщина подозвала его и высыпала ему на ладонь сахарный песок из прозрачного пакетика. Тимур спрятал сахар в карман.

Женщина протянула ему лист комнатного растения. «Съешь его», — сказала она.

Лист был крепкий, хрустящий и очень вкусный.

Все вокруг стало чужим и неузнаваемым, он заблудился и вместо того, чтобы свернуть в сторону зала, пошел дальше, в главный коридор. Террорист, сидевший на стуле у окна, строго окликнул его: «Ты куда? Заблудился, что ли?».

Тимур побежал обратно.

Когда он вышел из зала второй раз, террорист с перевязанной рукой сказал: «Увижу тебя здесь еще раз — убью».

Его окликнула мать одноклассницы: «Если бы ты принес моей девочке хоть немного воды во рту...».

Но выйти еще раз Тимур не решился.

Распространился слух, что ведутся переговоры и заложников, возможно, будут отпускать.

Пришел Аушев, и обрадованные люди зааплодировали.

В ожидании того момента, когда их начнут отпускать, Тимур все время спрашивал у сидящего рядом старшеклассника, который час.

В зале появился мужчина лет тридцати пяти, не похожий ни на одного из террористов. У него были аккуратная бородка и красивые длинные волосы. На черном плаще — надпись на арабском языке, из-под плаща виднелась сабля в черных ножнах. Мужчина прошел по проходу через весь зал, подошел к боевику в камуфлированной маске, поговорил с ним несколько минут и ушел обратно.

На третий день каким-то внутренним чутьем Тимур понял: никаких переговоров не будет и их не отпустят. И впервые за эти три дня он громко, без слез, заплакал навзрыд. В невыносимой духоте спортзала ему вдруг стало холодно, его била дрожь, поднялась температура.

Очень хотелось пить. Он взял пустую пластиковую бутылку, пописал в нее, попробовал выпить.

Брат не выпускал Тимура из рук. Но он решительно высвободился, встал, прошел в тот угол, где были свалены сумки и пакеты, и лег на них.

Он то ли уснул, то ли потерял сознание. Очнулся от того, что брат поднес к его носу ватку, смоченную нашатырным спиртом, и влил ему в рот жидкость, горькую и обжигающую. Это была водка, которую вместе с шоколадной плиткой Ахсар нашел в одном из пакетов. Тимур выплюнул ее и снова лег на сумки, где никому лежать не позволялось. Женщины что-то говорили ему, но он их не понимал.

Брат сел на подоконник недалеко от него.

После взрыва Тимур открыл глаза. Темноту зала прорезал луч света из неплотно прикрытой входной двери. Потрогал ухо — из него выпало что- то белое и непонятное.

Террорист, сидевший «на педали», завалился набок и слегка откинулся назад.

Тимур встал и вышел во двор. Он пробежал мимо котельной, за которой толпились люди с видеокамерами, и устремился вдоль маленькой улочки. Рыжеволосый мужчина крепкого телосложения подхватил его на руки и понес бегом к машине...

Белла ДЗЕСТЕЛОВА

Белла и её дочь Залина Амирханова

— Бабын стаем! («Мы погибли!») — причитала директор школы Лидия Александровна, вернувшись из учительской, куда ее выводили звонить президенту республики. Террорист толкнул ее в спину прикладом: «Сколько раз повторять, чтобы вы не говорили по-осетински!».

Директор, продолжая причитать, прошла по проходу через зал и села на свое место.

— С ними никто не выходит на связь, — сказала она окружающим.

Но даже тогда Белла не сомневалась: все будет хорошо, их отпустят.

Белла Дзестелова жила в селе Новый Батако, но работала в Бесла не бухгалтером в редакции районной газеты. Она одна растила сына и дочь — Алану исполнился уже двадцать один год, а Залина перешла во второй класс.

Белла перевела дочь в первую школу, рассудив, что девочка после занятий сможет приходить к ней на работу. Дома за ней некому присмотреть — Алан учится в институте.

От редакции до первой школы — пять минут ходьбы.

— Мама, я не пойду без тебя, — заупрямилась Залина утром первого сентября.

— Мне надо начислить зарплату, — хотела возразить Белла, но решила, что эти полчаса ничего не изменят. — Хорошо, я иду с тобой, сказала она.

.От жажды в горле стоял ком. Белле казалось, что там все распухло и

дыхание ей вот-вот перекроет.

— Я умираю, — сказала она Валерию Муртазову, который с женой и тремя детьми сидел рядом. Валерий протянул ей крошечный пузырек из-под лекарства: «Сделай глоток».

Белла уверена: этот глоток воды спас ее от смерти.

Ночью ей с Залиной разрешили перейти в тренажерный зал.

Террорист загородил вход в душевую телевизором и сказал: «Кто войдет — расстреляю. Присмотри за ними, — бросил он второму боевику. — Я сейчас вернусь».

После того, как он ушел, второй боевик отставил телевизор в сторону и сказал: «Пейте быстро, пока его нет».

Злой отсутствовал минут сорок.

На третий день Белла смогла прилечь. Прижав к себе дочь, она уснула. Кто-то наступил ей на бедро. Она подняла голову: заложники прыгали в окна, а так как она лежала под самым окном, наступали на нее.

Белла встала и подсадила на подоконник Залину.

«Нет! — кричала девочка. — Я боюсь!».

Кто-то столкнул ее, она свалилась на землю, потом встала и побежала.

Белла не смогла взобраться на подоконник — он был очень высоким для ее небольшого роста. Она отошла от окна на середину зала, опустилась на колени и стала громко молиться. Белла просила Бога помочь ей остаться в живых. Потом, обессиленная, умолкла. «Не молчите, — сказала ей русская женщина, лежавшая рядом, — говорите что-нибудь».

Террорист вывел из тренажерного зала заложников.

— Вставайте и идите в столовую, — сказал он, оглядывая на ходу зал.

— Помогите мне, — попросил Беллу молодой мужчина. — Возьмите мою девочку, а я заберу вот этого мальчика.

Белла с трудом подняла девочку лет семи, а мужчина понес следом за ней мальчика. В столовой он положил малыша на снятую с петель дверь. Белла опустила рядом с ним девочку и прошла на кухню.

Начался обстрел, и террорист приказал всем ложиться на пол. Она села возле разделочного стола, под которым прятались женщины и дети. С краю неподвижно лежала пожилая женщина, из-под нее выглядывал мальчик.

Одна из женщин забралась в металлическую емкость для теста и прикрылась сверху крышкой.

Под окном лежали преподаватель физкультуры Александр Цаголов и террорист Нурпаши Кулаев, который успел переодеться в спортивные брюки и футболку. К нему подошел один из боевиков и что-то долго говорил не по-русски. Нурпаши молча кивал головой.

Взрывом сорвало решетку с одного из окон. На нее взобрался мальчик лет восьми. Он упал и остался лежать на решетке.

— Ты же скажешь своим, чтобы меня не трогали, что у меня не было

оружия? — говорил Цаголову Кулаев. — Я же ни в кого не стрелял...

Пули рикошетили от стен и металлических предметов. Одна из них попала в Беллу и раздробила ей тазобедренный сустав.

— Я ранена, — сказала она Эльвире Кусаевой, — не оставляй меня...

— Меня тоже ранило.

Когда в столовую проникли спецназовцы, Белла встала и на одной ноге добралась до окна.

Ее внесли в первый от школы дом Кадиевых. Белла лежала на белоснежных подушках и с ужасом смотрела на то, как они пропитываются кровью. Нога съехала куда-то в сторону и свесилась вниз.

— Принести вам воды? — спросила ее маленькая девочка.

— Нет. Лучше подними мне ногу.

Бой в школе продолжался. Испуганные заложники сидели на полу комнаты и жались к стенам. Их группами выводили на улицу и отправляли на машинах в больницу.

Белла осталась одна. В комнату вошла ее знакомая — в одних трусиках и джинсовой блузке. Не замечая ее, подошла к зеркалу, оглядела себя, поправила волосы, провела рукой по лицу.

— Посмотри, что они со мной сделали, — заплакала Белла.

Женщина окинула ее взглядом, ахнула, прижав ладони к щекам, и молча вышла из комнаты.

Белла пробыла в больнице несколько месяцев. Раздробленный тазобедренный сустав ей заменили на титановый.

Она попыталась разыскать ту маленькую девочку, которую вынесла из зала в столовую. «Она умерла», — сказали ей.

Дзерасса БУДАЕВА

Лера и Дзера

Вылет самолета из Турции задерживался. Время близилось к полуночи. Олег Александрович опять позвонил в справочную службу аэропорта «Владикавказ». Ответ был тот же: «Самолет еще не вылетел».

Его семья отдыхала в Анталии. Билеты обратно взяли на конец августа с таким расчетом, чтобы дети успели подготовиться к школе.

Племянница Олега Александровича, Кристина Казахова, которая приехала погостить к дяде из Москвы, задремала, сидя в кресле. Внезапно она проснулась и испуганно оглядела комнату.

— Что с тобой? — спросил ее Олег Александрович.

— Я видела во дворе много людей и два гроба. Обсуждали, как хоронить: вместе или по отдельности и будет ли третий.

Олег Александрович ощутил легкое беспокойство.

В полночь он опять позвонил в справочную аэропорта.

«Самолет вылетел», — ответили ему.

В три часа ночи лайнер из Турции совершил посадку в Беслане с десятичасовым опозданием. У Олега Александровича отлегло от сердца: жена и дети наконец-то дома.

Утром первого сентября Олег Александрович уехал на работу. Он был директором Бесланского маисового комбината, который до перестройки считался крупнейшим в Европе.

Водитель Батраз Туганов вернулся, чтобы отвезти детей: семиклассника Азамата — в четвертую школу, пятиклассницу Дзеру — в первую, а трехлетнюю Валерию — к няне.

В последний момент жена Олега Александровича Альбина решила взять Валерию с собой в первую школу на праздник.

Дзера побежала в класс своей первой учительницы Марины Хаирбековны Кануковой — ее первоклассники неделю готовились к празднику. Марина Хаир- бековна попросила Дзеру нести перед колонной детей маленькие шарики, из которых было составлено сердечко и «1 «б»».

Олег Александрович и Альбина

Дзера вместе с малышами спустилась со ступенек главного входа и остановилась у здания начальной школы.

Мимо прошли мужчины в масках с автоматами. Она испугалась, бросила шарики и побежала в сторону спортивной площадки.

Маму с Лерой нашла только в школьном коридоре.

Они сидели возле шведской стенки, недалеко от боевика «на педали». Рядом — Сима Аликова с дочерью Ириной Березовой.

Лера в отличие от других маленьких детей не плакала — она спала на руках у мамы.

— Ты устала, дай я ее подержу, — сказала Дзера.

Альбина осторожно переложила Леру на руки дочери, но та проснулась и потянулась к маме. Она спала все три дня.

Дзера внимательно смотрела на молодого боевика, который держал ногу на «педали». Лицо он не открывал. Только иногда приподнимал край маски. И вдруг вспомнила: она видела его на улице, когда гуляла с подружкой Кристиной Фарниевой!

Переглянувшись с Кристиной, Дзера поняла: она тоже узнала террориста.

Боевик, заметив пристальный взгляд Дзеры, опустил маску.

В ночь на третье мамина знакомая отвела Дзеру и Леру в тренажерный зал и попросила боевика дать им воды. Он дал, но Лера пить отказалась. Они вернулись к маме, и Лера опять уснула.

Утром к Альбине подошел террорист с перевязанной рукой — Абдулла. «Заберите детей и идемте со мной в учительскую», — сказал он.

Они вышли в коридор. Под ногами хрустело битое стекло. Абдулла принес Альбине чьи-то сабо. «Обуйтесь, — сказал он, — ноги пораните».

Она надела сабо и пошла за боевиком на второй этаж.

— Ваш муж директор БМК? — спросил Абдулла, когда они поднимались на второй этаж.

— Да, — испугалась Альбина. — А что, он хочет прийти сюда вместо нас?

— Нет, сюда уже никто не войдет и никто отсюда не выйдет, — сказал Абдулла.

В учительской на диване сидели дети Таймураза Мамсурова Замира и Зелим, директор школы Лидия Александровна и внук директора Бесланского автопредприятия Владимира Ходова Вова.

Дзера и мама с Лерой на руках тоже сели.

Вова Ходов казался очень веселым. Он садился то на диван, то на стул, то опускался на корточки.

— В лаборантской есть вода. Может, дать детям? — спросила директор.

— Её уже нет.

Полковник включил телевизор. На первом канале шли девятичасовые новости. Дзера увидела Беслан, Дворец культуры, тысячную толпу людей, потом сцену, на которой стоял детский врач Леонид Рошаль. Он говорил о том, сколько дней дети могут выдержать без воды.

«Всё. Идите в зал!» — резко сказал террорист.

Они спустились на первый этаж, и Альбина попросила Абдуллу:

— Можно я с детьми посижу в коридоре?

— Можно.

Альбина вывела из зала Ирину Березову, дочь Симы Аликовой, и села с детьми на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж.

Минут через пятнадцать пришел Абдулла. «В зале становится беспокойно, — сказал он. — Вам лучше вернуться туда».

В спортзале они опять сели недалеко от террориста «на педали».

Дзера вспомнила дом, Азама, представила, как переживает за них папа, и заплакала. «Успокойся, — сказала мама, — ты же сильная».

Мама никогда не ругала их. Она всегда разговаривала с детьми как со взрослыми. Дзера и Азамат пошли в нее, такие же сдержанные и серьезные, а маленькая Лера — веселая, в папу.

Дзера перестала плакать.

Боевики к чему-то готовились. Они пересадили детей от родителей. Дзера оказалась в том углу, где сидел террорист «на педали». Через некоторое время мама подозвала ее к себе. Но минуты за три до взрыва опять велела пересесть подальше.

Это спасло Дзеру.

...Сверху что-то посыпалось, потом упало. Она продолжала лежать. Двигаться не хотелось. Потом ей показалось, что кто-то поднял ей голову и повернул вправо. Там, где все эти три дня был террорист «на педали», а рядом сидели дети, бушевало пламя.

Дзера выбралась через этот пролом

Она села и стала снимать с себя вещи. Глаза болели, и все, что было вокруг, она видела смутно. Опять кто-то, как ей показалось, повернул ей голову влево.

Под первым от шведской стенки окном в разрушенной стене виднелась небольшая щель. Дзера направилась к ней. Щель была узкая. Она с трудом протиснулась в нее и оказалась на земле. Запах травы был таким сильным и новым, что ей показалось: она ощутила его впервые в жизни.

Немного полежав, Дзера встала. Куда идти? Вспомнилась телевизионная картинка: сотни людей у Дворца культуры.

Надо идти туда.

Глаза болели, словно в них был песок. Она шла и не могла понять, что у нее с ногой. Это сломанная голень выворачивалась при ходьбе. Дышать было трудно — в левом легком был осколок.

Впереди бежали девочка-старшеклассница и маленький мальчик. Старшеклассница на бегу взяла Дзеру за руку и увлекла за собой. Миновав ворота, они устремились дальше вдоль маленькой улочки с частными домами. Мелкие камушки впивались в ступни.

Навстречу бежали мужчины. Один из них подхватил Дзеру на руки и понес к машине — это был джип президента Южной Осетии Эдуарда Кокойты. Мальчик и девочка-старшеклассница, которая помогала бежать Дзере, объясняли водителю, как доехать до больницы. В руках всех троих оказались бутылки с водой, они пили и не могли напиться.

Вода выплеснулась и пролилась на ногу Дзере. Ее пронзила резкая боль. Водитель, заметив, что она теряет сознание, стал ее громко о чем-то спрашивать, но Дзера плохо понимала его.

— Я буду жить? — неожиданно спросила она.

— Да-да!

Дзера потеряла сознание. Пришла в себя на больничной каталке. Ее везли. Куда — она не видела, глаза уже не открывались, потому что в них были мелкие осколки.

— Где мама и Лера? — спрашивала она.

— Они в больнице, — сказали ей, — но ходить и разговаривать не могут.

— А где Ирма Дзагоева? Что с ней?

Ирму Дзера увидела впервые в спортзале. Красивая и ласковая девушка, которая выводила детей группами в душевую, особенно запомнилась ей.

— С ней все хорошо.

— Никто не умер?

— Нет. Все живы и здоровы.

Дзера уснула. Ей приснилась мама. Она вошла в комнату с Лерой, но с ребенком что-то было не так.

— Мама, что с Лерой? Что вы от меня скрываете?

— Мы пока не хотим говорить тебе, — сказала мама.

Девятого сентября Дзеру отправляли в Москву. «Скорая», которая везла ее в аэропорт «Владикавказ», внезапно остановилась: дорогу ей преградила «ГАЗель», водитель которой разворачивал машину возле нового кладбища. Если бы Дзера приподняла голову, она увидела бы в нескольких шагах от дороги два свежих холмика, усыпанных цветами, — могилы мамы и Леры.

Кладбище

В конце сентября Олегу Александровичу приснилась Альбина. «Скажите Дзере, что нас уже нет в живых», — попросила она.

И Дзера узнала то, о чем давно догадывалась.

Из больницы ее привезли в опустевший дом. Японский бонсай — маленькое, причудливо изогнутое дерево в цветочном горшке, — который мама поставила в Лериной комнате, умер. Умерли и цветы, которые мама посадила во дворе. И только в палисаднике перед домом еще пышно цвели розы, которые так любила Альбина.

Не стало Симы Аликовой и ее дочери Ирины.

Из одноклассников Дзеры погибли шестеро.

Погиб и водитель отца Батраз Туганов.

Через шесть лет Дзера окончила с золотой медалью школу и стала студенткой Российской экономической академии народного хозяйства имени Плеханова.

*

Четвертое сентября. Школьный двор

Оксана ДЗАМПАЕВА

Дзампаевы живут в переулке Школьном. Основное население этого короткого, метров в сто, переулка — жители трех пятиэтажных домов. В общем дворе дети вместе играют, ходят в одну школу. Взрослые знают не только друг друга, но и то, чей ребенок в каком классе и как учится.

В первый класс в этом году идут Диана Аликова, Саша Цгоев, Тимур Хумаров, Дамир Биченов, Алан Гаппоев и старшая дочь Оксаны Дзампаевой Ирланда. Знают соседи и то, что Алан Гаппоев подвернул ногу и мама Найда первого сентября его в школу не ведет.

— Ты не представляешь, какая я красивая, — сказала по телефону бабушке Анне Аликовой Ирланда. — Обязательно приходи на праздник.

Ирланда от радости не смогла в тот день даже позавтракать. Оксана не стала ее заставлять, ведь в школе они задержатся недолго.

Подруга Оксаны, Регина Кусаева, дети которой тоже учились в этой школе, дала ей видеокамеру, и она, пройдя вперед, снимала детей и родителей. Вот идет Зинаида Томаева со своей единственной дочерью Мадиной. Мадина уже большая, и Зина с ней в школу ходит редко. Но в этот день и она не удержалась: праздник обещал быть интересным.

Ирланда и Оксана

Не усидела дома и Найда — она идет, поддерживая Алана. Ее старший сын Сослан перешел в пятый. Найда — очень заботливая мама. Когда ее сыновья играют во дворе, она сидит на лавочке с бутылкой теплой кипяченой воды, чтобы разгоряченные мальчики не выпили холодной и не заболели.

Вышли Жанна Алико-ва с дочерью Дианой.

Залина Левина шла с двухлетней внучкой Аминой.

Жанна Дзгоева из тридцать седьмого дома фотографировала своих девочек Залину и Фатиму.

Первоклассник Берд Кусов

— Осталось еще несколько кадров, — сказала она.

— Давай я досниму пленку там, в школе, — предложила Залина Левина, и Жанна отдала ей фотоаппарат.

Оксана продолжала снимать, комментируя происходящее. От радостного возбуждения на ее глаза наворачивались слезы. Год назад, когда в первый класс шла дочь ее подруги, Оксана также плакала — всё, что было связано с ее любимой школой, вызывало у неё странное волнение и слезы.

Летом она каждый день приходила с детьми в школьный двор. Присев на ступеньку у входа в котельную, она смотрела, как ее малыши бегают по траве на спортплощадке.

— Сними моего Бердика с твоей Ирландой, — услышала Оксана голос Маруси Кусовой (ёе внук Берд тоже шел в первый класс).

Оксана включила камеру и услышала выстрел. Перед ней стоял мужчина в черной маске.

— В чем дело? — возмущенно произнесла она. — Что за шутки?

Она побежала с дочерью в сторону ворот, но навстречу ей шел человек с автоматом. Ирланда, вцепившись одной рукой в свои волосы, другой — в букет, истерично кричала: «Мама, в нас стреляют! Нас убивают!».

Оксана с трудом вырвала из ее рук цветы и бросила их на землю.

«Я не полезу в окно — я боюсь!» — кричала Ирланда.

В коридоре к Оксане подошел старший сын Найды, Сослан Гаппоев. Только оказавшись в спортзале, Оксана вспомнила про свою мать Анну, которая тоже собиралась прийти в школу.

Анна была в зале.

— У тебя камера не выключена, — сказала Ирланда.

Уговаривая окружающих выбросить телефоны и фотоаппараты, Оксана все это время держала в руках работающую видеокамеру.

— Давай сядем спиной друг к другу, — предложила Оксане Инга Гуркаева. В углу, справа от кабинета физруков, было очень тесно, и сидеть приходилось, прижав к груди коленки. Рядом плакала девочка лет восьми. Ее густые волосы рассыпались по плечам и прилипли к потному телу. Оксана придвинула ее к себе, собрала ей волосы в пучок и закрепила на макушке.

Ночью в проходе Оксана увидела Найду Гаппоеву. Она окликнула ее и сказала: «Твой Сослан здесь». Найда, казалось, не сразу поняла, о чем говорит Оксана, потом равнодушно ответила: «Ну хорошо. Пусть идет ко мне».

«Что же такое могло произойти с Найдой, чтобы она забыла о сыне?» — с удивлением думала Оксана.

Рядом сидела учительница начальных классов Эмма Хасанбековна Каряева с дочерью Кариной. Эмму Хасанбековну Оксана знала еще со школы, когда они, старшеклассницы, прибегали к молодым учителям пить чай.

— Мама, его забрали, — услышала она женский голос, в котором были слезы.

Это плакала Жанна Кониева. Ее мужа Казбека увели вместе с мужчинами.

— Не плачь, — успокаивала ее мать, Тамара Туаева. — Он обязательно вернется.

На второй день Оксане удалось перебраться туда, где сидела ее мать Анна. Но места там не было, и они с Ирландой решили вернуться обратно.

— Оксана, идите к нам, — позвала ее Анна Дзгоева.

Сын Анны, Аслан, который лежал рядом с матерью, подвинулся: «Пусть Ирланда полежит».

Рядом с Анной и ее тремя детьми — Ольгой, Ритой и Асланом — сидели сестры Дзгоевы, Залина и Фатима. У Оксаны был влажный носовой платок, которым она вытирала лица девочкам. «Оксана, вытри мне опять лицо своим платочком», — просила ее Залина.

Фатима начинала плакать, и младшая, Залина, успокаивала ее: «Ну что ты плачешь? Нас выпустят». И тут же, повернувшись к Оксане, спрашивала: «Оксана, ну когда нас выпустят?».

К ним подсела незнакомая девочка.

— Вы не знаете моих родителей? — спросила она и назвала имена отца

и матери.

— Нет.

— Как же нет? — удивилась девочка. — Их же все знают...

Оксана поняла: девочка была одна, ей хотелось внимания и заботы.

— Не надо мне по одному, — говорил кому-то по телефону террорист по имени Али. — Я сказал: Дзасохов, Зязиков, Аслаханов, Рошаль.

— О чем это он? — удивилась Оксана.

— Наверное, будет штурм, — ответила Анна.

— Это как?

— Это когда половина заложников остается в живых, а половина погибает.

Мать Оксаны, которая сидела недалеко от них, внимательно слушала незнакомого подростка. Мальчик что-то взволнованно говорил ей, вытирая слезы. Плакала и Анна.

— О чем он говорил? — спросила ее позже Оксана.

— Он сказал, что у его матери больное сердце и врачи сказали: малейший стресс может убить ее. Он боится, что она, узнав о том, что происходит в школе, умрет.

Мальчик назвал и имя, и фамилию, но Анна их не запомнила.

Рядом плакал ребенок лет двух. Кто-то дал ему конфету. Террорист, заметив это, отобрал ее и выбросил. Молодой боевик в маске, который держал ногу «на педали», сказал: «Когда он уйдет, поднимите ее и дайте ребенку».

В ночь на третье Оксана с матерью и Ирландой перешли в тренажерный зал. Девочка легла на холодный бетонный пол и уснула.

Молодой террорист с синяком под глазом разрешал пить воду. Он не произносил ни слова: просто жестами, приложив палец к губам, показывал в сторону душевой. Неожиданно вернулся «злой» террорист и, догадавшись, в чем дело, куда-то увел молодого. Вместо него пришел другой. Этот сел верхом на телевизор, стоявший на полу, и в душевую уже никого не пускал.

— А что будет, если все ваши мины взорвутся? — спросила его Оксана.

— Если они взорвутся, ты ничего не почувствуешь.— «Злой» резко повернулся к ней: — А ты когда-нибудь выходила на митинг?!

— На какой митинг? — растерялась Оксана.

— Против войны в Чечне!

Среди заложников распространился слух, что террористы расстреляли одного из своих. Оксана решила, что это был молодой боевик с синяком под глазом.

Когда их утром вывели в зал, Оксана с мамой и Ирландой оказались возле окна, под которым потом взрывом разрушило стену.

Рядом с ними сидели Тома Кодзаева с внуком Глебом Тотооновым. Внук был маленьким, она просто пришла с ним на праздник. Тома жила в одном

подъезде с Дзампаевыми.

«Почему ты не покрестишь Ирланду? — спросила она как-то летом Оксану. — Сон мне приснился: пришел ко мне нечистый, я его выпроводила, а он пошел к вам».

Оксана отвела после этого дочь в храм при Аланском мужском монастыре, и отец Герман крестил их обеих.

Незадолго до взрыва, весь избитый, пришел Казбек Дзарасов. Его мать Элла плакала: «Сыну плохо, что делать?».

Фатима Тебиева теряла сознание, и врач Лариса Мамитова дала ей ватку, смоченную в нашатырном спирте. Попросила ватку со спиртом и Оксана, завернула ее в целлофан и спрятала на всякий случай.

— Мама, мне плохо! — закричала вдруг Ирланда. — Где ты, я тебя не вижу!

— Я же рядом, доченька.

Оксана обняла её и легла рядом. Родственница мужа Заира Кокоева обмахивала их куском картона.

Они уснули обе.

Проснувшись, Оксана почувствовала, что стоит на четвереньках, упираясь в пол локтями и коленями. Что-то мелкое и острое впивалось в кожу. Она не могла понять: как дочь оказалась под ней, ведь перед тем, как уснуть, Оксана лежала на спине?

Она закричала, пребывая в полубеспамятстве, и крик ее странным эхом вернулся к ней. Глаза были широко раскрыты, но она ничего не видела: зеленая пелена отделяла ее от окружающего.

Оксана опять провалилась в сон. Когда проснулась, уже лежала на спине. «Кто меня перевернул?» — опять удивилась она и отчетливо услышала слова, произнесенные по-осетински: «В зале — две бомбы. Сейчас они взорвутся».

Открыв глаза, увидела террориста. Он ходил по залу и, держа автомат за дуло, бил сверху вниз прикладом лежавших на полу людей. «Живые есть? — спрашивал он. — Вставайте и идите в столовую».

Оксана испуганно прижала к себе дочь: «Не бойся. Если меня поднимут, ты замри, притворись мертвой».

Анна лежала, накрытая куском толстой фанеры.

Террорист до них не дошел. Мертвых в этом месте было много, и найти живых он, вероятно, не рассчитывал.

Уходя, террорист выпустил в зал автоматную очередь.

О каких бомбах он говорил? Оксана подняла голову и посмотрела туда, где в баскетбольных кольцах висели взрывные устройства. Одного из них не было, второе дымилось.

Она вжалась в пол, прикрыв собой дочь.

Прогремел взрыв. На спину Оксаны упало что-то тяжелое, в тело ей

словно вонзилось множество мелких гвоздей, дыхание перехватило. Между упавшей на нее плитой и спиной что-то задрожало, судорожно дернулось и затихло.

Анна сдвинула со спины Оксаны часть упавшего перекрытия. «Это на тебе умерла девочка», — сказала она.

Оксана услышала рев вертолетов, и сердце ее наполнилось радостью:

«Мама, потерпи, уже вертолеты прилетели. Сейчас нас спасут».

У разрушенной стены сидел мужчина и стрелял в окна второго этажа.

— Вы «наш»? — крикнула ему Оксана.

— Лежите, — ответил он, не переставая стрелять. А чуть позже: — Ползите в тренажерный зал.

Оксана ползла, лежа на спине и прижимая к себе Ирланду. Из окон второго этажа по залу стреляли террористы.

«Мама, ползи незаметно, — сказала она Анне. — Они нас видят сверху!».

Мальчик лет восьми со светлыми волосами неподвижно сидел в центре зала. Его руки лежали на вытянутых вперед ногах, глаза были открыты, немигающий взгляд устремлен в одну точку. «Живой он или мертвый?» — подумала Оксана. И решила: мертвый. Она проползла мимо; неподвижный мальчик проводил ее взглядом.

Оксана потеряла сознание, пришла в себя и опять поползла. Зал казался огромным, расстояние до тренажерного зала — бесконечным.

Второй военный стрелял из окна спортзала в сторону заднего дворика.

— Помогите! — кричала ему Оксана. — Возьмите у меня ребенка!

Она была уже у порога тренажерного зала.

— Помогите женщине! — крикнул военный.

Кто-то, сидевший в небольшом тамбуре, схватил её за руку, но, вскрикнув, выпустил: пуля попала мужчине в плечо. Оксану подхватил второй и втащил ее в маленький тамбур.

— Здесь раненый! — крикнул кто-то. — Унесите раненого!

Её передали в окно.

— Это же Оксана! — услышала она знакомый голос.

Сильные руки подхватили ее, перекинули через плечо. Мужчина бежал огородами, она висела головой вниз, ощущала запах травы и земли.

Ее нес Константин Батяев, сосед матери, но тогда она его не узнала.

Оксана, ее дочь Ирланда и мать Анна остались живы.

Найда Гаппоева, Зинаида Томаева, Тома Кодзаева и Анна Дзгоева с дочерью Ольгой погибли. Из сестер Дзгоевых выжила одна Фатима. Погибла девочка, которая подсела к ним и спрашивала, знают ли они ее родителей.

Не стало подружек Ирланды — Залины Дзгоевой, Мадины Томаевой, Аллы Дудиевой, Кристины Цкаевой, Аланы Доган, Зайки Кучиевой, Аланы Плиевой, Залины Албеговой.

После того, что пришлось пережить в спортзале, Оксана вывела для себя простую формулу счастья: это когда ты можешь вечером спокойно лечь в постель и прижать к себе своих детей.

— Мама, можно я поиграю с девочками? — попросила Ирланда, вернувшись из больницы.

Она вышла в опустевший двор, одиноко посидела на лавочке и, вернувшись, горько заплакала: «Мама, там никого нет. С кем мне теперь играть?».

Валентина ХОСОНОВА

По больничному коридору с грохотом проехала пустая каталка.

«Это террористы! Они уже здесь! Они пришли за нами!» — кричала Валентина. Резкий металлический звук всколыхнул в ее душе весь тот ужас, который она пережила в спортзале.

...Ослепительный фейерверк вспыхнул в ее глазах и внезапно погас. Это после взрыва на голову ей упал тяжелый светильник.

Она потеряла сознание.

Потом они с сестрой Леной лежали, спрятав под собой семилетнего Бориса. Боевики ходили по залу и собирали оставшихся в живых заложников.

... Отец Елены и Валентины, Павел Останний, приехал в Осетию в шестидесятых годах прошлого столетия. Поселился в мусульманском селе Заманкул. Его уважали. Он и его сыновья работали в местном колхозе, были передовиками.

Валентина и Борис

Семья придерживалась местных обычаев и традиций. Жена научилась варить пиво и печь осетинские пироги, дети лучше говорили на осетинском языке, чем на русском. И замуж дочери вышли за осетин: Валентина — за Казбека Хосонова, а Елена — за Артура Рубаева.

У Елены не сложилась семейная жизнь. Она развелась с мужем, когда ее сыну Борику было пять месяцев. Работала посменно на водочном предприятии, малыша почти не видела. Ребенка растила Валентина, которую Борик называл мамой.

В первый класс Бориса провожали обе мамы. Втроем они и оказалась в заложниках.

— Мама, мы умрем? — спрашивал их Борик.

— Что ты! — отвечала Лена. — Боженька нам поможет.

«Господи, — молилась Валентина. — Не дай мне умереть некрещеной!».

...Под Валентину и Елену заполз еще один ребенок. Террористы уводили в столовую оставшихся в живых заложников. Мимо прошла соседка Валентины Тамара Бероева с внуком Аланом. Борик зашевелился, вынырнул из-под женщин и устремился за Аланом. Лена попыталась удержать его, но не смогла.

Она встала и пошла вслед за ним.

«Подождите, куда вы?» — кричала Валентина. Но подняться не могла — не слушались ноги, и она поползла вслед за ними. Вскарабкалась на кусок потолочной обшивки, который лежал на ее пути, и увидела перед собой лицо своей односельчанки Риты Дудиевой, придавленной плитой.

Валя попыталась сдвинуть плиту, не сознавая, что лежит на ней. Сползла, потянула ее за край.

Впереди, у входа в школьный коридор, стоял боевик и высматривал в зале живых заложников. «Иди сюда», — махнул он рукой Валентине.

Она поползла к нему. Добралась до металлического сейфа и увидела мальчика лет пяти, который плакал и повторял: «Бабу...Там моя бабуля».

Это был внук Маруси Кусовой, Берд.

Валя подхватила мальчика и втащила его в кабинет физруков.

Лены и Бориса в кабинете не было. У стены сидела женщина в сиренево-свекольного цвета кофте.

Пули влетали в открытую дверь. Потом за стеной что-то взорвалось, и Валентине показалось, что сейчас обрушится стена. Она была уверена: это по ней бьет террорист.

— Посиди здесь, — сказала она Берду. — Он стреляет в меня. Пойду к нему, а то он убьет нас обоих.

Боевик был уже у пролома под первым окном. Он махнул ей рукой в сторону тренажерного зала. Валентина послушно поползла в ту сторону. «Ну что он гоняет меня? — думала она. — Пристрелил бы сразу».

Боевик был какой-то незнакомый — такого в зале она не видела ни разу.

Из тренажерного зала вышел мужчина в камуфляже и махнул ей рукой: «Сюда!».

Необъяснимая сила заставила Валентину ползти вперед, через весь зал.

Ее подхватили, внесли в тренажерный зал, передали в окно. Она оказалась в чьем-то гараже, где забилась под полку. Недалеко сидела директор школы Лидия Александровна. Она смотрела прямо перед собой и никого не видела.

...Лена и Борик оставались в столовой.

Лена стояла в оконном проеме и размахивала куском шторы. Бориса и еще одного мальчика кто-то из террористов посадил в небольшое подсобное помещение рядом с туалетом.

«Я не боюсь, — повторяла Лена. — Я не боюсь. Мне не страшно».

О смерти сестры Валя узнала четвертого сентября.

Лицо Лены было в синяках и искаженным от боли. Но им завидовали — они хоронили ее в открытом гробу.

Валя не плакала. Она могла только кричать. Целый год в ее выгоревшей от боли и страдания душе не было слез. И только через год она смогла оплакать свою любимую сестру.

Борик остался круглым сиротой. Оказывается, первого сентября в школу пришел и его отец Артур Рубаев, который тоже погиб.

Когда-то Артур неудачно спрыгнул с электрички и лишился одной ноги. Как он просидел эти три дня в зале, какие мучения ему пришлось испытать — теперь не узнает никто.

Борика воспитывает Валентина. Теперь у нее трое детей Аслан, Ольга и Борис.

Ее односельчанка Рита Дудиева осталась жива — из спортзала ее вынес муж Ахсар. Их сын Сослан и маленькая Изета погибли; второму сыну, Казбеку, удалось бежать.

— Я обещала Богу, что, если выживу, приму крещение, — сказала Валентина своей свекрови-мусульманке.

— Обет, данный Богу, надо выполнять, — сказала мудрая женщина.

Такого же мнения был и муж Валентины Казбек.

Валентина приняла крещение.

Зарина БУГУЛОВА

Зарина

На улице Зарину ждали подруги, но она медлила — по радио «Европа-плюс» читали гороскоп, который она никогда не пропускала. «У некоторых Стрельцов может измениться знак Зодиака», — произнес, наконец, диктор. Зарина задумалась:

— Мама, это как? Разве знак может измениться?

— Не знаю, — рассеянно ответила мама, которая тоже собиралась на работу — она преподавала в пятой школе осетинский язык и литературу.— Ты не успела позавтракать.

— Мы с девочками решили после линейки зайти в кафе «Мороженое». Ты не дашь мне сто рублей?

Ста рублей у мамы не было, она дала пятьдесят.

Зарина вышла на улицу; девочки — Мадина и Заира Бокоевы — отдали ей свои деньги: только у нее на юбке был карман.

Теперь она сидела в спортзале и смотрела, как недалеко от нее, у входной двери, росла гора сумок, фотоаппаратов и видеокамер. Из сумок вываливались деньги, документы, лекарства и косметика. Зарина раздумывала: отдать деньги, которые у нее в кармане, или оставить? А вдруг шахидки, которые обыскивают заложников, найдут их и расстреляют ее?

Рядом с Зариной остановился террорист с перевязанной рукой. Она вежливо тронула его за штанину и, показав деньги, спросила:

— Их тоже выбросить?

— Я пришел не за этим, — сказал террорист. — Я пришел, чтобы сломить Путина.

В первые минуты пребывания в спортзале Зарина испытала панический ужас: поблизости — ни одного знакомого. Потом прямо перед собой увидела одноклассника Рому Годжиева, который сидел к ней спиной.

Она тронула его за плечо. Рома оглянулся, и ей показалось, что он смотрит сквозь нее, куда-то далеко.

— Рома, что с нами будет?

Несколько секунд он смотрел на нее невидящим взглядом, потом отвернулся, не сказав ни слова.

Заложников рассадили, образовав проход. Рядом с Зариной — ее одноклассница Сабина Мамаева и Алан Гайтов, который учился классом выше. За лето Алан превратился в высокого красивого парня с мужественным лицом и широкими плечами. Сабина тоже расцвела, стала еще нежнее и женственнее.

Шахидки увели из спортзала отцов. Вскоре где-то в школьном здании прогремел взрыв. В зал вернулся раненый мужчина. Голова и лицо его были в крови. К нему подсела Аланка Кацанова. Все в классе знали, что она мечтает стать врачом и после окончания школы планирует поступить в медицинскую академию.

Аланка вытерла белым фартуком лицо и голову мужчины, перевязала ему рану.

«Мама, наверное, ищет меня, — подумала Зарина. — Вернусь — поругает».

У Агунды Батаевой на руке были часы, и Зарина постоянно спрашивала ее, который час.

Куда-то ушли директор школы, завуч и дети председателя парламента республики Таймураза Мамсурова Замира и Зелим. Когда Зелим проходил мимо одного из террористов, тот похлопал мальчика по плечу и сказал: «У меня дома такой же, как ты».

Ночью никто не спал. Террористы стреляли, и оглушительный грохот автоматных очередей будил даже тех, кому удавалось вздремнуть.

Зарина легла возле Алана и Сабины.

— Положи голову на мои колени, — сказал Алан.

На улице шел дождь, и на тех, кто сидел близко к окнам, падали брызги. Зарина положила на подоконник пиджак, который ей дал подержать один из старшеклассников, выбивавших стекла. Когда пиджак намок, они выжали из него всю влагу.

Во вторую ночь Зарине с Агундой Батаевой и Мадиной Дреевой удалось перейти в тренажерный зал. Учитель Иван Константинович Каниди бредил: «Схожу домой, покормлю собаку и вернусь».

«Успокойтесь, — уговаривал его «добрый» террорист, который никогда не снимал маску. — Они сейчас могут вернуться (имея в виду своих товарищей). Спите».

Когда утром всех, кто был в тренажерном зале, вернули на прежние места, Зарина опять села у входной двери спортзала, недалеко от кучи сумок.

Алана Гайтова и Сабины уже не было — они передвинулись куда-то дальше.

Алана Кацанова сидела на прежнем месте. Рядом с Зариной оказался ее двоюродный брат Чермен Бугулов. Мальчик терял сознание. Врач Лариса Мамитова дала Зарине ватку, смоченную нашатырным спиртом, и Зарина поднесла ее к лицу брата.

— Что это было? — удивленно спросил Чермен, открыв глаза.

Через некоторое время он опять впал в беспамятство. Зарина натерла ему грудь мочой, и мальчику стало лучше.

Недалеко от кучи сумок, под скамьей, Зарина нашла бублик. Надкусила его и пожалела — пить захотелось еще сильнее. Чуть дальше лежала бутылка шампанского. Но как ее открыть? Пробка обязательно хлопнет, и террористы это услышат.

Она показала свою находку директору школы Лидии Александровне:

— Может, попросить у них разрешения открыть ее?

— Они не позволят. Их вера запрещает пить спиртное.

На Зарине — белая блузка, застегнутая на «молнию». Она вся мокрая от пота, но снять ее нельзя — террористов раздражают даже открытые коленки. «А ты спусти ее, как сделала это Сабина», — сказала Агунда.

Зарина посмотрела туда, где сидела Сабина. Ворот ее блузки был спущен вниз, открывая плечи. Зарина расстегнула «молнию», спустила блузку на плечи и почему-то оказалась на полу. В нескольких сантиметрах от ее головы лежал разбитый светильник.

Это был первый взрыв, но она его не услышала.

Обжигающим зноем пронесся по залу второй взрыв. Зарина закричала, вдохнула горячий воздух и закашлялась.

Перед глазами стояла пелена, сквозь которую она отчетливо увидела свою правую руку, из которой текла кровь. Она долго смотрела на нее, потом услышала голос Чермена:

— Пошли.

— Куда?

Он потянул ее в сторону входной двери. Мужчина в камуфляже, который, как показалось ей, вошел со двора, сказал: «Идите туда», — и махнул рукой в сторону коридора, ведущего в основное здание школы.

Уверенные, что это «свой», Зарина и Чермен послушно направились в сторону коридора. Чермен время от времени наклонялся и что-то подбирал с пола.

— Что это? — спросила его Зарина.

— Стреляные гильзы.

— Брось их.

Они прошли через узкий проход, соединяющий спортзал со школой, и оказались в главном коридоре. Возле кабинета химии на полу лежала, корчась от боли, обожженная старшеклассница. Одежды на ней не было, все

тело было черным, в багровых волдырях.

— Помогите! — кричала она.

— Не бойся, сейчас придут наши и помогут нам, — успокаивала ее Зара Александровна Гайтова, сестра директора школы. Она тоже была ранена и едва стояла на ногах, держась за стенку.

Зарина принесла ей стул, и Зара Александровна села. Зарина пристроилась на полу, возле ее ног, и, сняв блузку, перевязала себе руку.

Из класса, который террористы приспособили под туалет, выглянул мужчина в камуфляже.

— Это наш, — сказала Зара Александровна.

— Туда бегите, туда! — крикнул им мужчина, показывая в сторону небольшой боковой двери, ведущей во двор.

— Там стреляют, — сказала Зарина. — Я боюсь.

Они с Черменом вбежали в кабинет, где было пятеро военных.

— Садитесь на пол, — сказал один из них.

Маленькими шприцами они сделали им по два укола. Потом один из мужчин сорвал с окна штору и стал размахивать ею в окно. Именно эта штора вызвала у Зарины ассоциацию с войной, которую она видела только в кино. Не кровь, не раненые, не взрывы, а именно эта белая штора, с помощью которой мужчина подавал знак: «Здесь — свои».

Двое парней пробрались в здание через боковую дверь и вынесли Зарину и Чермена. Они бежали через простреливаемый двор в сторону одноэтажного здания начальной школы и кому-то кричали: «Носилки! Разворачивай носилки!».

Подбежали еще несколько молодых людей. Зарину и Чермена уложили на носилки и бегом понесли куда-то дворами и огородами.

Как и все, кто выжил в бесланском теракте, Зарина отмечает еще один день рождения — третьего сентября. Теперь она не только Стрелец, но и Дева.

Знак Зодиака может меняться.

Рома Годжиев, Сабина Мамаева и Алан Гайтов погибли.

Аза ЦАХИЛОВА

Аза и её внучка Лиза

Из троих своих детей Аза больше была привязана к дочери Анне. Она продала дом, который построила с покойным мужем, и купила две квартиры: себе (в одном подъезде с дочерью) и младшему сыну.

У старшего было свое жилье.

За год до Бесланского теракта Аза похоронила старшего сына, которому не было и сорока. Пережить горе ей помогла внучка Лиза, которую она очень любила.

Первого сентября Лиза шла в первый класс. Провожать ее в школу отправились втроем: мама Анна, папа Юрий

...Юрия увели из спортзала вместе с мужчинами.

Анна выбросила видеокамеру, сумку, в которой лежали двадцать тысяч рублей, но не хотела отдавать новый дорогой мобильный телефон. Аза еле уговорила дочь избавиться от него.

Недалеко от них стояли шахидки.

— Я уже не могу, — сказала одна из них другой.

Преподаватель информатики Злата Сергеевна Азиева группами выводила из зала детей пить воду. Аза в ожидании Лизы, которая ушла со Златой Сергеевной, стояла у входа в коридор. Где-то в конце его прогремел взрыв. Аза вскрикнула: «/Еллаех-аеллаех-аеллэех!», как это делают осетинки независимо от вероисповедания, и стала в отчаянии бить себя по щекам и коленям.

Террорист по имени Абдулла, сидевший «на педали», с любопытством посмотрел на нее. Через некоторое время, когда паника среди террористов улеглась, он подошел к Азе.

— Ты мусульманка? — спросил он, присев перед ней на корточки.

Мусульманами были предки Азы, они посещали мечеть и совершали намаз.

— Да, — сказала она.

Он ушел и через некоторое время вернулся с куском ткани.

— Если ты мусульманка, ты должна быть в платке. Надень вот это.

Аза повязала голову платком.

Анна, которая была на четвертом месяце беременности, потеряла сознание. Аза сняла с нее лифчик, намочила и выжала из поролоновой прослойки немного воды ей в рот.

Дочь пришла в себя.

Аза видела, что мужчин в зале становится все меньше.

— Ты не видела моего зятя? — спросила она врача Ларису Мамитову.

— Видела, — сказала Лариса. — Они там, в другом месте.

Лиза просила воды. Аза пошла в тренажерный зал. Боевиков в нем не было, несколько подростков возились с канистрой.

— Что в ней?

— Вода.

— Дайте и мне немного.

Ей отлили из канистры в маленький пластиковый стаканчик застоявшейся жидкости, и она, зажав его в руке, понесла через весь зал.

Потом в этом стаканчике она давала Лизе мочу.

— Это чай, — говорила она внучке.

— А почему он соленый?

...Юрий с несколькими мужчинами вернулся в зал. Его, Азамата Тохтиева и еще одного мужчину поставили в центре зала, в проходе, держа под прицелом, и потребовали успокоить заложников.

— Убьют же их! — плакала и кричала Аза. — Замолчите!

Но заложники уже ничего не боялись.

Она подошла к террористу по имени Абдулла:

— Аллахом прошу, — сказала она. — Не убивай моего зятя.

— Который твой зять?

— Вон тот.

Всем троим мужчинам позволили сесть. Юрий был обессилен. Он не мог ни двигаться, ни разговаривать.

— Дай мне какую-нибудь таблетку для зятя, — попросила Аза врача Ларису.

Бережно принесла Юрию огромную таблетку, которую дала Мамитова. Тот положил лекарство под язык, отдав половинку Лизе.

— Помоги ему, — просила Аза свою дочь. — Ему так плохо!

Но Анна уже ни на что не реагировала.

Надо было достать воду. Аза доползла до террориста, который стоял у входа в коридор.

— Выпусти, дочка умирает, — сказала она.

Тот вскочил с места и, приставив дуло автомата к её шее, крикнул: «Назад!».

Она поползла обратно.

«Бабуля!» — услышала она отчаянный крик Лизы, но добраться до нее уже не успела — взрывной волной Азу выбросило во двор.

Она лежала на битых стеклах под окном и ничего не слышала. Рядом лежала маленькая девочка. Лиза? Нет, не Лиза.

Аза встала, взяла девочку за руку и пошла. Потом упала — в ногу ей попала пуля.

«Всё. Умираю», — сказала она себе.

Впереди, из-за угла котельной, кто-то махал ей рукой. Она поползла через двор. Ее подхватили и понесли.

На второй день в больницу к ней пришел младший сын Анатолий.

— Лиза дома, — сказал он, — но Юрия и Анны в больницах нет.

Тело зятя нашли в морге через несколько дней. А еще через сорок дней из Ростова привезли останки Анны.

Аза и Лиза живут вдвоем.

Анжела СИКОЕВА

— Если я умру, не делай, пожалуйста, этих многочисленных поминок, — сказала Галина мужу.

— Ты это к чему?

— Да просто. Мало ли что.

Лето 2004 года было для семьи Сикоевых трудным. Анатолий, которому за сорок три года ни разу не потребовался даже укол, оказался в больнице с инсультом. Была парализована вся правая часть тела, он не мог держать в руке даже ложку. Через три недели он попросил, чтобы его выписали.

Дома начал приходить в себя, разрабатывал ногу и руку. Стала восстанавливаться речь.

И в больнице, и дома ни на шаг не отходила от него жена — заботливая, неунывающая Галина, которая была на одиннадцать лет младше мужа.

— Все будет хорошо, — успокаивала она Анатолия. — Мы еще отпразднуем серебряную свадьбу.

—

Анжела

С болезнью Анатолия в семье возникли финансовые проблемы (Галя не работала). Чтобы купить всё необходимое к школе, семиклассник Влад пошел работать на каникулах грузчиком в магазин. Перед началом учебного года он поехал с родителями на рынок, купил туфли, которые давно присмотрел, новый костюм себе и обновки второкласснице Анжеле.

На рынке заодно купили и свежий домашний сыр для осетинских пирогов.

— Ты их утром будешь печь? — спросил Анатолий жену.

— Нет, когда вернемся, без спешки.

Отец Галины был осетином, мама — русской. От матери она унаследовала оптимизм, любовь к песне и танцу. Как и мать, она очень любила возиться в огороде, где у нее было много цветов, а на грядках росли экзотические овощи.

Будучи православной, Галина с уважением относилась к осетинским верованиям, обычаям и традициям, прекрасно готовила пироги и варила осетинское пиво.

Их дом всегда был полон гостей.

Утром первого сентября Анатолий встал раньше всех. Соседка, у которой тоже было много цветов, приготовила для Анжелы в подарок розы. Он сходил к ним, принес цветы. К его возвращению жена и дети уже встали, Галя готовила завтрак.

— Может, и мне пойти с вами? — сказал он.

Потом решил остаться.

Все вместе вышли на улицу. Анатолий сел на лавочку перед домом.

К Галине, Владу и Анжеле присоединились Залина Дзиова с дочерью Викторией, Луиза Шейхова с сыном Абдулом и Мадина Кумаллагова с Тимуром.

...Анжела стояла в школьном дворе со своими одноклассниками и учительницей Ириной Захаровной Ханаевой.

— Ты постой, я сейчас вернусь, — сказала мама.

— Должен быть какой-то сюрприз, — услышала Анжела.

Ей представилось, что это будет как в цирке — из красивой коробочки выпорхнет первоклассница, ее подхватит на руки старшеклассник, и девочка зазвонит в красивый колокольчик.

Вверх полетели шары — это была, вероятно, часть сюрприза. Потом все куда-то побежали. «Это они шутят так», — подумала Анжела и почувствовала, что мама, схватив ее за руку, куда-то бежит вместе с ней.

...«Маленьких детей отпустят», — услышала она в первый день в спортзале.

— Мама, а ты? Я не уйду без тебя, — испугалась Анжела.

— С тобой пойдет Влад.

— А можно, когда нас отпустят, я в нашем магазине куплю воду?

— Купи.

— Ноу меня нет денег.

— Деньги я потом отдам.

Незнакомая женщина дала Анжеле финик.

— Не ешь его, — сказала мама, — тебе еще сильнее захочется пить.

Анжела съела финик.

Ночью шел дождь, и на тех, кто сидел близко к окну, падали капли. Анжела с мамой были далеко от окна.

Анжела. 3 сентября

— Бедный папа, как он там, один? — сказала Анжела.

Мама повернула ее лицом к стене, чтобы дочь не видела террористов, но Анжела с интересом разглядывала все, что происходило вокруг.

Их соседка Вика Дзиова очень хотела пить и все время плакала. Ее мама Залина успокаивала ее.

Анжела сидела на коленях у мамы. Мама Анжелы была самой красивой: на ней был белый костюм с черными узорами, на ногтях — бордовый лак с разноцветными блестками. Когда Анжела вырастет, у нее будет такой же маникюр.

И еще Анжеле нравилась прическа мамы из мелированных волос. И золотой крестик на красивой цепочке, который висел у нее на шее.

На второй день мама потеряла сознание. Она всегда носила с собой лекарство, но красивую красную сумку, в которой у нее лежали таблетки, террористы заставили выбросить.

Анжела вытерла маме лицо своей мокрой блузкой, и та открыла глаза.

Вскоре к ним перебрался Влад, который до этого сидел в другом месте.

— Я убежал, когда все началось, — сказал Влад. — Но вернулся.

— Зачем? — спросила мама.

— За вами.

После взрыва Анжела больше не видела маму. Ее взял на руки Влад.

— У тебя кровь возле глаза, — сказала она брату.

— Ничего, это пустяки.

Он передал ее спасателям.

Влад видел, что мама погибла, но не сказал об этом Анжеле.

… Анатолий, проводив в школу жену и детей, вернулся в дом и включил телевизор. На первом канале шли новости — показывали День знаний в одной из московских школ. Было много сотрудников милиции.

«Боятся терактов», — подумал Анатолий.

Выключил телевизор, опять вышел на улицу, сел на лавочку перед домом и закурил.

К соседскому дому подъехал Сослан Дауров, сотрудник райотдела милиции. На звук машины вышла его теща.

Где-то очень близко послышались выстрелы — одиночные, потом очередями.

— Что за козел? — возмущенно произнес вслух Анатолий. — Новый год, что ли?

У Сослана зазвонил мобильник. Он принял вызов, сказал теще несколько слов, прыгнул в машину и уехал.

«Террористы захватили первую школу!» — на всю улицу закричала его теща.

На выстрелы и женский крик на улицу выбежали все соседи. Мужчины кто пешком, кто на машине устремились в сторону школы. Анатолий успел сесть в машину соседа Лаврентия Атабекяна, у которого там были сыновья — близнецы Давид и Артур.

Лаврентий остановил машину в нескольких метрах от школы.

Со стороны железной дороги к ней бежали еще несколько мужчин. В руках у одного из них было охотничье ружье.

Анатолий миновал дом Кадиевых и оказался у середины школьного фасада. Оружия у него не было, он шел к террористам с одной мыслью — обменять себя на жену и детей.

Впереди, у школьных ворот, стоял мужчина в камуфляже с автоматом.

— Толик, возвращайся! — услышал он сзади мужской крик и, ощутив страшный удар в висок, рухнул на колени — в него выстрелил снайпер. У него хватило еще сил подняться, удивиться тому, откуда на нем столько крови, и поискать свалившиеся с ног тапочки.

Снайпер выстрелил в него второй раз. Пуля попала Анатолию в ногу.

Ему чудом удалось выползти из зоны обстрела. Мужчины втащили его в дом Кадиевых и вызвали «скорую».

В больнице его прооперировали, извлекли пулю из ноги, вторую, пробившую висок, долго не могли отыскать. Он нащупал ее сам — пуля застряла в верхней челюсти, над зубом.

Он пытался вспомнить лицо жены и не мог.

О том, что Галя погибла, ему не сказали, он почувствовал это сам. Пятого сентября попросил, чтобы его отвезли домой.

Ее хоронили в этот день.

По обычаям осетин, хозяин дома в день похорон стоит у открытых настежь ворот и принимает соболезнования сотен людей — родственников, знакомых, друзей. Все заботы по организации похорон берут на себя соседи.

Анатолий стоял, окаменев от горя. Рядом были его повзрослевший сын Владислав и родственники-мужчины. Женщины сидели у гроба и оплакивали покойную: «Огонь погас в твоем очаге, — причитали плакальщицы, — и разрушился твой дом». Это была правда — со смертью Галины дом Анатолия опустел и словно наполнился холодом.

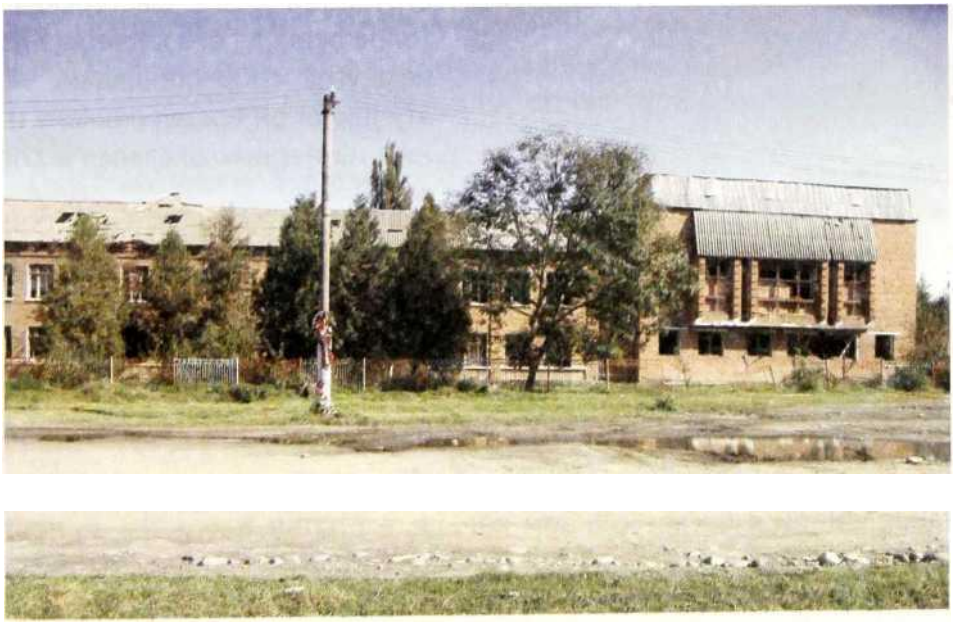
Горе в те дни постучалось во многие дома на улице Первомайской. Но каждый из ее жителей выполнял святой для осетина долг: бросив все свои дела, достойно проводить в последний путь соседа.

Похоронили Галину, а в последующие дни, по мере того, как шло опознание тел погибших, хоронили других.

Галина мечтала, что их сын Владислав поступит в академию МВД.

Влад учится в академии, Анжела — в лицее-интернате «Подмосковный». Она занимается в балетном кружке, но мечтает стать врачом — так хотела мама.

В доме Сикоевых в маленькой шкатулочке хранится крестик с цепочкой, по которому в морге опознали Галину.



Здание школы (вид со стороны железной дороги)

Владислав МОКРОВ

Владислав

Влад засмотрелся на летящие вверх воздушные шары, потом услышал крик — через двор бежала женщина и кричала: «Террористы!».

Он посмотрел туда, где возле котельной с мужчинами стоял его отец Владимир, но там уже никого не было. Влад сорвался с места, побежал, споткнулся, хотел спрятаться за металлической конструкцией возле мастерских, но толпа отнесла его к двери в дальнем углу спортплощадки. Через эту дверь он вошел в школу и одним из первых оказался в спортзале.

— Я видел твоего отца, — сказал ему через некоторое время Аслан Токмаев. — Его увели с другими мужчинами.

Братья-близнецы Аслан и Сослан Токмаевы были так похожи друг на друга, что их с трудом различали даже учителя. Они учились с Владом в одном классе и жили с Мокровыми в одном многоэтажном доме. Влад дружил с обоими, но больше — с Асланом.

Владислав сидел недалеко от входа в коридор, под большой миной, установленной в баскетбольном кольце, а братья Токмаевы — почти у прохода.

Вечером в коридоре что-то взорвалось, и в зал ввели окровавленного мужчину.

На второй день вернулись еще несколько мужчин.

— Вы не видели моего папу? — спросил одного из них Влад и описал, во что был одет отец.

— Его убили, — ответил мужчина.

Влад заплакал.

Он перешел в четвертый класс. Родители хотели идти на праздничную линейку вместе с ним (Мокровы жили рядом со школой), но ждали гостей, и мама осталась дома, чтобы подготовиться к их приходу.

Влад был самым младшим из троих сыновей Владимира Мокрова: братья были на пятнадцать лет старше него. Владимир работал в депо на железнодорожной станции Беслан. Вечером первого сентября должен был идти в ночную смену, последнюю перед отпуском.

— Тебя кто-то зовет, — сказала на третий день Владу пожилая женщина.

Он оглянулся, увидел отца и в первую секунду даже испугался — он уже привык к мысли, что папы нет в живых.

Владимир забрал его к себе. Теперь они сидели вместе под одним из окон, выходивших на задний двор. Папа накрыл Влада своим пиджаком.

— Если произойдет взрыв, сразу же беги, — сказал он.

— А ты? — удивился Влад.

После первого взрыва в зале образовался серый туман. Папа уложил Влада на пол и накрыл собой.

После второго взрыва сверху посыпалось нечто, похожее на град, и застучало об пол.

Отец подсадил его на подоконник. Едва Влад спрыгнул на землю, как перед ним что-то взорвалось. Комочки земли ударили ему в лицо, он закрыл руками глаза. Отец, спрыгнувший с подоконника вслед за ним, схватил его за руку, и они побежали через задний двор в сторону многоэтажек. Со второго этажа школы по бегущим стреляли, и отец прикрывал сына справа.

Они были уже возле пристройки, в нескольких шагах от спасительной калитки, когда рука отца вдруг разжалась. Влад сделал еще несколько шагов, остановился, оглянулся. Отец лежал на земле. Влад решил вернуться, посмотреть, что с ним, но отец махнул ему рукой: «Беги!».

Он побежал дальше. У калитки, ведущей во двор пятиэтажных домов, лежало тело убитого подростка.

Их дом — в этом дворе. Влад вбежал в крайний подъезд. Из квартиры на первом этаже трое милиционеров вели огонь по школе.

Владу дали бутылку воды, он выпил ее всю и попросил еще.

— Нельзя сразу столько, — сказал милиционер.

Влад не замечал, что на нем совсем нет одежды.

Потом мужчина, перекинув его через плечо, бежал по простреливаемой зоне, а Влад, висевший вниз головой за его спиной, смотрел на пистолет, который виднелся из-за его брючного ремня.

Он оказался в незнакомой квартире, ел печенье, с него смыли чужую кровь, потом завернули в полотенце и увезли домой.

Его отец погиб.

Фатима МЕЛИКОВА

Свой маленький бизнес Меликовы начали с магазина, который размещался в деревянном вагончике. Торговали товарами первой необходимости и перестроечной «экзотикой» — «инвайтом», «марсами» и «сникерса- ми».

Основными покупателями были жители Школьного переулка и дети, которые шли мимо магазина в школу и обратно. Со временем торговля расширилась, магазин перешел в новое кирпичное здание, но покупатели по-прежнему называли его «вагончиком».

Работали Меликовы в магазине всей семьей — свекровь Фатимы, ее муж и она сама. Сами были и продавцами, и грузчиками, сами ездили за товаром. В поездки иногда брали с собой детей — пятилетних двойняшек Ларису и Сослана.

— Бабуля, а когда на мне будет много-много крови, ты мне поможешь? — спросил Сослан бабушку Наталью тридцать первого августа.

Фатима с детьми — Ларисой, Сосланом, Ангеликой и Зауром

Та, растерявшись, не нашлась что ответить, но решила Сосика в поездки больше не брать — мало ли что...

Первого сентября Фатима одела детей, чтобы отвести их в детский сад, который, как и школы, все лето не работал. Настроение было праздничным.

Они прошли сотню метров, которые отделяли детский сад от их дома.

— Сегодня детей не принимаем, — сказала Фатиме воспитательница.

«Что же делать? Куда бы отвести их? — думала Фатима. — В детском парке — ни одного аттракциона. Во дворах многоэтажных домов — только гаражи и хадзары — помещения, в которых жильцы организовывают совместные свадебные и похоронные мероприятия. Для детей во дворах нет даже песочниц».

С этими мыслями Фатима свернула с детьми в переулок Школьный, где располагался их дом.

Мимо шли празднично одетые дети с цветами.

— Смотрите, какие они красивые, — сказала Фатима.

Они подошли к магазину. В торговом зале было многолюдно, за прилавком стояли продавщица Оксана и свекровь Наталья.

В школьном дворе играла музыка. «Мама, там весело, там «последний звонок»! — сказал Сослан.

— Не последний, а первый, — поправила его Фатима.

— Нет, последний. Идем туда, мама!

— Давайте лучше пойдем домой, разрежем арбуз, который привез вчера папа.

— А ты отправь их в школу с соседями, — предложила свекровь.

— Нет, пойду сама, — решила Фатима.

В школьном дворе она с детьми остановилась в тени деревьев, недалеко от стола ведущей. После мероприятия они вернутся домой, поедят арбуз, потом она спустит воду из бассейна, который детям подарили на день рождения, и наполнит его свежей, чтобы нагрелась на солнце.

Она услышала хлопок, потом еще один. Ряды детей смешались, и людская масса хлынула в сторону ворот, выходивших в Школьный переулок.

Держа детей за руки, она тоже побежала в ту сторону. Узкая калитка не могла пропустить всех — возле нее образовалась толпа; старшеклассники прыгали через металлическую ограду.

Фатима с детьми села на сложенные недалеко от ворот бетонные перемычки.

Через несколько секунд выход был перекрыт вооруженными людьми в масках. В школьный двор загнали и тех, кто успел выбежать за ворота, а также нескольких случайных прохожих.

Надеясь остаться незамеченной, Фатима легла с детьми на траву за бетонными перемычками и вжалась в землю.

— А ты что здесь делаешь? — над ней стоял один из вооруженных людей.

Фатима поднялась.

— Можно я отпущу детей, а сама останусь? — попросила она.

Мужчина замахнулся на нее автоматом.

— Аллах акбар! Иди туда, — сказал он, показав в сторону спортзала.

Она с детьми вошла в школу и с трудом протиснулась сквозь узкий коридор в спортзал.

В зале было так тесно, что она сутки не могла сдвинуться с места и изменить позу.

Сослан сидел на руках у Фатимы, а Ларису взяла к себе девочка лет четырнадцати, сидевшая за ее спиной. Фатима знала ее в лицо: школьница часто заходила в магазин.

Когда террористы стреляли, чтобы успокоить заложников, Сослан прятал голову под мышку Фатиме, а Ларису закрывала собой та девочка.

— Мама, — сказала Лариса, осторожно тронув Фатиму за плечо, — я так хочу жить! Я не хочу умирать.

«Что пятилетний ребенок может знать о смерти?» — подумала потрясенная Фатима.

— Ты не умрешь, — сказала она. — Нас отпустят.

Фатима долго искала потом девочку, которая держала на руках Ларису и так трогательно заботилась о ней. Она обошла мемориальное кладбище, вглядываясь в каждый портрет на памятниках, но среди погибших ее не было. Значит, она жива.

— Это была Азау Кантемирова, — сказала ей Светлана Дзебисова, которая сидела в спортзале недалеко от Фатимы. — Она погибла. На памятнике — детская фотография, поэтому ты ее не узнала.

Там, в зале, Фатима, которая на второй день пересела в другое место, видела Азау еще раз.

— Как ты? — спросила она девочку.

— Нормально...

— Мама, мы здесь уже были, — неожиданно сказал Сослан.

— Вы не могли здесь быть. Я никогда не приводила вас сюда.

Но у самой Фатимы тоже было ощущение, что всё, что происходит с ней сейчас, уже случилось в ее жизни. Но где и когда?

— Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, на земле, как на небе... — молилась она.

— Фатима, я сильно-сильно боюсь, — сказала ей девочка лет десяти. — Як маме хочу. А нас не убьют?

— Они детей не убивают, — успокоила ее Фатима. — Нас скоро отпустят, вот увидишь.

— Где ты бываешь? — спросила отца Александра Михайловича

Михайлова, учителя труда, его дочь Марина.

— Ой, доченька, если б ты знала, какие ужасы я видел, — ответил он.

Еще один из мужчин пришел со страшным вытекшим глазом.

— Мужчин расстреливают, — сказал он.

Жара в зале была невыносимой, градусов под пятьдесят. Со старшеклассника, который сидел недалеко от Фатимы, пот лился, словно он стоял под душем. Она никогда не думала, что человек может так потеть.

— Фатима, — позвал ее один из малышей, — ты нам откроешь «Колу», когда мы выйдем отсюда?

— Я вам все открою, лишь бы мы вышли отсюда.

Она с детьми сидела под шведской стенкой у входа в тренажерный зал.

— В первый день у вас будет страх, — объясняли заложникам террористы. — На второй — апатия, безразличие. На третий, если ничего не изменится, начнется паника. Будут попытки вырваться из зала. Придется стрелять на поражение.

Они были правы. На второй день наступила апатия. Осталось только одно желание: пить!

Фатима с несколькими детьми вошла в душевую тренажерного зала. Со всех краников были сняты вентили. Она зубами открыла один из них. Чтобы террористы не услышали звук льющейся из душа воды, встала под струю, а дети пили воду, бегущую по ее одежде, по ногам и рукам. Напившись, все они вышли из душевой. Террорист сделал вид, что не заметил мокрую одежду Фатимы.

Запах пота смешивался с сильным запахом мочи — из зала уже никого не выпускали. Кто-то нашел на полу флакон шампуня. Женщины капали шампунь на картонки, которыми обмахивались, мазали им лица, чтобы перебить невыносимый запах.

Ночью, в минутном сне, Фатиме привиделся огромный холодный арбуз. Она была в своем доме, который медленно наполнялся ярким, сияющим светом.

«Какой страшный сон мне снился», — думала она там, в своем сне.

Грохот автоматной очереди вернул ее в действительность. Но страха в этой реальности она уже не испытывала — сердце билось в радостном предчувствии: они вернутся домой живыми и невредимыми!

Недалеко от Фатимы сидела Эльмира Малиева. Она была с двумя маленькими детьми — четырехлетним Хетагом и двухлетней Светой.

Эльмиру несколько раз выпускали из зала, ей удавалось дать детям воды, но из-за жары они постоянно просили пить. Девочка от слабости не могла уже ни говорить, ни плакать. Она была похожа на маленькую красивую куклу с черными блестящими глазами.

— Мама, пошли домой! — сказал Сослан. — Нас папа ждет!

— Вот они уйдут, тогда и мы пойдем домой.

— Пошли, я им скажу, они отпустят нас! — заплакал он и, вырвавшись из ее объятий, направился к террористу.

— Дядя, отпусти нас, я пить хочу, — сказал он, рыдая.

— Ты Путина знаешь? — спросил его боевик.

— Знаю.

— Он хороший?

— Да.

— Вот он тебе пусть и дает воду. Еще раз отпустишь его — башку снесу, — пригрозил террорист Фатиме.

На второй день вечером Фатима заметила, что некоторые из боевиков переоделись в спортивную форму и побрились. Они явно к чему-то готовились.

— Завтра будет штурм, — сказал один из них. — Ваши сразу всех перебьют.

По проходу шел человек очень высокого роста, весь обвешанный оружием. На голове его был клетчатый платок, как у Арафата. И Фатима вспомнила его! В телевизионном сюжете об очередном теракте показывали лагерь боевиков, группу террористов, обвешанных оружием. Среди них особо выделялся мужчина высокого роста с квадратным лицом.

И этот мужчина сейчас шел по спортзалу!

Ей стало жутко. Она поняла: там, где этот человек, там — смерть.

На третий день среди заложников началась паника. Люди уже не боялись задевать головами низко висевшие взрывные устройства. На них перестали действовать окрики террористов и выстрелы. Их не пугало то, что грозились расстрелять то одного подростка, то другого.

Фатима была уверена, что некоторые из заложников уже тихо умирают.

Несколько часов без движения лежала женщина. У девочки отнялись рука и нога. Фатима растирала ее. «Только не умирай», — просила девочку подруга.

— Мама, у меня нет слюнок, — прошептала Лариса. — Мне плохо, я хочу спать.

Фатима склонилась над дочерью и тем самым спасла и дочь, и себя.

... Она открыла глаза. Сквозь висевшую в воздухе пыль увидела детей, которые выбивали уцелевшие после взрыва стекла и выпрыгивали в окна. Фатима хотела встать, но второй взрыв подбросил ее вверх. «Я умираю, — успела подумать она. — Хорошо, что вместе с детьми».

Вокруг стало очень тихо. Или она ничего не слышит? Встала, огляделась. Сослана не видно, вероятно, его отбросило взрывной волной.

Фатима выбросила дочь в окно и крикнула ей вслед: «Беги домой!».

Теперь надо искать Сослана. Головы, руки, ноги, кровь... Кто-то стоит на коленях, кто-то, как и она, бродит по залу. Она словно в оболочке, в огромном шаре. Она как бы здесь и в то же время ее здесь нет.

Повинуясь внутреннему голосу, минут десять ходит по залу и ищет сына.

Сослана нигде нет. Нашла двоих живых мальчиков и понесла их к окну.

Кто-то прикоснулся к ее ноге. Она посмотрела вниз и увидела Сослана. Он стоял, весь окровавленный, обхватив ее ногу, смотрел ей в глаза и улыбался. «Бабуля, а когда на мне будет много-много крови, ты мне поможешь?» — вспомнила Фатима его слова.

Она подхватила сына и понесла к окну.

Между первым от входной двери и вторым окнами на скамейке лежала двухлетняя Света Малиева. Из раны на ее шее текла кровь. Девочка не плакала, только глаза ее удивленно моргали.

— Выброшу Сосика и вернусь за ней, — решила Фатима.

Очередной взрыв выбросил ее в окно.

Фатима лежала во дворе на мертвой женщине. Лица ее она не видела — оно было повернуто вниз. Фатима сползла с нее и села на землю. Сослан был рядом.

Через двор бежали заложники, многие из них падали. Она поняла, что в них стреляют. Встала и пошла, раскинув руки. Так она пыталась защитить от пуль тех, кто бежал впереди нее.

— Сюда! — кричали им со стороны пятиэтажного дома.

Заложники прятались в подземном гараже, откуда вели огонь по школе наши военные. Лариса и Сослан сидели здесь же, но смотрели на нее как на чужую, не узнавая.

Лариса на руках у папы

Рита Дзгоева показала Фатиме пулевое отверстие в животе: «Горит у меня там все», — сказала она. Из небольшой ранки на лбу у нее текла кровь.

Рита не знала, что в голове у нее — осколок.

Раненых и детей быстро унесли.

Фатима осталась одна.

— Уползай, — сказал ей военный. — Мы тебя прикроем.

До ее дома — два десятка метров. Но под обстрелом путь этот показался ей бесконечно долгим.

Полгода Фатиме снился один и тот же сон — она снова была в спортзале. И неотступно преследовало видение — двухлетняя Света Малиева с удивленно моргающими глазами и раной на шее.

— Мама, у нас под кроватью чужие ноги и руки, — сказал ей как-то Сослан.

Лариса временами начинала биться всем телом об пол и кричать: «Мама, я выброшусь с балкона!».

Они долго лечились, ездили на реабилитацию в Германию.

Через два года у Фатимы родился мальчик, которого назвали Зауром, а еще через пять лет — девочка. Ее назвали Ангеликой — в честь немки Ангелики Шмидт, которая помогала детям из Беслана вернуться к жизни.

Залина ХАДИКОВА

Залина

В конце учебного года Залина поссорилась с Ириной Таучеловой и все лето скучала по ней. Ей не терпелось помириться с подругой, сказать, что очень жалеет о случившемся, что ссориться из-за пустяков — так глупо.

Каникулы казались очень долгими. Залина помогала маме по дому, стирала, убирала, могла в ее отсутствие приготовить обед. Она увлеклась рукоделием — за лето успела связать крючком ажурную скатерть.

К началу учебного года родители купили Залине костюм и белую блузку.

Первого сентября она надела только юбку и блузку: день обещал быть очень жарким.

Мама дала ей свои новые белые босоножки.

Брат Залины Чермен, который был на год младше ее, но учился с ней в одном классе, ушел первым. На улице Залина встретилась с одноклассницами Ириной Хадиковой и Дианой Кубаловой, которая держала за руку маленького брата Давида. К ним присоединилась Альбина Бутаева со своими девочками Зариной и Региной. Все они жили на одной улице с радостным названием «Первомайская».

В школьном дворе Залина встретилась с Ириной Таучеловой и не могла с ней наговориться. Ира с сестрой Светой были погодками, но учились в одном классе. Ира рассказала подруге о том, что утром плохо чувствовала себя, мама предлагала ей остаться дома, но ей так хотелось увидеть одноклассников!

Залина слушала подругу и смотрела на шары в руках незнакомой женщины. А отвернувшись на секунду, услышала хлопок и подумала, что лопнули шары. Посмотрела на женщину — их у нее уже не было. Оглянулась: бегущий в ее сторону мужчина с автоматом остановился прямо за ней.

Чермен

Она испугалась и побежала в сторону мастерских, где рядом с входом в спортзал был их кабинет.

Толпа прижала ее к стене, женщина, стоявшая рядом, кричала в мобильный телефон: «Нас захватили террористы!».

И еще раз Залину едва не затоптали, когда она споткнулась и упала возле небольшой двери, ведущей в школу.

В панике она растеряла всех одноклассников. И только маленький Давид Кубалов, брат Дианы, крепко держал ее за руку.

...Они сидели в углу, слева от кабинета физруков. Здесь было так тесно, что они не могли двигаться.

Рядом с ней — два маленьких мальчика.

— Можете облокотиться на меня, — сказала им Залина.

— Нет, спасибо, все нормально, — с достоинством ответил один из них.

Террорист с большим шрамом на шее выкрикивал имена и фамилии детей, которых искали родители. Выкрикнул он и фамилию Залины. Она удивилась: ее родителей здесь не было. Оказалось, ее искала тетя, Сима Богазова, но перейти к ней Залине не разрешили.

Вскоре она перебралась туда, где под баскетбольным кольцом стоял металлический сейф.

В зал вошел молодой террорист, которого она до этого не видела. Он остановился у входа и был, казалось, ошеломлен. Залина сидела у самых его ног. «А тех, кто убежал, убили?» — спросила она его.

Боевик, казалось, не слышал. Она тронула его за штанину и повторила свой вопрос. Он посмотрел на нее, углубленный в свои мысли, и, ничего не ответив, ушел.

На полу валялись сумки, деньги, кошельки. Залина подняла несколько зеленых купюр и положила их в карман блузки.

Она оглядывала зал в надежде найти кого-либо из знакомых и увидела Тимку — веселого, неунывающего Тимура Батагова. Рядом с ним сидели сестры Таучеловы — Ирина и Светлана. «Иди к нам», — показали они ей знаками.

Залина перебралась к одноклассникам. К ним присоединились Ира Хадикова и брат Залины, Чермен. «Как хорошо, что мы вместе, — говорила Залине Ира Таучелова. — Я скучала по тебе все лето. Мы больше никогда не будем ссориться».

Залина показала им деньги, которые подобрала с пола, и разделила их поровну.

— Выйдем — накупим сладостей и воды, — решили они.

— Хочу кофе с печеньками, — сказала Ира Таучелова.

Тимка шепотом рассказывал им анекдоты.

Света Таучелова долго думала, куда спрятать деньги, потом положила их в носок. Ира Хадикова переживала за свою золотую цепочку — память о покойной матери. Ее мать умерла, когда Ира была совсем маленькой. Отец женился, мачеха как родную дочь любила Ирину, и та отвечала ей взаимностью.

Чтобы не потерять цепочку, Ира сняла ее и положила в карман штанишек годовалой Даны Ходовой. Но Земфира, мать Даны, забыв об этом, раздела ребенка, и штанишки вместе с цепочкой затерялись.

Брату Залины Чермену стало плохо. Ира Таучелова уложила его на пол, головой себе на колени, а Ира Хадикова обмахивала ему лицо листочком бумаги. Чермен, широко раскрыв глаза, повторял: «Залина, где ты, я тебя не вижу». Залина испугалась, что Чера может умереть. Как она вернется домой без него, что скажет родителям?

— Мой брат умирает, — сказала она одному из террористов. — Мне нужна вода.

— Пусть он сдохнет!

Она вернулась, плача. Женщина, которая сидела недалеко от них с тремя детьми, протянула ей пузырек с водой. Чермен сделал несколько глотков, и ему стало лучше.

Они передвигались, не вставая с места, или уходили в поисках воды и не возвращались. Залина, потерявшая счет времени, осталась с Ириной Хадиковой и Азаматом Тебиевым, который тоже жил на Первомайской.

Чермен ушел в поисках воды и долго не возвращался. Залина вставала с места, чтобы посмотреть по сторонам, и задевала головой бомбу в форме трехлитрового баллона, которая висела над ними.

— Сядь! — кричали женщины. — Сейчас взлетим!

Мимо с несколькими зелеными листочками в руках шла Инна Дзанае- ва.

— Инна, дай и нам, — попросила Залина.

Инна дала ей два листочка. Залина отдала один Азаму, второй стала жевать сама. Лист был очень горький.

Ирина Хадикова стала плакать.

— Я не хочу умирать, — сказала она.

— Мы не умрем, — успокоила ее Залина. — Мы выйдем отсюда вместе.

Залине очень хотелось спать. Ирина легла на спину, положив руки на живот, а Залина — на бок. Проснувшись, Залина поняла: бомбы взорвались. Сейчас что-то упадет на нее, и она умрет. Зачем еще вставать?

Но ничего не падало. В руке ощущалось легкое жжение, боли не было.

Второй взрыв подбросил ее вверх и ударил об пол.

Она открыла глаза. Ира Хадикова лежала на спине. Руки ее по-прежнему были сложены на животе, но она не спала. Ее глаза, налитые кровью, были широко раскрыты.

— Ира, — позвала ее Залина.

Ирина не отзывалась. Залина тронула ее за плечо. Рука Ирины сползла с живота и стукнулась об пол.

Залине стало страшно. Она вскочила и, ничего не видя перед собой, побежала. Впереди, под одним из окон, виднелось отверстие, через которое она выбралась во двор.

Когда ее вынесли огородами на улицу и дали пластиковую бутылку с водой, она вспомнила про Чермена и заплакала.

— Что с тобой? — спросил ее знакомый.

— Я потеряла брата.

— Я видел его, — сказал подошедший к ним Азамат Тебиев. — У него голова была перевязана.

Чермена, действительно, увезли в больницу с ожогами и осколочными ранениями.

В палатке МЧС во дворе больницы к Залине подбежала Рита, мачеха Ирины Хадиковой.

— Ты не видела нашу Иру?

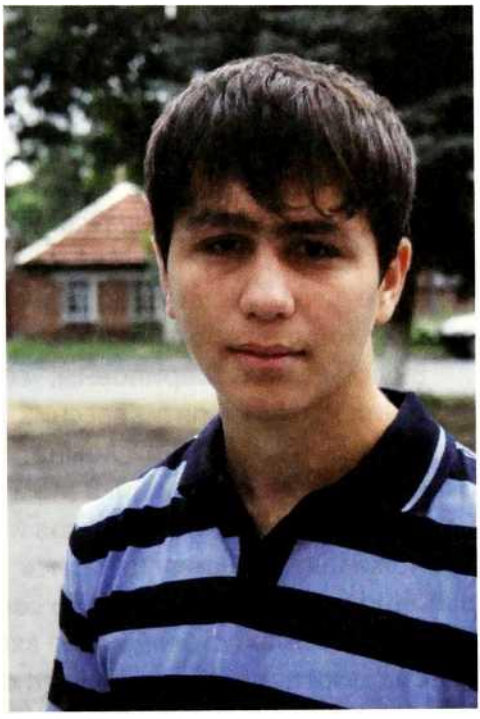
— Ира умерла, — сказала Залина.

Погибли и любимая подруга Залины Ирина Таучелова, и ее сестра Света. В обгоревшем носке Ирины ее мать нашла деньги, на которые Ира хотела купить воды и сладостей.

Погиб Тимур Батагов, с лица которого никогда не сходила улыбка.

Не стало и любимой классной руководительницы Залины — Таисии Каурбековны Хетагуровой.

Алан ГАБИСОВ



Секретарь-делопроизводитель Раиса Гавриловна Габисова вышла на работу в середине августа. Школа сверкала чистотой — каждый учитель с помощью родителей отремонтировал свой класс еще перед отпуском.

И только площадка на втором этаже, перед входом в учительскую, вызывала тревогу у директора: старое деревянное межэтажное перекрытие окончательно обветшало.

— Не дай Бог проломится и пострадает кто-то из детей, — часто повторяла директор.

Но на ремонт не было денег.

В последних числах августа перекрытие спешно разобрали, чтобы заменить на новое. Средства дали спонсоры.

Работы перед началом учебного года у делопроизводителя было много: шел прием детей в первые классы. Раиса формировала пакеты документов, которые затем передавались учителям.

Алан

Утром первого сентября Раиса с внуками Русланом и Аланом пришла в школу в половине девятого. Перекрытие было уже заменено, и учителя восхищались тем, как аккуратно была выполнена работа.

Раиса поднялась на второй этаж. Директор Лидия Александровна была у себя. Перед ней лежала общая тетрадь, в которой она обычно набрасывала основные пункты своих выступлений. На столе в вазе стоял роскошный букет роз.

Заходили учителя и родители — в основном бывшие выпускники — поздравляли директора с началом учебного года.

В восемь пятьдесят пять Раиса вошла в кабинет директора и напомнила: «Лидия Александровна, пора спускаться во двор».

Директор сняла с ног легкие сабо, надела туфли на каблуке, взяла тетрадь и вышла. Рая закрыла дверь директорского кабинета, положила ключ в ящик своего стола и, закрыв приемную, спустилась во двор.

Директор подошла к столу.

Через двор бежал мужчина с автоматом в руках...

Руслан

В школьное здание Раиса вошла через маленькую боковую дверь. За ней, последними, — директор и один из террористов.

— Что это? — спросила Рая Лидию Александровну.

— То, что мы видели по телевизору и чего боялись. Теракт.

Внуки Раисы Гавриловны, семиклассник Руслан и пятиклассник Алан, спрятались в небольшой комнатке без окон рядом с учительской. В этом помещении учителя обычно пили чай, в нем стояли шкаф для продуктов и старенький холодильник «Орск».

Пожилая женщина пыталась дозвониться своему сыну, сотруднику районного отдела милиции, но связи не было.

Раиса

Руслан и Алан стояли возле входной двери, прислонившись к стене.

Снаружи послышался голос с характерным акцентом: «Откройте дверь и выходите».

Все притихли.

Послышались выстрелы. Руслан и Алан отпрянули от двери.

— Надо выходить, — сказала библиотекарь Изета Циноева.

Высокий, крепкого сложения мужчина рывком открыл дверь и первым вышел в учительскую. Террорист размахнулся и ударил его прикладом. Мужчина едва устоял на ногах. Испуганный Алан, который выходил вслед за ним, бросился бежать.

— В спортзал! — услышал он за спиной.

На первом этаже, вдоль всего коридора, на полу стояли огромные сумки. Алан на бегу оглянулся на старшего брата, споткнулся об одну из сумок и врезался головой в террориста.

— Извините, — испуганно пробормотал он и побежал дальше.

Руслан бежал следом за ним.

В зале они нашли бабушку и сели рядом с ней.

У Руслана руки были в крови: он выбивал стекла.

Алан вспомнил, что забраться в коридор ему помог учитель физкультуры Алик Додтаевич Цаголов.

Одни из заложников сидели на полу, другие — на скамейках для болельщиков, расставленных вдоль стен. К скамейкам были приставлены два стола: один — деревянный, второй — легкий, металлический — из столовой.

Раиса огляделась. Поблизости сидели завуч Ольга Викторовна Щербинина, преподаватели: осетинского языка — Таисия Левановна Хетагурова, английского — Лариса Сергеевна Тедеева, библиотекарь Изета Татариев- на Циноева, учительница музыки Эльза Викторовна Дзебоева, начальных классов — Ирина Захаровна Ханаева.

Рая посмотрела на развешанные мины и заплакала от безысходности и страха.

— Ну что ты, бабуля, — сказал Руслан, — все будет хорошо, вот увидишь.

— Не надо волноваться, — говорила окружающим учительница Ирина Захаровна Ханаева. — Нас так не оставят. Помогут.

Спокойствие и уверенность мудрой пожилой женщины словно передавались окружающим, и Раиса поверила: им обязательно помогут.

— В школе телевизор есть? — громко спросил один из боевиков.

— Есть, — послышались голоса.

Единственный телевизор — новогодний подарок водочного предприятия «Исток» — стоял в кабинете директора.

— Рая, отдай им ключ, — сказала Лидия Александровна.

Раиса протянула боевику связку и объяснила, где лежит ключ от кабинета директора.

— Мне идти с вами?

— Нет. Мы сами мастера открывать ключами двери.

Телевизор принесли в спортзал, но без антенны он не показывал.

Его унесли обратно.

Алана не покидала мысль, что всё, что происходит с ними, — шутка, розыгрыш. Это ощущение не покидало его даже тогда, когда боевики застрелили Бетрозова и развесили взрывчатку.

— Почему мама нас не ищет? — удивлялся он.

Вечером, засыпая, он представил, как утром, открыв глаза, окажется дома. А всё, что было сегодня, ему просто приснилось.

Проснулся он от выстрелов — террористы требовали тишины: «Из-за шума мы не услышим, когда начнется штурм».

На третий день у Алана из носа пошла кровь. Он потерял сознание. Бабушка натерла ему грудь мочой, и он пришел в себя.

Рая подошла к террористу, который сидел у входа в тренажерный зал, и попросила воды для внука.

— У меня для вас нет воды, — сказал он и протянул руку к прислоненному к стене автомату:

— Есть вот это. Могу пристрелить.

Она вернулась к внукам.

Алан сидел на полу, уставившись на одну из мин. Внезапно из нее вырвалось красное пламя, его отбросило от окна в центр зала.

Старший внук Раисы, Руслан, выпрыгнул в окно одним из первых.

Те, кто сидел на длинной скамье у стены, были мертвы. Не двигались Ирина Захаровна Ханаева и Таисия Левановна Хетагурова.

Эльза Викторовна не могла встать — от трехдневного сидения ноги ее, больные варикозом, почти не двигались.

Раиса стала искать внука.

Алан услышал голос бабушки, которая звала его. В глазах стояла белая пелена, он ничего не видел. Раиса помогла ему подняться, они выбрались в окно и добежали до соседних многоэтажных домов.

Раю увели в чью-то квартиру, дали воды.

— Где дети? — спрашивала она.

— Они в безопасности, не волнуйтесь.

— Одеяло, дайте плед или одеяло! — кричали мужчины. — Спецназовца ранили!

Алан с другими заложниками прятался в хадзаре — одноэтажном строении во дворе. На столе стояло несколько бутылок водки. Кто-то из малышей схватил одну из них, стал пить из горлышка, поперхнулся и закашлялся.

На полу, в луже воды, лежала маленькая девочка и мокрыми ладошками радостно хлопала себя по груди и животу.

Алан пил воду, держа в одной руке бутылку с минералкой, в другой — сок, и не мог напиться...

Айтег КАМБОЛОВ

Айтег

После ухода Аушева в зал заглянул боевик и громко спросил: «Есть еще маленькие дети?».

Юлия с двухлетним сыном Азаматом на руках встала.

«Выходи», — сказал террорист.

«Возьми и Сашу», — шепотом сказала ей мама, Галина. Саше, племяннику Юлии, тоже было два года. (Галина взяла его с собой на школьный праздник).

Не зная, куда и зачем ее ведут, Юлия с детьми прошла за боевиком по узкому проходу, соединяющему спортзал со школой, и оказалась в коридоре. Двое террористов в масках закладывали партами входную дверь.

— Постойте, — крикнул им сопровождавший ее боевик.

— Еще? — недовольно произнес один из террористов. — Где ты раньше была? — обратился уже к ней. — Оба твои?

— Мои. Они близнецы.

Секунды бежали, и прошла, казалось, целая вечность, прежде чем боевики снова убрали парты и открыли входную дверь. Юлия шагнула на бетонные ступеньки и увидела Руслана Аушева. Бывший президент Ингушетии держал на руках грудного ребенка.

Юлия с детьми пошла вслед за ним через школьный двор.

В спортзале остались муж Юлии Айтег Камболов, дочь первоклассница Рузанна, мама — Галина Семихова и свекровь Ольга.

.. .Супруги Айтег Камболов и Юлия Семихова жили в здании, в котором в конце девятнадцатого века размещался железнодорожный вокзал. Дом от первой школы — в пяти минутах ходьбы, если идти вдоль железнодорожного полотна.

Проводить в школу первоклассницу Рузанну вышли все жители их четырехквартирного дома.

Первоклассников уже выводили из класса во двор. Айтег стоял у входа, посадив двухлетнего Азамата на плечи. Юлия навела объектив фотокамеры на Рузанну и услышала крик матери: «Юля, оглянись!».

Она увидела вооруженных мужчин в масках, схватила Рузанну за руку и, пробежав по школьному коридору, спряталась с мамой и свекровью в одном из туалетов.

Айтег с Азаматом на руках оказался на втором этаже, где укрылся в актовом зале, в небольшом кабинете за сценой. В нем были еще несколько старшеклассниц и взрослых с детьми. Незнакомый мужчина, прижав к себе ребенка, сидел на корточках, привалившись спиной к двери.

Было слышно, как по коридору, громко переговариваясь, ходили люди и ломали двери кабинетов. Голоса приближались, кто-то снаружи толкнул дверь, возле которой сидел мужчина.

Она не поддалась.

— Они могут выстрелить, — шепотом сказал Айтег.

Мужчина встал. Дверь распахнулась.

На пороге стояли вооруженные мужчины в камуфлированной форме.

— Наши! — восторженно закричала одна из школьниц.

— Выходите и спускайтесь в спортзал! — сказал один из вошедших.

Это были террористы.

Оказавшись в зале, Айтег понял: ни одному из членов его семьи убежать не удалось. Все они — здесь: жена Юлия, дочь Рузанна, сын Азамат, мама Ольга и мама жены Галина с внуком Сашей.

Айтега вывели из зала вместе с другими мужчинами. После того, как они перенесли сейф, заложили окна и двери в нескольких кабинетах, их заставили встать в окнах коридора второго этажа.

Окна выходили в сторону райотдела милиции, расположенного в нескольких метрах от школы. Было видно, как в просветах между гаражами мелькали пятнистые блики камуфлированной формы милиционеров. «Если они пойдут на штурм, нас убьют первыми», — подумал Айтег.

Подошел террорист и потребовал, чтобы он выбил дверь кабинета. «А теперь открой окна!» — сказал террорист и с криком «Аллах акбар!» несколько раз выстрелил в сторону нового спортивного комплекса. В кирпичной кладке северной стены здания появилось разрушение.

Айтега снова поставили у окна, а через некоторое время заставили заложить окна в одном из кабинетов.

— Дружище, воды бы попить... — обратился он к террористу лет сорока, в джинсовой куртке и камуфлированных брюках.

— Я тебе не дружище! — зло оборвал его тот.

— А как к вам обращаться?

— Никак!

Выходя в очередной раз с группой заложников из зала, Айтег увидел в коридоре мужчину, который лежал на полу, положив голову на руки. «Спит, что ли?». Когда он через некоторое время возвращался обратно, мужчина продолжал лежать в той же позе.

Вечером взорвалась шахидка.

— Это ваши стреляют по вам из танков, — сказал боевик.

— А какие у вас требования? — поинтересовался Айтег у террориста, который никогда не снимал маску.

— Мы воины Аллаха. Мы пришли сюда умереть, и вы умрете вместе с нами.

Когда-то Айтег мечтал стать военным, даже проучился год во Владикавказском военном училище МВД. Но через год понял: военная служба — не его призвание. Теперь, вспоминая азы военной науки, усвоенные в училище, пытался подсчитать, сколько в школе террористов (выходило не меньше тридцати пяти), сколько огневых точек и какое у них оружие.

Школа укреплялась, следовательно, террористы готовились к отражению штурма.

— В случае взрыва ложитесь и прячьте под себя детей, — сказал Айтег жене, матери и теще.

Всякий раз, когда Айтег выходил с мужчинами из зала, сердце его матери Ольги сжималось от страха. Она стала подозревать, что в зал вернулись не все мужчины.

Маленькая девочка плакала, прижавшись к ней.

— Тебе плохо?— спросила её Ольга.

— Нет, мне маму жалко. Она, наверное, плачет.

Это была третьеклассница Амина Качмазова, которую из-за маленького роста Ольга приняла за первоклассницу.

Алана, старшего сына убитого Руслана Бетрозова, террористы заставили снимать на видеокамеру заложников. Он подошел к Ольге, держа в одной руке камеру, и, присев перед ней на корточки, тихо спросил: «Тетя Оля, вы не запомнили террориста, который убил папу?».

— Запомнила. Вон тот, — показала Ольга на боевика, который застрелил Руслана.

Ольга хорошо знала семью Бетрозовых — их предки были выходцами из одного ущелья.

Дальней родственницей Ольги была и Света Дзампаева. Стоять в зале запрещалось, но Света стояла — ее ребенок все время плакал. Террорист по имени Али долго смотрел на плачущего малыша, потом подошел к боевику «на педали», поднял с пола бутылку «Колы», которая стояла у его ног, и отдал Свете: «Дай ребенку».Второй террорист что-то резко сказал ему. Говорили не по-русски, и Ольга ничего не поняла.

Преподаватель осетинского языка Алена Ахсарбековна Дзуцева, глядя на

внука Ольги, с грустью произнесла:

— У меня такая же — дома...

— Радуйся, что дома, а не здесь.

— Вот выйдем отсюда — я вашей Рузанне буду осетинский язык преподавать, — мечтательно сказала Алена.

— Замолчите! — в который раз крикнул террорист. — Взрослые разговаривают больше, чем дети. Помолились бы лучше!

— А что, если нам действительно всем вместе помолиться? — обратилась Ольга к бывшему директору школы Таркану Габулиевичу Сабанову.

Тот в знак согласия кивнул головой.

Она встала на колени и произнесла древнюю молитву, которую слышала от родителей: «Боже, единый и всемогущий! Прости нам наши грехи! Дай нам силы выйти из этого испытания живыми! Вразуми тех, от кого зависит наше спасение!».

«Оммен, Хуыцау!» — вторили ей дети, сидевшие вокруг нее.

Рузанна и Юлия

На второй день рыжебородый террорист вывел в проход Айтега и одного из старшеклассников и обратился к залу: «Успокойтесь, или расстреляю обоих!».

Юлия Семихова. 2 сентября

Дуло автомата с маху ткнулось Айтегу в ямку за ухом.

По залу прошло волнение; террористы надели маски, Ай- тега и старшеклассника вернули на места.

В зал вошел Руслан Аушев.

После того, как ушла Юлия, Айтег почувствовал облегчение. Теперь, даже если с ним что-то случится, в живых останется сын, продолжатель рода. В том, что подвешенные взрывные устройства непременно сработают, он не сомневался.

Рузанна сидела на его коленях. От слабости у нее закатывались глаза. Ольга ушла в сторону тренажерного зала. За окном была ночь. Наступал третий день их пребывания в зале.

Айтег встал, держа дочь на руках.

— Сядь! — крикнул террорист.

— Позвольте выйти, ребенку совсем плохо.

— Иди.

В классе, приспособленном под туалет, он посадил Рузанну на ведро.

— Яне хочу, — сказала она.

— Посиди.

Он лихорадочно искал воду. Сорвал несколько листочков с комнатного цветка, приподнял букет увядающих роз и увидел на подоконнике бутылку с мутной жидкостью.

«Папа, положи меня на пол», — сказала Рузанна перед самым взрывом. Айтег склонился над ней, чтобы положить удобнее, и почувствовал сильный удар в плечо. Упал, накрыв собой дочь, и посмотрел в ту сторону, где у стены на стуле стоял огромный «чемодан» со взрывчаткой. Сквозь пыльную и дымную пелену ничего не было видно.

— Лежи, — сказал он Рузанне. — Если я усну, не вылезай до тех пор, пока не станет совсем тихо.

— Папа, а ты меня больше никогда не будешь ругать?

— Нет.

По залу ходил террорист и высматривал живых.

— Выходите, — сказал он по-осетински. — Оставаться здесь опасно.

Второй террорист, опустившись на колено, стрелял во двор.

Айтег лежал до тех пор, пока не увидел в зале спецназовца в «сфере». Террористы успели уйти через узкий коридор в основное здание, но из огневых точек, располагавшихся в двух крайних пристройках, зал обстреливался с двух сторон (школа с ее пристройками напоминала букву «Е»: две пристройки — по бокам, в середине — спортзал).

Айтегу хорошо был виден террорист в окне второго этажа, с которым вел перестрелку спецназовец.

Галина Семихова с внуками Сашей и Азаматом

Мать Айтега Ольга лежала и спокойно думала о своей смерти. Вспомнился отец, погибший на фронте в годы Великой Отечественной. Вероятно, смерть в бою не так страшна — раненый в первые минуты не ощущает боли, как не чувствует ее она.

Рядом с ней лежал мертвый мальчик без руки. Девочка лет трех, в розовом платье, стояла, озираясь по сторонам. Женщина в красном платье держала на руках умирающего мальчика. Ольга сокрушенно качала головой.

— Нет, — закричала женщина. — Нет!

Мальчик умер.

— Мама, где моя мама? — повторял мальчик лет девяти.

В отличие от остальных детей, которые из-за жары были раздеты до трусов, на нем была школьная форма — брюки, рубашка и пиджак.

Врач Лариса Мамитова сидела на полу в белых брюках и лифчике и удивленно оглядывалась по сторонам.

Ольга потеряла счет времени.

Когда ее вынесли, она увидела у гаражей Айтега.

— Рузанна жива, — сказал он. — Ее увезли в больницу.

Выжила и мама Юлии — Галина.

Полевой госпиталь

Бэла АВСАНОВА

Бэла

«А может, вы сегодня не пойдете в школу? — сказал маме Фатиме и сестре Бэле Валерий. — Я бабушку видел во сне. Она была в черных одеждах».

Мама насторожилась: Валерий работал на крупном спиртоводочном предприятии. «Будь осторожней, — сказала она. — Ас нами в школе ничего не может случиться».

Бэла перешла в одиннадцатый, мама работала лаборанткой в кабинете химии. Как и для всех учителей, для Фатимы День знаний был главным праздником в году. На ней — новое платье, которое она шила специально к первому сентября, волосы аккуратно причесаны.

На Бэле — белая блузка и черная юбка. Остается высушить и уложить волосы феном.

В школу собирается и старшая сестра Бэлы Ирина с четырехлетней дочерью Диной.

Бэла увидела своих одноклассников издалека — мальчики стояли на улице, у школьных ворот, девочки — на том месте, где обычно строился их класс. Бэла остановилась рядом с Викой Гусейновой. «Обрати внимание на мой наряд, — сказала Вика. — Он стоит целое состояние. Только блузка — семьсот рублей».

На фоне черно-белой шеренги старшеклассников ярким пятном выделялась преподаватель русского языка и литературы Альбина Викторовна

Аликова. Она была похожа на невесту — яркая блондинка, невысокая и хрупкая, в светлом костюме и ниткой белого жемчуга на шее. Ученики уже переросли ее и смотрели на свою учительницу сверху вниз, но с тем же почтительным обожанием.

Как Бэла соскучилась по ней! Она обняла Альбину Викторовну, и у нее опять возникло ощущение вины. Год назад, весной, пасмурным дождливым днем, Бэла вошла в ее двадцать первый кабинет на втором этаже и увидела одноклассников, которые толпились у окон.

— А где Альбина Викторовна? — спросила она.

В ответ — тишина.

Она подошла к окну и посмотрела вниз. Под окнами, на земле, лежала мертвая Альбина Викторовна. Это был сон, но Бэле казалось, что, храня это воспоминание, она предает свою учительницу.

В последние годы литература стала любимым предметом Бэлы. Мама хотела, чтобы после школы Бэла поступила в медицинскую академию. Но Бэла благодаря Альбине Викторовне утвердилась в своем желании стать филологом.

Каждый урок литературы был праздником. Альбина Викторовна научила ее получать эстетическое наслаждение от русской филологии, любить Чехова, который когда-то казался ей таким скучным, и находить удовольствие в злой иронии Аверченко.

— Ну, Бэлочка, что ты читала на каникулах? — спросила Альбина Викторовна.

— «Леди Макбет» Шекспира, — радостно сообщила Бэла.

Она увлеклась английской поэзией, с удовольствием читала Шекспира и Байрона.

«Школьная пора...» — разносился по всей округе голос певицы Татьяны Овсиенко.

Подошла классная руководительница одиннадцатого Альбина Владимировна Тебиева. Она была в отпуске по уходу за ребенком. «Девочки мои хорошие!» — сказала Альбина Владимировна, и столько было счастья на ее лице, столько доброты, любви и нежности в голосе!

Бэла держала в руке подарок для первоклассника и воздушный шарик, на котором еще дома написала свое желание: «Боженька, я хочу мира во всем мире!».

Мама стояла напротив, чуть дальше — Ирина с маленькой Диной.

Сейчас выйдут первоклассники, а с ними — маленький сосед Авсановых Рома Бзиев. «Никого не бери за руку, — наказала ему Бэла. — Только меня». Бэла вручит ему подарок и отведет в класс. Такая у них традиция выпускники поздравляют первоклассников и передают им эстафету.

К столу ведущего подошла директор Лидия Александровна. Завуч по

воспитательной работе Елена Сулетдиновна вышла за ворота и что-то строго сказала старшеклассникам. Вернулась к столу, взяла в руки микрофон.

Когда прозвучали выстрелы и перед Бэлой возник человек с автоматом, она не смогла сдвинуться с места.

«Алькаиды!» — услышала Бэла пронзительный женский визг. До нее не сразу дошел зловещий смысл слова «Алькаида», но было понятно, что в происходящем есть что-то опасное.

«Беги!» — услышала она голос Вики, но продолжала стоять и смотреть на огромный, как ей казалось, автомат в руках мужчины, забыв обо всем. Впервые она видела настоящее оружие не в кино, а наяву.

... Маму Бэла нашла в зале. Сестры Ирины с маленькой Диной не было — они успели убежать. Долго искала взглядом соседа, третьеклассника Чермена Плиева: его мама просила ее присмотреть за ним. Увидев, подозвала и посадила рядом.

После взрыва Бэла открыла глаза и увидела: она сидит с мамой на скамье. На ее коленях — оторванная рука. Рядом — часть туловища в клетчатой рубашке, а чуть дальше — женская голова.

По всему залу— вопль ужаса и кровь.

Бэла завизжала и, вскочив, побежала к входной двери. Добежать не успела: кто-то толкнул ее, она упала и осталась лежать под баскетбольным кольцом у входа в тренажерный зал.

Когда их уводили в столовую, Бэла увидела на полу Дину Бзиеву. «Вставай, Дина, нас отпускают», — сказала она. Ей показалось, что Дина открыла глаза и посмотрела на нее.

Террорист подтолкнул Бэлу к выходу в коридор.

В столовой двое террористов с гранатометами стреляли из окон, прячась за спины женщин. Те, стоя на подоконниках, размахивали шторами и кричали: «Не стреляйте, здесь дети!».

Громко рыдал мужчина. У него было страшное, заросшее густой щетиной, лицо. Рядом с ним плакала девочка лет семи. Когда мужчина затих, Бэла притянула девочку к себе.

На пол рядом с Бэлой упала дымовая шашка, по столовой стал расползаться густой черный дым. «В зале не убили — здесь отравят», — успела подумать она.

Вспыхнул огонь, осколки разорвавшегося снаряда, срикошетив от колонны, ударили маме в лицо и в левую ногу. Бедная мама с ее избыточным весом, сахарным диабетом и гипертонией! Бэла подползла, обняла ее и прижалась к ней, стараясь защитить от прыгающих по столовой пуль и осколков.

Осколок, пробив Бэле кости черепа, проник в мозг. Перед глазами стремительно пронеслись картины всей ее короткой жизни; она увидела умерших родственников и, вернувшись из небытия, не ощутила левую

руку, ногу и шею. «А может, у меня уже нет руки?» — подумала она. Пощупала — конечности были на месте.

Мама, лежа на полу, подталкивала ее к окну.

Потом Бэлу несли, держа за руки и ноги. В «скорой» молодая медсестра плакала навзрыд и повторяла: «Только не спи, только не спи».

Когда ее вносили в больницу, лил дождь, вода заливала ей лицо, она смотрела вверх и думала: «Вот он какой, рай!».

На следующий день Бэла очнулась в больничной палате. Рядом лежала ее соседка Таисия Бзиева — нежная и кроткая Тая, которая с сыном и невесткой повела в школу старшего внука Рому. Ее сын Валерий, которого три дня избивали террористы, выжил. Невестка Дина погибла.

Бэле приснилась Дина, веселая и улыбающаяся. «Скажите Валерию, что я жду его», — сказала она.

«Я не смогу без нее жить», — говорил и Валерий.

Через шесть месяцев после теракта он погиб в автомобильной катастрофе.

Прошло долгих три месяца, прежде чем Бэла встала на ноги. «Живучая ты, — сказал ей врач. — Травма очень серьезная. С такими ранениями почти не выживают».

Но полностью восстановить подвижность ее конечностей врачам не удалось. Бэле, которая была левшой, пришлось переучиваться, работать правой рукой.

Ее мама Фатима осталась жива. Соседа, третьеклассника Чермена Плиева, взрывной волной выбросило в окно, и он тоже остался жив.

Альбина Викторовна погибла.

Бэла поступила на филологический факультет Северо-Осетинского госуниверситета, где когда-то училась Альбина Викторовна. Практику она проходила в своей первой школе, у которой нет номера, — просто «новая школа по улице Коминтерна».

Общаясь с учениками, она ловит себя на том, что разговаривает с ними так же уважительно и доверительно, с теми же интонациями и такой же любовью к ним, как ее любимая учительница Альбина Викторовна Аликова.

Мадина ДРЕЕВА

Мадина

Глазок видеокамеры медленно приблизился к тому месту, где сидели Мадина и ее младший брат Дзамболат. «Сделай веселое лицо», — шепнула Мадина брату и улыбнулась в объектив. Она была уверена: эти кадры увидит мама, а она не должна знать, что им страшно.

Как жаль, что утром, когда мама уходила на работу, Мадина не успела с ней попрощаться и не обняла, как обычно. А во всем виновата крыса, которая во сне так напугала Мадину, что утром она долго не могла прийти себя.

Настроение было испорчено, вставать и идти в школу не хотелось. Но без нее не пойдет в школу и младший брат, второклассник Дзамболат.

Она собрала Дзамбика и уже гладила свою белую блузку, когда за ней зашла соседка Бэла Губиева.

— Возьми-ка сонник и посмотри, что означает во сне крыса, — попросила Мадина подругу.

Та полистала книгу и отложила ее в сторону: «Про крыс здесь ничего нет». «Дай я сама, — Мадина накинула блузку и быстро пролистала сонник. — Вот: укус крысы означает гибель».

— А она тебя укусила?

— Нет. Но она была огромной и очень страшной.

— Глупости все это. Идем, мы опаздываем.

Они стояли во дворе школы и ждали выхода первоклассников. Девоч-

ки обсуждали нарядную блузку Дзеры Базровой — она была украшена на спине бабочкой с прозрачными крыльями.

До начала праздника оставались минуты.

Рядом стояла классная руководительница Джульетта Георгиевна Гутиева.

Мадина повернула голову на выстрел и увидела мужчину в черной шапочке. Он стрелял вверх. Вопросительно взглянула на Джульетту Георгиевну и увидела в ее глазах слезы.

Толпа прижала Мадину к стене котельной. Незнакомая женщина звонила кому-то по мобильному телефону. «Брось телефон!» — кричал на нее вооруженный мужчина.

Мадина в страхе побежала в сторону спортзала, споткнулась и упала под ноги одного из стрелявших. Перед ней, на траве, лежал огромный букет роз в яркой обертке.

...В зале она сидела рядом с учительницей Галиной Хаджиевной и ее дочерью Агундой. С Агундой они были не только одноклассницами, но и подругами.

Короткая юбка Мадины приподнялась и обнажила колени. «Закрой свой стыд!» — замахнулся на нее прикладом террорист с огромным шрамом на шее. Кто-то бросил ей детский пиджак, и они с Агундой все три дня закрывали им колени.

Только теперь она вспомнила о своем брате. Террорист со шрамом по ее просьбе выкрикнул его имя и привел к ней Дзамболата, обняв за плечи.

Боевике перевязанной рукой держал в руках портативный радиоприемник. «Только что передали, что отсюда поступают сообщения, — сказал он. — У кого найдем телефон — расстреляем и его, и тех, кто сидит рядом».

Мадина испугалась: а вдруг где-то на полу возле нее лежит телефон? Она пошарила вокруг и нащупала под скамьей что-то мягкое. Это была страшная черная маска с прорезями. Мадина отбросила ее, словно змею, которая могла ужалить. И вдруг ей вспомнился сон: огромная крыса, которая хотела укусить ее, и слово «гибель» из сонника.

Живыми отсюда они уже не выйдут.

Ей стало жалко маму. Как она будет жить без них?

Потом страх притупился. Она стала ощущать голод. Утром они не успели позавтракать. Мама оставила им деньги на пирожки, которые они собирались купить на обратном пути.

Ее внимание привлекло огромное взрывное устройство, установленное недалеко от них на стуле. Если оно взорвется, они все умрут. Надо спасти брата. Самое безопасное место — под скамьей, на которой сидят учителя.

— Спрячься под нее, — сказала она Дзамбику.

Он спрятался, но через некоторое время сказал: «Там очень жарко. Я уже не могу».

— А ты сними пиджак.

— Нет. Он пропадет, а у меня в кармане деньги, которые мама дала на пирожки.

Он выбрался и сел рядом с ней.

Учительница Ольга Николаевна Соскиева опять повела старого учителя Заурбека Харитоновича Гутиева в туалет. Старик был похож на ребенка — слабый и растерянный.

— Отпустите его домой, — попросил террориста кто-то из учителей.

— У меня на родине знаешь сколько таких стариков? — ответил он. И неожиданно спросил: — А вам говорили, что война будет?

В зал принесли телевизор. На экране возникло изображение спортзала с заложниками.

...Восемь вечера. «Мама, наверное, пришла с работы и узнала о том, что произошло в школе», — подумала Мадина.

— Мадина, передвигайся поближе к нам, — услышала она голос одноклассника Давида Валиева.

Рядом с ним сидел Арсен Маликиев.

Мадина с братом перебрались к ним.

— Как ты думаешь, нас взорвут? — спросила Мадина Арсена.

— О чем ты говоришь?! — возмутился он и внимательно посмотрел на боевика со шрамом на шее.

— Что ты уставился на меня? Запомнить хочешь? — разозлился террорист.

И Мадина вспомнила! В магазине, где работала продавцом ее двоюродная сестра, часто звучала песня на незнакомом языке, в которой повторялись слова «Аллах акбар». Как-то в магазин зашел мужчина, который, послушав песню, попросил сестру подарить ему этот диск.

Она была уверена: это тот самый мужчина!

Террористы вызвали и куда-то увели директора Лидию Александровну. «Ужас, что они натворили с нашей школой!» — сказала она, вернувшись.

— Ты одна? — спросила Мадину учительница Альбина Викторовна.

На ее коленях сидела девочка лет десяти. Альбина Викторовна гладила ее по голове, успокаивая.

— Нет, я с Галиной Хаджиевной.

— Ну и слава Богу, — сказала учительница. — Все будет хорошо, вот увидишь.

Вечером второго дня Мадина и ее брат перешли с учителями в тренажерный зал. Она нашла в душевой чашку с отбитой ручкой и забавной звериной мордашкой, набрала в нее воды и принесла Дзамбику.

Высокий террорист в камуфляже снял маску и выглянул в спортзал. Мадина увидела длинные волосы и ахнула: это женщина? Боевик надел маску и опять стал похож на мужчину.

В тренажерном было прохладно. У Дзамболата — больные почки, он может застудить их, если уснет на холодном бетонном полу.

— Не волнуйся, — сказала Мадине Галина Хаджиевна.

Она взяла мальчика к себе и легла на пол. С другой стороны Дзамбика обняла Агунда. Малыш согрелся между ними и уснул.

— А когда нас взорвут, больно будет?— спросила Мадина террориста с перевязанной рукой.

— Нет, вы ничего не почувствуете, — сказал он. — И благодаря нам сразу попадете в рай.

Утром всех, кто был в тренажерном, вернули в спортзал.

— Когда мы выйдем отсюда, я целый день не буду отходить от мамы, — сказала Аланка Кацанова.

На ее щеках вдруг появились слезы — сильная и сдержанная Аланка плакала.

— Я от тебя этого не ожидала, — удивилась Агунда.

— Я за маму переживаю.

— Ваших, наверное, эвакуировали, вы же рядом со школой живете.

Дзамболат уснул, положив голову на колени Мадины.

— Красивый он у вас, — сказала Агунда. — Вырастет — девочки ему звонить будут...

Дзамболат открыл глаза: «Мне мама приснилась. Она дала нам воду».

«Значит, нас отпустят», — обрадовалась Мадина.

У выхода в коридор стояли террористы. Один из них разговаривал по мобильному телефону, и Мадина поняла: он говорит с нашими. Речь шла о трупах. «Эй, про трупы ничего не говори!» — второй террорист повертел перед его лицом указательным пальцем.

Она стояла у выхода в коридор, в том месте, где погибло больше всего заложников. До взрыва оставались секунды.

...Она ничего не видела — в глазах мелькали черные точки. Взгляд ее остановился на лежавшей рядом женщине. Это была школьный завхоз Света Баликоева. Лицо ее, белое и чистое, медленно заливалось кровью, которая шла непонятно откуда.

— Мадина, бежим, — услышала она голос Дзамболата.

Мадина встала и, взяв брата за руку, пошла в сторону входной двери. Так, держась за руки, они пересекли двор.

У ворот, выходивших в Школьный переулок, кто-то, пробежав между ними, разъединил их руки. Мадина растерянно оглядывалась и не находила брата — все дети, бежавшие из зала, были такие же худые и изможденные, как и он.

Маленький Дзамбик стоял в двух шагах от нее и так же, как и она, не находил сестру.

Потом вместе с мужчиной в камуфляже и белой повязкой на руке они бежали огородами, ощущая под ногами влажную после дождя землю.

Во дворе кафе «Дидинаг» женщина в белом фартуке подбежала к Дзамболату и, подхватив его на руки, понесла к машине.

Алана Кацанова и Арсен Маликиев погибли.

Родители Арсена нашли в школе его детское сочинение на тему: «Кем быть?».

«Яхочу быть прокурором, — писал Арсен. — *Прокурор — тот человек, который судит преступников. Моя маленькая мечта: я хочу, чтобы прокуроров было много. Чтобы судили всех преступников и сажали их в тюрьму. И тогда наша Россия будет свободной».*

Агунда ВАТАЕВА

Агунда

Это сон. Кошмарный сон. Она проснется, и не будет ни мертвого мужчины в проходе, ни взрывных устройств, ни страшных людей в масках.

Рядом на скамью присели две шахидки. Из-под черных балахонов выглядывали спортивные брюки и дешевые мужские кеды. Шахидки о чем-то тихо переговаривались.

Террорист со шрамом на шее замахнулся автоматом на Мадину Дре- еву, у которой из-под короткой юбки виднелись коленки: «Закрой свой стыд!». Агунда обрадовалась: «Значит, насиловать не будут».

На второй день, выйдя в коридор, Агунда увидела то, что террористы сделали со школой. В классе Ольги Николаевны Соскиевой все портреты на стенах были обстреляны. Парты и стулья разбиты, на полу — стекло, пыль

в девятый. Весной у мамы состоялся очередной выпуск, а в августе она опять набирала малышей.

Родители Агунды — осетин Руслан и туркменка Галина познакоми и куски разбитой штукатурки.

Мама Агунды, Галина Хаджиевна, работала в первой школе учительницей начальных классов. Агунда училась у нее. Теперь их класс перешел

лись в таджикском городе Турсунзаде. Они поженились и прожили в этом городе несколько счастливых лет.

Агунда была в семье третьим ребенком. Ей было два года, когда Батаевы приехали в Беслан и купили дом. Мама стала работать в первой школе. Через два года умер отец. Галина Хаджиевна одна поднимала трёх доче рей. Теперь старшая, Залина, живет в Москве, Лиза учится в университете и

работает, Агунда перешла в девятый.

Накануне Дня знаний Агунда с одноклассниками Батразом Мисико- вым, Дзерой Базровой и Мадиной Дреевой помогала маме развешивать по стенам класса наглядные пособия. На окна повесили новые шторы, которые сшила бабушка.

Зашел разговор о двух самолетах, которые потерпели катастрофу почти одновременно. Батраз утверждал, что это — теракт, хотя официальных сообщений об этом еще не было. Мама, которая всегда восхищалась умом и спокойной рассудительностью Батраза, не поверила: «Неужели теракт? Как можно убить столько ни в чем не повинных людей?».

В последних числах августа к маме в класс каждый день приходили родители с детьми. Галина Хаджиевна была довольна новым набором: «Дети очень умные и подготовленные».

Она репетировала с ними выступление к празднику Дня знаний.

Утром первого сентября Агунда и мама пришли в школу раньше обычного. На маме был новый, бежевого цвета, костюм, на Агунде — черная юбка и белая блузка.

Галина Хаджиевна довольным взглядом окинула классное помещение, картонный домик на стене, из «окон» которого выглядывали фотографии будущих первоклассников. «Это будет мой последний выпуск, — сказала она. — Доведу их до четвертого класса и уйду на пенсию».

Картонный домик, из «окон» которого выглядывали фотографии будущих первоклассников

Стали подходить родители с детьми. Пришли Казбек и Ирина — родители Батраза Мисикова. Теперь они привели к Галине Хаджиевне младшего сына Ацамаза.

Школьная медсестра Фатима Муртазова, старшая дочь которой, Диана, училась с Агундой, привела семилетнюю Мадину.

Агунда вышла во двор поискать одноклассников и увидела подругу Мадину Дрееву. Мадина прихрамывала — новые туфли натерли ей ноги. «У мамы в классе есть аптечка, попросим у нее пластырь», — предложила Агунда.

Класс был уже переполнен: к учительнице заходили и бывшие ученики, чтобы поздравить ее с началом нового учебного года.

Агунда с одноклассниками вышла во двор. Раздался выстрел. Куда-то побежали мальчики. Тревога? Учения?

...Рядом с Агундой на полу спортзала сидела Зарина Бугулова и держала ее за руку. «Не отпускай мою руку, пожалуйста, — сказала ей Агунда.
— Мне страшно».

Подошли мама и Мадина Дреева с маленьким братом.

Вечером учителей перевели в тренажерный зал. Брат Мадины Дрее- вой Дзамболат шел, наступая босыми ногами на битое стекло. Агунда взяла его на руки. На стенах тренажерного зала висели постеры с изображением знаменитых футболистов. Дзамболат обрадованно стал называть их имена.

Где-то в здании школы стреляли, но к этим звукам заложники уже успели привыкнуть и могли даже спать под звуки автоматных очередей.

На третий день время словно сгустилось. Очень хотелось спать.

У террориста зазвонил телефон. Агунда посмотрела на свои часы без пяти минут час. «Говорят, из Чечни уже выводят войска, сказал он.
— Если это правда, мы начнем понемногу отпускать вас».

Взрыва она не услышала. Открыв глаза, увидела пламя. Горел террорист в маске, который сидел на стуле под баскетбольным кольцом. Второй боевик обливал его водой из металлического ведра.

Мама лежала рядом.

«Кто живой — выходите!» — услышали они.

Агунда с мамой пошли на этот голос в сторону школьного коридора. Все вокруг горело: деревянные стены, куски дерева и пластика, которые упали с потолка.

Недалеко от выхода в коридор взгляд Агунды остановился на мертвой девочке лет трех: маленькое худое тельце, рассыпавшиеся волнистые во лосы. И страшная рана на голове.

В столовой мужчина держал на руках мальчика лет одиннадцати. На ребенке были брюки и белая рубашка, на которой расплывалось крова

вое пятно. Мальчик дышал тяжело, с хрипом. Мужчина (это был один из заложников) повторял: «Потерпи, родненький, потерпи».

— Это не мой Вовка? — спросила Агунду мама.

Зрение у нее было слабое, и она не сразу разглядела в мальчике своего ученика, пятиклассника Вову Ходова.

«Я буду президентом», — писал он в начальных классах в сочинении на тему «Кем быть?».

Учительница ничем не могла помочь своему ученику— она была ранена в спину и лежала на полу неподвижно.

Мужчина с мальчиком тоже легли на пол.

Галина Хаджиевна на празднике «Последнего звонка» со своими бывшими учениками

К Галине Хаджиевне подошла девочка лет семи.

— Я вас знаю, — сказала она. Огромные глаза малышки смотрели испуганно, лицо было заплаканное. — Можно я буду жить с вами?

— Не волнуйся, ты пойдешь домой и будешь жить с мамой, — ответила Галина Хаджиевна.

— Мама умерла, — сказала девочка. — И сестра тоже. Можно я буду жить с вами? Я и купаться могу сама, и одеваться.

— Хорошо, хорошо, — успокоила ее Галина Хаджиевна. — Ты будешь жить со мной. Ложись.

В столовой что-то взорвалось; взрывная волна была такой силы, что сдвинула их с места. «Ну, теперь я точно умерла», — пронеслось в голове Агунды, и она потеряла сознание.

Когда очнулась, мама лежала рядом, но что-то в ней неуловимо изменилось — она говорила с трудом, замедленно, не так, как обычно.

Болела левая рука, в которую попал осколок. На Агунде лежали люди,

мертвые и раненые. Над ними стоял спецназовец. «Кто может, выходите», — уговаривал он лежавших на полу людей.

— Иди, — сказала Агунде мама.

— Аты?

— Я не могу.

Агунда подошла к окну. Сломанная кисть руки висела, еще одна рана была на ноге, чуть ниже колена.

Она с трудом поднялась на подоконник. На кухонной плите, придвинутой к окну, лежали два мертвых мальчика с открытыми глазами — оба маленькие и худые. Она засмотрелась на них, пытаясь вспомнить, из какого они класса, и оступилась. Нога скользнула с подоконника вниз и застряла между доской и металлической решеткой, упавшей с окна.

— Ну давай же, давай, солнышко, — кричали те, кто стоял под окном, но она не могла выдернуть ногу. И впервые за эти три дня горько заплакала.

Ей помогли спуститься, подхватили на руки и понесли.

Маму привезли в больницу чуть позже — некоторое время они лежали в одной операционной.

Галина Хаджиевна умерла в тот же день. Погиб и её ученик Вова Ходов. Агунда узнала о смерти матери только через три месяца, когда ее выписали из больницы.

Она окончила школу и учится на факультете иностранных языков университета.

До теракта она часто бывала в церкви. Теперь она потеряла веру в Бога — слишком много вопросов осталось для нее без ответа.

Вова Ходов мечтал стать президентом

Индира ЦАППОЕВА

Индира

Мобильник пролетел над головами заложников и упал в руки Индиры. Сейчас он зазвонит, и Индиру расстреляют. Она опять ощутила парализующий страх, который испытала утром, когда увидела на крыше гаража бородатого террориста с автоматом.

— Что мне делать? — спросила она подругу Зарину Дзуце- ву. — Выбросить его или положить на подоконник?

Мимо шел террорист с перевязанной рукой. «Вот еще один телефон», — испуганно сказала ему Индира.

Террорист забрал его и ушел.

Директор школы, которую террористы уводили в учительскую, сказала, что о них уже знает весь мир.

Мама, наверное, стоит у окна и смотрит на школу — из их квартиры виден спортзал.

Потом, забыв о том, что говорила директор, она стала думать о том, как объяснит родителям свое долгое отсутствие.

Индира была пятой, самой младшей дочерью в большой семье Цаппоевых. Отец был очень строг, и по вечерам никто из девочек не смел нигде задерживаться.

От мыслей о доме отвлекла боль в пальце. Маленькая ранка отдавалась острой болью во всей руке — Индира, забираясь в коридор, порезалась о кусок стекла, торчавший из оконной рамы. Откуда столько крови в безымянном пальце? Кровь стекала вниз по локтю: она боялась запачкать свою белую блузку.

Вернулась Зайка, которая выходила в туалет. «Они обстреляли всю школу, — сказала она. — От ремонта не осталось и следа».

Индира с сожалением смотрела, как террористы заставляли выбивать

стекла в окнах спортзала и пробивать пол. «Как мы здесь будем играть в баскетбол?» — думала она. Вместе с одноклассницей Инной Туаевой Индира занималась в баскетбольной секции, которой руководил преподаватель физкультуры Иван Константинович Каниди.

Недалеко от них, положив ногу на «педаль» взрывного устройства, сидел террорист. Рядом стоял второй, в маске.

«Можно пройти в душевую?» — спросила его Индира. Тот кивнул. Вместе с ней поднялась Фатима Канукова. Террорист направил на них автомат.

Они испуганно сели. Террорист посмотрел на Индиру и опять кивнул головой: «Иди». Она встала. Пластмассовая заколка в форме краба, которой были перехвачены ее волосы, зацепилась за провисший металлический трос с гирляндой взрывных устройств. Гирлянда резко качнулась, сидевшие вокруг заложники испуганно закричали.

Индира замерла в ожидании взрыва. Но все обошлось.

Взрыв произошел через сутки. Индира, как и большинство заложников, не услышала его страшного, оглушающей силы, грохота. Она как бы уснула, а проснувшись, поняла: то, чего они боялись все эти дни, произошло.

Лежа на спине, не открывая глаз, ощупала свои руки, ноги, туловище. Все вроде бы цело. Перевернулась на живот и услышала взрыв. Огненный ветер промчался над ней, опалив зноем. Она открыла глаза: на террористе, сидевшем «на педали», горела одежда, второй сбивал с него пламя.

Она встала и, ничего не видя вокруг, пошла в сторону окна и выбралась во двор. Расстояние от спортзала до калитки, которая вела во двор их пятиэтажного дома, показалось бесконечным.

Индира попала в объектив телекамеры. Сестра, жившая в Москве, увидела ее по телевизору и позвонила в Беслан родителям: Индира жива!

Она была вся в крови, хотя ран на ней не было, не считая царапины на пальце. Ее ввели в чью-то квартиру и предложили позвонить родителям. Она пыталась вспомнить номер своего домашнего телефона и не смогла.

Из ее класса погибли трое — Оксана Кокова, Инна Туаева и Алан Гайтов.

Жанна ЦИРИХОВА

Жанна

Время в спортзале растянулось для Жанны в один нескончаемодлинный день. Где-то там, в другом мире, всходило солнце, гремели грозы, землю окутывали прохладные сумерки... Здесь, в ярком свете то солнца, то светильников тянулся день — обжигающе-знойный, наполненный зловонием, страхом и предчувствием смерти.

Жанна сидела, прижав к себе своих детей — Залину и Лизу. Только раз ей удалось найти для них воду — в помойном ведре, в котором стоял огромный букет роз. Она вынула цветы и дала им выпить эту дурно пахнувшую жидкость.

«Присмотрите за моим сыном», — сказал женщинам Артур Кисиев, когда его уводили из зала. Сын Артура, Аслан, учился в одном классе с младшей дочерью Жанны, второклассницей Лизой. Жанна и Артур были членами родительского комитета. Аслан неотрывно смотрел на дверь, через которую ушел отец, но он так и не вернулся.

Пришел Юрий Караев, весь в синяках. «Что вы там делаете?» — спросила его Жанна. «Мусор выносим», — ответил он, не глядя ей в глаза. И добавил: «Плохи наши дела. Если тебя будут спрашивать о террористах, говори, что никого не запомнила».

«Кто эти дяди? Почему они не отпускают нас домой? — плакала Лиза. — Я все расскажу папе».

Жанна сняла с Лизы слуховой аппарат — чтобы она не слышала выстрелов.

О том, что у младшей дочери проблемы со слухом, Жанна узнала, когда Лизе исполнилось три года. Не поверив врачам, увезла дочь в Москву, но и заключение столичных специалистов было неутешительным: «Тугоухость четвертой степени».

Жанна оставила работу. Она возила дочь из Беслана во Владикавказ к врачам, сурдологу, логопеду, биоэнергетику, много занималась с ней сама.

И Лиза, которая почти не слышала, заговорила. В пять лет она уже бегло читала вслух, а в семь пошла в первый класс обычной общеобразовательной школы — школы №1, в которой когда-то училась сама Жанна.

После занятий Лиза бежала в птичник — ей очень нравилось собирать яйца, кормить кур, возиться с цыплятами, которые ходили за ней, как за наседкой.

«Когда я вырасту, ты купишь мне сумочку, телефон и туфли на высоком каблуке, — сказала она матери. — Я буду продавцом».

Девочки нашли среди пакетов и сумок бутылку шампанского и открыли ее. Жанна намочила в теплой шипучей жидкости кусочек поролона и выжала его в рот девятикласснице Дзере Дзиовой. Дзера была в блузке и сарафане, снять который не могла. Жанна помогла ей спустить бретели сарафана и приоткрыть ворот блузки.

На третий день Жанна вынесла ослабевшую Лизу в коридор. Двое террористов стояли у входа в кабинет.

— Куда? — спросил один из них.

— У ребенка проблемы с сердцем.

— У меня тоже проблемы с сердцем. Вернись на место.

В душевой педиатр Лариса Салказанова оказывала помощь детям, потерявшим сознание. Она дала Лизе немного воды и помогла Жанне тайком намочить рубашку.

Перед самым взрывом Жанна увидела родственницу, которая шла по проходу со стороны тренажерного зала.

— Что ты там делала? — спросила ее Жанна.

— Там можно выпить воды.

Жанна встала и вместес детьми решительно направилась в сторонутренажерного зала. Она была уже в нескольких шагах от него, когда раздался окрик одного из террористов: «Всем сесть на свои места!».

Жанна села на пол лицом к баскетбольному щиту. Слева от нее — Лиза, справа — Залина. Услышала странный звук — то ли свист, то ли шипение, взглянула вверх и потеряла сознание.

Когда очнулась, поняла: произошел взрыв. Но где она? «Если все это взорвется, от спортзала останется только яма», — сказал один из террористов в первый день. «Даже на тот свет слышна стрельба», — подумала Жанна и открыла глаза. Рядом — Залина, она жива.

Жанна перевела взгляд туда, где сидела Лиза. Лиза лежала на спине. Она потрогала ей голову и нащупала отверстие. Не сознавая, что ранение — смертельное, попыталась поднять дочь на руки, но не смогла.

— Зая, помоги, — позвала она Залину.

Но и вдвоем поднять Лизу им не удалось — Жанна тоже была ранена.

Боевиков в зале не было; дверь, ведущая во двор, была открыта.

Жанна поволокла Лизу в сторону двери. До стола, который загораживал выход, оставался один шаг. Маленький мальчик, вскарабкавшись на гору сумок, перебрался через него и выскочил во двор. Сделать то же самое Жанна не успела — распахнулась дверь тренажерного зала, и из него в сопровождении террориста вышли заложники.

Жанна с детьми легла на кучу сумок. «Не двигайся, притворись мертвой», — шепнула она Залине.

Когда заложники и террористы, пройдя через весь зал, скрылись в коридоре, ведущем в школу, Жанна положила Лизу у стены и легла рядом, накрыв себя и девочек куском картона.

Перед ней, касаясь ногами ее головы, лежал террорист и стрелял во двор.

Пуля, влетевшая в зал, попала Залине в ногу, из нее фонтанчиком брызнула кровь. Жанна зажала рану рукой.

Почувствовав движение за спиной, террорист оглянулся.

— Вставайте и выходите, — сказал он.

Сквозь отверстие в крыше спортзала было видно, как в небе с ревом проносятся боевые вертолеты. «Лежи, не двигайся, — сказала Жанна дочери. — Делай вид, что ты мертвая. Сейчас нас будут спасать».

Края отверстия в потолке стали тлеть. Горячие угли падали вниз и прожигали картон, которым они укрывались.

На стене с шумом крутился вентилятор. Трое террористов, вошедшие из коридора, остановились в противоположном конце зала. «Надо остановить вентилятор, он раздувает пожар», — сказал один из них.

Автоматными очередями они остановили его.

— Уходите, — опять оглянулся на них террорист.

— Моя девочка ранена, я не могу ее оставить.

Террорист посмотрел на Лизу, протянул руку и положил ладонь ей на живот.

— Она умерла, — сказал он через несколько секунд. — Оставьте ее и уходите. Сейчас здесь все загорится.

Жанна и Залина, пригнувшись, прошли вдоль стен и добрались до коридора. Жанна еще раз взглянула на то место, где лежала ее девочка.

И вдруг она увидела Лизу! Она стояла на том самом месте, у стены, где Жанна оставила ее.

«Лиза! Как же я бросила ее?» — ужаснулась она и побежала к дочери

через весь зал, не глядя под ноги, не обращая внимания на стрельбу. Добежав, обняла, прижала к себе: «Лиза, девочка моя!».

Лицо малышки было в крови, выпавший из орбиты глаз висел на тонком сосудике.

Она повела ее в сторону коридора, поддерживая и прижимая к себе.

В столовой, которая напоминала поле боя, время проносилось стремительно — в спортзале оно текло медленно.

Жанна спрятала детей под стол, обитый железом, и накрыла их пиджаком. В момент очередного взрыва, накрыв собой детей, она всмотрелась в лицо Лизы и вдруг в ужасе поняла, что перед ней — чужой ребенок.

— Ты кто? — спросила она потрясенно.

Еще не веря себе, она посмотрела на волосы девочки: они были темными, намного темнее, чем у Лизы.

Мир перевернулся. Жанна почти реально ощутила эту перевернутость бытия и странную пустоту в груди. Ею овладело равнодушие. Она села, прислонившись к стене, и отрешенно смотрела на всё, что происходило вокруг.

«Я схожу с ума», — подумала она. Решив проверить, так ли это, повернулась к молодой темноволосой женщине, которая сидела рядом, и громко спросила:

— Вас зовут Фатима?

— Нет.

Она сбивчиво говорила что-то еще.

«У меня тоже единственный ребенок умер», — ответила ей женщина.

Снова содрогнулись стены, куски кирпича и штукатурки разлетелись по столовой. С окна упала решетка.

Перед Жанной на столе стояли двое спецназовцев. Она видела, как террорист бросил на пол гранату, и закрыла глаза, а когда открыла их, увидела только одного из спецназовцев — с рыжими усами. (Это был Михаил Кузнецов, который погиб при штурме школы).

Боевики с криком «Аллах акбар!» стреляли в него из укрытия. «Духи, выходите!» — отвечал террористам спецназовец.

Жанна отстраненно наблюдала за тем, что происходило вокруг. Ей уже не хотелось прятать и защищать детей, она не ложилась на них во время взрывов, как прежде. В ней произошла непонятная ей самой перемена. Черное облако опустилось и, плотно окутав ее, отрезало от окружающего мира.

Она прожила в таком состоянии год. Стоило ей выключить в комнате свет, как облако накрывало ее с головой, вселяя ужас.

Ей помог психолог.

Обгоревшее тело дочери Жанна опознала в морге сама.

После похорон она сложила на кровать Лизы вещи и игрушки, которые были особенно дороги ее ребенку.

Любимая курочка дочери каждый день приходила в ее комнату и, свив на кровати гнездо, стала нести яйца.

Старшая дочь Жанны, Залина, осталась жива.

Той девочкой, которую Жанна приняла в спортзале за свою дочь, была Амина Качмазова. Она тоже выжила.

Артура Кисиева террористы расстреляли. Погиб и его сын, второклассник Аслан.

Во время поездки в Иерусалим Жанне приснилась Лиза. «Вы наденете красивые платья и будете купаться», — сказала она.

Жанна вспомнила эти слова, когда им предложили окунуться в священную реку Иордан — на них были белые длинные одежды.

Через три года в семье Цириховых родилась еще одна дочь, Алина. Но заглушить в душе Жанны боль от потери Лизы ей так и не удалось.

Виктория УШАКОВА

Виктория

Улица Коминтерна, на которой расположена первая школа, — самая широкая в Беслане. По ней проходят две оживленные транспортные магистрали — автомобильная и железнодорожная. Школьники безошибочно определяли, какой мимо школы шел поезд: московский или питерский, с какого предприятия на станцию подают очередной состав с продукцией.

Дом, в котором живет Вика, — недалеко от школы. Но, чтобы попасть в нее, ей приходится спускаться с возвышения вниз, к путям, переходить через две железнодорожные колеи, снова подниматься вверх по тропинке. Иногда ей кажется, что железная дорога проложена по высохшему руслу реки.

Старенькая двухэтажная школа улыбается всеми своими окнами: сегодня — первое сентября.

Вика собирается на День знаний. На ней — модная юбка в складку, которая ей очень нравится. Она не любит юбки, но эта — особенная, с потайным замочком-«молнией», который совсем не заметен.

Уходя из дома, она просит у матери мобильный телефон, гордость всей семьи.

Их кабинет немецкого языка, маленький и уютный — на первом этаже.

Одноклассники бурно радовались друг другу. Ирина Тетова, которая всегда смахивала на подростка из-за своей любви к коротким стрижкам и брюкам, преобразилась: за лето отрастила волосы и надела юбку.

«Ира, какая ты красивая!» — сказала Вика.

Она смотрела и не узнавала своих одноклассников: мальчики почти все — в строгих костюмах, отчего казались совсем взрослыми. Девочки в черных юбках и белых блузках, только одна Мадина Ахмеджанова пришла в школьной форме.

Они вышли во двор. Вика не сдвинулась с места, когда все куда-то побежали. Она продолжала стоять и тогда, когда за ее спиной остановился мужчина в камуфлированных брюках и черной футболке. На лице его была маска, такая же пятнистая, как и брюки, в руках — автомат.

...Вика бежала по школьному коридору. Еще утром залитый солнцем, он стал темным, как при затмении, когда солнце светит, но свет его становится сумеречным.

В спортзале рядом с Викой сидела Фатима Гадиева, молодая женщина с двухлетней девочкой на руках. Девочку звали Кристиной. Малышка спала на руках у матери.

На второй день Фатиме удалось незаметно подобрать в коридоре недопитую террористами бутылку воды. Боевик, стоявший рядом, сделал вид, что ничего не заметил.

Фатима спрятала бутылку под одежду и принесла в зал. Дала немного воды своей дочери, по глотку сделали Вика, Эльвира Болотаева и ее брат Эдик, которому было очень плохо, Амага и Тамерис Цибировы.

Выпила и Анжела Кусова.

Анжела не должна была быть в этом зале. Она жила и училась в Москве, в Беслан они с братом приезжали на летние каникулы к деду и бабушке. До пятого класса оба были учениками первой школы. Потом родители увезли их в Москву.

Каждый год первого сентября они шли в свою школу, чтобы встретиться с бывшими одноклассниками и учителями, и в тот же день вылетали в Москву.

Анжеле исполнилось шестнадцать, она превратилась в очень красивую девушку, оставаясь при этом кроткой, нежной и скромной.

На второй день Анжела бросила кому-то мокрую тряпку. Террориста это взбесило, и он заставил ее встать. «Я тебя убью!» — сказал он с ненавистью и направил на нее автомат. Анжела стояла спокойно, на ее лице не было и тени страха.

Недалеко от Вики, положив ногу на «педаль», сидел террорист с перевязанной рукой.

Кто-то из заложников вспомнил о сериале «Клон», который шел по одному из телеканалов. Террорист «на педали», прислушавшись к их разговору, заметил: «Это нехороший фильм. Таких законов в исламе нет».

На полу возле Вики валялась выброшенная кем-то косметичка, из которой выпали маленькие печенья в форме рыбок. Дети откусывали по кусочку и передавали их друг другу.

Рядом с Викой спали, прижавшись друг к другу, Игорь и Наташа Замесовы. Из коридора потянуло прохладой. Вика подняла с пола пиджак и накрыла детей.

В зал вошли несколько очень молодых террористов. У них были красивые, но жесткие лица.

На третий день недалеко от Вики поставили ведро. Дети и подростки стали справлять в него нужду. Запах мочи был таким невыносимым, что Вика решительно встала и направилась туда, где сидела ее подруга Эльвира Маргиева с мамой Светланой.

Террористы, которые никому не позволяли вставать, столпились, чем- то встревоженные, у выхода в коридор и не обратили на нее внимания. Эльвира стояла, ее мама Света сидела.

— Сядь, — сказала Вика Эльвире и опустилась рядом с ней на пол, лицом к шведской стенке. Перед ней был террорист «на педали», чуть дальше — Анжела Кусова и Диана Баскаева, Фатима Гадиева с двухлетней Кристиной, которая все эти дни спала на руках матери. Там осталась Эмма Хаева, которая дала ей номер своего телефона и сказала: «Как только выйдем отсюда — позвони мне».

Именно там, рядом со шведской стенкой, ярко вспыхнул огонь, и на его фоне Вика увидела не людей, а их скелеты — как на рентгеновском снимке. Последнее, о чем она успела подумать, было: надо накрыть волосы, чтобы не сгорели. Обхватила руками голову, закрыла локтями лицо и потеряла сознание.

Открыв глаза, увидела террориста с перевязанной рукой. Он сидел на корточках у выхода в коридор. «Кто живой — выходите», — сказал он, оглядывая зал.

Вика села и замахала руками, пытаясь привлечь к себе его внимание.

— Ложись, — сказала ей незнакомая женщина.

Она послушно легла.

Со стороны тренажерного зала, пригнувшись, пробирался мужчина. «Помогите!» -— позвала его Вика. Мужчина взял ее на руки, донес до тренажерного зала и передал по цепи дальше.

Подруга Вики, Эльвира, погибла. Погибли и все те, кто сидел рядом с Викой у шведской стенки. Судьба увела ее от неминуемой смерти за несколько секунд до страшного взрыва.

Тереза КАРСАНОВА

«Подойди сюда», — сказала Терезе Альбина Викторовна. В руках учительница держала бутылку шампанского. Поглядывая на дверь класса, приспособленного террористами под туалет, она торопливо освободила горлышко от фольги, раскрутила проволоку и осторожно отпустила пробку. Пробка беззвучно выскочила, и пенистая жидкость полилась из бутылки . «Пейте быстрее», — сказала Альбина Викторовна. Несколько детей, в их числе и Тереза, с жадностью выпили теплое шампанское прямо из горлышка.

— Я нашла это в столе Галины Хаджиевны, — сказала учительница.

Она достала из пакета маленькие шоколадки «Аленка» и дала им по несколько штук. Тереза спрятала их за пазуху и вернулась в спортзал.

Голова слегка кружилась. Она дала шоколад старшей сестре Диане и ее сыну, первокласснику Георгию.

Вид у Дианы был отрешенный. Сын о чем-то спрашивал ее, иногда плакал, просил воды, что-то рассказывал — Диана все три дня была словно в коконе, куда не доносилось ни звука.

Тереза почувствовала головокружение, ей захотелось спать. Она легла лицом вниз и уснула.

...Год назад Карсановы купили дом на улице Коминтерна, и Тереза из шестой школы перешла в первую.

Шестиклассники приняли ее приветливо. Первой к ней подошла знакомиться Ирина Таучелова. С тех пор между Терезой, Ирой и ее младшей сестрой Светой установились дружеские отношения. Ира и Света были погодками, но Ирина относилась к сестре, которая была младше всего на несколько месяцев, покровительственно, не давала в обиду. Сестры учились в музыкальной школе, пели в хоре, хорошо рисовали.

В этом году Тереза перешла в восьмой класс, а ее племянник шел в первый. Из дома вышли втроем — Тереза, ее старшая сестра 28-летняя Диана и ее сын Георгий. Незадолго перед тем у Дианы произошла размолвка с мужем, и она была грустна и молчалива.

Они подходили к школе, когда Тереза обнаружила, что у нее побежала петля на колготках. «Вы идите, я вас догоню», — сказала она сестре.

Вернулась домой, сменила колготки, но не успела дойти до школы, как новые колготки опять порвались.

Пришлось вернуться еще раз и надеть носки.

Когда вошла, наконец, в школьный двор, увидела одноклассников, которые уже стояли на обычном месте — лицом к спортзалу. Там, у входа в зал, рядом с мастерскими — их кабинет осетинского языка.

Когда-то на весь Беслан была только одна маленькая одноэтажная школа — та, в которой теперь размещаются начальные классы. Потом возвели двухэтажную, к ней со временем пристроили актовый и спортивный залы, столовую. Теперь и в этой школе тесно, поэтому их кабинет осетинского языка — рядом с производственными мастерскими.

Раздался выстрел, и вверх полетели шары. «Мероприятие началось, — подумала она. — Но куда все бегут?».

Толпа отнесла ее в сторону спортзала. Кто-то острым каблуком наступил ей на большой палец левой ноги, ее пронзила острая боль.

Тереза обрадовалась, увидев в этой многоликой толпе Ирину Таучелову. Вместе они были весь первый день: Ирина со Светой, Тимур Батагов, Артур Бигаев, Алина Албегова, Ирина Хадикова и Тереза.

Всё происходящее пока воспринималось как веселое приключение.

Ночью Терезу нашла сестра и позвала к себе.

Вечером второго дня их перевели в тренажерный зал. После обжигающей духоты спортзала здесь было холодно и мрачно. Металлические тренажеры казались Терезе похожими на средневековые орудия пыток. Впечатление усиливало то, что на одном из них металлическая цепь была красной. Ей казалось, что это — кровь.

Здесь в душевой была вода, но пить Терезе почему-то расхотелось.

...Тереза не услышала ни одного взрыва. Она открыла глаза и увидела туман, а сквозь него — бегущих людей.

Второй взрыв настиг ее уже на подоконнике. Ее выбросило на землю, она вскочила, побежала к воротам. Далеко впереди мужчины в камуфляже, похожие на террористов, махали руками и кричали: «Сюда, мы свои!».

Она не помнила, как оказалась на больничной койке. Рядом сидела незнакомая женщина — это была ее соседка, но Тереза не узнавала ее.

Ее сестра Диана погибла. «Я звал маму, но она молчала», — рассказывал маленький Георгий.

Погибли и одноклассники Терезы Ирина и Света Таучеловы, Маша Канахина, Ирина Хадикова и Тимур Батагов.

Людмила РЯСНОВА

Людмило

Тучную Людмилу втаскивали в коридор через окно. Осколок стекла, торчавший из оконной рамы, вспорол на ней одежду и прочертил кровавую полосу по животу.

Она искала свою внучку Наташу в толпе детей, бежавших по коридору. Но в одинаковых форменных платьях и фартуках девочки были похожи друг на друга.

Наташе было всего пять месяцев, когда ее мама вышла замуж и уехала из Осетии. Это было двенадцать лет назад. Девочку растила Людмила.

В этом году Ната перешла в пятый и могла бы первого сентября пойти в школу сама. Но бабушка решила познакомиться с ее классным руководителем.

Людмила увидела свою внучку, когда та вошла в зал. «Иди сюда!» — крикнула она, но Наташа боялась идти к ней. И только после того, как террорист со шрамом разрешил детям перебраться к родителям, Наташа пришла к бабушке.

Людмила — гипертоник. Она редко выходит из дома без таблеток. Здесь у нее таблеток нет. Нет и возможности прилечь. Так тесно, что невозможно изменить позу, поэтому затекшие ноги стали деревянными.

Наташа

На третий день Людмиле удалось прилечь.

— Бабуля, я умираю без воды, — сказала Наташа.

Людмила села. Взрывная волна бросила их навзничь. Зал заволокло туманом: невозможно было дышать. Слышалась стрельба. Людмила опять села, выпрямила затекшие ноги. Очередной взрыв снова отбросил ее назад.

Через полчаса их с группой заложников увели в кабинет физруков. Молодой террорист кричал на преподавателя физкультуры Ивана Константиновича: «Надоел ты мне уже». Людмила села на пол, положив Наташу рядом. Террорист схватился с Иваном Константиновичем и выстрелил в него.

Пустая гильза упала Людмиле на палец правой ноги, и ей показалось, что в нее попала пуля.

В кухне, куда их привел террорист, на плите стояли кастрюли с водой, и они стали с жадностью пить ее из пластиковых стаканов.

Людмила думала, что это — свобода, что здесь их ждет спасение. Но здесь было еще страшнее: от пуль и взрывов невозможно было укрыться, они косили заложников.

«Не бросай!» — услышала она женский крик и увидела молодого террориста, который застрелил Каниди. В руках у него была граната. «Аллах акбар!»

— произнес он и спокойно бросил ее на пол.

Людмила успела прикрыть собой внучку и почувствовала, как на нее медленно и тяжело свалилась смуглая темноволосая старшеклассница, изо рта которой шла пена.

Через несколько секунд девушка перестала дышать.

У учительницы Галины Хаджиевны Батаевой была оторвана ступня, но она была в сознании.

Больше Людмила ничего не помнит.

Она так и не узнала, кто и когда вынес ее из столовой.

Наташа тоже осталась жива.

Светлана МАРГИЕВА

У Светланы несколько лет не было детей. Она привязалась к детям мужа от первого брака Зарине и Ляне, которые жили в Питере. Девочки подолгу гостили в их семье. Когда они уезжали, дом пустел, и Света с удвоенной силой начинала ощущать тоску по ребенку.

Однажды, поздним осенним вечером 1990-го года, она увидела раскрытыми «ворота неба». От старших Света слышала: увидеть такое — редкая удача. Тот, кому выпадает подобное счастье, может попросить у Бога все, что угодно, и любое желание исполнится. «Боже, — взмолилась Света, — дай мне хоть одну девочку!».

Через два года, десятого января, в день рождения мужа, она подарила ему дочь Эльвиру.

Муж устроил грандиозный пир. С такой пышностью в Осетии отмечают только рождение сыновей.

Света была уверена: ее девочка — ангел во плоти, которую по ее молитве послал ей Всевышний. Эльвира отличалась от сверстниц недетской мудростью и готовностью помочь каждому. «Может, хлеб вам принести из магазина?» — спрашивала малышка пожилых соседок.

Света гордилась дочерью. Она с нетерпением ждала ее пробуждения по утрам, не могла налюбоваться на нее, сходила с ума от страха, что с ней что-то случится. Мать словно чувствовала, что ее девочка пришла в этот мир ненадолго.

С некоторых пор Свете стал сниться один и тот же сон: они с Эльвирой пытаются выбраться из ямы. Свете это удается, а Эльвире — нет. «Поскорее бы ей исполнилось тринадцать», — думала она. Почему именно тринадцать, она не могла объяснить, но ей казалось, что после достижения этого возраста ее дочери уже ничто не будет угрожать.

«Как бы я хотела, чтобы Эльвира когда-нибудь стала моей невесткой!» — говорили иногда ей знакомые. И Света уносилась мечтами в будущее — она уже видела свою дочь девушкой на выданье. «Я обязательно куплю тебе на новогодний праздник платье невесты», — пообещала она Эльвире в августе.

Эльвира перешла в седьмой класс, но была уже одного роста с мамой, даже обувь у них была одного размера. Тем не менее Света, как и в предыдущие годы, собралась идти с дочерью первого сентября в школу. Ей вспомнились слова знакомого, который за три дня до этого, 28 августа,

рассказывал, что его остановили на автодороге работники милиции и, обыскав машину, сказали: «Говорят, в Беслан проникли террористы».

«В школу террористы вряд ли пойдут, — рассудила Света. — Могут напасть на райотдел милиции, организовать теракт на рынке или в другом людном месте».

У Маргиевых всё лето гостила внучка мужа Аня — ровесница Эльвиры. Ляна, которая приехала забрать ее, уже купила билеты на самолет на третье сентября.

…В тот день Ляна уехала во Владикавказ, а Аня шла вместе со Светой и Эльвирой на школьный праздник.

— Может, я забегу к Вике? — спросила Эльвира мать.

Вика Ушакова, подруга дочери, жила на той же улице Коминтерна, что и они. Но чтобы попасть к ней, надо было перейти через полотно железной дороги.

— Нет, — испугалась Света. — Не ходи.

Теперь ей кажется: отпусти она ее тогда, может, девочки и опоздали бы.

…В спортзале Эльвире не сиделось на месте. «Моей подруге плохо, — сказала она матери. — Я приведу ее сюда».

Рядом с ними лежал Эльбрус Худалов. Он был без сознания, глаза его закатились. Эльвира попросила у террориста воду. Они намочили ему лицо, влили немного воды в рот, и мужчина пришел в себя. Когда террорист замахнулся на него прикладом, Эльвира упала на Эльбруса и закричала: «Не бейте его!».

Пожилая женщина, сидевшая рядом со Светой, говорила: «Если с нами что-то случится, нас и забрать будет некому. У меня единственный сын, да и тот уехал в Москву. Откуда он знает, что здесь с нами происходит?».

Женщина была с невесткой и двумя внуками, младшему из которых не было и трех лет.

... Свете удалось задремать. Во сне она опять выбиралась с Эльвирой из ямы. Ей это удалось, а Эльвире — нет.

Эльвира встала.

— Сядь, — попросила ее Света.

— Постою, пока террористов нет, — ответила она. — Я устала сидеть.

В зале, действительно, оставались всего двое боевиков те, которые сидели «на педалях». Остальные столпились в коридоре, ведущем в школу.

Если бы Эльвира села!

Света открыла глаза и с удивлением увидела: они обе лежат. Голова дочери покоится на ее локте. Волосы Эльвиры, всегда гладко зачесанные и заплетенные в косу, отливают красноватым блеском. Она присмотрелась: на волосах — кровь! Глаза закрыты, челюсть неестественно отвисла, и рот широко раскрыт, на лбу — вмятина.

Света взяла дочь за руку и нащупала пульс. Сердце билось сильно и ровно. «Не умирай, прошу тебя, не умирай», — умоляла она свою девочку.

Пульс становился все слабее и наконец исчез. Света отпустила руку Эльвиры и посмотрела вверх: над ее головой клубился огромный огненный шар. Она попыталась привстать и ощутила обжигающую боль в ноге. Лежа, потянула за собой дочь, но не смогла даже сдвинуть ее с места.

Света поползла и увидела женщину, которая ничком лежала на ребенке. Видны были только ноги малыша, которые судорожно двигались — он задыхался, делая отчаянные попытки выбраться из-под матери. Света увидела светлые, волнами рассыпавшиеся волосы, и ей показалось, что это невестка той пожилой женщины, сын которой уехал в Москву.

Она выдернула малыша за ногу из-под мертвого тела и потащила за собой. У самого входа в тренажерный зал в нее попал осколок, и она выпустила мальчика.

Эльвиру похоронили восьмого сентября. На крышке закрытого гроба лежало белое нарядное платье, которое мама обещала купить дочери на новогодний праздник.

А в записной книжке Эльвиры остались стихи, которые она написала в последних числах августа:

Я жить хочу,
Я жизнь люблю,
Я ею дорожу.
Но если мне
Не будет места на земле,
Я ангелом на небо улечу...

Света несколько месяцев лежала в больнице. Ее сестре Бэле Малиевой приходилось быть не только сиделкой, но и психологом: изо дня в день, неделю за неделей, Света рассказывала ей о том, как умирала ее дочь.

Эльвира очень хотела, чтобы у нее был маленький брат или сестра. И через полтора года после смерти дочери Света исполнила ее желание — они с мужем взяли из детского дома мальчика. Его зовут Арсеном.

Диана ДАУРОВА

Диана

Младшего брата, второклассника Таймураза, Диана нашла в спортзале только на второй день. Он не плакал, не капризничал и воду не просил. Только сказал: «Хорошо, что мама и Мадина опоздали».

Мама с годовалой Мадиной тоже собиралась на школьный праздник. «Вы идите, а я одену ребенка и догоню вас», — сказала она.

Таймураз, радостный и возбужденный, убежал раньше. За ним ушла Диана.

...Взрыв она не услышала. Ничего не видя сквозь образовавшийся туман, нащупала Таймураза и схватила его за руку. Встала, не зная, что делать, опять села.

Брат лежал лицом вниз. На запястье его правой руки виднелось небольшое отверстие. Диана оторвала кусок ткани от белой рубашки, которая валялась рядом, и забинтовала ему ранку.

«Иди сюда», — позвал ее террорист.

Она послушно встала и пошла к нему. Ее и еще шестерых заложников боевик повел на второй этаж и спрятал на сцене, за кулисами.

Через некоторое время он вернулся и отвел их в столовую. Потом принес ведро воды и раздал ее заложникам. Диана выпила три чашки.

После долгой стрельбы и взрывов кто-то взял ее на руки и передал в окно.

Папин брат Казбек нашел ее в палатке МЧС и отвез домой, в Фарн.

— Таймураз умер, но не говорите этого маме и папе, — попросила она дядю.

Обожженное тело своего сына Дауровы нашли не сразу. Только после того, как в морг поехала мама Тома и по носкам и пряжке ремня на обгоревших брюках опознала сына.

— Мама, — сказала Диана через несколько дней. — Купи, пожалуйста, гигиеническую губную помаду. У Таймураза потрескались губы.

Маленький Таймураз очень любил песню Игоря Корнелюка «Город, которого нет».

«Я иду в этот город, которого нет, — пел он. — Мне до него — последний шаг. И этот шаг длиннее жизни». Мама Тома слушает ее, плачет и вспоминает, как часто ее сын рисовал дорогу, уходящую вдаль...

Таймураз и Диана

Кристина ТЕБЛОЕВА

«В этой новой форме мне сегодня будет очень жарко», — сказала Кристина, глядя на свое отражение в зеркале.

Мама стояла за ее спиной и заплетала ей косы.

Кристина перешла в пятый, но за все эти годы отец ни разу не пустил ее в школу первого сентября — он опасался терактов.

— Я пойду с тобой, — сказала мама.

— Не надо, — неожиданно для себя сказала Кристина.

— Хорошо, — согласилась мама. — Я схожу в магазин, куплю шары и приду к тебе попозже.

Кристина уходила к восьми — ее первая учительница Марина Хаирбековна Канукова попросила ее участвовать в небольшой инсценировке, которую готовили первоклассники. Предстояла еще одна репетиция.

Услышав в школьном дворе хлопки, Кристина удивилась: фейерверк днем? Его же никто не увидит!

Она бежала через школьный двор, не выпуская из рук голубой целлофановый пакет, в котором лежали новенькие тетради — подарок первокласснику. Споткнулась, упала, но пакет не выронила.

Кристина

Мама на праздник опоздала.

В коридоре Кристина опять чуть не упала, схватила за руку одного из террористов и очень испугалась. Террорист недовольно посмотрел на нее, но ничего не сказал.

Кристине повезло — в первый день она сидела рядом с учительницей русского языка и литературы Альбиной Викторовной Аликовой.

Учительница успокаивала их, пыталась шутить, и Кристина, повеселев, решила, что все действительно не так уж и страшно: их обязательно спасут.

На второй день ее позвали к себе родственницы Марина и Мадина Азимовы.

Было очень жарко и хотелось пить. Кристина в поисках воды вышла в душевую. Навстречу шла мамина знакомая Лариса Кантемирова. В зале она была с двумя детьми — первоклассником Русланом и трехлетней Радой.

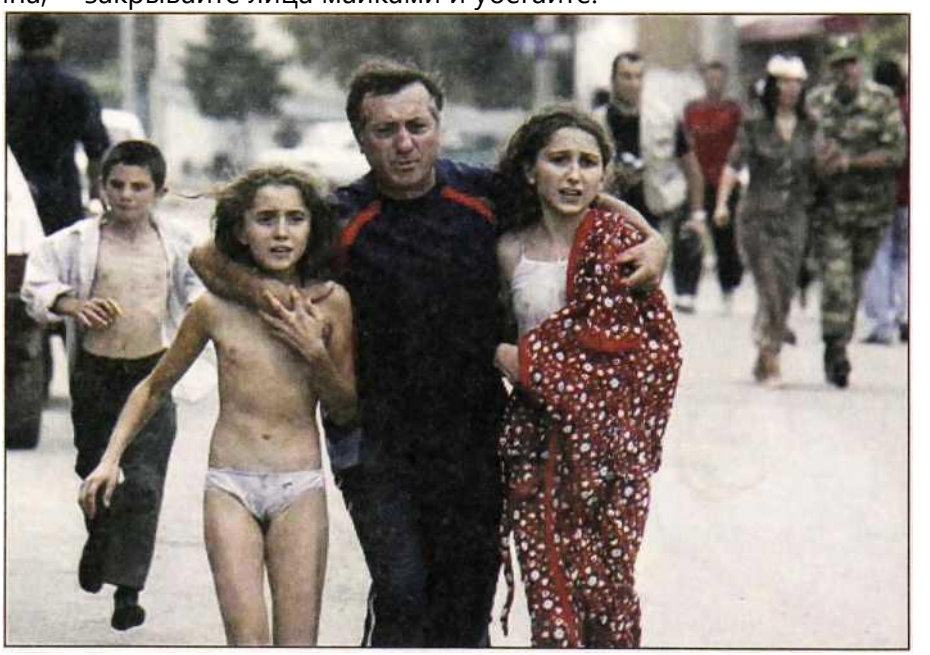
Лариса несла пластиковую бутылку с водой. Террорист выбил у нее ногой из рук бутылку и ударил прикладом.

Испуганная Кристина вернулась в зал.

Летом по телевизору показывали преступника, объявленного в розыск. Теперь ей казалось, что один из террористов очень похож на него.

— Мне снилось, что мы втроем упали в яму, — сказала она Мадине. — Мы с тобой выбрались и вытаскивали Марину.

— Если вдруг бросят дымовую шашку или пустят газ, — предупредила их Мадина,— закрывайте лица майками и убегайте.



Марина и Мадина Азимовы

Кристина смотрела на матовые оконные стекла, сквозь которые ничего не было видно, и думала о том, что там, на улице, светит солнце, гуляют люди, которые ничего не знают о том, что происходит здесь, в спортзале. Они спокойно едят мороженое, пьют воду и смотрят телевизор.

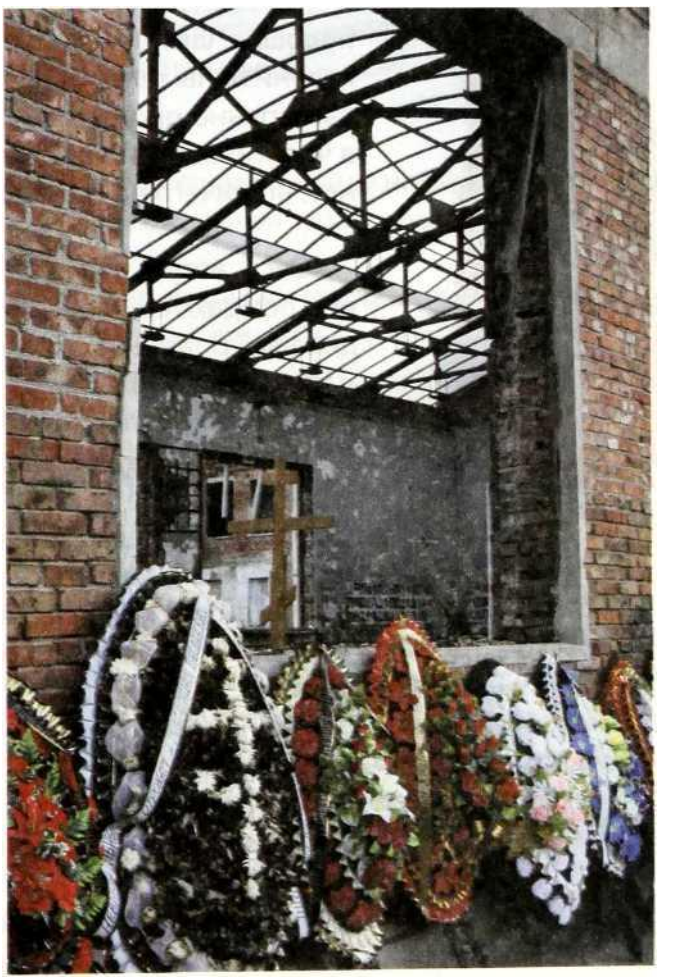
Один из террористов заставил встать Анжелу Кусову и приставил к её голове автоматное дуло. «Я убью ее, если вы не замолчите», — громко сказал боевик.

Через несколько минут Анжеле разрешили сесть.

Гул голосов в зале не стихал, террористы уже теряли контроль над заложниками.

...Взрыв наполнил зал густым туманом. Кристина решила: это и есть та самая дымовая шашка, о которой говорила Мадина. Закрыв нос и рот подолом майки, она побежала к окну и выбралась во двор.

Ее родственницы Мадина и Марина Азимовы тоже остались живы.



Ляна ПАРАСТАЕВА-КОКОЕВА

Шахидка, совсем юная, не более семнадцати лет, тщательно обыскивала Ляну. На закрытом черной вуалью лице видны были только глаза. «Должно быть, она очень красива», — подумала Ляна.

За несколько минут до того, как подошла шахидка, кто-то бросил на колени Ляны телефон. «Это не мой»,— растерянно произнесла она. Девушка в черном внимательно посмотрела на нее, но ничего не сказала.

Весь август Ляне снилось, что у нее рождаются мальчики. «Нет чтобы девочку родить, а ей всё мальчиков мало», — шутили коллеги, которым она рассказывала свои сны.

Сыновей у двадцатисемилетней Ляны было двое, и оба — уже школьники: старший, Сослан, перешел в третий класс, младший, Ацамаз, — во второй.

...Первого сентября Ляна проснулась в пять часов утра. Во сне она была в селе Октябрьском, где жили ее родители. Именно там в 1992 году разворачивались трагические события осетино-ингушского конфликта. Она, школьница, проснулась тогда под звуки автоматных очередей и не могла понять: наяву это или во сне?

Явь была ужасной: их, детей (ей было четырнадцать), эвакуировали, погибли многие соседи и односельчане, десятки семей остались без крова.

И вот теперь, накануне первого сентября, ей опять снилась та война.

Спать уже не хотелось. Ляна встала, приняла душ, сварила себе кофе и принялась готовить завтрак.

— Ты иди на работу, я сам пойду с мальчиками в школу, — сказал ей муж.

В восемь часов она была уже в салоне, где работала парикмахером. На душе было неспокойно. В половине девятого позвонила домой. «Мальчики уже ушли, — сказал муж. — От завтрака отказались. Я заканчиваю бриться и иду за ними».

«Нет, — решительно сказала Ляна. — Оставайся. Я пойду с ними сама».

Сослан

«Мальчики непременно зайдут к сестре, которая живет рядом со школой», — рассудила она.

Сестра с сыном Сосланом Дигуровым и мальчики Ляны действительно стояли на улице перед домом сестры. Тут же были Индира Итазова с двумя сыновьями — Артуром и Азаматом; Азамат Дзебисов и Заур Теблоев. Все — в новой школьной форме, нарядные и веселые.

По дороге встретили Светлану Курносову с внуком Ромой.

— Ты останешься на праздник? — спросила Ляна Индиру, когда они подходили к школе.

-Да.

— А я поговорю с учителями и пойду на работу.

Ляна дошла до ворот, но какая-то сила потянула ее назад, туда, где стояли ее мальчики.

— А где мама? — спросила она старшего сына Индиры, Артура.

— Пошла домой за деньгами.

Вернуться Индира не успела...

...Ляна нашла в зале ее сыновей и посадила рядом с собой. Она напоминала себе наседку. Распустить бы, как курочка, крылья, и накрыть всех пятерых детей: своих, племянника и сыновей Индиры.

«Хорошо, что мама не успела вернуться», — сказал Артур.

Выбрасывая сумку, Ляна успела вынуть из нее упаковку с двумя килограммами шоколадных конфет (родители приносили сладости для праздничного чаепития). Когда заложникам перестали давать воду, сообразила: от сладкого жажда у детей будет только усиливаться. И незаметно отодвинула конфеты к батарее отопления.

Вечером второго дня она потеряла сознание. Кто-то брызгал ей в лицо воду. Она открыла глаза и увидела Мадину Хузмиеву. «Сделайте глоток», — сказала Мадина и поднесла к ее губам пластиковую бутылочку с водой.

Вернулся старший сын Ляны Сослан, который уходил в поисках воды. Ничего не говоря, он знаками попросил мать наклонить к нему голову.

Ацамаз

Ляна удивленно нагнулась, сын обхватил ее за шею руками и влил ей в рот воду, которую принес во рту.

Светлана Курносова не спускала с колен внука Рому Павленко. «Все будет хорошо. Нас скоро выпустят», — успокаивала она окружающих.

За спиной Ляны грузная пожилая женщина в красном держала на коленях малыша лет двух.

— Хочу воду «Заманкул», — говорила матери маленькая девочка, сидевшая рядом с Ляной.

— Как только выйдем отсюда, я куплю тебе много-много воды, — успокаивала ее мать.

На третий день у младшего сына Ляны началось носовое кровотечение. «Воды», — шептал он. Слюна, которую давала ему Ляна, уже не помогала.

«Смотрите, моя мама идет», — неожиданно сказала девочка-подросток.

«Да-да, она обязательно придет», — успокоила ее Ляна. Во взгляде школьницы было что-то странное. «Тетя, а ты кто?» — спросила она, пристально посмотрев на Ляну.

Ответить Ляна не успела — женщина в красном платье с маленьким мальчиком на руках, сидевшая за ее спиной, стала тяжело валиться на нее. Хрупкая Ляна согнулась под ее тяжестью. Тело женщины, скользнув мимо, растянулось на полу. Оно было жестким и холодным — женщина, вероятно, умерла несколько часов назад, и тело успело окоченеть. «Если дети поймут, что она мертва, испугаются», — подумала Ляна и сказала мальчикам: «Тетя спит. Не трогайте ее».

...Взрыв бросил Ляну на пол. Маленький мальчик, внук умершей женщины, встал, испуганно озираясь по сторонам, и громко заплакал. «Ложись!» — сказала ему Ляна. Ребенок послушно лег на пол. Раненый мужчина с окровавленным лицом и заплывшим глазом взял малыша и прикрыл

его собой.

Ляна села. На коленях ее, обтянутых нарядной белой юбкой, лежал женский скальп. Цвет и длина волос были такими же, как у Ляны. «Это — часть моей головы, — подумала она. — Но почему я не теряю сознание?».

Она ощупала голову. Нашла небольшую рану, но волосы были на месте.

Осторожно взяв то, что лежало на ее коленях, она отложила его в сторону.

Мертвая женщина в красном платье лежала рядом.

У младшего сына Ляны, Ацамаза, из носа продолжала идти кровь, заливая ему грудь. Она подтянула лист потолочной обшивки, который лежал недалеко, и накрыла мальчиков. «Мама, накрой и себя», — сказал Ацамаз.

Со стороны тренажерного зала, пригнувшись, бежал один из террористов. Пробегая мимо них, он наступил на лист обшивки, которая краем придавила горло Ацамазу. Мальчик вскрикнул. Террорист резко остановился и, отодвинув лист, приказал: «Вставайте и идите за мной!». Схватил за руку Ацамаза и потянул его за собой в сторону коридора, ведущего в школу.

Что делать? Бежать за ним, оставив старшего сына, племянника и сыновей Индиры? А что она скажет сестре, если с ее сыном что-то случится? Но ее мальчик! Куда ведет его террорист и что с ним будет?

Она побежала за террористом, уводившим ее сына, только теперь увидев страшное месиво из человеческих тел, которое покрывало весь пол спортзала.

У входа в коридор лежало туловище мужчины без головы и рук. Ляна перешагнула через него, догнала террориста, который уводил Ацамаза, и увидела, что следом за ней бежит ее старший сын. «Давай, давай, забери и этого», — бросил ей, оглянувшись, террорист.

В подсобном помещении столовой у водопроводного крана толпились заложники и набирали воду в большие одноразовые стаканы. Ляна тоже взяла из разорванной упаковки стакан, набрала воду и понесла детям.

Беременная Фатима Доева сидела на стуле в центре помещения. «Дай», — попросила она.

Ляна отдала ей стакан и вернулась в подсобку. Взяла из упаковки еще один, наполнила его и вышла в столовую.

«Тетя, я пить хочу», — сказал ребенок лет двух. Малыш был в одних трусиках, темные вьющиеся волосы слиплись от пота, и было непонятно, мальчик это или девочка. Ляна отдала ему стакан. «Мама, скажи ему, пусть и мне оставит», — попросил ее Ацамаз.

На столе в картонной коробке было печенье, она дала по несколько штук своим детям и чужому малышу.

На полу сидел мужчина, раненный в руку. Под крайним окном справа лежали три женщины с детьми. Маленький ребенок, которому она давала воду, все так же одиноко сидел на полу. «Где же его родные? Погибли, наверное», — подумала Ляна. Мужчина, раненный в руку, взял малыша и прикрыл собой.

Ляна с детьми легла на пол. Пули летали по столовой во всех направлениях и напомнили Ляне снежную метель.

«Эй, вставай!» — услышала она и ощутила удар прикладом по голове. Над ней стоял террорист. «Вставай и поставь детей на окно!» потребовал он.

Боевики отстреливались из окон, прячась за женщин и детей.

«Быстрее, быстрее!» — торопил ее боевик.

Ляна поднялась. Детей она в окно не поставит. Она встанет туда сама.

Террорист отошел. Она втиснула своих мальчиков под стол, где лежали две женщины с детьми, прикрыла их крышкой от стола и встала на парту, придвинутую к окну.

«Возьми штору и размахивай», — услышала она голос террориста.

Женщина, стоявшая рядом с ней на том же столе, кричала: «Будьте вы прокляты!».

Террористы, стрелявшие из окна, в котором стояла Ляна, менялись. Отстрелявшись, боевик отходил, чтобы перезарядить автомат, а на его место становился другой. Почти все они были ранены, из-под бинтов проступала кровь.

В соседнем окне стояла Аида Арчегова.

На полу, между двумя окнами, лежал мальчик лет десяти. Он был ранен и истекал кровью.

...Пуля пробила Ляне грудную клетку и, пройдя в миллиметре от сердца, прошила легкое и застряла в мягких тканях. Из раны хлынула кровь, заливая белую одежду, и Ляна решила, что ранена в сердце. Было ощущение чего-то острого и горячего, что мешало дышать. Кружилась голова, но мысль о том, что она должна спасти детей, не позволяла ей расслабиться, потерять сознание.

Она сползла на пол, скомкала штору и прижала ее к ране.

— Вставай, девушка, вставай, — услышала она через некоторое время мужской голос.

Над ней склонился спецназовец в шлеме-сфере.

— А где дети?

— Вот они.

Ее вынесли. Но и оказавшись за пределами школы, Ляна не могла расслабиться: «Дети, где дети?» — повторяла она, имея в виду не только своих сыновей, но и племянника и детей Индиры.

В больничном коридоре друг мужа с трудом узнал в окровавленной и истерзанной женщине Ляну.

«Найди детей», — попросила его Ляна.

Один укол, второй. «Срочно в операционную!» — слышала она сквозь надвигающееся беспамятство голос врача. Снова укол, и опять: «Да ее ничто не берет».

Она не знала, что всем пятерым мальчикам, которых она оберегала эти три дня, удалось вырваться из зала живыми.

— Мою маму и брата убили, — сказал старший сын Ляны, Сослан, водителю внедорожника, который вез его в больницу. — Отвезите меня домой.

В реанимационном отделении районной больницы Ляну прооперировал врач из Москвы Виктор Сергеевич Шавлохов. Но положение

ее ухудшалось.

«Она безнадежна, — сказал он. — Но мы должны использовать последний шанс — надо увозить ее в Москву».

Через три дня Ляну с Наташей Соколовой, Мариной Алдатовой и Артуром Коцоевым, который получил ранение, вынося из спортзала детей, отправили в Москву.

Реанимобили погрузили в транспортный самолет. В Москве на всем пути следования до Гематологического научного центра машинам с ранеными из Беслана обеспечивали зеленый свет.

Раненых сопровождали врачи Виктор Сергеевич Шавлохов и Геннадий Мартинович Галустян.

Наташу и Артура спасти не удалось.

Ляна пробыла в больнице два месяца. Двадцать дней она была на грани жизни и смерти, двадцать дней душа ее блуждала в неведомых мирах.

...Она смотрела сверху вниз на свое опутанное трубочками тело, вокруг которого толпились врачи. Потом легко и невесомо летела по длинному коридору, в конце которого виднелась широко распахнутая дверь. Ослепительно-яркий радостный светлился через эту дверь, и ей хотелось поскорее добраться до него. Но путь ей преградил ее деверь, умерший несколько месяцев назад.

— Вернись! — сурово произнес он.

— Ты же всегда говорил мне, что я не невестка тебе, а сестра, — сказала Ляна.

— Я и теперь говорю, что ты мне — как сестра. Но ты должна вернуться.

— Говоришь — «сестра», а к яркому свету не пускаешь, — обиделась Ляна.

— Тебе рано еще сюда.

«Господи, если я в чем-то виновата, — прости меня!» — взмолилась Ляна и снова оказалась в больничной палате. Внизу, на постели, по-прежнему лежало ее тело, вокруг суетились врачи, а в изголовье стоял священник. Он наклонился и положил ей на грудь крест из желтого металла. Крест ослепительно сверкнул, словно вспышка молнии, и она опять оказалась в длинном коридоре, в конце которого был свет. Она устремилась было к нему, но там — деверь, и он опять ее не пустит! Не поворачиваясь спиной к свету, она отступила назад...

Когда Ляна пришла в себя, она стала искать тот источник света. Но ни в палате, ни за окном ничего, даже отдаленно похожего на то блаженнорадостное сияние, не было. Она почувствовала разочарование ей казалось, что она забыла и не может вспомнить что-то очень важное.

— Когда ты была в коме, к тебе приходил священник и долго молился за тебя, — сказала Ляне медсестра.

А еще через некоторое время Ляна узнала о том, что означает тот яркий свет и где она могла его видеть: она прочитала книгу американского врача Реймонда Моуди «Жизнь после жизни».

— Чего бы ты хотела больше всего? — спросил Ляну врач.

— Увидеть детей и вернуться в Беслан, — ответила Ляна.

Она не верила, что все пятеро мальчиков живы. Может, от нее что-то скрывают?

Такое же ощущение было и у Марины Алдатовой, которая лежала в той же клинике. «Где мой сын?» — спрашивала она. Ей отвечали, что он тоже ранен и находится в больнице. Женщина внимательно вглядывалась в лица знакомых — она уже подозревала, что ее единственный сын, девятилетний Таймураз Моргоев, погиб. (Его уже похоронили, но скрывали это от Марины, для которой любимый ребенок еще долгое время оставался живым).

...Вернувшись через два месяца в Беслан, Ляна поехала на кладбище. Она нашла могилы девочки, которая просила у матери воду «Заманкул», и ее матери. «Олеся и Эльза Гулдаевы», — прочитала она на памятниках.

Нашла и могилу погибшей Светланы Курносовой. Ее внук Рома Павленко остался жив.

И второй раз обошла она все кладбище — искала еще одно лицо, и, не найдя, облегченно вздохнула: здесь не было портрета мальчика, который умирал на ее глазах в столовой, рядом со столом, на котором она стояла.

Несколько месяцев спустя, сидя в очереди к врачу в районной поликлинике, Ляна разговорилась с незнакомой женщиной. «Мой сын тоже был тяжело ранен в столовой и чудом остался жив, — сказала она. — Он постоянно вспоминает женщину, которая стояла в окне. Ее убили на его глазах».

— Это была я, — сказала Ляна.

Филиса БАТАГОВА

Младший сын Филисы, Сослан Батагов, погиб в 1996 году при исполнении служебного долга — он работал в районном отделе милиции. Его именем назвали маленькую улочку рядом с 1-й школой, на которой жили Батаговы.

Потом в дорожной аварии погиб зять Филисы Алан Лолаев. Дочь Альбина осталась с двумя детьми. И когда у нее появилась возможность уехать в Канаду, она оставила детей с Филисой.

Хетаг перешел в седьмой класс, внучка, которая родилась через десять дней после смерти отца и была названа в память о нем Аланкой, перешла в пятый.

«Никуда не уезжай, — наказала Филиса мужу, уходя с внуками в школу. — Отвезешь меня на вокзал: в десять я должна быть во Владикавказе. В школе задержусь минут тридцать».

Первая школа, в которой когда-то училась сама Филиса, — в трех минутах ходьбы от дома Батаговых.

Аланка побежала к своей первой учительнице Марине Хаирбеков- не Кануковой — у нее был новый набор, и Аланка принимала участие в праздничном представлении.

Алана и Филиса

Филиса поднялась в кабинет физики, к преподавателю Рите Александровне Гаджиновой. Рита Александровна — одноклассница сестры Филисы Риты Ногаевой, поэтому они знакомы много лет. Хорошо, что именно она будет классным руководителем пятого класса, в котором учится

Аланка.

Разговор зашел об учебниках, и Филиса решила сходить домой, принести учебник физики, купленный для Аланки. А вдруг она купила не тот и придется искать другой?

Рита Александровна закрыла дверь кабинета, и они вместе спустились во двор. Филиса сбегала домой, принесла учебник.

Подошла сестра Филисы — Рита с дочерью Элиной.

Рита с Элиной в августе отдыхали в Турции. У них возникли проблемы с вылетом, и если бы они не попали на самолет, вылетающий в Беслан в ночь на 31 августа, не оказались бы первого сентября в школе. Но Рита сделала все, чтобы вылететь именно этим самолетом, и погибла третьего сентября в спортзале вместе с дочерью.

«Мама, почему дядя упал?» — спрашивала маленькая Элина маму, когда террористы застрелили Бетрозова.

Рита все эти дни сидела у входа в кабинет физруков — это место считалось самым удобным в зале. Сюда поступал свежий воздух из кабинета.

На второй день террористы вызвали директора школы и завуча: надо было позвонить президенту республики. Номер президентского телефона никто не знал. Вызвали детей председателя парламента Мамсурова — Замиру и Зелима, а также Филису, старший сын которой, Алан Русланович Батагов, был прокурором района.

Алана и Хетаг

Их отвели в учительскую. Террористы, которые были там, отличались от тех, кто контролировал зал: это был «генералитет». Они почему-то напомнили Филисе белогвардейских офицеров из фильмов: на них — вроде

бы тот же камуфляж, но аккуратно подогнан, все — подтянутые, из ворота выглядывают свежие подворотнички.

Справа — Алан Русланович Батагов

— А дети вашего сына тоже здесь? — спросил Филису террорист.

— Нет, — испугалась за детей Филиса. — Я здесь одна. Живу недалеко, делать нечего, вот и хожу на школьные праздники.

В учительской работал телевизор. Передавали новости, главной темой которых были события в Беслане. Диктор сообщал о том, что в спортзале захваченной школы — 354 заложника. Террорист раздраженно выключил телевизор, и в помещении повисла тяжелая, гнетущая тишина. Замира Мамсурова дозвонилась до бабушки и сказала: «Скажи папе, что нас захватили террористы».

Вернувшись в зал, взволнованная Филиса сказала внукам: «Делайте вид, что вы не со мной».

Когда вечером второго дня ее уводили в тренажерный зал, она была уверена: ведут на расстрел.

На третий день она потеряла сознание. Врач Лариса Мамитова передала для нее ватку с нашатырным спиртом.

С подоконника на Филису смотрела девочка с распухшей кровоточащей губой. «Дай что-нибудь и этой девочке», — попросила Филиса врача.

Лариса дала ей капсулу с неизвестным лекарством.

— А как я ее проглочу? — спросила девочка, еле шевеля губами.

— Положи на язычок, — посоветовала ей Филиса.

Последнее, что видела Филиса в зале, — это ее внучка Аланка, которая побежала к Элине и Рите Ногаевой.

Как после второго взрыва Филиса оказалась за пределами зала, она не помнит. «Дети, там мои дети!» — кричала она.

Ее внуку Хетагу удалось бежать. Внучка Аланка Лолаева, сестра Филисы Рита Ногаева и ее дочь Элина погибли.

Филиса живет на той же улице, которая носит имя ее сына.

Хетаг после теракта уехал к матери в Канаду.

Алина ЦОРАЕВА

Алина

Алина страдала клаустрофобией: она панически боялась замкнутого пространства и большого скопления людей.

Мысль о том, что ей придется протискиваться в толпе через узкий коридор, соединяющий спортзал со школой, приводила ее в ужас.

Оказавшись в зале, она испытала еще больший страх — ее сдавили так, что она не могла дышать.

Телефона у нее не было, но террористы сказали: «Будем расстреливать не только тех, кто спрячет мобильник, но и сидящих рядом». А вдруг у кого-то он зазвонит, а ее расстреляют?

Подошла шахидка. Алина с группой заложников встала; смертница, держа одной рукой пистолет, обыскала их, и они сели. Алина смотрела ей в глаза, не в силах отвести взгляд.

— Встань! — потребовала шахидка, направив на нее пистолет.

Алина встала.

— Повернись!

Алина повернулась к ней спиной, ожидая выстрела в спину.

«Сядь!» — опять резко сказала женщина.

Алина села и горько заплакала.

К ней подсел сосед по дому, восьмиклассник Аслан Есенов:

— Успокойся, — сказал он. — Заур, твой брат, здесь, я его видел. Всё будет хорошо.

Но Алина не могла успокоиться: она видела, как парень, очень похожий издалека на Заура, вскочил со скамьи, ударил ногой дверь и выбежал во двор. Вслед ему боевики открыли огонь из автоматов. Уверенная, что это был ее брат и его убили, Алина опять зарыдала.

Заура она увидела только вечером. Террористы что-то вносили в кабинет физруков и всех, кто сидел у его входа, заставили встать. Среди стоявших был и он.

«Заур!» — обрадованно крикнула Алина.

Понемногу все дети и взрослые из их двора собрались вместе: учительница осетинского языка и литературы Зара Алексеевна Дзуцева, Заур и Алина, Аслан Есенов, Анжела Дигурова с дочерью Дзерой, братья Сослан и Аслан Дзарасовы, Сережа Караев с мамой Татьяной.

Борис, Вера и Ирина Гуриевы тоже сидели недалеко с мамой — преподавателем истории Надеждой Ильиничной.

Вспоминали концерт, который дети организовали в последний день каникул для жильцов своего дома. Представление завершилось поздно ночью, Алина легла спать в двенадцать и утром проспала.

— Все уже ушли, — сказала мама, — и Заур, и Вера, и Борис, и братья Дзарасовы.

— Может, ты пойдешь со мной? — попросила Алина.

— Ты же не маленькая, — сказала мама. — А мне надо на работу.

Алина, быстро одевшись и позавтракав, вышла во двор. Мама, как обычно, смотрела ей вслед с балкона.

Цветы, которые Алина держала в руке, выскользнули из прозрачной обертки и рассыпались по земле.

— Вернись, — позвала ее мама.

Навстречу Алине шла соседка, которая выгуливала собаку. «Зачем возвращаться? Ты же опоздаешь. Давай я тебе помогу», — сказала она. Подняла с земли цветы и аккуратно связала букет.

Не успела Алина выйти со двора, как возле нее притормозил сосед, ехавший на машине.

— Алина, у тебя сегодня праздник, купи себе конфеты, — сказал он и протянул ей через приспущенное боковое стекло деньги.

Алина смутилась и опять посмотрела на балкон. Мама кивнула: «Возьми». Алина взяла деньги — взрослые в их дворе часто баловали детей, покупая им конфеты и мороженое, давая деньги на сладости в праздники и в дни рождений.

Алина поблагодарила соседа и побежала в школу.

Праздник еще не начался. Она встала рядом с подругой Зариной Дзи- овой.

— Давай сходим в магазин, — сказала она Зарине.

— Нет, не успеем.

Громко, как показалось Алине, стали лопаться шары. Она посмотрела вверх, но шаров не увидела. За ее спиной стоял мужчина в камуфляже, без маски, и стрелял

вверх.

— Ничего не понимаю. Разыгрывают, что ли? — сказала она Зарине.

Толпа отнесла их на спортплощадку и прижала к стене под окнами коридора. Рядом была Таисия Каурбековна — преподаватель осетинского языка и литературы.

— Что нам делать? — спросила ее Алина.

Учительница выбила оконное стекло и помогла им забраться в коридор.

Террористы, которые были в коридоре, стреляли во двор, и Алина решила: это свои. Не могут же террористы стрелять друг в друга!

В коридоре ее схватила за руку мамина сестра Лариса Фарниева, которая искала и не могла найти своего сына, третьеклассника Мурата.

На второй день, когда воду пить уже не разрешали, Алина вышла в раздевалку и увидела там Мадину Азимову. Рядом в душевой из неплотно закрытого краника капала вода, и Мадина набирала в чашечку капли. Они успели сделать по несколько глотков. Заглянул террорист и, увидев, что они пьют воду, прикрикнул на них и выгнал из душевой.

«Когда мы выйдем, я куплю целую упаковку «Колы», — сказала Алина.

Ночью ей снился холодильник, в котором стояли бутылки с холодной минеральной водой.

С Анжелой Дигуровой и ее дочерью Дзерой Алину вечером второго сентября перевели в тренажерный зал. Спали на бетонном полу. Было очень холодно. Рядом лежал преподаватель физкультуры Иван Константинович Каниди. У него был сердечный приступ, и он ладонью бил себя по груди.

Алина лежала на боку, зажав в кулаке серебряный крестик, висевший на цепочке. Ей казалось, что она спала всего несколько минут. Проснувшись, увидела: цепочка — на шее, а крестик исчез. Встала, поискала крестика нигде не было.

На третий день она опять сидела вместе с соседями. Обхватив колени руками, опустила на них голову. Как хорошо, что мама не пошла с ней в школу! У нее больное сердце, и эту жару она бы не выдержала.

После взрыва Алина сквозь густой дым (или туман) различила бегущих людей. Встала и пошла к окну, первому от входной двери. Болела правая нога. Она не знала, что в ней — осколок. Не ощущала она и правую руку, словно ее не было.

Алина забралась на подоконник, посмотрела вниз и увидела под окном Анжелу Дигурову. Спрыгнуть на нее? Но той же будет больно!

Она осторожно спустилась вниз и легла рядом с Анжелой. У женщины вокруг раны на плече запеклась кровь.

— А где Дзера?

— Убежала.

— Анжела, пойдем к моей тете, — сказала Алина. — Она живет недалеко.

— Лежи.

В зале опять что-то взорвалось, и на них пролился дождь из мелких раскаленных осколков.

Недалеко, под одним из окон, неподвижно лежала женщина, заваленная кирпичами.

— Давай отойдем отсюда, — сказала Анжела.

Они сделали несколько шагов в сторону мастерских, и Анжела опять упала на груду битого стекла.

Алина легла рядом. Из-за котельной выглядывали мужчины. И там террористы! Алина приподняла голову, но сразу опустила ее и затаилась.

Через некоторое время опять посмотрела в сторону котельной.

— Там девочка, живая, — услышала она.

К ним подбежали, подняли и понесли бегом через двор.

— Как тебя зовут? — спросила ее женщина-врач в «Скорой».

— Мой брат там, — сказала Алина.

— Как его зовут?

— Заур Цораев.

— Его отвезли в больницу.

— Точно? — не поверила Алина.

...Голова стала большой и тяжелой, очень хотелось спать. «Сквозное ранение челюсти, — услышала она. — Такая же рана в боку, в ноге — осколок, правая рука перебита».

Первое, о чем она спросила маму, когда пришла в себя, было: «Как Заур?». «Он жив, — сказала мама. — Но тоже — в больнице».

Анжела Дигурова и ее дочь Дзера остались живы.

Мамина сестра Лариса Фарниева успела выбросить из окна спортзала своего сына Мурата, сама погибла.

Измаил ГАБУЕВ

Первого сентября братья Габуевы не пустили в школу свою маму. «Родители ходят только с малышами. А мы уже взрослые», — сказал ей Алан. Он перешел в восьмой, а Измаил — в шестой класс.

Измаил был заядлым баскетболистом. Весной и осенью тренировки проходили на спортплощадке, расположенной во дворе, а зимой — в спортзале. За время летних каникул он успел соскучиться и по своему тренеру Ивану Константиновичу Каниди, и по школе.

Измаил вместе с одноклассниками стоял на спортплощадке в ожидании начала мероприятия. Впереди, за спинами детей, пробежали военные в камуфляже. Учения?

Еще не в состоянии осмыслить весь масштаб происходящего, Измаил оказался в спортзале. Сейчас все закончится, и их отпустят. «Не переживайте, все будет нормально, — сказал один из террористов. — Приедет ваш президент, и вас отпустят».

«Волноваться не стоит, — решил Измаил. — Надо немного потерпеть».

Он стал разглядывать террористов. Тот, кого называли Полковником, постоянно стрелял в воздух.

Все сняли маски, за исключением одного.

Минут за десять до взрыва террористы приказали тем, кто сидел на скамейках для болельщиков, сесть на пол.

После второго взрыва Измаил выбежал во двор и только там вспомнил про брата. Остановился, посмотрел на окна спортзала: черный густой дым валил из всех окон. «Всё. Оттуда уже никто не выйдет живым», подумал он и побежал через двор.

На улице Батагова далеко впереди увидел людей в камуфляже и масках.

И здесь — террористы?

«Сюда!» — кричали мужчины и махали им руками.

Его брата вынесли из спортзала спасатели.

Алина БАДЗИЕВА

Алина

В крошечную раздевалку, где сидели женщины с грудными детьми, вошел молодой террорист в черных брюках и такой же футболке. Лицо его в отличие от остальных боевиков было гладко выбрито и, как отметила про себя Алина, имело доброе выражение.

Женщины с интересом посмотрели на него, и одна из них произнесла по-осетински: «Надо же, такой молодой и уже перечеркнул свою жизнь».

Боевик резко повернулся и направил на них пистолет.

Никто больше не проронил ни слова.

В раздевалку, откуда дверь вела в душевую и туалет, боевики заходили часто, ни пили или набирали воду, разговаривали на непонятном Алине языке и смеялись.

Когда они проходили мимо, ей становилось страшно.

В раздевалку Алину привела Фатима Цкаева. Когда женщин с грудными детьми выводили из зала, Фатима, у которой на руках была шестимесячная Алена, забрала с собой и своих старших — четырехлетнего Махара и десятилетнюю Кристину, а вместе с ними и подругу дочери — Алину. Девочки жили по соседству и учились в одном классе.

Где-то в спортзале осталась их третья подруга — Аланка Плиева.

Утром Кристина с мамой ушли в школу раньше, Алина и Аланка — чуть позже: Алина никак не могла отыскать листок со стихами, которые ей предстояло читать на утреннике.

Потом они стояли в школьном дворе и восторженно разглядывали белый воротничок на форменном платье Кристины, усыпанный сверкающими стразами.

Подошла мама Алины, которая работала преподавателем математики в другой школе, постояла несколько минут и собралась уже уходить.

Услышав выстрел, Алина не испытала ни страха, ни удивления. Рядом остановились трое мужчин в масках. Алина поискала взглядом мать, но ее уже не было.

Кристина бросилась туда, где были расставлены стулья для женщин с маленькими детьми и сидела ее мама.

Аланка Плиева и Алина, держась за руки, побежали в сторону спортзала. Споткнулась и упала соседка Бадзиевых — Инесса Даурова. Рядом с ней стоял и

плакал ее двухлетний внук Георик.

Громко, как на похоронах, рыдали и кричали женщины, и от этого Алине стало жутко.

В спортзале рыжеволосая женщина с маленьким мальчиком успокоила ее: «Террористы потребуют от президента деньги, он им заплатит, и нас отпустят».

Аланка отыскала, наконец, свою младшую сестру, второклассницу Залину Плиеву, и пересела к ней.

Алина осталась совсем одна. Десятиклассник Азамат Тохтиев, который жил в их подъезде этажом выше, махнул ей рукой: «Перебирайся к нам». С младшим братом Ацамазом он сидел недалеко от кабинета физруков. Здесь Алина и увидела свою подругу Кристину и ее маму Фатиму.

...Шестимесячная Аленка почти не плакала. Возможно, не успела проголодаться: у Фатимы была бутылочка с детским питанием, которую она грела на животе. Кристина старалась помочь матери — подержать малышку, успокоить Махарика.

Шестимесячную Алену вынес Руслан Аушев и передал омоновцу Эльбрусу Гогичаеву

Ночью Фатима сняла дверь, которая вела в душевую, и уложила на нее детей. Террорист принес им две черные теплые мужские куртки, и они постелили их на доски двери.

Куртки пахли дымом костра.

Кристина плакала.

— Что, доченька, сердце болит? — с тревогой в голосе спрашивала ее Фатима. — Все будет хорошо. Как только начнут стрелять, ты схватишь Ма- харика, а я — Аленку, и побежим домой.

У Кристины было больное сердце. Днем у нее случился приступ, и террорист с перевязанной рукой по имени Абдулла дал ей валидол.

— Как только выйдем отсюда, — говорила Фатима сидевшим в раздевалке женщинам, — сразу же, не заходя домой, отведу детей в больницу на обследование. А потом уеду к мужу, в Самару. Ни дня здесь больше не останусь.

У мужа Фатимы в Самаре был небольшой бизнес, и он собирался забрать туда семью.

Алина с Кристиной лежали на пахнущих костром куртках, и Алина вспоминала, как в четвертом классе на уроке труда Кристина нашла раненого голубя. Устроила ему в гараже домик из картона, кормила его, и голубь стал совсем ручным. Потом она принесла его в школьный двор, и девочки с ним фотографировались.

Мама Кристины болела и несколько месяцев пролежала в больнице. Кристина помогала отцу, ухаживала за маленьким Махариком, ходила в магазин за продуктами, научилась включать стиральную машину.

…В дверях раздевалки остановился один из террористов. «У меня тоже много детей, — сказал он женщинам, глядя на Кристину и Алину. — Я бы хотел воспитать их так, чтобы они ничего не боялись. Отвез бы, например, в лес, чтобы они сами нашли дорогу домой».

Алина уснула. Ей снился ночной лес, в котором блуждали маленькие дети и не находили дорогу домой.

На второй день тот же террорист принес женщинам пакетик сухого молока и коробку конфет. Детям постарше досталось по одной конфете.

Молоко в холодной воде не разводилось, и грудничкам его просто сыпали в рот.

Алина знала всех женщин, сидевших в раздевалке: Инесса Даурова с двухлетним внуком Георикомом, Залина Левина с внучкой Аминой, Анета Га- диева с Аланкой и Миленой.

На второй день Руслан Аушев вывел из школы женщин с грудными детьми. Фатима Цкаева хотела забрать с собой Кристину и Махара, но ей не разрешили. «Тогда пусть вместо меня с ребенком выйдет старшая девочка», — попросила она террориста, который выпускал их из раздевалки. Он не разрешил. Фатима вышла в коридор, передала ребенка Аушеву и вернулась обратно.

Оставшимся в раздевалке женщинам и детям приказали идти в спортзал.

Фатима, Кристина, Махар и Алина сели у самого входа, недалеко от сейфа. Аланка Доган, мама которой с маленьким ребенком тоже ушла вместе с Аушевым, села справа от Алины, прижавшись к ней и крепко держа ее за руку. Перед Алиной сидела Инесса Даурова с маленьким Георикомом и старшей внучкой Аленой.

Кристина все время плакала.

«Господи, помоги!» — шепотом повторяла Алина.

«Фатима!»— успела крикнуть она, увидев яркую вспышку огня, и потеряла сознание. Когда села и открыла на несколько секунд глаза, увидела бушующее пламя и услышала мужской голос: «Беги!».

Потом всё исчезло, и она снова провалилась в небытие.

Её вынесли в тренажерный зал и облили водой.

В машине «скорой помощи» двое мужчин спорили: можно ей дать воду или нет: всё ее тело было изранено осколками.

Почти все, кто сидел рядом с ней в спортзале, погибли: Кристина и ее мама Фатима, Аланка Доган, Инесса Даурова и ее внук Георгий.

Четырехлетний Махарик, брат Кристины, чудом остался жив.

Выжила и внучка Инессы — Алена.

Аланка Плиева, которая все три дня оберегала свою маленькую сестренку, тоже погибла. Сестра осталась жива.

Земфира ДЗАНДАРОВА

У мужа Земфиры редкое имя — Ландсберг. Так назвал его сосед, ветеран Великой Отечественной, который получил ранение в самом конце войны в немецком городе Ландсберг.

Первого утром Ландсберг спешил на работу, поэтому заходить в школу с женой и детьми — семиклассником Русланом и второклассницей Викой — не стал: подвез их к воротам, попросил оставить несколько кадров фотопленки для него, и уехал.

Семиклассник Руслан, сын Земфиры, переживал, что ремонт в школе не успеют завершить. Несколько дней назад учительница попросила его с мальчиками переставить парты. Вернувшись, он рассказал матери, что в коридоре разобрали перекрытие между первым и вторым этажами и до первого сентября оно едва ли будет восстановлено.

Земфира поднялась по ступенькам главного входа и заглянула в школьный коридор: все как обычно, везде — чистота и порядок.

Руслан, Земфира и Вика

Она спустилась во двор и остановилась со знакомыми — Анжелой Варзиевой и Мадиной Хубаевой. С Анжелой они были одноклассницами, жили когда-то в одном селе Фарн. С Мадиной работали на «Истоке».

Кто-то уронил футляр от фотоаппарата, и Земфира наклонилась, чтобы поднять его. Сделала шаг, положила футляр на подоконник и увидела перед собой мужчину в маске.

«Затеяли учения некстати», — ворчливым тоном произнесла Мадина.

...Земфира побежала через двор, чей-то маленький мальчик бежал рядом, обхватив руками ее ногу. Она подняла его на руки, не выпуская сумку, в которой лежали деньги, — после утренника собиралась ехать к стоматологу.

Своих детей Руслана и Вику она нашла в спортзале. Маленького мальчика, которого привела с собой, забрала мама.

Вика плакала — она потеряла бантик.

Руслан перед тем, как выбросить в проход мамину сумку, вынул из нее деньги и положил в карман пиджака.

— Завтра все будете дома, — услышала Земфира голос директора, Лидии Александровны. Она вернулась из учительской, куда ее уводили звонить президенту.

Земфира оживилась, повеселела.

— Я так волнуюсь за маму... — сказал Саша Каллагов.— Ключ от дома у нас один, и он у меня. Где она будет ночевать?

На третий день, уже выбравшись из спортзала, он обнаружил, что ключа в кармане нет, и вернулся обратно — искать. И едва не погиб.

«Подвиньтесь, подвиньтесь», — услышала Земфира. Преподавателю осетинского языка Зареме Бекзаевне Зусмановской стало плохо, и ее уложили на пол. «Вызовите, пожалуйста, «скорую», — просила Зарема Бекза- евна врача Ларису Мамитову.

Руслан лежал на подоконнике. Сквозь крошечные трещины в плотном матовом стекле ему виден был двор, освещенный одиноко горевшим на столбе фонарем.

— Там, на куче мусора под окном коридора, — мертвые, — сказал он.

Земфира удивилась: застрелили только Бетрозова, почему же их несколько?

Она вспомнила: именно по этой мусорной куче, которая примыкала вплотную к окну, она с детьми легко взбежала на подоконник и спрыгнула в коридор.

На третий день сомнений у Земфиры не осталось: они умрут. Но поскорей бы закончились их мучения, и хорошо, если бы в этот момент дети

спали.

Руслан бережно держал на коленях свой пиджак, в кармане которого лежали деньги. Твердой книжной обложкой он обмахивал лица матери и сестры.

— Бегите, — крикнула Земфира детям после взрыва. Вас ждет отец.

И потеряла сознание — в голове у нее был осколок.

Когда пришла в себя, все вокруг горело. «Кто может идти — в столовую!» — услышала она.

Справа от входа в узкий коридор, соединяющий спортзал с основным зданием, сидела женщина с двумя девочками, старшей из которых было не больше десяти лет. Женщина пыталась встать, но не могла.

Огромный огненный факел обрушился сверху, накрыв всех троих.

Земфира шла по главному коридору, пол которого был усеян мертвыми телами.

В столовой она почувствовала: самое страшное уже позади. Перед ней — знакомый участок улицы Коминтерна, по которой утром первого сентября она с детьми шла в школу. За окном мирно светило солнце. Но почему улица так пустынна, ведь обычно по ней проезжает множество машин?

Вероятно, о том же подумала молодая светловолосая женщина: подойдя к окну, она выглянула на улицу и упала, сраженная пулей.

Места на полу почти не было. Земфира нашла кусок картона и, накрывшись им, легла под батарею отопления.

В ногу ей попал осколок, и она опять потеряла сознание.

Очнулась в больнице.

Домой она вернулась только через полтора месяца.

Людмила ЦЕБОЕВА

Людмила

Две женщины с криком бежали через школьный двор. Проводив их удивленным взглядом, Люда заметила у ворот, выходивших в Школьный переулок, группу старшеклассников. Подрались мальчики, что ли? Но подростки спокойно беседовали в ожидании начала праздника.

Люда отвернулась и продолжила разговор с родительницами. «Уже сегодня надо ду- \ мать о том, куда будут поступать наши дети»,

— возбужденно говорила одна из них.

Звук выстрела Людмила услышала, как ей показалось, только минуты через полторы.

... В коридоре двое мужчин, на одном из которых был камуфляж, на втором — спортивная форма, махали им руками: «Сюда!».

«Свои», — решила Людмила и устремилась к ним.

Людской поток, увлекая ее, хлынул в сторону узкого коридора, ведущего в спортзал. В суматохе Люда не заметила, как с плеча ее соскользнула цепочка нарядной сумочки. Сумочка упала и где-то затерялась. Хорошо, что документы лежат в пакете — она собиралась зайти в паспортно-визовую службу, чтобы оформить временную регистрацию. Почти двадцать лет она мечется между родной Украиной, где у нее маленький бизнес, и семьей, живущей в Беслане.

Нарядные сабо на небольшом каблучке Людмила держит в руке. И эти сабо, и длинную нарядную юбку, и бледно-сиреневого цвета блузку она купила специально к этому празднику в Харькове. Юбка успела зацепить ся за гвоздик и порваться.

Свою дочь, пятиклассницу Ляну, она увидела в другом конце спортзала и позвала к себе. Длинные локоны девочки слиплись от пота, на лице — страх и растерянность.

Ляна — младшая дочь Людмилы. Старшая уже студентка.

Ляна

С будущим мужем, Владимиром Цебоевым, она познакомилась в Душанбе, куда приехала к брату-офицеру, служившему в одном из местных гарнизонов. В той же части служил и Владимир.

В начале девяностых супругам пришлось уехать из Таджикистана.

Они обосновались на Украине, в ее родном Харькове. Но Владимира потянуло домой, в Осетию.

Только год назад, в 2003-м, они с мужем смогли купили в Беслане однокомнатную квартиру.

...Мужчина с видеокамерой медленно шел по проходу, обводя объективом ряды заложников. Людмила наклонила голову, чтобы спрятать лицо: если требования террористов не выполнят и они будут расстреливать заложников, их, русских, расстреляют первыми. Оператор ушел.

— Это ваша дочь? — спросила Люду преподаватель математики Зарема Гавриловна Бекмурзова.

В конце учебного года Зарема Гавриловна проводила в классе Ляны итоговую контрольную работу. У Ляны была «пятерка», и учительница запомнила ее. «Хорошая у вас девочка, — сказала она. — Я буду преподавать им математику».

После теракта Людмила нашла в разбитом классе Марины Хаирбеков- ны среди разбросанных книг и тетрадей ту самую контрольную работу.

Зарема Гавриловна погибла.

...Изрезанные осколками стекол ступни ног болели. Продезинфицировать бы их, но чем? Ни спирта, ни йода под рукой.

Рита Тарханова, воспитательница детского сада «Ручеек», ладонью зажимала своему двухлетнему ребенку рот: он постоянно плакал и террорист требовал

успокоить его. Ребенок побледнел и стал задыхаться.

На полу у их ног лежало огромное взрывное устройство. «Если это взорвется, — сказала Людмила дочери, — я тебя прикрою собой. А ты ложись и спрячь голову за ножку скамьи».

Ляна послушно легла. «Постарайся уснуть, — сказала ей Люда.— Может, увидишь во сне что-нибудь хорошее».

Дочь уснула.

— Мама, я видела море, — сказала она, проснувшись.— Я купалась, а вы с папой стояли на берегу.

— А вода была чистой? — заволновалась Люда.

— Да. Я вышла на берег, а ты меня накрыла полотенцем.

— Вода чистая — хорошо. Но почему — полотенцем? Что бы это значило?

На третий день у Ляны стали закатываться глаза. Люда сделала ей искусственное дыхание. Потом вспомнила, что у нее есть несколько таблеток но-шпы. Положила одну из них дочери под язык. Ляна открыла глаза и произнесла: «Воды...».

Взрыв, как показалось Людмиле, прогремел у двери, ведущей во двор. Она упала лицом вниз, на дочь.

В голове — шум, вокруг — дым. Люда приподнялась, осмотрела себя и девочку: вроде бы живы, руки и ноги — на месте.

Второй взрыв — и что-то огненно-обжигающее прокатилось по ее спине.

Подхватив дочь, она бросилась к входу в тренажерный зал. В дверях столкнулась с террористом. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Люда в страхе попятилась назад, наткнулась на магнитофон, стоявший на полу, и упала.

«Вставай и проходи, не бойся», — донесся до нее голос боевика.

Когда из небольшого тамбура она шагнула, наконец, в тренажерный зал, увидела Ингу Чеджемову, Ларису Кудзиеву, Ивана Каниди и еще нескольких заложников, среди которых был мужчина, раненный в руку.

Люда с дочерью сели на пол. Мальчик лет десяти принес им воду в пластиковой бутылке. Заложники набросились на нее, сдавили бутылку, и вода вылилась — никто не смог напиться.

Мальчик побежал вновь и под пулями наполнил электрочайник.

«Что мы будем делать? — спросила Люда Ларису Кудзиеву. — Кругом столько проводов...».

Иван Каниди стоял за дверью, ведущей в тамбур, и всматривался через окно в задний двор школы.

Вошел террорист, с которым Людмила столкнулась в дверях.

— Крыша горит, — сказал он. — Надо уходить в столовую.

«Врет», — подумала Люда.

Заложники потянулись к выходу. Люда решила остаться.

— А ты чего стоишь? — повернулся он к ней.

Пришлось идти.

От крыши остались только металлические конструкции, в окнах не было стекол. Туман, который образовался после взрыва, рассеялся, яркий солнечный свет освещал тела, застывшие в неестественных позах.

Война, которая была где-то там, далеко в прошлом, в фильмах и книгах, превратилась в реальность.

Они с дочерью поползли вдоль стены, выходящей на задний двор.

Мертвый мальчик лет трех с необыкновенно длинными ресницами, похожий на мулата, лежал на их пути. Он был весь чистенький, словно его только что выкупали и уложили спать.

Полная пожилая женщина приподнимала пласты упавшей потолочной обшивки, заглядывала под них и опускала обратно: она кого-то искала.

Девочка лет восьми сидела на подоконнике. Потом Людмила видела ее фотографии в газете — это была Аида Сидакова, которая выбралась из спортзала и вернулась обратно за мамой.

Заложники с одним из террористов ушли вперед.

«Давай вернемся», — сказала Людмила дочери.

Они поползли назад, в тренажерный.

— Я вам что сказал? — крикнул второй террорист. — Быстро в столовую!

Он стрелял из окна спортзала, скрывался в тренажерном, опять вбегал в спортзал.

На полу, привалившись спиной к шведской стенке, сидела мертвая женщина.

Террорист скрылся в соседнем помещении, а через несколько минут снова появился в зале. «Я что сказал?!» — крикнул он.

Люда с дочерью опять поползли через весь зал в сторону коридора, ведущего в школу.

Маленькая девочка продолжала сидеть на подоконнике.

Схватить бы ее за руку и стянуть вниз, но — страшно, вокруг свистят пули.

В коридоре стояла группа террористов. Мужчины расступились, пропуская заложников.

— Посмотрите, что ваши наделали, — сказал один из боевиков.

Пол в столовой, где — ни столов, ни стульев, был усыпан осколками стекла и досками.

Красивая девушка в белом сидела на корточках. На ногах ее были туфли на высоком каблуке-шпильке.

— Пойдемте на второй этаж, — предложила одна из женщин.

— Куда?! Я что сказал?! — закричал на них террорист.

Люда с дочерью пробрались на кухню, большую часть которой занимала плита. Возле нее — два чана с водой. Вода в них красноватая — со ржавчиной, что ли? Люда с дочерью втиснулись в узкое пространство за одним из них.

Пули летали по кухне, отскакивали от стен. Люда задела механизм,

поднимающий крышку чана; из него показалась детская ручка и прикрыла крышку.

Во второй емкости в воде сидела девушка лет двадцати.

Светлана Захаровна Аликова стояла, прикрыв голову кастрюлей. Сядьте, — позвала ее Людмила.

— Не могу. Ноги болят.

Светлана Захаровна много лет работала в этой школе преподавателем истории, у нее учился муж Людмилы Владимир. Теперь она была на пенсии. Недалеко от нее, прижав к себе троих детей, сидела ее невестка Алина.

— Возле спорткомплекса — танки, — сказал кто-то из заложников.

— Чьи?

Людмила приподнялась и посмотрела в окно.

— Наши. На них российские флаги.

Из подсобного помещения выглянул террорист, который заставлял Людмилу уйти из тренажерного зала.

— Кричите, чтобы они в вас не стреляли,— сказал он.

Страшный удар сотряс здание — это болванкой выстрелил танк. Людмила вжалась в пол — ей казалось, что сейчас рухнут стены.

— Мама, посмотри, огненные шары летят! — закричала Ляна. «Огненные шары» влетали в помещение, ударялись об

стенку и падали на лежавших на полу людей.

— Аллах акбар! — послышалось со стороны входа в столовую, и вслед за этим прогремел взрыв.

Снова взрывы, неистовая стрельба и ощущение, что вот-вот рухнут стены и похоронят их под собой.

Людмила видела мужчину в шлеме, который что-то говорил ей, но смысл его слов не доходил до ее сознания.

«Вставайте и идите к окну», — услышала она наконец.

Фатима МИСИКОВА

— Там, на улице, в машине сидят бородатые мужчины, — сказала Фатиме Инга Харебова.

— Да мало ли на улицах бородатых мужчин?

Женщины разговаривали, стоя под деревьями недалеко от здания котельной.

Послышались выстрелы: очередями, одиночные, опять очередями. Люди в школьном дворе побежали в разные стороны.

...Фатима не верила в реальность происходящего даже тогда, когда на ее глазах убили Бетрозова. «Это они пугают нас», — убедила она себя, услышав приглушенный, как в кино, выстрел.

К школе Фатиму с детьми подвез водитель служебной машины мужа.

— Я подожду вас, — сказал он, но Фатима настояла, чтобы он уехал.

В спортзале Майя Несговорова, бледная и растерянная, прижимала к себе сына Сослана. Сослан — одноклассник сына Фатимы — Ацамаза. Майя — рукодельница, она очень хорошо вяжет. «Когда ты меня научишь?» — шутливо спрашивала ее Фатима каждый раз, увидев на ней очередную обновку.

Рядом с Фатимой — Юлия Рудик.

— У моей сестры Яны — сахарный диабет, ей очень плохо, — говорила девочка. — Мама вышла с ней в коридор. Я очень переживаю за них.

Недалеко от Фатимы — Галина Сикоева с дочерью Анжелой. Чуть дальше — Залина Хузмиева с детьми Георгием и Стеллой. Георгий дружит с сыном Фатимы Ацамазом, и женщины часто общались.

— Мама, ты только не умирай, — сказала Фатиме дочь, второклассница Зарина. — И почему папа сюда не идет? Почему он нам не передает воду?

Фатима пришла в себя после всех взрывов. Дети были рядом. Анжела Сикоева сидела здесь же, но мамы рядом не было.

— Тетя, возьмите меня себе, — сказала Анжела. — Моя мама умерла.

У выхода в коридор, ведущий в школьное здание, стоял бородатый террорист. Второй, с перевязанной рукой, оглядывая зал, громко говорил по-осетински: «Рацаеут, рацаеут. Каесут, цы уын бакуыстой?». («Выходите, выходите. Видите, что они с вами сделали?»).

«Вставай, Фатима»,— сказала Залина Хузмиева.

В кабинете физруков на полу сидела учительница начальных классов Анжела Цараевна Гацоева. Фатима помогла ей подняться и увела с собой в столовую.

В столовой террорист с длинной черной бородой и крупными, как кукурузные зерна, зубами, раздавал заложникам воду.

Фатиму и еще нескольких женщин вывели из столовой и поставили у окон, выходивших в школьный двор. Она стояла и размахивала куском белой шторы. В соседнем окне стояла Алета Сабанова. В туалете прятались дети.

Мальчик лет десяти выбежал из спортзала во двор, но, напуганный стрельбой, присел, накрывшись, как шалашиком, куском картона.

За спиной Фатимы стоял террорист и стрелял во двор.

— Не убивай мальчика, не убивай, — просила его Фатима.

— Я детей не убиваю, — жестко ответил боевик.

Стрельба снаружи усилилась, и однорукий террорист Ханпаши Кулаев заставил женщин укрыться в туалете.

Дышать Фатиме становилось все труднее. «Так некстати обострился бронхит», — подумала она, не подозревая, что сквозь ее легкое прошел осколок.

В помещении разорвалась влетевшая снаружи граната: Фатима Кониева, зажимая рукой рану на шее, повторяла: «Маелын, мзелын...» («Умираю, умираю...»). Кровь заливала ей белую льняную блузку.

Девочка-старшеклассница прижимала к себе ребенка лет трех.

Через несколько минут, выглянув из помещения, они увидели, что террористов в коридоре уже нет.

Фатима, ее дети и все, кто прятался в туалете, остались живы.

Анжела СИДАКОВА

Мать Анжелы, Клара Степановна, получила строгое, аскетическое воспитание. Князь Зурапп Магкаев, брат ее прадеда, возглавил в 1750 году делегацию горцев, отправившихся в Петербург к императрице Елизавете Петровне с дипломатической миссией — прошением о присоединении Осетии к России. Он был человеком образованным: известным на Северном Кавказе политиком и дипломатом, владел несколькими языками.

Честь предков в семье Магкаевых хранили бережно, детей воспитывали в строгом соответствии с «аегъдау» — неписаным моральным кодексом осетин.

В тех же традициях воспитывали Клара Степановна Магкаева и ее муж Александр Георгиевич Сидаков и своих четверых детей — Эдуарда, Феликса, Анжелу и Залину.

Клара Степановна преподавала в четвертой бесланской школе осетинский язык и литературу. Все ее дети учились там же, и к ним она относилась более требовательно, чем к другим своим ученикам.

Анжела

Сдержанная и немногословная, Клара Степановна и дома была таким же строгим учителем, каким дети привыкли видеть её в школе.

«Человек должен руководствоваться не инстинктами, а умом»,— учили в их семье мужчин. «Умей сказать себе «не хочу» даже тогда, когда тебе чего-то очень хочется», — говорила в детстве мама Анжеле.

Анжела окончила Северо-Осетинский государственный университет и преподавала осетинский язык в той же школе, где работала Клара Степановна.

«Я для своего сына буду только мамой», — сказала себе Анжела и отвела семилетнего Алана в школу №1. Его записали в класс к Галине Хаджи- евне Батаевой.

Сидаковы живут в селе Новый Батако, что в пяти километрах от Беслана, а Анжела с мужем снимали квартиру в Беслане. Маленький Алан был очень привязан к соседке — Инге Гугкаевой. Инга была доброй, милой девушкой, очень любила детей.

В августе Инга отдыхала в Сочи. Алан звонил ей каждый день, откладывал для нее конфеты, а в день ее возвращения поехал с мамой встречать её на вокзал.

Инга вышла из вагона и, увидев на платформе своего маленького друга, засияла от радости.

Первого сентября Алан встал рано, надел свой первый настоящий костюм, галстук, туфли и, взглянув ещё раз на себя в зеркало, попросил: «Мама, можно я пойду к Инге?».

Через несколько минут он вернулся, бережно прижимая к груди подарок — маленький колокольчик, который Инга хранила как память о своем последнем школьном звонке.

С этим колокольчиком на груди он и отправился на свой первый школьный праздник.

Проводить Алана в первый класс приехали Клара Степановна, её сын Эдуард с женой Фатимой и двухлетней дочерью Викой.

Они стояли в школьном дворе в ожидании выхода первоклассников, когда к ним подошла Инга.

— Представляешь,— сказала она Анжеле. — Записалась на педикюр и забыла. Вот поздравлю Алана и побегу.

Они сфотографировались все вместе, потом Инга отошла, остановилась со знакомой, кивнув Анжеле: «Я здесь».

Послышались выстрелы и крик. Все куда-то побежали.

Ни о сыне, ни о брате, ни о матери не думала Анжела в момент захвата заложников — только об Инге! Успела она уйти или нет, ведь стояла в нескольких шагах от ворот?

По коридору навстречу Анжеле со стороны столовой в окружении детей бежала учительница Галина Хаджиевна Ватаева. Раскинув руки, она

словно пыталась охватить и защитить всех своих первоклассников, среди которых был и Алан.

Инга Гугкаева

…В спортзале Анжела долго высматривала оранжевый костюм Инги. Не обнаружив, успокоилась: Инга, вероятно, успела уйти.

Брата увели вместе с мужчинами. Распространился слух, что их расстреливают. Эдуарда не было весь день, и Анжела успела смириться с мыслью, что его уже нет в живых.

Мать не произносила ни слова. Она сидела, обхватив внуков, и не отрывала взгляд от входа в коридор, который связывал спортзал с основным зданием.

Анжела вставала и опять начинала высматривать в зале Ингу.

Заплакал Алан: «Воды...». «Нет воды, — сказала ему Анжела.— Терпи. Все хотят пить и терпят».

Мальчик вытер слезы.

Маленький мальчик лет восьми, сидевший рядом с ними, сдержанно плакал: «Мне надо отсюда уйти, мама не знает, где я. Она будет переживать».

Он потерял галстук-бабочку и одну туфлю. «Надо их поискать. Что я скажу маме?». И ревниво добавлял: «Алану хорошо, у него вон сколько мам».

— А вы куда пойдете, когда нас отпустят? — неожиданно спросил он Фатиму.

— Домой.

— А я — в милицию. Я им все расскажу...

Это был второклассник Хетаг Хутиев.

Он просидел с ними до вечера, потом ушел к молодой женщине, похожей на сказочную Мальвину, белокурую, с огромными синими глазами.

Это была преподаватель математики Алета Хасанбековна Хасиева.

Вернулись мужчины, а с ними и Эдуард. Их посадили в центре зала, под натянутым между двумя баскетбольными кольцами тросом, на котором висела «гирлянда» из мин.

Фатима ползком пробралась к мужу и силой привела его туда, где сидела вся их семья.

Кисти рук Эдика были раздроблены и распухли. Ноги от долгого сидения на корточках отекли.

Анжела сняла с него туфли и растерла ему ступни. «Не надо, устанешь...» — сопротивлялся он.

Клара Степановна обмахивала лицо сына твердой книжной обложкой, которую вместе с небольшим количеством тетрадных листков бросил детям один из боевиков.

Вечером второго дня часть заложников перевели в тренажерный зал. Вместе с матерью перешли туда и Анжела с Аланом.

— Пейте, но быстро, чтобы он не видел, — кивнул вслед ушедшему боевику террорист в маске.

Анжела вошла в душевую и, прежде чем наполнить водой две пластиковые бутылки, успела помыться: возле раковины лежал кусочек пахучего мыла.

Она вынесла воду и разлила её в непонятно откуда взявшиеся стаканчики, которые протягивали заложники. Приподнялась лежавшая на полу Галина Хаджиевна: «Дай и мне чуть-чуть». Анжела протянула ей бутылку, и она выпила из горлышка.

Бутылки опустели, Анжела зашла в душевую еще раз.

Она набирала воду, когда туда вошел террорист: в одной руке он держал ручной пулемет, во второй — автомат.

— Сколько вас тут... — проворчал он и с легкостью, словно оружие было игрушечным, поставил его на подоконник и начал стрелять из обоих стволов в сторону пятиэтажных домов.

Анжела была неравнодушна к оружию: когда-то занималась пулевой стрельбой, участвовала в соревнованиях, на уроках начальной военной подготовки за предельно короткое время могла разобрать и собрать автомат Калашникова.

Она приблизилась к террористу и, встав за его спиной, стала разглядывать оружие.

— Уйди отсюда, — сказал он, резко оглянувшись. — Воду не выноси.

— Хорошо.

Она поставила одну из бутылок на пол, вторую, прикрывая подолом, понесла в тренажерный. Но дойти до двери не успела, навстречу ей шагнул второй террорист: «Поставь бутылку на пол!» скомандовал он.

Утром их опять вывели в спортзал.

Анжела потеряла ощущение времени. Они здесь уже целую вечность, забытые всеми и отрезанные от всего мира. Здесь люди не ложились спать и не вставали. Яркий свет то солнца, то светильников круглосуточно освещал изможденные лица, на многих из которых уже

лежала тень смерти.

То одна, то другая заложница теряли сознание. Недалеко от Сидаковых неподвижно лежала женщина. Младший из ее троих детей с плачем ползал по ней.

Фатима сделала ей искусственное дыхание, и женщина пришла в себя.

Двое террористов несколько раз выносили из душевой пластиковые бутылки с водой и тайком от своих передавали их заложникам.

Не подавала признаков жизни Марина Муртазова. Ее муж Валерий встряхнул ее, похлопал по щекам. Когда она открыла глаза, сказал: «Возьми себя в руки. Тебе еще троих пацанов поднимать».

У одного из подростков был приступ аппендицита, его товарищи пытались достать для него воду, но террорист не разрешил им войти в душевую.

«Скорей бы все это закончилось», — думала Анжела.

— Человек умирает только один раз, — словно прочитав ее мысли, сказала Клара Степановна.— Мы должны сделать это достойно.

Анжела представила, как в их дворе поставят шесть гробов. Бедные папа, младший брат Феликс, который в Москве и ничего еще не знает, и сестра Залина! Сколько горя им придется пережить... Поставит ли кто-нибудь на поминальный стол любимый напиток Анжелы с медом и лимонами?

Она мысленно попрощалась с коллегами, с друзьями, с деканом факультета осетинской литературы и филологии университета Шамилем Федоровичем Джикаевым. (Анжела была его аспиранткой, дружила с его дочерью Зариной).

— Смотри, там, за окном, пролетел голубь, — вдруг сказала Фатима. — Мне кажется, это хороший знак.

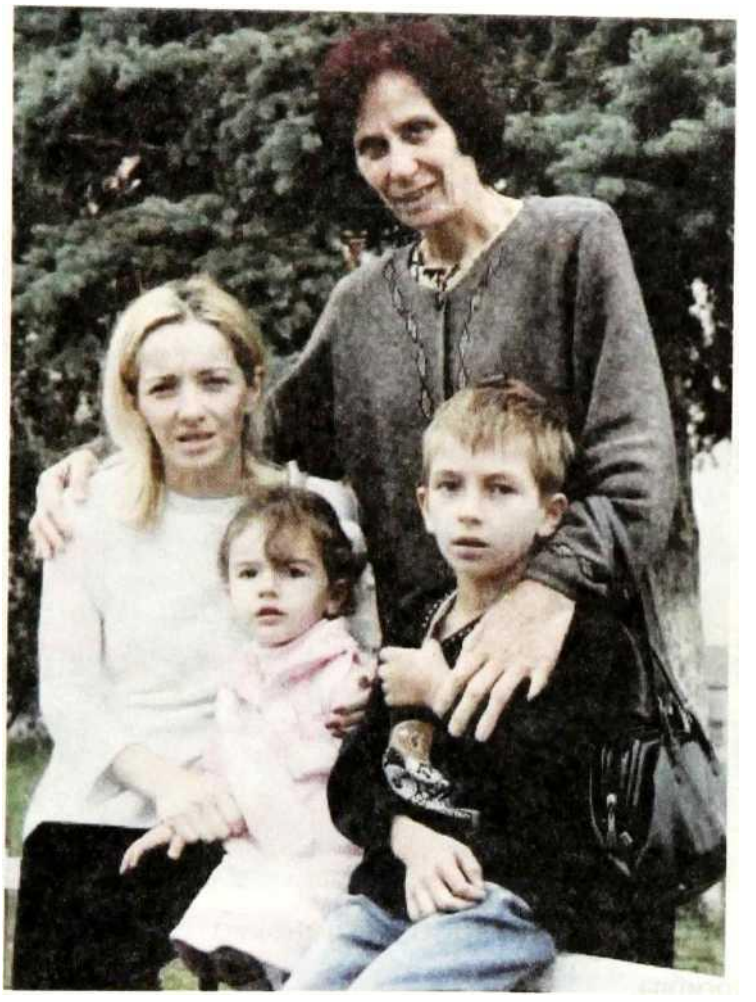
...Что-то произошло, но что — Анжела не поняла. Она лежит под двумя огромными камнями, которые не может сдвинуть. Тело ее горит, дыхание прерывается. «Человек умирает только один раз», — вспомнила она слова матери. Она умирает? Или уже умерла? Но как она тогда мыслит?

Пол вздрогнул, и ей словно тисками сжали голову. Превозмогая боль, она открыла глаза. Мама лежала на полу, обхватив и прикрыв собой внуков. Вот она поднимается и ставит их на подоконник, потом подсаживает на подоконник невестку.

Брат помог подняться Анжеле. Она смотрела с подоконника вниз, и расстояние до земли, усеянной битым стеклом, казалось ей огромным.

— Быстрее, быстрее! — торопила ее мать.

Анжела бросила последний взгляд на зал: террорист «на педали», словно в задумчивости, сидел, опираясь на вертикально поставленный на пол автомат. Второй стоял в дверях тренажерного зала и смотрел на происходящее то ли растерянно, то ли удивленно.



Клара Степановна, её невестка Фатима
и внуки — Вика и Алан

...Она бежит через задний двор, не ощущая своего тела. Мальчик лет одиннадцати впереди нее замедляет шаг и падает у самой калитки, ведущей во двор пятиэтажного дома: пуля попала ему в голову. «Мама, он умирает!» — кричит ее сын Алан.

Еще один подросток, вскинув руки, разворачивается лицом к ней, и она видит в ярко-синих глазах его ужас, боль и страдание. Он ранен. (Это был Георгий Ильин). Она подхватывает его, и они бегут через двор пятиэтажного дома.

Впереди стоит человек с телекамерой, направленной на заложников. «Бегут люди, бегут...» — повторяет тележурналист, и Анжела начинает ры-

дать в голос — от ужаса, что ее, такую грязную, полуодетую, с

растрепанными волосами, синяками и ссадинами, покажут по телевизору.

... А в их дом в Новом Батако уже бежали не только соседи, но и жители всего села, видевшие их по телевизору.

Из полевого госпиталя Сидаковых привезли в больницу.

У морга мужчина бил себя кулаками по голове и кричал: «Мой сын! Мой сын!».

— Вы не видели мою Ингу? — спросила Анжелу Лена Гугкаева.

— А разве она не ушла домой?

Клара Степановна

Инга погибла.

А маленький Алан долго не мог понять, что означает слово «погибла» и почему Инга так долго не возвращается домой.

Время быстротечно. Анжела работает в бесланской школе по улице Коминтерна методистом, занимается научной работой. Она лауреат премии им. Н.Островского.

Клара Степановна продолжает учить детей в школе.

Алан учится в лицее «Подмосковный».

Вика — одна из успешных учениц Владикавказского математического лицея. В 2007 году у неё родился братик, которого назвали Муратом.

Зарина ДЗИОВА

— Я обязательно должна побывать в Америке, — говорила Зарине ее старшая сестра Дзера.

Дзера мечтала стать актрисой, пройти по красной дорожке и получить Оскара. Она была талантливой девочкой: окончила музыкальную школу по классу осетинской гармоники и очень любила танцевать.

— Мама, обними меня крепко-крепко, — просила Дзера.

— Да что это с тобой?

— Просто этот день никогда больше не повторится.

— Ты меня пугаешь.

Дзера перешла в девятый, а ее младшая сестра Зарина — в шестой.

От дома Дзиовых до школы — три минуты ходьбы.

— Зачем выходить рано? Давай выйдем в 9.15, — предложила первого сентября Дзера.

— Не надо опаздывать, — сказала мама.

Во время захвата заложников Зарина потеряла старшую сестру. Она плакала: террористы потребовали, чтобы все выбросили телефоны и фотоаппараты. Выбросить цифровой фотоаппарат, который дал Зарине папа, она не могла.

— Отдай им фотоаппарат, — попросила ее учительница Альбина Викторовна Аликова.

— Нет.

Перед Зариной на корточки опустился один из террористов:

— Что с тобой, девочка?

— Фотоаппарат папин. Он будет ругать.

— Выбрось его. Папа купит тебе новый, еще лучше, чем этот.

Она отдала фотоаппарат.

Дети, сидевшие недалеко от Зарины, обнаружили под собой мобильный телефон. Они передали его женщине, которая выбросила его в проход. Террорист заставил ее встать, поставил на колени и приставил к голове автомат.

— Она не виновата, — послышались голоса детей, — это мы нашли его.

Женщину вернули на место.

Зарина увидела Дзеру и перешла к ней.

Они сидели недалеко от того места, куда боевики свалили пакеты и сумки.

Зайка Боллоева из параллельного класса нашла на полу триста рублей. Девочки стали мечтать о том, как после того, как их отпустят, побегут в магазин и купят много конфет и воды.

Чуть дальше лежала еще одна купюра — пятисотрублевая. Девочки стали поглядывать и на нее. Террорист «на педали» с усмешкой наблюдал за ними. Второй боевик тоже заметил интерес девочек к купюре. Он подошел, поднял ее и забросил за шкаф, которым была заложена входная дверь.

Боевик был похож на брата Зарины.

Когда после теракта брат пришел к Зарине в больницу, все дети, которые лежали в ее палате, испугались, приняв его за террориста.

Маленький Майрам, сын тети Томы Диамбековой, нашел на полу, недалеко от сумок, упаковку аскорбиновой кислоты и мелкие леденцы и съел их. От сладкого мальчику еще больше захотелось пить. Кто-то передал им пластиковую бутылку с водой. Ребенок вцепился в нее и не выпустил, пока не выпил всё.

Потом его вырвало.

Наступила вторая ночь. Все это время Зарина сидела: возможности прилечь не было. Пожилая женщина с трудом отодвинула ноги и предложила ей полежать.

Она легла и уснула.

На третий день Зарина уже не могла разговаривать. Она опять уснула.

От первого взрыва волосы на голове у нее стали пышными, на них оседала пыль. От второго ноге стало горячо — рядом горел провод.

Входная дверь, ведущая во двор, распахнулась, шкафы упали. Заложники перебирались через них и убегали.

Забраться на шкаф она не смогла. Протиснулась сквозь узкую щель между ними и выбралась во двор.

— Ползи! — крикнула ей женщина, которая сидела под окном спортзала.

Она пошла.

— Ползи! — снова услышала она чей-то крик.

Мужчина подхватил ее на руки и побежал.

Только тогда Зарина вспомнила про Дзеру.

— Там моя сестра! — сказала она.

Зарину увезли в Москву, в ЦИТО. Мама была с ней.

— Как Дзера? — спросила Зарина.

— Она в реанимации, но ей уже лучше, — сказала мама. Ты был у Дзеры? — спросила Зарина брата, когда тот приехал проведать ее.

— Конечно.

— И тебя пустили к ней?

— Ты же знаешь, я пробивной.

Но как-то мама, поговорив с отцом, передала трубку Зарине. Отец еще продолжал что-то говорить маме. Речь шла о Дзере, и Зарина поняла: сестры больше нет в живых.

Потрясение было настолько сильным, что Зарина не могла даже плакать. Она замкнулась в себе, стала молчаливой. Из этого состояния ее не смогли вывести ни психологи, ни родные.

— Ты знаешь, почему я не люблю астры? — сказала в то лето Дзера маме. — Они мне напоминают сентябрь.

С тех пор мама никогда больше не сажала в саду астры.

Маргарита ТАРХАНОВА

Рита, Анжелика и Иза

«Успокой ребенка!» — раздраженно произнес террорист.

Рита ладонью зажала двухлетней Изе рот. Девочка побледнела, глаза ее закатились. Рита испугалась и убрала руку. Ребенок вздохнул и опять зашелся в крике.

Если в первый день маленькая Иза просила «акки» — яйцо, то теперь она произносила единственное слово: «Дон» («Воды»).

«Успокой ребенка, я сказал!» — угрожающе потребовал террорист.

Рита закрыла малышке рот губами.

«Ребенок обезвожен, дай ему хоть мочу», — посоветовал кто-то из заложников.

Ей передали маленький пластиковый стаканчик с желтоватой жидкостью, но ребенок, вместо того чтобы выпить, вылил ее на себя.

«Если ваши пойдут на штурм, мы всех вас перестреляем», — сказал один из террористов. Людмила Макиева, коллега Риты, стала горестно качать головой, прижав к себе старшего сына Стаса и уставившись в одну точку.

Рядом с Людмилой сидели десятилетняя Оксана и трехлетний Олег. Рита и Люда работали воспитателями в одном детском саду «Ручеек». Обе были в отпуске по уходу за детьми и вышли на работу первого сентября.

Людмила была счастлива — все ее проблемы остались в прошлом: теперь она не будет ездить на работу из села Хумалаг, так как муж снял квартиру в Беслане. Старшие дети будут учиться в первой школе, которая в нескольких метрах от их «Ручейка», а Стас — еще и в музыкальной.

Маленького Олега зачислили в мамину группу.

— Нас будут убивать? — спросила Риту старшая дочь, второклассница Анжела.

Ответить Рита не успела — взрыв оглушил ее и на несколько минут лишил сознания. В тренажерный зал побежали заложники. Обезумевшие люди не видели, что под ногами у них — ребенок, и едва не затоптали Изу.

Рита смогла поднять свою малышку на руки только с помощью старшеклассницы Виктории Дзуцевой.

Она с детьми вошла вслед за остальными заложниками в тренажерный зал, пробралась в дальний угол и села на мокрые доски пола.

Знает ли муж, работающий проводником в поезде Владикавказ — Москва, о том, что произошло с ними? Он был в рейсе, иначе сам бы пошел проводить дочь в школу.

У мужа редкое для осетин имя — Атос. Так назвал его отец — Асланбек, страстный любитель французской литературы. «Если родится сын — будет Атос, если дочь — Анжелика», — сказал он в молодости своей беременной жене. С дочерью ему не повезло, поэтому имя романтичной красавицы-француженки досталось внучке Асланбека.

— Мама умерла, — сказал, сев рядом с Ритой, сын Людмилы, Стас. Он сказал это по-осетински: «Мама фаезиан», как говорят взрослые мужчины. (Сам он погиб в тот же день).

— Может, тебе показалось?

— Нет, я видел. Она умерла.

Старшеклассник Влад Сикоев вынес из душевой воду в бутылках и раздавал ее детям.

Лариса Кудзиева, которой террористы в первый день предлагали стать шахидкой, открыла огромную сумку боевиков, стоявшую на полу, и быстро раздавала заложникам ее содержимое — печенье, конфеты, витамины. «Быстрее, быстрее», — приговаривала она, и Рита опять поразилась ее бесстрашию.

Голодные дети набросились на сладости. Иза, съев печенье и выпив воду, притихла.

— Она умерла? — спросила Вика Дзуцева.

— Нет, она спит.

Что будет с ними дальше? На окнах тренажерного решетки. В спортзале стреляют. Хорошо, хоть взрывных устройств здесь нет.

— А здесь — тоже большая мина, — услышала Рита. А вдруг она взорвется?

— Не взорвется. Ее обезвредил Каниди.

В тренажерный заглянул террорист: «Надо уходить. Крыша горит».

Заложники в сопровождении террориста прошли через спортзал. Под баскетбольным кольцом, недалеко от выхода в коридор, лежал один из близнецов Токмаевых.

— Мама, смотри, Асик умер, а глаза у него открыты, — сказала Анжела.

В столовой на полу сидели и лежали люди. Она узнала Марину Каркузашвили, которая была с детьми и мамой. В зале дочь Риты Анжела несколько раз просилась к пожилой женщине: «Хочу к той бабушке».

Марианна Рамонова, которая там, в зале, вспоминала: «У нас в холодильнике всегда — холодные соки», была с мамой Аллой и младшим братом Ирбеком.

Жанна Цирихова отстраненно наблюдала за происходящим вокруг. Рядом с ней сидела девочка с окровавленным лицом.

Там, на полу столовой, Рита почти не верила в спасение — под ударами снарядов рушились стены, куски кирпичей и штукатурки разлетались по помещению, многие из тех, кто лежал на полу, были уже мертвы.

— Я жить хочу! — кричала девушка-старшеклассница. — Я не хочу умирать!

На глазах Риты спецназовец лег на гранату. В маленького мальчика, который пытался выбраться в окно, попала пуля, и он остался лежать на сорванной с окна решетке.

... Когда Риту привезли из больницы, маленькая Иза отказывалась подходить к ней. Она смотрела на мать с непонятным страхом — возможно, та ассоциировалась у нее со всем, что ей пришлось пережить в спортзале.

Непонятную тревогу и испуг вызывал у нее и волк с перевязанной лапой из мультфильма «Ну, погоди!»: увидев его, она бежала в спальню и пряталась под одеяло.

Анжела ДИГУРОВА

В тренажерный зал вошел разъяренный террорист. «В душевой есть кто-нибудь?» — резко спросил он. «Нет», — послышались голоса заложников. «А мы сейчас проверим», — боевик пинком ноги распахнул дверь душевой, и в тишине ночи прогрохотала автоматная очередь. Пули веером прошли над головами Анжелы и ее дочери Дзеры, выбивая кусочки кафеля из стен.

Анжела вышла из душевой, едва держась на ногах.

На полу тренажерного зала лежали и сидели женщины с детьми и пожилые заложники, которых перевели сюда из спортзала второго сентября. Свободного места не было. Анжела прошла к одному из окон и втиснулась под ним в небольшое пространство, усеянное битым стеклом. Из окна, забранного металлической решеткой, тянуло ночной прохладой. Она взяла прислоненную к стене крышку парты, положила на пол и легла на нее с дочерью.

— Мы уйдем все вместе, — говорили заложникам террористы. — Кто — к Богу, кто — к Аллаху.

Анжела

Дзера

С чем она предстанет перед Богом? Анжела стала перебирать в памяти свои поступки: как мало хорошего она успела сделать!

Потом мысленно попрощалась с родителями, с мужем, с детьми. Как хорошо, что утром у мужа не завелась машина! Иначе и он, и ее двое сыновей тоже оказались бы здесь.

Старшую из детей, Дзеру, они отдали в первый класс в шесть лет. Теперь она была во втором.

Утром первого сентября Анжела собрала в школу Дзеру и одела младших детей — пятилетнего Заура и двухлетнего Владислава. Муж Валерий возился со своей «Нивой». «Не заводится, — сказал он. — Вы опоздаете». Анжела вызвала такси. «Оставь детей, — предложил Валерий. — Я побуду с ними».

Придя в школу, Анжела отвела дочь в класс, взяла у учительницы Ирины Захаровны книгу по чтению для Дзеры и решила вернуться домой, не дожидаясь начала праздника.

У ворот, выходивших в Школьный переулок, ее остановила соседка Фатима Есиева с двумя детьми — Миланой и Дианой. Подошла Татьяна Базрова с сыном Сергеем, которые тоже жили в их пятиэтажном доме.

— Мама, я думала, ты уже ушла, — сказала Дзера, когда Анжела нашла ее в спортзале.

В первый день мать и дочь вывела в душевую одна из шахидок. В следующий раз в дальний учительский туалет их сопровождал боевик. В главном коридоре бородатые террористы на молитвенных ковриках совершали намаз. Когда заложники шли обратно, намаз закончился, мужчины сворачивали свои коврики.

Больше заложников из зала не выпускали и воду не давали.

...За окном громыхнуло, вместе с порывом ветра в помещение влетели брызги дождя.

Анжела уснула.

На третий день, изможденная, она лежала на полу спортзала рядом с дочерью. Взрывная волна прошла над ней мощным порывом ветра. Анжела приподняла голову, не понимая, что произошло, но пытаясь прикрыть голову дочери. Осколок пробил ей челюсть, прошел через гортань и застрял в шее. Кровь тонкой струйкой полилась на лицо Дзеры.

— Мама, мы уже умираем? — испуганно прошептала она.

Еще не чувствуя боли, Анжела схватила своего ребенка, понесла к окну, выходившему во двор, подсадила на подоконник и крикнула:

— Беги, тебя там папа ждет!

Дочь стояла под окном и смотрела на нее.

— Беги, Дзера! — опять крикнула она, посмотрела вслед дочери и поняла: самой ей не выбраться: правая рука не двигается, словно отрублена топором, из раны в шее течет кровь, дышать становится все труднее.

Ей удалось вскарабкаться на недосягаемо высокий подоконник. Лежа на нем, она беспомощно двигала ногами, не в силах выбраться во двор. «Кому я нужна буду без правой руки?» — мелькнула мысль, но внезапно она ощутила, как шевельнулся палец на раненой руке, и закричала от радости.

— Помогите! — крикнула она женщине, которая спрыгнула во двор с того же подоконника.

Та потянула ее за левую руку, и Анжела свалилась на землю.

Лежа на земле, лицом вниз, Анжела хватала ртом траву — ей нестерпимо захотелось сочной, зеленой травы, омытой ночным дождем. Но разбитая челюсть не слушалась, ни одной травинки сорвать не удалось.

В спортзале опять что-то взорвалось, ее опалило зноем. Теряя силы, Анжела отползла дальше. Рядом, прижавшись к ней, лежала двенадцатилетняя Алина Цораева, ее соседка, — она и не заметила, как девочка оказалась рядом.

— А где Дзера? — спросила Алина.

— Убежала.

Они лежали на линии огня. Впервые в жизни Анжела услышала, как над головой ее свистели пули. И еще два выражения вспомнились ей: «описаться от страха» и «сердце кровью обливается».

Сердце ее обливалось кровью: у входа в спортзал лежала женщина, а из-под ее туловища виднелись детские ножки. И непонятно было, жива женщина с ребенком или нет.

Спортзал горел. Жар из окон опалял ноги, хотя они были метрах в десяти от его стен.

Анжела отползла вместе с Алиной в сторону мастерских.

Впереди, за стеной котельной, пряталась группа мужчин. Время от времени они выбегали из укрытия и подхватывали раненых, лежавших во дворе.

__ Там живые! — крикнул один из них, и несколько человек с носилками побежали в их сторону.

Анжела не помнит, как ее вынесли, как она оказалась в больнице.

Правую руку, полностью раздробленную, врачи ЦИТО собирали по кусочкам. А спустя год немецкие врачи извлекли осколок, застрявший меж ду ее шейными позвонками.

Альбина КАСТУЕВА

Стоило Альбине закрыть глаза, как маленькая ладошка дочери нежно касалась ее щеки: «Мама, открой глаза. Не умирай», — умоляюще произносила она.

Залине было восемь лет, она перешла во второй класс.

За три дня страх и бессонница притупили все чувства Альбины. Звуки слились в один нескончаемый гул. В голове — пустота. Невыносимо хотелось спать.

Она снова задремала. «Мама, не умирай», — опять сказала Залина. Альбина открыла глаза.

Двое молодых террористов что-то рассказывали друг другу и хохотали.

Громко плакал ребенок.

Иногда взрослые должны слушаться детей. Первого сентября Залина отказывалась идти в школу.

Когда в спортзале террорист застрелил Бетрозова, кровь из раны брызнула на Альбину и залила ей блузку. Одежда высохла на ней и стала жесткой.

— Куда они увели папу? — услышала Альбина. Недалеко от нее сидела семья Арчиновых: Борис, Индира, их старшая дочь Анжела и двое сыновей — Николай и Ахсар. Анжелу, которая была в зале с грудным ребенком, отпустили на второй день с Русланом Аушевым.

Бориса увели из зала вместе с мужчинами, и его долго не было.

Индира осталась в зале с сыновьями.

Старший, тринадцатилетний Николай, ученик кадетского училища, в этот день провожал вместе с родителями и сестрой в школу младшего брата, первоклассника Ахсара.

Пришел Борис. На лице его были страдание, боль и растерянность. Он был ранен.

Третьего сентября Индира с сыновьями погибла. Борис остался жив.

Один из террористов что-то резко говорил преподавателю физкультуры Ивану Константиновичу Каниди. Второй физрук, Алик Додтаевич Цаголов, сидя за спиной Альбины, возмущался: «Что они сделали с моим спортзалом!..».

В ночь на третье сентября Альбине приснился седобородый старец. «Не бойтесь, — сказал он. — Вы с дочерью не умрете и будете жить долго».

Залина уже не открывала глаза. Альбина перетащила ее к входу в кабинет физруков. Только раз за эти три дня Альбине удалось пройти в душевую и зачерпнуть для дочери воду из туалетного бачка пластиковым стаканом.

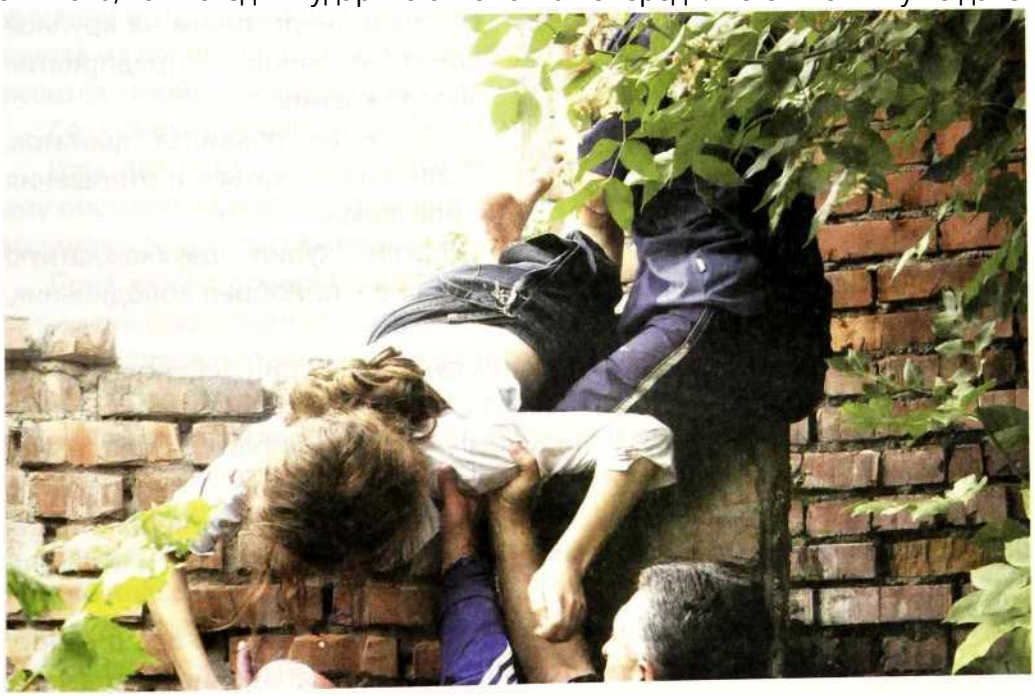
Теперь достать воду было невозможно. Повар Сима Албегова взяла Залину на руки (места на полу не было) и сделала ей искусственное дыхание. Альбина присела рядом.

— А ты что здесь делаешь? — перед Альбиной остановился рыжеволосый террорист. — Ты же вон там сидела! Пошла вон отсюда!

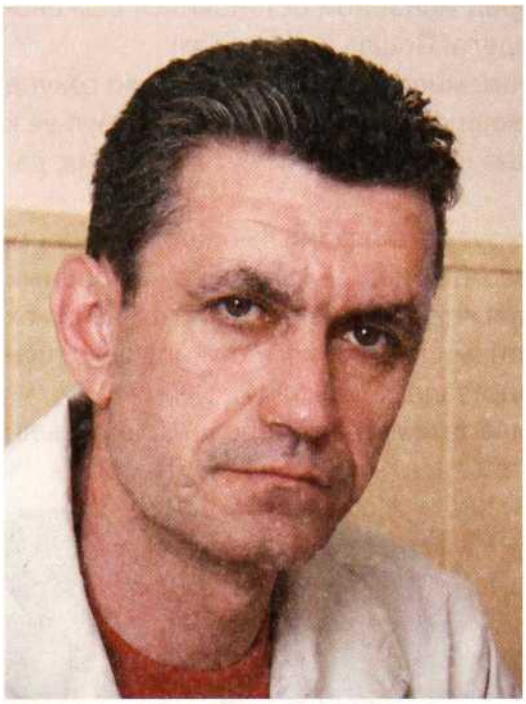
Альбина с дочерью вернулась на прежнее место. На несколько секунд она опять провалилась в беспамятство, и снова голос дочери вернул ее к действительности: «Мама, открой глаза, не умирай». И тут же: «Мама, давай убежим...».

... Сквозь густой туман, ничего вокруг не видя, они выбрались во двор. Яркий солнечный свет ударил в глаза. Альбина бежала через школьный двор, держа за руку Залину, не замечая, что на ней нет юбки, что на руках и обнаженных бедрах багровыми пятнами горят ожоги от кипящего пластика, который падал на них там, в спортзале.

Она услышала, как вслед им ударила автоматная очередь. Но они были уже далеко.



Сергей УРМАНОВ



Сергей

Их называли Ромео и Джульеттой — русского парня Сергея Ур- манова и осетинку Риту Ходову. Они любили друг друга, но их семьи были против их брака. И тогда Сергей украл ее. Родные от них отвернулись.

Для милых рай был и в шалаше. Они снимали самое дешевое жилье, скитались по общежитиям. Но вскоре Сергей, выпускник электрофака горнометаллургического института, устроился главным энергетиком на крупное спиртоводочное предприятие «Возрождение».

В семье появился достаток. Стали налаживаться и отношения с близкими.

Сергей купил двухкомнатную квартиру в центре Беслана, отремонтировал ее, приобрел холодильник, газовую плиту и стиральную машину.

В июле они с женой узнали, что у них будет еще один ребенок.

Каждое воскресенье супруги вместе с дочерью ходили в церковь, а любимой книгой маленькой Залины была детская Библия. «Папа, научи меня молиться», — просила она.

Он учил ее и с умилением слушал наивные мольбы дочери: «Чтобы папа и мама любили друг друга, чтобы попугай Кеша не болел и чтобы не было терактов».

Терактов в то лето было много — взрыв в Москве, у входа в метро, взорванные шахидками пассажирские самолеты и нападение на правоохранительные органы в Назрани.

По Беслану ходили тревожные слухи о том, что готовятся теракты и

в Осетии. Многие боялись ездить на рынки. В городе предпринимались меры предосторожности: по ночам улица, на которой жили Урмановы, перекрывалась бетонными блоками: их пятиэтажный дом был расположен рядом с райотделом милиции.

В сентябре шестилетняя Залина шла в первый класс. Ее отдали в первую школу, в которой когда-то учились отец Сергея, дядя, он сам, братья, сестры, племянники.

В последних числах августа Сергей заходил к директору Лидии Александровне, попросил, чтобы дочь записали в класс Галины Хаджиевны Батаевой. В школе продолжался ремонт.

— Успеете закончить до первого? — спросил Сергей директора. — Могу помочь. Сделаем все бесплатно.

— Спасибо, не надо, — сказала Лидия Александровна. — Они тоже берут недорого. Вот если бы вы смогли нам достать тены для электропечей... Их нигде нет.

Сергей съездил на завод, привез два тена.

В ночь с тридцать первого августа на первое сентября Сергею приснилась его прабабушка Евдокия Михайловна. Она умерла, когда Сергею было тринадцать лет.

Прабабушка молча вошла в его служебный кабинет и остановилась перед рабочим столом. Он отчетливо видел каждый цветочек на ее платье, каждую морщинку на лице. Евдокия Михайловна пристально посмотрела ему в глаза и сокрушенно покачала головой. Потом, не проронив ни слова, вышла из кабинета, еще раз взглянула на него, опять покачала головой и исчезла, пройдя сквозь стену.

Сергей проснулся с ощущением грозящей ему опасности.

Года два назад кто-то в благодарность за оказанную услугу подарил ему пистолет. Оружие в условиях жизни в «горячей точке» вещь необходимая. Он устроил тайник и надежно спрятал его.

Пока жена с дочерью одевались, Сергей извлек его из тайника, сунул за ремень брюк спереди и подошел к зеркалу. Пистолет оттопыривался на животе. Спрятал сзади — тоже видно. Сунул в носок заметно.

Он убрал его обратно в тайник.

__ Ну что, папа, идем? — счастливая Залина, одетая в новую школьную форму, держала в руках букет дорогих голландских роз. Розы были одного роста с ней, но отдавать их матери она не хотела.

Через пять минут Урмановы входили в переполненный детьми и родителями класс. Знакомых было много. Сергей обрадовался Тимуру Цалла- гову, который был с женой Ириной и сыном, и пошутил: «Что, опять одноклассниками будем?» (они вместе оканчивали первую школу).

Была и подруга Риты Рафа Габоева с мужем Юрием Айляровым и дочерью Светланой.

Учительница попросила родителей выйти во двор.

Они стояли у невысокого школьного крыльца — Сергей с Ритой, Тимур с Ириной и давний друг Сергея Казбек Дзарасов.

— Давай после линейки съездим с детьми во Владикавказ, — предложил Сергею Казбек, — пусть покатаются в парке на аттракционах.

— Договорились.

Сергей увидел вооруженных людей, которые бежали через полотно железной дороги. Потом крупным планом прямо перед собой — лицо в маске.

Маска была сшита наспех, неровный шов крупными стежками шел по лицу вертикально.

Сергей побежал с женой в школьный коридор, откуда еще не успели появиться первоклассники. У первого окна, выходившего из коридора на спортплощадку, он остановился, потрясенный зрелищем толпы, прижатой к окнам. Люди тянули вверх руки, царапали стекла. Сергей ударил кулаком по одному из стекол и стал втаскивать в окно детей и женщин.

За теми, кто бежал со двора по коридору, шел террорист и стрелял им под ноги. Сергей с Ритой побежали дальше и свернули в кабинет домоводства. В нем было около двухсот человек.

Только теперь Сергей заметил, что рука, которой он выбивал стекла, — в крови, и наспех перевязал ее носовым платком. Рита плакала, приговаривая по-осетински: «Мае сывэеллон каем ис?» («Где мой ребенок?»).

В зале Сергей встал и оглядел сидевших. «Здесь она, здесь», — услышал он и увидел на руках у знакомой женщины заплаканную Залину.

— Отползайте к стене, — сказал он жене и дочери. — Не сидите близко к проходу.

— Ныссабыр ут, ныссабыр ут («Тише, тише») — успокаивал Руслан Бе- трозов рыдающую толпу.

Все произошло мгновенно: террорист застрелил Бетрозова, а в следующую секунду дуло пистолета уперлось в затылок Сергея. От неожиданности и страха у Сергея отнялись ноги, и он рухнул на пол. «Пока не убивайте, — услышал он. — Они еще нужны».

Мужчин заставили вскрыть пол в спортзале. Сергей бил доски пола грифом штанги и вспоминал, сколько часов он, заядлый баскетболист, провел в этом зале на тренировках. Потом они носили доски, парты, шкафы и укрепляли школу.

После того, как работы были завершены, их завели в небольшой коридор без окон между кабинетом географии и спортивным залом и поставили в узком проходе на колени лицом к стене, спиной друг к другу.

«Мы должны вас уничтожить», — сказали им.

Рядом с Сергеем — его друг Казбек Дзарасов, с другой стороны — Ах-
темир Бадоев, которого все зовут Муратом (в Осетии новорожденным часто дают по два имени).

— Если даст Бог и они нас отпустят, — сказал Мурат, выразительно взглянув на боевика, — я всю свою родню увезу отсюда. Никого не оставлю.

Рубашка на его груди была мокрой от крови.

— Дай посмотрю, что у тебя там, — сказал Сергей.

— Не надо, все нормально.

Чуть дальше — телеоператор, которого Сергей видел утром во дворе, рядом с ним — Казбек Кониев, сотрудник райотдела милиции, Иван Карлов, слесарь, который в то утро производил профилактические работы в школьной котельной.

Каждого из них Сергей знал если не по имени, то в лицо.

Пришел мужчина с видеокамерой и долго снимал их.

— Ручка есть у кого? — спросил террорист, сидевший за столом.

— У меня, — ответил Сергей. Хотел ее бросить, но террористу это не понравилось.

— По полу! — потребовал он.

Сергей бросил ему ручку по полу. Этой ручкой была написана первая записка, в которой террористы изложили свои условия и указали номер телефона.

Две шахидки с закрытыми лицами стояли у кабинета географии. Из боевиков одни уже сняли

маски, другие еще оставались в них.

Ноги Сергея от стояния на коленях занемели. «Сядьте», — сжалился над ними один из боевиков. Сергей сел, вытянул вперед ноги и уперся ими в стенку.

Шахидки о чем-то громко спорили с боевиками. Говорили не по-русски.

«Нужно наклонить голову», — подсказал ему внутренний голос.

Сергей пригнулся. Коридор наполнился огнем. В этом клубящемся пламени он, словно со стороны, увидел себя. Потом ощутил слева удар по голове, словно кувалдой.

Душа его отделилась от тела. Он ощутил удивительную легкость и, уверенный в том, что уже умер, подумал: «Интересно, где я: в раю или в аду?». Откуда-то издалека до его слуха донесся стон, и он решил: «В аду».

Через некоторое время почувствовал боль в голове, биение собственного сердца и сильный удар в спину.

— Встань, — сказал террорист, — и отнеси голову!

Сергей ничего не понял.

Вокруг лежали истекающие кровью мужчины. Одни из них уже не двигались, другие громко стонали.

Снова удар по спине: «Отнеси голову к телу, я сказал!». Сергей оглянулся. Прямо за ним, на полу, лежала голова шахидки.

Он взял ее в руки. Вуаль, закрывающая лицо, сдвинулась, открыв нежное, с тонкими чертами, юное лицо. Взгляд открытых глаз казался еще живым.

Он отнес голову в кабинет географии, куда указал боевик, и приложил к тому, что осталось от взорвавшейся женщины.

Из ушей Сергея текла кровь, он почти ничего не слышал. Казбеку Дза- расову и Батразу Туганову приходилось кричать ему в ухо, повторяя приказ боевиков: «Надо заложить окна в кабинете».

В кабинете географии Казбек сбил Сергея с ног и повалил его на пол. Сергей не сразу понял, что произошло. Оказывается, боевики стреляли по ним из коридора (окна кабинета выходили и во двор, и в коридор, и он хорошо просматривался).

Ползая по полу, мужчины заложили окна, выходившие во двор.

Потом их заставили снимать с петель двери, укладывать на них убитых и раненых и уносить на второй этаж, в кабинет литературы.

В кабинете лежали несколько расстрелянных мужчин. Мужчины укладывали на залитый кровью пол мертвых и раненых и возвращались обратно на первый этаж, за остальными.

Сергей с товарищем внес в кабинет очередного раненого. Несколько мужчин сбрасывали в окно тела. Едва выбросили последнего, как по ним самим ударила автоматная очередь из коридора.

Сергей стоял у стены. Защищаясь от пуль, он инстинктивно вытянул вперед ладонь правой руки. Боевик снисходительно посмотрел на него и приказал: «Иди посмотри, живые еще есть?».

Сергей склонился над расстрелянными — двое были еще живы.

— Нет, — сказал он.

— Иди в зал.

В зале к нему подползли несколько женщин:

— Наших не видел?

— Они там, в другом кабинете, — солгал он, отводя взгляд.

В нескольких шагах от себя Сергей увидел свою сестру Ларису. Она прижимала к себе тринадцатилетнюю Яну, у которой был сахарный диабет.

Яна была без сознания, ее сводило судорогой.

— Что мне делать, Сергей? — сказала Лариса.

Он смотрел на умирающую племянницу и понимал, что бессилен помочь ей.

Мужчин опять вывели. Теперь надо было перепилить цепи на чердачной двери. Дверь чердака расположена высоко, пришлось соорудить «вышку» из стульев. Так, балансируя на них и поддерживая друг друга, втроем — Сергей и еще двое мужчин — долго пилили металл полотном от пилы.

Обратно в зал шли мимо столовой, возле которой стояли трое боевиков.

— Стойте! — приказал один из них. — Развернитесь! Сейчас убивать вас будем.

Мужчины остановились. Террористы передернули затворы автоматов и прицелились. Побежали секунды. «Как баран, — подумал Сергей. — Над ним заносят нож, и он, не сопротивляясь, ждет смерти».

Один из троих мужчин подбежал к боевику: «Не убивай! У меня дети, семья».

Боевик оттолкнул его.

— Ты боишься? — спросил террорист Сергея.

— Нет.

— А ты? — обратился он ко второму.

— Нет.

— Аты?

— Да, — ответил третий. — Я боюсь.

Террорист прострелил ему руку.

— Теперь идите.

Мужчина с простреленной рукой ушел в глубину зала, а Сергей со вторым сел спина к спине у прохода.

— Как тебя зовут? — спросил Сергей через плечо мужчину.

— Сергей Бзиев. А тебя?

— Тоже Сергей. Урманов.

— С днем рождения!

Помолчали.

— Слушай, ты в электрике разбираешься? — спросил Бзиев.

— Я энергетик. А что?

— Там провода надо посмотреть. Подползем — покажу. Придумал я кое-что.

Но добраться до проводов они не успели: их заставили закладывать книгами окна в кабинете музыки.

Книги носили из библиотеки.

В библиотеке, у окна, сидел террорист, которого Сергей мысленно называл арабом. На нем был черный плащ с арабскими надписями и головной убор тоже с арабской вязью.

«Араб» сидел как изваяние, слившись с пулеметом. Если бы не глаза, можно было подумать, что это восковая фигура. Глаза на этом неподвижном лице постоянно двигались, стремительно пробегая все точки пространства, которое было перед ним.

На полу стояло две канистры.

— Что это? — спросил Сергей второго боевика.

— Вода.

— Можно выпить?

— Нет.

Сергей посмотрел на него — сквозь прорези в маске было видно, что перед ним — русский.

Его опять вернули в зал, поставили на колени: «Успокой их, или умрешь».

Сергей понимал: успокоить людей уже невозможно. Он что-то говорил, но его никто не слушал.

— Пошли! — угрожающе сказал боевик.

Понимая, куда его ведут, за ними побежали Лариса и Рита.

— Оставьте его, это мой брат! — кричала Лариса.

Рита громко плакала.

— Ты же осетинка, — сказала вслед ей пожилая женщина. — Неприлично так проявлять свои чувства к мужу. Вернись к ребенку.

Боевик оттолкнул женщин, увел Сергея в кабинет осетинского языка и, остановившись в дверях, приказал: «Иди, встань вон туда!». Сергей вошел в кабинет. Террорист, стоя у входа, поднял автомат.

У окна на молитвенном коврике стоял на коленях террорист, очень похожий на араба, которого Сергей видел в библиотеке. Из небольшого портативного магнитофона перед ним слышалось песнопение на арабском языке. «Араб» повернул голову и что-то сказал боевику, который приготовился стрелять. Потом взглянул на Сергея: «Аллах дарит тебе еще несколько минут жизни. Только не мешай мне. Садись вон на это», — он показал на прессованные картонные коробочки из-под яиц.

Сергей придвинул одну из них и сел.

Судьба дарила ему отрезок жизни длиною в молитву мусульманина.

Когда-то они с ребятами спорили о том, чем отличается храбрый от труса. «Трус не умеет контролировать страх, — сказал Сергей. — Храбрый боится, но контролирует себя».

Смерти он уже не боялся. Единственным желанием его было выпить перед смертью глоток воды.

Недалеко, на полу, лежал разбитый цветочный горшок. «Если земля влажная, из нее можно выдавить несколько капель», — подумал он.

Араб продолжал молиться.

Сергей придвинул горшок, высыпал немного земли в подол футболки и выдавил несколько капель влаги в пустой флакончик из-под «Нафтизина», который был у него в кармане.

Удар прикладом по голове, потом по рукам — он не заметил, как к нему подошел террорист, стоявший в дверях.

— Что ты делаешь?

Сергей объяснил.

— Вставай.

Он вывел Сергея в коридор, поставил на колени и приставил автоматное дуло к затылку. Из дверей, ведущих в спортзал, в коридор вышла директор школы Лидия Александровна, держа за руки двоих детей.

— Куда? — возмущенный боевик повернулся к ней и бросил Сергею: — Иди в зал.

В спортзале его опять поставили на колени.

Лариса сидела на том же месте, только Яны с ней уже не было.

Сергей уже плохо воспринимал окружающее. Боевики, чем-то встревоженные, столпились в коридоре. В зале оставался только террорист «на педали».

Рита подползла к мужу.

— Идем, Сергей, пока их нет, — умоляла она. — Полежишь немного.

— Нет.

— Пошли, — Рита потянула его за собой.

Они добрались до стены. Рита силой придавила его к полу, и он почувствовал, как вокруг его шеи обвились руки дочери. Впервые за эти три дня он смог обнять свою маленькую Залину.

Прошло несколько минут.

Рита сидела, Сергей с Залиной лежали. Взглянув на мины, Рита произнесла: «Хоть бы скорее всё это взорвалось» и тут же упала лицом вниз, на Сергея. Ее убило осколком.

Залина была жива.

Сергей положил девочку между двумя мертвыми женщинами, бросил на нее тряпки и прикрыл собой. Недалеко от них зашипело и задымилось, потом взорвалось еще одно взрывное устройство.

Сергей продолжал лежать. Со стороны коридора по залу шел террорист, добивая раненых заложников.

— Не двигайся, — сказал Сергей дочери. — Сделай вид, что ты умерла.

Террорист не дошел до них несколько шагов. Напуганный усилившейся стрельбой, он скрылся в коридоре.

Из ноги Сергея, пульсируя, шла кровь: осколок задел крупный сосуд. Он сел, снял ремень с брюк и перетянул им бедро. Взял на руки Залину и, закрыв ей глаза тряпкой, понес в сторону коридора.

— Ты, свинья! Ты еще не сдох? — услышал он знакомый голос.

Это был террорист Абдулла.

Сергей очень удивился, когда спустя время узнал, что Абдулла — однофамилец его жены.

— Ну, пошли в столовую, — сказал террорист.

Сергей шел, падал, вставал и снова падал.

Добравшись до столовой, он лег на пол, прикрыв собой Залину.

Шел бой, по столовой летали пули, они рикошетили, отскакивая от металлических предметов, и убивали женщин и детей.

В помещение влетело что-то горящее; на Залине загорелась одежда. Сергей стал срывать с нее вещи и дико закричал от нестерпимой боли — пуля попала ему в копчик.

Он успел ощутить, как на него свалилось несколько мертвых тел, услышал полный ужаса крик дочери и снова, как при взрыве шахидки, почувствовал, как душа его отделяется от тела. Боль ушла, он был уже далеко и от столовой, и от своей мертвой жены, и от маленькой дочери.

«Есть кто живой?» — услышал он мужской голос, который доносился издалека.

Душа вернулась в тело, он ощутил тяжесть и боль. Поднял руку. Майор районного отдела милиции Кибизов взвалил Сергея на плечи и понес к окну.

— Держите! — крикнул он кому-то и стал спускать его вниз головой, держа за ноги.

Молоденькие солдаты жались под окном к стенке, прикрыв головы щитами.

— Держите! — кричал майор, с трудом удерживая его.

Наконец подбежали местные ребята, взяли Сергея, положили на носилки и понесли в сторону близлежащего дома.

— Да это же террорист, — сказал один из тех, кто нес его, и ударил Сергея в лицо.

Бросив носилки на землю, они стали избивать его с дикой яростью.

— Не террорист я, — слабо защищался Сергей. — Я Сергей Урманов, главный энергетик «Возрождения»! Я зять Ходовых из села Батако.

— Подождите. Может, он и вправду не террорист?

— Ты отвечаешь за него?

— Нет.

Его снова били. Сергей понимал: как только он потеряет сознание, его забьют до смерти.

В приемном отделении больницы, куда его привезли, он увидел заводскую лаборантку Свету.

— Дай мне воды, — взмолился он.

Она убежала в поисках воды.

Подошел еще один знакомый, заводской охранник.

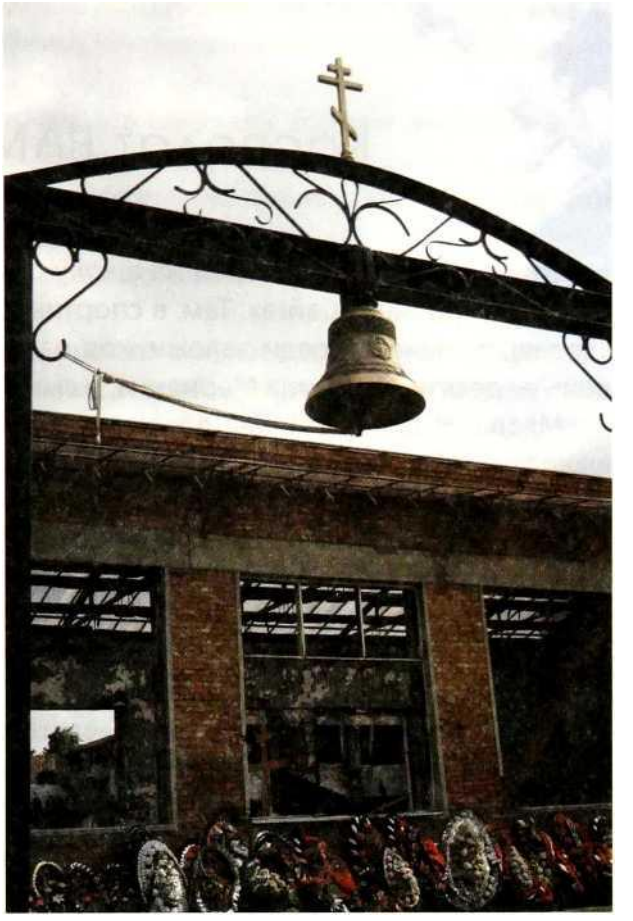
— Так, мы забираем его, это террорист, — услышал Сергей знакомый голос.

Возле него стояли парни, которые полчаса назад избивали его.

— Это наш энергетик, куда вы его забираете? — возмутился охранник.

— Это террорист!

— Это Сергей Урманов!



После короткой потасовки с охранником парни ушли.

Сергея увезли в больницу соседнего райцентра. По дороге он потерял сознание.

— Где мои вещи? — это был первый вопрос, который он задал медсестре, когда пришел в себя.

— Зачем они тебе? Они такие грязные и изорванные...

В пояс брюк, которые были на Сергее в школе, была вшита лента с его любимым 90-м псалмом, которую он купил в церковной лавке: «...не убоишься ужасов в ночи, стрелы летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень. Падут возле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но ктебе не приблизится...».

Его перевезли во Владикавказский военный госпиталь.

На похоронах жены и дочери Сергея несли на носилках.

Маленькая Залина умерла в машине, по дороге из Беслана во Владикавказ. «Не выдержало сердце», — сказали врачи.

Погибли сестра Сергея Лариса и обе её дочери.

Не стало дочери его младшего брата Алана, четвероклассницы Машеньки.

После теракта Сергей не смог больше жить в Беслане и уехал из Осетии.

У него есть небольшой бизнес и цель — построить часовню в память о тех, кто погиб в Бесланском теракте. В память о жене, которую он так любил, в память о дочери, которая так и не стала школьницей, в память о расстрелянных товарищах и сгоревших в огне спортзала женщинах и детях.

Именно для этого, считает он, Бог и даровал ему жизнь.

Касполат РАМОНОВ

Три дня Касполат смотрел на школу сквозь оптический прицел охотничьего карабина «Сайга». Там, в спортивном зале, над которым нависла зловещая тишина, среди заложников находилась его семья: жена Алла, дочь — десятиклассница Марианна, и сын Ирбек.

Младшей дочери Диане в момент захвата удалось вырваться из рук шахидки и убежать домой.

Он знал каждого из мужчин-заложников, которых в первый день поставили живым щитом в окнах коридора. Он видел, как их избивали, как по коридору второго этажа несли и вели раненых, а потом сбрасывали в окно тела расстрелянных.

Каждый взрыв, каждый выстрел пронизывал его болью. Но за кольцом оцепления знали: права на выстрел нет ни у кого — за каждого убитого боевика террористы грозятся расстрелять пятьдесят женщин и детей.

Третьего сентября его дочь Марианна погибла. Она была среди тех, кого террористы после взрывов вывели из спортзала в столовую.

В отличие от многих родителей Касполат смог в последний раз взглянуть в лицо своей мертвой дочери — ее хоронили в открытом гробу.

Касполат и Ирбек

...Тот сентябрь был на редкость дождливым. Касполат спал ночами на земле, рядом с могилой Марианны, накрывшись куском целлофана.

Он вспоминал.

«Папа, надень другую сорочку, эта не очень хорошо выглажена. А к этим брюкам подойдет вот эта». «Папа, ты не голоден?».

В какое бы время он ни вернулся домой, стоило скрипнуть входной двери, как раздавался голос Марианны: «Папа, это ты?».

Его обувь всегда была начищена до блеска — за этим тоже следила Марианна.

Ее не тяготила домашняя работа, она с радостью помогала родителям и ухаживала за младшими братом и сестрой. При этом она успевала хорошо учиться в школе.

Касполат никогда не повышал на нее голос, потому что в этом не было нужды: Марианна была не по годам взрослой и мудрой девочкой.

... В чистом поле, отведенном под новое кладбище, росли длинные ряды могил. На одних холмиках деревянные столбики с фанерными табличками смотрели на восток, другие — на запад: одни хоронили своих близких по христианской традиции, другие — по исламской (в Осетии всегда мирно уживались представители этих двух конфессий).

Как-то под утро к Касполату пришел продрогший котенок. Он забрался под целлофан, пригрелся под его боком и доверчиво замурлыкал.

Ему хотелось думать, что это — душа его умершей дочери.

Кладбище заполнилось. Касполат стал не только его смотрителем, но и психологом для тех, кто потерял близких. Он успокаивал измученных женщин, поил их чаем, держал под рукой аптечку, а тех, кто оставался на кладбище допоздна, отправлял домой насильно или отвозил их сам. С каждым родителем, потерявшим ребенка, он делил его горе, брал на себя частицу боли.

…С утра, обойдя кладбище, он дает распоряжения своим помощникам: «У ребенка — день рождения, а на его могиле — ни одного цветочка. Съезди на рынок и привези цветы. А ту могилу надо прибрать — родные давно не приезжали».

Зимой, едва выпадает снег, он садится в кабину снегоуборочной машины и принимается за дело. Весной и летом сам подстригает газоны, не дожидаясь приезда рабочих, — в «Городе ангелов» всегда идеальный порядок.

Отсюда все видится по-другому, поэтому у него свой критерий оценки людей: лучшие — спецназовцы, которые воевали в Беслане. А те, кто редко приходит к могилам своих детей, не заслуживают уважения.

Он никогда не простужается, хотя в домике смотрителя нет отопления. «Они оберегают меня», — говорил он, имея в виду обитателей «Города ангелов».

Но пережитое не прошло для него бесследно...

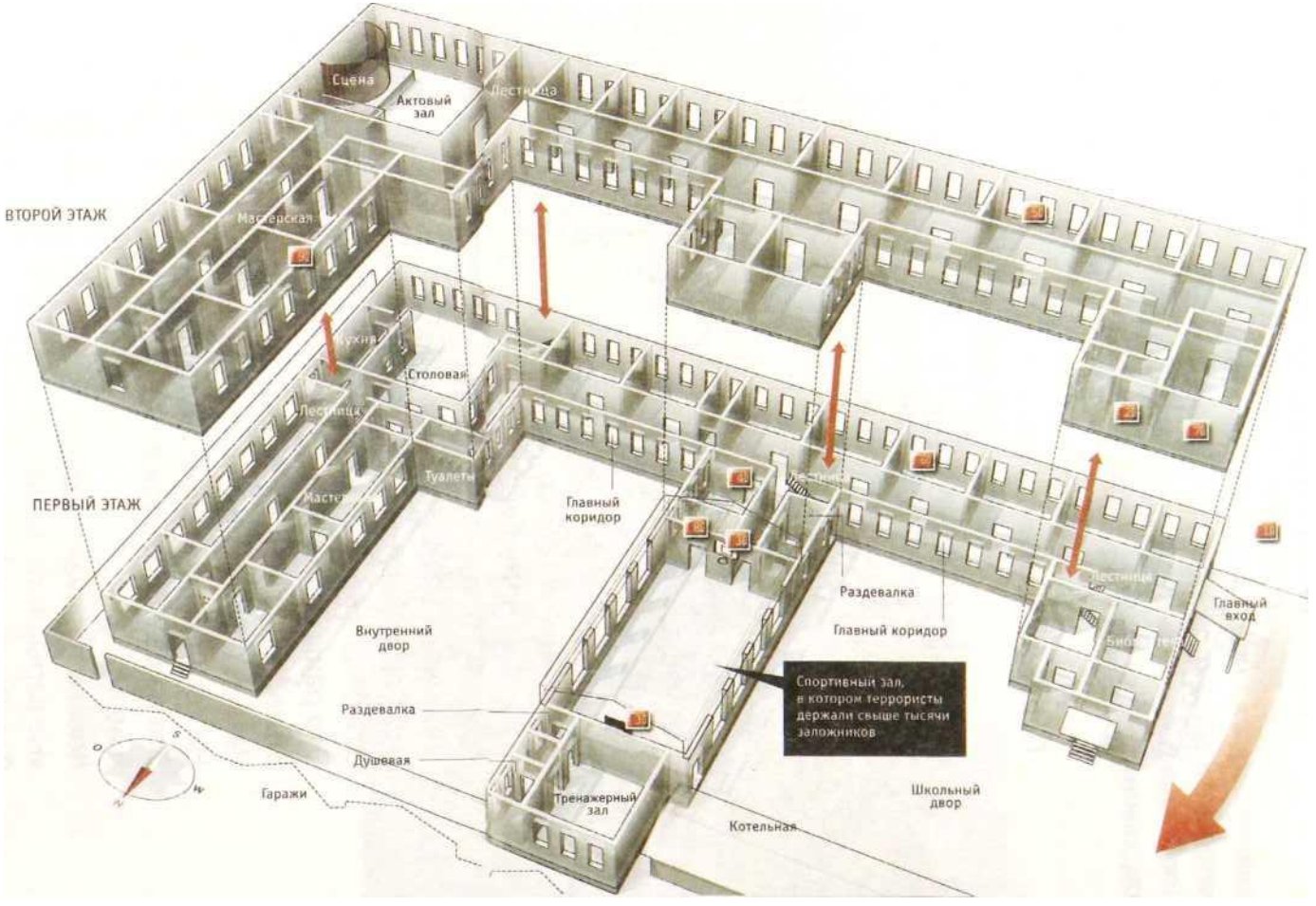
Вернувшись в Беслан после тяжелейшей операции и курса лечения в Московском онкологическом центре, Касполат по дороге из аэропорта попросил остановить машину возле мемориального кладбища. Прошел по бесконечно длинным рядам, вглядываясь в лица на памятниках, долго стоял у могилы дочери...

«Город ангелов»

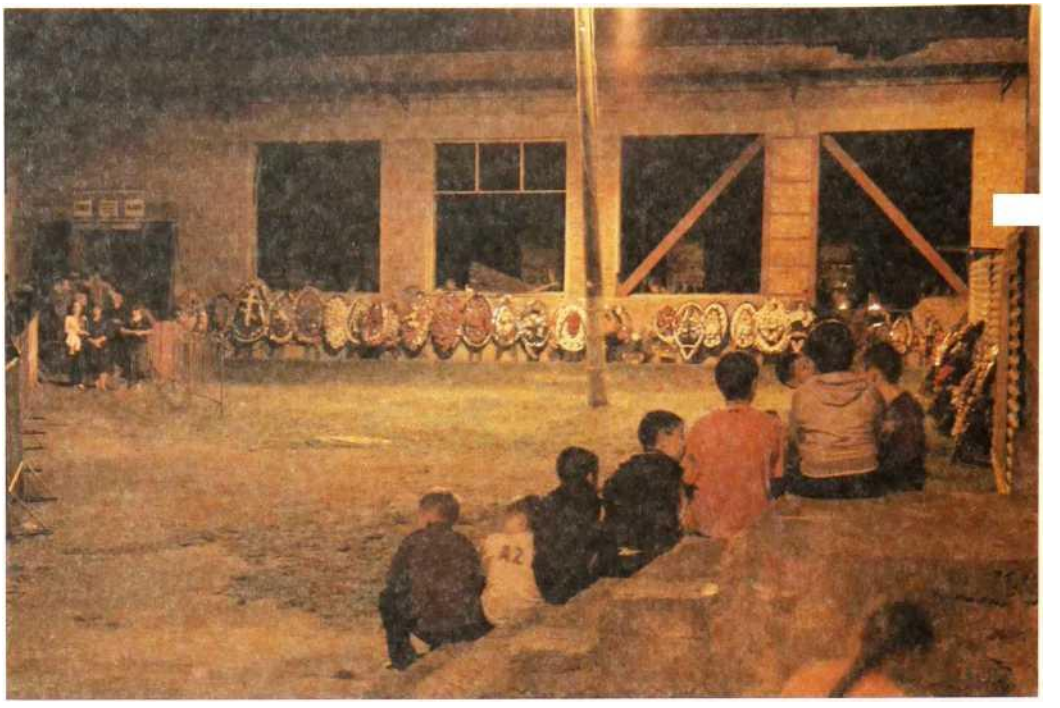
НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В МЕНЯ!

Не стреляйте в меня!
Я учиться хочу!...
Ах, зачем я, как ангел,
по небу лечу?!
Первый день сентября...
Сорван первый урок.
Этот день испокон —
праздник школы любой...
Но спортзал — как загон:
Там растяжки с пальбой!..
Я расти и любить эту землю хочу.
Но зачем в изголовье мне ставят свечу?!
Стынет огненный пепел на детских губах, —
Это наши мечты рассыпаются в прах...
Я не умер.
Я ангелом в небо лечу!
Это тело мое припадает к плечу.
Только в спину расстрелян спецназа боец:
Выносил он меня из огня, как отец.
Это школа Беслана парит в небесах...
Это Родина вся в материнских слезах.
Эти белые розы от крови черны...
Это раны распятой террором страны.
Знаю, нелюдей в масках возмездье найдет,
Развенчает и горькую чашу нальет...
Но сегодня я Ангелом Света лечу —
Это наша любовь зажигает свечу...
Я не плачу.
Вослед палачам я кричу:
«Не взрывайте меня!
Я учиться хочу!».

Лидия ХРИПКО, г.Троицк Челябинской обл.

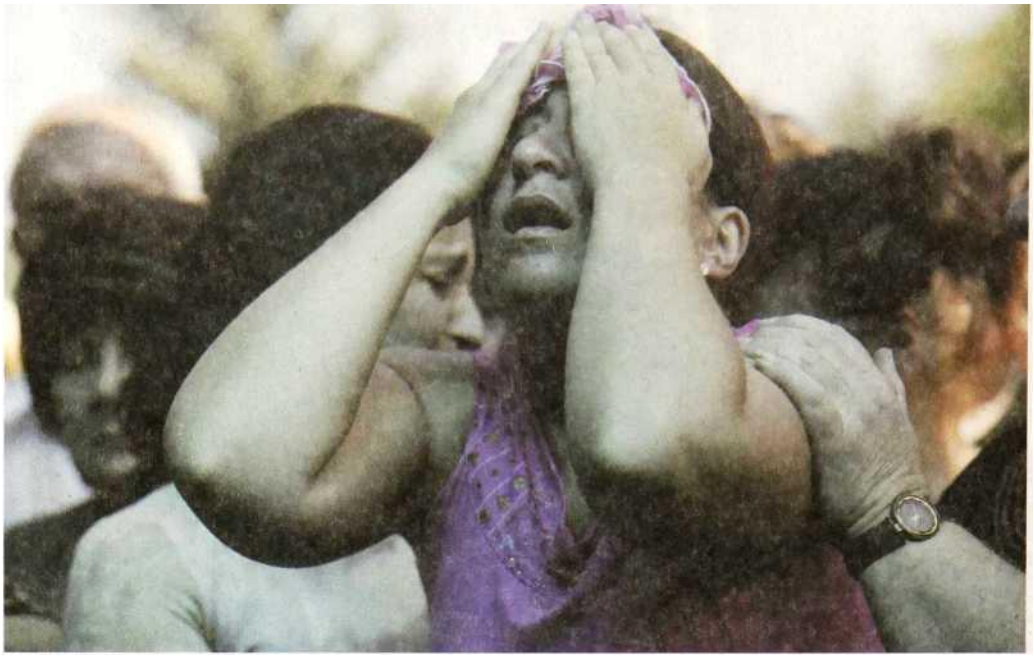


План школы №1. г. Беслан



Спортзал. «Ночь Памяти»

Форменное платье Веры Гуриевой



БЕСЛАН, СЕНТЯБРЬ 2004

БЕСЛАН, СЕНТЯБРЬ 2004

БЕСЛАН, СЕНТЯБРЬ 2004

БЕСЛАН, СЕНТЯБРЬ 2004

БЕСЛАН, СЕНТЯБРЬ 2004

Алан Гайтов (погиб)

ТЕРРОРИЗМУ
чеченская молодежь против террора
мы с вами
БЕСЛАН, ДЕРЖИСЬ!

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ...

Георгий
Тамерланович
1997

Альберт Казбекович
2001

Ирина Аликовна
1975

Светлана Юрьевна
1998

Тимур Михаилович
1968

АЛБЕГОВА
Залина Тамерлановна
1995

АЛИКОВА
Алина Анатольевна
1974

АЛИКОВА
Альбина Викторовна
1972

АЛИКОВА
Дарима Батурина
1961

Адырхаева-Аликова

а Аликовна
АЛИКОВА-БЕРЕЗОВА
1966
Серафима Аликовна
1959

АРСОЕВА
Софья Владимировна
1990

АНДИЕВА-КОЗЫР

ЕВА
Алла Таймуразовна
1969

В
сович
1997

АРШИНОВ
Николай Борисович
1991

АРЧИНОВА
Индира Ахсарбековна
1959

БАДОЕВ
Ахтемир Шамильевич
1957

Ш

БАДТИЕВА-ВАРЗИЕВА
Анжела Валерьевна
1972

БАЗРОВА
Дзерасса Ярославовна
1990

БАЗРОВА
Татьяна Сергеевна
1954

БАЛА
Александр
Александро
19

БАЛАНДИНА
Наталья Валерьевна
1975

БАЛИКОЕВА
Лариса Константиновна

БАЛИКОЕ
Светлана Ах
19

БАСАЕВА
Дзерасса Казбековна
1995

БАСКАЕВА
Диаиа Муратовна
1989

БАТАГОВ
Тимур Сосланбековнч
1991

БАТАГОВА
Алана Алановна
1998

БАТАГОВА
Юлия Алановна
1996

БАХРОМОВ
Амирхан Авазович 2000

БЕДОЕВ
Борне Владимир'
1952

БЕКМУРЗОВА
Зарема Гавриловна
1941

БЕКУЗАРОВА
Елена Сергеевна
1974

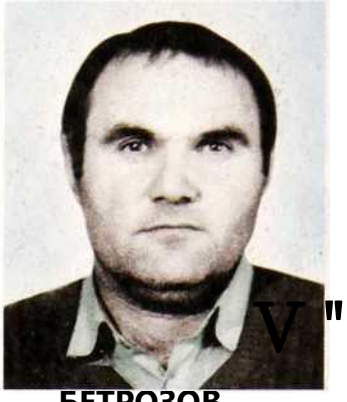
БЕРДИКОВ
Альберт Вердовнч
1993

БЕРЕЗОВА
Ирина Владимировна
1995

БЕРОЕВ
Аслан Зелимович
1979

БЕТРОЗОВ
Алан Русланович
1988

БЕТРОЗОВ
Аслан Русланович
1990



БЕТРОЗОВ
Руслан Рамазанович
1958

V " >

БИЦИЕВ
Заурбек
Эдуардович
1996

БИЧЕНОВ
Казбек Романович
1995

БОГАЗОВА
Фатима Борисовна
1990

БОЛЛОЕВ
Вадим Владимирович
1965

БОЛЛОЕВА
Зарина Вадимовна
1993

БОЛЛОЕВА
Мадина Вадимовна
1995

БОЛОТАЕВА
Эльвира
Алексеевна
1992

БУДАЕВА
Альбина Казбековиа
1966

БУДАЕВА
Валерия Олеговна 2001

БУРНАЦЕВА-КАБАНОВА
Эльвира Асланбековна
1961

ВАЛИГАЗОВА
Стелла Альбертовна
1992

ВАНИЕВ
Альберт Гивиевич
1985

ВАРЗИЕВ
Эрик Эльбрусович
1992

Гудс[illegible] Ка[illegible]довиаа 1951

ВАТАЕВА

Г абараев Эмзар
Сиваевич **1967**

ГАГАРЦЕВА
Виктория Олеговна
1996

ГАДИЕВА
Фатима Таймуразовна
1975

ГАИТОВ
Алан Заурбекович
1988

ГАЛАЕВА
Алина Уматгиреевна
1989

ГАЛСТЯН-МКРТЧАН
Амалия Арменаковна
1975

ГАППОЕВ
Руслан Харитонович
1970

ГАППОЕВА
Дзерасса Руслановна
1998

ГАППОЕВА
Наида Магомедовна
1963

ГАСИНОВА-ДЖИБИЛОВА
Эмма Лазаревна
1964

ГАЦАЛОВА
Агунда Тотразовна
1992

ГОДЖИЕВ
оман Маратович

ГОЛОЕВА
Кристина Джабаевна
2001

ГРИГОРЯН
Гагик Манукович
1974

Р

ГРИГОРЯН
Мелине Гагиковна 1994

ГРИГОРЯН
Наира Юрьевна

ГРИГОРЯН
Мирануш Гагиковна
1996

1976

Олеся Владимировна
ГУЛДАЕВА
1992

ГУБУРОВ
Сослан Владимирович
1995

ГУГКАЕВА
Инга Викторовна
1980

ГУРИЕВ
Борис Станиславович
1990

ГУРИЕВА
Вера Станиславовна
1992

ГУМЕЦОВА
Аза Александровна
1992

ГУТНОВ
Заурбек
Владимирович
1994

ГУТНОВА
Майя Казбековна
1959

ДАГУЕВА
Карина Сослановна
1988

ДАУРОВ
Георгий
Вадимович
2002

ДАУРОВ
Давид Владимирович
1994

ДАУРОВ
Таймураз Олегович
1997

ДАУРОВА
Вера Николаевна
1935

ДАУРОВА
Инесса Патваканович
1948

ДЖИБИЛОВА
Алана Руслановна
1992

ДЖИБИЛОВ
Борис Русланович
1995

ДЖИДЗАЛОВА
Эдита Константиновна
1976

ДЖИМИЕВ
Олег Казбекович
1989

ДЖИОЕВ
Артур Ахеарбековнч
1995

ДЗАГОЕВА
Жанна Горгаевна
1963

ДЗАГОЕВА
Ирма Валерьевна
1980

ДЗАМГ1АЕВ
Асяар Артурович 2002

ДЗАМПАЕВА
Аггнда Артуровна 1997

ДЗАРАСОВ
Аслан Казбекович 1994

ДЗАХОВА
Сабина Асланбековна
1992

ДЗГОЕВ
Хазби Хаджи
Муратович
1970

ДЗГОЕВА
Залина Аликовна
1996

ДЗГОЕВА
Анна Михайловна
1957

ДЗГОЕВА
Дзерасса Казбековна
1994

ДЗГОЕВА

Э.т4.
Ъаасае.&а

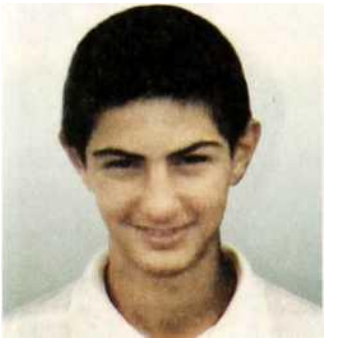
ДЗИОВА
Виктория Касполатовиа
1998

ДЗИОВА
Дзерасса Аслановна
1990

ДЗИОВА
Зарина Таймуразовна
1960

ДОГАН
Алана Сейфуллаевна
1995

А-ТАТРОВА
сарбековна
976



ДУДИЕВ
Сослан Ахсарбекович
1990

ДИЕВ
усович 1991

ДУДИЕВА
Алла Аслановна
1995

ДУДИЕВА
Изета Ахсарбековна
1997

ДУДИЕВА
Тина Харумовна
1939

ДЯМБЕКОВ
Майрам Сосланович
1998

ДЯМБЕКОВА
Луиза Сослановна
1995

ЕСЕНОВ
Георгий Александрович
1969

ЕСЕНОВА
Ольга Николаевна
1977

ЕСИЕВ
Эльбрус Викторович
1967

ЖУКАЕВА Марина Кирилловна 1973

ЗАМЕСОВ
Игорь Юрьевич
1992

ЗАМЕСОВА
н аталья Юрьевна
1994

ЗАПОРОЖЕЦ
Сергей Александрович
1992

К ВА
И на

КАНАХИНА
Мария Ивановна
1990

КАНИДИ
Иван Константинович

КАНТЕМИРОВА-
САЛКАЗАНОВА
Лариса
Тамбиеина

1961

КАНТЕМИРОВА
Азау Асланбековна
1992

КАНТЕМИРОВА
Светлана Кантемировна
1976

КАНУКОВА
Анжелика
Анатольевна
1991

КАРАЕВ
Юрий Тотразович
1953

КАРАЕВА
Нино Шалвовна
1988

КАРАКУЗАШВИЛИ
Лора Суликоевна 1967

КАРЛОВ
Иван Ильич
1932

КАРСАНОВА
Диана

КАРЯЕВА
Эмма Хасановна
1969

КАСТУЕВА
Зарина Олеговна
1992

КАЦАНОВА
Алана Муратовна
1989

КИСИЕВ
Артур Владимирович
1972

КИСИЕВ
Аслан Артурович
1997

КОДЗАЕВА
Элина Эдуардовна
1995

КОЗЫРЕВ
Ахшар Игоревич
1992

КОЗЫРЕВ
Тимур Витальевич
1995

КОЗЫРЕВА
Элона Витальевна
1993

КОКОВА
Оксана Руслановна
1989

КОКОЕВА
Анана Казбековна
1995

КОКОИТИ
Белла Мартиеина
1992

КОНИЕВ
Казбек Алиевич
1964

КОНИЕВ
Алн Казбекович
1997

КОЦОЕВ
Артур Измаилович
1966

КРЫЛОВА'АЗИЕВА
Злата Сергеевна
1970

КУДЗ
Зинаи
Влади

КУНДУХОВА
Кристина Альбертовна
1997

КУРНОСОВА
Светлана Ивановна
1949

КУСОВА
Анжела Альбертовна
1990

КУСОВА
Мадина Асланбековна
1993

КУСОВА
Марин Аркадьевна
1932

Кучиева- Шотаева
Альбнна Цараевка
1973

КУЧИЕВА
Зарина Шамильевна
1997

ЛОЛАЕВА
Алана Алановна
1994

МАКИЕВ
Станислав Георгиевич
1992

МАКИЕВА
Людмила
Александровна
1972

МАЛИЕВА
Светлана Аслановна
2001

МА
Арсен А

МАРГИЕВА
Эльвира Валикоевна
1992

М
Людмила Ник
1965

МИСИКОВ
Артур Альбертович
1974

МИХАИЛОВ
Александр Михайлович
1951

МКРТЧАН
Сатеник Гагиковна
1994

МОКРОВ

МОРГОЕВ
Таймураз Эльбертович
1995

МСОСТОВА-ГУЛДАЕВА
Эльза Акимовна
1969

МУЗАЕВА'САМАЕВА

МУКАГОВА-КУНДУХОВА
Г аира Бексоловиа
1954

НАЗАРОВА
Анастасия Геннадьевна
1994

Надежда Ивановна
1940

Светлана Валерьевна
1972

Сослан Евгеньевич
1995

Марина Олеговна
1992

Рнта Мухтаровна 1960

Элина Эльбрусовна

Зарина Рустамовна
1997

Вадим Сергеевич
1995

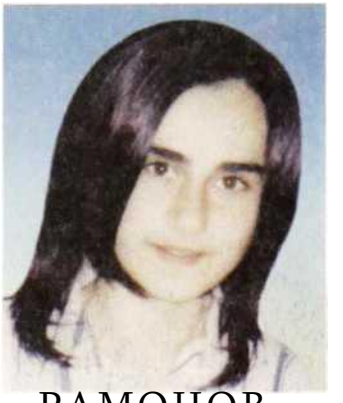
ОЗИЕВА
Марина Анзоровна
1975

Е ОСТАНИЙ
ленаПавловна
1966

ПЛИЕВАБЗИЕВА
Динара
Николаевна
1964

ПЛИЕВА
Алана Важаевна
1993

ПУХАЕВА
Мадина Автандиловна
1992



РАМОНОВ
А Мадиана Касполатовна
1989

РЕШЕТНЯК
Василий Викторович
1996

РУБАЕВ
Артур Бекмурзаевнч
1963

РУБАЕВ
Хасан Казбекович
1990

РУДЕНОК
Наталья Александровна **1975**

РУДИК
Юлия Сергеевна
1990

РУДИК
Яна Сергеевна
1992

РУСОВ-АЛИНЯН
Мартин Арутюнович
1994

РУСОВА
Ани Самвеловна
2000

РУСОВА
Рузана
Георгиевна
1976

САБАНОВ
Тарная Габулеевич
1915

САБЕЕВА

САЛКАЗАНОВА
Рада Валерьевна
2000

САПРОНОВА

Валентина Ивановна
1948

СИДАКОВ

Альберт Русланович
1971

Сидаков

Заур Вячеславович
1993

СИДАКОВА

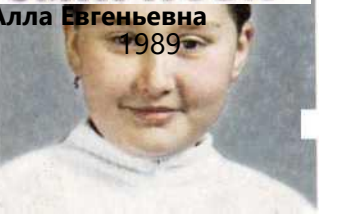
Дзерасса Саукузовна
1967

СИКОЕВА-МУРИЕВА

Галина Астеинровна
1968

СМИРНОВА

Алла Евгеньевна
1989



ВА
вна

СОКАЕВА

Альбина Владимировна
1992

СОКОЛОВА
Наталья Ивановна
1973

СОСКИЕВА
Ольга Николаевна
1951

СУЛЕИМАНОВ
Шамиль Игоревич
1997

ТАМАЕВ
Артур Рамазанович
1970

у —

ТАМАЕВ
Тотраз Артурович
1997

Тамаева- Савкуева
Инга Тамерлановна
1974

ТАУЧЕЛОВА
Светлана Артуровна
1991

ТЕБИЕВ
Заур Олегович
1995

ТЕБИЕВА
Альма Бексолтановна
1991

ТЕБИЕВА
Лариса Афанасьевна
1949

ТЕБИЕВАТУСКАЕВА
Альбина Владимировна
1973

ТЕДЕЕВА

ТЕТОВА

ТЕТОВА
Алина Вадимовна
1992

ТИГИЕВ
Сослан Борисович
1990

ТОКМАЕВ
Аслан Аланович
1994

ТОКМАЕВ
Сослан Аланович
1994

ТОКОВА
Алина Алановна
1995

Л

на

Бор

ТОТИЕВА
Дзерасса Константиновна
1989

ТОТИЕВА
Альбина
Таймуразовна
1993

ТОТИЕВА
Любовь Таймуразовна
1992

ТОТИЕВА
Лариса Таймуразовна
1990

ТОТРОВА
Марина Руслановна
1993

ТОХТИЕВ
Азамат
Эльбрусович
1989

ТРЕТЬЯКОВА
З *и*н а *и*д а Ф нлнновна
1927

ТУАЕВ
Х е т а г Георгиевич
1993

ТУАЕВА
Вина М анрбековна
1988

ТУАЕВА-КОНИЕВ А
Жанна Бесланович
1965

Пагсл Выслана сту\шп & нхши сеудца

ТУГАНОВ
Баграз Георгиевич
1968

УРМАНОВА
Залина Сергеевна
1998

УРМ
Мар

УРМАНОВА
Рита Сергеевна
1965

УРМАНОВА-РУДИК
Лариса Владимировна

Алексан
1972 **1996**

ФАРНИЕВА
Кристина Алановна
1988

ФАРНИЕВА-КУЛОВА
Лариса Майрамовна
1957

Ф
Русла
1967

"А.^1

ФРАЕВА
Фаризат Асланбековна
1930

ФРИЕВА
Елена Сергеевна
1995

ХАЬЛИЕВ
Батраз Эдуардович
1992

ХАДИКОВ
Ислам Аланович 1989

ХАДИКОВА
Ирина Сергеевна
1990

ХАДИКОВА'БОГАЗОВА
Серафима
1937

ХАЕВА
Эмма Владиславовна
1992

ХАМАТКОЕВА

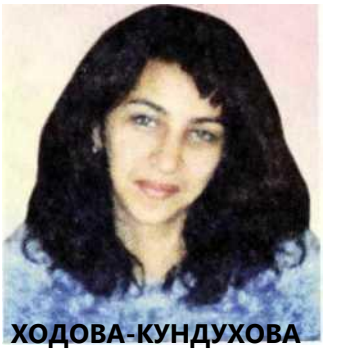
Iггг%ЬшЛ ЛР'МШЯ
ХАМИЦАЕВА-
ДЗАМГ1АЕВА
Светлана
Дударввна
1976

ХАНАЕК-ЦИРИХОВА
Ирина Захаровна
1930

ХАУТОВА'ШАВЛОХОВА
Зарема Николаевна
1940

ДЗАМПАЕВА' ХЕТАГУРОВА
Таясия Каурбековна
1970

ХОДОВ
Владимир Маирбекович
1994



Алла Тамерлановна
1976

Маднна Анатольевна
1972

Э.т4. Василева

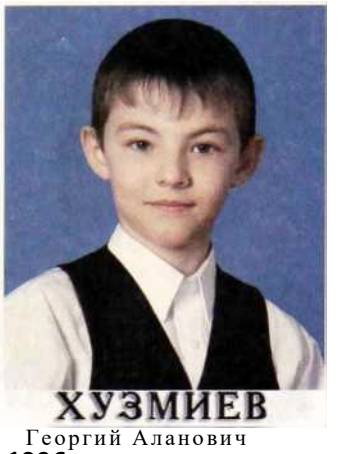
ХУБАЕВА-БОЛОТАЕВА
Фатима Хазбиевна
1%7

ХУБЕЦОВА
Алина Феликсовна
1993

ХУДАЛОВ
Бексолтан Батразович
1997

ХУДАЛОВ
Георгин Эльбрусович
1994

ХУДАЛОВ
с/льбрус Дзамболатович
1951



ХУЗМИЕВ
Георгий Аланович
1996

ХУЗМИЕВА
Стелла Алановна 1997

ХУЦИСТОВ
Азамат Борисович
1978

ЦАБОЛОВ
Марат Аланович
1994

ЦАЛЛАГОВ
Тимур Борисович
1969

ЦАРАХОВ
Эльбрус Таймуразович
1992

ЦАРАХОВ
1амерлай Таймуразовнч
1991

ЦИБИРОВА
Тамирнс Валерьевна
1994

ЦИНОЕВА
Инга Батразовна

ЦИРИХОВА
Елизавета Казбековна
1996

ЦИРИХОВА
Тина Асахметовна
1945

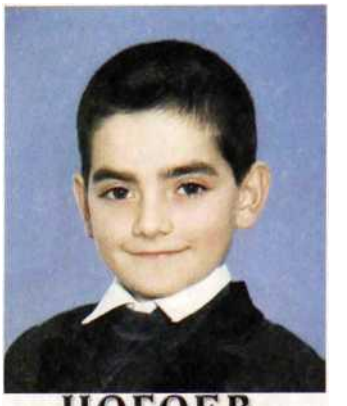
ЦКАЕВ
АхсарбекУралбекович
1993

ЦКАЕВА
Кристина Руслановна
1994

ЦКАЕВА
Фатима Борисовна
1974

N

ЦОГОЕВ



ЦОГОЕВ
Виктор Казбекович
1991

1 / /
ЦОГОЕВА
Залина Мусаевна
1963

ЦОГОЕВА
Джульетта Казбековна
1990

ЦОЙ
Светлана Сергеевна

ЧЕРДЖИЕВА
Роза Тимофеевна
1938

.Зелимхан Валерьевич
1995

ШАВЛОХОВ
Аслан Борисович

ШАХУРИНА-БАТАГОВА
Марья
1998

Велько
Андрей Витальевич

Ильин
Олег Геннадьевич

Катасонов
Роман Юрьевич

Кузнецов Михаил Борисович

Аоськов Олег Вячеславович

Маляров
Вячеслав Владимирович

Перов
Александр Валентинович

Пудовкин Денис Евгеньевич

Разумовский
Дмитрий Александрович

Туркин
Андрей Алексеевич

Кормилин
Дмитрий Иванович

Замараев
Валерий Валентинович

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 5
Ирина ПХАЛАГОВА 6
Алета САБАНОВА 13
Залина НОГАЕВА 19
Казбек МИСИКОВ 24
Заур АБОЕВ 30
Диана ГАДЖИ НОВА 34
Вика и Артур КЦОЕВЫ 38
Александр ЦАГОЛОВ 43
Лариса МАМИТОВА 48
Регина САНАКОЕВА 61
Римма ЦОМАРТОВА 63
Санта ЗАНГИЕВА 66
Бэла КОКОЕВА 71
Тереза КОКОВА 74
Фатима МУРТАЗОВА 77
Фатима ХОСОНОВА 82
Амина КАЧМАЗОВА 85
Рита ДЗГОЕВА 87
Ирина КЕСАЕВА 92
Инна АРЬКОВА 96
Диана ГУТИЕВА 99
Земфира АГАЕВА 101
Ирина КАНГЕМИРОЗА 106
Мадина САСИЕВА 108
Зарина ЦИРИХОВА 111
Земфира УРУСОВА 117
Загират ВЕРДИ КС В А 121
Юрий и Рафа АЙЛЯРОВЫ 123
Альбина ДЗ ЕСТ ЕЛО ВЛ-КОЗЫ РЕВА 131
Людмила ГУДИЕВА 135
Фатима ГУТИЕВА 140
Азамат МУКАГОВ 144
Наташа САТЦАЕВА 147
Марина ДАРЧИЕВА 149
Мурат КАЦАНОВ 154
Мадина ДЗАНДАРОВА 161
Марина КАРКУЗАШВИЛИ 170
Аида АРЧЕГОВА 172
Лидия ХОДОВА 175
Светлана ДЗЕБИСОВА 178
Залина ЛЕВИНА 184
Серафима БАСИЕВА 189
Алан ЕСИЕВ 193

Вика КАЛЛАГОВА 196
Мадина КУДЗИЕВА 199

Алета ХАСИЕВА 203
Эльмира МАЛИЕВА 207
Зита СИДАКОВА 209
Ляна БАРАЗГОВА 215
Зара ДУДАРОВА 222
Ольга ЩЕРБИНИНА 228
Фатима АЛИКОВА 233
Галина ДАГУЕВА 245
Лариса ТОМАЕВА 248
Вика ГУСЕЙНОВА 255
Надежда ГУРИЕВА 259
Ирина ЦАЛЛАГОВА 267
Эльза ДЗЕБОЕВА 274
Татьяна СВЕТЛОВА 277
Анжела КОДЗАЕВА 281
Ацамаз КЦОЕВ 285
Фатима ДУДИЕВА 288
Вика ДЗУЦЕВА 291
Ирина НАЛДИКОЕВА 294
Ирина ХУДАЛОВА 297
Ирина МИТДЗИЕВА 303
Раиса ЖУКАЕВА 306
Оксана АРЧЕГОВА 311
Валерий МУРТАЗОВ 314
Мадина ТОКАЕВА 318
Лена и Залина ВАЗАГОВЫ... 321
Анжела ПАРСИЕВА 326
Элина КОНИЕВА 328
Фатима КОНИЕВА-ДОЕВА.... 330
Казбек ДЗАРАСОВ 334
Зинаида УРУЦКОЕВА 341
Сима АЛБЕГОВА 347
Надежда БАДОЕВА 351
Елена КАСУМОВА 355
Мадина ТОТИЕВА 361
Фатима ДЗГОЕВА 365
Джульетта ГУТИЕВА 369
Марина КОЗЫРЕВА 372
Ирина ДЗАГОЕВА 377
Лидия УРМАНОВА 382
Светлана ОРОС 388
Светлана ПЕЛИЕВА 391
395
399
402
408
414

Лариса СОКАЕВА-ДЖУМОК
Майя ХАНИКАЕВА .....
Атикат КОНИЕВА .....
Альбина БУТАЕВА-ДЗГОЕВА.
Светлана БИГАЕВА .....

Кира ГУЛДАЕВА 420
Людмила КОКАЕВА 425
Аслан ЕСЕНОВ 429
Марита МАМСУРОВА 432
Татьяна ТЕТОВА 436
Вера САЛКАЗАНОВА 439
Тимур АЛЕРОЕВ 445
Белло ДЗЕСТЕЛОВА 449
Дзерасса БУДАЕВА 452
Оксана ДЗАМПАЕВА 458
Валентина ХОСОНОВА 465
Зарина БУГУЛОВА 468
Аза ЦАХИЛОВА 472
Анжела СИКОЕВА 475
Владислав МОКРОВ 480
Фатима МЕЛИКОВА 482
Айтег КАМБОЛОВ 497
Бэла АВСАНОВА 504
[illegible] 509
..... 513
..... 518
Жпиип МИРМУОВА 520
..... 525
..... 528
..... 530
..... 532
..... 535
..... 537
Дппп ПЛРДГ'ТДРПД К'ОК'ПРКА 540
..... 547
..... 551
..... 555
..... 556
ДОЛИДДРОПД 560
..... 568
..... 570
..... 577
ТДРУДЦППА 580
Д А 1/ ДРТЧ/СО Д 586
[illegible] 598
НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В МЕНЯ! 601

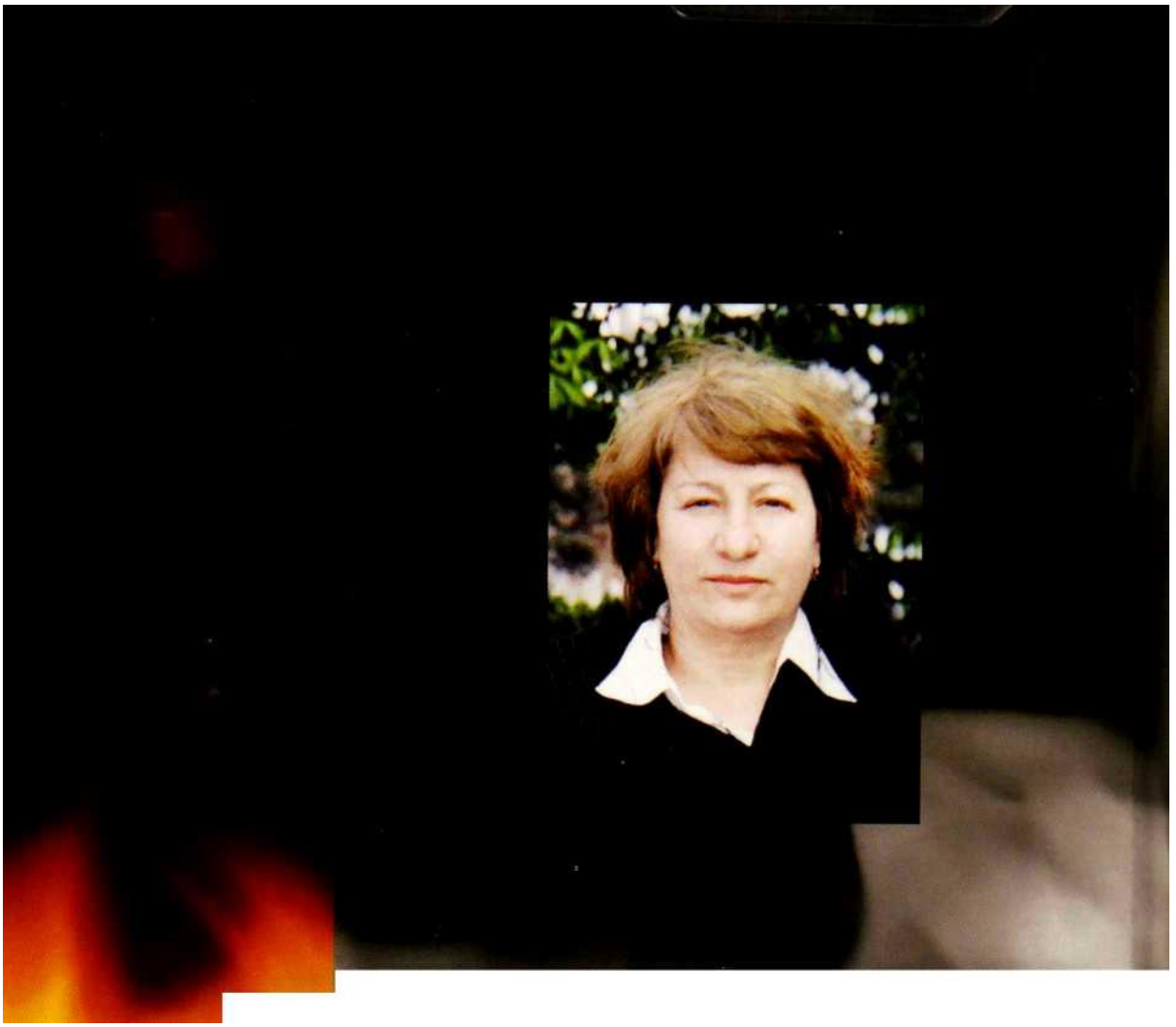
ПЕПЕЛ БЕСЛАНА СТУЧИТ В НАШИ СЕРДЦА

Книга издана в редакции автора

Технический редактор	*Маслов Е.Н.*
Компьютерная верстка	*Черная А.В.*
Корректор	*Кодзаева КМ.*
Дизайн обложки	*Макарова Е.Н.*

Подписано в печать 23.01Л2.
Формат бумаги 70х100 V_{16}. Гарнитура «Мупаб». Уел. п.л. 52,9.

Заказ № 19. Тираж 100 экз.



Баскаева Эльза Александровна,

[

заслуженный работник культуры Северной Осетии, член Союза журналистов России. Более 30 лет проработала в печатных СМИ республики. В 2004 году была редактором Бесланской районной газеты «Жизнь Правобережья», на базе которой два года издавалось приложение «Голос Беслана». Среди заложников первой школы находилась ее дочь, фотокорреспондент Фатима Аликова.

